

СТИВЕН КИНГ

Бесплодные земли

Annotation

Яркое продолжение самой темной саги. Испытания для Роланда продолжаются, выдержит ли он это? Скорее всего да, но выдержат ли этот путь его спутники? На это вопрос пока нет ответа.

- [Стивен Кинг](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Глава 1. МЕДВЕДЬ И КОСТЬ](#)
 - [Глава 2. КЛЮЧ И РОЗА](#)
 - [Глава 3. ДВЕРЬ И ДЕМОН](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Глава 4. ГОРОДОК И КА-ТЕТ](#)
 - [Глава 5. МОСТ И ГОРОД](#)
 - [Глава 6. ЗАГАДКА И БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ](#)
 - [Послесловие автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Стивен Кинг

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

С благодарностью посвящаю третий том этой истории моему сыну ОУЭНУ ФИЛИПУ КИНГУ.

Кхеф, ка и ка-тет

Предисловие автора

«Бесплодные земли» – третья книга долгого повествования, навеянного и до какой-то степени основанного на эпической поэме Роберта Браунинга «Чайльд Роланд к темной башне пришел».

В первой книге, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», преследует и наконец настигает человека в черном, колдуна по имени Уолтер, который обманом завоевал дружбу отца Роланда в те давние дни, когда Срединный Мир не утратил еще своей целостности. Погоня за этим недочеловеком – чернокнижником не являлась конечною целью Роланда. Эта погоня была лишь, скажем так, еще одною дорожной вехой на пути к могучей и таинственной Темной Башне, что стоит в узле времени.

Кто такой Роланд? Каким был его мир до того, как он сдвинулся с места? Что это за Башня и почему он так к ней стремится? Ответы есть, но они лишь обрывочны. Ясно, что Роланд – своего рода рыцарь, одержимый мечтой удержать (или, может быть, восстановить) тот мир, который он помнит как «исполненный любви и света». Но, насколько мир этот соответствовал воспоминаниям Роланда, остается, однако, неясным.

Мы знаем, что Роланд рано прошел испытание и получил право зваться мужчиной. Случилось это после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, колдуна, который был много могущественнее Уолтера. Мы знаем, что Мартен специально подстроил так, чтобы Роланд узнал об измене матери – подстроил, надеясь, что парень не выдержит испытания, и его «изгонят на Запад» в пустынные земли. Мы знаем, что Роланд разрушил планы Мартена, с честью пройдя испытание.

Еще мы знаем, что мир Роланда неким непостижимым образом тесно связан с нашим с вами миром и что иной раз бывает возможно пройти из одного мира в другой.

На заброшенной дорожной станции у бывшей торной дороги, что пролегает через пустыню, Роланд встречается с мальчиком по имени Джейк, который погиб в нашем мире: кто-то столкнул его с тротуара на углу одной из манхэтенских улиц прямо под колеса автомобиля. Умирая, Джейк Чемберс увидел еще, как над ним наклоняется человек в черном – Уолтер, – и очнулся уже в мире Роланда.

Как раз перед тем, как они добрались до человека в черном, Джейк умирает опять... на этот раз потому, что Роланд, второй раз в жизни

поставленный перед жутчайшим выбором, решается все же пожертвовать своим – в символическом смысле – сыном. Поставленный перед выбором: Башня или ребенок, – Роланд выбирает Башню. Прежде, чем упасть в пропасть, Джейк еще успевает сказать Роланду: «Значит, иди... есть и другие миры кроме этого».

Последняя схватка... последнее противостояние Роланда и Уолтера происходит на запыленной голгофе, усыпанной разлагающимися костями. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро, приоткрывая ему его будущее. Особенное внимание Роланда привлекают три очень странные карты: Узник, Госпожа Теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие второй книги, «Извлечение троих», начинается на берегу Западного моря вскоре после того, как завершилась последняя схватка Роланда с Уолтером. Обессиленный стрелок просыпается в самый глухой час ночи и видит, что волны прилива вынесли на берег ползучих чудовищ – плотоядных «омарообразных» тварей. Прежде чем он успевает уйти за пределы их досягаемости, ползучие твари наносят Роланду серьезные раны. Стрелок лишается двух пальцев на правой руке. В добавок к этому твари оказываются ядовитыми. Роланд возобновляет свой путь на север по берегу Западного Моря, но яд начинает действовать... стрелок слабеет... может быть, умирает.

По пути ему попадаются три двери, стоящие прямо на берегу. Все они открываются в наш мир – и открыть их способен только Роланд и никто другой, – а точнее, в тот самый город, где когда-то жил Джейк. Трижды Роланд посещает Нью-Йорк, каждый раз – в новом отрезке времени, с целью спасения собственной жизни и извлечения тех таинственных «троих», которые призваны стать его спутниками на пути к Башне.

Эдди Дин – Узник – наркоман, пристрастившийся к героину в Нью-Йорке конца 1980-х годов. Шагнув в своем мире через дверь на берегу, Роланд оказывается в сознании Эдди Дина, когда тот, подвизавшийся «кокаиновым толкачом» у некого Энрико Балазара, сидит в самолете, совершающем посадку в аэропорту Джона Кеннеди. В ходе их совместных рискованных походов Роланду удастся раздобыть себе немного пенициллина и перетащить Эдди Дина в свой мир. Эдди, наркоман, обнаруживший, что в этом мире, куда его «выцепил» Роланд, никакой наркоты нет и в помине (равно как нет и жареных цыплят от Попея), само собой, не испытывает никакой буйной радости от здешних красот.

Вторая дверь выводит Роланда к Госпоже Теней, а если точнее – к двум женщинам в одном теле. На этот раз Роланд оказывается в Нью-Йорке конца 1960-х и сталкивается с юною активисткой, прикованной к

инвалидному креслу, яркой поборницей гражданских прав черного населения Америки Одеттой Холмс. Но под оболочкой Одетты таится еще одна женщина: коварная и преисполненная черной ненависти Детта Уокер. Когда Роланд перетаскивает эту женщину с двумя лицами в свой мир, ее пребывание там грозит самым тем, что ни на есть непредсказуемым результатом как для Эдди, так и для стрелка, который быстро теряет силы из-за своей болезни. Одетта уверена, что все, с нею происходящее, это либо сон, либо бред; Детта, чей разум не столь изошрен, но зато более груб и, если так можно выразиться, прямолинеен, не терзает себя долгими раздумьями, а полностью сосредотачивается на том, как бы прикончить Роланда и Эдди, которые в ее глазах предстают как «белые ублюдки», которым только и забава, что поглумиться над чернокожей калеккой.

За третьей дверью стрелка поджидает Смерть – Джек Морт, серийный убийца (Нью-Йорк середины 1970-х). С подачи Морта в жизни Одетты Холмс/Детты Уокер дважды происходили необратимые изменения, хотя ни та, ни другая об этом не знали. Морт, чей *modus operandi* заключается в том, чтобы толкнуть свою жертву или сбросить чего-нибудь ей на голову сверху, за время своей безумной (и все же такой осторожной) «карьеры» успел опробовать на Одетте и то, и другое. Когда Одетта была еще девочкой, он сбросил ей на голову кирпич, из-за чего девочка долго потом пролежала в коме, а злобная Детта Уокер, сокрытая сестра Одетты, появилась на свет. Многие годы спустя, в 1959, пути Одетты и Морта пересекаются вновь, на станции подземки в Гринвич-Виллидж, и на этот раз Морт сталкивает ее под колеса прибывающего поезда. И снова Одетта не погибает, но ей приходится заплатить страшную цену: она попадает под поезд, и ей перерезает ноги по колено. Только присутствие героического молодого доктора (или, быть может, уродливый, но неукротимый дух Детты Уокер) спасло ей жизнь... по крайней мере, так это смотрелось со стороны. Для Роланда эта взаимосвязь предполагала наличие некоей силы, гораздо более мощной, чем простое совпадение: титанические силы, окружающие Темную Башню, похоже, пришли в движение и опять собираются воедино.

Роланд понимает, что Морт, вероятно, стоит в самом сосредоточии еще одной загадки, таящей в себе потенциальный разрушительный для человеческого разума парадокс. Потому что в то время, когда в жизнь Морта входит стрелок, тот избирает в очередную жертву не кого-то иного, а Джейка, того самого мальчика, которого Роланд встречает на дорожной станции и теряет в пещерах под горной грядой. У Роланда не было причин сомневаться в рассказе Джейка о том, как он погиб в нашем мире, не было

у него и причин сомневаться в том, что Джейка убил Уолтер. Джейк видел его одетым как священник в толпе, что собралась в том месте, где он умирал, и Роланд узнал по его описанию человека в черном. Сомнений быть не могло.

Он и сейчас в этом не сомневался: это был Уолтер, о да, вне всяких сомнений. Но допустим, что это Джек Морт, а не Уолтер, столкнул Джейка под колеса приближающегося «кадиллака»? Такое возможно? Роланд не мог бы с уверенностью утверждать, но если так оно и было, то где Джейк сейчас? Что с ним стало? Умер он? Или жив? Затерялся где-то во времени? И если Джейк Чемберс жив в своем мире в Манхэттене середины 1970-х, то почему Роланд помнит о нем, об их встрече тогда, на дорожной станции?

Не взирая на этот смущающий факт, быть может, чреватый опасностью в будущем, Роланд с честью выдерживает испытание таинственными дверьми... и переносит «троих» в свой мир. Эдди Дин принимает мир Роланда потому, что влюбляется в Госпожу Теней. Детта Уокер и Одетта Холмс, еще двое из тройки Роланда, наконец обретают целостность, слившись в единую личность, некий сплав, в котором есть что-то от них обеих, когда Роланду удастся заставить обеих женщин признать существование друг друга. Этот «гибрид» способен принять любовь Эдди и ответить ему взаимностью. Одетта Сюзанна Холмс и Детта Сюзанна Уокер становятся новой женщиной, третьей: Сюзанной Дин.

Джек Морт погибает в подземке под колесами все того же поезда – легендарного поезда А, – который лет пятнадцать – шестнадцать назад отрезал ноги Одетте. Ну и Бог с ним, невелика потеря.

И впервые за долгие годы Роланд из Гилеада – уже не один в своем поиске Темной Башни. Эдди и Сюзанна заменили Катберта и Алана, друзей его юности, которых давно уже нет в живых... но над Роландом довлеет проклятие нести боль и смерть всем своим близким. Проклятие – по-другому и не назовешь.

В «Мертвых землях» нас ждет продолжение истории этих троих пилигримов, бредущих по землям Срединного Мира. Действие книги начинается по прошествии нескольких месяцев после последнего столкновения у третьей двери на берегу. Они уже прошагали немалый путь вглубь материка. Время отдохновения подошло к концу, настало время ученья. Сюзанна учится стрелять... Эдди – резьбе по дереву... стрелок узнает, что такое сходить с ума... постепенно.

(И еще одно замечание: мои читатели из Нью-Йорка сразу увидят, что в своей книге я несколько вольно обращаюсь с географией их родного города. Надеюсь, меня за это простят.)

Книга первая

ДЖЕЙК: СТРАХ В ГОРСТКЕ ПРАХА

*Груда поверженных изваяний, где жарит
солнце,
Где не дает мертвое дерево тени, сверчок –
утешения,
Высохший камень – плеска воды.
Там есть
Только тень от багровой скалы
(Встань под тень этой багровой скалы),
И я покажу тебе то, чего ты не видел доселе,
Нечто, совсем не похожее на твою тень,
Что за тобою шагает утром,
Или на тень твою вечером, что встает пред
тобою;
Я покажу тебе страх в горстке праха.*

Т. С. Элиот. «Мертвая Земля»

*Взять и вырвать косматый стебель
чертополоха,
Как срубить молодую голову; старые стебли,
высохшие побеги
Иссохнут и дальше – от зависти.
Откуда эти прорехи
В загрубелой листве щавеля, темной, точно в
кровоподтеках,
Отметающие все надежды на зелень?
Это зверь, хищный, жестокий,
Прошелся, сминая их жизнь для звериной
своей потехи.*

Роберт Браунинг. «Чайльд Роланд к
Темной Башне пришел»

– А это какая река? – любопытствовала Миллисент.

– Это просто ручей. Ну, может, чуть больше, чем просто ручей.

Такая речушка... она называется Мертвая.

– Правда?

– Да, – сказала Уинифред, – правда.

Роберт Эйкман. «Рука в перчатке»

Глава 1. МЕДВЕДЬ И КОСТЬ

1

Сейчас она в третий раз работала с боевыми патронами... а в первый раз Роланд специально приладил кобуру, чтобы ей было сподручней вытаскивать револьвер.

Теперь у нее было достаточно боевых патронов; Роланд притащил их больше трех сотен из того мира, где жили себе не тужили Эдди и Сюзанна Дин до того момента, как стрелок перебросил их в свой мир. Но, при всем при том, иметь в распоряжении своем кучу патронов еще не значит, что их можно тратить в пустую. На самом деле, как раз наоборот. Боги не любят мотов. Роланда так воспитали, сначала – отец, потом – Корт, его великий учитель, и Роланд по-прежнему верил, что так и есть. Боги накажут не сразу, но рано или поздно за все нужно будет платить... и чем позднее придет час расплаты, тем выше будет цена.

Сначала им и не нужно было растрачивать боевые патроны. Роланд стрелял уже столько лет, что скажи он – сколько – этой темнокожей красавице в инвалидной коляске, она бы просто ему не поверила. Поначалу он учил ее, лишь наблюдая за тем, как она держит прицел и имитирует стрельбу по выбранным им мишеням. Она быстро училась. Они оба, она и Эдди, учились быстро.

Как он и подозревал, они оба родились стрелками.

Сегодня Роланд и Сюзанна пришли на поляну примерно в миле от лесного их лагеря. Почти два месяца этот лес был им временным домом. Дни проходили однообразно, и в этом была своя прелесть. Пока тело стрелка исцелялось, он учил Эдди и Сюзанну всему, чему он должен был их научить: как стрелять и охотиться, как освежевывать и потрошить добычу; как сначала растянуть, а потом выдубить и выделать шкурки убитых животных; что нужно делать и как приспособить добычу, чтобы извлечь из нее максимальную пользу; как определить стороны света, север – по Старой Звезде и восток – по Древней Матери; как слышать голос лесов, где они находились сейчас, милях в шестидесяти к северо-востоку от Западного моря. Сегодня Эдди остался в лагере, и Роланд не принял никаких возражений на этот счет. Он знал: дольше всего человек помнит уроки, которым он научился сам.

Но самый главный урок оставался всегда неизменным: как стрелять и бить без единого промаха. Как убивать.

Поляну, куда пришли Эдди с Сюзанной, неправильным темным полукольцом окружали благоуханные хвойные деревья. С южной ее стороны был обрыв: три сотни футов крошащихся сланцевых выступов и изломанных утесов, образующих этакую исполинскую лестницу. Ручеек кристально чистой воды вытекал из леса, пересекал поляну прямо по центру, сначала бурлил по овражку, промытому в рыхлой земле и крошащемся камне, потом, гремя по каменистому ложу, срывался вниз по обрыву.

Вода стекала по ступеням естественной лестницы серией маленьких водопадов, над которыми вздрагивали изумительные переливы радуг. Этот спуск выводил в великолепную и глубокую долину, густо заросшую елями. Было там несколько вековых вязов, которые не давали молодой хвойной поросли задушить себя. Они возвышались, зеленые, пышные и величавые – деревья, что были, наверное, старыми уже тогда, когда край, откуда пришел Роланд, только еще начинал отсчет своей молодой истории. Роланд не сумел разглядеть ни единого признака, который указывал бы на то, что в этой долине когда-нибудь были лесные пожары, хотя наверняка хотя бы несколько молний сюда ударяло. И молнии – не единственная опасность. Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, в долине этой жили люди: в течении прошлых недель Роланд пару раз набредал на следы их давнишнего здесь пребывания. Большею частью то были примитивные рукотворные орудия, но среди них попадались осколки глиняной утвари, которую не выделаешь без огня. А огонь – это злая стихия, услада которому – ускользнуть из рук, что создали его.

Над этим пейзажем, достойным того, чтобы стать иллюстрацией в книге, изогнутой аркой раскинулось небо, безупречно чистое голубое небо, только в нескольких милях отсюда кружилась стайка ворон, что-то выкрикивая своими древними хриплыми голосами. Они, похоже, были чем-то встревожены, как перед началом грозы, но Роланд принялся к воздуху и не уловил запаха дождя.

Слева от ручья громоздился здоровый валун. Роланд поставил сверху шесть камешков, все – в прожилках слюды. Они поблескивали как стеклышки в теплом свете дня.

– Последняя попытка, – сказал стрелок. – Если кобура держится неудобно... если хоть что-то мешает... то скажи лучше сразу. Мы пришли сюда не для того, чтобы зря тратить патроны.

Она язвительно на него покосилась, и на мгновение ему показалось,

что он разглядел у нее в глазах призрак Детты Уокер. Как солнечный блик, подмигнувший со стального клинка.

– А что ты станешь делать, если мне действительно неудобно, но я тебе ничего не скажу? Если я буду мазать и не собою ни одного из этих шести? Тюкнешь меня по башке, как делал этот твой старый учитель?

Стрелок улыбнулся. За последние пять недель он улыбался чаще, чем за все предшествующие пять лет.

– При всем желании этого я не смогу, и ты это прекрасно знаешь. Впервые, мы тогда были детьми... пацанами, которые не прошли еще испытания и не стали мужчинами. Можно ударить ребенка, чтобы поправить его, но...

– В моем мире ударить ребенка – этот проступок, который лучшие люди всегда осуждали, – сухо высказалась Сюзанна.

Роланд пожал плечами. Ему было трудно представить себе такой мир... разве не сказано в Великой Книге: «Не жалея розги, дабы не упустить ребенка»?... однако, он все же не думал, что Сюзанна его обманывает.

– Ваш мир не сдвинулся с места, – сказал он только.

– Здесь все по-другому. Разве я сам этого не понимаю?

– По-моему, ты понимаешь.

– Во всяком случае, вы с Эдди уже не дети. Я совершил бы ошибку, если бы стал обращаться с вами как с малыми детками. Если для этого нужно какое-то испытание, то вы уже его с честью прошли.

Хотя он не сказал этого вслух, про себя он подумал о том, чем все закончилось там, на берегу, когда она тремя выстрелами разнесла трех омарообразных тварей, не дав им растерзать его самого и Эдди. Увидев ее ответную улыбку, он решил, что она сейчас думает о том же.

– Ну так что ты намерен делать, если я все шесть раз промажу?

– Я посмотрю на тебя. Вот так. Мне кажется, этого будет достаточно.

Она мгновение подумала и кивнула:

– Да, наверное.

Потом еще раз проверила оружейный ремень. Он висел у нее через плечо как португез (Роланд считал, что эта конструкция больше похожа на сцепку, которую на себя нацепляют докеры в портах, нежели на ремень стрелка). С виду это казалось просто, но им потребовалась не одна неделя проб и ошибок, чтобы приладить ремень как следует – при этом пришлось хорошо поработать портняжной иглой. Сам ремень и револьвер с сандаловой рукоятью, что торчала из древней промасленной кобуры, раньше принадлежали стрелку. Этот ремень он носил кобурой на правом

бедре. За последние пять недель он мучительно привыкал к мысли о том, что он больше уже никогда не наденет ремень кобурою справа. Спасибо омарам. Волей-неволей пришлось стать левшой.

– Ну и как оно? – спросил он еще раз.

На этот раз она рассмеялась.

– Роланд, этот вонючий ремень держится лучше и не бывает. Так мы что будем делать: стрелять или сидеть тут и слушать этот вороний концерт в поднебесье?

Ощущение было такое, как будто под кожей шевелятся тонкие и колючие пальчики. Роланд напрягся. Наверное, Корт чувствовал то же самое, несмотря на всю его грубость и всегдашнее непробиваемое выражение. Ему хотелось, чтобы у нее все получилось... ему было нужно, чтобы у нее получилось. Но показывать этого было нельзя. Это могло привести к катастрофе.

– Повтори мне еще раз, Сюзанна, что мы с тобой проходили.

Она вздохнула, притворившись рассерженной... но когда она заговорила, насмешливая ее улыбка стерлась сама собой, а красивое темнокожее лицо стало серьезным. И из ее уст он снова услышал древний катехизис, и слова его были новы. Он никогда раньше не думал, что ему доведется услышать эти слова от женщины. Но как естественно они звучали... и в то же время как-то странно едва ли не угрожающе.

– «Я целюсь не рукою; та, кто целится рукою, забыла лицо своего отца».

«Я целюсь глазом».

«Я стреляю не рукою; та, кто стреляет рукою, забыла лицо своего отца».

«Я стреляю рассудком».

«Я убиваю не выстрелом из револьвера...»

Она запнулась и указала на камушки, блистающие вкраплениями слюды.

– Я не буду никого убивать... это же просто камешки.

Ее выражение – чуть надменное, чуть шаловливое – говорило о том, что она ждет, когда Роланд начнет на нее сердиться. может быть, он придет даже в ярость. Однако, Роланд и сам когда-то испытывал то, что она переживала сейчас; он не забыл, что стрелки-новички обычно капризны и горячи, постоянно на нервах и способны огрызнуться в самый неподходящий момент... и он открыл в себе неожиданные способности. Он понял, что может учить. И более того, ему нравится учить. Иногда Роланд ловил себя на мысли о том, что он задается вопросом: а как было с Кортом

– так же? Да, наверное, так же.

Теперь вороны стали хрипло кричать и из чащи леса. Роланд машинально отметил, что теперь крики их стали тревожными и больше не походили на вопли ссорящихся пернатых: похоже, их что-то испугнуло. Однако, ему сейчас было чем занять свои мысли, чтобы думать еще и о том, что могло напугать ворон, так что он просто переключился и вновь сконцентрировал все внимание на Сюзанне. Сейчас нельзя расслабляться, иначе он рисковал нарваться еще на одну, на этот раз не столь игривую колкость. И кого надо будет за это винить? Кого же, как не учителя? Разве не он учил ее огрызаться и показывать зубы? Учил их обоих? Разве в этом он весь, стрелок – вдруг взбрыкнуть, сорвать пару шагов строгого ритуала и перевернуть несколько стройных нот катехизиса? Разве он (или она) – не сокол в человеческом обличьи, натасканный на то, чтобы клевать по команде?

– Нет, – сказал он, – это не камни.

Она приподняла бровь и снова заулыбалась. Теперь, когда она поняла, что он не станет орать на нее, как это частенько случалось, когда она капризничала или делала что-то не так, замешкавшись, в ее глазах снова мелькнул этот насмешливый блеск – солнечный зайчик на стали, – который ассоциировался у Роланда с Деттой Уокер.

– Правда? – насмешка в голосе у нее была по – прежнему добродушной, но Роланд чувствовал: если сейчас он даст ей малейшее послабление, насмешка ее станет злобной. Она уже вся напряглась, возбудилась и начала выпускать коготки.

– Да, это не камни, – также с насмешкой ответил он, опять улыбаясь, но теперь улыбка его стала суровой. – Сюзанна, ты помнишь белых мудофелов?

Ее улыбка стала стираться.

– Белых мудофелов из Оксфорд-Тауна?

Улыбка ее погасла.

– Ты помнишь, что эти белые мудаки сотворили с тобой и твоими друзьями?

– Это была не я, – отозвалась она, – а другая женщина. – Но в глазах у нее застыло угрюмое выражение. Он не любил, когда она так смотрела, и в то же время ему нравился этот взгляд. Это был правильный взгляд, говоривший о том, что растопка уже разгорелась и скоро займутся большие поленья.

– Да. Это была другая. Нравится это тебе или нет, там была Одетта Сюзанна Холмс, дочь Сары Уокер Холмс. Не ты, кто ты есть теперь, а ты,

кем ты была тогда. Помнишь пожарные шланги, Сюзанна? Помнишь их золотые зубы. Ты видела их, как они сверкали, когда тебя и твоих друзей поливали из шлангов в Оксфорде? Как сверкали их зубы, когда они хохотали над вами?

Она им рассказывала об этом и еще о многом – в долгие – долгие ночи, пока догорал костер. Стрелок понимал далеко не все, но он все равно слушал ее внимательно. Слушал и запоминал. В конце концов, боль – это то же оружие. Иногда – самое лучшее.

– Что с тобой, Роланд? С чего это вдруг ты решил мне напомнить весь этот вздор?

Теперь угрюмые ее глаза загорелись опасным огнем. Роланд вспомнил Алана, когда неизменно добродушного Алана что-то все-таки выводило из себя.

– Камни – это те люди, – сказал он мягко. – Которые заперли тебя в камере, где ты обмочилась. Люди с собаками и дубинками. Которые называли тебя черномазой дырой.

Он указал на камни, проведя пальцем слева направо.

– Это тот, кто ущипнул тебя за грудь и рассмеялся. Это тот, кто сказал, что тебя надо раздеть и проверить, не прячешь ли ты чего в заднице. Вот это тот, кто обозвал тебя шимпанзе в платье за пять сотен долларов. Вон тот колотил по колесам твоей коляски своей дубинкой, пока тебе не стало казаться, что этот грохот сведет тебя с ума. Вон тот назвал твоего друга Лео гомиком и хуесосом. А этот последний, Сюзанна, это Джек Морт.

– Да. Эти камни. *Эти ублюдки.*

Теперь она задышала неровно и быстро, грудь ее судорожно вздымалась и опадала под оружейным ремнем с наполненным под завязку патронташем. Она больше уже не смотрела на Роланда. Она впиалась взглядом в камни с вкраплениями слюды. Где-то вдалеке раздался треск – упало дерево. В небе опять завопили вороны. Погруженные в свою игру, которая больше уже не была игрой, ни Роланд, ни Сюзанна этого не замечали.

– Да? – выдохнула она. – Правда?

– Правда. А теперь повтори еще раз, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и, смотри, больше не ошибись.

На этот раз слова сорвались с ее губ, точно ледышки. Рука ее на подлокотнике инвалидной коляске легонько дрожала, точно включенный двигатель, работающий на холостых оборотах.

– «Я целюсь не рукой; та, кто целится рукою, забыло лицо своего отца».

«Я целюсь глазом».

– Хорошо.

– «Я стреляю не рукой; та, кто стреляет рукой, забыла лицо своего отца».

«Я стреляю рассудком».

– Так было всегда, Сюзанна Дин.

– «Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, кто выстрелом убивает, забыла лицо своего отца».

«Я убиваю сердцем».

– *Тогда УБЕЙ их, ради отца своего!* – закричал Роланд. – *УБЕЙ ИХ!*

Правая ее рука сорвалась с подлокотника кресла и метнулась молнией к кобуре. В мгновение ока левая ее рука опустилась и легла на курок – быстро и плавно, как взмах крылышка колибри. Шесть раз прогремели выстрелы, прокатившись эхом по долине, и на вершине валуна остался стоять только один камушек из шести.

В первое мгновение никто из них не произнес ни слова – похоже, оба они затаили дыхание, – пока над долиною замирало эхо. Даже вороны притихли, по крайней мере – пора, до поры.

Стрелок нарушил гулкую тишину двумя бесстрастными, но в то же время весьма выразительными словами:

– Очень хорошо.

Сюзанна смотрела на револьвер у себя в руке, как будто видела эту штуку впервые. От дула верх поднималась тоненькая струйка дым, безупречно прямая в безветренной тишине. Чуть погодя Сюзанна медленно засунула револьвер обратно в кобуру у себя на груди.

– Хорошо, но еще не отлично, – проговорила она наконец. – Один раз я промазала.

– Да? – Роланд подошел к валуну, снял с него оставшийся камешек, сначала сам поглядел на него, а потом бросил ей.

Она поймала его левой рукой. Он с одобрением отметил, что правую она держит поблизости от кобуры. Она стреляла лучше, чем Эдди, и у нее получалось естественнее, но именно этот урок она усвоила все-таки не так быстро. Если б она была с ними во время той перестрелки в ночном клубе у Балазара, она бы, наверное, врубилась быстрее. Но теперь и она, кажется, научилась. Она пригляделась к камню и заметила сбоку бороздку глубиной почти в одну пятую дюйма.

– Ты его лишь зацепила, – сказал стрелок, – но все-таки зацепила, а иногда большего и не нужно. Если подрезать противника, сбить ему прицел... – Он секунду помедлил. – Чего ты так на меня уставилась?

– А ты что, не знаешь? Ты правда не знаешь.

– Нет. Твой разум часто закрыт для меня, Сюзанна.

В его голосе не было и намек на готовность защищаться, и Сюзанна раздраженно мотнула головой. Быстрые перепады ее настроения, выдававшие личность неординарную, иной раз его раздражали донельзя. Его кажущаяся неспособность скрывать свои мысли – он всегда говорил то, что думал – всегда выводила ее из себя. Она в жизни еще не встречала такого педанта.

– Хорошо, – вымолвила она. – Я скажу тебе, Роланд, почему я так на тебя уставилась. Потому что ты гнусно меня обманул. Ты сказал, что не станешь меня лупить, что ты не сможешь меня отдубасить, даже если я промахнусь все шесть раз... но ты либо солгал, либо ты просто глупый, а я знаю, что ты не глупый. Ударить ведь можно и не рукою, и мы... наша раса... об этом знаем. Там, откуда я родом, у нас был один стишок: «Пусть палки и камни переломают мне кости...»

– «...но на ваши насмешки мне наплевать», – закончил Роланд.

– Ну, мы немного не так говорим, но смысл тот же. Не важно, как именно это сказать. Но то, что ты сделал, неспроста называется «дать разнос». Ты меня ранил словами, Роланд... и ты, глядя сейчас мне в глаза, будешь мне говорить, что ты не хотел ничего такого?

Она выпрямилась в своем кресле, глядя на Роланда с таким непреклонным и яростным любопытством, и Роланд еще подумал – не в первый раз, – что белые мудофелы из мира Сюзанны были либо отчаянными храбрецами, либо конченными идиотами, раз решились встать ей поперек дороги, и даже не важно, что она инвалид на коляске. А, побывав в ее мире, Роланд на опыте убедился, что смельчаков там раз-два и обчелся.

– Честно сказать, я не думал об этом. Мне было плевать, больно тебе или нет, – спокойно ответил он. – Ты показала мне зубки и готовилась уже цапнуть, так что мне пришлось сунуть тебе в пасть палку. И это сработало... верно?

На лице у нее застыло болезненное изумление.

– Ах ты *гад*!

Вместо ответа он забрал у нее из кобуры револьвер, неловко открыл барабан двумя пальцами, что остались на правой руке, и принялся перезаряжать его левой рукой.

– Из всех своевольных, высокомерных...

– Тебе было *нужно* рассвирепеть и показать зубы, – продолжал Роланд все тем же бесстрастным тоном. – Если бы этого не случилось, ты бы точно

промазала... со своими рукою и револьвером вместо, глаза, рассудка и сердца. Разве это обман? Разве в высокомерии дело? Думаю, нет. По-моему, Сюзанна, из нас двоих этого высокомерия больше в тебе. По-моему, это ты, а не я, больше склонна к обману и всяким вывертам. И меня это не задевает. Даже наоборот. Стрелок без зубов – не стрелок.

– Черт возьми, никакой я не стрелок!

Он пропустил ее реплику мимо ушей; он мог позволить себе эту роскошь. Если она – не стрелок, то он тогда – козлик.

– Если бы мы тут в игрушки играли, я бы и вел себя соответственно. Но мы не играем. Мы...

Он поднес левую руку к виску и на мгновение умолк. Она заметила, что кончики пальцев его дрожат.

– Роланд, с тобой все в порядке?

Он медленно опустил руку, вставил цилиндр на место и опустил револьвер обратно в ее кобуру.

– Да, все нормально.

– Нет, не нормально. Я не раз уже замечала. И Эдди тоже. Это все началось почти сразу же, как мы свернули с пляжа. Что-то с тобой не так. И по-моему, оно прогрессирует.

– Все со мной так.

Она протянула руку и прикоснулась к его руке. Ее гнев остыл, по крайней мере – пока. С серьезным видом она заглянула ему в глаза.

– Мы с Эдди... это не наш мир, Роланд. Без тебя мы здесь погибнем. У нас есть твои револьверы, и мы теперь можем стрелять, ты нас научил, но мы все равно здесь погибнем. Мы... ты нам нужен. Так что скажи мне, пожалуйста, что не так. Дай нам попытаться помочь тебе.

Роланд был из тех людей, которые неспособны проникнуть в себя до предельных глубин, чтобы понять себя до конца, впрочем, он никогда к этому и не стремился; ему было чуждо само понятие самосознания (не говоря уже о самоанализе). Его путь – путь действия: быстренько справиться со своими инстинктами, механизм которых оставался всегда для него загадкой, и, как говорится, вперед – на мины. Из всех троих он был наиболее безупречно «скроен», человек, чья глубинная романтическая сердцевина скрывалась под незатейливой упаковкой инстинкта и прагматизма. Вот и сейчас он быстренько заглянул в себя, прислушался к своему инстинкту и решил рассказать ей все. Да, с ним творилось неладное. В самом деле. Что-то с ним было не так – с его рассудком. Что-то столь же простое, как и его бесхитростная натура, и столько же странное, как и жуткая жизнь скитальца, которую он принужден был вести из-за этой

своей натуры.

Он открыл было рот, собираясь сказать: «Я скажу тебе, что не так, Сюзанна. В трех словах. Я схожу с ума,» – но тут, со скрежещущим треском, в лесу повалилось еще одно дерево. На этот раз – ближе к поляне, и теперь Роланд с Сюзанной не были заняты поединком двух волей, замаскированным под урок стрельбы. Они оба услышали треск падающего ствола, хриплые крики ворон, и оба отметили про себя тот факт, что дерево упало совсем близко от их лагеря.

Сюзанна бросила взгляд в направлении звука.

– Эдди! – проговорила она, уставившись на стрелка широко распахнутыми, испуганными глазами.

И тут вдруг из зеленой твердыни леса донесся вопль – громогласный крик ярости. Упало еще одно дерево, потом – еще. Шум поднялся такой, как будто там строчили из миномета. Сухой лес, сказал себе Роланд. Мертвые деревья.

– Эдди! – на этот раз она закричала. – Я не знаю, что это, но оно рядом с Эдди! – Сюзанна схватилась руками за колеса своей коляски и принялась ее разворачивать, тяжело преодолевая сопротивление почвы.

– Нет времени. – Роланд подхватил ее подмышки и снял с коляски. Ему и раньше не раз приходилось тащить ее на себе – и ему, и Эдди, – в тех местах, где нельзя было проехать на инвалидной коляске, но она все равно поразила, в который раз, его сверхъестественно быстрой и жесткой скорости. Вот она сидит у себя в коляске, заказанной в конце 1962 в лучшей нью-йоркской ортопедической клинике, а буквально через секунду – уже восседает на шее Роланда, точно этакая деваха на стадионе, подающая сигнал к овациям, сжимая крепкие бедрами его шею, а он, сцепив руки в замок, поддерживает ее за поясницу. Он побежал вперед, шурша подошвами по усыпанной хвоей земле, точно между следами колес от ее коляски.

– Одетта! – В минуту стресса Роланд, сам того не сознавая, обратился к ней по имени, под которым впервые узнал ее. – Только не вырони револьвер! Во имя отца своего!

Теперь он неслся, лавируя среди деревьев. Паутина теней и пятна солнечного света сменялись на лицах у них в подвижной мозаике. Дорога лежала под гору. Сюзанна левой рукой отбивалась от ветвей, норовящих спихнуть ее с плеч Роланда, а правую держала на рукояти древнего револьвера.

Миля, твердила она себе. Долго оно, пробежать милю? Да еще если нестись сломя голову? Наверное, недолго, если только он не навернется на

этих иголках... но, может быть, все равно слишком долго. Господи, только бы с ним ничего не случилось... с моим Эдди...

И как бы в ответ на ее безмолвные призывы снова раздался рев невидимого пока зверя. Оглушительный, точно гром. Точно рок.

2

Он был самым громадным созданием в этом краю, который когда-то носил название Больших Западных Лесов, и самым древним. Исполинские вязы в долине были всего лишь тоненькими черенками, когда медведь явился сюда из туманных пределов Внешнего Мира, точно жестокий скиталец-король.

Когда-то в Западных Лесах жили люди, Древние (это на их поселения в долине набредал Роланд в течение последних недель), но они все бежали отсюда в страхе перед исполинским бессмертным медведем. Когда Древние обнаружили, что у них появился незваный сосед в этом краю, куда они тоже пришли издалека, они попытались его убить, но стрелы их лишь разъярили зверя, не причинив ему никакого ощутимого вреда. Но, самое страшное, он, в отличие от других лесных тварей, отнюдь не пребывал в неведении относительно того, откуда исходят его боль и муки – он был умней даже хищных котов, что обитали в песчаных холмах на западе. Этот медведь знал, откуда исходят стрелы. Он знал. И за каждую отметину в плоти под своею косматой шкурой он лишал жизни троих-четверых, а то и с полдюжины Древних: женщин, если ему удавалось до них добраться, если же не удавалось, тогда – детей; их же воинами зверь откровенно пренебрегал, и то было предельное унижение для людей.

И вот, когда Древние поняли его истинную природу, они прекратили попытки его убить, ибо то был не зверь, а воплощенный демон... или тень божества. Они называли его Миа, что на их языке означало: «мир под покровом мира». И вот теперь, ростом в семьдесят футов, могучий зверь – после восемнадцати, если не больше, столетий безраздельного своего правления в Западных Лесах, – он умирал. Быть может, причиной тому явился крошечный, микроскопический организм, который проник в его тело вместе с едою или питьем; быть может, время и возраст взяли свое; но скорее всего – причиной явилось и то, и другое. Впрочем, причина уже не важна, важен ее результат: размножающаяся в невероятную скорость колония паразитов, опустошающих его легендарный мозг. После стольких

веков его расчетливый жесткий ум не выдержал, и Миа лишился рассудка.

Медведь снова почуял людей, которые вторглись в его заповедный лес; он здесь царил, на безбрежных его просторах, но если что-то случилось действительно важное на территории царства Миа, очень скоро он узнавал об этом. На этих людей он не стал нападать, он просто ушел подальше от них. Не потому что боялся, а потому, что ему не было дела до них, как, впрочем, и им – до него. Но тут за дело взялись паразиты, и безумие его нарастало, и он вдруг решил, что это Древние снова явились тревожить его, что это вернулись охотники со своими капканами и ловушками и поджигатели леса, вернулись, чтобы приняться за старое. И вот, лежа в последней своей берлоге, в тридцати милях от поселения новоприбывших, слабея день ото дня, он пришел к мысли, что Древние все-таки отыскиали средство, которое свалит его: яд.

На этот раз он явился не мстить за какие-то мелкие раны, он пришел уничтожить их всех, пока их медленный яд не прикончил его... и пока Миа до них добирался, все его мысли исчезли, растворившись в багряной ярости, в скрежещущем шорохе у него в голове – шорохе ворочающегося существа у него в мозгу, которое раньше исполняло свою работу в тишине и спокойствии, – и в жутковато-обворожительном запахе, что вел его прямо к лесному лагерю трех пилигримов.

Исполинский медведь, настоящее имя которому было, конечно, не Миа, продирался по лесу, точно ходячее здание – косматая башня с налитыми кровью сверкающими глазами, горячечными и безумными. Его громадная голова, увенчанная гирляндой из отломанных веток и хвойных иголок, раскачивалась непрерывно из стороны в сторону. Время от времени он чихал, раздражаясь приглушенным взрывом звука – АП-ЧХИ! – и из ноздрей у него вылетали извивающиеся белесые паразиты. Его лапы с загнутыми когтями в три фута длиною рвали деревья на части. Шел он на задних лапах, и там, где ступал он по мягкой земле, оставались глубокие следы. От него пахло свежим хвойным бальзамом и застарелым прокисшим дерьмом.

А тварь у него в голове корчилась и вопила, вопила и корчилась.

Медведь шел напрямик: по почти безупречной прямой – к лагерю тех, кто отважился возвратиться в его леса. Из-за них у него в голове поселилась эта зеленая темная боль. Древние или Новые это люди, они все равно умрут. Иной раз, проходя мимо иссохшего дерева, исполинский медведь чуть отступал от прямого курса, чтобы сбить мертвый ствол наземь. Ему нравился этот сухой взрывной треск от падающих стволов. Когда гниющее дерево грохалось оземь или зависало, запутавшись в

кронах других деревьев, медведь шел дальше сквозь косые лучи солнечного света, затуманенного облачками древесных опилок.

Уже два дня Эдди Дин занимался резьбой по дереву – в последний раз он пытался чего-нибудь вырезать лет этак в двенадцать и с тех пор больше за это не брался. Он помнил только, что тогда ему нравилось это занятие, и думал, что и теперь у него получится. Всего Эдди, конечно, не помнил, но было одно ясное воспоминание: Генри, его старший брат, не терпел, когда Эдди садился резать.

«Вы посмотрите на этого гомика! – говорил тогда Генри. – Что мы сегодня творим, мой голубенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой пиписки? О-о-о... какая КРАСОТУЛЯ!»

Генри никогда не говорил Эдди прямо, мол, бросай, брат, это тупое занятие. Нет, чтобы подойти к нему и сказать напрямик: «Может, ты прекратишь это дело, братец? Видишь ли, у тебя хорошо получается, а когда у тебя что-нибудь хорошо получается, это выводит меня из себя. Потому что, пойми меня правильно, братец, этого ждут от меня: что я буду умелым парнишкой, у которого все-все выходит. Я. Генри Дин. Но я знаю, братишка, что мне надо делать. Я лучше буду тебя дразнить. Потому что, если я прямо тебе скажу: «Не делай этого больше, это выводит меня из себя», – то ты решишь еще, будто бы у меня с головою не все в порядке. Но дразнить я тебя могу. Так поступают все старшие братья, верно? Не станем и мы выходить из образа. Я буду дразнить тебя и выставлять тебя дураком, пока ты... мать твою... не ПЕРЕСТАНЕШЬ! О'кей?»

Конечно, отнюдь не о'кей, далеко не о'кей, но так уж пошло в доме Динов: частенько все было так, как хотел Генри. И до недавнего времени Эдди думал, что это нормально: не о'кей, но нормально. Две, как говорится, большие разницы. И было тому две причины, что Эдди все это казалось нормальным. Одна причина – явная, другая – скрытая.

Очевидная причина заключалась в том, что Генри было поручено «присматривать» за Эдди, когда миссис Дин уходила на работу. Причем «присматривал» он все время, потому что когда-то у братьев Динов была сестра, если вы понимаете, что я имею в виду. Если б она не погибла, она была бы на четыре года старше Эдди и на четыре же года моложе Генри, но в этом-то и загвоздка: она погибла. Когда Эдди было два года, ее задавила

машина. Водитель был пьян. А она просто стояла и наблюдала за игрою в классики...

Еще ребенком Эдди часто вспоминал сестру, когда по телеку шло «Янки-Бейсбол шоу» с Мелом Алленом. Когда кто-то кого-нибудь забивал, Мел орал дурным голосом: «Срань господня, он его замочил! УВИДИМСЯ В СЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕ!» Так и этот пьяный водила замочил Глорию Дин, срань господня, увидимся в следующей передаче. Сейчас Глория пребывала на небесах, в землях вышних, и случилось это не потому, что ей просто не повезло, что власти штата Нью-Йорк почему-то не отобрали водительские права у этого дядьки после его третьего ДТП, и даже не потому, что Бог в этот момент отвлекся, чтоб подобрать с полу упавший орешек. Это случилось из-за того (как миссис Дин частенько потом говорила своим сыновьям), что никого не было рядом, чтоб «присмотреть» за Глорией.

Задача Генри и заключалась в том, чтобы с Эдди ничего подобного не произошло. Это – как работа, и Генри ее исполнял, и ему было трудно. В этом, если не в чем другом, Генри и миссис Дин полностью соглашались друг с другом. Они оба частенько в два голоса напоминали Эдди о том, чем жертвует ради него старший брат, оберегая от пьяных водителей, всяких шизов и наркоманов, и даже от злобных инопланетян из летающих тарелок и реактивных капсул, которые могут спуститься с небес, чтобы похитить и увести с собой маленьких ребятих вроде Эдди Дина. Так что не стоило лишний раз выводить Генри из себя, ибо ему и так приходилось несладко под грузом тяжкой ответственности. Если Эдди вдруг начинал делать что-то такое, из-за чего Генри бесился, ему надо было немедленно прекратить. Так Эдди расплачивался со старшим братом за то, что тот тратил время, «присматривая» за ним. Если смотреть на все с такой точки зрения, то выходило, что делать что-нибудь лучше, чем Генри – это просто несправедливо по отношению к нему.

Но была еще одна, скрытая, причина («мир под покровом мира», можно сказать и так), причем, наиболее веская, ибо никто не решился бы высказать это вслух: Эдди не мог позволить себе быть лучше Генри в чем бы то ни было потому, что его старший брат, большей частью, был вообще ни на что не способен... разумеется, за исключением «присмотра» за Эдди.

Генри научил Эдди играть в баскетбол – на игровой площадке неподалеку от дома, в зацементированном предместье, где горизонт закрывали башни Манхэттена и всем заправлял Его величество Достаток. Эдди был на восемь лет младше Эдди и ростом поменьше брата, но когда он выходил с мечом на залитую растрескавшимся цементом площадку, все

движения его, казалось, отзывались шипением в нервных окончаниях. Он был проворнее, но это еще не самое страшное. Самое страшное заключалось в том, что он был лучше Генри. Если бы он не сумел понять этого по результатам их игр, он бы понял по уничижительным взглядам, которые Генри метал в его сторону на площадке, и еще по тому, как Генри больно щипал его за руку по пути домой. Эти щипки надо было принимать за дружеские подтрунивания старшего брата... «Еще парочку для испытания на прочность!» – весело выкрикивал Генри, а потом – бац-бац! прямо Эдди в бицепс... но они чувствовались не как шутка. Как предупреждение. Как будто Генри ему говорил: «Лучше тебе не дурачить меня и не выставлять меня идиотом, братец, когда ты несешься к корзине; не забывай – я за тобою Присматриваю».

То же самое повторялось и со чтением... и с бейсболом... с «освобождением пленных»... с математикой... и даже, смешно сказать, со скакалкой, игрой для девочек. То, что он все это делал лучше, или мог сделать лучше, Эдди приходилось держать в строгой тайне. Потому что он, Эдди – младший. Потому что Генри «присматривает» за ним. Но самое важное всегда просто: Эдди скрывал свое превосходство, потому что Генри был его старшим братом, и Эдди его обожал.

Два дня назад, пока Сюзанна освеживала подбитого кролика, а Роланд готовил ужин, Эдди ушел в лес, что южнее лагеря. Там он набрел на подходящий кусок древесины, торчащий из свежего пня. Странное чувство – должно быть, то самое, которое называется *deja vu* – вдруг охватило его. Эдди поймал себя на том, что тупо пялится на деревяшку, похожую на грубо сработанную дверную ручку. Потом, словно издалека, он осознал, что во рту у него пересохло.

Через пару секунд он наконец сообразил, что смотрит он на деревяшку, а видит внутренний дворик за домом, где они с Генри жили... чувствует под сидением теплый цемент, а от мусорной кучи из-за угла тянет вонюю отбросов. В его памяти в одной руке он держал деревянный брусок, а в другой – перочинный ножик. Древесный нарост на пне разбудил в душе его воспоминания о том кратковременном периоде, когда он буквально влюбился в резьбу по дереву. Просто память об этом была упрятана так глубоко, что Эдди даже не сразу понял, о чем он думает.

Больше всего ему нравилось видеть: еще до того, как ты к ней приступил, ты уже видишь работу свою законченной. Иной раз ты видишь машину, иной раз – тележку. Кошку или собаку. Однажды, помнится, он увидел лицо какого-то идола... наверное, с тех жутких каменных монолитов на Восточном острове, фотография которых попала ему как-то в выпуске «Национальной географии». Тогда у него в самом деле вышло нечто особенное. Игра заключалась в том, чтобы выяснить, сумеешь ли ты открыть то, что видишь, не испортив фигурки. Это редко ему удавалось, но если быть очень-очень осторожным, иной раз получалось вполне приемлемо.

Внутри нароста на пне что-то было. Эдди подумал, что с ножом у Роланда у него, наверное, получится освободить большую часть скрытой фигурки – такого острого и удобного инструмента у него раньше не было.

Что-то внутри деревяшки терпеливо ждало кого-то – такого, как Эдди! – кто разглядел бы его, это «что-то» и выпустил его на волю.

«Вы посмотрите на этого гомика! что мы сегодня творим, мой голубенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой пиписки? Или рогатку, якобы ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!»

Ему вдруг стало стыдно, как будто он сделал что-то дурное; из глубин души поднялось неприятное чувство... надо хранить свою тайну, любой ценой... А потом он вдруг вспомнил – в который раз, – что Генри Дина, который в последние годы заделался величайшим из мудрецов и выдающимся наркоманом, давно уже нет в живых. Эта мысль до сих пор не утратила своей убойной новизны, так или иначе она продолжала его задевать каждый раз: то виной, то печалью, то яростью. В тот день, за два дня до того, как по зеленому коридору леса к ним в лагерь пришел исполинский медведь, мысль о смерти брата принесла совершенно новые, удивительные даже чувства. Эдди почувствовал облегчение и какую-то щемящую радость.

Он стал свободен.

Эдди попросил у Роланда на время нож. Осторожно он срезал нарост древесины с пня, потом вернулся к лагерю, уселся под деревом и принялся вертеть деревяшку так и этак, глядя не на нее, а внутрь ее.

Сюзанна закончила наконец с кроликом. Мясо отправили в котелок над костром. Шкурку она растянула на двух деревянных колышках, привязав сыромятными ремнями от дорожного мешка Роланда. Позже, уже после ужина, Эдди займется ее очисткой. А пока суть да дело, Сюзанна легко скользнула, опираясь на руки, к Эдди, который сидел, привалившись

спиной к вековой сосне. Роланд колдовал над котелком с крольчатиной, засыпая туда какие-то непонятные – и, несомненно, божественные на вкус – лесные корни и травы.

– Что делаешь, Эдди?

Эдди вдруг поймал себя на том, что отчаянно сопротивляется нелепому порыву спрятать кусок древесины у себя за спиной.

– Ничего, – выдавил он. – Подумал, может быть, у меня выйдет чего-нибудь вырезать. – Чуть погодя он добавил: – Хотя, если честно, то я никогда не умел. – Прозвучало это так, как будто тем самым он пытался ее утешить.

Она озадаченно на него посмотрела. Казалось, она собирается что-то сказать, но потом лишь пожала плечами и больше не стала к нему приставать. Сюзанна никак не могла взять в толк, почему Эдди стыдится... что плохого, если он позабавится резкой – ее отец, например, посвящал этому все свободное время, – но если Эдди захочет поговорить об этом, пусть он сам выбирает время.

Эдди и сам понимал, что вина его – чувство нелепое и бессмысленное, и все-таки ему было удобнее и спокойней заниматься резьбой, когда он оставался в лагере один. Похоже, старые привычки не так-то просто изжить. Одолеть героин – это просто игрушки по сравнению с тем, чтобы одолеть комплексы детства.

Когда Роланд с Сюзанной уходили – поохотиться, пострелять, пройти очередной урок в своеобразной школе стрелка, – Эдди принимался за свою деревяшку с удивительно сноровкой и нарастающим удовольствием. Да, он не ошибся: внутри таилась другая форма, простая, незамысловатая, и нож Роланда высвобождал ее с такой мастерской, жутковатою даже легкостью. Эдди уже уверился, что на этот раз у него все получится, так что и рогатка окажется вполне дельным оружием. Само собой, ни в какое сравнение с револьверами Роланда, и все-таки у него будет что-то, что он сделал своими руками. Что-то свое. Эта мысль его грела.

Когда в воздух с испуганным криком поднялись первые вороны, Эдди их не услышал. Он уже думал – надеялся, – что очень скоро ему попадется кусок древесины с луком, заключенным внутри.

Эдди слышал приближение медведя раньше, чем Роланд с Сюзанной,

но неnamного: он был погружен в восторженную сосредоточенность, всегда сопутствующую творческому импульсу в его наиболее сладостные и сильные моменты. Почти всегда раньше он подавлял в себе эти импульсы, но на этот раз творчество поглотило его целиком. Эдди стал добровольным пленником своего порыва.

Из этой сладкой задумчивости его вывел не грохот падающих деревьев, а серия выстрелов из револьвера 45-го калибра, донесшихся с юга. Он поднял голову, улыбаясь, и откинул волосы со лба рукою с прилипшей к ней стружкой. В это мгновение, когда он сидел, прислонившись к высокой сосне, на поляне, что стала им домом, а на лице у него трепетал золотисто-зеленый свет, льющийся сквозь древесные ветви, он был необыкновенно красивым: молодой человек с непослушными черными волосами, норовящими завиться в кольца у него надо лбом, молодой мужчина с сильным, подвижным ртом и ореховыми глазами.

Он бросил взгляд на второй револьвер Роланда, что висел на ружейном ремне на ближайшей ветви, и спросил себя, а давно ли Роланд уходил куда-либо без своего легендарного револьвера на поясе. За этим вопросом сами собой возникли еще два.

Сколько лет этому человеку, который вытащил их с Сюзанной из их мира и времени? И, самое важное, что с ним сейчас происходит?

Сюзанна ему обещала выяснить это сегодня... если только она будет стрелять хорошо и если Роланд не психанет. Впрочем, Эдди не думал, что Роланд ей скажет – по крайней мере, вот так вот сразу, – но пришло время дать знать этой старой образине, что они видят, что что-то не так.

– Бог даст, будет вам и водица, – сказал Эдди вслух и вернулся к своей резьбе. На губах у него играла едва заметная улыбка. Оба они постепенно набираются от Роланда его прибауток... а он – от них. Как будто они стали вдруг половинками одного...

Где-то в лесу, совсем близко, упало дерево. В мгновение ока Эдди вскочил, сжимая в одной руке недоделанную рогатку, в другой – острый нож Роланда, и повернул голову в сторону звука, напряженно всматриваясь в чащу леса. Сердце бешено колотилось в груди, все пять чувств пришли наконец в «боевую готовность». Что-то ломилось сквозь заросли к лагерю. Теперь Эдди явственно слышал его приближение: что-то продиралось напрямик через подлесок, и Эдди еще про себя отметил с этакой изумленной горечью, что спохватился он, кажется, поздно. Откуда-то из глубин сознания поднялся тоненький голосок... так, мол, тебе и надо. За то, что он делает что-то лучше Генри, за то, что выводит Генри из себя.

С натужным треском упало еще одно дерево. Теперь Эдди увидел, как

в просвете между стволами в неподвижном воздухе взметнулось облачко древесных опилок. Тварь, повалившая дерево, вдруг взревела – у Эдди все внутри похолодело от этого рева.

Громадный мудила.

Эдди выронил недоделанную рогатку и метнул нож Роланда в ствол сосны футах в пятнадцати слева. Перевернувшись два раза в воздухе, нож вонзился в древесину до середины клинка. Эдди выхватил Роландов револьвер, что висел на ружейном поясе на ближайшем кусте, и взвел курок.

Остаться или бежать?

Однако он быстро понял, что вопрос этот останется чисто академическим. Тварь мало того, что была громадной, она была быстрой. Теперь уже поздно спасаться бегством. К северу от поляны среди древесных стволов возникла уже исполинская фигура. Выше ее были только верхушки самых высоких деревьев. И она надвигалась прямо на Эдди, не отрывая от него горящих глаз и изрыгая из мощной глотки яростные вопли.

– О Боже, по-моему, мне абзац, – прошептал Эдди. Еще одно дерево накренилось, пошло трещинами, точно мраморная плита, и повалилось на землю, подняв облако пыли и хвойных иголок. Он шел прямо к поляне, медведь размером с Кинг-Конга, и под шагами его дрожала земля.

«Что будешь делать, Эдди? – раздался в сознании голос Роланда. – Думай, соображай! Это – твое единственное преимущество перед этой зверюгой. Думай! Что нужно делать?»

Эдди не думал, что он сумеет убить эту тварь. Может быть, из «базуки» он бы еще худо-бедно... но уж никак не из револьвера 45-го калибра. Он мог бы попробовать убежать, но почему-то его не покидала уверенность, что этот зверь, если захочет, может двигаться очень быстро. Мысленно он просчитал свои шансы закончить жизнь молодую в качестве мокрого места под тяжелой лапой здорового медведя, вышло – пятьдесят на пятьдесят.

Ну и что мы выбираем? Открыть пальбу прямо сейчас или все же попробовать смыться, причем нестись надо так, как будто в задницу влили неслабую порцию керосина?

А потом ему вдруг пришло в голову, что есть еще и третий путь. Можно залезть на дерево.

Он повернулся к сосне, у которой сидел, вырезая свою рогатку. Высоченное вековое дерево, наверное, самое высокое в этой части леса. Нижние его ветки распростерлись над лесным настилом пушистым

зеленым навесом футах в восьми над землей. Эдди осторожно отпустил курок, сунул револьвер за ремень на брюках, потом подпрыгнул, схватился обеими руками за ветку и отчаянно подтянулся. Исполинский медведь уже вывалился на поляну, оглашая окрестности яростным ревом.

Ему не составило бы никакого труда размазать маленького человечка по нижним веткам сосны, раскрасив хвою безвкусным узором из внутренностей Эдди Дина, если бы вдруг его не пробил очередной приступ приступ могучего чиха. Проходя по поляне, гигантский медведище наступил на золу догорающего костра, подняв в воздух черное облако пепла и гари, и тут согнулся почти пополам, уперев передние лапы в боки, – в это мгновение он стал похож на болезненного старика в меховом пальто, подхватившего насморк. Он чихал непрерывно – АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! – а из носа и пасти его сыпались белесые паразиты, поселившиеся у него в мозгу. Горячая струя мочи потекла у него между ног и зашипела, попав на раскиданные угольки.

Эдди не стал терять драгоценные мгновения. Он полез вверх по стволу, что твоя обезьяна, помедлив только однажды, чтоб убедиться, что револьвер Роланда надежно держится за ремнем его брюк. Он был охвачен паническим ужасом, почти убежденный, что дни его сочтены (а чего еще ждать, теперь, когда рядом нет Генри, чтобы за ним «присмотреть?»), но в голове у него все равно продолжали звучать отголоски сумасшедшего смеха. Загнали парнишку на дерево, думал он. Как вам такой поворот событий, болельщики и фанаты? И кто загнал-то? Медвезилла.

Громадная тварь снова подняла голову. Существо у нее в голове уловило мерцание и блики солнечных лучей, а потом устремилось к сосне, по которой карабкался Эдди. Медведь поднял могучую лапу и подался вперед, намереваясь сбить Эдди как шишку. Лапа проехала по суку, на котором стоял Эдди Дин, как раз в то мгновение, когда он перебрался на ветку выше, и содрала с ноги у него ботинок, разлетевшийся в клочья.

Все о'кей. Можешь взять и второй, уважаемый Медведятина, если хочешь, подумал Эдди. Я все равно собирался сменить ботинки, а то они совсем уже поизносились.

Медведь взревел и ударил снова, прорывая глубокие раны в древней коре, кровоточащие чистой смолой. Эдди продолжал забираться вверх. Теперь ветви стали потоньше. Он отважился глянуть вниз и уставился прямо в мутные глаза медведя. Далеко внизу поляна превратилась в мишень, центром которой был круг тлеющих угольков костра.

– Не попал, волосатый мудро... – начал было Эдди, но тут медведь, запорошив морду, опять чихнул. Эдди обдало влажной струей горячих

соплей с мелкими белыми червячками. Их было тысячи. Они отчаянно корчились у него на рубашке, на руках, на лице и шее.

Эдди вскрикнул от неожиданности и отвращения, принялся стряхивать червяков с глаз и губ, потерял равновесие и едва успел вцепиться рукою в ближайшую ветку. Другой рукою он принялся стряхивать с себя эту червивую слизь, стараясь очиститься как можно лучше. Медведь заревел и снова ударил по дереву. Сосна покачнулась, как корабельная мачта в шторм... но отметины от когтей остались на этот раз в семи футах ниже той ветки, на которой сейчас примостился Эдди.

Он понял, что черви гибнут – наверное, начали гибнуть, как только покинули зараженное болото внутри тела чудовища. При этой мысли он несколько взбодрился и снова полез вверх. Поднявшись еще на двенадцать футов, он остановился, не решаясь лезть выше. Ствол сосны, футов восемь в диаметре у основания, здесь, наверху, сузился едва ли не до восемнадцати дюймов. Эдди распределил свой вес между двумя ветвями, но он чувствовал, как они пружинят и гнутся под ним. Отсюда, с высоты вороньего гнезда, открывался вид на просторы леса и на западные холмы – словно волнообразный ковер, распростертый внизу. При других обстоятельствах Эдди не отказал бы себе в удовольствии насладиться изумительной панорамой.

Смотри, мама, я на вершине мира, подумал он и осторожно глянул вниз, на запрокинутую медвежью морду, и вдруг на мгновение утратил способность связно мыслить, все растворилось в элементарном изумлении.

Что-то выросло из черепа зверя... что-то похожее на радар-отражатель.

Странное приспособление рывком повернулось, отбросив солнечный зайчик, и Эдди расслышал тоненькое жужжание. В свое время у Эдди было несколько старых машин – из тех, что продаются в салонах подержанных автомобилей с рекламками типа «МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ! ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДЛЯ ВАС КОЕ-ЧТО ИНТЕРЕСНЕНЬКОЕ!» на лобовом стекле, – и это жужжание напоминало ему свист подшипников, которые надо срочно сменить, пока они окончательно не полетели.

Медведь издал долгий утробный рык. Из рта у него потекли ошметки желтоватой пены с червями пополам. Если бы Эдди не видел раньше, как выглядит конченное безумие (а он считал, что на это «сокровище» он насмотрелся вдоволь, достаточно вспомнить Детту Уокер, сучку и стерву мирового класса), то сейчас у него был бы шанс восполнить этот пробел... спасибо еще, эта рожа была сейчас в добрых тридцати футах под ним, а смертоносные когти, как бы чудовище не тянулось, не дотягивали до ног

его футов пятнадцать. И, в отличие от тех мертвых деревьев, которые чудовище повалило, пробираясь к поляне, эта сосна, полная жизненных сил, не поддавалась его напору.

– Мексиканская ничья, приятель, – тяжело выдохнул Эдди и, стерев пот со лба липкой от медвежьих соплей рукой, швырнул кусок слизи прямо зверю в морду.

Но тут существо, которое Древние называли Миа, обхватило обеими лапами дерево и принялось его трясти. Эдди что есть силы вцепился в ствол, сощутив глаза в упрямые щелки. Сосна закачалась как маятник.

6

Роланд остановился на краю поляны. Сюзанна, сидевшая у него на плечах, уставилась не веря своим глазам на ту сторону открытого пространства. У сосны, где они с Роландом буквально три четверти часа назад оставили Эдди, теперь стояло косматое чудище. Сквозь завесу ветвей и темно зеленых иголок виднелась лишь часть исполинского тела. Второй ружейный ремень Роланда валялся у чудища под ногами. Сюзанна заметила, что кобура пуста.

– Господи, – пробормотала она.

Медведь заорал, точно обезумевшая баба-кликуша, и принялся трясти дерево. Ветви задрожали, как под ураганным ветром. Сюзанна подняла глаза и разглядела маленькую фигурку почти у самой верхушки. Эдди жался к стволу, который качался туда – сюда. У нее на глазах одна рука его соскользнула и взметнулась снова, ища точку опоры.

– Что будем делать? – прокричала Сюзанна Роланду. – Он сейчас его скинет! Что будем делать?

Роланд попытался найти решение, но его опять охватило это странное недомогание... в последнее время оно ни на мгновение не отпускало его, но, как видно, в стрессовой ситуации ему стало гораздо хуже. Ощущение было такое, как будто рассудок его раздвоился. В его сознании поселилось как бы два человека, и у каждого были свои, отдельные от другого воспоминания, а когда эти двое начали препираться, причем каждый из них упирал на то, что именно его память – истинная, стрелку показалось, что его разрывает надвое. Он сделал отчаянную попытку примирить этих двоих, и ему это удалось... по крайней мере, пока.

– Это – один из Двенадцати! – прокричал он в ответ. – Из двенадцати

Стражей! Наверняка это он! Но я думал, что все они...

Медведь снова взревел. Теперь он уже колошматил по дереву, словно этакий энергичный боксер. Отломанные ветки летели ему под ноги и ложились там беспорядочной грудой.

– Что? – прокричала Сюзанна. – Что ты хотел сказать?

Роланд закрыл глаза. В сознании у него надрывался голос: «Мальчика звали Джейк!» Другой голос орал в ответ: «НЕ БЫЛО никакого мальчика! Мальчика НЕ БЫЛО, и ты сам это знаешь!»

«Убирайтесь, вы оба!» – прорычал про себя Роланд, а потом выкрикнул вслух:

– Стреляй, Сюзанна! Стреляй ему прямо в зад! А когда он повернется, целься в такую штуку у него на голове! Она похожа...

Медведище вновь завопил. Он прекратил колошматить по дереву и опять взялся его трясти. Теперь верхушка ствола отзывалась ему нехорошим зловещим треском.

Когда рев чудовища чуть поутих, Роланд прокричал:

– Похожа на шляпу! Маленькую такую стальную шляпу! стреляй прямо в нее, Сюзанна! Только, пожалуйста, не промахнись!

Внезапно ее обуял неизбывный ужас... и к нему примешалось еще одно чувство, которого она меньше всего ожидала: ощущение сокрушительного одиночества.

– Нет! Я промахнусь! Стреляй лучше ты, Роланд! – Она выхватила револьвер у себя из кобуры, намереваясь отдать его Роланду.

– Я не могу! – крикнул он. – У меня не тот угол прицела! Придется, Сюзанна, стрелять тебе! Вот тебе – настоящее испытание, и лучше тебе его выдержать с честью!

– Роланд...

– Сейчас он отломит верхушку! – взревел стрелок. – Ты что, не видишь?!

Сюзанна уставилась на револьвер у себя в руке, потом бросила сумрачный взгляд через поляну – на исполинского медведя, едва видимого в клубах хвойных иголок. Подняла глаза. Эдди качался туда-сюда, как метроном. Скорее всего, у него был с собою второй револьвер Роланда, но Эдди не мог им воспользоваться, иначе он просто свалился бы с ветки, как перезревшая груша. Да и вряд ли бы он попал в цель.

Она подняла револьвер. Внутри все скрутило от страха.

– Держи меня крепко, Роланд. Если ты меня не удержишь...

– Обо мне не беспокойся!

Она дважды нажала на спусковой крючок, кладя выстрелы так, как

научил ее Роланд. Их оглушительный грохот врезался в треск раскачиваемого ствола, точно два четких удара хлыста. Две пули вошли в левую ягодицу зверюги, меньше чем в двух дюймах друг от друга.

Медведь завопил, в его вопле смешались боль, изумление и ярость. Из-под плотной завесы ветвей и иголок вынырнула здоровенная лапа, шлепнула по больному месту, потом оторвалась, вся в алой влаге, и снова исчезла из виду. Сюзанна представила, как под завесой ветвей чудище изучает свою окровавленную ладонь. Потом ветви вдруг зашелестели и зашуршали – это громадный медведь развернулся кругом, одновременно опускаясь на все четыре лапы, чтобы броситься на новоявленного врага с максимальной скоростью. Сюзанна увидела его морду, и сердце ее упало. Вся ряха в пене; глазищи горят как лампы. Косматая голова наклонилась налево... потом направо... и встала по центру, нацелившись на Роланда, который стоял, широко расставив ноги и крепко держа Сюзанну Дин у себя на плечах.

С оглушительным ревом медведь рванулся в атаку.

7

Повтори, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и на этот раз не ошибись.

Медведь могучим прыжком бросился прямо на них... как взбесившийся фабричный агрегат, покрытый ради смеха поеденным молью ковром.

Она похожа на шляпу! Такую маленькую стальную шляпу!

Она увидела эту штуку... но на ее взгляд на шляпу она была не похожа. Скорее – на радар-отражатель, уменьшенную версию тех тарелок, какие показывают в новостях в сюжетах о том, как доблестные американские парни на «Дью лайн» несут свою службу, дабы простые граждане могли спать спокойно и не бояться русских ядерных ракет. «Радар» был больше размером, чем камни, по которым она стреляла сегодня, но и расстояние до цели было гораздо дальше. Пятна тени и света пестрели повсюду, сбивая в прицела.

Я целюсь не рукою; та, кто целится рукою, забыла лицо своего отца.

Я не сумею!

Я стреляю не рукою; та, кто стреляет рукою, забыла лицо своего отца.

Я промахнусь! Я знаю, что промахнусь!

Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, кто выстрелом убивает...

– Стреляй! – выкрикнул Роланд. – Стреляй, Сюзанна!

Она еще не успела взвести курок, но уже знала, что пуля вонзится в цель, направленная ничем иным, как отчаянным ее желанием попасть. Страх отступил. Осталась только холодная отстраненность и еще время подумать: *Так вот что он чувствует. Господи... как он это выдерживает?*

– Я убиваю сердцем, мудила, – сказала она, и в руке у нее громыкнул Роландов револьвер.

8

Серебристая штуковина вращалась на стальном стержне, всаженном в череп медведя. Пуля Сюзанны ударила прямо по центру радара, и он разлетелся сотней сверкающих на солнце осколков. Сам стержень исчез в неожиданной вспышке синего пламени, которое прошло по нему до самого гнездовища и на мгновение словно бы обхватило по бокам медвежью морду.

Тот пронзительно взвыл от боли и поднялся на задние лапы, судорожно молотя передними в воздухе. Потом закружился на месте, махая передними лапами, словно стремясь взлететь. Пасть широко распахнулась, но на этот раз из его глотки вырвался не могучий рев, а жуткая трель, больше похожая на завывание сирены воздушной тревоги.

– Хорошо, – голос Роланда звучал устало. – Хороший был выстрел.

– Все? Больше не надо стрелять? – неуверенно спросила Сюзанна. Медведь продолжал носиться кругами, но теперь его заносило в сторону и перегибало пополам. Он запнулся о маленькое деревце, отскочил, едва не упал, а потом снова пошел кружить.

– Не надо, – сказал Роланд, обхватив Сюзанну за талию, приподнял ее и усадил на землю. Вся операция заняла пол-секунды. Эдди медленно полез вниз, но Сюзанна этого не замечала – она не сводила взгляда с великана-медведя.

Как-то раз в под Мистиком, штат Коннектикут, она видела в океанариуме китов. Они были гораздо крупнее этого косматого чудовища... но то – морские животные, а если взять только животных суши, зверюги больше Сюзанна в жизни не встречала. И медведь, без сомнения, умирал. Его оглушительный рев превратился в какие-то влажные всхлипы, и хотя

глаза его были открыты, он, похоже, ослеп: мотался по лагерю, не разбирая дороги, сбивая рейки, на которых были растянуты добытые шкурки, топча шалашик, который Сюзанна делила с Эдди, сбивая молоденькие и сухие деревья. Струи дыма растекались по стальному штырю в голове у медведя, как будто от выстрела у него воспламенились мозги.

Эдди добрался до нижней ветки сосны, спасшей, если так можно сказать, ему жизнь, и уселся верхом на нее, дрожа всем телом.

– Матерь Божья, Пречистая дева Мария, – выдохнул он. – Вот смотрю и глазам не ве...

Медведь развернулся к нему. Эдди проворно соскочил с ветки и со всех ног помчала к Сюзанне с Роландом. Медведь, похоже, его не заметил: шатаясь, как пьяный, он подошел к сосне, послужившей убежищем Эдди, попытался схватиться за ствол, но промахнулся и тяжело упал на колени. Теперь его всхлипы сменились новыми звуками. Эдди они напомнили грохот громадного двигателя, разваливающегося на части.

Громадное тело скрутило судорогой, выгнуло дугой. Медведь вскинул передние лапы и, словно взбесившись, вонзил острые когти себе же в морду. Брызнула кровь, кишащая червяками. Чудовище грохнулось оземь, так что земля содрогнулась, и больше не пошевелилось. После стольких веков исполинский медведь, которого Древние называли Миа – мир под покровом мира – все же нашел свою смерть.

Эдди поднял Сюзанну и, прижимая ее к себе липкими от медвежьих соплей руками, крепко поцеловал. От него пахло потом и сосновой смолой. Она прикоснулась к его щекам, к его шее, провела руками по влажным волосам. У нее вдруг возникло безумное желание потрогать его везде, чтоб убедиться, что он живой, настоящий.

– Он едва меня не зацепил, – бормотал Эдди. – Как в луна-парке на каком-нибудь сумасшедшем аттракционе. Но какой был выстрел! Господи, Сьюз... ну ты дала!

– Я очень надеюсь, что мне никогда не придется больше повторить нечто подобное, – сказала она, но некий голос в самых глубинах ее души воспротивился. Этот голос твердил, что она ждет – не дождется, когда можно будет нечто подобное повторить. Он был холодным, этот протестующий голос. Таким холодным...

– Что... – начал Эдди, поворачиваясь к Роланду, но Роланда уже не было рядом. Он медленно приближался к поверженному медведю, который лежал на земле косматыми коленями кверху. Откуда-то из глубин нутра зверя доносились приглушенные вздохи и бульканье... это кончался завод его внутренностей.

Роланд увидел свой нож, вонзенный в ствол дерева неподалеку от исполованной сосны, которая спасла Эдди жизнь. Вытащил его, начисто вытер лезвие полою рубахи из мягкой оленьей кожи, которая заменила старую, изорванную в лохмотья, ту, что была на нем, когда они ушли с пляжа. Стрелок стоял рядом с медведем и смотрел на него с изумлением и жалостью, мысленно обращаясь к нему:

«Привет, незнакомец. Привет, старый друг. Я раньше не верил в тебя, что ты существуешь на самом деле. Вот Алан, наверное, верил... Катберт, я знаю, верил... Катберт, он верил во все... а я всегда был практичен и трезв. Я думал, что ты всего-навсего детская сказка... еще один из тех ветров, что носились в пустой голове моей старой нянюшки и вырывались из ее рта, не умолкающего ни на мгновение. Но ты все время был здесь, беглец прежних дней, как та колонка на дорожной станции, как те машины в тоннелях под горной грядой. Может быть, Недоумки-Мутанты, боготворящие эти сломанные останки – потомки тех самых людей, которые жили в этом лесу когда-то и которым пришлось бежать, спасаясь от твоего гнева? я не знаю и никогда уже не узнаю... но мне кажется, что я прав. Да. А потом пришел я со своими друзьями... заклятыми новыми друзьями, которые с каждым днем напоминают все больше и больше старых заклятых моих друзей. Мы пришли, очертив свой магический круг вокруг нас и всего, к чему мы прикасались, сплели отравленную нить, и вот ты лежишь, бездыханный, у наших ног. Мир опять сдвинулся с места, и на этот раз, старый друг, ты остался за бортом».

Тело чудовище все еще излучало тяжелый и тошнотворный жар. Червяки-паразиты лезли целыми ордами у него изо рта и изорванных в клочья ноздрей и почти сразу же умирали. По обеим сторонам от медвежьей головы росли белесые кучки воскового цвета.

Эдди медленно подошел к исполинскому телу. Сюзанну он нес, посадив к себе на бедро, как матери носят детей.

– Что это было, Роланд? Ты знаешь?

– Он назвал его, кажется, Стражем, – сказала Сюзанна.

– Да, – медленно проговорил Роланд, пораженный. – Я думал, что их давно нет, что по-другому и быть не может... если они вообще когда-нибудь существовали... наяву, я хочу сказать, а не в старых сказках.

– Одно я знаю точно: зверюга была невменяема, – сказал Эдди.
Роланд чуть улыбнулся.
– Если б ты прожил на свете две-три тысячи лет, ты бы тоже, наверное, стал невменяемым.
– Две-три тысячи лет... О Господи!
– Это медведь? – уточнила Сюзанна. – В самом деле, медведь? А это что у него такое? – Она указала на какую-то штуку на задней лапе медведя типа квадратной металлической бирки. Она почти заросла косматой спутанной шерстью. Они могли бы ее и не заметить, если б не солнечный блик, загоровшийся на гладкой поверхности из нержавеющей стали.
Эдди встал на колени и нерешительно потянулся к бирке, прислушиваясь к приглушенному щелканью, по-прежнему доносящемуся из самых глубин нутра поверженного исполина. Помедлил, взглянув на Роланда.
– Смелее, – подбодрил его стрелок. – С ним все кончено.
Эдди раздвинул густую шерсть и наклонился поближе. Слова, выдавленные в металле, давно стерлись и стали почти нечитабельные но, приложив некоторые усилия, Эдди сумел разобрать их:

NORTH CENTRAL POSITRONICS, LTD.
Гранитный город Северо-восточный коридор
Проект 4 СТРАЖ Серия # АА 24123 СХ 755431297 L 14
Класс/Разновидность МЕДВЕДЬ ШАДИК
Запрещается замена субъядерных батарей

– Господи, это же *робот*, – выдавил Эдди.
– Не может быть, – возразила Сюзанна. – Когда я выстрелила в него, у него пошла кровь.
– Может быть, но у обычных медведей радар из башки не растет. И, насколько я знаю, медведи как правило не живут две-три тысячи лет... – Он вдруг замолчал, бросив взгляд на Роланда, а когда снова заговорил, в его голосе явственно слышались нотки протеста. – Что ты делаешь, Роланд?
Роланд не ответил; ему не было необходимости отвечать, что он делает. И так все ясно: ножом выковыривает медведю глаз. Прodelал он все это быстро, аккуратно и четко. Лишь мельком взглянув на медленно вытекающий желеобразный коричневый шар, наколотый на кончик ножа, Роланд стряхнул его, отбросив в сторону. Из зияющего отверстия показались еще червяки, поползли было вниз по медвежьей морде, но почти сразу же умерли.

Стрелок склонился над глазницей Шадика, исполинского сторожевого медведя, и заглянул туда.

– Идите сюда, посмотрите, вы оба, – позвал он чуть погодя. – Я покажу вам одно чудо из прежних времен.

– Опусть меня, Эдди, – сказала Сюзанна.

Он сделал, как она просила, и Сюзанна, опираясь на кисти и бедра, проворно подползла к стрелку, склонившемуся над косматой медвежьей мордой. Эдди присоединился к ним. Почти минуту все трое смотрели в напряженной восторженной тишине, нарушаемой только хриплыми выкриками ворон, что кружились в небе.

Несколько струек густой умирающей крови вытекло из глазницы. И все же Эдди заметил, что это не просто кровь. Вместе с кровавой жижой вытекла жидкость, распространявшая вполне различимый запах: бананов. А в сплетении тонких жилок, образующих глазницу, виднелась матовая паутинка каких-то струн. А за ними, в темных глубинах глазницы, мерцала красная искорка. Она освещала крошечную квадратную пластину, покрытую странными загогулинами... Припой!

– Это не медведь, это гребанный «SONY»-плейер.

Сюзанна подняла глаза.

– Что?

– Ничего. – Эдди повернулся к Роланду. – А если я туда влезу, со мной ничего не будет?

Роланд пожал плечами.

– Думаю, нет. Если в теле его и таился демон, то он теперь улетел.

Эдди протянул мизинец, готовый в любую секунду отдернуть руку, если почувствуется хоть малейший разряд электричества. Прикоснулся сначала к остывающей плоти внутри глазницы размером едва ли не с бейсбольный мяч, потом – к одной из этих непонятных струн. Только это была не струна, а очень тонкая стальная жила. Эдди вытащил палец. Красная искорка подмигнула еще раз напоследок и погасла уже навсегда.

– Шадик, – пробормотал Эдди. – Мне это имя знакомо, но что-то я не могу припомнить. Тебе, Сьюз, ничего оно не говорит?

Она лишь молча мотнула головой.

– Самое странное... – Эдди беспомощно рассмеялся. – У меня оно почему-то с кроликами ассоциируется. Бредятина, правда?

Роланд встал. Суставы в коленях его громко хрустнули.

– Надо перенести лагерь, – объявил он. – Земля здесь испорчена. Та поляна, куда мы ходим стрелять, она как раз...

Он сделал пару шагов, но вдруг ноги его подкосились, и Роланд

повалился на землю, сжимая руками голову, упавшую на грудь.

10

Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись, и Эдди рванулся к Роланду.

– Что с тобой, Роланд?

– Мальчик был, – отрешенно проговорил стрелок. Помедлил только мгновение, чтобы сделать вдох, и добавил: – Не было никакого мальчика.

– Роланд? – Подошла Сюзанна и приобняла его за плечи. Его била дрожь. – Роланд, что с тобой?

– Мальчик, – сказал Роланд, глядя на нее невидящими глазами. – Это мальчик. Всегда.

– Какой мальчик? – Эдди в отчаянии перешел на крик.

– Какой мальчик?

– Тогда, значит, иди, есть и другие миры, кроме этого, – сказал Роланд и потерял сознание.

11

В ту ночь они долго сидели без сна у большого костра, разведенного Эдди с Сюзанной на поляне, которую Эдди именовал «наше стрельбище». Открытая с одного края, эта поляна не подошла бы под лагерь зимой, но сейчас, когда а мире Роланда лето по-прежнему в полном разгаре, здесь вполне можно было расположиться.

Ночное небо выгнулось над головами у них черным сводом, испещренное даже не звездами, а галактиками. Точно на юге, с той стороны реки тьмы, в которую прекратилась теперь долина, Эдди увидел Древнюю Матерь, встающую над далеким невидимым горизонтом. Он покосился на Роланда. Тот сидел, съежившись, у костра, кутаясь в три меховые шкуры, хотя ночь была теплой, а пламя давало достаточно жару. Рядом стояла тарелка с нетронутым ужином. А в руке Роланд сжимал кость. Эдди опять посмотрел на небо, вспоминая легенду, что рассказал им с Сюзанной стрелок за долгие дни перехода от пляжа по холмам, а потом – по дремучему лесу, где они обрели теперь временное пристанище.

Еще до начала времен, рассказывал Роланд, Старая Звезда и Древняя Матерь, оба – юные, страстные и влюбленные, сочетались браком. Но однажды они разругались, и ссора эта была ужасна. Древняя Матерь (которая в те незапамятные времена звалась своим настоящим именем: Лидия) застала Старую Звезду (а его настоящее имя – Апон) с прелестною юной девой по имени Кассиопея. Это был настоящий семейный скандал со швырянием посуды, выцарапыванием глаз и тасканием за волосы. Один из брошенных в запале глиняных горшков стал землей; отбитый черепок – луною; уголек из их кухонной печи – солнцем. В конце концов боги вмешались в драку, пока Апон и Линда, ослепленные гневом, не уничтожили мироздание, которое только еще начиналось. Кассиопею, бойкую красотку, из-за которой, собственно, и началась вся эта заварушка («Ну да, – ввернула тогда Сюзанна, – всегда виновата женщина»), изгнали из сонма богов, положив ей отныне и присно качать небесные качели, сотканные из звезд. Но даже такая крутая мера проблемы не разрешила. Лидия готова была простить и начать все снова, но в упрямом Апоне разыгралась гордость. («Ну да, – высказался тогда Эдди, – во всем виноват мужик»). Так они и расстались, и теперь суждено им вечно смотреть друг на друга, исходя ненавистью и томлением, через звездную бездну, в которую рухнуло их супружество. Уже три миллиарда лет, как их не стало, Лидии и Апона, она превратилась в Древнюю Матерь, он – в Старую Звезду. Она – на юге, а он – на севере, и оба тоскуют, и оба стремятся друг к другу... но оба слишком горды, чтобы первыми сделать шаг к примирению... а Кассиопея качается на своих звездных качелях, качается и смеется над ними.

Эдди вздрогнул – кто-то легонько коснулся его руки. Сюзанна.

– Надо бы разговорить его, – сказала она вполголоса. – Пойдем?

Эдди отнес ее к костру, осторожно опустил на землю рядом с Роландом, по правую руку, а сам уселся по левую. Роланд поднял голову, сначала взглянул на Сюзанну, потом – на Эдди.

– Как вы близко, однако, ко мне подсели, – заметил он. – Прямо любовники... или тюремщики.

– По-моему, тебе пора кое-что нам рассказать. – Голос Сюзанны звучал глухо, чисто и мелодично. – Если мы, Роланд, тебе друзья... а так, наверное, оно и есть, нравится это тебе или нет... то пора уже относиться к нам как к друзьям. Скажи нам, что с тобой происходит...

– ...и чем мы можем тебе помочь? – закончил за нее Эдди.

Роланд тяжело вздохнул:

– Я даже не знаю, с чего начать. У меня так давно не было ни друзей...

ни чего-то, что я мог бы им рассказать...

– С медведя начни, – подсказал Эдди.

Сюзанна подалась вперед и прикоснулась к челюстной кости, которую Роланд держал в руках. Эта штука ее пугала, но она все равно прикоснулась к ней.

– А закончи ею.

– Да. – Роланд поднял кость на уровень глаз, пару секунд посмотрел на нее и уронил себе на колени. – Мы обязательно поговорим о ней. Как же иначе? На ней-то все и закручено.

Но сначала он заговорил про медведя.

12

– Эту историю мне рассказали, когда я был маленьким, – начал Роланд. – Когда мир был юным, на земле жили Древние, Великий народ... это были не боги, но люди, наделенные знанием богов... они сотворили двенадцать Стражей, чтобы те охраняли двенадцать Врат, ведущих из этого мира в другие миры. Иной раз мне говорили, что врата эти – явления естественные, как созвездия на небе или бездонная пропасть, которую мы называем Драконьей Могилой, ибо каждые тридцать-сорок дней они извергали могучие шквалы пара. Но были люди... одного я помню до сих пор, главный повар в отцовском замке, его звали Хакс... которые утверждали, что Врата создали сами Древние еще в те времена, когда петля непомерной их гордости не затянулась у них же на шее и они не исчезли с лица земли. Хакс говорил, что создание двенадцати Стражей явилось последним деянием Древних, последней попыткой исправить то зло, которое они причинили друг другу и всей земле.

– Врата, – задумчиво пробормотал Эдди. – Двери, ты хочешь сказать. То есть, мы снова вернулись к тому же. А эти двери в другие миры, они все открываются в мир, откуда пришли мы со Сьюз? Как те, что мы видели на берегу?

– Я не знаю, – сказал Роланд. – На каждую вещь, что я знаю, есть сотни вещей, о которых я даже понятия не имею. Вам... вам обоим... придется с этим смириться. Мы говорим, что мир сдвинулся с места. Это как будто отлив на море... отступающая волна, что оставляет после себя лишь обломки кораблекрушения... обломки, которые иногда выглядят точно карта.

– Но есть какие-то у тебя догадки?! – воскликнул Эдди с таким неприкрытым пылом, что стрелку стало ясно: Эдди еще не оставил надежды вернуться в свой мир... и в мир Сюзанны. Даже теперь.

– Не приставай к нему, Эдди, – тихо проговорила Сюзанна. – Человек, как говорится, не предполагает.

– Нет... иногда все-таки предполагает, – возразил Роланд, удивив их обоих. – Когда ему ничего другого, кроме догадки, не остается. Но мой ответ будет: нет. Я не думаю... не предполагаю... что эти Врата как-то связаны с дверьми на пляже. И я не стал бы предполагать, что они открываются в «где» и «когда», которые мы с вами могли бы узнать. Мне кажется, двери на пляже... которые открывались в ваш мир... они как ось в центре детских качелей. Вы себе представляете, что это?

– Такая качающаяся доска? – переспросила Сюзанна и показала руками: вверх-вниз.

– Да! – Роланд как будто обрадовался, что они знают. – вот именно. На одном конце этих качелей...

– Качалки, – улыбнувшись, поправил Эдди.

– Да. На одном конце – мое ка. На другом – ка человека в черном... Уолтера. Двери – центр, созданный напряжением между двумя противостоящими судьбами. А Врата, о которых я вам говорю, это творение людей, которые были гораздо могущественнее, чем Уолтер, или ваш покорный слуга, или наша команда из трех человек.

– Ты хочешь сказать, – нерешительно уточнила Сюзанна, – что Врата, которые стерегут эти самые Стражи, они – все ка? За пределами ка?

– Я хочу сказать то, что я в это верю, – Роланд улыбнулся. Мимолетный изгиб губ в отблесках от костра. – Это моя догадка.

Он на мгновение замолчал, потом подхватил с земли прутик, расчистил немного места, раздвинув ковер из сосновых иголок, и нарисовал на земле картинку.

– Круг – это мир. Такой, каким мне его обрисовали, когда я был маленьким. Крестики – это Врата, образующие кольцо по его вечному краю. Если соединить их по парам с помощью шести линий... вот так...

Он поднял глаза.

– Видите, линии пересекаются в центре?

Эдди почувствовал вдруг, как его руки покрылись гусиной кожей. Во рту пересохло.

– Это то, что я думаю, Роланд? Это...?

Роланд кивнул. Лицо его стало суровым и жестким.

– В этом узле расположен Великий Портал, так называемые

Тринадцатые Врата, которые правят не только этим отдельным миром, но всеми мирами вместе.

Он вдавил кончик прутика в центр круга.

– Это – Темная Башня, которую я искал всю жизнь.

13

– У каждого из двенадцати меньших Врат Древние поставили по Стражу, – подытожил Роланд. – В детстве я мог перечислить их всех... в стишках, которым меня научила няня... и повар Хакс... но когда оно было, детство? Давным – давно. Помню, Медведь там был, ясное дело... Рыба... Лев... Летучая Мышь. И еще Черепаха... очень важная Черепаха...

Стрелок запрокинул голову к звездному небу и, задумавшись, сморщил лоб. А потом суровые его черты озарились вдруг лучезарной улыбкой, и Роланд продекламировал нараспев:

– Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
В ее мыслях неспешных – весь мир и все мы,
Для любого – частичка ее доброты.
Она слышит все клятвы и все примечает,
Она знает, кто врет, но подскажет едва ли.
Она любит землю и любит моря,
И даже такого задиру, как я.

Роланд озадаченно хохотнул.

– Ему меня Хакс научил. Напевал, помню, замешивая глазировку для торта, а потом дал мне ложку облизать. На ней оставалась глазурь. Такие тягучие капельки. Странная штука – память. Но когда я повзрослел, я перестал верить в Стражей, то есть, в то, что они существуют на самом деле... я стал думать о них как о неких символах, умозрительных, а не вещественных. Однако, похоже, я был не прав.

– Я назвал его роботом, – сказал Эдди, – но это был не совсем чтобы робот. Сюзанна права... роботы не истекают кровью, если в них всадить пулю. Наверное, это был киборг. Так у нас называется существо, состоящее частью из плоти и крови, а частью – из механической и электронной

аппаратуры. Есть один фильм... мы же тебе говорили о фильмах и о кино?

Улыбнувшись, Роланд кивнул.

– Ну так вот, фильм называется «Робокоп», и его главный герой мало чем отличается от медведя, которого пристрелила Сюзанна. Но откуда ты знал, куда надо было стрелять?

– Я кое-что еще помню из старых сказок. Хакс в свое время немало мне их рассказал. Если б не он, ты бы, Эдди, сейчас переваривался у медведя в желудке. В вашем мире, если ребенок чего-то не понимает, вы ему говорите, чтобы он надел свою думалку-кепку?

– Да, – сказала Сюзанна. – Говорим.

– И мы тоже. Так вот, выражение это произошло из легенды о Стражах. У людей мозги в голове, а у Стражей – на голове. В такой шляпе. – Стрелок поднял глаза, страшные, затравленные, и опять улыбнулся. – Только оно не похоже на шляпу, верно?

– Нет, – согласился Эдди. – Но все равно эта ваша легенда оказалась достаточно точной, чтобы спасти наши филейные части.

– Теперь мне уже кажется, что я с самого начала искал кого-нибудь из Стражей, – продолжал Роланд. – Когда мы отыщем Врата, которые охранял этот Шадик... а теперь это нам не составит труда, надо просто вернуться по его следам... у нас наконец будет правильный курс, которого мы и станем держаться. Надо лишь встать спиной к Вратам и идти прямо вперед. К центру Круга... где Башня.

Эдди открыл было рот, чтобы сказать нечто вроде: Отлично, давай побеседуем об этой Башне. Давай наконец разберемся с ней раз и навсегда... что это такое, чем она так для тебя важна и, самое главное, что с нами будет, когда мы все-таки до нее доберемся, – но потом передумал. Еще не время... пока еще – нет. Надо дать Роланду время прийти в себя, превозмочь эту боль, что терзает его неотвязно. Не сейчас, когда только отблески от костра сдерживают натиск ночи.

– Теперь мы подходим к самому главному, – продолжал Роланд с горечью в голосе. – Я наконец-то определился, нашел свой путь... после стольких лет... но в то же время, мне кажется, я теряю рассудок. Ощущение такое, как будто он выпадает, и я не могу его удержать... это как земляная дамба, размываемая дождем. Это мне наказание за то, что я допустил смерть парнишки. Мальчик, которого не было. И это тоже – ка.

– Что за мальчик, Роланд? – спросила Сюзанна.

Роланд взглянул на Эдди.

– Ты знаешь?

Тот покачал головой.

– Но я же тебе про него говорил. То есть, я о нем бредил, когда мне стало хуже с моим заражением и я едва там не отбросил копыта. – Тут вдруг голос стрелка сделался на пол-октавы выше. Он так хорошо передразнивал голос Эдди, что Сюзанна невольно поежилась от какого-то суеверного ужаса. – «Если ты не заткнешься сейчас же, Роланд, если не прекратишь поминать этого чертова ребетенка, я тебе сделаю кляп из твоей же рубашки! Меня уже рвет – не могу больше слышать о нем!» Помнишь, Эдди?

Эдди задумался. Во время их долгого и мучительного перехода по пляжу от двери с надписью «УЗНИК» к другой, с надписью «ГОСПОЖА ТЕНЕЙ», Роланд о чем только ни говорил, упомянул, кажется, не одну сотню имен в своем горячечном сбивчивом монологе: Алан, Корт, Жами де Кьюрри, Катберт (его стрелок вспоминал чаще всего), Хакс, Мартин (или Мартен?), Уолтер, Сьюзан, какой-то парень с вообще уже жутким именем – Золтан. В конце концов Эдди устал слушать обо всех этих людях, которых он в жизни не видел (и до которых ему было по барабану), в то время его занимали свои проблемы, причем они вовсе не ограничивались хронической героиновой недостаточностью и глобальным расстройством биоритмов. И, уж если по-честному, он тоже тогда доставал Роланда своими Сказаниями-в-Ломке, как они с Генри выросли вместе и вместе заделались наркоманами.

Но Эдди никак не мог вспомнить, чтоб он грозился заткнуть Роланду рот, если тот не прекратит болтать о каком-то ребенке.

– Неужели не помнишь? – переспросил Роланд. – Вообще ничего?

Что-то такое мелькнуло? Какое-то щекочущее прикосновение, как то ощущение *deja vu*, которое он испытал, увидев рогатку, сокрытую в древесном наросте на пне? Эдди попробовал удержать это чувство, но оно тут же прошло. Он решил, что ему показалось, потому что он очень хотел припомнить. Из-за Роланда которому было сейчас так плохо.

– Нет, – сказал он. – Извини, дружище.

– Но я же тебе говорил. – Голос Роланда был тих и спокоен, но за этим спокойствием билась настойчивость, словно горящая алая нить. – Мальчика звали Джейк. Я пожертвовал им... я убил его... чтобы добраться до Уолтера и заставить его говорить. Я убил его там, под горами.

– Ну, может быть, так все и было, – теперь Эдди чувствовал себя увереннее, – но ты мне рассказывал по-другому. Ты говорил, что ты шел под горами один, то есть, не шел, а ехал на какой-то там идиотской дрезине. Пока мы с тобой шли по пляжу ты мне всю плешь проел, Роланд. О том, как это жутко, когда ты совсем один.

– Да, я помню. Но я еще помню, как я рассказывал и про мальчика тоже, как он сорвался с моста в ту пропасть. У меня как бы две памяти, и разрыв между ними сводит меня с ума. Рассудок мой рвется надвое.

– Ничего не понимаю, – встревоженно проговорила Сюзанна.

– Я сам еще только начал въезжать, – сказал Роланд.

Он встал, чтобы подбросить в костер еще дров – сноп искр взметнулся сияющим вихрем в ночное небо, – потом снова сел между ними.

– Я вам сейчас расскажу, как оно было на самом деле... а потом расскажу, чего не было... но должно было быть. Я купил мула в Прайстауне, и когда мы добрались до Талла, последнего городка на границе с пустыней, тот был еще полон сил...

14

И стрелок рассказал им все. Эдди один раз уже слышал его историю, только не целиком, а большими кусками, не связанными друг с другом, но он все равно слушал жадно, стараясь не упустить ни единого слова, как и Сюзанна, которая слышала это все в первый раз. Он рассказал им про бар с бесконечной игрой в «Не зевай» в уголке, про тапера по имени Шеб, про женщину, Элли, со шрамом на лбу... и про Норта, травоеда, который умер и которого воскресил к некоему мрачному подобию жизни человек в черном. Он рассказал и про Сильвию Питтстон, воплотившую в себе все безумие от религии, и про последнюю бойню, апокалипсическую, когда он, Роланд – Стрелок, перебил все население Талла: и мужчин, и женщин, и детей.

– Господи всемогущий! – глухо воскликнул Эдди, и голос его дрожал. – Теперь я понимаю, Роланд, почему ты так поиздержался с патронами.

– Умолкни! – буркнула Сюзанна. – Пусть он закончит!

Роланд продолжал тем же спокойным, чуть отрешенным тоном. Рассказал, как отправился через пустыню после того, как миновал землянку последнего поселенца, молодого мужчины с волосами до пояса дикого цвета слепой земляники. Рассказал, как мул все-таки сдох и ручной ворон юного поселенца, Золтан, выклевал мулу глаза.

Он рассказал им о долгих днях и коротких ночах в пустыне. Как он шел, держа курс по остывшим кострищам Уолтера, и как пришел, умирающий от жажды, к дорожной станции.

– Там было пусто. Всегда было пусто – с тех самых дней, когда наш громадный медведь только еще заступал на стражу. Там я переночевал и отправился дальше. Это – как оно было... но я вам сейчас расскажу другую историю.

– О том, чего не было, но должно было быть? – уточнила Сюзанна.

Роланд кивнул.

– В этой вымышленной истории... небылице... стрелок по имени Роланд встречает мальчика по имени Джейк. На дорожной станции. Этот мальчик – из вашего мира, из вашего города, Нью-Йорка, и из времени где-то между Эддиным 1987-м и 1963-м Одетты Холмс.

Эдди жадно подался вперед.

– А есть в этой истории дверь, Роланд? Дверь с надписью «МАЛЬЧИК» или чего-нибудь в этом роде?

Роланд покачал головой.

– Дверью для мальчика была смерть. Мальчик шел в школу, когда какой-то мужчина... я думаю, это был Уолтер... столкнул его на проезжую часть под колеса машины. Он слышал, как человек этот еще сказал что-то вроде: «Дайте пройти, пропустите меня, я священник». И Джейк увидел его – на какой-то миг, – а потом оказался уже в моем мире.

Стрелок умолк на мгновение, глядя в огонь.

– Сейчас я на минуту прерву свой рассказ о парнишке, которого не было, и вернусь к тому, что случилось на самом деле, хорошо.

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, и Эдди сделал рукой слабый жест, смысл которого выражался примерно так: «после вас, дорогой мой Альфонс».

– Как я уже говорил, на станции не было никого. Пусто. Но там была водяная колонка, она все еще работала. На задах конюшен, где когда-то держали сменных лошадей для карет. Я нашел ее по звуку, но я все равно бы нашел ее, даже в полной тишине. Я чувствовал запах воды, понимаете? Когда ты так долго идешь по пустыни, умирая от жажды, ты нутром ее чувствуешь, воду. Я напился, потом завалился спать. Проснувшись, я снова пил. Мне хотелось выпить всю воду, которая там была... это как лихорадка, как жар. То лекарство, что ты принес мне из вашего мира – Астин, – штука хорошая, Эдди, но есть такой жар, которого не унять никакому снадобью. Я знал: мое тело нуждается в отдыхе, но мне пришлось приложить всю свою волю, чтобы остаться там на ночь. Наутро я себя чувствовал отдохнувшим и свежим. Наполнил свои бурдюки и отправился дальше. Я ничего там не взял – только воду. Это самое главное в том, что случилось на самом деле. Я ничего не взял.

Тут Сюзанна заговорила своим самым ласковым и рассудительным голосом *a la* Одетта Холмс:

– Ну хорошо, так оно было на самом деле. Ты наполнил свою бурдюки и отправился дальше. А теперь расскажи нам о том, чего не было, Роланд.

Стрелок на мгновение выпустил челюстную кость из рук, сжал кулаки и потер глаза... такой странный, ребяческий жест. Потом снова схватился за кость, словно бы для того, чтобы придать себе мужества, и продолжал:

– Я загипнотизировал мальчика, которого не было. С помощью одного из моих патронов. Я давно обучился этому трюку... у Мартена, как ни странно... у придворного колдуна моего отца. Мальчик поддался легко. Пребывая в гипнотическом трансе, он мне рассказал обо всех обстоятельствах своей гибели, я вам про них уже говорил. Когда я выудил из него достаточно – дальше было уже нельзя, иначе я мог причинить ему боль, – я велел ему спать и по пробуждении забыть обо всем. О том, как он умер.

– Да уж, кому, интересно, хотелось бы помнить такое? – пробормотал Эдди.

Роланд кивнул.

– Это точно: кому? Транс его сам собой перешел в здоровый естественный сон. Я тоже лег спать. Когда мы проснулись, я сказал парню, что мне нужно поймать человека в черном. Он понял, о ком я: Уолтер тоже ночевал на этой дорожной станции. Джейк его испугался и спрятался. Я думаю, Уолтер знал, что он там, но сделал вид, будто не знает. Это его устраивало. Он мне оставил парнишку, как поставил капкан.

– Я спросил, нет ли на станции чего поесть. Я был уверен, что есть. Мальчик выглядел вполне здоровым... это все климат пустыни, в нем все сохраняется лучше... но чтобы жить, надо есть. У мальчика было немного вяленого мяса, и еще он сказал мне, что там есть подвал. Сам он туда не спускался. Сказал, что боится. – Стрелок умолк на мгновение, окинув Эдди с Сюзанной вдруг помрачневшим взглядом. – И правильно делал, скажу я вам, что боялся. Я нашел там еду... но еще я наткнулся на Говорящего Демона.

Эдди уставился на кость в руках у Роланда широко распахнутыми глазами. Оранжевый свет от огня плясал на древних ее изгибах и колдовских обнаженных зубах.

– Говорящий Демон? Ты хочешь сказать, эта штука..?

– Нет. Да. И да, и нет. Выслушайте до конца и вы все поймете.

Он рассказал им о нечеловеческих столах, что доносились из-под земли в самом дальнем углу подвала; о струйке песка между древними

плитами каменной кладки в стене. Как в стене открылась дыра, и он подошел к ней, а Джейк кричал сверху, чтобы он вылезал.

Он приказал демону говорить... и демон заговорил, голосом Элли, той женщины со шрамом на лбу, у которой был в Талле бар. По Отстойнику проходи не спеша, стрелок. Пока ты идешь с мальчиком, человек в черном держит душу твою у себя в кармане.

– По Отстойнику, ты сказал? – вздрогнув, переспросила Сюзанна.

– Да, – Роланд внимательно на нее посмотрел. – Это название о чем-то тебе говорит, я не прав?

– Да... и нет.

Она колебалась. Частично из-за того, догадался Роланд, что ей не хотелось вообще говорить о вещах, для нее болезненных. Но в большей степени – потому, что ей не хотелось запутывать дальше и без того запутанную историю опрометчивыми рассуждениями о том, чего не знает сама. И это его восхищало. Его восхищала она.

– Говори только то, в чем уверена, – сказал он. – И ни слова больше.

– Хорошо. Отстойник – место, известное Детте Уокер. Она о нем знала, она о нем думала. Отстойник – это на слэнге. Она подслушала, как о чем-то таком говорили взрослые, сидя на крыльце, дую пиво и вспоминая о прежних денечках. Место испорченное, бесполезное. Или и то, и другое вместе. Что-то в этом Отстойнике было такое... в самом понятии о нем... что тянуло ее к себе, Детту. Только не спрашивайте меня, что. Когда-то я, вероятно, знала. Но больше не знаю. Не хочу знать.

– Детта украла у синей Тетки китайское блюдо – из тех, что мои папа с мамой ей подарили на свадьбу – и отнесла его в этот Отстойник... ее Отстойник... чтобы разбить. На помойку, где мусор. Большую такую свалку. Уже потом, позже, она иной раз цепляла парней в придорожных закусных.

На мгновение Сюзанна умолкла, понунив голову и крепко сжав губы. Потом подняла глаза и продолжала:

– Белых парней. Они приводили ее на стоянку, сажали к себе в машину... а она их дразнила, ну вы понимаете, распаляла и убегала. Эти стоянки... они тоже были Отстойником. Детта играла с огнем, но она была тогда молода и проворна, и ей нравились эти опасные игры. Позже, в Нью-Йорке, она делала вылазки в магазины... но об этом вы знаете. Оба. Всегда в хорошие магазины... «Мейси», «Гимбел», «Блумингдейл»... и воровала там всякие побрякушки. И каждый раз, когда она собиралась в такой «загул», она говорила себе: «Сегодня я собираюсь в Отстойник. Чего-нибудь слямзить у этих белых ублюдков. Что-то действительно дельное, а

потом разломаю его к фигам».

Она снова умолкла, глядя в огонь. Губы ее дрожали. А когда она вновь подняла глаза, Эдди с Роландом заметили влажный блеск – слезы.

– Да, я плачу, но пусть это вас не обманет. Я помню, как я это делала, и помню, что мне это нравилось. Я плачу, наверное, потому, что знаю: если бы обстоятельства не изменились, я бы так продолжала и дальше.

Роланд, похоже, вновь обрел что-то от прежней своей безмятежности, почти сверхъестественного своего спокойствия.

– У нас дома была поговорка, Сюзанна: «Мудрый вор процветает всегда».

– Что мудрого в том, чтобы тырить дешевые безделушки? – резко проговорила Сюзанна.

– Тебя хоть раз поймали?

– Нет...

Роланд развел руками, словно бы говоря: «Ну вот видишь».

– То есть, для Детты Уокер Отстойник – это какое-то нехорошее место? – уточнил Эдди. – Я правильно понял? Потому что оно ощущалось дурным.

– И дурным, и хорошим одновременно. В этих местах была сила... там она... заново создавала себя, если так можно сказать... но это были потерянные места. Но ведь это никак не связано с призрачным мальчиком Роланда, правда?

– Может, и нет, – сказал Роланд. – Видишь ли, здесь у нас, в этом мире, тоже есть Отстойник. И у нас это тоже слэнг. Но значения очень близки.

– И что оно у вас значит? – уточнил Эдди.

– Все зависит от конкретного места и ситуации. Оно может значить помойку. Или бордель. Или игорный дом. Или то место, куда приходят жевать бес-траву. Но самое распространенное его значение – так же самое простое.

Он внимательно посмотрел на Сюзанну и Эдди.

– Отстойником мы называем такие места, где нет ничего. Пустынные земли. Мертвые земли.

На этот раз Сюзанна подбросила в костер побольше дров. Не мигая, на юге сияла Древняя Матерь. Еще со школы Сюзанна знала: раз не мигает,

значит, это планета, а не звезда. «Венера? – спросила она себя. – Или здешняя солнечная система – тоже другая, как и все в этом мире?»

Снова ее охватило чувство нереальности происходящего... что все это – сон. Просто сон.

– Давай дальше, – сказала она. – Что было потом, когда этот голос предупредил тебя насчет мальчика и Отстойника?

– Я запустил руку в дыру в стене, откуда сочился песок, как меня и учили делать, если вдруг нечто подобное произойдет со мной. Вынул оттуда челюсть... не эту... другую. Она была больше. Намного больше. Принадлежала, вне всяких сомнений, кому-то из Древних.

– И куда она делась? – тихо спросила Сюзанна.

– В одну из ночей я отдал ее мальчику. – Отблески пламени раскрасили щеки стрелка оранжевыми жаркими пятнами пляшущими тенями. – Как оберег... своего рода талисман. Потом, когда я почувствовал, что она свою службу уже сослужила, я ее просто выбросил.

– Тогда это чья челюсть, Роланд? – спросил Эдди.

Роланд поднес кость к глазам, задумчиво и долго смотрел на нее потом уронил руку.

– Потом, после Джейка... после того, как его не стало... я настиг все-таки человека в черном.

– Уолтера, – уточнила Сюзанна.

– Да. У нас был разговор... долгий разговор. Где-то на середине его я уснул, а когда я проснулся, Уолтер был мертв. Мертв уже сотню лет, если не больше. От него ничего не осталось – лишь кости, и так было, наверное, справедливо, раз уж мы пришли в место костей.

– Да уж, действительно долго вы с ним говорили, – сухо заметил Эдди.

При этом Сюзанна слегка нахмурилась, но Роланд лишь кивнул.

– Долго, – бросил он, глядя в огонь.

– Ты отправился в путь на рассвете и в тот же день, вечером, вышел к Западному морю. А ночью на берег повылезли эти омары, так? – спросил Эдди.

Роланд снова кивнул.

– Да. Но прежде, чем я покинул то место, где мы с Уолтером говорили... или грезили... или что мы там делали, я не знаю... я забрал себе это. – Он поднял челюсть повыше, и оранжевый отсвет снова сверкнул на ее зубах.

Челюсть Уолтера. От этой мысли Эдди весь похолодел. Кость из черепа человека в черном. Запомни это, Эдди, мой мальчик... в следующий раз, когда ты начнешь убеждать себя, что Роланд, скорей всего, самый

обычный парень... Все это время он таскал с собой кость человека, точно этакий... людоедский трофей. Го-о-о-споди.

– Я даже помню, о чем я подумал, когда ее брал, – продолжал Роланд как ни в чем ни бывало. – Я хорошо это помню. Это, быть может, единственное за столько времени воспоминание, которое не раздвоилось. Я подумал: «что-то я просчитался, не стоило мне выкидывать эту кость, что сама пришла ко мне в руки, когда я нашел парнишку. Но ее мне заменит эта». А потом я услышал смех Уолтера – недобрый смех. И его голос тоже.

– И что он сказал? – подалась вперед Сюзанна.

– «Слишком поздно, стрелок. Слишком поздно... теперь удача изменит тебе – отныне и до конца вечности... таково твое ка».

16

– Ну хорошо, – высказался наконец Эдди. – В суть парадокса я въехал. Память твоя разделилась...

– Не разделилась, а раздвоилась.

– Ладно, пусть раздвоилась. Это почти что одно и то же.

Эдди поднял с земли прутик и начертил на песке рисунок.

Потом указал на линию слева:

– Вот твоя память до того момента, когда ты пришел на дорожную станцию... одна линия, видишь?

– Да.

Эдди указал на линию справа.

– А это – после того, как ты выбрался из-под гор и пришел к тому месту костей, где тебя дожидался Уолтер. Линия тоже одна.

– Да.

Эдди обвел середину рисунка неровным кружком.

– Вот что тебе нужно сделать, Роланд... убрать эту двойную линию. Окружи ее мысленно крепким высоким забором и просто забудь. Потому что оно ничего не значит и ничего не меняет. Его нет. Все прошло...

– Но оно не прошло. – Роланд поднял руку с челюстью. – Если все мои воспоминания о Джейке – ложные... а я знаю, что так и есть... тогда почему она у меня? Я взял ее, чтоб заменить ту, другую, которую выкинул... а ту, что я выкинул, я нашел в подвале, на дорожной станции... но я-то знаю, что не спускался в подвал! И не разговаривал с демоном! Я ушел со станции один. Взял только воду и больше ничего!

– Роланд, послушай меня, – Эдди вдруг посерьезнел. – Если кость, что сейчас у тебя в руках, ты взял на станции... тогда дело другое. Но разве не может быть так, что все это было галлюцинацией: дорожная станция, мальчик и говорящий демон, – и тогда ты забрал челюсть Уолтера, потому что...

– Это не было галлюцинацией. – Роланд поднял на них глаза, светлые, словно повылинявшие голубые глаза испытанного солдата, и вдруг сделал то, чего ни Сюзанна, ни Эдди никак от него не ожидали... Эдди мог бы поклясться, что Роланд и сам до последней секунды не думал, что он это сделает.

Бросил челюсть в огонь.

17

Первое мгновение она просто лежала посреди костра – выбеленная реликвия, оскаленная в призрачной полу-ухмылке. Потом неожиданно вспыхнула алым – ослепительный красный свет залил поляну. Эдди с Сюзанной вскрикнули одновременно, прикрывая руками глаза, чтоб защитить их от обжигающей формы в огне.

Челюсть стала меняться. Не плавиться в пламени, а меняться. Зубы, торчавшие вкривь и вкось, как покосившиеся надгробия, стали сближаться. Мягкий изгиб верхней дуги распрямился и резко укоротился, как будто ввалившись.

Руки Эдди безвольно упали ему на колени. Затаив дыхание, он открываясь смотрел на кость, которая не была уже костью. Зубы ее прекратились в три перевернутых «V». Та, что посередине, была чуть больше, чем две по краям. И вдруг Эдди увидел, во что тщится она превратиться, кость, точно так же, как он увидел рогатку, сокрытую в древесном наросте.

Это был ключ.

«Запомни, как оно выглядит, запомни форму, – пронеслась в голове лихорадочная мысль. Ты должен запомнить. Должен».

Он отчаянно вглядывался в костер. Три «V», средняя – больше и глубже, чем две по краям. Три зубца... тот, что ближе к внешнему краю, как завиток, неглубокая впадинка перевернутой набок «S»...

А потом форма в пламени изменилась снова. Кость, которая стала подобием ключа, как бы свернулась сама в себя, распутившись сияющими

лепестками, темными и бархатистыми, словно безлунная летняя полночь. На мгновение Эдди увидел розу – торжествующую алую розу... такая могла расцвести на рассвете самого первого в мире дня... образчик бездонной, неувядающей красоты, над которой не властно время. Глаза его жадно смотрели на это чудо, а сердце раскрылось ему навстречу. Как будто вся жизнь на свете и вся любовь восстали внезапно из мертвой кости – в этом пламени, что воссияло победно в своей перворожденной дерзости, утверждая: отчаяние – это мираж, смерть – это просто сон.

«Роза! – Мысли Эдди неслись, обгоняя друг друга. – Сначала – ключ, потом – роза! Откройте глаза и смотрите! Так начинается путь к Темной Башне!»

Неожиданно треск огня превратился в какой-то натужный кашель. Взметнулся сноп искр. Сюзанна вскрикнула и подалась назад, сбивая с платья оранжевые крупинки. Пламя могучим потоком рванулось к звездному небу. Эдди не шелохнулся. Он сидел, поглощенный видением, замороженный – в колыбели чуда, великолепного и ужасающего, – не замечая искр, пляшущих у него на коже. И тут пламя иссякло. Все стало, как прежде.

Ни кости.

Ни ключа.

Ни розы.

– *Помни*, – сказал он себе. – *Помни розу... и форму ключа.*

Сюзанна рыдала от ужаса и потрясения, но Эдди не сразу ее успокоил: сначала, пока не забыл, поднял прут и вывел дрожащей рукой на сырой земле рисунок.

– Ты зачем это сделал? – спросила наконец Сюзанна. – Ради бога, зачем... и что это было, вообще?

Прошло пятнадцать минут. Костер почти догорел: разбросанные угольки либо были растоптаны, либо погасли сами. Эдди молча сидел, обнимая жену; Сюзанна тихонько сидела рядом, прислонившись спиной к его груди. Роланд улегся на бок и, подтянув колени к груди, уныло смотрел на оранжево-красные угольки. Как понял Эдди, ни Сюзанна, ни Роланд не видели, как кость изменялась в огне. Они видели только, как она раскалилась в пламени, а Роланд еще видел, как она взорвалась (или,

скорее, лопнула, провалившись в себя? Эдди казалось, что так все и было), и ничего больше. По крайней мере, так думал Эдди. Роланд, случилось, хранил непроницаемое молчание и ни с кем не делился своими соображениями, переваривая все в себе. И тогда из него нельзя было вытянуть ни слова. Эдди знал это по горькому опыту. Сначала он хотел рассказать им, что видел – или думал, что видел, – но, как следует поразмыслив, решил пока промолчать. Пока.

От самой кости вообще ничего не осталось – даже щепочки.

– Мне так велел внутренний голос, – ответил Роланд. – Голос моего отца; всех отцов. Когда этот голос звучит в тебе, не повиноваться ему... и немедленно... просто невыносимо. Так меня учили. Но – зачем, я сказать не могу... по крайней мере, сейчас. Я знаю только, что кость сказала последнее свое слово. Все это время я носил ее с собой, чтобы услышать его.

«Или увидеть, – поправил про себя Эдди. И снова: Помни. Помни про розу. И форму ключа».

– Она нас едва не спалила! – в голосе Сюзанны смешались усталость и раздражение.

Роланд покачал головой.

– Мне кажется, она была вроде тех фейерверков, которые запускают вельможи на празднествах в честь окончания года. Горит, шипит и пугает, но не представляет опасности.

Эдди вдруг пришла одна мысль.

– Слушай, Роланд, а это твое раздвоение сознания... оно не прошло? Когда кость взорвалась или когда там?

Он был почти что уверен, что так и было: во многих фильмах, которые он смотрел, подобная грубая шоковая терапия почти всегда приводила к положительному результату. Но Роланд лишь покачал головой.

Сюзанна заерзала в объятиях Эдди.

– Ты говорил, что чего-то начал понимать.

Роланд кивнул.

– Да, наверное. Если только я не ошибаюсь... Я тревожусь за Джейка. Где бы он ни был, когда бы он ни был, я боюсь за него.

– Что ты имеешь в виду? – не врубился Эдди.

Роланд встал, дотянулся до своей скатки шкурок и принялся их расстилать, готовя себе постель.

– Не многовато ли для одной ночи волнений и разговоров? Пора спать. Утром мы вернемся по следу медведя и поглядим, нет ли там Врат, которых его поставили охранять. А по дороге я вам расскажу все, что знаю и что,

как мне кажется, произошло... и теперь еще происходит...

С тем он закутался в старое одеяло и недавно выделанную оленью шкуру, улегся подальше от костра и больше не проронил ни слова.

Эдди с Сюзанной легли вдвоем. Убедившись, что стрелок спит, они занялись любовью. Роланд, однако, не спал и все слышал, а когда все закончилось, слышал и их разговор вполголоса. В основном разговор был – о нем. Он еще долго лежал без сна и смотрел в темноту даже после того, как разговор их умолк, а дыхание их сравнялось в едином ритме.

«Хорошо быть молодым, – думал он. – И любить. Даже на этом погосте, в который теперь превратился их мир, быть молодым и любить – хорошо».

Наслаждайтесь, пока еще можно. Ибо смерть мы уже миновали и смерть еще ждет впереди. Мы вышли пока к ручью крови. Но он приведет нас к кровавой реке. А река – к океану. В этом мире могилы зияют и мертвые не обретают покоя!..

Когда восточное небо окрасилось дымкой рассвета, он закрыл наконец глаза. И заснул. И ему снился сон про Джейка.

Эдди тоже снился сон. Снилось ему, что но снова в Нью-Йорке. Идет по Второй-Авеню с книгой в руке.

Во сне весна была в самом разгаре. На улице тепло, весь город – в цвету... и тоска по родному дому вонзалась к нему, как рыболовный крючок в живой рыбий рот, глубоко-глубоко. Наслаждайся чудесным сном, говорил он себе, и продли его, сколько сумеешь. Смакуй его, впитывай... потому что ближе, чем сейчас, к Нью-Йорку тебе уже не подойти. Ты никогда не вернешься домой, Эдди. Эта часть твоей жизни закончилась. Все.

Он поглядел на книгу у себя в руке и вовсе не удивился, обнаружив, что это «Ты никогда не вернешься домой» Томаса Вульфа. На темно красной обложке были выдавлены три фигуры: ключ, роза и дверь. Он на мгновение остановился, открыл книгу и прочел первую строчку. Человек в черном пытался укрыться в пустыне, писал Вульф, а стрелок преследовал его.

Захлопнув книгу, Эдди направился дальше. Было, наверное, около девяти утра. Ну, может быть, полдесятого. Движение на Второй-Авеню было пока еще скудным. Такси, библика, переезжали от перекрестка к

перекрестку, и блики весеннего солнца отсвечивали от лобовых их стекол и ярко желтых кузовов. На углу Второй и Пятьдесят Второй какой-то бродяга попросил у него подаяния, и Эдди сунул ему книжку в темно красной обложке. Опять – безо всякого изумления он обнаружил, что бродяга этот никто иной, как Энрико Балазар. Он сидел по-турецки у входа в лавку волшебных товаров. «КАРТОЧНЫЙ ДОМ» оповещала вывеска в витрине, под которой стояла башня из карт Таро, увенчанная фигуркой Кинг-Конга. Из головы обезьяны торчал миниатюрный радар-отражатель.

Эдди прошел дальше, дорожные знаки лениво проплывали мимо. Эдди знал, куда держит путь. Понял, как только увидел его – маленький магазинчик на углу Второй и Сорок Шестой.

«Да, – сказал он себе. Волной накатило чувство несказанного облегчения. – Туда мне и надо. Именно туда». В витрине висели окорока и сыры. «ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ» сообщала вывеска. «СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ЗАКАЗАХ К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!»

Пока Эдди стоял, разглядывая витрину, из-за угла вырулил очередной знакомец. Джек Андолини собственной персоной в костюме-тройке цвета ванильного мороженого и с черной тросточкой в левой руке. Половина лица у него отсутствовала, ободранная клешнями омарообразных чудищ.

«Заходи, Эдди, – бросил Джек мимоходом. – Чего стоишь? В конце концов, есть и другие миры, и этот гребаный поезд идет через все».

«Не могу, – отозвался Эдди. – Дверь заперта». Он не знал, откуда он знает, что дверь закрыта, но он это знал. Без тени сомнений.

«Дад-а-чум, дуд-а-чик, не переживай, у тебя есть ключ», – буркнул Джек, не оглядываясь. Эдди опустил глаза и увидел, что у него действительно есть ключ: такая примитивная штуковина с тремя зазубринами похожими на перевернутые «V».

Этот маленький s-образный завиток на конце... в нем-то и весь секрет, подумал он и, вступив под навес «Деликатесов. Том и Джерри», вставил ключ в замок. Ключ повернулся легко. Эдди открыл дверь и, переступив через порог, вышел в открытое поле. Оглянувшись через плечо, увидел движение транспорта по Второй-Авеню, а потом дверь захлопнулась и упала плашмя. Теперь за ней не было ничего. Вообще ничего. Эдди опять оглянулся, обозревая новую обстановку, и вдруг преисполнился ужасом. Он увидел безбрежное поле густого багряного цвета, как будто здесь прогремела великая битва и крови пролилась на землю столько, что земля не смогла ее всю впитать.

И только потом Эдди понял, что это не кровь, а розы.

Уже знакомое чувство, в котором сплелись воедино радость и торжество, нахлынуло снова. Казалось, еще немного – и сердце взорвется в груди. В победном жесте Эдди вскинул над голову руки, сжатые в кулаки... и вдруг застыл так – с поднятыми руками.

Багровое поле раскинулось на многие мили, а у самого горизонта стояла Темная Башня – столп безмолвного камня, – взметнувшаяся так высоко, что Эдди едва различал в небесах ее шпиль. Основание ее, утопающее в алых ликующих розах, поражала внушительными исполинскими пропорциями, и все же могучая Башня, пронзающая небеса, казалась изящной и легкой. Он представлял ее абсолютно черной, но камень, скорее, был цвета гари. По восходящей спирали темнели узкие окна – бойницы; под окнами бесконечным пролетом тянулась спиральная лестница, уводя к невозможной вершине. Темно серым восклицательным знаком, вколоченным в землю, довлела Башня под полем багряно-красных роз. Над ней голубой аркой выгнулось небо, расчерченное белыми облаками, похожими на плывущие в синеве корабли. Бесконечным потоком кружили они над шпилем Темной Башни.

«Какое величие! – изумился Эдди. – Как великолепно... и странно!» Но чувство радости и торжества отступило, сменившись непонятным недоумением и ощущением неотвратимой судьбы, что грозила обрушиться на него. Он огляделся и вдруг с ужасом сообразил, что стоит в тени Башни. Нет, не просто стоит – он как бы заживо в ней похоронен.

Он закричал, но крик его утонул в золотом гласе могучего рога. Он обрушился с вершины Башни и, казалось, заполнил собою весь мир. И пока эта нота предостережения неслась над кровавым полем, из окон Башни излилась тьма. Вырвавшись наружу, чернота растеклась по небу вялыми клубами, но вскоре они слились воедино, образуя растущий провал темноты – даже не тучу, а черную опухоль, нависающую над землей. Вот она уже заполонила все небо. И тут он увидел, что это не туча, и даже не опухоль, а фигура... сумрачная, исполинская фигура, устремленная к тому месту, где он сейчас стоял. Не было смысла бежать, спасаясь от этого зверя, вырастающего в небесах над полем роз: он все равно его схватит и унесет с собой. Унесет в Темную Башню, и больше ему никогда не вернуться в мир света.

Два провала открылись во тьме, и ужасные – нечеловеческие – глаза, каждый величиною едва ли не с Шадика, исполинского медведя, что лежал теперь мертвым в лесу, взглянули вверх на Эдди. Красные... как розы, как кровь.

В ушах у него гремел мертвый голос Джека Андолини: «Тысячи

миров, Эдди – десятки тысяч! – и этот поезд идет через все. Если сумеешь его пустить. А если все же сумеешь, значит, твои заморочки только еще начинаются, потому что это эту систему потом хрен отключишь».

Голос Джека вдруг стал механическим и монотонным. «Потом хрен отключишь, Эдди, мой мальчик, лучше поверь мне на слово, хрен...»

– ...ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ – ОДИН ЧАС ШЕСТЬ МИНУТ!

Там, во сне, Эдди спрятал лицо в ладонях, защищая глаза...

... и подскочил рывком, пробудившись, у остывшего кострища, глядя на мир сквозь растопыренные пальцы. А голос все грохотал – голос бездушного офицера полицейского наряда, ревущего свои команды по матюгальнику.

– ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ, ОПАСНОСТИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПЯТЬ СУБЪЯДЕРНЫХ БАТАРЕЙ ПАССИВНЫ, ДВЕ СУБЪЯДЕРНЫХ БАТАРЕИ – В ФАЗЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ БАТАРЕЯ ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ДВА ПРОЦЕНТА ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ БАТАРЕИ УДАЛЕНЫ ИЗ СИСТЕМЫ! ПОВТОРЯЮ, ДАННЫЕ БАТАРЕИ УДАЛЕНЫ ИЗ СИСТЕМЫ! ПОДОТЧЕТНЫЙ УЧАСТОК ДЛЯ NORTH CENTRAL POSITRONICS, LIMITED! ПОЗЫВНЫЕ 1-900-44! КОД ДАННОЙ СИСТЕМЫ – «ШАДИК». ПРЕДЛАГАЕТСЯ КОМПЕНСАЦИЯ! ПОВТОРЯЮ, ПРЕДЛАГАЕТСЯ КОМПЕНСАЦИЯ!

Голос затих. Эдди увидел, что Роланд стоит на краю поляны, а Сюзанна сидит на его согнутой в локте руке. Оба они смотрели не отрываясь, по направлению звука голоса, и когда запись включилась по новой, Эдди наконец сумел встряхнуться, освобождаясь от леденящих остатков ночного кошмара. Он встал и присоединился к Роланду с Сюзанной, не переставая дивиться: это сколько ж веков назад было записано сообщение, запрограммированное на самовключение, но только в случае полной поломки системы.

– ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ – ОДИН ЧАС ПЯТЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ...

Эдди легонько коснулся руки Сюзанны, и она обернулась к нему.

– И давно оно балоболит?

– Минут пятнадцать. Тебя было не добудиться. Дрых, как сусли... – Она вдруг умолкла, не договорив. – Эдди, выглядишь ты ужасно! Ты не заболел?

– Нет. Просто был плохой сон.

Роланд внимательно посмотрел на него, так что под этим взглядом Эдди почувствовал себя неуютно.

– Иногда сны случаются вещими, Эдди? Этот, часом, был не из таких?

Эдди подумал мгновение и мотнул головой.

– Я не помню.

– Что-то я сомневаюсь, что ты не помнишь.

Эдди пожал плечами и выдавил слабую улыбку.

– Сомневайся... себе на здоровье. А как ты себя чувствуешь, Роланд?

– Тоже погано. – Голубые глаза стрелка по-прежнему пристально изучали Эдди.

– Прекратите, – вмешалась Сюзанна вроде бы бодрим голосом, но Эдди все-таки уловил скрытые нотки нервозности.

– Вы оба. У меня есть дела поважней, чем смотреть, как вы тут скачете и пытаетесь пнуть друг друга, как все равно дети, когда разыграются в «Две дрожалки». И особенно сегодня, сейчас, когда этотдохлый медведь так орет, что весь лес трясется.

Стрелок кивнул, но не сводя глаз с Эдди.

– Хорошо... но ты, Эдди, уверен, что ничего не хочешь мне рассказать?

Он уже начал об этом подумывать... чтобы действительно рассказать. О том, что он видел в огне костра. О том, что было во сне. Но, еще раз поразмыслив, решил промолчать. Может быть, из-за розы в пламени или из-за багряного изобилия роз, окрасивших алым безбрежное поле во сне. Он понимал, все равно ему не рассказать все так, как видели это его глаза и как чувствовало его сердце... словами увиденное обесценится. И потом, для начала ему хотелось обдумать все самому.

Но помни, снова сказал он себе... только голос в сознании у него прозвучал совсем не похоже на собственный его голос. Он был глубже, старше – этот чужой голос. Помни про розу... и форму ключа.

– Я потом.

– Что ты потом? – переспросил Роланд.

– Расскажу. Когда оно станет действительно важным, ну ты понимаешь, я все расскажу. Вам обоим. Сейчас это пока не так важно. Так

что, если мы все-таки едем куда-нибудь, Шейн^[1], старик, то седлай.

– Шейн? Кто такой Шейн?

– Об этом я тоже тебе расскажу потом. Как-нибудь. А теперь пора двигать.

Они свернули лагерь, упаковали свои пожитки и отправились в путь. Сюзанна забралась к себе в коляску. Эдди вдруг преисполнился твердой уверенности, что дорога им предстоит не такая уж долгая.

21

Однажды, когда Эдди еще не увлекся своим героинем так, чтобы все остальное напрочь перестало его привлекать, они с друзьями смотались в Нью-Джерси на концерт двух металлических групп – «Anthrax» и «Megadeth» – в Медоулендсе. Так вот, Эдди казалось, что грохот от «Anthrax» был только чуточку громче, чем рев повторяющегося сообщения, доносящегося из нутра поверженного медведя, хотя он и не был уверен на все сто процентов. Еще в полумили от поляны, где валялся медведь, Роланд не выдержал, остановился и оторвал шесть небольших лоскутков от своей старой рубашки. Скатав шарики, путешественники затолкали их в уши и только тогда пошли дальше. Но даже подобная мера не особенно защитила их от непрерывных разрывов звука.

– ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! – проревело в медведе, когда они выступили на поляну. Зверюга лежала там же, где и свалилась, у подножья сосны, куда забирался Эдди: поверженный колосс с раздвинутыми ногами и коленями, нацеленными в небеса, точно лохматая женщина-великанша, которая умерла, рожая. – ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ – СОРОК СЕМЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

Да уж, не представляет, бурчал про себя Эдди, подбирая разбросанные шкурки из тех немногих, которые остались более-менее целыми после атаки медведя и его предсмертных судорог. Еще как представляет. Большую опасность. Для моих бедных ушей. Он поднял с земли ружейный пояс и молча отдал его Роланду. Рядом валялся кусок деревяшки, из которого он вырезал рогатку. Эдди поднял и его и засунул в кармашек на спинке коляски Сюзанны. Стрелок медленно обернул вокруг талии широкий кожаный пояс и завязал сыромятные ремешки.

– ...В ФАЗЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА

СУБЪЯДЕРНАЯ БАТАРЕЯ ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ОДИН ПРОЦЕНТ ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ БАТАРЕИ...

Сюзанна держалась поближе к Эдди. Он передавал ей шкурки, а она их пихала в большую сумку у себя на коленях, которую сшила сама. Когда они упаковали последнюю, Роланд похлопал Эдди по плечу и передал ему заплечный мешок с засоленной олениной (в трех милях от первой поляны, у небольшой каменистой расщелины Роланд набрел на естественный соляной лизунец, что позволило им пополнить запасы мяса). Точно такой же мешок уже висел за плечом у Роланда. Другое плечо оттягивала сумка – переложенная и снова набитая всякой всячиной до отказа.

С ближайшей ветки свисала странной конструкции шлейка грубой ручной работы из прошитой стежками оленьей кожи. Роланд подхватил ее, пару секунд подержал в руках, а потом перекинул за спину и закрепил концы под грудной клеткой. Сюзанна состроила кислую мину, и Роланд это увидел. Впрочем, он ничего не сказал – все равно он не смог бы перекричать медведя, даже если бы заорал во весь голос, – а только сочувственно пожал плечами и развел руками: «Нам она может понадобится, ты же знаешь».

В ответ она тоже пожала плечами: «Знаю... но это не значит, что я в восторге».

Стрелок указал пальцем через поляну. Там две покосившихся ободранных елки отмечали то место, где Шадик, которого здесь называли когда-то Миа, вывалился на поляну.

Эдди наклонился к Сюзанне, сложил большой с указательным пальцем в колючку и вопросительно приподнял брови. «О'кей?»

Она кивнула, но прижала ладони к ушам. «О'кей... только давай выбираться отсюда, пока я окончательно не оглохла».

Путешественники двинулись через поляну. Эдди толкал перед собою коляску с Сюзанной, держащей на коленях набитую сумку со шкурками. Кармашек на спинке коляски был тоже набит до отказа, так что Эддина деревяшка была не единственным его содержимым.

За спиною у них медведь продолжал громыхать свое последнее обращение к миру, сообщая, что полное отключение системы произойдет через сорок минут. Эдди не чаял уже дожждаться. Сломанные елки, склонившиеся друг к другу, образовывали что-то вроде топорных ворот, и Эдди еще подумал: «Вот где Роландов путь к Темной Башне начинается по-настоящему, по крайней мере – для нас».

Он снова вспомнил свой сон – долгая спираль окон, распускающих черные флаги тьмы; тьмы, что набухла грозящим пятном над

нескончаемым полем роз, – и когда они проходили под покосившимися стволами, его вдруг пробила дрожь.

Они сумели проехать с коляской намного дальше, чем Роланд смел надеяться. За столько веков опадавшая хвоя древнего леса выстлала землю глубоким ковром, заглушающим рост подлеска. У Сюзанны были сильные руки – сильнее, чем у Эдди, хотя Роланд был уверен, что уже скоро в этом они сравниваются, – и она без труда толкала коляску по относительно ровному лесному настилу. Когда же дорогу им преграждали деревья, поваленные медведем, Роланд поднимал Сюзанну с коляски, а Эдди ее перетаскивал через препятствие.

Сзади – расстояние едва-едва приглушало могучий грохот – медведь сообщил, надрывая свой механический глас, что рабочая мощность последней субъядерной батареи уже почти на исходе.

– Надеюсь, сегодня тебе не придется задействовать эту чертову шлейку! – прокричала Сюзанна стрелку.

Роланд согласился с нею, но не прошло и четверти часа, как земля под ногами резко пошла под уклон, и в старый лес нагло полезли деревья поменьше и помоложе: ольха, и береза, и даже несколько чахлых и низкорослых кленов, упрямо цепляющихся за почву в поисках точки опоры. Ковер из иголок стал тоньше, и колеса коляски Сюзанны теперь начали задевать за низкий плотный кустарник, разросшийся между деревьев. Его тонкие веточки так и норовили вцепиться в спицы из нержавеющей стали. Эдди подналег всем своим весом на ручки, и так им удалось проехать еще на четверть мили вперед. Но потом спуск стал круче, а земля под ногами – мягче.

– Пора залезать на закорки, сударыня, – объявил Роланд.

– Давай попробуем на коляске еще чуть-чуть, а? Вдруг дальше будет полегче...

Роланд покачал головой.

– Если поедешь в коляске по этой горе... как там у вас говорится, Эдди?.. Провернешься?

– «Наебнешься», Роланд. Словечко из буйной блаженной моей подзаборной юности.

– Ну ладно, как бы там оно ни обзывалось, означает оно «расшибить

себе голову». Так что, Сюзанна, давай – забирайся.

– Я ненавижу, когда мне тычут, что я калека, – раздраженно пробормотала Сюзанна, но все же позволила Эдди вытащить себя из коляски и посадить в шлейку за спиной у Роланда. Усевшись как следует, она взялась за рукоять Роландова револьвера.

– Не хочешь его себе, бэби? – спросила она у Эдди.

Он покачал головой.

– У тебя получается лучше. И ты это знаешь не хуже меня.

Она зарычала и поправила ружейный ремень, так чтобы – в случае чего – было сподручней достать револьвер правой рукой.

– Я вас, ребята, задерживаю, вот что я знаю... но если мы все-таки вдруг набредем на какой-нибудь старый – добрый асфальт, тут я вас сделаю – не угонитесь.

– Не сомневаюсь, – сказал Роланд... и вдруг склонил голову набок, прислушиваясь. Лес окутала тишина.

– Мистер Медведь наконец-то заглох, – объявила Сюзанна. – Слава Богу.

– Мне казалось, у него еще есть семь минут, – вставил Эдди.

Роланд поправил ремешки шлейки.

– У него, наверное, часы поотстали за последние пять сотен лет.

– Ты действительно думаешь, он такой древний, Роланд?

Роланд кивнул.

– Это – как минимум. А теперь и его не стало... последнего из Двенадцати Стражей.

– Спроси меня, очень ли я убиваюсь по этому поводу, – сострил Эдди, и Сюзанна рассмеялась.

– Тебе удобно? – спросил у нее Роланд.

– Нет, у меня уже болит задница, но ничего – терпимо. Только ты постарайся, пожалуйста, не уронить меня, ладно?

Роланд молча кивнул и направился вниз по склону. Эдди поплелся следом, толкая перед собою пустую коляску и стараясь при этом не очень сильно биться колесами о камни, что стали теперь попадаться у них на пути. Точно большие белые костяшки торчали они из пористой земли. Теперь, когда медведь наконец заткнулся, Эдди все чаще и чаще ловил себя на мысли о том, что в лесу как-то уж слишком тихо... он себя чувствовал точно герой одного из тех старых фильмов про джунгли, где полно людоедов и здоровенных свирепых горилл.

Найти медвежий след было легко, а вот идти по нему, как выяснилось – не очень. Миль через пять после поляны он завел их в болотистую низину, хорошо еще – не в настоящую топь. К тому времени, когда местность опять начала подниматься и чуть твердеть, вылинявшие джинсы Роланда пропитались водою почти по колено, а сам он дышал тяжело и хрипло. И все же он был в лучшей форме, чем Эдди, которому приходилось тащить коляску Сюзанны по вонючей стоячей воде.

– Самое время нам отдохнуть и чуть-чуть подкрепиться, – объявил Роланд.

– Господи, наконец-то, – выдавил Эдди, помогая Сюзанне слезть со спины Роланда и усаживая ее на поваленный ствол с глубокими отметинами от когтей. Сам он плюхнулся рядом.

– Ты мне всю коляску измызгал, мой белый мальчик, – сказала Сюзанна. – Я все про тебя пропишу в телеге.

Приподняв бровь, он взглянул на нее.

– На ближайшей же автомойке я все исправлю. Собственноручно тебя провезу. Я даже смажу сцепления этой чертовой колымаги, о'кей?

Она улыбнулась.

– Может, куда-нибудь сходим, красавчик? Чего-нибудь выпьем?

Вокруг талии Эдди был обернут один из Роландовых бурдюков. Он похлопал по нему ладонью.

– О'кей?

– Да, – отозвался Роланд. – Только не много на этот раз. Каждому по чуть-чуть и – вперед. Чтобы не было судорог.

– Роланд, доблестный бойскаут из страны Оз, – Эдди хихикнул, снимая бурдюк.

– Что за Оз?

– Такая вымышленная страна из фильма, – пояснила Сюзанна.

– И не только из фильма, – поправил Эдди. – Мой брат Генри читал мне истории про страну Оз. Я тебе как-нибудь расскажу, Роланд.

– Было бы здорово, – отозвался стрелок серьезно. – мне бы хотелось узнать побольше о вашем мире.

– Оз, в общем-то, не наш мир. Как сказала Сюзанна, это вымышленная страна...

Роланд протянул каждому по куску солонины, завернутой в какие-то широкие листья.

– Когда хочешь скорее узнать о каком-нибудь новом месте, изучи для начала легенды его и сказки. Я бы послушал про эту Оз.

– О'кей. Тоже вроде бы будет свиданка с банкетом. Сьюз расскажет тебе про Дороти, и Тото, и про Железного Дровосека, а я – обо всем остальном. – Он откусил кусок мяса и одобрительно закатил глаза. Оно впитало в себя запах листа, в который было завернуто, и вкус получился просто изумительный. Эдди жадно прикончил порцию, и все это время, пока он ел, в желудке его деловито урчало. Теперь, отдышавшись, он себя чувствовал великолепно. Тело его потихонечку превращалась в крепкий футляр для накаченных мышц, и все в нем ощущалось на своих местах.

Не волнуйся, – сказал он себе. – К вечеру будешь выжатым как лимон. Похоже, Роланд намерен идти, пока я не свалюсь на месте.

Сюзанна ела не так жадно, как Эдди, запивала каждый второй – третий кусочек глотком воды и переворачивала импровизированный бутерброд в руках, кусая от каждого края к центру.

– Мы вчера вечером не договорили, – обратилась она к Роланду. – Ты сказал, что кое-что начинаешь уже понимать... насчет этой твоей разделенной памяти.

Роланд кивнул.

– Да. Мне кажется, они оба истинны, эти воспоминания. Одно – чуть-чуть правдивее, чем другое, но это не значит, что это второе – ложно.

– По мне так, Роланд, это полная белиберда, – вставил Эдди. – Либо тот мальчик, Джейк, был там на станции, либо нет.

– В этом и заключается парадокс... что-то есть и в то же время его нет. И пока все это как-то не разрешиться, мои разделенные воспоминания так и останутся разделенными. Это само по себе уже плохо, но что самое гадкое – разрыв между ними становится шире и шире. Я это чувствую. Но... не знаю, как выразить.

– А в чем, ты думаешь, причина? – спросила Сюзанна.

– Я вам уже говорил, что парнишку столкнули под колеса машины. Стокнули. А кто из известных нам типов имел привычку толкать людей подо всякие штуки?

Лицо Сюзанны озарилось вдруг пониманием.

– Джек Морт. Ты хочешь сказать, это он столкнул мальчика под машину?

– Вот именно.

– Но ты говорил, что это сделал человек в черном, – возразил Эдди. – Твой приятель Уолтер. Ты говорил, мальчик видел его... какого-то мужика, который выглядел как священник. Ты говорил, мальчик слышал, как тот

сказал: «Пропустите меня, я священник». Или я, может быть, ошибаюсь?

– О да, Уолтер был там. Они были там оба, и оба столкнули Джейка.

– Кто-то принес торазин и смирительную рубашку, – продекламировал Эдди. – Нам Роланд, бедняжка, немного поехал умом.

Роланд не обратил внимания на язвительные слова; он начал уже понимать, что дурацкие шутки Эдди – это своеобразный способ справляться со стрессовой ситуацией. Катберт поступал почти так же... как и – по-своему – Сюзанна... и Алан тоже.

– Что меня больше всего раздражает, – продолжал он невозмутимо, – так это то, что я должен был знать. Я ведь был у него внутри, у Джека Морта, я имел доступ ко всем его мыслям, как это было с тобою, Эдди, и с тобою, Сюзанна. Я видел Джейка, когда был внутри Морта. Видел глазами Морта, и я знал, что Морт хочет столкнуть его. Мало того – я ему помешал. Всего-то и надо было войти в его тело. Он даже не понял, что его отвлекло. Он был полностью сосредоточен на Джейке и подумал, что я – это какая-то муха, севшая ему на шею.

Эдди начал кое-что понимать.

– То есть, если он тогда не столкнул Джейка, значит, Джейк и не умирал. А если он не умирал, стало быть, его не было здесь, в этом мире. А если его не было в этом мире, ты никак не мог встретить его на станции. Правильно?

– Правильно. Я еще даже подумал тогда, что если Джек Морт собирается убить Джейка, мне бы не надо во все это лезть. Чтобы не сотворить этот самый парадокс, который терзает меня теперь, разрывая надвое. Но я не мог не вмешаться. Не мог. Я... я...

– Ты не мог снова убить парнишку, – закончил за него Эдди. – Каждый раз, когда я уже начинаю думать, что ты такой же бездушный, как тот электронный медведь, ты поражаешь меня неожиданным проявлением истинно человеческих чувств. Черт возьми.

– Прекрати, Эдди, – тихо сказала Сюзанна.

Эдди взглянул на стрелка, который сидел склонив голову, и весь сморщился.

– Ладно, прости меня, Роланд. Моя мама частенько мне говорила, что я сначала чего-нибудь сдуру ляпну и только потом буду думать, чего я такого сказал.

– Да все нормально. Был у меня один друг... у него тоже язык с головой не дружил.

– Катберт?

Роланд кивнул. Он долго смотрел на свою искалеченную правую руку,

потом сжал двупалую ладонь в кулак, отозвавшийся болью, вздохнул и снова поднял глаза. Где-то в зарослях леса заливался жаворонок.

– Но в одном я уверен. Даже если бы я не вошел тогда в Джека Морта, он все равно бы не стал толкать Джейка в тот день. Почему? Это ка-тет. С тех самых пор, когда умер последний мой друг... из тех, с кем мы начали этот поход... я в первый раз оказался опять в самом сосредоточии ка-тета.

– Квартета? – тупо переспросил Эдди.

Стрелок покачал головой.

– «Ка»... обычно под этим словом подразумевают «судьбу», хотя его истинное значение гораздо сложнее, Эдди, и его трудно определить однозначно, как это обычно бывает со всеми словами Высокого Слога. А «тет» – это группа людей, объединенных единою целью. Мы трое – тет, например. А «ка-тет» – это место, куда жизни многих сведены воедино судьбой.

– Как в «Мосту в Сан-Луис-Рей», – пробормотала Сюзанна.

– Как? – переспросил Роланд.

– Такой рассказ... про людей, которые умерли вместе... они шли по мосту, и он обвалился. Это известный рассказ в нашем мире.

Роланд кивнул, что он понял.

– В данном случае ка-тет связал Джейка, Морта и меня. И не было там никакой ловушки, как мне показалось сначала, когда я понял, кого Джек Морт избрал своей следующей жертвой, потому что ка-тет изменить нельзя. Над ним не властна наша воля. Но его можно увидеть, узнать и понять. Уолтер видел и Уолтер знал. – Стрелок ударил себе по бедру кулаками с горечью воскликнул: – Как он, наверное, про себя хохотал, когда я наконец до него добрался!

– Давай вернемся к тому, что могло бы случиться, если бы ты не вмешался и не перепутал все планы Морта в тот день, когда он преследовал Джейка, – перебил его Эдди. – Ты говорил, если бы ты ему не помешал, помешало бы что-то другое. Я правильно понял?

– Да... потому что в тот день Джейку не было суждено умереть. Быть может, тот день уже близился... но он еще не настал. Я это чувствовал. Может, как раз перед тем, как толкнуть Джейка, Морт бы заметил, что кто-то за ним наблюдает. Что кто-то совсем незнакомый готов вмешаться. Или...

– Или там был легавый, – подсказала Сюзанна. – Он мог заметить легавого. Не в том месте и в неподходящее время.

– Да. Внешняя причина – посланник ка-тет – не имеет значения. Я из первых рук знаю, что Морт, старый лис, был хитер. Если бы он вдруг

почуял, что что-то хоть самую малость пошло не так, он бы смылся тихонько, залег бы в нору и дождался другого дня. И я знаю кое-что еще. Он охотился исподтишка. Маскировался. В тот день, когда он сбросил кирпич на голову Одетты Холмс, на нем была вязаная шапка и свитер на пару размеров больше. Он оделся как бомж-пропойца, потому что кирпич он кидал из здания, где ночевали такие вот чмошники. Вам понятно?

Они закивали.

– А спустя годы, в тот день, когда он толкнул тебя под поезд, Сюзанна, одет он был как рабочий-строитель. На нем был большой желтый шлем, который он про себя называл «твердой шапкой»... и еще он себе прилепил фальшивые усы. То есть, в тот день, который он бы наметил себе, чтобы толкнуть Джейка, он бы оделся как священник.

– Господи, – прошептала Сюзанна. – Человек, толкнувший его в Нью-Йорке, это Джек Морт, а тот, кого мальчик видел на станции, стало быть, этот твой старый приятель, за которым ты гнался – Уолтер.

– Да.

– Но мальчик думал, что это один и тот же мужик, потому что оба они были в черных похожих одеждах?

Роланд кивнул.

– Они даже внешне похожи, Джек Морт и Уолтер. Не то чтобы как братья, я не это имел в виду, но они оба были высокого роста, с темными волосами и очень бледным лицом. И учитывая тот факт, что Джейк умирал, когда видел Морта – единственный раз и мельком, а когда видел Уолтера, тоже – единственный раз, он находился в странном непонятном месте и был перепуган до полусмерти, вполне простительно и понятно, что он ошибся. Если во всей ситуации и присутствовал некий осел, так это я, ваш покорный слуга, потому что мне следовало соображать быстрее.

– И Морт бы не понял, что его используют? – спросил вдруг Эдди. Размышляя о собственном опыте, о своих переживаниях и диких мыслях, которые он испытал, когда Роланд ворвался в его сознание, Эдди не понимал, как такое вообще может быть, что Морт не узнал бы... но Роланд лишь покачал головой.

– Уолтер всегда действовал очень коварно и, если так можно сказать, утонченно. Морт бы решил, что идея насчет одеться священником принадлежит целиком ему... так мне кажется. Он бы не различил голоса чужака – Уолтера – что подсказывал, как ему следует поступить, из глубин сознания.

– Джек Морт, – выдавил Эдди. – Каждый раз – этот Джек Морт.

– Да... но не без помощи Уолтера. Но как бы там ни было, я все равно

спас Джейку жизнь. Когда я заставил Морта спрыгнуть с платформы подземки под поезд, я все изменил.

– Но если этот Уолтер мог так вот запросто, когда ему вздумается, проходить в наш мир... может, через какую-то дверку для личного пользования... разве не мог он использовать и кого-то другого, чтобы толкнуть твоего парнишку? – спросила Сюзанна. – Если он сумел подсказать Морту одеться священником, он с тем же успехом мог бы привлечь и кого-то еще... что, Эдди? Чего головой мотаешь?

– Потому что мне кажется, Уолтер этого не хотел. А хотел он другого. Того, что как раз сейчас и происходит... чтобы Роланд терял рассудок, потихонечку, постепенно сходил с ума. Я не прав?

Роланд кивнул.

– Но даже если бы Уолтер хотел смерти Джейка, у него все равно бы уже ничего не вышло, – продолжал Эдди. – Потому что он умер задолго до того дня, когда Роланд нашел эти двери на берегу. Когда Роланд вошел в третью дверь и в сознание Джека Морта, старина Уолт давно почил в бозе.

Сюзанна подумала и кивнула.

– Да, понимаю... мне кажется. Все эти путешествия во времени так еще с панталыку сбивают, а?

Роланд принялся укладывать все, что он вынул, обратно в сумку.

– Пора двигать дальше.

Эдди встал и закинул свой мешок за плечо.

– Зато тебе есть, чем утешиться, – повернулся он к Роланду. – Ты... или этот твой ка-тет... сумели все-таки спасти парня.

Роланд сосредоточенно перевязывал узлы на креплении шлейки. Когда же он поднял глаза, Эдди невольно попятился от их пылающей чистоты и прозрачности.

– Правда? – хрипло выдавил стрелок. – Ты действительно так считаешь? Я постепенно схожу с ума, пытаюсь жить, примирив между собою две разных версии одной реальности. Ты понимаешь, что это такое? Я поначалу еще надеялся, что одна из них потихоньку сотрется из памяти, только этого не происходит. А происходит как раз обратное: эти две разных реальности проявляются у меня в голове все четче и четче и противостояние между ними грозит разразиться уже настоящей войной. Так что лучше скажи мне, Эдди, как ты думаешь, как себя должен чувствовать Джейк? Как себя чувствует человек... ребенок... который знает, что в одном мире он умер, а в другом продолжает жить?

Снова запел свою песню жаворонок, но никто из них этого не заметил. Эдди смотрел в словно бы полинявшие голубые глаза, горящие на бледном

лице стрелка, и не знал, что ответить.

24

В ту ночь они расположились лагерем на поляне в пятнадцати милях к востоку от того места, где остался мертвый медведь. Заснули, как только легли, изможденные (даже Роланд проспал всю ночь, хотя его сны были как бешеный карнавал кошмаров), и проснулись на следующий день на рассвете. Эдди молча развел костер и лишь взглянул на Сюзанну, когда в зарослях неподалеку раздался выстрел.

– Завтрак, – коротко констатировала она.

Три минуты спустя Роланд вернулся в лагерь со шкуркою, перекинутой через плечо. На ней покоился свежесъеденный и уже освеженный кролик. Сюзанна молча его приготовила. Путешественники поели и отправились дальше.

Эдди пытался представить себе, каково это: помнить о собственной смерти. Все утро эта мысль не давала ему покоя.

25

А вскоре после полудня они вышли к участку леса, где почти все деревья были повалены или выкорчеваны из почвы, а кустарник буквально размазан по земле... впечатление было такое, что когда-то давно здесь прошел ураган, сметая все на своем пути в разрушительном буйстве.

– Мы почти добрались, – объявил Роланд. – Теперь уже близко. Он тут все порушил, чтобы расчистить обзор. Наш приятель-медведь не любил сюрпризов. Он был здоровенный, но не любезный.

– А он не оставил, случайно, сюрпризов нам? – любопытствовал Эдди.

– Может быть, – улыбнулся Роланд, похлопав его по плечу. – Но если даже и так... это будут старенькие сюрпризы.

Здесь им пришлось сбавить темп. Большинство из поваленных деревьев, преграждавших дорогу, были старыми, даже древними – многие рассыпались трухой, мешаясь с землею, из которой их выдернули когда-то, – но все равно продвижение вперед сквозь мешанину ветвей и стволов

походило скорее на бег с препятствиями. Даже если бы все путешественники были, что называется, дееспособны, такой переход все равно представлял бы немалые трудности, а ведь ситуацию усугубляло и то, что Роланду приходилось тащить на себе Сюзанну, так что поход превратился в настоящее испытание выносливости и нервов.

Местами раскиданные деревья и расплющенный кустарник полностью перекрывали медвежий след, и это тоже задерживало путешественников. До полудня они шли, ориентируясь по глубоким отметинам когтей на стволах, четким и ясным, как проложенная меж деревьев тропа. Но здесь, в самом начале пути, гнев исполинского зверя не разыгрался еще в полную силу, и отметины эти пропали. Роланд медленно прокладывал дорогу, высматривая испражнения в кустах и клочки шерсти на коре поваленных деревьев, через которые перебирался медведь. День уже близился к вечеру, когда они наконец миновали этот гниющий участок леса – и прошли-то всего три мили!

Эдди уже опасался, что они не выберутся оттуда до темноты и им придется заночевать в этом массиве, не пробуждающим в нем ничего, кроме чувства гадливости, и когда он совсем уже было отчаялся, они выбрались наконец на опушку леса, заросшую редкой ольхой. Впереди, за деревьями, в каменном ложе своем гроыхала река. За спиной заходящее солнце пролило воспаленный багряный свет на гниющий участок леса, который они только что миновали. В гаснущем свете дня стволы упавших деревьев обернулись перекрестием черных линий, напоминающих знаки китайской письменности.

Роланд объявил привал и снял со спины Сюзанну. Потянувшись как следует, он упер руки в боки и немного размялся, покрутив корпусом вправо и влево.

– Здесь, что ли, ночуем? – с облегчением осведомился Эдди.

Роланд покачал головой.

– Отдай ему свой револьвер, Сюзанна.

Она сделала, как он сказал, лишь вопросительно на него посмотрела.

– Пойдем, Эдди, со мной. Мы уже совсем рядом. Место, ради которого мы пришли... оно на той стороне этой ольховой опушки. Нам надо взглянуть. И еще – кое-что сделать.

– Но почему ты решил...

– Послушай.

Эдди прислушался. Только теперь он вдруг сообразил, что из-за деревьев доносится гул механизмов и что он его уже слышит какое-то время.

- Но мне не хотелось бы оставлять Сюзанну.
- Мы далеко все равно не пойдем, а голосище у нее будь здоров. К тому же, если и существует опасность, то она впереди... так что мы будем между.
- Эдди нерешительно посмотрел на Сюзанну.
- Идите... но постарайтесь вернуться быстрее. – Она оглянулась назад, задумчиво глядя туда, откуда они пришли. – Не знаю, есть у них тут муравьи или нет, но у меня ощущение, что есть.
- Мы вернемся еще засветло, – пообещал Роланд и, не проронив больше ни слова, направился к ольховой опушке. Помедлив мгновение, Эдди поплелся следом.

Углубившись в ольховую рощицу ярдов этак на пятнадцать, Эдди вдруг сообразил, что они с Роландом идут по тропинке – ее, вероятно, за многие годы протоптал для себя медведь. Деревья клонились над ними, образуя живой тоннель. Теперь гул механизмов стал громче, и Эдди начал уже различать его отдельные составляющие. Вот – глухое гудение, похожее на густое жужжание. Эдди не столько слышал его, сколько чувствовал под ногами – слабую вибрацию, словно где-то под землей работал большой агрегат. Мерный гул, как царапины, прорезали скрежещающие перекрестные звуки... вжик, вжик, бдзжж.

Прильнув губами к самому уху Эдди, Роланд проговорил:

– Лучше нам тут не шуметь.

Они прошли еще ярдов пять, и Роланд снова остановился. Вытащил из кобуры револьвер и дулом его отодвинул ветку, что свисала под тяжестью листьев, окрашенных отблесками заката. Сквозь открывшийся просвет Эдди выглянул на поляну, где все эти долгие годы жил исполинский медведь... на своей оперативной базе, откуда он время от времени делал вылазки и грабительские набеги, сея ужас и опустошение.

Здесь не было ни травы, ни подлеска: вытоптанная земля уже давно ничего не родила. Из-под основания каменной стены высотой в пять десятков футов выбивался родник и тек ручейком по поляне в форме наконечника стрелы. На их стороне ручья, одним боком к стене, стоял металлический куб высотой футов в девять. Закругленная его крыша напомнила Эдди вход на станцию подземки. Передняя стенка расписана

диагональными полосами: желтая – черная, желтая – черная. Земля на поляне была не черной, как в лесу, а какого-то странного, вроде бы пыльного серого цвета. Земля, усыпанная костями... и тут Эдди понял, что серая эта почва – вовсе не земля, как он решил поначалу, а тоже кости, только такие древние, что они давно рассыпались в пыль. Прах к праху.

И в этой серой пыли что-то двигалось... какие-то штуки, которые, собственно, и издавали тот самый режущий ухо скрежет. Четыре... нет, пять штуквин. Какие-то небольшие металлические устройства, самое крупное – размером со щенка колли. Роботы, понял Эдди, или что-то на них похожее. Было у них кое-что общее, так что медведю, вне всяких сомнений, они служили только для одного... сверху у каждого быстро вертелось по крошечному радару.

«Еще вам, пожалуйста, “думалки-шапки”. Что же это за мир такой, Господи?!» – спросил себя Эдди.

Самое крупное из устройств напомнило Эдди игрушечный трактор, который ему подарили на день рождения, на шесть – или семь – лет. Оно деловито ползало по поляне, и его гусеницы поднимали крошечные облачка костяной пыли. Второе походило на крысу из нержавеющей стали. Третье – на змею из стальных сегментов; оно извивалось и горбилось в пыли. Они двигались, образуя неровный круг, на той стороне ручья. Ходили кругами по глубокой колее, за столько лет выдолбленной в земле. Эдди вспомнились карикатуры из номеров «Сэтедей Ивнинг Пост», которые мама зачем-то складывала в передней и не разрешала выбрасывать: обеспокоенные, нервно курящие мужики ходят туда-сюда по ковру, вытаптывая в ворсе лылые «дорожки», в ожидании, когда их женушки благополучно разрешатся от бремени.

Когда глаза его попривыкли к незамысловатой географии поляны, Эдди увидел, что разномастных этих уродцев – не пять, а гораздо больше. Он разглядел еще как минимум дюжину, а ведь их могло быть и больше, скрытых под окостеневшими останками прежних медвежьих трапез. Разница только в том, что те, остальные, не двигались. В течение веков эти «вельможи» из механической свиты царя-медведя потихонечку умирали один за другим, пока их не осталось лишь пять... да и они уже доживали свой век, судя по этому нездоровому ржавому скрежету. И в особенности змея... уже еле-еле ползет следом за механической крысой. Устройство, что двигалось следом за нею – этакий стальной чурбан на коротких лапах – то и дело налетало на замешкавшуюся змеюку и как будто подталкивало ее вперед, мол, давай, мать твою, пошевеливайся.

Эдди все задавался вопросом, в чем заключалась их функция. Что не

защитная – это ясно; медведь был «устроен» так, чтобы суметь самому себя защитить. Эдди даже не сомневался: если б они повстречались с Шадиком, когда тот был в расцвете сил, он бы шутя прожевал их и выплюнул. Всех троих. Может быть, эти мелкие роботы находились при нем как ремонтная бригада, или разведчики, или посланцы-курьеры. Он допускал, что они могли быть опасны, но только когда дело касалось самозащиты... или защиты хозяина. С виду они вполне мирные, невоинственные.

На самом деле, было в них что-то жалкое. Почти все из бывлой команды давно повымерли, хозяин тоже закончил земное существование, и Эдди почему-то не сомневался, что им – оставшимся – это известно. Они излучали отнюдь не угрозу, а некую странную, нечеловеческую печаль. Древние, поизносившиеся, они продолжали свое бесполезное теперь движение по кругу на этой Богом забытой поляне по проторенной колее, которую сами прорыли в земле, и Эдди даже казалось, что он ловит обрывки их мыслей, мечущихся, бессвязных: «Горе нам, горе нам... что теперь? Зачем мы теперь, когда Его больше нет? Кому еще мы нужны теперь, когда Его больше нет? Горе нам, горе нам...»

Тут что-то дернуло Эдди за ногу, и он едва ли не вскрикнул от неожиданности и страха. Развернувшись, вскинув Роландов револьвер, и увидел, что это Сюзанна – смотрит на него снизу вверх широко распахнутыми глазами. Эдди с облегчением вздохнул и осторожно отпустил взведенный курок, поставив его на место. Встал на колени, положил руки Сюзанне на плечи, поцеловал ее в щеку и прошептал в самое ухо:

– Я едва тебе голову не прострелил... твою глупенькую головку... что ты здесь делаешь?

– Тоже хочу посмотреть, – прошептала она в ответ, ни капельки не смутившись, потом посмотрела на Роланда, опустившегося перед нею на корточки. – И мне там одной стало страшно.

Пробираясь ползком сквозь кустарник, она оцарапала руки до крови, однако Роланд про себя отметил, что если Сюзанна захочет, она может двигаться тихо, как призрак – даже он не услышал, как она к ним подобралась. Вынув из заднего кармана джинсов чистый лоскут (последний от старой его рубахи), он вытер капельки крови с ее ладоней и рук и промакнул небольшой порез у нее на лбу.

– Ну так смотри, – сказал он одними губами. – Ты, по-моему, заслужила.

Наклонившись, Роланд раздвинул ветви кустарника на уровне глаз Сюзанны. Она восхищенно уставилась на поляну. Стрелок терпеливо

дождался, когда она оторвется, и отпустил ветки, которые снова сомкнулись.

– Мне их жалко, – шепнула она. – Звучит как бред сумасшедшего, да?

– Вовсе нет, – прошептал Роланд в ответ. – Их пути для нас странны, но это создания великой печали. Они тоже страдают, по-своему. Эдди как раз собирался их вырубить, чтоб прекратить их мучения.

Эдди отчаянно замотал головой.

– Да, собирался... если только ты не намерен просидеть тут всю ночь на своих, как ты выражаешься, «причиндалах». Целься в шляпки. Эти вертящиеся штуковины.

– А если я промахнусь? – в ярости прошипел Эдди.

Роланд пожал плечами.

Эдди встал и с явной неохотой опять взвел курок Роландова револьвера. Сквозь сплетение ветвей смотрел он на эти жалобные механизмы, кружащие по своей одинокой бесцельной орбите. Все равно как щенков стрелять, мрачно подумал он. И тут вдруг увидел, как один из них – тот, что похож на коробку с ножками – выпустил из середины «брюха» уродливое с виду орудие типа клещей и ущипнул замешкавшуюся змею. Та издала удивленный жужжащий всхлип и рванулась вперед. Ходячая коробка втянула клещи назад.

«Ну... может быть, не совсем как стрелять щенков», – решил Эдди. Покосился на Роланда. Тот смотрел на него безо всякого выражения, скрестив руки на груди.

«Ты выбрал не самое подходящее время, чтобы преподать мне урок, старина».

Эдди вспомнил, как Сюзанна стреляла в медведя. Сначала – в мохнатую задницу, потом, когда тот наклонил к ним с Роландом морду – прямо в сенсорное устройство у него на башке. Разнесла его в щепки. Ему даже стало немножечко за себя стыдно. И было еще кое-что: в глубине души он хотел расстрелять их, как хотел разобраться тогда с Балазаром и его командой уродов в «Падающей башне». Побуждение, может быть, тошнотворное, но не лишенное некоторой привлекательности: «Посмотрим сейчас, чья возьмет... поглядим».

Да, тошнотворно.

«Представь, что ты в тире и хочешь выиграть для своей подружки плюшевую собаку, – сказал он себе. – Или плюшевого медвежонка». Он уже начал прицеливаться в ходячую коробку, как вдруг Роланд взял его за плечо. Эдди в раздражении обернулся к нему.

– Повтори, что мы с тобой проходили, Эдди. Только не ошибись.

Эдди в сердцах зашипел сквозь зубы, разъяренный вмешательством, но Роланд твердо смотрел на него, как что Эдди пришлось сделать глубокий вдох и попытаться очистить свой разум от всего постороннего: от натужного скрежета механизмов, круживших по этой поляне так долго, от спазмов и боли в мышцах, от осознания того, что Сюзанна рядом, наблюдает за ним, опершись о ладони, что она ближе к земле, и если он вдруг промахнется, она станет ближайшей мишенью, если вдруг механическому устройству вздумается нанести ответный удар.

– «Я стреляю не рукою; тот, кто стреляет рукою, забыл лицо своего отца».

«Это – какая-то глупая шутка», – еще подумал он про себя. Он не узнал бы своего папашу, столкнусь он с ним нос к носу на улице. Но все-таки Эдди чувствовал, что слова помогают ему: прочищают рассудок и укрепляют нервы. Он не знал, сможет ли из него получиться стрелок, настоящий... хотя имел смутное подозрение, что вряд ли, несмотря даже на то, что он прекрасно себя проявил в той перестрелке у Балазара... но одно он знал наверняка: какой-то частице его души нравилась эта спокойная и отрешенная холодность, что всегда нисходила на него, когда Эдди произносил слова древнего катехизиса, которому его обучил стрелок... холодность и еще новое ощущение мира, который вдруг приобретал какую-то захватывающую ясность. Хотя другая частица его души с той же ясностью осознавала, что это тоже – своего рода наркотик, смертельный наркотик, мало чем отличающийся от героина, который сгубил Генри и едва не убил и его самого, но это ни капельки не умаляло напряженного, будто звенящего удовольствия от момента. Оно билось в нем, как провода электропередачи, вибрирующие от сильного ветра.

– «Целюсь я не рукою; тот, кто целится рукою, забыл лицо своего отца».

– «Я целюсь глазом».

– «Я убиваю не выстрелом из револьвера; кто убивает выстрелом, забыл лицо своего отца».

А потом – он и сам сначала не понял, как это его угораздило – Эдди вдруг выступил из-под прикрытия деревьев и произнес в полный голос, обращаясь к роботам, ковыляющим на той стороне поляны:

– «Я убиваю сердцем».

Они застыли на месте, остановив бесконечное свое кружение. Один зажужжал на высокой ноте. Может быть, это была тревога... или предупреждение? Крошечные блюдца радаров повернулись на звук его голоса.

Эдди открыл огонь.

Сенсоры разлетались, точно глиняные свистульки, один за другим. В сердце Эдди уже не было места для жалости... только эта отрешенная холодность и еще – знание, что он уже не остановится, не сможет остановиться, пока вся работа не будет закончена.

Грохот от выстрелов громовыми раскатами прокатился по сумеречной поляне, отдавшись эхом от обветшалой каменной стены. Стальная змея пару раз кувыркнулась и задергалась в серой пыли. Самое крупное из устройств – то, что напомнило Эдди игрушечный трактор – попыталось спастись бегством, но замешкалось, выбираясь из колеи. Выстрел Эдди снес его радар напрочь. «Трактор» врылся в землю квадратным носом, из пазов, где крепились стеклянные его глаза, слабой струйкой излилось голубое пламя.

Эдди промахнулся лишь раз – по сенсору крысы из нержавеющей стали. С тонким писком, похожим на писк комара, пуля отскочила от металлической спинки. Крыса выскочила из колеи, обежала полукругом своего сотоварища в виде коробки с ножками, который шел за змеей, и бросилась через поляну со скоростью прямо-таки удивительной, издавая какие-то гневные лязгающие звуки. Когда расстояние между ними достаточно сократилось, Эдди разглядел у нее во рту длинные острые иголки. Не зубы, а именно иголки, толстые, как для швейной машинки. Крыса щетинилась, щелкая пастью. Да, сказал себе Эдди, как выясняется, эти штуковины на щенков совсем не похожи.

– Прикончи ее, Роланд! – в отчаянии закричал он, но, оглянувшись, увидел, что Роланд по-прежнему стоит, скрестив руки на груди, с таким невозмутимым и безмятежным лицом, словно бы погруженный в раздумья над шахматной задачей или предавшийся сладостным воспоминаниям о старых любовных письмах.

Радар на спине у крысы вдруг на мгновение остановился, потом чуть изменил направление и нацелился прямо на Сюзанну Дин.

«Остался один патрон, – сказал себе Эдди. – Если я промахнусь, эта дрянь обдерет ей лицо».

Но вместо того, чтобы стрелять, он шагнул вперед и со всей силы пнул крысу ногой. Сегодня он был не в ботинках, а в мокасинах, пошитых из оленьей кожи, так что удар отдался по ноге до колена. Крыса с писклявым скрежетом покатилась, переворачиваясь в пыли, и остановилась, приземлившись на спину. Дюжина коротких механических ножек заходили туда – сюда, точно поршни. Каждая заканчивалась острым стальным когтем. Когти эти проворачивались на шарнирах размером со средний

ластик.

Из брюха робота высунулся стальной стержень, и крыса перевернулась на ноги. Эдди опустил револьвер Роланда, не поддаваясь мгновенному искушению придержать его свободной рукой. Так, может быть, в его мире учат стрелять легавых, но для этого мира подобный прием вовсе не подходил. «Когда забываешь про револьвер, когда ощущение такое, что ты стреляешь не им, а пальцем, – как-то сказал им Роланд, – считай, что ты уже проиграл».

Эдди нажал на курок. Крошечный радар, который опять завертелся в поисках врага, исчез в голубой вспышке пламени. Крыса сдавленно всхрюкнула – Хлюп! – и завалилась на бок. Мертвая.

Эдди повернулся к Роланду. Сердце бешено колотилось в груди. Он был взбешен... такой жгучей ярости он не испытывал с того самого раза, когда осознал, что Роланд намерен держать его в этом чертовом мире, пока не найдет свою чертову Башню... и не выйдет на бой за нее... иными словами, пока все они, может быть, не превратятся в жратву для червей.

Приставив дуло револьвера – с пустым барабаном – к груди стрелка, он прохрипел, не узнавая собственного голоса:

– Если бы здесь оставался еще патрон, ты бы мог уже не волноваться об этой гребанной своей Башне.

– Прекрати это, Эдди! – резко проговорила Сюзанна.

Он посмотрел на нее.

– Она подбиралась к тебе, Сюзанна, и вряд ли с дружественными намерениями.

– Но она до меня не добралась. Ты ее сделал, Эдди. Ты ее сделал.

– Только не благодаря ему. – Эдди хотел было убрать револьвер в кобуру, но тут осознал, к своему вящему раздражению, что у него нет ремня. Ремень с кобурой был у Сюзанны. – Ему и его урокам. Его проклятым урокам.

Отрешенное выражение Роланда, подогретое только поверхностным интересом, вдруг изменилось. Его взгляд метнулся куда-то поверх левого плеча Эдди.

– ЛОЖИСЬ! – крикнул он.

Эдди не стал задавать лишних вопросов. Смущение и гнев как рукою сняло. Он упал лицом вниз, успев заметить еще, как левая рука Роланда метнулась молнией к кобуре на боку. Господи, подумал Эдди еще в падении, БЫТЬ ТАКОГО НЕ МОЖЕТ, люди не могут так быстро двигаться. Я сам – не пентюх какой-нибудь, но по сравнению с Сюзанной я просто копуша, а она по сравнению с ним – что твоя черепаха, тщащаяся

заползти наверх по куску стекла...

Что-то пронеслось у него над головой... какая-то гадость, визжащая в механической ярости, вырвала у него на лету клочок волос. Потом раздалась три выстрела – три громовых раската. Это Роланд стрелял с бедра. Пронзительный визг прекратился. Существо, похожее на здоровенную механическую летучую мышь, шлепнулось на землю между тем местом, где лежал ничком Эдди, и тем, где стояли Сюзанна с Роландом. Одно перепончатое, покрытое ржавым налетом крыло слабо ударилось оземь, словно в ярости за упущенный шанс, и затихло, уже неподвижное.

Роланд направился к Эдди, ступая легко и неслышно в своих старых растрескавшихся ботинках. Протянул руку. Эдди принял ее, и Роланд помог ему встать. Падая, Эдди ударился и сбил дыхание, и не мог сейчас говорить. Может быть, это и к лучшему... а то каждый раз, когда я раскрываю пасть, я обязательно ляпну чего-нибудь явно не то...

– Эдди! Ты как, в порядке? – Сюзанна уже направлялась к нему. Он же стоял, склонив голову и согнувшись едва ли не пополам, пытаясь восстановить дыхание.

– Ага, – слово далось ему не без труда. Он заставил себя встать прямо. – Только прическу она мне подпортила.

– Она притаилась среди деревьев, – сказал Роланд. – Я сам поначалу ее не заметил. В сумерках свет обманчив. – Он мгновение помолчал и добавил все тем же спокойным и мягким тоном: – Ей ничего не грозило, Эдди. Сюзанне, то есть.

Эдди кивнул. Только теперь он по-настоящему осознал, с какой скоростью может двигаться Роланд. Да он мог бы скушать двойной гамбургер и выпить коктейля, а потом уже браться за револьвер, и у него бы еще оставалось пару секунд в запасе.

– Ну хорошо. Давай скажем так, что я просто не одобряю твою педагогическую методику, о'кей? Но извиняться я не собираюсь, так что если ты ждешь извинений, лучше не обольщайся сразу.

Роланд наклонился к Сюзанне, приподнял ее и принялся очищать ей одежду и волосы с такой беспристрастной нежностью, как мать отряхивает комбинезончик своему драгоценному чаду, когда тот, заигравшись, извозится в пыли и грязи на заднем дворе.

– Никто и не ждет от тебя извинений. Мне они не нужны. Позавчера мы с Сюзанной уже говорили об этом. Правда, Сюзанна?

Она кивнула.

– Роланд считает, что ученику иной раз вовсе не повредит добрый пинок по ребрам. Чтоб из него получился потом настоящий стрелок.

Эдди оглянулся разок на поверженных роботов и принялся медленно стряхивать костяную пыль со штанов и рубашки.

– А что если, Роланд, дружище, я скажу тебе, что не хочу становиться стрелком?

– Тогда я скажу, что желания твои сейчас мало что значат. – Роланд смотрел на металлический киоск, притулившийся к каменистой стене, как будто утратив всяческий интерес к поднятой теме. Эдди не раз наблюдал подобное. Когда речь заходила о том, что будет, могло бы быть или чему быть следует, Роланд всегда терял интерес.

– Ка? – в голосе Эдди послышалась прежняя горечь.

– Все правильно. Ка. – Роланд подошел к полосатому киоску и провел рукою по желтым и черным линиям. – Мы отыскиали Врата... одни из Двенадцати врат, что опоясывают мир по краю... один из шести путей к Темной Башне.

– И это тоже – ка.

Эдди сходил за коляской Сюзанны. Вызвался сам, никто его не просил: просто ему вдруг захотелось побыть одному, поразмыслить, взять себя в руки. Теперь, когда он отстрелялся и напряжение спало, все мышцы в теле его сотрясаясь толчками. Его била неудержимая дрожь, и он не хотел, чтобы Роланд с Сюзанной видели его в таком состоянии – и даже не потому, что они могли бы принять эту дрожь за страх, а потому, что могли распознать ее истинную причину: предельное возбуждение. Ему это понравилось. Даже при том, что летучая мышь едва не сняла с него скальп, ему это понравилось.

«Выгребываешься, приятель. И сам это знаешь».

Но в том-то и заключалась проблема, что он не знал. Только что Эдди столкнулся лицом к лицу с тем же самым, что открыла для себя Сюзанна, когда пристрелила медведя: можно сколько угодно кричать о том, что тебе не хочется становиться стрелком, быть стрелком, как тебе надоело шляться по этому шизанутому миру, где, кажется, кроме тебя и твоих двух товарищей больше нет ни единого человеческого существа, что больше всего тебе хочется оказаться сейчас на углу Сорок-Второй и Бродвея, стоять там, щелкать пальцами, подзывая лотошника, есть хот-дог с соусом чили, включить плеер, слушать «Creedence Clearwater Revival» и глазеть

на девчонок, сексапильных нью-йоркских девчонок в мини-юбках, с длинными ногами и пухлыми губками, так заманчиво выговаривающими: «Я не пошел бы ты к буйволу»... Ты можешь вопить обо всем этом до посинения, но себя все равно не обманешь. Сердцем ты знаешь, что тебе это нравится. Он ловил кайф, паля по шагающим электронным зверюгам... по крайней мере, пока держал в руках револьвер, превратившийся в этакий портативный «перун карающий» для личного пользования. Он словил кайф, пнув робота-крысу, хотя ноге было больно, а сам он перепугался до полусмерти. И, как бы дико оно ни звучало, даже то, что он перепугался, только добавило ему кайфа.

Все это – само по себе уже гадко, но Эдди сегодня узнал про себя кое-что еще: если прямо сейчас перед ним вдруг возникнет волшебная дверь и откроется обратно в Нью-Йорк, он, может быть, и не вернется туда. Во всяком случае, пока не увидит своими глазами эту чертову Темную Башню. Он уже начал подозревать, что болезнь у Роланда – заразная.

Так, пихая коляску Сюзанны сквозь густые заросли ольхи, кляня на чем свет стоит тонкие ветки, что норовили ударить его в лицо и задеть глаза, Эдди нашел в себе силы признаться себе кое в чем не слишком для себя лестном, переварить это все и принять, и допущения эти поостудили немного разгоряченную его кровь. «Просто мне хочется посмотреть, она такая же как в моем сне или нет, – думал он. – Увидеть воочию нечто подобное... это будет действительно фантастично».

И тут в голове у него прозвучал иной голос. «Зуб даю, остальные его друзья... ну эти, со странными именами, как у рыцарей Круглого Стола при дворе короля Артура... зуб даю, они тоже что-то такое похожее переживали, Эдди. А теперь они все мертвы. Все до единого».

Он узнал этот голос. Генри. Вот почему ему было так трудно его не слушать.

Держа Сюзанну на правом бедре, Роланд стоял перед металлическим кубом, напоминающим запертый на ночь вход на станцию подземки. Оставив коляску на краю поляны, Эдди тоже подошел. Здесь, ближе к кубу, гул и вибрация под ногами стали гораздо громче, то есть, механизм, этот гул издающий, располагался либо внутри «коробки», либо под нею. Эдди казалось, что он его воспринимает не слухом, а каждой клеточкой мозга

или прямо нутром.

– Значит, это – врата из тех самых двенадцати. И куда они открываются, Роланд? В Дисней-ленд?

Роланд покачал головой.

– Я не знаю, куда. Может, вообще никуда... или во всюду. В этом мире есть много, чего я не знаю... вы это, наверное, уже поняли. И многое из того, что я знал, изменилось.

– Потому что мир сдвинулся с места?

– Да. – Роланд взглянул на него. – Знаешь, это не просто такой оборот. Мир действительно сдвинулся с места... он и сейчас еще движется, только быстрее. И все здесь приходит в упадок, ветшает... разваливается на части... – Он пнул механический трупик ходячей коробки, как бы подчеркивая свои слова.

Эдди вдруг вспомнил круглую схемку, которую Роланд чертил на земле.

– И, стало быть, это – край света? – спросил он едва ли не робко. – Я хочу сказать, место как место. Ничего особенного. – Он хохотнул. – Я так себе представлял, что должна быть какая-то пропасть... только что-то ее не видать.

Роланд покачал головой.

– Это не тот край света, а просто такое место, откуда выходит один из Лучей. Во всяком случае, меня так учили.

– Лучей? – переспросила Сюзанна. – Что еще за Лучи?

– Древние не создавали мир... они его воссоздали. Кое-кто из сказителей утверждает, что Лучи спасли мир; кое-кто убежден, что они заключают в себе семена разрушения. Их создали Древние. Это такие линии... они удерживают... и связывают...

– Ты, случайно, не о магнитных полях говоришь? – осторожно осведомилась Сюзанна.

Лицо Роланда, вечно суровое и угрюмое, вдруг словно бы просветлело и стало совсем другим, новым и удивительным, и Эдди подумал, что он теперь знает, каким будет Роланд, когда дойдет наконец до своей Темной Башни.

– Да! И об этом тоже... и еще – о гравитации... и о надлежащем соотношении размера, пространства и измерения. Лучи – это силы, которыми все это сводится воедино.

– Добро пожаловать к нам в психушку с узкой физической специализацией! – буркнул Эдди, понизив голос.

Сюзанна не обратила на него внимания.

– А Темная Башня? Она – типа базового генератора? Главный источник энергии для Лучей?

– Я не знаю.

– Но зато знаешь, что мы сейчас в точке А, – сказал Эдди. – Если мы будем отсюда идти по прямой, то в конце концов мы придем к противоположным Вратам... назовем их точкой С... на том краю света. А посередине отрезка А-С расположена точка В. Центральная точка. Темная Башня.

Стрелок кивнул.

– И долго придется идти? Ты, случайно, не в курсе?

– Нет, знаю только, что долго. Она далеко, и с каждым днем – все дальше. Расстояние растет.

Эдди нагнулся, чтобы рассмотреть ходячую коробку. Теперь он выпрямился и взглянул на Роланда.

– Не может такого быть, – тон его походил на увещевания взрослого, который пытается убедить ребенка, что в шкафу у него не живет маленький домовой, что такого не может быть, потому что домовых вообще не бывает. – Миры не растут, Роланд.

– Правда? Когда я был маленьким, Эдди, помню, у нас во дворце были карты. Одну я запомнил. Называлась она «Великие королевства Западной Земли». Была там моя страна, Гилеад. И Низинные Феоды... в тот год, когда я получил свои револьверы, там уже шла гражданская война... И холмы, и пустыня, и горы, и Западное море. По этой карте от Гилеада до моря расстояние было неблизким – тысяча, если не больше миль, – но чтобы его пройти, мне понадобилось целых двенадцать лет.

– Но это же невозможно, – едва ли не в страхе выпалила Сюзанна. – Даже если ты все эти мили прошел пешком, все равно это много – двенадцать лет.

– Ну, если учесть, что тебе приходилось не раз останавливаться, чтобы отправить домой открытки и выпить пивка... – начал Эдди, но Роланд с Сюзанной его просто проигнорировали.

– Я не пешком добирался. Почти всю дорогу я ехал верхом, – сказал Роланд. – Меня то и дело... задерживали, скажем так... но я старался зря время не тратить. Чтобы убраться подальше... подальше от Джона Фарсона, который начал мятеж, опрокинувший мир, мне знакомый, мир, в котором я вырос... он спал и видел, как бы снести мне башку и водрузить ее на кол у себя на переднем дворе... должен признать, у него были на то причины, поскольку я и мои друзья перебили весь «цвет» его шайки... и, потом, я кое-что спер у него, очень ему дорогое.

– Что, Роланд? – не сдержал любопытства Эдди.

Роланд покачал головой.

– Это совсем другая история... может быть, я расскажу, но потом... или вообще никогда. Сейчас важно не это. Вдумайтесь: я прошел не одну сотню миль – много сотен. Потому что мир увеличивается, растет.

– Такого просто не может быть, – настойчиво повторил Эдди, но его все равно вдруг пробила дрожь. – Бывают землетрясения... наводнения... приливы на море, отливы... ну, я не знаю...

– Послушай! – Роланд, кажется, начал уже выходить из себя. – Посмотри, оглянись вокруг! Что ты видишь? Мир, который сейчас выдыхается, как вращение волчка, когда он готов уже остановиться, пусть даже вам не понятно, как оно происходит – его движение. Да хотя бы на то посмотри, что ты сейчас подстрелил. Посмотри, Эдди, пожалуйста, ради отца своего – посмотри!

Он отступил на два шага к ручью, поднял с земли металлическую змею, быстро ее осмотрел и перекинул Эдди, который поймал ее левой рукой. Она переломилась надвое прямо у него в руке, и одна половина упала на землю.

– Видишь? Видишь, она истощилась, от нее ничего не осталось. Все эти странные существа, на которых мы тут набрали, умирали уже. Если бы мы не пришли, они все равно бы накрылись, и очень скоро. И медведь этот – тоже.

– Медведь, похоже, был чем-то болен, – вставила Сюзанна.

Стрелок кивнул.

– Да, паразиты. Они поселились в его органическом теле. Но почему – не раньше? Почему только сейчас?

Сюзанна в ответ промолчала.

Эдди изучал половинку змеи у себя в руках. В отличие от медведя она представляла собою конструкцию, целиком искусственную – существо, скроенное из металла, электронных цепей и ярдов (если не миль) проводов, тоненьких как паутинка. Однако, Эдди сумел разглядеть струпья ржавчины на нержавеющей стали. Причем, не только на внешних сегментах, но и внутри. Было еще какое-то влажное пятно. Либо вытекло масло, либо вода просочилась снаружи. Кое-где эта влага разъела проводку, а на крошечных платах размером с ноготь большого пальца зеленела какая-то гадость, похожая с виду на мох.

Эдди перевернул половинку змеи пузом вверх. На стальной пластинке ясно читалось имя производителя: North Central Positronics, Ltd. Стоял так же серийный номер, но имени не было. Может быть, слишком оно

незначительное устройство, чтобы давать ему имя, решил он про себя. Простой ротационный щуп, предназначенный для постановки старикану-медведю разовой очистительной клизмы, или для удовлетворения либидо, или еще для чего-нибудь в равной степени гадкого.

Отшвырнув змею, Эдди вытер руки о штаны.

Роланд поднял с земли устройство, смахивающее на игрушечный трактор. Дернул за гусеницу. Та с легкостью оторвалась, обдав ботинки стрелка облачком ржавой пыли.

– Все в этом мире либо тихо издыхает, либо разваливается на части, – произнес он безо всякого выражения, отбрасывая «трактор» прочь. – А силы, которыми держится этот мир – и не только в пространстве, но и во времени и размере – тоже исчерпывают себя. Об этом мы знали еще детьми, но мы и представить себе не могли, каким оно будет, время конца. Да и откуда нам было знать? И вот я живу в это время... в эпоху заката... и мне кажется, что закат наступает не только для нашего мира. И для вашего тоже, Сюзанна и Эдди. И, быть может, для миллиарда еще миров. Лучи теряют первоначальную свою мощь. Не знаю, причина ли это или просто очередной симптом, но я знаю, что это так. Идите сюда! Ближе! Прислушайтесь!

Когда Эдди приблизился к металлическому кубу в косую черную с желтым полоску, на него вдруг нахлынули воспоминания, яркие и неприятные – в первый раз за долгие годы он вспомнил про ветхое старое здание в Дач-Хилле, в миле примерно от микрорайона, где они с Генри родились и выросли. Обветшалое это строение, которое местные ребяташки называли «Большой особняк», стояло посреди пустыря, заросшего сорной травой, который когда-то, наверное, был ухоженной лужайкой, на Райнхолд-стрит. И не было в округе ни одного мальчишки, который не знал бы истории о приведениях, связанной с «Особняком». Приземистый, словно бы опустившийся дом под крутой крышей – он как будто сердито глядел на прохожих из густой тени, что отбрасывали свесы крыши. Стекол в окнах, само собой не было: их с безопасного расстояния повыбивали камнями мальчишки, – но никто не отважился расписать стены дома или устроить там импровизированный ночной клуб или тир. Но самым странным и непонятным был факт самого его существования: никто не поджег его, чтобы получить страховку или хотя бы ради удовольствия посмотреть, как он будет гореть. Мальчишки шептались, что в доме живут привидения, и как-то раз Эдди с Генри специально пришли на ту улицу, чтобы своими глазами увидеть объект этих невероятных слухов (хотя маме Генри сказал, что они едут с друзьями в «Дальберг» за какими-то

очередными фенечками), и им показалось, что в доме действительно есть привидения. В таком – должны быть. Разве он сам не почувствовал некую силу, чужую и явно недружелюбную, что просочилась из пустых темных окон этого викторианского особняка – окон, как будто уставившихся на него пристальным неподвижным взглядом буйно помешанного? Разве какой-то едва уловимый ветерок не шевельнул волоски у него на руках? Разве он не преисполнился вдруг интуитивной уверенности, что стоит ему шагнуть внутрь, как массивная дверь тут же за ним захлопнется, замок закроется сам, а стены начнут сближаться, перемалывая в порошок косточки мертвых мышей, чтобы раздавить его, смять, размолоть?

Дом с привидениями.

И теперь, приближаясь к металлическому кубу, Эдди снова почувствовал эту смесь тайны и злобной угрозы. По ногам и рукам побежали мурашки. Волоски на затылке вдруг встали дыбом, точно шейное оперение у какого-нибудь надувшегося индюка. Он почувствовал, как его овеивает все тем же потусторонним слабеньким ветерком, хотя ни один листок на деревьях, окружающих поляну, даже не шелохнулся.

Но он все-таки подошел к металлической двери (ибо это была та же дверь, только запертая, и для таких, как он, Эдди, она останется запертой навсегда – для того ее здесь и поставили) и прижался к ней ухом, закрыв глаза.

Ощущение было такое, как будто он с полчаса назад проглотил колесо, причем – явно неслабое, и вот теперь оно начало потихонечку действовать. Станные цвета расплылись в темноте перед закрытыми веками. Эдди почудились голоса. Они звали его из ветвящихся коридоров, словно из недр каменных глоток – длинных таких коридоров, освещенных долгими полосами электрических ламп. Когда-то эти современные факелы изливали яркое свое свечение повсюду, но теперь они еле тлели воспаленным голубым мерцанием. Он почувствовал пустоту... запустение... опустошение... смерть.

Ровный гул механизмом не прекращался, но теперь в нем проскальзывал новый ритм, сбивчивый, грубый... или ему это просто почудилось? Какой-то отчаянный глухой стук в общем гуле, как аритмия больного сердца? И еще ощущение, что агрегат, этот звук издающий, пусть даже более сложный – гораздо сложнее, – чем тот, что был внутри у медведя, потихонечку выбивается из рабочего своего ритма?

– Все умолкает в чертогах мертвых, – неожиданно для себя прошептал Эдди срывающимся бледным голосом. – Все – забвение в каменных залах мертвых. Узрите ступени, во тьму уводящие; узрите палаты, в руинах

лежащие. Вот – владение мертвых, где паутину прядут пауки и вращение солнц замирает, и солнца гаснут одно за другим.

Роланд рывком оторвал Эдди от двери, и тот уставился на стрелка невидящими помутневшими глазами.

– Хватит, – сказал Роланд.

– Какую бы гадость они туда ни напихали, ее, кажется, зарубает, верно? – спросил Эдди, но словно бы издалека. Он слышал дрожащий свой голос, но тот доносился черт знает откуда. Он все еще чувствовал силу, излучаемую металлическим кубом. И эта сила звала его.

– Нет, – отозвался Роланд. – Ничто в моем мире сейчас не работает так хорошо, как эта, как ты выражаешься, гадость.

– Если вы, парни, хотите остаться тут на ночь, придется вам обойтись без приятной компании в моем лице. – В пепельных отблесках сумерек лицо Сюанны белело размытым пятном. – Я вас подожду там за рощицей, там же и заночую. Здесь мне что-то не нравится. Ощущения не нравятся от этой штуковины.

– Мы все заночуем за рощицей, – успокоил ее Роланд.

– Пойдем.

– Хорошая мысль, – заключил Эдди. По мере того, как они удалялись от куба, гул механизмов начал понемногу стихать. Эдди буквально физически ощущал, как слабеет сила, его захватившая, хотя она по-прежнему манила, звала исследовать сумрачные коридоры, лестницы, уводящие в темноту, и палаты, в руинах лежащие, где паутину плетут пауки и огоньки на контрольных приборах гаснут один за другим.

В ту ночь Эдди опять снился сон. Он снова шагнул по Второй-Авеню к магазинчику деликатесов «Том и Джерри», что на углу Второй и Сорок-Шестой. Из колонок у музыкального магазина, мимо которого он проходил, неся «Rolling stones»:

Я вижу красную дверь и хочу ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу, чтобы все стало черным,
Мимо проходят девицы в ярких летних цветах,
Я выворачиваю башку, пока не падает темнота...

Он пошел дальше. Мимо магазина «Твои отражения», что между Сорок-Девятой и Сорок-Восьмой. Увидел свое отражение в одном из зеркал на витрине и подумал, что выглядит очень неплохо, намного лучше, чем в последние несколько лет – патлы, правда, чуть-чуть отмахали, но в остальном вполне даже прилично. Загорелый, подтянутый «вьюноша». Вот только прикид... м-да, ребята. Этаким яппи. Молодой добропорядочный карьерист. Синий блейзер, белая рубашка, темно красный галстук, серые костюмные брюки... у него в жизни такого нарядца не было.

Кто-то потряс его за плечо.

Эдди попытался зарыться поглубже в сон. Ему не хотелось просыпаться сейчас. Сначала он собирался дойти до «Тома и Джерри», открыть своим ключом дверь и еще раз прогуляться по полю роз. Ему хотелось увидеть все это снова: бесконечный багряный простор, синюю арку неба, белые облака как плывущие в вышине корабли и Темную Башню. Да, он боялся тьмы, что жила внутри этой таинственной небывалой колонны – тьмы, алчущей поглотить любого, кто отважится подойти слишком близко, – но все равно он хотел посмотреть на нее еще раз. Ему было нужно увидеть ее.

Но рука, что трясла его за плечо, не убралась, как он очень надеялся. Сон начал тускнеть, запахи выхлопных газов на Второй-Авеню растворились в дыму костра – теперь уже слабым, потому что костер почти догорел.

Разбудила его, как выяснилось, Сюзанна. Эдди принял сидячее положение и приобнял супругу одной рукой. Они устроились на ночлег на дальней окраине ольховой рощи в пределах слышимости ручья, что бурлил на поляне, усыпанной костяной пылью. Роланд спал на той стороне круга из тлеющих угольков, что остались от выгоревшего костра – спал беспокойно. Отбросив в сторону одеяло, он лежал, подтянув колени едва ли не к самой груди. Без тяжелых ботинок, его голые ступни казались бледными, узкими и беззащитными. На правой ноге не доставало большого пальца – его отхватило омарообразное чудище, искалечившее Роланду еще и правую руку.

Он что-то бормотал во сне, повторяя снова и снова одну невнятную фразу. Вскоре до Эдди дошло, что это – та самая фраза, которую Роланд пробормотал тогда на поляне, где Сюзанна вырубил медведя, прежде, чем самому отрубиться. Тогда иди – есть и другие миры, кроме этого. Роланд на мгновение затих, а потом вскрикнул, зовя парнишку по имени:

– Джейк! Где ты? Джейк!

Столько отчаяния, столько опустошенности слышалось в этом крике,

что Эдди даже стало жутко. Он еще крепче обнял Сюзанну и прижал ее к себе. Она вся дрожала, хотя ночь была теплой.

Стрелок перевернулся на спину. Звездный свет отразился в открытых его глазах.

– Джейк, где ты? – спросил он, взывая к ночи. – Вернись!

– Господи, Сьюз... он, по-моему, опять отъехал. Что будем делать?

– Не знаю. Но ты как хочешь, а я не могу больше все это слушать. Он как будто не здесь. Вообще – нигде. Такой далекий...

– Тогда иди, – пробормотал Роланд, снова переворачиваясь на бок и подтягивая колени к груди, – есть и другие миры, кроме этого. – Он на мгновение умолк, а потом грудь его всколыхнулась, и стрелок выкрикнул имя парнишки долгим, леденящим кровь воплем. Где-то в лесу раздался сухой шелест крыльев: это взлетела птица и устремилась подальше – туда, где тихо.

– Есть какие-то соображения? – в широко распахнутых глазах Сюзанны блеснули слезы. – Может быть, надо его разбудить?

– Я не знаю. – Взгляд Эдди упал на Роландов револьвер, единственный, у него оставшийся, который стрелок носил на левом боку. Он лежал, убранный в кобуру, на аккуратно уложенной шкуре рядом с Роландом, так чтобы его можно было «поближе взять». – Мне кажется, я не решусь, – добавил он через силу.

– Он, кажется, сходит с ума.

Эдди кивнул.

– Что же нам делать, Эдди? Что делать?

Эдди не знал. Как-то раз антибиотики из его мира помогли стрелку, остановили обширное заражение, вызванное ядовитым укусом омарообразного гада; теперь Роланда снова терзало обширное заражение, только Эдди не думал, что существует в природе такое лекарство, которое может его исцелить в этот раз.

– Не знаю, Сьюз. Ложись рядом со мной.

Обнимая Сюзанну, он укрылся меховой шкурой, и вскоре дрожь ее прекратилась.

– Если он сходит с ума, он на нас может наброситься, – тихо проговорила она.

– Я тоже об этом думал. – Неприятная эта мысль имела и зрительный образ. Медведь... его красные, налитые злобой глаза (ему показалось тогда или в самых глубинах тех алых провалов и в самом деле мелькнуло смущение?) и смертоносные когти. Эдди опять бросил взгляд на заряженный револьвер, лежащий так близко к здоровой руке Роланда;

вспомнил о том, с какой скоростью Роланд извлек его из кобуры, отражая атаку механической летучей мыши – так быстро, что Эдди и не заметил движения. Если стрелок помутится рассудком и если безумие его изберет своей целью его и Сюзанну, шансов спастись у них точно не будет. То есть, вообще никаких.

Эдди вжался лицом в теплую шею Сюзанны и закрыл глаза.

А вскоре Роланд затих. Эдди приподнял голову и оглянулся. Роланд как будто заснул. То есть, по-настоящему. Сюзанна тоже спала. Эдди нежно поцеловал ее в мягкий холмик груди и снова закрыл глаза.

«Нет уж, приятель, держись. Сегодня ты долго еще не заснешь».

Но эти два дня они топали без передыху, и Эдди смертельно устал. Его уносило... куда-то... вниз.

«Обратно в тот сон, – думал он, улетаая. – Хочу туда... на Вторую Авеню... обратно к “Тому и Джерри”. Хочу снова туда».

Однако сон не вернулся в ту ночь.

На рассвете они быстро позавтракали, перепаковали и перераспределили поклажу и вернулись на клиновидную поляну. В чистом утреннем свете она смотрелась не так угрюмо, но все же все трое старались держаться подальше от металлического куба с предупредительными желто-черными полосами. Если Роланд и помнил чего-нибудь из дурных снов, что донимали его в ту ночь, виду он не подавал. Обычную утреннюю работу он выполнил, как всегда, молча – в такой флегматичной задумчивости.

– Отсюда нам надо идти по прямой... как ты думаешь это осуществить на практике? – спросила Сюзанна стрелка.

– Если легенды не врут, то проблем быть не должно. Помнишь, вчера ты спросила о магнитных полях?

Она кивнула.

Порывшись в сумке, Роланд достал небольшой квадратик из старой кожи с длинной серебряной иглой, продетой посередине.

– Компас! – воскликнул Эдди. – Нет, ты точно бойскаут!

Роланд покачал головой.

– Нет, это не компас. Я знаю, конечно, что это такое, но в последний раз я его видел несколько лет назад. Я узнаю направление по солнцу и звездам. Даже в теперешние времена этот способ меня не подводит.

– Даже в теперешние времена? – несколько нервно переспросила Сюзанна.

Роланд кивнул.

– Стороны света тоже меняют свое положение.

– Господи, – выдохнул Эдди, пытаясь представить себе такой мир, где север тихонько сдвигается на восток или на запад, но у него ничего не вышло. Его даже чуть замутило, как с ним бывало всегда, когда он смотрел вниз с большой высоты.

– Это просто иголка, но иголка из стали, и она нам послужит не хуже, чем компас. Мы пойдем по Лучу, и иголка укажет нам путь. – Роланд снова зарылся в сумку и достал грубой работы глиняную чашу с трещиной на одном боку. Чашу эту Роланд нашел на развалинах древнего поселения и аккуратно заделал трещину сосновой смолой. Отойдя к ручью, он зачерпнул воды и вернулся туда, где сидела Сюзанна в своей коляске. Осторожно поставив чашу на подлокотник, стрелок дождался, пока вода в ней перестанет рябить, и опустил в воду иголку. Она опустилась на дно и застыла там неподвижно.

– Вау! – высказал Эдди свое восхищение. – Круто! Я был пал пред тобой ниц, Роланд, но не хочу портить складки на брюках!

– Я еще не закончил. Держи чашку, Сюзанна, и постарайся, чтобы она не сдвинулась.

Она сделала, как он сказал, а Роланд, взявшись за ручки коляски, медленно покатил ее по поляне. Не доезжая двенадцати футов до двери, он осторожно развернул коляску на сто восемьдесят градусов, так что Сюзанна была теперь к двери спиной.

– Эдди! – позвала она. – Иди посмотри!

Эдди склонился над глиняной чашкой. Вода уже начинала сочиться сквозь смоляную замазку, но игла медленно поднималась на поверхность. Вот она уже вынырнула и закачалась спокойно, как пробка, указывая направление по прямой от Врат у них за спиной в самую чашу древнего леса.

– Срань господня... плавучая иголка. Теперь я действительно видел все.

– Держи чашку, Сюзанна.

Роланд медленно сместил коляску чуть вправо от куба. Иголка дрогнула, закачалась и опять опустилась на дно. Но как только стрелок вернул коляску в первоначальное положение, она поднялась на поверхность, указывая направление.

– Была бы у нас металлическая стружка и лист бумаги, – сказал

Роланд, – я бы вам показал. Стружка, насыпанная на бумагу, растянулась бы в линию, и линия эта указала бы в том же самом направлении.

– А когда мы отойдем от Врат? – спросил Эдди. – Она тоже будет указывать направление?

Роланд кивнул.

– И не только она. Его видно, Луч.

Сюзанна оглянулась через плечо, случайно задев локтем чашку. Вожа всколыхнулась. Иголлка дернулась, потеряв направление... но тут же вернулась в первоначальное положение.

– Не туда, – сказал Роланд. – Сейчас оба смотрите вниз... Эдди под ноги, Сюзанна – себе на колени.

Они сделали, как он сказал.

– Когда я скажу вам смотреть, смотрите прямо вперед. По направлению иголки. Только не вглядывайтесь: пусть глаза смотрят сами. Понятно? Давайте!

Они подняли головы. В первые пару мгновений Эдди не увидел ничего особенного – все тот же дремучий лес. Он попытался расслабиться, расфокусировать взгляд... и вдруг он увидел, как прежде увидел рогатку, сокрытую в древесном наросте, и понял, почему Роланд велел им не вглядываться. «Отпечаток» невидимого Луча, проходящего сквозь пространство, лежал буквально на всем, что попадало в рамки его излучения – едва уловимый, но все-таки различимый. Иголки сосен и елей были обращены в его направлении. Кустарник немного клонился в сторону: в направлении Луча. Деревья, которые повалил медведь, расчищая себе поле зрения, не все попадали вдоль этой скрытой «дорожки» – что уводила на юго-восток, если только у Эдди не застопорилось чувство пространственной ориентировки, – но большинство из них все же легли по Лучу, как будто сила, от Врат исходящая, толкала их в том направлении. И было еще кое-что: то, как тени ложились на землю. Солнце вставало сейчас на востоке, и тени, само собою, указывали на запад, но если смотреть точно на юго-восток, куда указывала иголка в чашке, можно было разглядеть странный теневой узор типа «елочки», но опять же – лишь вдоль Луча.

– Кажется, что-то я вижу, – с сомнением проговорила Сюзанна, – но...

– Смотри на тени! На тени, Сьюз!

Вдруг глаза у нее широко распахнулись, и Эдди понял, что она тоже все это видит.

– Господи! Точно! Вот же он – вот! Как пробор в волосах!

Теперь, когда Эдди увидел его, он уже больше не мог не видеть... этаким затененный проход сквозь дикие дебри, подступающие к поляне,

прямая, едва различимая «дорожка» – путь Луча. Внезапно он осознал, какой мощной должна быть сила, обтекающая его (или, может быть, проходящая сквозь него, как рентгеновы лучи), и едва переборол себя, чтобы не отшатнуться в сторону.

– Слушай, Роланд, а мне оно не грозит импотенцией, а?

Роланд лишь улыбнулся, пожав плечами.

– Это как ложе реки, – изумилась Сюзанна. – Давно иссохшей реки... оно заросло, и его теперь едва видно... но все-таки видно. Этот узор из теней, он не изменится, если мы будем держаться «дорожки» Луча, верно?

– Нет, – сказал Роланд. – Тени меняются вместе с солнцем, движущимся по небу, но так или иначе Луч будет видно. Он проходит здесь тысячи лет – быть может, десятки тысяч. Посмотрите наверх, в небеса!

Они подняли глаза к небу. В вышине белые перистые облака тоже выстроились вдоль луча, сложившись узором-«елочкой»... И они – те, что лежали в пределах силовой «дорожки» – плыли по небу быстрее, чем те, которые рядом. Плыли на юго-восток. Как будто их что-то толкало по направлению к Темной Башне.

– Видите? Ему подвластны даже облака.

В небе летела стайка каких-то птиц. Влетев в лучевой поток, они тоже свернули на юго-восток. Эдди глядел и не верил своим глазам. Выбравшись за пределы узкого силового коридора, птицы возобновили свой первоначальный курс.

– Ну ладно, – вымолвил Эдди. – Кажется, нам пора двигать. Путь в тысячу миль начинается с одного шага, равно как и в тысячу ли и все прочее.

– Подождите минутку. – Сюзанна смотрела на Роланда. – Ведь нам не тысячу миль предстоит протопать. Теперь уже – нет, я права? А сколько, Роланд? Пять тысяч миль? Десять?

– Точно не знаю. Но далеко.

– И как ты думаешь это осуществить на практике, когда вам приходится вечно таскаться с моей треклятой коляской? При самом удачном стечении обстоятельств мили три в день по этим Отстойникам мы пройдем, но не больше... и тебе это известно.

– Мы нашли путь, – спокойно ответил Роланд, – и пока что этого достаточно. Быть может, настанет такое время, Сюзанна Дин, когда нам придется идти быстрее, чем тебе бы хотелось.

– Да неужели? – Она одарила Роланда свирепым взглядом, и оба – и Роланд, и Эдди – заметили, как опасно блеснули ее глаза... глаза Детты Уокер. – У тебя тут по близости припаркована гоночная машина? Если да,

было бы круто найти под нее еще и автотрассу!

– Земля и путь, по которому мы пойдем, переменятся. Так бывает всегда.

Сюзанна махнула рукой, мол, лапшу мне не вешай.

– Знаешь, кого ты мне сейчас вдруг напомнил? Мою старую маму. «Бог поможет» – была любимая ее фраза.

– А что, разве Он не помогает? – на полном серьезе спросил стрелок.

Она в изумлении уставилась на него, на мгновение не найдясь, что ответить, потом запрокинула голову и рассмеялась.

– Ну, зависит, наверное, от того, как посмотреть. Но, знаешь, Роланд, что я тебе скажу? Если все это – божья помощь, мне бы тогда не хотелось на собственной шкуре изведать, что произойдет, если Он от нас отвернется.

– Ну давайте, пойдем отсюда, – потерял терпение Эдди, – и чем скорее, тем лучше. Не хотелось бы мне тут задерживаться. Мне здесь не нравится. – Но он сказал не всю правду. На самом деле ему не терпелось скорее ступить на эту скрытую тропу... этот потаенный путь. С каждым шагом он будет еще на шаг ближе к тому полю роз и к Башне, над ним царящей. Он вдруг понял – и сам удивился – что он намерен увидеть Башню, дойти до нее... или же умереть на пути.

Мои поздравления, Роланд, еще подумал он про себя. У тебя получилось. Ты меня обратил. Можно сказать «Аминь».

– Прежде, чем мы пойдем... – Роланд нагнулся и развязал сыромятный ремешок у себя на левом бедре. Потом медленно расстегнул свой ружейный пояс.

– Что еще за херня? – спросил Эдди.

Роланд снял пояс и протянул его Эдди.

– Ты знаешь, зачем я сейчас это делаю, – голос его был спокоен и тверд.

– Эй, приятель, вешай его обратно! – Эдди вдруг захлестнула волна самых противоречивых чувств. Он сжал кулаки, но все равно чувствовал, как дрожат пальцы. – Ты соображаешь, чего ты делаешь?

– Я потихоньку теряю рассудок. Пока эта рана во мне не затянется... если ее вообще можно будет исцелить... мне не стоит его носить. И ты это знаешь.

– Возьми, Эдди, – тихо проговорила Сюзанна.

– Если б вчера у тебя не было этой чертовой штуки, когда на меня налетела та дрянь в виде летучей мыши, я бы сейчас уже был на том свете.

Стрелок молчал, продолжая протягивать Эдди свой единственный теперь револьвер. Вся поза его говорила о том, что он будет стоять так весь

день, если возникнет в том необходимость.

– Ну хорошо! – Эдди сорвался на крик. – Черт возьми, хорошо!

Он грубо вырвал ружейный ремень из руки Роланда и резким движением застегнул его у себя на поясе. Наверное, он сейчас должен испытывать облегчение... разве ночью вчера, глядя на этот самый револьвер, лежащий так близко к Роланду, он не думал о том, что может произойти, если Роланд действительно съедет с катушек? Они оба с Сюзанной об этом думали. Но облегчения он не испытывал. Только страх, и вину, и еще – печаль, странную боль, слишком сильную даже для слез.

Без своих револьверов Роланд выглядел так непривычно.

Так чуждо.

– О'кей? Ну а теперь, когда у бестолочей-недоучек есть по револьверу, а учитель остался совсем безоружным, можем мы наконец идти? А если что-то большое поперет на нас из кустов, ты, Роланд, всегда можешь швырнуть в него нож.

– Ах, да! Я совсем забыл. – Роланд достал из сумки свой нож и протянул его Эдди рукоятью вперед.

– Но это уже полный бред! – закричал Эдди.

– Жизнь – это тоже бред.

– Ага, напиши эту мудрую мысль на почтовой открытке и отошли ее в долбаный «Ридерс Дайджест». – Эдди засунул нож Роланда себе за пояс и вызывающе поглядел на стрелка. – Теперь-то мы можем идти?

– Еще одна вещь... – начал Роланд.

– Боже милостивый!

Роланд чуть улыбнулся:

– Это я пошутил.

У Эдди аж челюсть отвисла. Сюзанна снова расхохоталась. Ее смех, точно звон колокольчиков, рассыпался в утренней тишине.

Почти все утро они выбирались из «зоны массового опустошения», произведенного исполинским медведем в целях самозащиты, но идти по Лучу было чуть-чуть полегче, и когда путешественники снова выбрались в лес, миновав обширный участок поваленных деревьев и разросшегося подлеска, они развили вполне приличную скорость. Ручеек, берущий начало из-под каменной стены на поляне Врат, сопровождал их веселым

бульканием по правую руку. По пути он вобрал в себя несколько ручейков поменьше, и теперь его плеск стал настойчивей. Были здесь и зверюшки – путники слышали, как они шуршат в зарослях. А дважды они увидели издалека оленей, пасущихся небольшими группками. Один из них, самец с благородными раскидистыми рогами на гордо вскинутой голове, весил, наверное, добрых три сотни фунтов. Вскоре местность опять начала подниматься, и ручей свернул в сторону от тропы. А ближе к вечеру Эдди кое-что увидел.

– Может быть, остановимся? Передохнем минуточку?

– А в чем дело? – спросила Сюзанна.

– Да, – сказал Роланд. – Если хочешь, давай остановимся.

Внезапно Эдди снова почувствовал близость Генри, его присутствие, словно тяжелый груз лег на плечи. Нет, вы посмотрите на этого пидора. Он что, чего-то там углядел в этой чурке? Опять собирается что-нибудь вырезать? Да? Ну разве не КРАСОТУЛЯ?

– То есть, это необязательно. Я хочу сказать, ничего такого. Я просто...

– ... кое-что увидел, – закончил за него Роланд. – Уж не знаю, чего ты там углядел, но прекращай свой словесный понос, бери, что увидел, и двинем дальше.

– Да нет, ничего. Правда... – Эдди почувствовал, что краснеет, и попытался отвести вождедеющий взгляд от ясеня, что привлек его внимание.

– Нет, чего. Там что-то такое, что тебе нужно, и это вовсе не «ничего». Если тебе это нужно, Эдди, значит, и нам оно тоже нужно. А что нам не нужно, я сейчас тебе скажу. Нам не нужен мужик, который не может избавиться от бесполезного груза своих давних воспоминаний.

Теплая кровь, прилившая к лицу, обернулась жаром. Еще мгновение Эдди стоял, опустив пылающее лицо и сверля взглядом свои мокасины. Ощущение было такое, что Роланд заглянул ему прямо в сердце своими как будто повылинявшими голубыми глазами воина.

– Эдди? – осторожно спросила Сюзанна. – Что там такое, мой сладкий?

Ее голос придал ему мужества, которого так ему не хватало. Страхнув с себя оцепенение, он шагнул к тонкому деревцу, на ходу вынимая из-за пояса нож Роланда.

– Может быть, ничего, – буркнул он и заставил себя добавить: – А, может быть, кое-что. Если я его не запорю, выйдет действительно что-то.

– Ясень – дерево благородное и наделенное силой, – заметил Роланд, но Эдди едва ли его услышал. Насмешливый, глумящийся голос Генри

затих; вместе с ним не стало и стыда. Эдди думал теперь только о ветке, что притянула к себе его взгляд: утолщенная и чуть выпирающая у ствола. Утолщение это имело несколько необычную форму... как раз такую, какая ему и нужна.

Ему виделась форма ключа, таящаяся внутри – ключа, который явился ему на мгновение в огне, прежде чем горящая кость изменилась снова и обернулась розой. Три перевернутых «V», центральная – глубже и шире, чем две по краям. И s-образная загогулина на конце. Ключ к разгадке.

Дуновение сна снова прошелестело в сознании: «Дад-а-чум, дуд-а-чик, не волнуйся, у тебя есть ключ».

«Может быть, – подумалось ему. – Но на этот раз я постараюсь, чтобы все получилось как надо. На все сто процентов, без дураков».

Очень осторожно он срезал ветку и подрезал узкий конец. Осталась толстая ясенева болванка длиной в девять дюймов. В руке тяжесть ее ощущалась как будто живой... живой и готовой раскрыть свою тайну... человеку, достаточно ловкому и искусному, чтобы выманить этот секрет.

Вот только такой ли он человек? И имеет ли это значение?

Эдди Дин был уверен, что на оба вопроса ответ будет – да.

Здоровая – левая – рука стрелка легла ему на плечо.

– По-моему, ты знаешь один секрет.

– Может быть.

– Не поделишься с нами?

Эдди покачал головой.

– Сейчас лучше не нужно. Потом.

Роланд задумался и кивнул.

– Хорошо. Я задам тебе только один вопрос, и мы больше не будем к этому возвращаться. У тебя нет, случайно, каких-то мыслей насчет того, как можно справиться... с этой моей проблемой?

Про себя Эдди подумал: «Так вот явно он ни разу еще не выказывал это отчаяние, что терзает его, пожирая заживо», – но вслух сказал только:

– Не знаю. Сейчас я еще не уверен. Но я очень на это надеюсь, дружище. Правда.

Роланд кивнул и отпустил руку Эдди.

– Спасибо. У нас есть еще добрая пара часов до заката... надо ими воспользоваться, как считаешь?

– Я – «за».

Они двинулись дальше. Роланд вез на коляске Сюзанну, а Эдди шагал впереди, держа в руках деревяшку с ключом, сокрытым внутри. Казалось, дерево дышит теплом, исполненным силы и тайны.

В тот же вечер, сразу после ужина, Эдди снял с пояса нож стрелка и занялся резкой. Нож этот, на удивление острый, казалось, вообще никогда не затупится. В свете костра Эдди трудился медленно и осторожно, переворачивая в руках кусок древесины и с удовольствием наблюдая, как из под уверенных его «штрихов» выползают ровные завитки стружки.

Сюзанна легла на спину, подложив руки под голову, и смотрела на звезды, неспешно кружащиеся в черном небе.

Роланд отошел к самой границе лагеря, за пределы отблесков костра, и встал там, прислушиваясь к голосам безумия, что снова терзали его измученный и смятенный разум.

«Мальчик был».

«Не было никакого мальчика».

«Был».

«Нет».

«Был...»

Он закрыл глаза, приложив холодную ладонь ко лбу, ноющему от боли, и спросил себя, сколько он еще выдержит, прежде чем лопнет, как изношенная тетива лука.

«О Джейк, – взмолился он про себя. – Где ты теперь? Где ты?»

А над ними, в ночной вышине, Старая Звезда и Древняя Мать, взойдя к назначенным им местам, смотрели с тоской друг на друга через усыпанные звездной крошкой обломки древнего своего неудавшегося супружества.

Глава 2. КЛЮЧ И РОЗА

1

В течение трех недель Джон «Джейк» Чемберс храбро боролся с безумием, постепенно к нему подступающим. Все эти недели он себя чувствовал как последний пассажир на тонущем корабле, налегающий на рычаг трюмовой помпы в отчаянной борьбе за жизнь, пытающийся удержать корабль на плаву, пока не закончится шторм, небо не прояснится и не подоспеет помощь... откуда-нибудь. Откуда угодно. 29 мая 1977 года, за четыре дня до начала летних каникул, он наконец примирился с тем фактом, что помощи ждать неоткуда. Пришло время сдаться – позволить шторму забрать и его.

Роль пресловутой соломинки, что переломила хребет верблюду, исполнило экзаменационное сочинение по английскому.

Джон Чемберс – «Джейк» для тройки-четверки мальчишек, которые были почти что его друзьями (если бы папа об этом узнал, он бы точно рассвирепел не на шутку) – заканчивал свой первый год в школе Пайпера. Хотя ему было уже одиннадцать и ходил Джейк в шестой класс, он был маленьким для своих лет, и почти все, кто видел его в первый раз, думали, что ему лет девять, если вообще не восемь. Честно сказать, еще год назад его часто вообще принимали за девочку, пока он не устроил дома большой скандал, так что мама в конце концов согласилась на то, чтобы он постриг свои кудри «ежилом». С отцом, разумеется, у него не было никаких проблем насчет стрижки. Папа лишь улыбнулся этой своей тяжеловесной улыбочкой из нержавеющей стали и сказал примерно следующее: «Мальшу просто хочется быть похожим на морского пехотинца, Лори. Тем лучше».

Для папы он никогда не был Джейком и только изредка – Джоном. Обычно же – просто «моим малышом».

Прошлым летом (в то лето как раз справляли двухсотлетнюю годовщину Американской Декларации Независимости – все было в знаменах и флагах, а в Нью-Йоркской Гавани теснились громадные корабли) отец популярно ему объяснил, что школа Пайпера это Черт-Возьми-Самая-Лучшая-Школа-в-Стране-для-Мальчика-Твоего-Возраста. Тот факт, что Джейка приняли в эту Черт-Возьми-Самую-Самую-Школу, не

имеет ничего общего с деньгами, объяснял Элмер Чемберс... то есть, почти настаивал. Обстоятельством сим он ужасно гордился, хотя даже тогда, в десять лет, Джейк уже подозревал, что без кругленькой суммы там все-таки не обошлось, просто отец сам себя убедил в обратном, превратив желаемое в действительность, чтобы при случае где-нибудь на коктейле этак невзначай обронить: «Мой малыш? О, он учится в Пайпере. Лучшая-Черт-Возьми-Школа-в-Стране-для-Мальчика-Его-Возраста. Туда, знаете ли, не пролезешь, потрясая тугим кошельком; для Пайпера главное, есть у тебя что-нибудь в голове или нет. Либо мозги у тебя, либо гуляй, парнишка».

Джейк тогда уже понимал, что в яростном жерле бурлящего разума Элмера Чемберса грубые куски графита желаний и мнений частенько сплавлялись в алмазы, которые папочка гордо именовал фактами... или, в обстановке неофициальной, «фактунчиками». Его любимая фраза, произносимая с таким даже благоговением и при всяком удобном случае, как вы, наверное, уже догадались: «Факт в том, что».

«Факт в том, что никто не поступит в Пайпер из-за денег», – сказал ему папа в то лето, когда Америка справляла двухсотлетнюю годовщину своей Декларации Независимости – лето синего неба, летящих флагов и больших кораблей, лето, оставшееся в памяти Джейка прекрасным и светлым, потому что тогда еще он не начал сходить с ума и все проблемы его заключались в том, сумеет он или нет проявить себя с самой лучшей стороны в школе Пайпера, в этом рассаднике молодых новоявленных дарований. «В таких школах, как Пайпер, смотрят только на то, что ты сам из себя представляешь». Перегнувшись через стол, Элмер Чемберс постучал сына по лбу своим твердым, желтым от никотина пальцем. «Понимаешь меня, малыш?»

Джейк только молча кивнул. С отцом вовсе не обязательно разговаривать, потому что папа ко всем относится точно так же – включая сюда и жену, – как к своим подчиненным и обслуживающему персоналу на телестудии, где он отвечал за составление программ передач и был признанным мастером «убойной силы», что на жаргоне телевизионщиков означает процесс, результатом которого является стопроцентный успех у зрителя. При общении с папой требовалось только слушать, в нужных местах кивать, и тогда очень скоро он от тебя отставал.

«Хорошо, – продолжал отец, закуривая очередную из восьмидесяти ежедневных термоядерных сигарет “Camel”. – Значит, мы понимаем друг друга. Тебе придется как следует потрудиться, но я уверен, ты сможешь. Если бы ты ничего не мог, они бы нам этого не прислали. – Он взял со стола письмо на фирменном бланке школы Пайпера – официальное

уведомление о том, что Джейк принят – и потряс им с таким свирепым триумфом, как будто то был не листок бумаги, а какая-нибудь зверюга, которую он собственноручно подстрелил в диких джунглях и теперь собирался содрать с нее шкуру и съесть. – Так что старайся. Учись на “отлично”. Чтобы мы с мамой тобой гордились. Закончишь год на одних “пятерки”, считай, что поездка в Дисней-ленд тебе уже обеспечена. Ради этого стоит стараться, да, малыш?»

И Джейк постарался. Учился он на «отлично» – по всем предметам (по крайней мере, так было до трех последних недель). Папа с мамой, наверное, им гордились, хотя видел он их крайней редко, так что судить было трудно. Обычно, когда он приходил из школы, дома не было никого, кроме Греты Шоу – экономки и домоправительницы – так что Джейку приходилось показывать дневник ей, а потом потихонечку прятать его в самом темном и дальнем углу. Иной раз Джейк листал свой дневник с одними «пятерками», задаваясь вопросом, нужно это кому-нибудь или нет. Ему бы очень этого хотелось, но у него были большие сомнения.

В этом году он уже вряд ли поедет в обещанный Дисней-ленд.

Скорее всего он поедет в психдом.

Утром 29 мая, ровно в 8:45, едва он прошел сквозь двойные двери в вестибюль школы Пайпера, Джейку явилось жуткое видение. Он увидел отца в его офисе на Рокфеллер-Пласа 70. Перегнувшись через стол, с неизменным «Самел-ом» в уголке рта, он что-то вещал одному из своих подчиненных сквозь клубы голубого дыма. За окном, как на ладони, распростерся Нью-Йорк, но гул громадного города не проникал в кабинет, защищенный двумя слоями толстого термостекла.

Факт в том, что никто не пролезет на Саннивейльскую Лечебницу из-за денег, отчитывал папа беднягу-служащего тоном эдакого мрачного удовлетворения. Перегнувшись чуть дальше через стол, отец постучал своего собеседника пальцем по лбу. В такие места тебя пустят только в том случае, если в твоём выдающемся котелке что-то действительно повредится. Так и случилось с моим малышом. Но он все равно очень старается, очень. Лучше всех плетет эти их гребаные корзины, как мне сказали. А когда его выпускают... если выпускают... он поедет в одно интересное место. Поедет...

– ...на дорожную станцию, – выдавил Джейк, прикоснувшись дрожащей рукой ко лбу. Голоса возвращались снова. Оружие, спорящие голоса, которые сводят его с ума.

«Ты умер, Джейк. Тебя задавила машина – ты умер.»

«Не будь идиотом! Смотри... видишь этот плакат? Написано:

ЗАПОМНИ ПИКНИК СВОЕГО ПЕРВОГО ГОДА В ШКОЛЕ ПАЙПЕРА. У них что, на том свете, бывают школьные пикники?»

«Не знаю насчет пикников, но тебя задавила машина».

«Нет!»

«Да. Случилось это 7-го мая в 8:25 утра. А через минуту ты был уже мертв».

«Нет! Нет! Нет!»

– Джон?

Он оглянулся, перепугавшись до полусмерти. Перед ним стоял мистер Бизе, преподаватель его по французскому, и вид у него был встревоженный. За спиной у него в коридоре все остальные ученики уже проходили в актовый зал на общее утреннее собрание. Если кто-то из них изредка и отмачивал шутку, дурачась, то уж не орал благим матом никто. Должно быть, этим ребятам – как и самому Джейку – родители тоже прожужжали все уши о том, как крупно им повезло, что их приняли в школу Пайпера, куда никого не принимают за деньги (хотя плата за обучение составляет \$22 000 в год) и где смотрит только на то, есть у тебя в черепушке мозги или нет. Вероятно, многим из учеников Самой-Самой-Школы тоже были обещаны увеселительные поездки, если они будут прилично учиться. Вероятно, некоторые родители этих ботанов-счастливчиков даже сдержат свои обещания. Вероятно...

– Джон, ты как себя чувствуешь? – спросил мистер Бизе.

– Хорошо, – сказал Джейк. – Спасибо. Сегодня я «переспал» немного. Наверное, еще не проснулся как следует.

Мистер Бизе улыбнулся, расслабившись.

– Со всеми бывает.

Только не с моим папой. Мастер «убойной силы» никогда не позволит себе «переспать».

– Ты готов к своему экзамену по французскому? – спросил мистер Бизе. – *Voulez-vous examiner a moi cette midi?*

– Думаю, да, – бодро ответил Джейк, хотя, если честно, он просто не знал, готов он к экзамену или нет. Он даже не помнил, готовился он по французскому или нет. В те дни для него почти все перестало иметь значение... все, кроме этих голосов в голове, сводящих его с ума.

– Хочу еще раз тебе сказать, Джон, что я очень тобой доволен. Я хотел сказать то же твоим старикам, но они не пришли на Родительский Вечер...

– Они очень заняты, – сказал Джейк.

Мистер Бизе кивнул.

– Ну так вот, ты меня очень порадовал. Я просто хотел, чтобы ты это

знал... и я очень надеюсь, что на следующий год ты возьмешь второй курс по французскому и мы снова с тобой увидимся.

– Спасибо.

А про себя Джейк подумал, что бы сказал сейчас мистер Бизе, если бы услышал такое: «Но, мне кажется, что на следующий год я при всем желании не смогу взять второй курс французского, разве что только заочно... если в старом – добром Саннивейле школьникам разрешают учиться по переписке».

В дверях актового зала появилась Джоанна Френкс, школьный секретарь, со своим серебряным колокольчиком в руке. В школе Пайпера все звонки отзваниваются вручную. Джейк допускал, что для богатых родителей сие обстоятельство придавало дополнительное очарование. Сладкие воспоминания о маленьком школьном здании из красного кирпича и все такое. А самого его это бесило. И особенно в последнее время, когда звон серебряного колокольчика отдавался болезненно прямо в мозг...

«Долго я так не выдержу, – сказал он себе в отчаянии. – Мне очень жаль, но, по-моему, я съезжаю. То есть, действительно я съезжаю».

Заметив мисс Френкс, мистер Бизе повернулся к дверям, потом – снова к Джейку.

– У тебя все в порядке, Джон? А то в последнее время ты, кажется, чем-то обеспокоен. Что-то тебя тревожит?

Джейка обезоружила неподдельная доброта в голосе преподавателя, но он тут же представил себе, как будет выглядеть мистер Бизе, если он сейчас скажет ему: «Да. Меня кое-что тревожит. Один небольшой, черт возьми, фактунчик. Видите ли, я тут недавно умер и попал в другой мир. А там умер снова. Вы мне скажете, что такого не может быть, и вы будете правы, и я знаю, что вы безусловно правы, но в то же время я знаю, что вы ошибаетесь. Так оно все и было. Я умер. Действительно умер».

Но если бы он залепил такое, сейчас мистер Бизе уже бы названивал Элмеру Чемберсу, а Саннивейльский Курорт для психов показался бы Джейку воистину райским местечком после всего того, что ему выскажет папа по поводу переучившихся школьников, затеявших вдруг отпускать идиотские замечания как раз накануне Экзаменационной Недели. По поводу мальчиков, что выкидывают номера, о которых отцу потом будет стыдно упомянуть за ланчем или на коктейле. По поводу сыновей, Которые-Позволяют-Себе.

Джейк заставил себя улыбнуться мистеру Бизе.

– Просто немного волнуюсь перед экзаменами.

– Все ты сдашь, – ободряюще подмигнул ему мистер Бизе.

Мисс Френкс зазвонила в свой колокольчик, объявляя начало утреннего собрания. Джейк едва не поморщился – каждый его перезвон больно бил по ушам и проносился в мозгу точно маленькая ракета.

– Пойдем, – сказал мистер Бизе, – а то опоздаем. Не хорошо было бы опоздать в первый день Экзаменационной Недели, верно?

Они проскользнули в зал мимо мисс Френкс и ее грохочущего колокольчика. Мистер Бизе поспешил к рядам кресел, гордо именуемому Преподавательскими Хорами. В школе Пайпера было немало таких остроумных названий: актовый зал называли Общей Палатой, обеденный перерыв – Свободным Часом, седьмые и восьмые классы – Старшими Мальчиками и Девочками, а ряд откидных кресел на сцене у пианино (по которому мисс Френкс скоро вдарит с таким же немилосердным остервенением, с которым сейчас звонит в колокольчик), само собой, именовался Преподавательскими Хорами. Все это тоже – в честь старой-доброй традиции. Если б вы были любящими родителями, осознающими, что драгоценное ваше чадо вкушает в Общей Палате свой ланч в течение Свободного Часа, а не просто жует себе сэндвич с тунцом в столовке, вы бы, наверное, тоже пребывали в блаженной уверенности, что в области среднего образования у нас все О'КЕЙ.

Джейк уселся в свободное кресло подальше от сцены и уставился в никуда – поток утренних объявлений окатил его, как водой. В мозгу у него поселился ужас, долгий, нескончаемый, так что Джейк начал чувствовать себя подопытной крысой, пойманной в колесе. Он попытался себя убедить, что настанут еще лучшие, светлые времена, но как бы ни тщился он заглянуть в будущее, впереди ему виделась только тьма.

Его здравый рассудок был точно корабль, но корабль сейчас шел на дно.

Мистер Харлей, директор школы, поднялся на кафедру и выдал краткую речь насчет исторической значимости начавшейся сегодня Экзаменационной Недели с упором на то, что оценки, которые выставят ученикам, явятся еще одним важным шагом на Великой Дороге Жизни. Он проникновенно вещал о том, что школа очень рассчитывает на своих славных питомцев, он лично рассчитывает на них и их родители тоже на них рассчитывают. Он, правда, не упомянул в этой связи весь свободный демократический мир, но дал однозначно понять, что так оно и есть. Закончил он сообщением о том, что на время Экзаменационной Недели все звонки отменяются (первая и единственная за все утро хорошая новость для Джейка).

Мисс Френкс, которая давно уже маялась за пианино, взяла первый

призывный аккорд. Ученики – семьдесят мальчиков и пятьдесят девочек, все в опрятных и строгих костюмах, свидетельствующих об изысканных вкусах и стабильном финансовом положении их родителей – поднялись как один и грянули школьный гимн. Машинально выпевая слова, Джейк размышлял о том странном месте, где очутился он после смерти. Он поначалу подумал, что это ад... потом, правда, засомневался, но когда появился тот страшный дядька в черном плаще с капюшоном, все сомнения рассеялись, обернувшись уверенностью.

А потом пришел тот, другой, человек. Которого Джейк почти полюбил. Но он дал мне упасть. Он убил меня.

Он почувствовал, как затылок его и лопатки покрылись неприятной испариной.

«Горды мы за школу Пайпера,
С честью несем ее знамя.
Не забудем девиз *alma mater*:
Пайпер, умри, но сделай!»

«Господи, что за дерьмовая песня», – подумал Джейк, и ему вдруг пришло в голову, что отцу бы она понравилась.

2

Первым по счету шел экзамен по английскому письменному. Единственный экзамен, проходящий не в классе – им на дом задали сочинение. Обычное сочинение объемом от полутора до четырех тысяч слов на тему «Как я понимаю правду». Мисс Авери, их училка, предупредила, что оценка за это экзаменационное сочинение на четверть определит общую табельную оценку за семестр.

Джейк вошел в класс и сел за свою парту в третьем ряду. Всего у них в классе было одиннадцать учеников. Джейку вспомнился прошлый сентябрь, первый учебный день – именуемый, разумеется, Ориентирующим, – когда мистер Харлей с гордостью им сообщил, что у них в Пайпере Самый-Высокий-Коэффициент-«Учитель к Ученику»-из-Всех-Лучших-Частных-Средних-Школ-на-Востоке, при этом он время от времени потрясал кулаком, как бы подчеркивая значимость именно этого

обстоятельства. Правда, на Джейка сие откровение не произвело особенного впечатления, но он передал речь директора папе, полагая, что папа действительно «впечатлится». И Джейк не ошибся.

Он открыл свою школьную сумку, осторожно достал голубую папку с экзаменационным сочинением и положил ее на парту, собираясь еще раз проверить ошибки, но тут его взгляд случайно упал на дверь слева. Он, разумеется, знал, что ведет она в гардероб, и сегодня ее закрыли, потому что на улице – семьдесят по Фаренгейту и вряд ли кто-нибудь из учеников придет в пальто или плаще. За дверью нет ничего, только ряд медных крючков на стене и длинный резиновый коврик для обуви на полу, и еще в дальнем углу несколько ящиков с канцелярскими принадлежностями – мел, тетради для письменных экзаменационных работ и тому подобное.

Ничего интересного.

Но Джейк все равно поднялся из-за парты – папка с его сочинением так и осталась лежать нераскрытой – и подошел к двери. Он слышал, как шепчутся между собой одноклассники, слышал шелест страниц, это они проверяли свои сочинения на предмет неправильной постановки определения или корявой фразы, которые могли оказаться решающими, но все эти звуки доносились как будто издалека.

Все внимание его захватила дверь.

В течение последних дней десяти, когда голоса у него в голове стали громче, двери стали оказывать на него пленяющее, гипнотическое воздействие... любые двери. Только за последнюю неделю он открыл и закрыл дверь между своей спальней и коридором верхнего этажа, наверное, раз пятьсот, а между спальней и ванной – не меньше тысячи. И каждый раз, когда он брался за дверную ручку, у него перехватывало дыхание, надежда и предвкушение теснились в груди, как будто решение его проблемы скрывалось за этой... или за этой дверью, и он обязательно его найдет... рано или поздно. Но каждый раз дверь открывалась в обычную ванную, в коридор, или на улицу, или куда-то еще.

В прошлый четверг он вернулся домой из школы, бросился на кровать и заснул... сон, похоже, остался последним его пристанищем. Не считая того обстоятельства, что когда он проснулся три четверти часа спустя, он не лежал, где заснул, в кровати, а стоял у стены рядом с книжным шкафом и сосредоточенно рисовал на обоях дверь. Хорошо еще – часть своего «произведения».

Вот и сейчас, подойдя к двери в гардероб, он снова почувствовал этот наплыв надежды, от которого у него кружилась голова и перехватывало дыхание... убежденность, что дверь распахнется не в темную раздевалку,

где нет ничего, кроме стойких запахов зимы: фланели, резины и влажного меха, – а в какой-то другой мир, где он снова сможет стать целым. Горячий, головокружительный свет ляжет на пол классной комнаты расширяющимся треугольным клином, и он увидит там птиц, кружащих в бледно голубом небе цвета (его глаз) старых линялых джинсов. Ветер пустыни взъерошит ему волосы и высушит нервную испарину у него на лбу.

Он войдет в эту дверь и исцелится.

Повернув ручку, Джейк открыл дверь. Внутри была лишь темнота и ряд тускло мерцающих медных крючков на стене. Чья-то забытая варежка одиноко лежала у стопки тетрадей для экзаменационных работ.

Сердце Джейка упало, и внезапно ему захотелось спрятаться в этой темной комнате с ее горькими запахами зимы и меловой пыли – потрогать варежку, пристроиться где-нибудь в уголке под медными крючками на резиновом коврикe, куда зимой ставят обувь, и сидеть там, засунув в рот большой палец и подтянув колени к груди... закрыть глаза и... и...

Он сумел себя перебороть.

Такая заманчивая была мысль... облегчение от этой мысли. Это будет конец его страхам, смятению и неуверенности. От последнего Джейк страдал больше всего – его донимало настойчивое ощущение, что вся его жизнь превратилась в этакий лабиринт из кривых зеркал.

Но у Джейка Чемберса был сильный характер... как был он у Эдди и у Сюзанны... внутренний нестигаемый стержень, который налился теперь мрачным голубоватым светом, точно маяк во тьме. Он не сдастся так просто. Быть может, в конце он сойдет с ума, но бороться будет до последнего. Он не позволит безумию себя одолеть.

«Никогда! – в ярости думал он. – Никогда! Ни...»

– Я смотрю, ты там в гардеробе увлекся инвентаризацией, Джон, школьное имущество надо, конечно, беречь, но, может, ты все-таки к нам вернешься, когда закончишь, – проговорила у него за спиной мисс Авери своим сухим, неизменно вежливым голосом.

Джейк отвернулся от двери. По классу прошел смешок. Мисс Авери стояла за своим столом, легонько поглаживая журнал длинными тонкими пальцами. Лицо ее оставалось спокойным и как всегда интеллигентным. Сегодня она пришла в синем костюме, а волосы зачесала назад и уложила в пучок, как обычно. Со стены у нее за плечом сурово взирал Натаниэль Готорн, хмурясь на Джейка со своего портрета.

– Простите, – пробормотал Джейк, закрывая дверь. И тут же ему захотелось открыть ее снова, просто на всякий случай, чтобы еще раз проверить... а вдруг тот, другой, мир с его жарким солнцем и безбрежным

простором пустыни все-таки будет там.

Но он не поддавался порыву. Отошел от двери и направился к своей парте. Петра Джессерлинг тихонько шепнула ему:

– Возьми меня тоже в следующий раз. – В глазах у нее заплясали веселые огоньки. – Тогда тебе будет на что посмотреть.

Джейк рассеянно улыбнулся и сел на место.

– Спасибо, Джон. – Голос мисс Авери оставался все так же непробиваемо доброжелательным и спокойным. – А сейчас, дети, пока вы не начали проверять свои экзаменационные сочинения, которые, я в том ни мало не сомневаюсь, все будут хорошими и каждое – в чем-то особенным, я вам раздам список литературы, рекомендованной Министерством Образования для летнего домашнего чтения, и скажу пару слов хотя бы о некоторых из представленных там изумительных книг...

Попутно она протянула небольшую стопку отпечатанных на mimeографе листов Дэвиду Сари. Тот принялся их раздавать, а Джейк открыл свою папку, чтобы еще раз перечитать, что он там накатал на тему «Как я понимаю правду», причем – с искренним интересом, потому что он просто не помнил о том, как вообще писал это самое сочинение... ни как писал сочинение, ни как готовился к экзамену по французскому.

С изумлением и нарастающим беспокойством смотрел он на титульный лист. «КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ, Сочинение Джона Чемберса» – аккуратно напечатанное по центру страницы заглавие, тут все в порядке, но под ним он зачем-то приклеил две фотографии. На одной была дверь... скорее всего, решил Джейк, дом № 10 по Доунинг-стрит в Лондоне, на второй – большущий электровоз. Цветные фотки, вырезанные, вне всяких сомнений, из иллюстрированного журнала.

«Зачем я их сюда налепил? И когда?»

Джейк перевернул страницу и тупо уставился на первый лист своего экзаменационного сочинения, не веря тому, что он видит, и не понимая. А потом, когда сквозь пелену потрясения пробились первые искорки понимания, его обуял настоящий ужас. Это все-таки произошло – теперь все увидят, что он рехнулся.

Сочинение Джейка Чемберса

«Я покажу тебе страх в горстке праха».

Т. С. «Бутч» Элиот

*«Моей первой мыслью было, что он каждым словом мне
лжет».*

Роберт «Санденс» Браунинг^[2]

*Стрелок – вот правда.
Роланд – вот правда.
Узник – вот правда.
Госпожа Теней – правда.
Узник и Госпожа поженились. Вот правда.
Дорожная станция – правда.
Говорящий Демон – правда.
Мы вошли в тоннель под горами, и это правда.
Там были чудовища, под горами. И это правда.
Один держал между ног шланг бензоколонки «АМОКО» и
притворялся, что это член. Это правда.
Роланд позволил мне умереть. Вот правда.
Я люблю его до сих пор.
Это правда.*

– И еще очень важно, чтобы все вы прочли «Повелителя мух», – продолжала мисс Авери своим чистым, но бледным голосом. – А когда вы прочтете, вы должны будете поразмыслить и постараться ответить на некоторые вопросы. Хорошая книга – всегда как загадка, за которой скрывается много еще загадок, а это действительно очень хорошая книга... одна из лучших, написанных во второй половине двадцатого века. Во-первых, подумайте и ответьте, какой символический смысл заключен в образе раковины. Во-вторых...

Далеко. Далеко-далеко. Трясущейся нетвердой рукой Джейк перевернул страницу своего экзаменационного сочинения, оставив на первом листе темное пятнышко пота.

Когда человек – дерево? Когда он со сна. Это правда.

*Блейн – это правда.
Блейн – это правда.
Что это такое: о четырех колесах и летает? Мусорная
машина. И это правда.
Блейн – это правда.
Не сводить с Блейна глаз. Блейн – это боль. Вот правда.
Я уверен, что Блейн опасен, и это правда.
Что это такое: черная, белая и вся красная? Зебра,
краснеющая от смущения. Вот правда.
Блейн – это правда.
Я хотел бы вернуться, и это правда.
Мне придется вернуться, и это правда.
Если я не вернусь, я сойду с ума. Это правда.
Но я не сумею вернуться домой, пока я не найду, камень, розу
и дверь. Это правда.
Чу-чу – это поезд, и это правда.
Чу-чу. Чу-чу.
Чу-чу. Чу-чу. Чу-чу.
Чу-чу. Чу-чу. Чу-чу. Чу-чу.
Я боюсь. Это правда.
Чу-чу.*

Джейк медленно поднял голову. Сердце бешено колотилось в груди – так сильно, что с каждым его ударом перед глазами у Джейка загорались пляшущие огни, точно остаточные изображения фотовспышки.

Он явственно представил себе, как мисс Авери отдает сочинение папе с мамой. Рядом с мисс Авери с грустным видом стоит мистер Бизе, а она говорит своим чистым, но бледным голосом: «Ваш мальчик очень серьезно болен. Если нужны доказательства, почитайте его экзаменационное сочинение».

«Я заметил еще, что в последние три недели Джон сам не свой, – добавляет мистер Бизе. – Иногда он как будто испуган и все время слегка заторможенный... отрешенный, если вы понимаете, что я имею в виду. Je pense John est fou... comprenez-vous?»^[3]

«Может быть, – это опять мисс Авери, – у вас дома в доступном месте хранятся какие-нибудь седативы, которые Джон потихоньку от вас принимает?»

Насчет седативов Джейк не был уверен, но доподлинно знал, что у папы в нижнем ящике стола припрятано несколько грамм кокаина. И отец,

без сомнения, решит, что там-то Джейк и «попасся».

– А теперь я скажу пару слов насчет книги «Уловка-22», – продолжала мисс Авери. – Для шести-, семиклассников эта книга действительно сложная, но она все равно вам покажется изумительной, надо только настроить себя на ее специфичное очарование. Если вам так удобнее, можете воспринимать ее как комедию сюрреализма.

«Только мне не хватало об этом читать, – подумал угрюмо Джейк. – Я в чем-то подобном живу... и это отнюдь не комедия.»

Он обратился к последней странице своего экзаменационного сочинения. На ней не было ни единого слова, только еще одна вырезка из журнала, аккуратно приклеенная посередине листа – фотография падающей Пизанской Башни, закрашенной в черный пастельным мелком. Темные восковые линии переплетались в безумных изгибах и петлях.

Раскрасил ее, вероятно, сам Джейк... больше некому.

Но он не помнил, как делал это.

То есть, абсолютно.

Теперь он представил себе, что ответит отец мистеру Бизе: «Жпх. Да, мальчик определенно *fou*. Ребенок, которому выпала исключительная возможность проявить себя в школе Пайпера, а он пустил ее псу под хвост, ДОЛЖЕН БЫТЬ *fou*, вы со мною согласны? Ну... предоставьте это мне, а уж я разберусь. Справляться с проблемами – это моя работа. И я уже знаю решение. Сеннивейл. Ему надо какое-то время пожить в Сеннивейле, заняться... не знаю... плетением корзин и прийти в себя. Вы не волнуйтесь, ребята, за нашего мальчика. Он может, конечно, бежать... но ему не укрыться».

Неужели его действительно отправят в дурдом, когда выяснится, что его лифт, скажем так, больше не едет на верхний этаж? Джейк, кажется, знал ответ. Уж будьте уверены! У себя в доме отец не потерпит какого-то полоумного, пусть даже им будет родной его сын. Его увезут не обязательно в Сеннивейл, но там, куда его заботливо поместят, обязательно будут решетки на окнах и крепкие дядьки в белых халатах и ботинках на каучуковой подошве, с крепкими мышцами, настороженными глазами и набором шприцов для подкожного впрыскивания искусственных снов.

«А всем они скажут, что я уехал, – размышлял Джейк. Голоса у него в голове умолкли, заглушенные волной нарастающей паники. – Уехал на год в Модесто, погостить у тети с дядей... или в Швецию в рамках программы обмена учениками... или отправился на космическую орбиту чинить там спутник. Мама очень расстроится... будет плакать... но потом все же смирится. У нее есть любовники, чтобы ее развлечь... к тому же, она всегда

соглашается с ним, с отцом. Она... они... я...»

Джейк вдруг почувствовал, как из горла его рвется крик, и плотно сжал губы, чтобы тот не прорвался. Опять тупо уставился на безумные черные штрихи – эти пляшущие изломы поверх фотографии Пизанской Башни и сказал себе: «Мне нужно отсюда уйти. Сейчас же».

Он поднял руку.

– Да, Джон, в чем дело? – Мисс Авери смотрела на него с выражением мягкого раздражения, которое приберегала специально для учеников, которые прерывали ее в самый неподходящий момент.

– Если можно, я на минуточку выйду, – пробормотал Джейк.

Вот вам, пожалуйста, очередной пример «Пайпер-речений». Ученикам школы Пайпера не «нужно в туалет», они не «ходят в уборную» или, упаси Боже, «справляют нужду». Предполагается, что все Пайперовские питомцы – создания столь совершенные, что просто не могут растрачивать себя на производство побочных продуктов в своем изысканно тихом и плавном скольжении по жизни. Время от времени кто-то из них спрашивает разрешения «на минуточку выйти», и это все.

Мисс Авери вздохнула.

– А тебе очень нужно, Джон?

– Да, мэм.

– Ну хорошо, иди. Но возвращайся быстрее.

– Да, мисс Авери.

Он встал, закрыл папку, хотел было забрать ее, но потом передумал. Так не пойдет. Мисс Авери тут же заинтересуется, зачем ему брать с собой в туалет экзаменационное сочинение. Надо было их вынуть из папки, эти чертовы страницы, и потихоньку убрать в карман... но еще до того, как просить разрешения выйти. А теперь уже поздно.

Джейк направился по проходу к двери, оставив папку на парте, а портфель на полу под столом.

– Надеюсь, все выйдет нормально, Чемберс, – шепнул ему Дэвид Сари и фыркнул в кулак.

– Прекрати болтать, Дэвид, – едва ли не рявкнула мисс Авери, теперь уже по-настоящему рассердившись, и весь класс покатился со смеху.

Джейк на мгновение помедлил у двери в коридор, а когда взялся за ручку, в душе его вновь затеплились уверенность и надежда: «Сейчас это произойдет – обязательно произойдет. Стоит мне распахнуть эту дверь, и за ней будет солнце пустыни. Его свет ворвется сюда, а в лицо мнедохнет сухим ветром. Я войду туда и больше уже никогда не увижу этот дурацкий класс».

Он открыл дверь, но за нею был лишь коридор. Все тот же школьный коридор... Однако кое в чем Джейк оказался прав: ему больше уже никогда не придется увидеть класс мисс Авери.

Кажется, Джейк немного вспотел. Он медленно шел по сумрачному коридору, стены которого были отделаны деревом – мимо дверей. Он бы, наверное, открыл их все, если бы не прозрачные стекла, вставленные в каждую. Вот французский класс мистера Бизе, второй год обучения. Вот – мистера Кноффа, Введение в геометрию. В обоих классах ученики сидели, зажав в руках карандаши и ручки и склонившись над тетрадями в синих обложках для экзаменационных работ. Заглянув в класс мистера Харлея, Ораторское искусство и культура речи, Джейк увидел, как Стэн Дофман – один из тех самых знакомых ребят, которые были для Джейка почти друзьями – встает, готовясь произнести свою Экзаменационную Речь. Выглядел Стэн перепуганным до смерти, хотя на самом-то деле он и понятия не имел о том, что такое страх – настоящий страх, – а вот Джейк мог бы много чего интересного рассказать ему в этой связи.

«Я умер».

«Нет, я не умер».

«Умер».

«Не умер».

«Умер».

«Нет».

Проходя мимо двери с надписью «ДЛЯ ДЕВОЧЕК», он распахнул ее, ожидая увидеть там чистое небо пустыни и синюю дымку на горизонте – горы, но увидел всего лишь Белинду Стивенс. Она стояла у раковины и, сосредоточенно глядя в зеркало, выдавливала на лбу прыщ.

– Господи, ты чего? – всполошилась она.

– Прости. Просто ошибся дверью. Думал, здесь будет пустыня.

– Чего?

Но Джейк уже отпустил дверь, и она плавно закрылась на пневматической пружине. Обойдя питьевой фонтанчик, он открыл дверь с надписью «ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ». Ту самую дверь... он уверен, он знает... дверь, через которую он вернется...

Три писсуара блеснули безупречной, без единого пятнышка, белизной

под лампами дневного света. Последние капли стекли в слив раковины, и затычка торжественно встала на место. И все.

Джейк закрыл дверь и пошел дальше по коридору, сопровождаемый стуком своих каблучков по кафелю. По пути заглянул в канцелярию, но увидел там только мисс Френкс. Она самозабвенно разговаривала по телефону, раскачиваясь взад-вперед на своем вращающемся стуле и накручивая на палец прядь волос. На столе перед нею стоял серебряный колокольчик. Джейк подождал, пока она не отвернется от двери, и тихонечко проскользнул мимо. А уже через тридцать секунд он стоял под сияющим утренним солнцем позднего мая.

«Я стал прогульщиком... я сачканул. – Джейк и сам не поверил. Даже тревога, паника и смятение не смогли перекрыть его крайнего – искреннего – изумления вследствие столь неожиданного поворота событий. – Минут через пять, когда я не вернусь из сортира, мисс Авери отправит кого-нибудь, чтобы проверить... и тогда все раскроется. Все узнают, что я сачканул, что я смылся с экзамена».

Тут он вспомнил, что папка с его сочинением осталась лежать на парте.

«Они прочтут его и подумают, что я спятил. Фоу. Да, все правильно. Так они и подумают. Потому что я в самом деле спятил».

А потом у него в голове зазвучал другой голос. Голос того человека с глазами воина... который носил два больших револьвера на широких ружейных ремнях очень низко на бедрах. Холодный, суровый голос... но были в нем утешение и тепло.

«Нет, Джейк, – говорил Роланд. – Ты не спятил. Ты не можешь понять, что с тобой происходит, тебе сейчас страшно, но ты не рехнулся, и не надо бояться ни тени своей, что за тобою шагает утром, ни тени вечерней своей, что встает пред тобою. Просто нужно найти путь обратно домой, вот и все».

– Но куда мне идти? – прошептал Джейк. Он стоял сейчас на Пятьдесят-Шестой между Парком и Мэдисоном и смотрел на проезжающие мимо автомобили. Проехал автобус, оставив после себя едкий шлейф выхлопных газов. – Куда мне идти? Где эта чертова дверь?

Но голос стрелка уже замер.

Джейк повернул налево, к Ист-Ривер, и слепо пошел вперед. Он понятия не имел – куда. Ни малейшего представления. Он мог только надеяться, что ноги сами приведут его в нужное место... в хорошее место... как недавно они его завели в плохое.

Это случилось три недели тому назад.

Нельзя даже сказать: «Началось три недели назад», – потому что, когда «началось», это предполагает некоторое последующее развитие, а его не было. Развивались, единственно, голоса – по нарастающей. Крепли ожесточенность и ярость, с которыми каждый настаивал на своем варианте реальности, но все остальное именно «случилось» – в одно мгновение.

Он вышел из дома в восемь утра – он всегда выходил пораньше, когда погода была хорошей, чтобы пройтись пешком, а этот май в смысле погоды был просто чудным. Папа уже отбыл на телестудию, мама еще не вставала, а миссис Грета Шоу, обосновавшись на кухне, пила свой кофе и читала свою «Нью-Йорк Пост».

– До свидания, Грета, – сказал он ей. – Я пошел в школу.

Она махнула ему рукой, не отрываясь от газеты.

– Счастливо, Джонни.

Все – как всегда. Еще один день из жизни.

И так продолжалось еще двадцать пять минут. А потом все изменилось. Уже навсегда.

Он шел по улице (в одной руке школьная сумка, в другой – пакет с завтраком) и глазел на витрины. За двенадцать минут до конца его жизни – какой он всегда ее знал, – Джейк на минутку приостановился перед витриной «Брендио», где манекены в меховых шубах и стильных костюмах застыли в натянутых позах непринужденной беседы. Думал он только о том, как днем, после школы, пойдет в кегельбан. 158 – его рекорд. Очень неплохо для мальчика его возраста. Когда-нибудь он мечтал заняться этим профессионально и стать игроком на *pro tour* (если бы папа узнал об этом, он бы тоже рассвирепел не на шутку).

Оно все ближе и ближе... мгновение, когда разум его неожиданно помутится.

Он перешел через Тридцать-Девятую. До рокового мгновения осталось чуть меньше семи минут. На Сорок-Первой ему пришлось подождать у светофора, пока не зажжется зеленый – «ИДИТЕ». Осталось четыре с половиной минуты. Джейк помедлил у книжного магазина, что на углу Пятой и Сорок-Второй. Именно в этот миг, когда привычной размеренной жизни ему осталось чуть более трех минут, Джейк Чемберс ступил под сень той невидимой силы, которую Роланд называл ка-тетом.

Постепенно его захватило какое-то странное, неприятное ощущение.

Поначалу ему показалось, что кто-то за ним наблюдает, но очень быстро он понял, что это не так... или не совсем так. У него было такое чувство, что все это с ним уже происходило... как будто – только теперь наяву – вернулся давнишний сон, который почти забылся. Он думал, что странное чувство сейчас пройдет, но оно не прошло. Оно стало только сильнее, и постепенно к нему примешалось еще кое-что... неподдельный ужас.

Впереди, на ближайшем углу Пятой и Сорок-Третьей, возился чернокожий торговец в смешной панаме, устанавливая тележку с напитками.

«Это тот самый, который сейчас закричит: “Господи, да его же убило!”» – подумал Джейк.

С той стороны к переходу приближалась толстая тетенька с блюминдейловским пакетом в руке.

«Она выронит свой пакет. Выронит его, поднесет руки ко рту и завизжит. Пакет раскроется, и внутри будет кукла, запеленутая в красное полотенце. Я увижу ее с дороги, когда буду лежать на проезжей части, а кровь просочится ко мне в штаны и разольется вокруг маленьким озерцом».

Сразу за тучной женщиной шел долговязый дядька, одетый в серый шерстяной костюм и с «дипломатом» в руке.

«Его стошнит прямо себе на туфли. Он уронит портфель, и его стошнит прямо себе на туфли. Что со мной происходит?»

Но ноги сами несли его к переходу – как раз зажегся зеленый, и толпа устремила через улицу оживленным тесным потоком. Где-то сзади, неуклонно приближаясь к нему, шел священник-убийца. Джейк это знал, как знал он и то, что сейчас уже зажжется красный, и руки священника вытянутся к нему, чтобы толкнуть... но он даже не смог оглянуться. Как в кошмарном сне, когда понимаешь, что тебе угрожает опасность, но сделать ты ничего не можешь, потому что события во сне тебе не подвластны.

Осталось пятьдесят три секунды. Впереди чернокожий торговец открыл дверцу в боку тележки.

«Сейчас он достанет бутылочку “Йо-Хо”, – подумал Джейк. – Бутылку – не банку. Встряхнет и осушит одним глотком».

Торговец достал из тележки бутылочку «Йо-Хо», энергично ее встряхнул и скovyрнул крышку.

Осталось сорок секунд.

«Сейчас переключится светофор».

Белая надпись «ИДИТЕ» погасла. Красными вспышками замерцала – «СТОЙТЕ». А где-то там, менее чем в полквартале отсюда, большой синий

«кадиллак» вырулил в промежуток между Пятой и Сорок-Третьей. Джейк это знал, как знал он и то, что на водителе – тучном мужчине – будет синяя шляпа, точно такого оттенка, как и его машина.

«Сейчас я умру!»

Ему так хотелось выкрикнуть это вслух – этим прохожим, не подозревающим ни о чем, – но челюсть как будто свело. Ноги невозмутимо несли его к переходу. Надпись «СТОЙТЕ» перестала мерцать и загорелась своим ровным красным предупреждением. Торговец сунул пустую бутылку из-под «Йо-Хо» в урну на углу. Толстая тетка на той стороне встала на краю тротуара, держа магазинный пакет за ручки. Мужчина в сером костюме встал сразу за нею. Осталось всего восемнадцать секунд.

«Пора показаться фургону со склада игрушек», – подумал Джейк.

Подпрыгивая на выбоинах в асфальте, мимо проехал большой фургон с надписью «ТУКЕР. ИГРУШКИ ОПТОМ» и картинкой – радостный вес из себя «Джек-попрыгун» – на борту. Джейк знал: у него за спиной человек в черном пошел быстрее, сокращая расстояние между ними... вот он уже тянет свои длинные руки. Но и теперь Джейк не смог оглянуться – как нельзя оглянуться в кошмарном сне, когда что-то ужасное начинает хватать тебя сзади.

«Беги! Если не можешь бежать, то садись и держись за дорожный знак – “Парковка запрещена”! Делай, что хочешь, только не стой как овца. Не дай этому произойти!»

Но он был бессилен это остановить. Впереди, на самом краю тротуара, стояла девушка в белом свитере и черной юбке. Слева от нее – парнишка-чикано с включенным радиоприемником. Как раз заканчивалась композиция Донны Саммер. Следующей песней, Джейк знал, будет «Доктор Любовь» группы «Кисс».

«Сейчас они разойдутся в сторо...»

Не успел Джейк закончить мысль, как девушка отступила на шаг вправо. Парнишка-чикано – влево. Между ними образовалось место для одного человека. Предательские ноги Джейка сами сделали шаг вперед. Осталось девять секунд.

Отблеск ясного майского солнца сверкнул на фирменном значке кадиллака. Джейк знал, что это «Седан де Виль» 1976 года. Шесть секунд. Кадиллак неслся вперед. Сейчас для машин должен зажечься красный, и толстый мужик в «де Вилле» – в синей шляпе с пером за лентой – собирался проскочить, чтобы не ждать потом на светофоре. Три секунды. За спиной Джейка человек в черном рванул вперед. В радиоприемнике молодого чикано кончилась композиция «Я люблю, бэби, любить тебя» и

началась «Доктор Любовь».

Две секунды.

Кадиллак перестроился в крайнюю правую полосу – ближнюю к тротуару – и устремился на всех парах к переходу, скалясь убийственной усмешкой.

Одна секунда.

У Джейка перехватило дыхание.

Сейчас.

– Ой! – сумел только выкрикнуть Джейк, когда сильные руки ударили его в спину, толкая... толкая на улицу, под машину... выталкивая из жизни...

За одним небольшим исключением – не было никаких рук.

Но Джейк все равно пошатнулся и стал падать вперед, судорожно замахав руками. Губы сложились в черный «ноль» страха. Парень-чикано резко подался вперед, схватил Джейка за руку и дернул его назад.

– Осторожней, маленький герой, – сказал он. – А то размажет тебя по дороге на полквартала.

Кадиллак пролетел мимо. Джейк еще мельком увидел водителя – толстого дядьку в синей шляпе, – а потом его и след простыл.

И вот тогда оно и случилось: его как будто разорвало надвое, и стало два Джейка. Один лежал на проезжей части и умирал. Второй стоял на углу, в тупом потрясении глядя на светофор, где «СТОЙТЕ» переключилось опять на «ИДИТЕ», и поток пешеходов устремился по переходу как ни в чем ни бывало... как будто вообще ничего не случилось... и действительно ничего не случилось.

«Я жив!» – ликовала одна половина его сознания.

«Нет, я умер! – возражала другая. – Меня сбила машина. Они все столпились вокруг меня, а человек в черном, который меня толкнул, говорит: “Пропустите меня, я священник”».

Тошнотворной волной накатила слабость, обращая сознание его во вздымающийся парашют. Проходя мимо толстой женщины, Джейк тайком заглянул к ней в пакет и увидел ясные голубые глаза большой куклы, запеленутой в красное полотенце – точно, как он предвидел. Женщина проплыла мимо. Чернокожий торговец не кричал: «Господи, да его же убило!», – а продолжал заниматься своей тележкой, беззаботно насвистывая песенку Донны Саммер, которая только что прозвучала по радио у парнишки-чикано.

Джейк оглянулся, лихорадочно высматривая в толпе священника, который не был священником. Его там не было.

Джейк застонал.

«Перестань! Что с тобой происходит?»

Джейк не знал. Знал он только одно: сейчас он должен лежать на проезжей части и умирать, пока толстая тетка кричит, мужчина в сером костюме «пугает» свои же туфли, а человек в черном протискивается сквозь толпу.

И для одной половины его сознания так оно все и было.

Опять накатилась слабость. Джейк бросил пакет с завтраком на тротуар и как можно сильнее ударил себя по лицу. Какая-то женщина, проходящая мимо, как-то странно на него посмотрела. Джейк, однако, не обратил на нее внимания. Оставив свой завтрак лежать на асфальте, он шагнул на переход, не обращая внимания и на надпись «СТОЙТЕ», которая вновь начала мигать на светофоре. Но это уже не имело значения. Смерть подступила к нему совсем близко... и прошла мимо, даже не оглянувшись. Так не должно было быть – и на каком-то глубинном уровне своего существования Джейк знал об этом, – но так оно все и было.

Быть может, теперь он уже никогда не умрет. Будет жить вечно.

От этой мысли ему опять захотелось кричать.

6

К тому времени, когда Джейк добрался до школы, в голове у него слегка прояснилось, и он погрузился в занятия, пытаясь себя убедить, что ничего не случилось, что все нормально – на самом деле. Может быть, что-то такое и было... немного странное... своего рода психическое озарение, мгновенный прорыв в одно из возможных будущих... ну и что с того? Подумаешь, большое дело! Мысль в чем-то даже крутая – подобные штуки очень любят печатать в этих бульварных газетках, посвященных всему таинственному и потустороннему, которыми зачитывается Грета Шоу – но только тогда, когда она твердо уверена, что мамы Джейка нет дома, – изданиях типа «Национальный Опрос» или «Внутренним Оком». Только в этих газетках все подобные озарения всегда сродни боевому ядерному удару – женщине снится сон, что самолет, на котором ей скоро лететь, разбивается, и она обменивает билет... или какой-нибудь парень видит во сне, что какой-то ублюдок посадил брата его на иглу, и так оно и выходит на самом деле. Вот это действительно кое-что. Но когда этот психо-прорыв связан со знанием того, какую песню «Кисс» будут играть по радио, что в

блюминдейловском пакете у толстой тетки лежит кукла, завернутая в красное полотенце, а уличный торговец собирается выпить бутылочку «Йо-Хо» – бутылочку, а не банку... чего из-за этого так волноваться?

«Забудь, – сказал он себе. – Все уже кончилось».

Хорошая мысль, за одним небольшим исключением: на третьем уроке Джейк понял, что ничего не закончилось – все только еще начиналось. Он тихо-мирно сидел на алгебре, смотрел на доску, где мистер Кнофф решал простенькое уравнение, и вдруг с ужасом осознал, что память раздвоилась, разделившись на два не связанных между собой потока. Ему было странно воспринимать в себе эту новую цепь воспоминаний – точно смотришь на вереницу странных и непонятных предметов, медленно проплывающих перед тобой по поверхности мутных вод.

«Я нахожусь сейчас в месте, которого я не знаю. То есть, теперь я его узнаю... узнал бы, если бы тот кадиллак меня сбил. Я сейчас на дорожной станции... но тот “я” об этом еще не знает. Он знает только, что это где-то в пустыне, и там нет людей. Никого. Я плачу там, потому что мне страшно. Я боюсь, что оказался в аду».

В три часа пополудни, когда Джейк пришел на Мид-Таун Лейнс, он выяснил, что на заднем дворе за конюшней есть действующая колонка, где можно попить. Вода была очень холодной, и в ней чувствовался сильный привкус минеральных солей. Вскоре он войдет в дом и обнаружит там скудный запас вяленого мяса – в бывшей кухне. В этом он был уверен, как был уверен и в том, что торговец на углу возьмет бутылочку, а не банку, «Йо-Хо» и что у куклы, выглядывающей из блюминдейловского пакета, голубые глаза.

Он как будто вспоминал будущее.

В тот день Джейк выбил только две партии. Одну с результатом 96, вторую – 87. Тимми у себя за конторкой лишь мельком глянул на его лист, сложил его пополам и покачал головой.

– Сегодня ты, чемпион, что-то не в лучшей форме.

– Если б вы только знали, – пробурчал Джейк.

Тимми присмотрелся к нему повнимательнее.

– Ты хорошо себя чувствуешь? А то ты и в самом деле какой-то бледненький.

– Я, по-моему, болеваю. Где-то, наверное, подхватил инфекцию. – И Джейк не солгал. По крайней мере, сам он не думал, что врет. Он что-то такое действительно подхватил.

– Придешь домой, сразу же ляжь в постель, – посоветовал Тимми. – И пей больше жидкости, только ни с чем не мешай... джин, водка, в общем,

сам разберешься.

Джейк улыбнулся.

– Наверное, так я и сделаю.

Он медленно поплелся домой. Вокруг него простирался Нью-Йорк в своем самом соблазнительном обличьи... конец теплого майского дня, серенада предвечерних улиц, где на каждом углу – музыкант, деревья стоят все в цвету, и у каждого из прохожих хорошее настроение. Джейк все это видел, но он видел и то, что таилось на той стороне: как он прятался в сумраке кухни, пока на заднем дворе человек в черном, точно оскаленный пес, жадно пил из колонки... как рыдал в облегчении, когда этот страшный черный человек – или, может быть, призрак – ушел, не заметив его... как забылся глубоким сном, когда село солнце, и звезды зажглись, точно льдинки, в багровом небе пустыни.

У него был свой ключ. Закрыв за собой дверь их двухэтажной квартиры, Джейк сразу пошел на кухню, чтобы чего-нибудь съесть. Скорей, по привычке, поскольку есть ему не хотелось. Он уже собирался открыть холодильник, как вдруг взгляд его остановился на двери в кладовую и внезапно Джейк понял, что дорожная станция – и весь тот, другой, странный мир, которому он теперь принадлежит – она там, за этой самой дверью. Всего-то и нужно перешагнуть порог и соединиться с тем Джейком, который уже существует там. И тогда память его перестанет двоиться... голоса у него в голове умолкнут, умолкнет этот их бесконечный спор, умер он или нет сегодня в 8:25 утра.

Обеими руками Джейк толкнул дверь в кладовку, на лице у него заиграла уже улыбка радости и облегчения... и тут он замер на месте, услышав крик миссис Шоу, что стояла на невысокой стремянке у дальней стены кладовой. От испуга она уронила банку с томатной пастой, которую только что сняла с полки. Банка грохнулась об пол. Миссис Шоу покачнулась, и Джейк рванулся вперед, чтобы успеть поддержать ее, пока она тоже не сверзлась на пол и не присоединилась к томатной пасте.

– Святые угодники! – задохнулась она, схватившись за живот. – Как ты меня напугал, Джонни!

– Простите, я не хотел. – Он сказал это искренне, но это не значит, что он не был горько разочарован. Всего лишь кладовка. Вот так. А ведь он был уверен...

– А ты почему, вообще, здесь? У тебя же сегодня кегельбан! Я так рано тебя не ждала... еще час, как минимум. У меня даже покушать тебе не готово, так что обеда сейчас не жди.

– Ну и ладно. Я все равно не особенно голоден. – Джейк поднял с пола

банку, которую она уронила.

– Не сказала бы, если судить по тому, как ты сюда вломился, – проворчала миссис Шоу.

– Мне показалось, я слышал, как что-то скребется. Решил, чтомышь. Но это, наверное, были вы.

– Уж наверное я, – она осторожно слезла со стремянки и забрала у него банку. – У тебя что-то вид нездоровый, Джонни. Ты не гриппуешь, случайно? – Она потрогала ему лоб. – Кажется, температуры нет, но это еще ничего не значит.

– Я, наверное, просто устал. – А про себя Джейк подумал: «Если бы только это». – Вы не волнуйтесь. Попью чего-нибудь, посмотрю пока телевизор, и все пройдет.

Миссис Шоу неопределенно хмыкнула.

– Были сегодня оценки? Хочешь мне показать? Если да, то давай быстрее – мне еще ужин готовить.

– Сегодня нет. – Джейк вышел из кладовой, взял в холодильнике банку содовой и ушел в гостиную. Включив «Обывателей Голливуда», он сел на диван и безучастно уставился на экран, а в голове у него продолжали звучать голоса и проявлялись новые воспоминания о том, другом, запыленном мире.

Папа с мамой и не заметили даже, что с ним что-то творится неладное – а папа вообще пришел домой в полдесятого, – но Джейк был этому только рад. Он лег в постель в десять и еще долго лежал без сна, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шуму города за окном: визг тормозов, гудки автомобилей, завывание сирен.

«Ты умер».

«Но как же я умер, когда вот он я – здесь, у себя в кровати, живой и здоровый».

«Это еще ничего не значит. Ты умер, и ты это знаешь».

Да, он знает. Но страшнее всего, что он знает и то, и другое.

«Я не знаю, который из вас говорит сейчас правду, но одно знаю точно: долго я так не выдержу. Так что умолкните, оба. Прекратите немедленно и оставьте меня в покое. О'кей? Я вас очень прошу. Пожалуйста».

Но голоса не смолкали. Быть может, они не могли замолчать. Джейку

вдруг пришло в голову, что ему надо встать – прямо сейчас – и открыть дверь в ванную. И тот, другой, мир будет там. Дорожная станция и он сам... его вторая, недостающая, половина... съжившийся под старой попоной в конюшне, пытающийся заснуть, не понимающий, что происходит...

«Я бы сказал ему... – в возбуждении думал Джейк, сбрасывая одеяло. Он понял теперь, куда ведет эта дверь рядом с его книжным шкафом – больше не в ванную, нет – она откроется в мир, пахнувший жаром, пурпурным шалфеем и страхом в горсточке праха, мир, укрытый сейчас сумрачным крылом ночи. – Я бы сказал ему... но мне не нужно ему ничего говорить... потому что я буду В НЕМ... я буду ИМ!»

Не зажигая света, бросился он через темную комнату, едва не смеясь в облегчении, распахнул заветную дверь и...

И ничего. Просто ванная. Его ванная с постером Марвина Гая в рамочке на стене и тeneвым очертанием жалюзи – полосками света и тени – на кафельном полу.

Он еще долго стоял на пороге, пытаясь справиться с этим разочарованием, что встало в горле как будто комком. Только оно не желало его отпускать. И оно было горьким.

Оно было горьким.

С того дня прошло три недели, и в памяти Джейка они растянулись, точно зловещий и мрачный район трущоб... кошмарный, заброшенный мертвый край, где нет ни покоя, ни отдохновения, ни исцеления от боли. Он наблюдал – как беспомощный узник наблюдает за разграблением города, которым он правил когда-то, – как гнется здоровый его рассудок под непрерывным нажимом этих призрачных голосов и иллюзорных воспоминаний, и ничего не мог с этим поделать. Сперва Джейк еще не терял надежды, что память его перестанет двоиться, когда, вспоминая, он дойдет до критической точки, где человек по имени Роланд позволил ему упасть в пропасть с моста под горами, – только этого не случилось. Все вернулось к началу и заиграло по новой, как кассета на магнитофоне, включенная на автореверс: она будет играть и играть бесконечно, пока либо не гикнется магнитофон, либо кто-нибудь не придет и его не вырубит.

По мере того, как углублялась эта ужасная пропасть в его

раздвоившейся памяти, в восприятии Джейком его более-менее реальной жизни – жизни нью-йоркского мальчика – появлялось все больше провалов. Он помнил, что ходил в школу и в кино по выходным, что неделю назад (или две?) их с родителями пригласили на воскресный обед, но все это он помнил так, как человек, перенесший тяжелую малярию, вспоминает потом период обострения своей болезни: все окутано темным бредом, люди становятся будто тени, голоса, перекрывающие друг друга – как будто эхо, а такое обыденное и простое действие, как, скажем, съесть сэндвич или купить банку «Коки» в автомате напитков в спортзале, превращается в подвиг, стоящий многих усилий. Джейк прошел через эти дни в фуге воющих голосов и двоящихся воспоминаний. Его одержимость дверями – любимыми дверями – с каждым днем только усугублялась; по-настоящему он никогда не терял надежды, что какая-то из дверей все же откроется в мир стрелка. И удивляться особенно нечему, ведь это была у него единственная надежда.

Но сегодня игра закончилась. И Джейк проиграл. К чему все, впрочем, и шло. Все равно шансы его на победу равнялись нулю – с самого начала. И сегодня он сдался. Смылся с экзамена. Понуриив голову, Джейк вслепую шагнул на восток по размеченной сетке улиц, не зная, куда он идет и что будет делать, когда дойдет.

Часам к девяти Джейк потихонечку стал выбираться из этой все застилающей пелены и начал воспринимать окружающее. Оказалось, что он стоит на углу Лексингтон-Авеню и Пятьдесят – Четвертой и не может припомнить, как он сюда забрел. Только теперь он заметил, какое сегодня погожее ясное утро. Утро 7 мая... в тот день, когда он начал сходить с ума... тоже было прекрасным, но это – в десять раз лучше: сегодня, когда весна оглянулась назад и увидела лето, стоящего рядом, совсем-совсем близко, красивого, сильного, с дерзкой улыбкой на загорелом лице. Яркие блики солнца плясали на стеклянных стенах высотных зданий; даже тени прохожих были густы и бодры. Безупречно голубое небо сияло над головой, расчерченное легкими штрихами перистых облаков.

Чуть дальше по улице шло строительство. У дощатого забора, отгораживающего площадку, стояли два бизнесмена в дорогих, безупречного покроя костюмах. Они смеялись, что-то передавая друг другу

туда-сюда. Джейку стало любопытно, и он подошел поближе. Бизнесмены, как выяснилось, играли в «крестики-нолики», расчертив на заборе поле дорогой ручкой «Марк-Кросс». Ею же делали и ходы. Здорово развлекаются дядьки, подумал Джейк. Когда он к ним подходил, один из «игроков» как раз поставил последний «нолик» в верхней правой клетке и прочертил жирную диагональ через все поле.

– Опять я продулся всухую! – сказал его друг, с виду какой-нибудь администратор высокого ранга, или преуспевающий адвокат, или биржевой маклер экстра класса, потом отобрал у приятеля ручку «Марк Кросс» и расчертил на заборе очередное поле.

Первый бизнесмен – тот, кто выиграл – повернул голову влево. Увидел Джейка и улыбнулся.

– Хороший денек, да, малыш?

– Точно, – ответил Джейк в восторге от того, что он именно так и думает.

– В такой день не хочется киснуть в школе, ага?

Теперь Джейк рассмеялся по-настоящему. Школа Пайпера, где «имеют свободный час» вместо того, чтобы просто перекусить, и где ты иной раз «выходишь» вместо того, чтобы просто сходить пописать, отодвинулась вдруг далеко-далеко.

– А вы понимаете.

– Не хочешь сыграть? А то Билли и в школе не мог меня сделать на этом, и до сих пор ему это не удается.

– Оставь парня в покое, – сказал второй бизнесмен, передавая приятелю ручку «Марк Кросс». – На этот раз я тебя сделаю. – Он подмигнул Джейку, и Джейк подмигнул в ответ, сам себе удивляясь. Он пошел дальше, оставив дяденек за игрой. Ощущение, что сейчас должно произойти что-то очень хорошее – или, быть может, уже происходит – продолжало крепнуть. Джейк, казалось, не шел, а летел вперед, не касаясь ногами асфальта.

На светофоре на углу зажглось «ИДИТЕ», и Джейк пошел переходить Лексингтон-Авеню. Посередине улицы он встал на месте так резко, что какой-то мальчик-посыльный на велосипеде едва на него не наехал. Да... это был изумительный весенний денек. Но Джейк сейчас себя чувствовал так хорошо вовсе не потому. Во все не потому воспринимал он сейчас окружающее с этой внезапной ясностью и полнотой, не потому преисполнился твердой уверенности, что с ним должно произойти что-то очень хорошее. Что-то здоровское.

Голоса в голове умолкли.

Умолкли не навсегда – каким-то образом он это знал – но сейчас они прекратились. Вот только, почему?

Перед мысленным взором Джейка предстала такая картина: комната, в комнате двое спорщиков. Сидят за столом друг против друга, злобно косятся друг на друга и отчитывают друг друга с нарастающим ожесточением. Потихоньку они перегибаются через стол, их разгоряченные лица сближаются – они брызжут в лицо друг другу яростною слюной. Спор грозит перерасти в потасовку. Но тут они слышат какой-то грохот – как барабанная дробь – и разухабистые фанфары. Спорщики прекращают орать и глядят, озадаченные, друг на друга.

«Это что?» – спрашивает один.

«Не знаю, – отвечает второй. – Вроде какой-то парад».

Они подходят к окну и действительно видят внизу парад. Оркестранты в военной форме маршируют по улице, чеканя шаг. Отблески солнца горят на их трубах. Хорошенькие девушки, участницы парада, вертят дирижерскими жезлами и важно вытягивают свои длинные, загорелые ножки. Автомобили с открытым верхом усыпаны цветами. В автомобилях – всякие знаменитости. Улыбаются, машут ручками.

Двое непримиримых спорщиков глядят из окна, позабыв о своем жарком споре. Они к нему еще вернутся, уж будьте уверены, но пока что они стоят рядом, плечом к плечу, точно лучшие друзья, и смотрят на проходящий парад...

Раздался резкий гудок. Джейк испугался, и мысленная картинка – яркая, как живой сон – пропала. Он сообразил, что так и стоит посередине проезжей части Лексингтон-Авеню, в зеленый для пешеходов сменился на красный. Он оглянулся в испуге, ожидая увидеть синий «кадиллак», несущийся на него, но водитель, который сигналил, сидел за рулем желтого открытого «мустанга» и вместо того, чтобы орать на Джейка, мило ему улыбался. Впечатление было такое, что сегодня в Нью-Йорке все нанюхались веселящего газа.

Джейк помахал водителю и со всех ног устремился на ту сторону улицы. Водитель «мустанга» покрутил пальцем у виска – ты, мол, парень, того, не в себе, – потом помахал в ответ и уехал.

Пару мгновений Джейк постоял на углу, подставляя лицо теплему

майскому солнцу, улыбаясь и наслаждаясь ощущением ясного дня. Наверное, так себя чувствуют арестанты – преступники, приговоренные к смертной казни, когда узнают, что им дали временную отсрочку.

Голоса молчали.

Вопрос только в том, что это был за парад, отвлекший внимание яростных спорщиков? Может быть, просто необыкновенная красота этого майского утра?

Джейк, однако, не думал, что только это. Странное ощущение знания снова охватывало его, пронизывая насквозь – то же самое, что захватило его три недели назад, когда он подходил к переходу на углу Пятой и Сорок-Шестой. Но тогда, 7 мая, это было ощущение неотвратимой судьбы, приготовившей ему гибель. А теперь ощущение было радостным, исполненным доброты с предвкушением чуда. Как будто... как будто...

Белизна. Слово пришло само и зазвенело в сознании чистейшим звоном безупречной и неоспоримой истины.

– Белизна! – воскликнул он вслух. – Приход Белизны!

Он зашагал вдоль Пятьдесят-Четвертой и, дойдя до угла Пятьдесят-Четвертой и Второй, вступил снова под сень ка-тета.

11

Он повернул направо, остановился, в задумчивости развернулся и вернулся на угол. Да, все правильно: ему нужно сейчас на Вторую... только надо опять перейти на ту сторону. Когда на светофоре зажглось «ИДИТЕ», он бегом пересек проезжую часть и снова свернул направо. Это чувство – ощущение (Белизны) правильности – становилось все сильнее. Джейк едва ли не обезумел от радости и облегчения. Теперь с ним все будет о'кей. На этот раз – никакой ошибки. Джейк был уверен, что уже очень скоро он встретит людей, которых начнет узнавать, как узнал тогда толстую тетку с пакетом и торговца напитками на углу, и будет знать наперед о том, что они собираются делать.

Но вместо этого он вышел к книжному магазину.

12

«МАНХЭТТЕНСКИЙ РЕСТОРАН ДЛЯ УМА» – сообщала вывеска в витрине. Джейк подошел к входной двери. Там висела черная доска, какие обычно вывешивают под меню в забегаловках и кафешках, и на ней было написано белым мелом:

СЕГОДНЯ В МЕНЮ ОСОБЫЕ БЛЮДА ДНЯ

Из Флориды! Свеже-зажаренный Джон Д. Мак-Дональд В твердой обложке 3 – \$2.50 В мягкой обложке 9 – \$ 5.00

Из Миссисиппи! Уильям Фолкнер, жареный на сковородке В твердой обложке – обозначенная цена Винтадж-Лайбрари в мягкой обложке – 75 центов за штуку

Из Калифорнии! Раймонд Чендлер вкрутую В твердой обложке – обозначенная цена В мягкой обложке 7 – \$5.00

НАСЫТЬТЕ СВОЙ КНИЖНЫЙ ГОЛОД ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Джейк вошел в магазин, с радостью осознавая, что в первый раз за последние три недели он открыл дверь, не изнывая при том от безумной надежды найти за ней тот, другой, мир. Тихонько звякнул колокольчик. Джейка окутал мягкий и пряный запах старых книг – запах, как это ни странно, похожий на возвращение домой.

Внутри тоже присутствовал ресторанный лейтмотив. Хотя все четыре стены были увешаны книжными полками, зал был разделен пополам длинной стойкой, какие обычно бывают в кафе. На половине ближайшей к дверям стояло несколько маленьких столиков и при них – стулья с проволочными спинками. На трех из них были представлены «блюда дня»: романы о Тревисе Мак-Ги Джона Д. Мак-Дональда, романы из серии о Филипе Марлоу Раймонда Чендлера, книги из саги о Сноупсах Уильяма Фолкнера. Небольшая табличка на столе Фолкнера сообщала: «Имеются в продаже редкие первые издания – спрашивайте у продавца». Еще одна надпись, на стойке, была предельно простой и краткой: «ВОЗЬМИТЕ И ПОЛИСТАЙТЕ!» Парочка покупателей именно этим и занималась. Они сидели у стойки, потягивали кофе и читали. Джейк подумал, что он еще в жизни не видел такого чудесного книжного магазина.

Вопрос только в том, почему он сюда пришел? Была это просто удача, или его привело сюда это мягкое, но все же настойчивое ощущение, что он идет по какой-то тропе – невидимой, как силовой луч – которая изначально предназначалась ему и которую он должен был отыскать?

Один взгляд на столик слева – и Джейк знал ответ.

Там были выставлены детские книжки. Места на столике было не много, так что на нем поместилось чуть больше дюжины книг: «Алиса в Стране Чудес», «Хоббит», «Том Сойер» и все в том же роде. Джейка привлекла книжка, предназначенная, очевидно, для самых маленьких. На ярко зеленой обложке пыхтел, взбираясь на гору, паровозик с веселой рожицей, стилизованной под человеческое лицо. Его скотосбрасыватель (ярко розового цвета) расплывался в счастливой улыбке, а сияющие головные огни – глаза – казалось, зовут Джейку Чемберса войти: открыть книжку и прочесть ее всю. «Чарли Чу-Чу» – сообщало название. Придуманно и нарисовано Берил Эванс. Джейк вдруг вспомнил свое экзаменационное сочинение: фотографию локомотива, приклеенную на титульном листе, и повторяющееся «Чу-Чу» в конце.

Он взял книжку со столика и вцепился в нее так, как будто она могла улететь, если бы он не держал ее крепко-крепко. Повнимательнее присмотревшись к обложке, Джейк вдруг понял, что почему-то не доверяет улыбке на рожице Чарли Чу-Чу. «Выглядишь ты счастливым, но мне кажется, это – всего лишь маска, – подумал он. – Ты несчастлив. И Чарли, по-моему, не настоящее твоё имя».

Мысль, конечно, бредовая – сумасшедшая мысль, – но ощущалась она абсолютно нормальной. Нормальной и правильной.

Там же на столике с детской литературой стояла еще одна книжка, заинтересовавшая Джейку – в потрепанной бумажной обложке, разорванной в одном месте и подклеенной скотчем, который теперь пожелтел от времени. На обложке мальчик и девочка с озадаченным видом стояли под стайкой вопросительных знаков, парящих у них над головами. Называлась она «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого!». Имени автора не было.

Сунув «Чарли Чу-Чу» под мышку, Джейк взял со столика книгу загадок. Открыв наугад, он прочел:

Когда человек – дерево?

– Когда он сосна, – пробормотал он вслух. Лоб вдруг покрылся испариной... руки... все тело. – Когда он сосна!

– Нашел что-нибудь для себя, сынок? – спросил тихий ласковый голос.

Обернувшись, Джейк увидел толстого дяденьку в белой рубашке с открытым воротом. Он стоял, опираясь на стойку и держа руки в карманах стареньких габардиновых брюк. Очки без оправы он поднял на лоб. Они очень забавно смотрелись на сияющем куполе лысой его головы.

– Да, – Джейк почему-то разволновался. – вот эти две. Они продаются?

– Здесь все, что есть, продается, – сказал толстый дяденька. – Я бы и здание тоже, наверное, выставил на продажу, если бы мне оно принадлежало. Но, увы, я всего лишь его снимаю. – Он протянул руку за книгами, но Джейк на мгновение замешкался, не желая выпускать книжки из рук. Потом, с неохотой, передал их продавцу. Где-то в глубине души он был готов к тому, что этот дядька сейчас убежит вместе с ними, и если он это сделает... если только попробует убежать... Джейк собирался перехватить его, вырвать книжки и смыться. Потому что они ему очень нужны – эти книжки.

– О'кей, посмотрим, чего ты там выбрал, – сказал толстяк. – Да, кстати, меня зовут Тауэр.^[4] Кэлвин Тауэр. – Он протянул Джейку руку.

Джейк выпучил на него глаза и невольно сделал шаг назад.

– Что?

Толстяк пристально на него посмотрел.

– Кэлвин Тауэр. Какое из сказанных мною слов есть на твоём языке богохульство, о Гиперборейский Скиталец?

– Че?

– Я хочу сказать, вид у тебя такой, как будто тебя мешком пыльным тюкнули, парень.

– Ой. Простите. – Он пожал большую и мягкую руку мистера Тауэра, очень надеясь, что тот не станет его расспрашивать, что да как. Имя действительно «зацепило» его, но почему, он не знал. – А я Джейк Чемберс.

– Хорошее имя, дружище. Почти как у героя того вестерна... такого, знаешь, бравого парня, который врывается в Черные Вилы, штат Аризона, шутя очищает селение от всех бандюг и скачет, свободный и вольный, дальше. По-моему, что-то из Уэйна Д. Оверхолсера. Только ты, Джейк, похоже, не вольный стрелок. Похоже, ты просто решил прогулять занятия в честь хорошей погоды.

– А-а... нет. У нас каникулы с прошлой пятницы.

Тауэр улыбнулся.

– Угу. Ну да, точно. И ты хочешь себе прикупить эти две? Знаешь, так иногда забавно, кто чего выбирает. Вот ты, например... я бы дал голову на отсечение, что ты – фанат Роберта Говарда, пришел подыскать себе что-

нибудь из изданий Дональда М. Гранта... ну, знаешь, которые с иллюстрациями Роя Кренкеля. Мечи, обагранные кровью, крепкие мускулы, и Конан-Варвар, прорубающийся сквозь орду стигийцев.

– Звучит неплохо, на самом деле. Просто эти... я их для младшего брата беру. У него день рождения на той неделе.

Кэлвин Тауэр опустил очки со лба на нос и повнимательнее присмотрелся к Джейку.

– Правда? А мне показалось, что ты – единственный ребенок в семье. Единственный ребенок, мне мнилось, я вижу его, как он приветствует день ухода – тихого, без прощания – когда Владычица Мая трепещет в зеленом своем одеянии у кромки лесистой долины Июня.

– Что, я не понял?

– Не важно. Весна всегда на меня навевает Уильям-Кауперские настроения. Люди – существа странные, но интересные, парень... я прав?

– Да, наверное, – осторожно ответил Джейк. Он никак не мог сообразить, нравится ему этот странный дяденька или нет.

Один из посетителей магазина, – из тех, кто читали за стойкой – развернулся на своем табурете. В одной руке он держал чашку кофе, в другой – потрепанный томик «Чумы» в мягкой обложке.

– Хватит, Кэл, пудрить парню мозги. Прекрати умничать и продай ему эти книжки, – сказал он. – До судного дня мы, наверное, успеем еще доиграть нашу партию в шахматы, если ты поторопишься.

– Торопливость претит моей тонкой натуре, – невозмутимо парировал Кэл, но все же открыл «Чарли Чу-Чу», чтобы взглянуть на цену, проставленную карандашом на форзаце. – Не новая уже книжка, но этот отдельно взятый экземпляр на удивление хорошо сохранился. Детишки обычно чего только ни вытворяют с любимыми книжками. По-хорошему, она стоит двенадцать зеленых...

– Обдирает по-черному, – вставил мужчина, читавший «Чуму», и второй рядом с ним рассмеялся. Кэлвин Тауэр пропустил эту реплику мимо ушей.

– ...но мне не хотелось бы так тебя разорять в такой чудный день. Пусть будет семь баксов. Плюс, конечно, налог. Загадки можешь забрать за так. Считай это скромным подарком мальчишке, который седлает коня и несется исследовать новые земли в последний день настоящей весны.

Джейк достал кошелек и открыл его не без тревоги, опасаясь, что там окажется не более трех-четырёх «гринов». Однако, сегодня ему везло. Пятерка и три по доллару. Он отдал деньги Тауэру. Тот небрежно сунул купюры в карман, а из другого достал сдачу мелочью.

– Хочешь, побудь еще, Джейк. Раз уж ты все равно здесь, присядь у стойки и выпей чашечку кофе. Ты глазам своим не поверишь, как я сейчас разобью в пух и прах жалкую Киевскую Защиту нашего уважаемого Эрона Дипноя.

– Надейся! – воскликнул мужчина, читавший «Чуму»... вероятно, Эрон Дипной.

– Я бы с радостью, только я не могу. Я... мне нужно еще в одно место зайти.

– О'кей. Счастливой дороги, если только она – не в школу.

Джейк улыбнулся.

– Нет... не в школу. Это дорога к безумию.

Тауэр от души рассмеялся и снова поднял очки на лоб.

– Неплохо сказано! Очень даже неплохо! Может быть, в конечном итоге наше юное поколение вовсе не катится в ад... а, Эрон? Что скажешь?

– Катится-катится, будь уверен, – сказал Эрон. – Этот мальчик – просто счастливое исключение из общего правила. Может быть.

– Не обращай на него внимания, на старого циника – пердуна, – вздохнул Кэлвин Тауэр. – Отправляйся в дорогу, Гиперборейский Скиталец. Эх, где мои десять-одиннадцать лет... В такие чудные дни, как сегодня, я часто мечтаю стать снова мальчишкой.

– Спасибо за книжки, – сказал ему Джейк.

– Нет проблем. Мы для этого тут и сидим. Заходи как-нибудь.

– Обязательно.

– Теперь ты знаешь, где нас найти.

Да, подумалось Джейку. Знать бы еще, где найти себя.

Выйдя из магазина, он встал посреди улицы и открыл книгу загадок на первой странице, где было коротенькое псевдонаучное предисловие.

«Загадки, возможно, древнейшая из старых игр, в которую мы играем и по сей день», – так оно начиналось.

«Еще в Древней Греции боги и богини поддразнивали друг друга при помощи хитроумных загадок, а в школах Древнего Рима ими пользовались повсеместно как учебным материалом. Даже в Библии есть несколько замечательных загадок. Одна из

самых известных – та, которую загадал филистимлянам Самсон в день свадьбы своей с Далилой:

“Из ядущего вышла еда, А из сильного – сладость тогда!”

Он загадал эту загадку “тридцати брачным друзьям” на свадьбе, уверенный, что они не сумеют ее разгадать. Но те запугали Далилу и уговорили ее вызвать у мужа ответ. Самсон пришел в ярость, и за то, что они над ним так посмеялись, он перебил их всех... в старые времена люди относились к загадкам гораздо серьезнее, чем теперь!

Да, кстати, ответ на загадку Самсона – и на все остальные загадки, приведенные в этой книге – вы найдете в последней главе. Но прежде чем заглянуть туда, сначала попробуйте догадаться сами, такая у нас к вам просьба!»

Джейк обратился к последней главе, почему-то заранее зная, что никаких там ответов нет. И точно: за страницей с надписью ОТГАДКИ было лишь несколько рваных краев и сразу за ними – форзац. Кто-то вырвал все страницы с отгадками.

Джейк на мгновение задумался. А потом, подчиняясь неожиданному порыву, который был вовсе и не порывом, а чем – то другим, непонятным, он вернулся в «Манхэттенский ресторан для ума».

Кэлвин Тауэр поднял голову, оторвавшись от шахматной доски.

– Ты передумал, Гиперборейский Скиталец, и решил все-таки выпить кофе?

– Нет. Я просто хотел спросить, вы не знаете, случайно, ответ на одну загадку.

– Давай посмотрим. – Тауэр сделал ход пешкой.

– Ее загадал Самсон. Такой сильный дядька из Библии? Загадка такая...

– «Из ядущего вышла еда, – продекламировал Эрон Дипной, развернувшись к Джейку на табурете, – А из сильного – сладость тогда!» Эта?

– Да, эта. Вы, случайно, не знаете...

– О-о, когда-то я увлекался музыкой. Вот послушай. – Запрокинув голову, он пропел мелодичным и сильным голосом:

Самсон и лев сошлись в бою,

Самсон взгромоздился на спину ко льву.

Львы, как известно, добычу терзают когтями,

А Самсон льва прикончил голыми руками!
А спустя пару дней приходит Самсон,
И вот Рой пчел в трупe львином и мед.

Эрон подмигнул Джейку и вдруг рассмеялся, увидев его изумление.
– Ты получил свой ответ, дружок?
Джейк смотрел на него широко распахнутыми глазами.
– Вау! Хорошая песенка! Вы откуда ее узнали?
– Эрон знает их все, – сказал Тауэр. – Он шатался по Бликер-стрит до того еще, как Боб Дилан выучился извлекать из своего «Хонера» и другие ноты, кроме открытой «соль». По крайней мере, он так утверждает.
– Это старый спиричуал, ^[5] – пояснил Эрон Джейку, а потом повернулся обратно к Тауэру. – Кстати, мой пухлик, вам шах.
– Не так быстро, – Тауэр сделал ход слоном. Эрон тут же его «скушал». Тауэр что-то буркнул себе под нос... что-то, подозрительно похожее на «у, блядь».
– Значит, отгадка – лев, – сказал Джейк.
Эрон покачал головой.
– Половина отгадки. Загадка Самсона, она двойная, мой юный друг. Одна половина отгадки – лев, вторая – мед. Понимаешь?
– Да, по-моему.
– О'кей. Тогда вот тебе еще. – Эрон на мгновение прикрыл глаза, а потом продекламировал нараспев:

Нету ног, но на месте она не стоит,
Ложe есть, но не спит,
Не котел, но бурлит,
Не гроза, но гремит.
Нету рта, но она никогда не молчит.

– А ты хитрый, – подмигнул Тауэр Эрону.
Джейк задумался было, но потом покачал головой. Он мог бы подумать подольше – ему очень нравилась эта игра в загадки и хотелось побыть здесь еще, – но его подгоняло настойчивое ощущение, что ему надо идти. У него еще есть одно дело на Второй-Авеню.
– Сдаюсь.
– Нет, сдаваться нельзя, – возразил Эрон. – Можно сдаваться, когда

речь идет о современных загадках. Но настоящие загадки – это не просто так шутка, малыш. Это задачи, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Подумай еще. Если все-таки ничего не надумаешь, приходи сюда. Как раз будет повод зайти. Есть еще нужен повод, то знай: этот толстый умеет состряпать отличный кофе.

– О'кей, – сказал Джейк. – Спасибо. Я зайду обязательно.

Но как только он вышел на улицу, им завладело одно неприятное чувство: Джейк понял, что больше уже никогда не вернется в «Манхэттенский ресторан для ума».

Джейк медленно шел вдоль по Второй-Авеню, держа в левой руке свои новые приобретения. Поначалу он еще бился над этой загадкой – Нету ног, но на месте она не стоит; ложе есть, но не спит? – но мало-помалу ее оттеснило нарастающее предчувствие. Казалось, все чувства его обострились как никогда: асфальт как будто искрился миллионом сверкающих крапинок, каждый вдох был насыщен тысячью смешанных ароматов, и в каждом звуке, который он слышал, ему мнились иные, потаенные отголоски. Наверное, то же чувствуют собаки перед сильной грозой или землетрясением – Джейк был уверен, что так оно и есть. Но только предчувствие приближающегося события было хорошим, как будто то, что должно сейчас произойти, обязательно уравновесит весь этот ужас, приключившийся с ним три недели назад. И с каждой секундой оно становилось сильнее, предчувствие.

И вот теперь, когда Джейк подошел совсем близко к месту грядущего действия, где все должно разрешиться, его опять охватило то странное ощущение, как будто он знает все наперед.

Какой-то бродяга попросит меня дать денежку, и я отдам ему мелочь со сдачи, которую дал мне мистер Тауэр. Потом будет музыкальный магазин. Дверь будет открыта, чтобы шел свежий воздух, а внутри будет играть «Rolling Stones». Потом я увижу свое отражение в зеркалах.

Движение на Второй-Авеню было все еще небольшим. Такси, сигнала вовсю, проворно лавировали между медлительными легковушками и фургонами. На лобовых стеклах и ярко желтых их кузовах играли блики веселого майского солнца. Ожидая у светофора, когда загорится зеленый, Джейк заметил бродягу на том углу Второй и Пятьдесят-Второй. Тот сидел

прямо на тротуаре, привалившись спиной к кирпичной стене маленького ресторанчика. Подойдя ближе, Джейк разглядел, что ресторан называется «Чав-чав».

«Чу-чу, – невольно подумалось Джейку. – Вот – правда».

– Хотя бы 25 центов? – устало спросил бродяга, и Джейк ссыпал не глядя ему на колени всю сдачу из книжного магазина. Теперь, точно как по расписанию, он услышал «Rolling Stones»:

«Я вижу красную дверь и хочу ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу, чтобы все стало черным...»

Джейк увидел теперь – безо всякого удивления, – что магазин называется «Башня Мощи. Музыка на любой вкус».

Похоже, сегодня у нас массовая распродажа башен.

Джейк шел вперед. Дорожные знаки и вывески плыли мимо, как будто в туманном сне. В квартале между Сорок-Девятой и Сорок-Восьмой располагался один магазинчик. Он назывался «Твои отражения». Джейк повернул мимоходом голову. Все, как он и предвидел. Он знал, что так будет: дюжина Джейков в дюжине зеркал – дюжина мальчиков, маленьких для своего возраста. Одетых в аккуратные школьные костюмы. Синие блейзеры, белые рубашки, темно красные галстуки, серые брюки. В школе Пайпера не было обязательной строгой формы, но определенные – негласные – правила существовали, и родители учеников неуклонно им следовали, одевая своих драгоценных чад.

Теперь школа казалась такой далекой. Такой «давнишней».

Внезапно Джейк понял, куда он идет. Понимание это пробилося в его сознании, точно родник освежающей чистой воды, бьющий из-под земли. «К лавке деликатесов, – сказал он себе. – Во всяком случае, так оно смотрится с виду: простой магазинчик деликатесов. Только, если на самом деле, это вовсе не магазин... это проход в другой мир. В тот мир. Его мир. Правильный мир».

Джейку уже не терпелось. Он побежал, жадно глядя вперед. На переходе через Сорок-Седьмую горел красный свет, но Джейк даже не посмотрел на светофор: прыгнув с тротуара, он этак шустро понесся по белым полоскам «зебры», едва ли взглянув налево. Раздался визг тормозов и скрежет покрышек. Какой-то фургон резко остановился, когда Джейк пронесся перед самым его капотом.

– Эй! У тебя как с головой? – прокричал водитель, но Джейк даже и не

поглядел в его сторону.

Еще только один квартал.

Джейк поднажал. Теперь он неся, как угорелый. Галстук сбился набок и трепыхался за левым плечом. Волосы развевались, отброшенные со лба назад. Мягкие туфли гремели по тротуару. Прохожие изумленно – или просто с любопытством – косились на Джейка, но сам он не обращал внимания на эти взгляды. Как не обратил он внимания на рассерженный окрик водителя на переходе.

Вот здесь... на углу. Рядом с магазинчиком канцтоваров.

Впереди показался какой-то дядька в темно коричневой рабочей форме с длинной тележкой, нагруженной картонными ящиками. Джейк перепрыгнул ее, как барьер, вскинув руки. Ни дать, ни взять, бег с препятствиями. Заправленная рубашка выбилась сзади из брюк и торчала теперь из-под синего блейзера, точно краешек детского фартучка. Приземлившись с той стороны тележки, Джейк чуть не врезался в коляску с ребенком, которую катила перед собой молодая пуэрториканка. Он обогнул ее сходу, ну прямо как полузащитник, закрывший брешь в линии защиты и спасший тем самым свои ворота.

– Где пожар, молодой человек? – любопытствовала молодая пуэрториканка, но Джейк даже и не взглянул в ее сторону. На всех парах он пронесся мимо магазинчика канцтоваров с блокнотами, ручками и калькуляторами в витрине.

«Дверь! – твердил он себе, ликуя. – Сейчас я ее увижу! И что потом? Стану стоять и смотреть? Да ни в жизни, Хосе! Я пройду через эту дверь... а если она вдруг закрыта, я ее просто снесу с пете...»

Тут он обнаружил, что добрался уже до угла Второй и Сорок-Шестой, и наконец остановился, проскользив на каблуках. Посреди тротуара. Дыша тяжело и со свистом. Руки стиснуты в кулаки. Волосы снова упали на лоб влажными от испарины прядями.

– Нет, – он едва не расплакался. – Нет! – Но это неистовое, полубезумное отрицание не изменило того, что он видел. Вернее, того, что не видел. Смотреть, собственно, было и не на что. Деревянный забор, а за забором – пустырь, замусоренный и заросший сорняками.

Дом, который когда-то стоял здесь, давно снесли.

Минуты две Джейк стоял неподвижно перед дощатым забором, тупо глядя на захламленный пустырь за ним. Губы его кривились в горькой и однобокой усмешке. Он буквально физически ощущал, как тает надежда, как испаряется непоколебимая – абсолютная – его уверенность, сменяясь отчаянием, горше которого он еще в жизни не знал.

«Очередная ложная тревога, – подумал Джейк, когда прошло первое потрясение, и он снова обрел способность хотя бы о чем-нибудь думать. – Очередная ложная тревога. Очередной тупик. Давно засохший колодец. Теперь опять появятся голоса, и как только это произойдет, я, наверное, закричу. И это – нормально. О'кей. Мне, потому что, уже надоело. Я не выдержу больше. Мне надоело сходить с ума. Если так вот и сходят с ума, то пусть это случится быстрее, сейчас, пусть меня заберут в дурдом и что-нибудь вколют такое, чтобы я отрубился и все. Я сдаюсь. Это – конец всему. Бобик сдох».

Но голоса не вернулись... пока еще нет. И теперь, когда Джейк снова обрел способность думать и размышлять над увиденным, он наконец врубился, что пустырь за забором не так уж и «пуст», как ему показалось сначала. Посреди этой мертвой свалки, заросшей сорной травой, стоял большой щит с надписью:

СТРОИТЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КОМПАНИЙ МИЛСА
И СОМБРА, НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО, ПРОДОЛЖАЮТ
РАБОТЫ.

МЫ ИЗМЕНИМ ЛИЦО МАНХЭТТЕНА!

СКОРО ЗДЕСЬ БУДЕТ:

РОСКОШНЫЙ КОНДОМИНИУМ «БУХТА БОЛЬШОЙ
ЧЕРЕПАХИ»!

ВСЮ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ ВЫ МОЖЕТЕ
ПОЛУЧИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ 555-6712!

ЗВОНИТЕ! И НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

Скоро здесь будет? Вполне вероятно... но были у Джейка свои сомнения на этот счет. Буквы на рекламном щите повыщвели, а сам щит немного прогнулся. Поверх «Роскошного кондоминиума “Бухта большой черепахи”» какой-то художник, мастер настенной росписи, по имени БАНГО СКАНК оставил долгую о себе память посредством баллончика-распылителя с синей краской. «Интересно, – подумал Джейк, – проект просто отсрочили или он тихо сдох сам собой». Он почему-то вдруг вспомнил, как недели, наверное, две назад, папа беседовал по телефону со

своим консультантом по капиталовложениям. Орал на него благим матом, чтобы тот даже не думал о дальнейшем каком-нибудь инвестировании.

– Мне наплевать, какая у вас там заманчивая информация о налогах и предполагаемых сделках! Да хоть растакая! – едва не вопил отец (как Джейк уже понял, это был в общем-то папин нормальный тон, когда он обсуждал деловые вопросы – обстоятельство это объяснялось, быть может, отчасти наличием у папы в столе «кокаиновых залежей»). – Каждый раз, когда они там предлагают что-то действительно сногшибательное, это как у нас в студии: трудишься, аки пчела, а перепроверишь потом программу – обязательно что-то не так!

Забор, огораживающий пустырь, был высотой Джейку по подбородок. Все доски были увешаны объявлениями и афишами: Оливия Ньютон-Джон на Радио-Сити, рок-группа «G. Gordon Liddy», совместный концерт с «Темным гротом» в каком-то там клубе в Ист-Виллидж, фильм «Война зомби», который уже прошел раньше этой весной. Через определенные промежутки к доскам забора были прибиты неперенные таблички «ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН», но большинство из них было заклеено сверху вычурными афишами. Чуть подальше имелось еще одно произведение в стиле граффити – краска, как видно, когда-то была ярко красной, но теперь она выцвела и приобрела мутный оттенок, какой бывает у роз, расцветающих в конце лета. Какой-то детский стишок. Джейк смотрел на него, как зачарованный, широко распахнув глаза. Он даже прочел его шепотом вслух:

«Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине!
Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.»

Источник этого странного поэтического произведения (если не его смысл) был вполне ясен для Джейка. В конце концов, этот район восточной оконечности Манхэттена называется Бухтой большой Черепахи. Но это не объясняло ни того непонятного обстоятельства, что по спине Джейка вдруг ни с того, ни с сего побежали мурашки, ни этого явственного ощущения, вдруг охватившего Джейка, что он нашел еще один указатель на каком-то волшебном и потаенном пути.

Расстегнув рубашку, Джейк сунул две книги, которые только что приобрел, за пазуху. Потом огляделся, убедился, что никто на него не смотрит, и, опершись двумя руками о забор, подтянулся, перекинул одну ногу, другую, и прыгнул на той стороне. При этом одной ногой он угодил прямо на груды беспорядочно сваленных кирпичей. Они, естественно, заскользили под ним. Лодыжка его подвернулась, и всю ногу пронзило болью. Джейк упал прямо на кирпичи и даже вскрикнул от боли и неожиданности, когда они врезались ему в ребра, точно грубые крепкие кулаки.

Сначала он даже и не пытался встать, а просто лежал, дожидаясь, когда восстановится сбитое от удара дыхание. Вряд ли он как-то серьезно ушибся, но ногу он подвернул – это точно. Теперь лодыжка, скорее всего, распухнет. Домой он вернется хромая. Придется, однако, сжать зубы и потерпеть: денег на тачку нет.

«Ты что, в самом деле собрался вернуться домой? Да тебя там живьем съедят».

Может быть. А быть может, и нет. Впрочем, насколько можно судить пока что, особого выбора у него нет. Но у него еще будет время об этом подумать. Сейчас он намерен исследовать этот пустырь, что притянул его, как магнит – стальную стружку. Джейк вдруг понял, что ощущение силы, разлитой вокруг, не пропало. Наоборот, оно стало еще сильнее. И вряд ли она исходила только от этого пустыря. Что-то здесь происходило. Что-то особенное. Очень важное. Даже в самом воздухе ощущались вибрации, как будто в нем плыли волны энергии, исходящие самой громадной электростанцией в мире.

Только поднявшись на ноги, Джейк увидел, как он удачно упал. Упав он чуть в сторону, он бы попал прямо на кучу битого стекла и, скорее всего, очень сильно порезался.

«Это, наверное, от витрины, – подумал Джейк. – Когда здесь еще был магазинчик деликатесов, в ней выставлялись сыры и колбасы. Стоишь на улице и смотришь. Их еще вешали на веревках». Джейк не знал, откуда он это знает. Он просто знал... и без тени сомнения.

Задумчиво оглядевшись по сторонам, Джейк отошел от забора чуть дальше вглубь пустыря. Ближе к середине участка, едва заметная под буйно разросшимися сорняками, на земле валялся какой-то рекламный щиток. Опустившись на колени, Джейк поднял его и стряхнул с него грязь. Буквы давно повыцвели, но их еще можно было прочесть:

ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ

НА ЗАКАЗАХ К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!

А внизу, той же красной, которая стала розовой, краской из баллончика-распылителя кто-то вывел загадочную фразу:

В ЕЕ МЫСЛЯХ – ВЕСЬ МИР, В ЕЕ МЫСЛЯХ – ВСЕ МЫ.

«Вот оно, это место, – сказал себе Джейк. – О да».

Он уронил щит обратно на землю, поднялся и медленно пошел дальше вглубь пустыря, внимательно глядя по сторонам. С каждым шагом его ощущение силы крепло. Все, что он видел: сорняки, осколки стекол, груды битого кирпича, – было как будто пронизано этой безудержной силой. Даже пустые пакетики из-под хрустящей картошки казались красивыми, а пустую пивную бутылку солнечный свет превратил в цилиндр коричневого огня.

Джейк очень четко осознавал каждый свой вдох... свет солнца, который ложился на все золотым покровом. Внезапно он понял, что стоит на пороге великой тайны. Его била дрожь. Наполовину – от страха, наполовину – от удивления, смешанного с восторгом.

Оно все здесь. Все. Все по-прежнему здесь.

Сорняки льнули к его ногам. Репей налип на носки. Поднявшийся ветерок зашелестел упаковкой из-под печенья. Солнечный луч отразился сверкающим бликом, и на мгновение обычная упаковка словно бы преисполнилась внутреннего сияния, жуткого и прекрасного одновременно.

– Все по-прежнему здесь, – повторил Джейк вслух, не зная о том, что лицо его тоже сейчас преисполнилось собственным внутренним светом. – Все здесь.

Теперь ему слышался звук... вернее будет сказать, Джейк его слышал с самого начала, как только ступил на пустырь. Какой-то гул, но на очень высокой ноте, в котором сквозило невыразимое одиночество и невыразимая красота. Так, наверное, плачет ветер над пустынной равниной, только звук был живым. Точно хор тысячи голосов, слитых в могучей открытой ноте. Джейк огляделся по сторонам и вдруг понял, что видит лица – в сплетении сорняков, в ветках кустарника, даже в грудях битого кирпича. Лица.

– Вы кто? – прошептал Джейк. – Кто вы?

Ответа он не получил, но ему показалось, что за этим звенящим хором он слышит иные звуки: грохот конских копыт по сухой пыльной земле, громы выстрелов и из сумрака – голоса ангелов, славу поющих. Ему представлялось, что лица, которые он различал во всем, поворачивались к

нему, когда он проходил. Они словно бы наблюдали за ним, но Джейк чувствовал, что за пристальным их вниманием не скрывается злых намерений. Отсюда ему была видна Сорок-Шестая и даже одно крыло резиденции ООН на Первой-Авеню, но это уже не имело значения... весь Нью-Йорк побледнел и сделался прозрачным, точно оконное стекло.

Гул нарастал. Уже не тысяча – миллион голосов вздымались могучим хоралом, восставая из бездонного колодца вселенной. Теперь Джейк уже различал имена, хотя, может быть, это только ему представлялось. Одно имя, кажется, было Мартен. Другое – Катберт. Еще одно – Роланд... Роланд из Гилеада.

Были там и имена, и бессвязный гул разговора – десятки тысяч историй, сплетенных в одну, но над всем царил этот могучий, разливающийся по пространству звон... набухающая вибрация, наполнявшая разум его ослепительно белым светом. И Джейк вдруг понял, – и радость была столь огромной, что грозила взорвать его изнутри, – чей это голос. Голос Да. Голос Белизны. Голос Всегда. Великий хорал утверждения, выпевающий песнь свою на пустыре. Для него.

А потом, в низких зарослях репейника, Джейк увидел ключ... а за ключом еще – розу.

Ноги его подкосились, и он упал на колени. Смутно, словно бы издалека, Джейк осознал, что плачет. Он слегка обмочился, но и это он осознавал едва ли. Не вставая с колен, он прополз вперед и потянулся за ключом, лежащим в зарослях репейника. Форма ключа показалась ему знакомой. Он, кажется, уже видел один такой – в своих снах.

Он подумал еще: «S-образная загогулина на конце – вот в чем секрет».

Как только он сжал ключ в руке, голоса загремели, слившись в одну гармоничную ноту триумфа. Джейк закричал, и крик его утонул в этом хоре. Ключ у него на ладони вспыхнул вдруг белым светом, и по руке его, точно мощный разряд электричества, прошла сила. Он как будто схватился за оголенный провод под напряжением, но боли не было.

Он положил ключ между страницами «Чарли Чу-Чу». Пристальнее взглядевшись в розу, Джейк неожиданно осознал, что настоящий ключ – это она. Ключ ко всему. Он прополз чуть вперед, чтобы взять ее. Лицо его пламенело, увенчанное чистым светом. Глаза полыхали, как два провала,

заполненные голубым огнем.

Роза росла посреди островка травы – странной, багровой травы.

Когда Джейк потянулся к ней, бутон стал раскрываться прямо у него на глазах, обнажая свои полыхающие глубины, потаенные, ослепительно алые. Лепесток раскрывался за лепестком, и каждый горел своим собственным тайным огнем. Джейк в жизни не видел такого чуда... ничего, напоенного до такой степени жизнью, ликующей и безудержной.

Как только он протянул к ней руку – решительно, без колебаний, – хор голосов принялся выпевать его имя... и в сердце Джейка закрался предательский страх. Холодный, как лед, и тяжелый, как камень.

Что-то было не так. Теперь Джейк ощущал какой-то вибрирующий диссонанс... как царапина, безобразная и глубокая, на бесценном полотне великого мастера. Как жар, накаляющийся исподволь под холодной кожей на лбу у больного.

Как червяк. Червяк, вгрызающийся в сердцевину плода. И еще – тень. Та, что таится за следующим поворотом дороги.

А потом перед ним раскрылась самая сердцевина розы, взорвавшись желтым слепящим светом, и волна изумления, смешанного с восторгом, тут же смыла все страхи. Джейк поначалу подумал, что это всего лишь пыльца, пусть и исполненная сверхъестественного сияния, которым здесь было пронизано все. Он так подумал, хотя из ботаники знал, что у роз не бывает пыльцы. Но, нагнувшись поближе, он разглядел, что этот круг пламенеющей желтизны в сердцевине цветка – никакая вообще не пыльца, а солнце. Настоящее солнце: кузница чистого света, горящего в сердцевине розы, что растет посреди багровой травы.

Снова вернулся страх. Даже не страх уже – неподдельный ужас. «Все правильно, – вдруг подумалось Джейку. – Пока здесь все правильно, но оно может пойти не так... на самом деле, уже пошло. Мне дали почувствовать это. В той мере, в какой я мог выдержать это “не то”. Но только – что? И чем я могу помочь?»

Как червяк, проникающий глубже и глубже.

Джейк ощущал ее, эту пульсацию, точно биение больного и злобного сердца – непримиримого недруга безмятежного великолепия розы, вносящего вопиющий разлад в стройный хор голосов, которые так его успокоили и помогли ему воспрянуть духом.

Склонившись еще ближе к розе, Джейк увидел, что солнце там, в сердцевине ее, не одно, что их много, солнц... быть может, все солнца вселенной сияли сейчас в этом исполненном жизни, но все-таки хрупком сосуде из пламенеющих лепестков.

Там был целый мир. И этому миру грозила опасность.

Зная, что прикоснуться к этому полыхающему микрокосму почти неминуемо означает смерть, и все же не в силах противиться искушению, Джейк протянул руку к сияющей сердцевине. В этом жесте его не было ни любопытства, ни ужаса – только одно, невыразимое никакими словами, стремление защитить ее, розу.

Поначалу, когда он снова пришел в себя, Джейк осознал только то, что прошло много времени и что голова у него буквально раскалывается от боли.

«Что случилось? Меня тюкнули по башке и ограбили?»

Перевернувшись, он сел. Новый взрыв боли отдался в голову. Джейк осторожно потрогал свой левый висок. На пальцах осталась кровь. Взглянув вниз, он увидел кирпич, что валялся в траве. Один его сбитый угол был подозрительно алым.

«Если бы угол был острый, я бы сейчас уже был на том свете или лежал бы в коме».

Взглянув себе на запястье, Джейк с удивлением обнаружил, что часы его были на месте. «Сейко». Не то чтобы очень уж дорогие, но, как правило, в этом городе не бывает такого, чтобы ты, задремав на заброшенном пустыре, проснулся потом, что называется, «при своих». И не важно, дорогие на тебе «цацки» или не очень, всегда отыщется кто-нибудь, кто с удовольствием их у тебя позаимствует. Но на этот раз ему, кажется, повезло.

Уже четверть пятого. Он пролежал здесь в отключке почти шесть часов. Папа, возможно, уже сообщил в полицию о пропаже сына, и его сейчас ищут. Однако, для Джейка это уже не имело значения. Ему казалось, что он вышел из школы Пайпера тысячу лет назад, хотя это было не далее, как сегодня утром.

Джейк поплелся к забору, что отгораживал эту заброшенную площадку от Второй-Авеню, но остановился на полпути.

Что же все-таки произошло?

Мало-помалу память вернулась к нему. Он перелез через забор. Поскользнулся и подвернул лодыжку. Наклонившись, Джейк потрогал ее и сморщился от боли. Да... так оно все и было. А дальше?

Что-то волшебное.

Он пробирался наощупь по воспоминаниям, отыскивая это «что-то», медленно и осторожно, как дряхлый старик пробирается через темную комнату. Все тогда преисполнилось внутренним светом. Все – даже пустые пакеты и пивные бутылки. Потом появились какие-то голоса... они пели в могучем хоре и рассказывали истории... тысячи историй, перекрывавших друг друга и оттого невнятных.

– И лица, – пробормотал он вслух. Вспомнив о лицах, Джейк с опаскою огляделся по сторонам. Никаких лиц. Груды битого кирпича оставались всего лишь грудями кирпича, сорняки – сорняками. Никаких лиц, и все же...

«...и все-таки они были. Были. Тебе вовсе не померещилось.»

Он сам в это верил. Он не мог уже ухватить сущность воспоминания, всю меру его безупречности и красоты... но он знал одно: то, что случилось, случилось на самом деле. Просто память о тех мгновениях, что предшествовали его долгому обмороку, подобна была фотографиям, сделанным в самый счастливый день в твоей жизни. Ты помнишь, каким он был, этот день... пусть не все, но ведь что-то ты помнишь... но фотографии все равно остаются какими-то плоскими и бессильными.

Джейк оглядел заброшенный пустырь – лиловые сумерки уходящего дня уже подкрадывались, затеняя свет – и подумал еще: «Я хочу, чтобы оно вернулось. Господи, как я хочу, чтобы оно вернулось... таким, как было».

И тут он увидел розу. Она росла посреди небольшого участка багровой травы рядом с тем местом, где он упал. Сердце бешено заколотилось в груди. Джейк рванулся туда, обратно, не обращая внимания на боль, пронзавшую при каждом шаге больную ногу, и упал перед ней на колени, как истово верующий – пред алтарем. Наклонился вперед, широко распахнув глаза.

«Это же просто роза. Всего лишь роза. И трава...»

Теперь Джейк увидел, что трава – не багровая, нет. Травинки испачканы красным, но под подтеками этими цвет был нормальным. Зеленым. Приглядевшись получше, Джейк разглядел неподалеку еще одно пятно на траве – синего цвета. Справа, на листьях репейника пестрели подтеки красной и желтой краски. Пустые банки из-под краски нашлись сразу же за кустами репейника, сваленные в небольшую кучу. На этикетках стояло название фирмы. «Glidden Spred Satin».

«Вот так вот. Всего лишь пролитая краска. А тогда у тебя в голове все смешалось, вот тебе и привиделось...»

Ерунда.

Он знал, что он видел тогда и что видит сейчас.

– Маскировка, – сказал он вслух. – Оно все было здесь. Все-все. И... оно здесь по-прежнему.

Теперь, когда в голове у него прояснилось, он снова почувствовал эту могучую и спокойную силу, что исходила здесь отовсюду. Хор голосов, слитых в единой гармонии, продолжал звучать, мелодичный и сильный по-прежнему, только теперь – как-то смутно и словно бы издалека. Вглядевшись в кучу битого кирпича и ошметок старой штукатурки, Джейк увидел – едва различимо – лицо, в ней сокрытое. Лицо женщины со шрамом на лбу.

– Элли? – спросил он шепотом. – Вас зовут Элли, правда?

Ответа не было. Лицо исчезло. Осталась одна неприглядная куча штукатурки и кирпича.

Джейк опять посмотрел на розу и увидел теперь, что она не алая, полная жизни и жара в слепящем жерле, а бледно розовая... такого сухого, даже чуть сероватого оттенка. Очень красивая, но все-таки не совершенная. Кое-где лепестки пожухли, свернувшись – их края были мертвыми, бурыми. Роза эта была не такая, какими обычно торгуют в цветочных лавках. Те выращивают специально, эта же была дикой.

– Ты очень красивая, – сказал он и протянул руку, чтобы снова ее коснуться.

И хотя не было ветра, роза склонилась навстречу его руке. Джейк лишь на мгновение прикоснулся к ее лепесткам – гладким, и бархатистым, и таким дивно живым, – и хор призрачных голосов стал будто громче.

– Тебе плохо, роза?

Ответа, конечно, он не получил. Едва он убрал руку, роза, склонившаяся к нему, снова качнулась и встала на прежнее место – посреди залитой краской сорной травы в своем тихом забытом великолепии.

«Разве розы сейчас цветут? – спросил себя Джейк. – Вроде бы еще рано. Впрочем, разве что дикие розы? Но почему эта дикая роза выросла на пустыре? И почему она только одна? Почему нет еще?»

Он так и стоял на четвереньках, заворуженно глядя на розу, пока вдруг не сообразил, что может стоять так до самого вечера (если вообще не всю жизнь) и все равно не приблизиться ни на йоту к разгадке тайны, в ней заключенной. В какой-то миг он увидел ее настоящую, как и все остальное на этой заброшенной и замусоренной площадке – увидел ее без маски, в миг великого откровения, когда снимаются все покровы. Ему очень хотелось увидеть ее такой снова, но только желания было мало.

Пора возвращаться домой.

Только теперь Джейк увидел, что те две книги, которые он купил утром в «Манхэттенском ресторане для ума», валяются тут же рядом. Он поднял их с земли. И тут из «Чарли Чу-Чу» выпал какой-то серебристый предмет и упал на траву. Джейк нагнулся, стараясь не особенно напрягать больную ногу, чтобы поднять его. Хор голосов снова как будто стал громче, но лишь на мгновение, а потом опять замер на самом пороге слышимости.

– Значит, и это тоже было взаправду, – пробормотал Джейк себе под нос, провел большим пальцем по тупым зарубкам на ключе: по трем бесхитростным V-образным впадинкам и завитку в форме «s» на конце, – и, затолкав ключ поглубже в передний брючный карман, опять захромал к забору.

Он уже было собрался перелезть на ту сторону, как вдруг его озарила ужасная мысль.

«Роза! А вдруг кто-то сюда забредет и сорвет ее?»

Он так испугался, что даже невольно издал тихий стон. Повернувшись, он сразу увидел ее, хотя теперь розу накрыла тень от ближайшего здания... бледно розовый цветок в полумраке, ранимый, прекрасный и одинокий.

«Нельзя ее так бросать... одну... мне надо остаться, чтобы ее охранять!»

Но тут в сознании его прозвучал голос, голос того человека, с которым он повстречался когда-то в пустыне, на заброшенной станции, в той, другой, странной жизни: «Никто не сорвет ее и не растопчет. Никто. Ни один хулиган. Потому что тупые его глаза просто не вынесут вида ее красоты. Ей ничего не грозит. Она способна сама себя защитить от таких напастей».

Джейк испытал неподдельное облегчение.

«А можно мне снова прийти сюда и посмотреть на нее? – спросил он у этого голоса-призрака. – Когда мне будет плохо, или если вернуться те голоса и снова станут меня донимать? Можно мне будет прийти сюда и посмотреть на нее, чтобы немного утешить себя?»

На этот раз голос ему не ответил. Джейк весь внутренне замер, прислушиваясь, но ничего не услышал. Засунув «Чарли Чу-Чу» и «Загадки» за пояс брюк – которые, как он теперь рассмотрел, были все в грязи и в репьях, – он схватился за край забора, подтянулся на руках и, перевалившись через верх, спрыгнул на тротуар Второй-Авеню, внимательно следя за тем, чтобы весь вес пришелся на здоровую ногу.

Движение на улице – и машин, и пешеходов – стало теперь оживленнее: закончился рабочий день и все спешили по домам. Кое-кто из проходящих мимо с удивлением покосился на мальчика в грязных брюках,

разорванном блейзере и расстегнутой рубашке, неуклюже перелезающего через забор, но таких было немного. Люди в Нью-Йорке привыкли к тому, что периодически кто-то из горожан выкидывает, скажем так, странные номера.

Пару мгновений Джейк постоял на месте, преисполненный чувством потери. Постепенно до него дошло, что голоса, донимавшие его на протяжении трех недель и вдруг прекратившиеся сегодня, продолжали хранить молчание. Все-таки это уже кое-что.

Он поглядел на дощатый забор, и ему сразу бросился в глаза стишок, намалеванный красной когда-то краской. Может быть, потому, что теперь краска стала такого же цвета, как роза.

– Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе, – пробормотал Джейк вслух. – Она держит мир у себя на спине. – Он невольно поежился. – Господи, ну и денек!

Оторвав взгляд от забора, он медленно захромал по направлению к дому.

Портье внизу, наверное, позвонил им в квартиру, как только Джейк вошел в подъезд – когда двери лифта раскрылись, отец уже ждал его в холле у них на пятом. Элмер Чемберс был в заношенных и повылинявших джинсах и ковбойских сапогах на высоких каблуках. Так со своими пятью футами десятью дюймами роста он худо-бедно дотягивал до шести футов. Папа всегда стригся «ежиком», и черные его волосы, как всегда, дыбом стояли на голове. Сколько Джейк себя помнит, отец всегда выглядел так, как будто он только что выбрался из затяжного шокового состояния. Как только Джейк вышел из лифта, Чемберс – старший схватил его за руку.

– Ты посмотри на себя! – Отец обвел Джейка внимательным взглядом, который охватывал все: и испачканное лицо, и грязные руки, и кровь, засохшую у него на виске и щеке, извазюканные брюки, разорванный блейзер и репейник, прилипший к галстуку, точно диковинная авангардистская заколка. – Давай быстро домой! Где ты, черт возьми, шлялся? Твоя мать чуть с ума не сошла!

Не дав сыну и слова сказать в ответ, отец затащил Джейка в квартиру. В коридорчике между столовой и кухней стояла, словно бы дожидаясь Джейка, Грета Шоу. Она ободрила его осторожным сочувственным

взглядом и исчезла в недрах квартиры, прежде чем «мистер» успел ее углядеть.

Мама сидела в своем кресле-качалке. Увидев Джейка, она поднялась – поднялась, не вскочила, равно как и не бросилась к сыну через весь коридор, дабы покрыть его поцелуями и засыпать упреками. Заметив рассеянный мамин взгляд, Джейк решил, что с полудня она уже накачалась валиумом. Как минимум, три таблетки. Может быть, все четыре. Его родители – оба – свято верили в лучшую жизнь, достигаемую при посредстве высокоразвитой химии.

– У тебя кровь! Где ты был? – вопрос был задан обычным голосом с хорошо, но специально поставленным в Вассар-Колледже произношением, не выдающим почти уроженку Васера, так, что в слове «был» промелькнул намек на растянутую гласную. Можно было подумать, что она обращается просто к знакомому, который попал в ДТП без серьезных последствий.

– Я гулял, – сказал он.

Папа, теряя терпение, грубо его встряхнул. К такому Джейк был не готов. Он пошатнулся и тяжело наступил на больную ногу. Нога снова взорвалась болью, и Джейк вдруг взбесился. Отец ведь так взъелся не потому, что Джейк безо всякого объяснения смылся из школы, оставив на парте дурацкое сочинение – он психует из-за того, что дражайший сынуля набрался наглости и нарушил ко всем чертям его драгоценный «режим».

До этого времени Джейк испытывал по отношению к отцу только три чувства: замешательство, страх и немного болезненную любовь, опять же смешанную с замешательством. Теперь же он понял, что чувств было пять, но последние два, подавляемые до поры, проявились лишь сейчас. Гнев. Отвращение. И к этим новым, весьма неприятным, чувствам примешивалась неизбывная тоска по родному дому – по его настоящему дому. Это чувство сейчас захватило его целиком, задушив все другие, как дым. Он смотрел на пылающие щеки отца, на его «ежик» торчком, но ему представлялся пустырь за дощатым забором. Ему так хотелось вернуться туда, чтобы смотреть на розу и слушать хор призрачных голосов. «Здесь все – не мое, – думал он. – Больше – нет. Меня ждут другие дела. Вот только бы знать, какие».

– Отпусти меня, – выдавил он.

– Что ты сказал? – Глаза отца широко распахнулись от изумления. Сегодня, заметил Джейк, глаза его были буквально налиты кровью. Наверное, хорошо приложился к своему волшебному порошку. Сейчас, наверное, не самое лучшее время с ним препираться, но неожиданно Джейк осознал, что он все равно пойдет на конфликт – все равно. Он не позволит

отцу обращаться с собой, как с мышью в зубах у кота-садиста. Не сегодня. И, быть может, уже никогда. Джейк вдруг понял простую вещь. Причина его раздражения и гнева проста: он не может им рассказать о том, что с ним произошло... что и сейчас происходит. Они сами закрыли все двери.

«Но у меня есть ключ», – вдруг подумалось Джейку. Он безотчетно потрогал его через ткань кармана и неожиданно вспомнил конец того странного стихотворения:

«Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.»

– Я сказал, отпусти меня, – повторил он. – Я ногу себе подвернул. Ты мне делаешь больно.

– Я тебе сейчас сделаю по-настоящему больно, если ты не...

Джейка как будто накрыло внезапной волною силы. Он схватил руку, что сжимала его предплечье, и резко ее стряхнул. У папы челюсть отвисла.

– Я на тебя не работаю, – сказал Джейк. – Я твой сын, если ты не забыл. А если ты вдруг забыл, посмотри фотографию у себя на столе.

Верхняя губа Чемберса-старшего поползла вверх, обнажая безупречные зубы из лучшей металлокерамики. На две трети усмешка его состояла из изумления, но на одну треть – из ярости.

– Не смейте так со мной разговаривать, мистер... где, черт возьми, уважение к отцу?

– Даже не знаю. Наверное, я его потерял по дороге домой.

– Ты целый день где-то шлялся, без разрешения ушел, мать твою, а теперь стоишь тут и грубишь отцу...

– Прекратите! Вы оба! Немедленно прекратите! – воскликнула мама. Несмотря на громадную дозу транквилизатора, в ее голосе явственно слышались истеричные нотки. Казалось, она вот-вот расплчется.

Отец протянул было руку, собираясь опять схватить Джейка, но потом, кажется, передумал. Наверное, причиной тому послужили решимость и сила, с которыми сын только минуту назад стряхнул его – отца! – руку. Или причина была еще проще: взгляд Джейка.

– Я хочу знать, где ты был.

– Я сказал уже. Я гулял. И больше я вам ничего не скажу.

– Хрен моржовый! Сюда звонил ваш директор. А учитель

французского приходил. Они оба хотели с тобою поговорить. Задать тебе пару вопросов! Я, черт возьми, хочу тоже задать тебе пару вопросов, и хочу, чтобы ты мне ответил!

– Ты весь грязный, – заметила мама и спросила едва ли не робко: – Тебя не ограбили, Джонни? Тебя что, избили... ограбили?

– Никто его не ограбил, – проревел Элмер Чемберс. – Ты что, не видишь, часы на нем.

– Но у него же кровь.

– Да все нормально, мамок. Это я просто ударился.

– Но...

– Я хочу спать. Я ужасно устал. Если вы все же хотите об этом поговорить, то давайте утром, о'кей? Завтра, быть может, у нас получится. Но сегодня мне просто нечего вам сказать.

Отец шагнул к нему, протянув руку.

– Нет, Элмер! – мама едва ли не закричала.

Но Чемберс-старший пропустил ее реплику мимо ушей и схватил Джейка сзади за блейзер.

– Нет, ты так от меня не уйде... – начал было он, но Джейк резко развернулся и вырвался. Разошедшийся шов на правом рукаве с треском разъехался окончательно.

Под пылающим взглядом сына отец отступил. Лицо его, только что искаженное гневом, вдруг как будто потухло, и на нем появилось теперь выражение, очень похожее на страх. «Пылающий взгляд» – это не просто метафора; глаза Джейка как будто действительно загорелись огнем. Мама бессильно вскрикнула, зажала рукою рот и, отступив на два шага, безвольно упала обратно в кресло-качалку.

– Оставь... меня, – отчеканил Джейк.

– Что с тобой происходит? – теперь голос отца стал едва ли не грустным. – Что такое с тобой происходит? Ничего никому не сказав, ты уходишь из школы в первый экзаменационный день, приходишь домой ближе к ночи, весь грязный... и ведешь себя, будто ты спятил.

Вот оно... и ведешь себя, будто ты спятил. Этого он и боялся – с того самого дня, как начались голоса три недели назад. Ужасного Обвинения. Но теперь, когда это произошло, Джейк вдруг обнаружил, что оно не так страшно – вообще не страшно, – может быть, потому что сам для себя он уже все решил. Да, что-то с ним произошло. И все еще происходит. Но он не спятил. Нет. Во всяком случае – пока.

– Утром мы поговорим, – повторил он опять и направился через столовую в коридор. На этот раз отец не пытался его остановить.

Остановил его обеспокоенный мамин голос:

– Джонни... с тобой все в порядке?

Что на это ответить? Да? Нет? Или – и да, и нет? Или – ни то, ни другое? Но голоса прекратились, а это уже кое-что. Сказать по правде, это уже немало.

– Мне уже лучше, – выдавил он наконец. Спустился вниз к себе в комнату и твердо закрыл за собою дверь. От этого звука захлопнувшейся за спиною двери, отгородившей его от мира, Джейк преисполнился несказанного облегчения.

Он еще постоял у двери, прислушиваясь. Голос матери был едва различим. Голос отца – чуть громче.

Мама что-то сказала насчет крови и доктора.

Отец сказал, что малыш в порядке. Что с ним единственное не в порядке – так это словесный понос, но с этим он справится сам.

Мама что-то сказала в том смысле, что успокойся.

Отец ответил, что он спокоен.

Мама сказала...

Отец ответил.

Она сказала... блам-блам-блам. Джейк по-прежнему их любил – не смотря ни на что, он был в этом уверен – но теперь с ним случилось что-то, и это «что-то» влекло за собой неминуемую цепь событий, которым еще предстояло случиться.

Почему? Потому что с ней что-то творилось неладное, с розой. И еще, может быть, потому, что ему так хотелось играть, скакать и прыгать... и снова увидеть его глаза, голубые, как небо над дорожной станцией.

Джейк медленно подошел к столу, снимая на ходу блейзер. Ему пришел конец – один рукав был оторван едва ли не полностью, подкладка свисала, как вялый парус в мертвый штиль. Повесив блейзер на спинку стула, Джейк уселся и выложил на стол две новые книги. Последние полторы недели он очень плохо спал, но сегодня, как ему казалось, он будет спать хорошо. Давно он так не уставал. Может быть, завтра утром, когда он проснется, он будет знать, что делать.

Раздался легкий стук в дверь. Джейк настороженно повернулся в ту сторону.

– Это миссис Шоу, Джон. Могу я войти на минутку?

Он улыбнулся. Миссис Шоу – ну конечно же. Родичи выслали ее посредником. Или, может быть «переводчиком» будет более точно.

Сходите к нему, – наверное, сказала мама. Вам он расскажет, что с ним такое. Я – его мать, вот этот мужчина с налитыми кровью глазами и мокрым носом – его отец, а вы – всего-навсего домоправительница, но вам он расскажет, чего не расскажет нам. Потому что вы с ним общаетесь чаще, чем мы, и, может быть, вы говорите на его языке.

У нее будет поднос, подумал еще Джейк и, по-прежнему улыбаясь, пошел открывать дверь.

У миссис Шоу действительно был поднос. На подносе – два сэндвича, большой кусок яблочного пирога и стакан шоколадного молока. Она смотрела на Джейка с тревогой, словно бы опасаясь, что он набросится на нее и укусит. Джейк заглянул ей через плечо, но родителей по близости не наблюдалось. Он представил себе, как они оба сидят в гостиной, беспокойно прислушиваясь.

– Я подумала, ты захочешь чего-нибудь перекусить, – сказала миссис Шоу.

– Да, спасибо. – Сказать по правде, ему ужасно хотелось есть; он с утра ничего не ел, только позавтракал. Он посторонился, освобождая проход. Миссис Шоу вошла в комнату (еще раз с опаской взглянув на него) и поставила поднос на стол.

– Ой, вы посмотрите! – она взяла в руки «Чарли Чу-Чу». – У меня точно такая же книжка была, когда я была маленькой. Ты сегодня ее купил, Джонни?

– Да. Родители вас попросили узнать, где я был?

Она только молча кивнула. Ни хитрила, ни притворялась. Это – ее работа. Как приготовить поесть или вынести мусор. Можешь мне рассказать, если хочешь, говорило ее лицо. А можешь и ничего не рассказывать. Ты мне нравишься, Джонни, я очень к тебе хорошо отношусь, но все это – только твои проблемы. Я всего лишь работаю здесь, и я сегодня и так задержалась на час сверх положенного.

Это ее выражение – и то, что оно говорило – его не обидело. Наоборот, успокоило. Для него миссис Шоу была еще одним человеком знакомым, почти что другом, но все-таки не совсем... но теперь Джейк подумал, что как друг или же «почти друг» она чуточку ближе ему, чем ребята из школы, и много ближе, чем мама и папа. По крайней мере, миссис Шоу была человеком честным. Она не пыталась как-то извернуться. Все это определялось счетом в конце каждого месяца, но, когда она делала

сэндвичи, она всегда срезала с хлеба корку.

Джейк схватил сэндвич и откусил здоровенный кусок. С сыром и ветчиной. Его любимые. Еще одно очко в пользу миссис Шоу: она знала все, что он любит. Вот мама, скажем, до сих пор пребывала в уверенности, что он любит жареную на углях кукурузу и ненавидит брюссельскую капусту.

– Скажите им, что у меня все нормально. А папе еще передайте, что я извиняюсь за то, что я ему нагрубил. Мне действительно очень жаль.

Если честно, он ни капельки не жалел об этом, но отцу нужно было одно – его извинение. И только. Когда миссис Шоу передаст ему слова Джейка, папа расслабится и снова станет твердить себе старую ложь: он исполнил отцовский свой долг, и теперь все хорошо. Все хорошо, прекрасная маркиза.

– Я немножечко, кажется, переучился, готовясь к экзаменам, – пробубнил он с набитым ртом, – и утром сегодня все это наконец проявилось. Я словно в ступор какой-то впал. Мне нужно было немедленно выйти на воздух, иначе я бы, наверное, задохнулся. – Он прикоснулся к засохшей кровяной корке у себя на лбу. – Что касается этого, то скажите, пожалуйста маме, ничего страшного, правда, нет. Меня не ограбили, не избили. Просто случайно ударился. Совершенно по-глупому. Там какой-то рабочий толкал тележку, и я в нее въехал башкой. Кровь, конечно, была, но порез пустяковый. сотрясения нет. Никакого такого «двойного зрения». Голова, правда, болела, но теперь прошла.

Миссис Шоу кивнула.

– Теперь я, кажется, понимаю... все эти пижонские школы с их высокими требованиями к ученикам и всем прочим. Ты немножечко испугался, Джонни. Ничего в этом стыдного нет. Но в последние пару недель ты действительно ходишь как сам не свой.

– Теперь все будет в порядке. Мне только, наверное, придется переписать сочинения по английскому, но это...

– Ой! – воскликнула миссис Шоу, и на лице ее вдруг отразился какой-то испуг. Она положила на место «Чарли Чу-Чу» и повернулась к Джейку. – Я едва не забыла! Твой учитель французского приходил и оставил тебе записку. Сейчас принесу.

Она вышла из комнаты. Джейк надеялся, что не очень расстроил мистера Бизе – тот был действительно классный мужик, – но, наверное, все же расстроил, раз уж он заявился лично. Чтобы учитель доблестной школы Пайпера лично пришел домой к ученику... такое, должно быть, бывает не часто. Что там, интересно, в записке от мистера Бизе? Джейк попробовал

угадать. Скорее всего – приглашение на беседу с мистером Хоткиссом, школьным психиатром. Еще утром сегодня он бы, наверное, испугался. Но не сейчас.

Сейчас только роза имела значение.

Прикончив первый сэндвич, Джейк набросился на второй. Миссис Шоу оставила дверь открытой, и он слышал, как она говорила с родителями. Судя по голосам, они оба слегка успокоились. Джейк глотнул молока и взялся за яблочный пирог. Через пару секунд вернулась миссис Шоу. С такой знакомою синей папкой в руках.

Джейк понял вдруг, что, как выяснилось, он избавился не от всех своих страхов. Теперь они все уже знают – и ученики, и учителя, – но уже поздно что-либо менять. Уже ничего не исправишь. Но это не значит, что ему очень приятна мысль, что все теперь знают о том, что Джейк Чемберс рехнулся. Что все о нем шепчутся.

Сверху к папке был прикреплен канцелярской скрепкой небольшой белый конверт. Джейк открепил его и, открывая, взглянул на миссис Шоу:

– Как там родители?

Она улыбнулась.

– Твой папа велел, чтобы я спросила, почему ты просто ему не сказал, что у тебя обычный экзаменационный мандраж. Он сказал, что с ним тоже такое бывало, когда он учился в школе.

У Джейка челюсть отвисла. Отец никогда не принадлежал к тому сорту людей, которые потворствуют воспоминаниям, начинающимся со слов: «Знаешь, когда я был маленьким...» Джейк попытался представить себе отца в роли мальчишки с тяжким клиническим случаем экзаменационного мандража, но ничего у него не вышло – он сумел только вызвать весьма неприглядный образ сварливого гнома в свитерочке с эмблемой Пайпера, в сделанных на заказ ковбойских сапогах, с черными волосами «ежилом», торчащими во все стороны.

Записку, как выяснилось, написал сам мистер Бизе:

Дорогой Джон, Бонни Авери мне сказала, что ты ушел прямо с экзамена. Она очень за тебя переживает, и я тоже переживаю, хотя мы оба не раз наблюдали подобное, и особенно – во время экзаменов. Хочу тебя попросить. Завтра, когда придешь в школу, сразу зайди ко мне, хорошо? Не бывает неразрешимых проблем. Вместе мы все решим. Если тебя угнетают экзамены – а я хочу повторить, что такое случается повсеместно, – можно будет устроить так, чтобы их перенести. Самое главное – это твое

здоровье. Позвони мне сегодня вечером, если захочешь. Мой телефон 555-7661. До полуночи я буду ждать твоего звонка.

Знай, что ты всем нам очень симпатичен и что мы на твоей стороне.

A votre sante, X. Бизе.

Джейку хотелось расплакаться. Значит, кому-то он небезразличен, и это здорово. Мистер Бизе прямо об этом пишет. Но было в записке еще кое-что, невысказанное, но от этого не менее замечательное: теплота, и сочувствие, и еще искренняя попытка понять и утешить.

Внизу была нарисована небольшая стрелка. Джейк перевернул листок и прочитал:

Да, кстати, Бонни Авери просила меня передать тебе это – прими поздравления!

Поздравления? Что, черт возьми, все это значит?

Он раскрыл синюю папку. К первой странице его сочинения был прикреплен скрепкой листок бумаги. Бланк с верхушкой: «КАБИНЕТ БОНИТЫ АВЕРИ». С нарастающим изумлением Джейк прочел аккуратные строчки слегка заостренных букв, написанных авторучкой:

Джон, Харви, я в этом не сомневаюсь, выразит наше всеобщее беспокойство, – а он это умеет, – поэтому позволь мне сразу же перейти к твоему экзаменационному сочинению. Я прочла его и выставила оценку во время первого же «окна». Сочинение поразительно оригинальное, самобытное и превосходит все ученические работы, которые мне доводилось читать за последние несколько лет. Это твое нагнетание повтора («... вот правда», «и это правда») – очень живой прием, но прием он и есть прием. Истинная ценность сочинения, как мне показалось, в его символическом плане, определяемом поначалу двумя зрительными картинками – двери и поезда – на титульном листе и находящем блестящее развитие дальше, уже непосредственно в тексте. Символический план достигает своего логического завершения в зрительном образе «черной башни», который я понимаю, как твое утверждение того, что общепринятые устремления не только фальшивы, но и опасны.

Я не претендую на понимание всех символов (например, «Госпожа теней» или «стрелок»), но по прочтении становится ясным, что сам себя ты видишь «Узником» (школы, общества и т. д.), а всю систему образования – «Говорящим Демоном». Быть может, «Роланд» и «стрелок» – одна и та же фигура, наделена неограниченной властью? М.б., это твой отец? Меня до того заинтриговала такая возможность, что я даже специально поинтересовалась в досье, как зовут твоего отца. Оказалось, что Элмер, но я также заметила, что средний инициал в его имени – Р.

Я нахожу данный образ предельно дерзким и вызывающим. Или, может быть, это имя – некий сдвоенный символ, образ, навеянный одновременно фигурой отца и поэмой Роберта Браунинга «Чайльд Роланд к Темной Башне пришел»? Большинству наших учеников я бы не стала и задавать этот вопрос, но я знаю, как много и вдумчиво ты читаешь!

Во всяком случае, твое сочинение произвело на меня неизгладимое впечатление. Ученики средних классов часто, случается, обращаются к форме так называемого «потока сознания», но им очень редко удается этот поток контролировать. Ты же проделал выдающуюся работу по погружению в язык символов.

Браво!

Свяжись со мной, когда решишь «выйти» – хочется обсудить с тобой возможность опубликовать твоё сочинения в первом выпуске ученического литературного журнала на будущий год.

Б. Авери

P.S. Если сегодня ты ушел с экзамена из-за того, что тебе вдруг показалось, будто я не способна понять сочинение такой неожиданно богатой образности, надеюсь, мне удалось рассеять твои сомнения.

Джейк открепил листок, открыв титульный лист поразительно оригинального и богатого образами сочинения. Там, обведенная красным кружком, стояла оценка мисс Авери: А+. Ниже она написала еще: «ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!»

Джейк рассмеялся.

Весь сегодняшний день – этот долгий, ужасный, запутанный, опьяняющий, страшный, загадочный день – свелся к ревущему взрыву смеха. Джейк повалился на стул, запрокинув голову и прижав обе руки к животу. Из глаз брызнули слезы. Он смеялся, пока ему не становилось от смеха плохо, прекращал хохотать, но потом его взгляд случайно падал на какую-нибудь строку из доброжелательного критического разбора мисс Авери, и он хохотал по новой. Он не заметил даже, как отец подошел к его двери, постоял там, озадаченно и настороженно глядя на сына, и ушел, покачивая головой.

Наконец Джейк начал осознавать, что миссис Шоу так и сидит у него на кровати, глядя на него с такой дружелюбной беспристрастностью, за которой проглядывало ненарочитое любопытство. Он попытался заговорить, но слова утонули в новом взрыве смеха.

«Надо бы прекратить, – сказал он себе. – Иначе я просто умру. У меня будет удар, или сердечный приступ, или что там еще бывает...»

А потом ему вдруг подумалось: «Интересно, а что она вывела из “чу-чу, чу-чу”?» – и он опять разразился смехом.

Наконец спазмы смеха начали потихоньку сходить на нет, сменяясь нервным хихиканием. Джейк вытер слезящиеся глаза и сказал:

– Извините, миссис Шоу – это просто... ну... я получил за свое экзаменационное сочинение «А с плюсом». Оно очень богато... об... образно...

Он не сумел закончить. Его опять согнуло пополам от смеха. Снова пришлось схватиться руками за живот – он болел нестерпимо.

Миссис Шоу встала на ноги, улыбаясь.

– Замечательно, Джон. Я очень рада, что все так хорошо повернулось, и я уверена, что твои папа с мамой тоже будут довольны. Уже очень поздно... придется, наверное, сказать портье, чтобы он вызвал мне такси. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, миссис Шоу, – не без усилия выдавил Джейк, стараясь сдержать приступ смеха. – Спасибо вам.

Как только миссис Шоу вышла за дверь, он снова расхохотался.

В течение следующего получаса к нему – по отдельности – заглянули родители. Они оба действительно «поутихли», а «А с плюсом» за

сочинение, похоже, еще прибавило им спокойствия. Когда они заходили, Джейк сидел за столом, якобы глядя в открытый учебник французского. На самом деле он, ясное дело, туда не смотрел и смотреть не желал. Он ждал, когда папа с мамой уйдут, наконец, и он сможет спокойно рассмотреть книги, которые купил сегодня. Ему не давала покоя мысль, что настоящий экзамен еще впереди. Ему надо сдать его – обязательно. Только не завалить!

Где-то в четверть десятого к нему в комнату заглянул отец – минут через двадцать после того, как ушла мама, которая пробыла у него недолго и так ничего толком и не сказала. В одной руке Элмер Чемберс держал сигарету, в другой – стакан виски. Вид у него был не просто спокойным, а прямо – таки блаженным. Может быть, равнодушно подумал Джейк, папа сделал неслабый набег на мамины залежи валиума.

– Ты как, нормально, малыш?

– Да. – Для папы он снова стал маленьким славным мальчиком, который всегда держит себя в руках. Теперь, когда он смотрел на отца, глаза его не пылали больше. Обычные, матовые, без блеска, глаза.

– Я хотел сказать, ты прости, что оно так получилось. Не сердись на меня, хорошо? – Папа вообще не умел извиняться. Он это делал не часто, и получалось у него плохо. Джейку даже стало немножечко его жалко.

– Да все нормально.

– Тяжелый день, – сказал папа, сделав неопределенный жест рукою с пустым стаканом. – Может, просто забудем о том, что было? – Он произнес это так, как будто сия великая и логичная мысль только-только пришла ему в голову.

– Я уже все забыл.

– Хорошо. – В папином голосе явственно слышалось облегчение. – Тебе, по-моему, пора спать. Завтра утром тебе предстоит объясняться, да и экзамены в самом разгаре.

– Да, – сказал Джейк. – Как мама?

– Отлично. Отлично. Я иду к себе в кабинет. Много скопилось работы.

– Папа?

Отец настороженно оглянулся.

– А у тебя какое второе имя?

По выражению папиного лица Джейк понял, что отец лишь взглянул на оценку, не удосужившись даже прочесть сочинение, не говоря уже о записке от мисс Авери.

– У меня его нет. Просто инициал, как у Гарри С. Трумана. Только у меня – Р. А чего это ты вдруг спросил?

– Просто так, любопытно.

Ему удалось сохранить спокойствие, пока отец не ушел... но как только за папой закрылась дверь, Джейк упал на кровать и зарылся лицом в подушку, чтобы заглушить очередной приступ неудержимого смеха.

Когда Джейк убедился, что приступ прошел (хотя в горле еще щекотало, и иной раз остатки смеха прорывались наружу), а папа вплотную засел у себя в кабинете со своими неизменными сигаретами, виски, бумагами и небольшим бутылком белого порошка, он вернулся за стол, включил лампу и открыл «Чарли Чу-Чу». Мельком глянув на редакционный лист, он обнаружил, что в первый раз книжка вышла в 1952-ом, а он сегодня себе приобрел экземпляр четвертого издания. Джейк заглянул в конец, но не нашел никакой информации об авторе, Берил Эванс.

Вернувшись к началу, Джейк внимательно рассмотрел картинку – улыбающийся мужчина, блондин, с гордым видом выглядывает из кабины старомодного паровоза, – и начал читать:

Боб Брукс служил машинистом в Железнодорожной Компании «Срединный Мир», на линии Сент-Луис – Топека. Такого хорошего машиниста не было больше нигде. Он был лучшим, а Чарли был лучшим из поездов!

Чарли 402 «Большой Мальчик» это, к вашему сведению, паровоз. И паровоз, надо сказать, с характером. Только машинист Боб имел право сидеть у него в кабине и давать гудок. Каждый знал, как гудит гудок Чарли – ВУУУ-УУУУ, – и когда он разносился веселым эхом над степями Канзаса, всякий, кто слышал его, говорил:

– Это едет наш Чарли и с ним – машинист Боб. Быстрее их нет никого между Сент-Луисом и Топекой!

Только заслышав гудок, ребятня высыпала во двор, чтобы в который раз поглядеть, как Чарли и машинист Боб проносятся мимо. Машинист Боб всегда улыбался детишкам и махал им рукой. Дети тоже ему улыбались и махали в ответ.

Машинист Боб знал один секрет. Он, единственный из людей, знал, что Чарли Чу-Чу живой. То есть, по-настоящему.

Однажды, когда они возвращались из Топеки в Сент-Луис, машинист Боб услышал, как кто-то поет, очень тихо, почти неслышно.

– А ну кто здесь со мною в кабине? – строго спросил машинист.

– Тебе бы надо сходить к психиатру, машинист Боб, – пробормотал Джейк, переверачивая страницу. На следующий картинке машинист Боб, наклонившись над автоматической топкой Чарли Чу-Чу, с любопытством заглядывал под нее. Интересно, подумалось Джейку, а кто ведет поезд и смотрит, чтобы коровы (не говоря уже о ребятишках) случайно не выскочили на пути, пока Боб ловит «зайцев» в кабине. Как видно, знания Берил Эванс о поездах были крайне скудны.

– Не волнуйся, – раздался вдруг тихий и хриловатый голос. – Это всего лишь я.

– Кто это – я? – переспросил машинист Боб все тем же суровым, серьезным голосом. Он, потому что, по-прежнему думал, что кто-то решил над ним подшутить.

– Чарли, – сказал тихий и хриловатый голос.

– Как бы не так! – сказал Боб. – Поезда не разговаривают человеческим голосом! Я, может быть, много чего не знаю, но уж это я знаю точно! Если ты Чарли, тогда давай сам погуди в свой гудок, ты это должен уметь!

– Ну конечно! – сказал тихий и хриловатый голос, и тут же раздался веселый гудок, прокатившийся эхом над простором Миссури: ВУУУ-УУУУ.

– Батюшки! – воскликнул машинист Боб. – Это действительно ты!

– Я же тебе говорил, – сказал Чарли Чу-Чу.

– Почему же я раньше не знал, что ты живой? – спросил машинист Боб. – Почему ты со мною не разговаривал?

И тогда Чарли Чу-Чу пропел Бобу песенку своим тихим и хриловатым голосом:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не настанет мой час.

– А ты будешь еще со мной разговаривать? – спросил Боб. – Мне бы очень хотелось.

– Мне тоже, – сказал Чарли. – Ты мне нравишься, машинист Боб.

– Ты тоже мне нравишься, Чарли, – сказал машинист Боб и теперь уже сам дал гудок, просто чтобы показать, как он счастлив.

ВУУУ-УУУУ! Так громко и весело Чарли еще никогда не гудел, и все, кто слышал гудок, вышли на улицу – посмотреть.

Иллюстрация к этим последним словам повторяла рисунок с обложки. На всех предыдущих картинках (исполненных в грубой, чуть примитивной манере, которая напоминала рисунки из любимой «младенческой» книжки Джейка, «Майк Маллиган и его паровая машина») паровоз был не более чем паровозом – безусловно, штуковиной интересной для мальчишек 50-х, для которых, собственно, и предназначалась книжка, но все же бездушной машиной. А на этой, последней, картинке паровоз приобрел явные человеческие черты. Глаза, рот, улыбка. Джейку опять стало жутко, несмотря на улыбку Чарли и на весьма неуклюжий слог, которым написан был этот немного жеманный, но милый рассказ.

Он просто ей не доверял – этой улыбке.

Джейк открыл свое экзаменационное сочинение и пробежал глазами по строчкам. Блейн может быть опасным, прочел он. Не знаю, правда это или нет. Он закрыл папку, на мгновение задумался, барабанил пальцами по столу, потом снова взялся за «Чарли Чу-Чу»:

Машинист Боб и Чарли провели вместе много счастливых дней, о многом успели поговорить. Машинист Боб жил один, и Чарли стал ему настоящим другом – первым с тех давних пор, когда умерла жена Боба, в Нью-Йорке, давным – давно.

Но однажды, когда Боб и Чарли вернулись к себе в депо в Сент-Луисе, на месте стоянки Чарли их поджидал новенький дизельный локомотив. И какой еще локомотив! 5 000 лошадиных

сил! Сцепки из нержавеющей стали! Моторы из Утики, штат Нью-Йорк, изготовленные на специальном заводе! А наверху, сразу за генератором – три ярко желтых вентилятора для охлаждения радиатора.

– Это что? – спросил, встревоженный, машинист Боб, но в ответ Чарли только пропел свою песенку, и голос его был совсем-совсем тихим и хриплым как никогда:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.
Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не настанет мой час.

Тут подошел мистер Бриггс, начальник депо.

– Это очень красивый дизельный локомотив, мистер Бриггс, – сказал машинист Боб, – но вам придется убрать его с места Чарли. Чарли нуждается в профилактике, его нужно смазать – и прямо сегодня.

– Чарли больше не нужно смазывать, машинист Боб, – с грустью проговорил мистер Бриггс. – Ему на замену прислали вот этот новенький дизельный локомотив, Берлингтон-Зефир. Когда-то Чарли был лучшим локомотивом в мире, но теперь он состарился и котел у него подтекает. Боюсь, пришло время Чарли уйти на покой.

– Ерунда! – Машинист Боб буквально вышел из себя! – Чарли еще полон сил! Я срочно пошлю телеграмму в главное ведомство Железнодорожной Компании «Срединный Мир»! Я самому Президенту пошлю телеграмму, мистеру Раймонду Мартину! Я его знаю, он потому что вручал мне награду за хорошую службу, а мы потом с Чарли катали его дочурку. Я дал ей еще погудеть, и Чарли старался – гудел для нее громко-громко!

– Мне очень жаль, Боб, – сказал мистер Бриггс, – но это сам мистер Мартин и заказал новый локомотив.

И он не соврал. Так оно все и было. И Чарли Чу-Чу отогнали

в самый дальний конец депо Сент-Луиса, где он тихо ржавел в сорняках. Теперь на путях между Топекой и Сент-Луисом раздавалось уже не привычное ВУУУ-УУУУ, а УУУХХХ – УУУХХХ! нового Берлингтон-Зефира. Чарли больше уже не гудел. Мыши свили гнездо на сидении в кабине, где когда-то так гордо сидел машинист Боб, глядя на проносящийся мимо пейзаж; а в трубе теперь жили ласточки. Чарли печалился. Ему было грустно и одиноко. Он скучал по стальным путям, и по яркому синему небу, и по безбрежным просторам степей. Иногда, поздно ночью, он думал об этом и тихо плакал темными масляными слезами. От слез заржавели его головные прожектора, но Чарли было уже все равно, потому что теперь их уже не включали, прожектора.

Мистер Мартин, президент Железнодорожной Компании «Срединный Мир», написал в Сент-Луис письмо и предложил машинисту Бобу перейти на новый Берлингтон-Зефир. «Это очень хороший локомотив, машинист Боб, – писал мистер Мартин. – новенький, полный сил. Только представьте себе, как вы его поведете! Это машина для вас. Из всех машинистов “Срединного Мира” вы – лучший. Моя дочка Сюзанна просила вам передать, что она не забыла, как вы разрешили ей погудеть в гудок Чарли.»

Но машинист Боб ответил на это, что если ему нельзя больше ездить с Чарли, он вообще прекращает водить поезда. «Я не сумею понять этот новенький чудный дизельный локомотив, – написал он в ответ, – а он не сумеет понять меня».

Боб устроился чистить моторы в сент-луисском депо. Он был машинистом, а теперь сделался чистильщиком. Так к нему и обращались: чистильщик Боб. Другие же машинисты, водившие новые дизельные поезда, иной раз подсмеивались над ним.

– Вы посмотрите на этого старого дуралея! – так они говорили. – Он не может понять простой вещи, что мир изменяется, мир не стоит на месте!

Иногда, поздно ночью, машинист Боб приходил потихонечку в дальний конец депо, где стоял Чарли Чу-Чу – на ржавых рельсах запасных путей, которые стали теперь его домом. Его колеса опутали сорняки; головные огни проржавели и стали совсем-совсем темными. Машинист Боб всегда разговаривал с Чарли, но Чарли все реже и реже ему отвечал. Бывало, Чарли

молчал в течение многих ночей подряд.

И вот однажды, одной такой ночью, Бобу ударила в голову страшная мысль.

– Чарли, ты что, умираешь? – спросил он, и Чарли ответил, совсем-совсем тихо, едва различимо:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.
Но теперь, когда больше уже нельзя
Мчаться под синим небом, как в первый раз,
Тут, наверно, тихонько закахну я
И скоро настанет, чу-чу, мой час.

Джейк долго смотрел на картинку, иллюстрирующую этот не то чтобы неожиданный поворот событий. При всей грубости исполнения рисунок все-таки отражал настроение отрывка. Чарли выглядел старым, заброшенным и несчастным. Машинист Боб стоял с таким видом, как будто он только что потерял лучшего друга – последнего друга, который, согласно рассказу, у него еще оставался в жизни. Джейк представил себе, как, дочитав до этого места, дети по всей Америке сокрушаются и горюют, и ему вдруг пришло в голову, что в детских книжках на удивление много подобных вещей – вещей, которые задевают и ранят чувства. Ганс и Грета, потерявшиеся в лесу. Олениха, мама Бэмби, убитая охотником. Смерть Старого Крикуна. Детей легко напугать и задеть, легко заставить их плакать, и подобный подход, кажется, породил во многих писателях странное увлечение садизмом... включая, как видно, и Берил Эванс.

Но внезапно Джейк понял, что его не гнетет и совсем не печалит «высылка» Чарли на заросший сорной травой пустырь в самом глухом уголке депо в Сент-Луисе. Наоборот. Хорошо, думал он. Там ему самое место. Он, потому что, опасен. Пусть там себе и гниет. И слезам его веры нет... «крокодиловы слезы», так их, кажется, называют.

Дальше он читал быстро, по диагонали. Разумеется, все закончилось хорошо, хотя в детской памяти этот момент отчаяния в самом глухом уголке депо останется, без сомнения, гораздо дольше, чем счастливый конец – такого вообще свойство памяти, и тем более детской: помнить плохое и забывать о хорошем.

Мистер Мартин, Президент Железнодорожной Компании «Срединный Мир», лично приехал с Сент-Луис, чтобы посмотреть, как там идут дела. Помимо этого он собирался съездить на новеньком Берлингтон-Зефире в Топеку, где его дочка, ставшая пианисткой, давала в тот вечер свой первый сольный концерт. Только Зефир завести не сумели. Похоже, в топку попала вода.

(«Это, случайно, не ты налил воду в дизельный бак, машинист Боб? – спросил себя Джейк. – Зуб даю, это ты, старина!»)

А остальные все поезда были в рейсе! Что же делать?

Кто-то легонько подергал мистера Мартина за руку. Это был Чистильщик Боб, только он не был сейчас похож на чистильщика моторов. Он снял свой рабочий комбинезон, забрызганный маслом, и надел чистую спецодежду и свою старую машинистскую фуражку.

– Чарли здесь, на запасном пути, – сказал он. – Он довезет вас до Топеки, мистер Мартин. И вы успеете на концерт вашей дочки, Чарли всегда и везде успевал.

– Этот древний паровоз? – усмехнулся мистер Мартин. – Да он и до завтрашнего утра туда не доберется, до Топеки.

– Нет, Чарли сможет! – настаивал машинист Боб.

– Я знаю, он сможет! Ведь ему не придется тащить вагоны! Понимаете, я в свободное время чистил ему двигатель и котел, так что он готов ехать.

– Ладно, давайте попробуем, – сказал мистер Мартин. – Мне было бы жаль пропустить первый концерт Сюзанны!

Чарли действительно был готов: машинист Боб наполнил тендер свежим углем, а бока раскаленной топки аж покраснели. Боб помог мистеру Мартину подняться в кабину и впервые за долгие годы вывел Чарли со ржавых запасных путей на основные рельсы. Выехав на Первый Путь, он потянул за веревку гудка, и Чарли выдал свой прежний бодрый и смелый клич: ВУУУ-УУУУ.

Услышав знакомый гудок, детишки всего Сент-Луиса высыпали на улицу, чтобы поглядеть на ржавый и старенький паровоз, который снова отправился в путь по рельсам.

– Смотрите! – кричали они. – Это Чарли! Чарли Чу-Чу вернулся! Ура-а-а!

Они все махали ему руками, а Чарли, пуская веселые струйки пара, выехал из городка и помчался вперед, набирая

скорость и гудя в свой гудок. Сам, как в прежние времена:
ВУУУУУ-УУУУУУУУУУУУ!

Чух-чух, выбивали колеса Чарли!

Пух-пух, пыхтел дым в трубе!

Вжих-вжих, тарахтел транспортер, доставляющий уголь в топку!

Снова вперед! Полный сил! Гип-гип-ура! Тру-ля-ля! Никогда раньше Чарли не ездил так быстро! Пейзаж проносился мимо одной смазанной полосой! По сравнению с Чарли машины, несущиеся по шоссе 41, казалось, стояли на месте!

– О-го-го! – вскричал мистер Мартин, подбросив в воздух шляпу. – Вот это я понимаю, Боб, всем локомотивам локомотив! И почему мы списали его, не знаю? Как вам удастся грузить уголь на транспортер при такой скорости?

Машинист Боб лишь улыбнулся в ответ; он-то знал, что Чарли сам загружает топку. А за чух-чух, пух-пух и вжих-вжих он еще различал прежнюю песенку Чарли, его тихий и хрипловатый голос:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.
Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не настанет мой час.

Чарли доставил мистера Мартена в Топеку вовремя, тот (конечно) успел на концерт своей дочери, и Сюзанна ужасно обрадовалась (конечно), увидев старого друга Чарли, а потом они все вместе вернулись в Сент-Луис, и всю дорогу Сюзанна гудела в гудок. Мистер Мартин предложил Чарли и Бобу работу – катать ребятишек – в новеньком Парке Атракционов «Срединный Мир», что в Калифорнии, и там они пребывают и по сей день, катают смеющихся ребятишек туда-сюда по волшебному миру, сотканному из огней, музыки и благотворного, доброго веселья. Машинист Боб стал седым, и Чарли уже не такой разговорчивый,

как бывало, но оба еще полны сил, и иной раз детишки слышат, как Чарли поет свою песню тихим и хрипловатым голосом.

КОНЕЦ

– Не задавай мне дурацких вопросов, в дурацкие игры я не играюсь, – пробормотал Джейк, разглядывая последнюю картинку. На ней Чарли Чу-Чу тащил за собой два пассажирских вагончика, набитых смеющимися и довольными детьми, от «русских горок» до «чертова колеса». В кабине, понятно, сидел машинист Боб, тянул за веревку гудка и улыбался – счастья полные штаны. Предполагалось, наверное, что улыбка его выражает великую радость, но Джейку она показалась ухмылкой безумца. Оба, – и Чарли, и машинист Боб, – походили на сумасшедших... и чем дольше Джейк вглядывался в лица детей на картинке, тем явственней ему казалось, что за довольным их выражением скрывается ужас. «Остановите, пожалуйста, этот поезд, – словно бы говорили они, эти лица. Мы хотим слезть. Пожалуйста. Нам же страшно. Отпустите нас».

«И быть паровозом счастливым, чу-чу, пока не настанет мой час.»

Джейк закрыл книгу и задумчиво на нее уставился. Потом, выждав какое-то время, открыл ее снова, взял ручку и принялся обводить в тексте слова и фразы, которые как будто притягивали его сами.

«Железнодорожная Компания “Срединный Мир”... машинист Боб... тихий и хрипловатый голос... ВУУУ-УУУУ... настоящий друг – первый с тех давних пор, когда умерла жена Боба, в Нью-Йорке, давным – давно... мистер Мартин... мир меняется, мир не стоит на месте... Сюзанна...»

Джейк отложил ручку. Почему эти слова и фразы притягивают его? Насчет Нью-Йорка еще понятно, но остальные?.. И уж если на то пошло, почему эта книжка? Одно он знал твердо: ему было нужно иметь ее у себя. Если б сегодня у него в кошельке не оказалось денег, он бы, наверное, просто схватил ее и убежал. Но почему? Он себя чувствовал как-то странно. Как стрелка компаса. Стрелка не знает, где север и почему ее тянет в том направлении – нравится это ей или нет, она просто указывает туда. И по-другому она не может.

Сейчас Джейк уверен был только в одном: он ужасно устал. Если он в скором времени не переберется в постель, то уснет прямо здесь, за столом. Он уже снял рубашку, и тут его взгляд снова упал на обложку «Чарли Чу-Чу».

Эта улыбка. Он ей не верил. Не доверял.

Ну ни капельки.

Джейк надеялся, что уснет тут же, как только ляжет, но сон не пришел. Вместо сна возвратились те жуткие голоса и снова затеяли свой бесконечный спор, умер он или нет. Они не давали ему заснуть. Наконец он не выдержал: сел на постели, крепко зажмурил глаза и сжал кулаками виски.

«Прекратите! – выкрикнул он про себя. – Прекратите немедленно! Вы молчали весь день, так что молчите и дальше!»

«Я замолчу, если он согласится со мной, что я умер», – рассерженно выдал один.

«Я замолчу, если он соизволит взглянуть вокруг и признать, что я, черт возьми, очень даже живой», – отозвался второй.

Джейк не мог уже сдерживать крик – он встал комом в горле, как спазм тошноты. Еще немного, и он прорвется... Джейк решительно открыл глаза. Его взгляд случайно упал на брюки, небрежно брошенные на спинку стула, и внезапно ему пришла в голову одна мысль. Он встал с постели и залез в правый передний карман брюк.

Серебряный ключ никуда не делся. Он был по-прежнему там. И как только Джейк прикоснулся к нему, голоса затихли.

«Скажи ему, – вдруг подумалось Джейку, хотя он понятия не имел – кому это надо сказать. – Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, и голоса умолкают».

Он вернулся в постель и заснул почти тут же, – и трех минут не прошло, как он лег, – сжимая ключ в кулаке.

Глава 3. ДВЕРЬ И ДЕМОН

1

Эдди уже засыпал, как вдруг у него над ухом раздался явственный голос: «Скажи ему, пусть возьмет ключ. Если взять ключ, голоса умолкают».

Он сел рывком, бешено оглядываясь по сторонам. Рядом с ним крепко спала Сюзанна. Значит, это – не она.

И, похоже, никто другой. Они уже восемь дней шли по лесу по «дорожке» Луча и остановились в ту ночь на дне глубокой расщелины в небольшой и закрытой со всех сторон долине. Слева бурлила лесная речка. Текла она в ту же сторону, куда держала путь наша тройка: на юго-восток. Справа местность резко шла вверх крутым склоном, густо заросшим сосною и елью. Пустынный край. Никого. Только Сюзанна – спит рядом. И Роланд – бодрствует, сидя на берегу лесной речки, у самого края, кутаясь в одеяло и глядя во тьму.

«Скажи ему, пусть возьмет ключ. Если взять ключ, голоса умолкают».

Эдди задумался в нерешительности, но всего лишь – на мгновение. Рассудок Роланда сейчас балансировал на зыбкой грани и тяготел явно не к той стороне. И, что хуже всего, никто не знал этого лучше, чем сам Роланд. На данном этапе Эдди уже был готов ухватиться за любую – любую! – соломинку.

Он залез под импровизированную подушку из сложенной в несколько раз оленьей шкуры и достал маленький сверток. Подходя к Роланду, Эдди встревожился не на шутку: стрелок не заметил его, пока он не встал в четырех шагах от его неприкрытой спины. А ведь было такое время – и не так, между прочим, давно – когда Роланд узнавал о том, что Эдди проснулся, еще до того, как тот успевал сесть. Просто по звуку дыхания.

«Даже тогда, на морском берегу, он держался лучше, а ведь тогда он кончался от яда этой омарообразной твари, его куснувшей», – подумал угрюмо Эдди.

Роланд, наконец, повернулся к нему. Глаза у стрелка блестели, и это был блеск усталости и боли. Но в нем было еще кое-что – в глубине. За этим блеском в глазах Роланда Эдди не видел, но чувствовал нарастающее смятение, грозившее наверняка уже обернуться безумием, если и дальше

его запустить. Сердце Эдди защемило от жалости.

– Не спится? – спросил Роланд, и голос его прозвучал как-то глухо и вяло, как будто он принял хорошую дозу наркотика.

– Я вроде уже засыпал, но потом вдруг проснулся. Послушай...

– По-моему, я скоро умру. – Роланд поднял глаза на Эдди. Теперь глаза его не сияли больше. Они походили на два глубоких и темных колодца, как будто бездонных. Смотреть в эти глаза было жутко. Эдди невольно поежился, не столько даже от слов Роланда, сколько от этого странного и пустого взгляда. – И знаешь, Эдди, что я надеюсь найти там – в конце, куда сходятся все пути?

– Роланд...

– Тишину. – Роланд устало вздохнул. – Так вот просто – тишину. Этого будет достаточно. Чтобы все это... кончилось.

Он сжал кулаками виски, и Эдди подумалось вдруг: «Я недавно уже это видел. Точно такой же жест. Сжатые кулаками виски. Только я видел кого-то другого. Кого? Где?»

Бред какой-то. Уже месяца два он вообще никого не видел, кроме Роланда и Сюзанны. Но все равно ощущение было верным. Правдивым.

– Роланд, я тут кое-что делаю, – сказал Эдди.

Роланд кивнул. Его губы тронула призрачная улыбка.

– Я знаю. И что же? Ты уже можешь раскрыть свой секрет?

– Оно тоже, наверное, как-то связано с этим ка-тетом.

Пустота в глазах Роланда тут же сменилась задумчивостью. Он внимательно поглядел на Эдди, но ничего не сказал.

– Вот смотри, – Эдди принялся разворачивать сверток.

«Ни к чему это хорошему не приведет! – прорвался внезапно голос Генри. Такой громкий и явственный, что Эдди невольно сморщился. – Просто поделка дурацкая – идиотская деревяшка! Да он со смеху лопнет, когда увидит! Над тобой же и будет смеяться! Скажет: “Нет, вы поглядите только! Наша малявка чего-то там выстругал?”»

– Заткнись, – буркнул Эдди себе под нос.

Стрелок в недоумении приподнял брови.

– Это я не тебе.

Роланд кивнул, как будто ни капельки не удивившись.

– Твой брат часто тебя донимает, да, Эдди?

Эдди на мгновение застыл, изумленный. Он даже про сверток забыл. А потом, когда все-таки улыбнулся, улыбка вышла не слишком приятной.

– Теперь реже, чем раньше, Роланд. Спасибо, Господи, и за малые милости.

– Да, – сказал Роланд. – Слишком много их, голосов, тяжким грузом лежащих на сердце... ну да ладно, что там у тебя, Эдди? Пожалуйста, покажи.

Эдди достал ясеневый брусок. Почти законченный ключ выдавался вперед из куска деревяшки, точно женская фигура – из носа древнего парусника... или как рукоять меча – из каменной глыбы. Эдди и сам не знал, насколько точно удалось ему воспроизвести форму ключа, который явился ему в огне (и не узнает, наверное, до тех пор, пока не найдет нужный замок), но все же надеялся, что достаточно точно. Уверен Эдди был только в одном: это – лучшее, что он сделал в смысле резьбы по дереву. Пока.

– Боги вышние, Эдди, красивая штука! – с чувством воскликнул Роланд, избавившись, кажется, от обычной апатии, в последнее время его захватившей. В его голосе, прежде вялом и даже безжизненном, теперь слышались нотки глубокого, чуть удивленного уважения. Никогда раньше Эдди не слышал, чтобы Роланд говорил таким тоном. – Ты закончил уже? Нет, по-моему, правильно?

– Да... не совсем. – Эдди провел большим пальцем по третьей зарубке и по s-образному завитку на конце. – Нужно еще доработать вот эту впадинку и подправить чуть-чуть завиток на конце. Не знаю, откуда такая уверенность у меня, я просто знаю, что мне еще нужно сделать.

– Это и есть твой секрет. – Это был не вопрос.

– Да. Мой секрет. Знать бы еще, какой.

Роланд повернул голову в сторону. Проследив за направлением его взгляда, Эдди увидел Сюзанну. При этом он испытал несказанное облегчение из-за того, что не он, а Роланд первым услышал, что Сюзанна проснулась.

– Что это вы, мальчики, припозднились? Чем занимаетесь? Сплетничаете помаленьку? – Увидев в руке у Эдди ключ, Сюзанна кивнула, довольная. – А я все думала, когда же ты все-таки соберешься нам его показать. А знаешь, мне нравится. Симпатично. Не знаю, зачем он и что с ним делать, но выглядит, черт побери, симпатично.

– Ты, то есть, и сам еще не представляешь, какую дверь он откроет? Или должен открыть? – спросил Роланд у Эдди. – Это в твой кхеф не входило?

– Нет... но он, может, на что-нибудь и сгодится, пусть даже он пока не закончен. – Эдди протянул ключ стрелку. – Я хочу, чтобы он был у тебя.

Роланд даже не шевельнулся, чтобы взять ключ. Он только внимательно посмотрел на Эдди.

– Почему?

– Потому что... ну... потому что мне, кажется, кто-то сказал, чтобы я отдал его тебе.

– Кто?

«Этот твой мальчик, – подумал вдруг Эдди, и как только мысль эта пришла к нему, он понял, что это правда. – Твой треклятый мальчишка».

Но вслух он этого не сказал. Ему вообще не хотелось упоминать сейчас про мальчугана. Иначе Роланд мог опять съехать с катушек.

– Не знаю. Но мне кажется, стоит попробовать.

Роланд медленно протянул руку, чтобы взять ключ. Едва только он прикоснулся к нему, ключ как будто зажегся вспышкой яркого света, но лишь на долю секунды, так что Эдди не был уверен даже, что он вообще это видел. Может, это было всего лишь отражение звездного света.

Роланд сжал в руке ключ, «вырастающий» из деревяшки. Поначалу лицо его оставалось бесстрастным. Потом он нахмурился вдруг и склонил голову набок, как будто прислушиваясь.

– Что такое? – спросила Сюзанна. – Ты слышишь...

– Тс-с-с! – Растерянность на лице Роланда постепенно сменилась искренним изумлением, смешанным с восхищением. Он посмотрел на Сюзанну, потом снова – на Эдди. Глаза его переполнялись, казалось, каким-то великим чувством, как кувшин, погруженный в источник, наполняется чистой водой.

– Роланд? – Эдди почему-то встревожился. – С тобой все в порядке?

Роланд что-то прошептал, но Эдди не расслышал, что именно.

Сюзанна вроде бы испугалась чего-то. Она в отчаянии посмотрела на Эдди, как будто спрашивая: «Что ты с ним сделал?»

Эдди взял ее за руки.

– Все, по-моему, нормально.

Роланд так крепко сжал в кулаке деревянный ключ, что на мгновение Эдди даже испугался, как бы стрелок его не сломал, но дерево было крепким, а ключ Эдди вырезал толстым. Стрелок тяжело вздохнул; кадык его приподнялся и беспомощно опустился, как будто он силился что-то сказать и не мог. А потом Роланд вдруг запрокинул голову и выкрикнул в небеса чистым и сильным голосом:

– ИХ БОЛЬШЕ НЕТ, ГОЛОСОВ! ИХ НЕТ!

Он опять повернулся к ним, и тут Эдди увидел такое, чего он не чаял увидеть за всю свою жизнь... даже если б она растянулась на тысячу лет.

Роланд из Гилеада плакал.

Этой ночью, впервые за долгие месяцы, стрелок спал крепко и без сновидений – спал, зажав в руке деревянный ключ, который еще надо было закончить.

А там, в другом мире, но под сенью того же ка-тета, Джейку Чемберсу снился сон – самый яркий и самый живой из всех, ему сновившихся в жизни.

Он шел по древнему лесу, пробираясь сквозь непролазные заросли – сквозь мертвую зону поваленных деревьев и колючих кустов, что так и цеплялись ему за штанины и норовили сорвать с ног кроссовки. Потом он выбрался к редкой рощице молодых деревьев (ольхи, как ему показалось, или, быть может, бука... в конце концов, он был мальчиком городским и разбирался в деревьях слабо. Наверняка же знал только одно: на одних растут листья, а на других – иголки) и обнаружил тропинку. Зашагал по ней, чуть ускорив шаги. Кажется, впереди виднелась какая-то поляна.

Но еще до поляны Джейк остановился, заметив справа какой-то камень, вроде бы указатель. Он даже сошел с тропы, чтобы получше его рассмотреть. Там были буквы, выдолбленные на камне, но они давным-давно стерлись, так что их уже невозможно было разобрать. В конце концов Джейк закрыл глаза (раньше он никогда так не делал в снах) и принялся водить пальцами по буквам, точно слепой, читающий азбуку Брайля. Буквы выстроились в темноте перед закрытыми веками – выстроились в предложение, загоревшееся голубым светом:

ЗНАЙ, ПУТНИК, ДАЛЬШЕ – СРЕДИННЫЙ МИР

Джейк, спящий в своей постели, подтянул колени к груди. Рука, сжимавшая ключ, лежала сейчас под подушкой, и там она сжалась крепче.

«Срединный Мир, – подумалось Джейку во сне. – Ну конечно. Сент-Луис и Топека, Страна Оз и Всемирная ярмарка. И Чарли Чу-Чу».

Там, во сне, он открыл глаза и зашагал к поляне, маячившей за деревьями. Она была вымощена старым потрескавшимся асфальтом. В самом центре ее желтел блеклый круг, очерченный яркой когда-то краской.

Джейк понял, что это такое – баскетбольная площадка! – до того еще, как заметил другого мальчика. Он стоял в самом дальнем ее конце, у штрафной линии, и упорно бросал в корзинку пыльный и старый мяч фирмы «Уилсон». Мяч всякий раз попадал точно в кольцо, на котором не было сетки. Кольцо крепилось на некоей странной конструкции, похожей на будку у входа в подземку, закрытую на ночь. Закрытую ее дверь пересекали косые полосы. Желтые попеременно с черными. Из-за будки – или, может быть, из-под нее – доносился размеренный гул каких-то мощных механизмов. Этот звук почему-то встревожил Джейка. Даже напугал.

«Не наступи на роботов, – выкрикнул, не оборачиваясь, мальчишка, кидающий мяч. – Они, по-моему, вседохлые, но на твоём месте я бы не стал рисковать».

Джейк огляделся вокруг и увидел разбросанные по всей площадке обломки каких-то странных механизмов. Один походил на крысу, другой – на летучую мышь. А почти у него под ногами валялась ржавая механическая змея, разломанная на две части.

«Ты – это, СЛУЧАЙНО, не я?» – спросил Джейк, сделав ещё один шаг по направлению к мальчику с мячом «Уилсон», но прежде чем тот обернулся к нему, Джейк уже понял, что это не так. Мальчик был выше его и крупнее. И старше. Лет тринадцать, как минимум. Волосы у него были темнее, а когда он поглядел на Джейка, тот увидел, что глаза у мальчишки карие. У Джейка же были глаза голубые.

«А ты сам как думаешь?» – спросил незнакомый мальчишка и, ударив мячом о землю, передал пас Джейку.

«Нет. Нет, конечно,» – выдавил Джейк извиняющимся тоном. Просто в последние три недели со мной что-то творится странное. Меня как будто надвое раздирает. Он похлопал мячом об асфальт и швырнул его в корзину почти с середины поля. Мяч описал в воздухе высокую дугу и бесшумно упал, пролетев через кольцо. Джейк был в восторге... но вместе с тем он боялся. И он даже понял, чего боится: того, что может сказать ему этот странный чужой мальчишка.

«Я знаю, – сказал странный мальчик. – Трудное времечко было, а?» На нем были повылинявшие хлопчатобумажные шорты в полоску и желтая футболка с надписью: В СРЕДИННОМ МИРЕ НЕ ЗНАЮТ СКУКИ. На лбу повязан зелёный платок, чтобы челка не падала на глаза. И перед тем, как все будет опять хорошо, сначала станет ещё хуже.

«Что это за место? Куда я попал? – спросил Джейк. – И кто ты?»

«Это Врата Медведя... но и Бруклин тоже».

Такой ответ, казалось бы, не имеет смысла, и все-таки смысл в нем

был. Джейк даже напомнил себе, что так всегда и бывает в снах, вот только сон этот был очень странным. Он не чувствовался как сон. Не воспринимался сном.

«А кто я такой, это не суть важно, – сказал незнакомый мальчишка и бросил мяч через плечо, не глядя. Мяч взлетел высоко в воздух и попал точно в кольцо. – Я просто должен тебя проводить, вот и все. Я тебя отведу туда, куда тебе нужно прийти, покажу тебе то, что тебе нужно увидеть, но тебе надо будет вести себя осторожно, потому что я сделаю вид, будто мы незнакомы. Если поблизости есть незнакомые люди, Генри обычно психует. А когда он психует, к нему лучше не подходить. К тому же, он тебя старше. Сильнее».

«Кто это – Генри?»

«Не важно. Просто ты постарайся, чтобы он тебя не заметил. Тебе нужно только идти за нами... и не терять нас из виду. А потом, когда мы уйдем...»

Мальчик внимательно посмотрел на Джейка. В глазах его жалость мешалась со страхом. Внезапно Джейк осознал, что мальчишка как будто тает... сквозь желтую его футболку уже начинали проглядывать черные с желтым полосы на двери будки.

«А как я тебя найду?» – Джейк вдруг испугался, что этот мальчишка исчезнет – растает – не успев рассказать ему все, что ему нужно знать.

«Без проблем, – отозвался тот. Голос его прозвучал точно звенящее эхо, как-то странно и жутко. – Садись в подземку и поезжай до Ко-Оп Сити. Там ты меня и найдешь».

«Нет, не найду! – в панике выкрикнул Джейк. – Ко-Оп Сити большой! Там столько людей живет... сто тысяч, наверное!»

Теперь незнакомый мальчишка превратился в туманный и призрачный силуэт. Только карие его глаза не исчезли. Они остались, как улыбка чеширского кота в «Алисе». Они смотрели на Джейка с сочувствием и тревогой. Без проблем, повторил он. Ключ ты нашел. Розу – тоже. Точно так же найдешь и меня. Сегодня, Джейк, после обеда. Часа в три. Да, в три часа – в самый раз. Только тебе нужно действовать осторожно и быстро. – Он замолчал на мгновение, призрачный мальчик со стареньким баскетбольным мячом, что лежал у прозрачной его ноги. Мне пора уже... было приятно с тобой познакомиться. Похоже, ты парень что надо, не зря же он любит тебя. Однако, опасность еще существует. Будь осторожен... и действуй быстро.

«Подожди!» – крикнул Джейк и бросился через площадку к исчезающему мальчишке. На бегу он споткнулся об одного из разломанных

роботов. О того, что был похож на игрушечный детский трактор. Не устояв на ногах, Джейк упал на колени, продрав штанины. Не обращая внимания на жгучую боль, он продолжал кричать: «Подожди! Ты мне не все еще рассказал! Ты должен мне много чего рассказать! Объяснить, почему это все происходит! И почему – со мной?!»

«Из-за Луча, – отозвался мальчишка, который теперь превратился лишь в пару парящих в пространстве глаз. – И еще из-за Башни. В конечном итоге все служит ей, Темной Башне, даже Лучи. Думаешь, ты какой-то особенный? Думаешь, ты отличаешься чем-то?»

Джейк рывком вскочил на ноги.

«А его я найду, стрелка?»

«Я не знаю, – ответил мальчик. Теперь голос его звучал словно издали, за тысячу миль отсюда. – Я знаю только одно: ты должен попробовать. Насчет этого, если честно, выбора у тебя нет.»

Мальчишка исчез. Баскетбольная площадка посреди дикого леса теперь опустела. Все затихло, остался лишь гул механизмов под будкой, но Джейку не нравился этот звук. Что-то в нем было не то, и Джейку подумалось вдруг почему-то, что неполадки и сбои этого механизма как-то воздействуют и на розу. Или, может быть, наоборот. Все здесь взаимосвязано, странным образом сплетено воедино.

Он поднял с асфальта старый потертый мяч и бросил его в корзину. Мяч попал точно в кольцо... и пропал.

«Река, – выдохнул напоследок голос незнакомого мальчика. Голос легкий, как дуновение ветерка. Голос, идущий словно бы ниоткуда и отовсюду. – Ответ на загадку: река».

Джейк проснулся с первым молочным лучом рассвета, но встал не сразу, а еще долго валялся в постели, глядя в потолок. Он думал о том мужчине в «Манхэттенском ресторане для ума», Эроне Дипное, который шатался по Бликер-стрит еще тогда, когда Боб Дилан только выучился извлекать верхнюю G из своей старой гитары. Эрон Дипной загадал Джейку загадку.

Нету ног, но на месте она не стоит, Ложе есть, но не спит, Не котел, но бурлит, Не гроза, но гремит, Нету рта, но она никогда не молчит.

Теперь он знал ответ. Река. У реки нету ног, но она не стоит на месте, у

реки есть ложе, она бурлит и гремит, стало быть, никогда не молчит. Ответ подсказал ему мальчик из сна.

И тут Джейк вдруг вспомнил еще кое-что из того, что говорил ему Эрон Дипной: «Это лишь половина ответа. Загадка Самсона – двойная, мой юный друг».

Джейк посмотрел на часы у кровати. Двадцать минут седьмого. Пора вставать, если он собирается выйти из дома до того, как проснуться родители. На сегодня школа отменяется; Джейк подумал, что, будь его воля, он бы вообще отменил ее, может быть, навсегда.

Отбросив в сторону одеяло, Джейк опустил ноги на пол и вдруг увидел, что у него поцарапаны обе коленки. Причем, царапины свежие. Вчера, когда он упал, поскользнувшись на кирпичках, он отбил себе бок, так что теперь там громадный синяк, а потом еще стукнулся головой о кирпич, когда хлопнулся в обморок возле розы, но на колени он точно не падал.

– Это случилось во сне, – прошептал Джейк вслух и, как ни странно, не удивился. Он принялся быстренько одеваться.

5

Из самого дальнего угла шкафа, из-под груды старых кроссовок без шнурков и кипы комиксов про человека-паука, Джейк извлек свой старенький ранец, с которым ходил еще в начальную школу. Лучше, наверное, сразу отбросить коньки, чем заявиться в школу Пайпера с ранцем – так примитивно и так по-плебейски, моя дорогая, – и как только Джейк взял его в руки, на него вдруг накатила волна ностальгии по тем, былым, временам, когда жизнь казалась такой простой.

Он сунул в ранец чистую рубашку, чистую пару джинсов, смену белья, несколько пар носков. Потом уложил еще «Чарли Чу-Чу» и «Загадки». Прежде чем сунуться в шкаф, Джейк положил ключ на стол, и голоса тут же вернулись обратно, однако звучали они приглушенно, словно издалека. К тому же он твердо знал, что теперь в его силах прогнать их снова, стоит только взять ключ. Поэтому нечего было тревожиться.

«Ну вот. Кажется, все, – сказал он себе, глядя в ранец. – Даже с книгами места осталось достаточно. Что еще?»

Вроде бы ничего... но тут он вдруг понял, что едва не забыл одну вещь.

В кабинете отца пахло дымом от сигарет и отдавало душком честолубия.

Надо всем в кабинете царил исполинских размеров письменный стол из тикового дерева. Прямо напротив него на стене, которая в кабинетах обычно отводится под книжные полки, располагались три телеэкрана «Мицубиси». Каждый из них был настроены на один из трех конкурирующих каналов, и по ночам, когда отец поздно засиживался у себя, они выдавали все «новейшие достижения противника», но чисто зрительно – звук отец выключал.

Шторы были задернуты, и Джейку пришлось включить настольную лампу. Он страшно нервничал. Еще бы – без спросу вломиться к отцу в кабинет! Если бы папа проснулся сейчас и застал его здесь (а такое не исключено; не зависимо от того, как он поздно ложился и сколько пил накануне, Элмер Чемберс всегда спал очень чутко и вставал спозаранку), он бы здорово распсиховался. Что значительно осложнило бы Джейку задачу: незаметно уйти из дому. И это, как говорится, были бы только цветочки. Чем он быстрее уберется отсюда, тем лучше.

Ящик стола оказался заперт, но Джейк знал, где хранится ключ. Отец и не делал из этого тайны. Джейк выудил ключ из-под книги записей, открыл третий ящик и, просунув руку между файловых папок, нащупал холодный металл.

В коридоре скрипнула половица. Джейк застыл. Прошло несколько секунд, но скрип больше не повторился. Джейк вытащил пистолет, который папа держал у себя для «домашней обороны» – автоматический «рюгер» 44-го калибра. В тот день, когда папа купил пистолет, он его с гордостью продемонстрировал Джейку – это было два года назад. При этом папа остался глух к истерически-нервным материным просьбам убрать «эту штуку» подальше, пока никто не пострадал.

На боку пистолета Джейк нашел кнопку, освобождающую зажим обоймы. С тихим щелчком, который в тихой квартире прозвучал оглушительным грохотом, она выпала прямо ему на ладонь. Джейк опять оглянулся с опаской на дверь, а потом принялся изучать обойму. Заряжена полностью. Он собрался было вставить ее обратно, но передумал. Одно дело – держать заряженный пистолет в закрытом ящике стола, совсем другое – разгуливать с ним по Нью-Йорку.

Он уложил пистолет на самое дно ранца, снова залез в третий ящик и

вытащил из-за файловых папок коробку с патронами, полную наполовину. Джейк вспомнил, что одно время отец упражнялся в стрельбе в тире полицейского участка на Первой-Авеню, но потом потерял к этому интерес.

Снова скрипнула половица. Надо бы убираться отсюда немедленно – от греха подальше.

Но, пересилив себя, Джейк вынул из ранца рубашку, расстелил ее на отцовском столе и завернул в нее и обойму, и коробку с патронами. Потом уложил этот сверток в рюкзак и закрыл рюкзак на замок. Он собрался уже уходить, как вдруг его взгляд задержался случайно на небольшой стопке почтовой бумаги рядом с «корытом» исходящей/входящей документации. Поверх стопки лежали зеркальные солнечные очки, папины любимые. Джейк взял лист бумаги, потом, немного подумав, забрал и очки. Положил их в нагрудный карман, вынул тонкую «золотую» ручку из подставки письменного прибора и написал сразу под шапкой на фирменном бланке: «Дорогие папа и мама».

Тут он остановился и, нахмурившись, уставился на обращение. Хорошо, а что дальше? Что он, собственно, собирается им сообщить? Что он их любит? Это правда, но этого мало – к этой, пусть главной, истине лепятся много других, не таких приятных, точно стальные спицы, воткнутые в клубок. Что он будет по ним скучать? Он и сам не знал, правда это или нет, и это было ужасно. Что он очень надеется, что они будут скучать по нему?

Внезапно он понял, в чем суть проблемы. Если бы он собирался уйти только на день, на сегодня, он бы нашелся, что написать. Но Джейк был почти что уверен: это будет не день, не неделя, не месяц и даже не три летних месяца школьных каникул. Он вдруг понял, что на этот раз, стоит ему только выйти из этой квартиры, он больше уже никогда не вернется сюда.

Он хотел уже скомкать листок бумаги, но потом все-таки передумал и написал: «Пожалуйста, поберегите себя, ваш Дж.». Вышло, конечно, коряво, но это – хотя бы что-то.

Вот и славно. А теперь хватит уже испытывать судьбу – пора сваливать.

Так он и сделал.

В квартире царила едва ли не мертвая тишина. Джейк на цыпочках перебрался через гостиную, напряженно прислушиваясь. Но слышал он только дыхание спящих родителей: тихое – мамы, легонько сопящей во сне, и носовые всхрапы отца, каждый вдох которого завершался высоким и тонким присвистом. Когда Джейк вышел в прихожую, на кухне включился

холодильник. Джейк на мгновение замер на месте, сердце бешено заколотилось в груди. В следующий миг он уже был у двери. Стараясь по возможности не шуметь, Джейк отпер дверь, вышел к лифту и тихонько прикрыл ее за собой.

Легонько щелкнул замок. Как только это произошло, у Джейка как будто камень с души упал, а сам он преисполнился вдруг предвкушением чего-то важного. Он не знал, что его ждет впереди. У него были причины предположить, что это будет опасное приключение... но ему было всего-то одиннадцать лет и он не умел еще сдерживать свой восторг. Перед ним лежал дальний путь – сокрытый и тайный путь в глубину неизвестной страны. Ему откроются многие тайны, если только он сможет понять их... и если ему повезет. Он вышел из дома в лучах рассвета, и впереди его ждали страшные опасности и невероятные приключения.

«Если я выстою и буду искренним, я увижу ее опять, розу, – сказал он себе, вызывая лифт. – Я это знаю... и еще я увижу его».

От одной только мысли он преисполнился пыла и рвения, граничащего с настоящим экстазом.

Три минуты спустя Джейк вышел из-под козырька, нависающего над подъездом дома, в котором он прожил всю жизнь. Помедлив мгновение, он повернул налево. Выбор его не казался случайным, да он и не был таким. На юго-восток, вдоль «дорожки» Луча, шагал Джейк, возобновивший свой прерванный поиск Темной Башни.

С того дня, когда Эдди отдал Роланду свой незаконченный ключ, миновало уже двое суток. Путешественники – разгоряченные, потные, измотанные и все трое явно не в настроении – продрались через особенно мерзкие заросли не в меру разросшегося кустарника и молодого подлеска и обнаружили две почти незаметных тропинки, бегущие параллельно под сенью смыкающихся и сплетенных вверху ветвей старых деревьев, что подступали почти что вплотную к ним. При более тщательном рассмотрении Эдди решил, что это вовсе не две тропинки, а след от древней, давно заброшенной дороги. Кустарник и чахлые деревца выросли покосившейся перегородкой вдоль выпуклой части ее поперечного профиля. Старая колея – две вдавленные полосы, заросшие травой – оказалась достаточно широка и вполне подходила под кресло – коляску

Сюзанны.

– Гип-гип-ура! – закричал Эдди. – Это надо обмыть!

Роланд кивнул, снял с себя бурдюк с водой, который носил обернутым вокруг пояса, и протянул его первой Сюзанне – она сидела на своей «шлейке» у него за спиной. При каждом движении стрелка у него под рубашкой легонько покачивался деревянный ключ, отданный ему Эдди. Роланд повесил его на шею на сыромятном шнурке. Сюзанна глотнула воды и передала бурдюк Эдди. Напившись, Эдди принялся раскладывать кресло-коляску. Он давно успел возненавидеть это громоздкое и неуклюжее сооружение, которое ему приходилось в последнее время тащить на себе; точно громадный железный якорь, оно висело на них тяжким грузом, существенно их задерживая. Но сохранилась коляска неплохо, не считая разве что парочки сломанных спиц. Бывали дни, когда Эдди казалось, что это чертово креслице переживет их всех. Теперь, однако, его опять можно было использовать по назначению... хотя бы какое-то время.

Эдди помог Сюзанне выбраться из «шлейки» и сесть в коляску. Она закинула руки за голову и от души потянулась, сморщившись от удовольствия. Эдди с Роландом расслышали даже, как хрустнули, растянувшись, ее позвонки.

Чуть впереди из зарослей леса высунул морду зверь, похожий на помесь барсука с енотом. Он уставился на путешественников своими большими, с золотым ободком глазами, дернул острой усатой мордочкой, словно бы говоря: «Ну и ну! Ничего себе!», важно прошлепал через дорогу и скрылся в зарослях леса на той стороне. Эдди успел рассмотреть его хвост – длинный и скрученный, точно покрытая мехом пружина.

– Это что за зверюга, Роланд?

– Ушастик-путаник.

– Его едят?

Роланд покачал головой.

– Мясо жесткое. Кислое. Я бы лучше собаку съел, честное слово.

– А ты что, их ел? – любопытствовала Сюзанна. – Я имею в виду, собак.

Роланд кивнул, не вдаваясь в подробности. Эдди вдруг вспомнилась фраза из одного старого фильма с участием Пола Ньюмана: «Да, леди, случалось со мной и такое – ешь собак и живешь как собака».

Где-то в ветвях весело заливались птицы. Вдоль дороги тянуло легким ветерком. Эдди с Сюзанной разом подставили лица этому дуновению, преисполнившись самой искренней радости, и улыбнулись, взглянув друг на друга. Эдди снова – в который раз – осознал, как он ей благодарен... да,

это всегда страшновато, когда есть кто-то, кого ты любишь... но и прекрасно тоже.

– А кто проложил здесь дорогу? – спросил Эдди Роланда.

– Люди, которых давным-давно нет, – отозвался тот.

– Те же самые люди, что сделали все эти чашки и блюда, которые мы находили? – уточнила Сюзанна.

– Нет... другие. Как я понимаю, когда-то по этой дороге ходили кареты, и если она еще не заросла окончательно после стольких лет, выходит, она была немаловажной... кто знает, может быть, это остатки Великого Тракта. Если ее раскопать, мы бы, возможно, дорылись до гравия или вообще до дренажной системы. И раз уж мы здесь, я предлагаю немного перекусить.

– Еда! – в неподдельном восторге воскликнул Эдди. – Вынимай все, что есть! Цыпленок по-флорентийски! Полинезийские креветки! Парная телятина, жаренная с грибами и...

– Уймись, белячок, – толкнула его локтем Сюзанна.

– Не могу, – весело отозвался Эдди, – у меня слишком богатое воображение.

Роланд снял с плеча свой мешок и, склонившись над ним, принялся выкладывать их скромный обед из вяленого мяса, завернутого в листья оливкового цвета. Эдди с Сюзанной знали уже, что по вкусу они слегка напоминают шпинат, только гораздо острее.

Эдди подкатил кресло с Сюзанной поближе, и Роланд передал ей три «стрелецких голубца», как обозвал их Эдди. Без лишних слов она принялась за еду.

Повернувшись обратно к стрелку, Эдди увидел, что вместе с тремя кусочками мяса в листьях Роланд протягивает ему кое-что еще. Ясеновый брусочек с ключом, «вырастающим» из него. Роланд снял его с кожаного шнурка, который так и остался висеть у него на шее, свободно болтаясь.

– Эй, ты чего? – Эдди не понял. – Я же тебе его дал!

– Когда я снимаю его, голоса возвращаются, но теперь словно бы издалека, – объяснил Роланд. – Теперь я могу с ними справиться сам. Если честно, я слышу их даже тогда, когда он у меня... но, знаешь, как голоса людей, которые переговариваются негромко на другой стороне холма. Это, наверное, потому, что ключ еще не закончен. Ты за него и не брался за эти два дня, пока я его носил.

– Ну... ты же носил его, и я не хотел...

Роланд ничего не сказал, он только пристально посмотрел на Эдди своими как будто выцветшими голубыми глазами, и взгляд его был

исполнен терпения учителя к ученику.

– Ну хорошо, – сдался Эдди. – Я просто боюсь его запороть. Теперь ты доволен?

– Если верить твоему брату, ты всегда все запарывал... правда? – вдруг спросила Сюзанна.

– Сюзанна Дин, выдающийся психолог всех времен и народов. Ты загубила в себе величайший талант, дорогая моя. Не поняла, в чем твое истинное призвание.

Его неприкрытый сарказм не обидел Сюзанну. Приподняв бурдюк с водой на локте – так краснокожие пьют из кувшина, – она сделала жадный глоток.

– Но все равно я права? Или нет?

Эдди подумал вдруг о рогатке, которую он тоже так до сих пор и не закончил – во всяком случае, пока, – и только плечами пожал, не сказав ни слова.

– Ты должен закончить его, – мягко проговорил Роланд. – Мне кажется, близится время, когда он тебе понадобится.

Эдди открыл было рот, но потом передумал. Легко сказать – «должен закончить»! Постороннему человеку – легко, но ни Роланд, ни Сюзанна не поняли, кажется, самого главного. На этот раз Эдди не мог ограничиться ни семьюдесятью, ни восьмьюдесятью, ни девяноста восемью с половиной процентами. Нет. А если он все же запретит работу, он не сможет на этот раз просто так выкинуть неудавшуюся поделку и напрочь о ней забыть. Во-первых, он больше не видел здесь ясеневых деревьев с того самого дня, когда срезал вот эту ветку. Но самое главное, он понимал: тут уже или все, или ничего. Середины нет. Если он сейчас напорочит с ключом пусть даже самую малость, ключ, когда дело дойдет до того, чтобы отпереть нужную дверь, просто не провернется в замочной скважине. И эта маленькая загогулина на конце... он все не давала ему покоя. Вроде бы сложного ничего нет, но если изгиб будет хоть чуточку отличаться...

В таком виде, какой он сейчас, он действительно никуда не годится, и ты это знаешь.

Эдди вздохнул, пристально глядя на ключ. Да, хотя бы что-то он знает наверняка. Он должен закончить свою работу. Должен хотя бы попробовать. Его страхи – боязнь все испортить – будут очень ему мешать. Но придется ему перебороть свой страх и все равно попытаться. Может быть, у него и получится. Одному Богу известно, сколько пришлось ему испытать и побороть в себе за все эти недели, что прошли с того памятного поворотного дня, когда Роланд ворвался в его сознание на борту самолета,

заходящего на посадку в аэропорту Джонна Кеннеди. Уже то, что он жив и находится в здравом рассудке, само по себе – достижение немалое.

– Ты пока поноси его, – сказал Эдди, протянув ключ обратно Роланду – Вечером, после ужина, я за него возьмусь.

– Обещаешь?

– Ага.

Роланд кивнул, забрал ключ и снова повесил его на шнурок на шее. Ему пришлось повозиться с узлом, но Эдди все же заметил, как ловко, пусть даже и медленно, стрелок управляется правой рукой, а ведь на ней не хватало двух пальцев. Воистину поразительна человеческая способность – приспосабливаться ко всему!

– Что-то такое должно случиться. Да? – вдруг спросила Сюзанна. – И уже скоро.

– С чего это ты взяла? – Эдди внимательно на нее посмотрел.

– Послушай, Эдди, ведь мы как бы спим с тобой вместе, и для меня не секрет, что тебе теперь каждую ночь снятся сны. Иногда ты во сне разговариваешь. Вряд ли тебя донимают кошмары, но в одном я уверена: что-то в башке у тебя происходит.

– Да. Что-то там происходит. Знать бы еще – что именно!

– В снах таится великая сила, – заметил Роланд. – Ты вообще ничего не помнишь, что тебе снилось в последнее время?

Какое-то время Эдди молчал в нерешительности.

– Кое-что помню, – выдал он наконец. – Но они очень сумбурные, эти сны. Часто мне снится, что я снова мальчишка. Школьник. Вот это я помню. Уроки закончились. Мы с Генри режемся в баскетбол на старой площадке, что была на Маркей-Авеню. Сейчас там здание суда для несовершеннолетних правонарушителей. Я хочу, чтобы Генри сводил меня в одно место в Дач-Хилле. К одному старому дому. Местные называли его – «Особняк». И все говорили, что в доме живут привидения. Может, они там и жили, не знаю. Знаю только, что там было страшно. То есть, по-настоящему страшно.

Эдди покачал головой, погрузившись в воспоминания.

– Впервые за столько лет я почему-то вспомнил про Особняк, когда мы были на той поляне, у медвежьего логова, и я прислонился башкой к этой дурацкой будке. Не знаю... быть может, поэтому мне и начали сниться сны.

– Но ты не уверен, – сказала Сюзанна.

– Вот именно. Мне кажется, то, что со мной происходит, гораздо сложнее, чем просто какие-то воспоминания.

– А вы с братом ходили в то место? – спросил Роланд.

– Да... я его уговорил.

– Что-нибудь там с вами произошло?

– Ничего. Но мне все равно было страшно. Мы постояли там и посмотрели на дом, а потом Генри начал меня дразнить... говорил, что заставит меня войти и взять там какой-нибудь сувенирчик на память, что-то вроде того... но я знал, что он просто так шутит. Пугает меня. Потому что он сам был напуган не меньше меня.

– И это все? – напирала Сюзанна. – Тебе просто снится то место? Дом с привидениями? Особняк? Как вы туда идете?

– Нет, не только. Появляется кто-то еще... только он не подходит, а держится поодаль. Я его вижу, во сне, всегда вижу, но... как бы это сказать... краем глаза, ну, вы понимаете? И твердо знаю одно: мы должны делать вид, будто мы незнакомы.

– А в тот день, когда вы ходили туда, там действительно кто-то был? – поинтересовался Роланд, пристально глядя на Эдди. – Или он только во сне появляется, этот «кто-то»?

– Не помню уже. Это было давно. Мне тогда было не больше тринадцати. Как я мог все запомнить?

Роланд молчал.

– Ну хорошо, – сдался в конце концов Эдди. – Да. Мне кажется, он там был. Какой-то мальчишка со спортивной сумкой или рюкзаком за плечами, я точно не помню. И в солнцезащитных очках, явно ему больших. Такие, знаете, с зеркальными стеклами.

– И кто это был? – спросил Роланд.

Эдди надолго задумался. У него еще оставался последний «голубец *a la* Роланд», но аппетит вдруг пропал.

– Мне кажется, это тот мальчик, с которым ты встретился на дорожной станции, – выдавил он наконец. – Мне кажется, это твой старый друг Джейк шел за нами в тот день, когда мы с Генри отправились в Дач-Хилл. По-моему, он за нами следил. Потому что ему тоже слышатся голоса, так же, как и тебе, Роланд. И еще потому, что мы с ним видим друг друга во сне, я – его, он – меня. У нас общие сны. И, мне кажется, то, что я помню, что со мной как бы было... все это происходит сейчас, только во времени Джейка. Парень пытается возвратиться сюда. Он скоро отважится на последний шаг, и если я не закончу к этому времени ключ... или вдруг не сумею доделать его, как нужно... тогда он, вероятно, погибнет. То есть, это не исключено.

– Может быть, у него есть свой ключ, – задумчиво проговорил Роланд. – Возможно такое, как ты считаешь?

– Да, мне кажется, у него есть ключ. Только этого мало. – Тяжело вздохнув, Эдди убрал последний свой «голубец» в карман. На потом. – Но он, по-моему, этого не знает.

Они пошли дальше, по левой колее. Эдди с Роландом сменяли друг друга, толкая по очереди коляску, в которой сидела Сюзанна. Коляска подпрыгивала на ухабах, ее то и дело швыряло из стороны в сторону, и время от времени им приходилось приподнимать коляску, чтобы перетащить ее через камни, торчавшие из земли, точно старые почерневшие зубы. Но они все равно продвигались быстрее, чем за всю последнюю неделю. Дорога шла в гору. Раз оглянувшись через плечо, Эдди увидел, что лес у них за спиной постепенно уходит вниз широкими уступами наподобие ступеней пологой лестницы. На северо-западе, вдалеке, виднелась полоска воды. Там были скалы, прорезанные сетью глубоких трещин. И по ним протекала река. С удивлением Эдди понял, что это – то самое место, которое они окрестили своим «полигоном», теперь почти скрытое в мареве сонного летнего дня.

– Смотри, куда едешь, парниша! – резко окликнула его Сюзанна. Эдди опять повернулся вперед. Как раз вовремя, чтобы не въехать коляской в Роланда. Тот, как выяснилось, встал на месте и внимательно вглядывался в гущу кустарника слева от колеи.

– Предупреждаю: еще раз подобное повторится, и я у вас отбираю водительские права, – съязвила Сюзанна.

Эдди, следящий за направлением взгляда Роланда, пропустил ее реплику мимо ушей.

– Что там такое?

– Сейчас поглядим. – Роланд повернулся, приподнял Сюзанну с коляски и усадил ее себе на бедро.

– Опустит тетку обратно, силач... дама сама в состоянии передвигаться. И не хуже вас, мальчики, если хотите знать.

Роланд осторожно опустил Сюзанну на заросшую травой колею. Эдди внимательно вглядывался в чашу леса. День уже близился к вечеру, и свет его путался в паутине переплетенных теней, но вскоре ему показалось, что он что-то видит. Внимание Роланда, похоже, привлек большой серый камень, едва различимый за буйной порослью дикого винограда и ползучих

побегов.

С неуловимой змеиной грацией Сюзанна скользнула в заросли у края дороги. Роланд и Эдди последовали за ней.

– Указатель какой-то, да? – Опираясь на руки, Сюзанна внимательно изучала прямоугольную каменную плиту. Когда-то камень стоял вертикально, но теперь пьяно склонился набок, точно древнее покосившееся надгробие.

– Да. Дай мне нож, Эдди.

Передав ему нож, Эдди присел на корточки рядом с Сюзанной. Роланд тем временем принялся остервенело срезать побеги дикого винограда, оплетавшие каменную плиту. Под ними открылись стершиеся буквы, выбитые в камне. Стрелок не успел очистить и половины, а Эдди уже догадался, что там написано:

ЗНАЙ, ПУТНИК, ДАЛЬШЕ – СРЕДИННЫЙ МИР

Сюзанна первой нарушила затянувшееся молчание.

– И что это значит? – тихо спросила она, и в ее голосе явственно слышался благоговейный страх. Взгляд ее возвращался опять и опять к серому каменному постаменту.

– Это значит, что первый этап пути мы почти прошли, – ответил Роланд с лицом задумчивым и серьезным, возвращая нож Эдди. Мы и дальше, я думаю, будем держаться этой древней проезжей дороги... вернее, если так можно сказать, она будет держаться нас. Она тоже идет по пути Луча. Уже скоро мы выйдем из леса. Я ожидаю больших перемен.

– А что еще за Срединный Мир? – спросил Эдди.

– Одно из самых великих и самых больших королевств, чье владычество в прежние времена было почти безграничным на этой земле. Царство надежды, знания и света... всего, за что и мы тоже боролись у нас в стране, пока ее не накрыла тьма. Когда-нибудь, если у нас будет время, я расскажу вам все древние саги... те, которые знаю. Из них, как из множества нитей, сплетен гобелен сказаний. Очень красивый и очень печальный. Как повествуется в древних легендах, когда-то у самой границы Срединного мира стоял большой город... не меньше, наверное, чем ваш

Нью-Йорк. Сейчас он, должно быть, лежит в руинах. А то, может статься, даже руин от него не осталось. Но там могут быть люди... или чудовища... или и те, и другие. Так что нам надо держаться настороже.

Он протянул вперед искалеченную правую руку и прикоснулся к надписи на камне.

– Срединный Мир, – медленно произнес стрелок. – Кто бы мог подумать...

Он не договорил, но Эдди понял, что он хотел сказать.

– И с этим уже ничего не поделаешь, да?

Стрелок покачал головой.

– Ничего.

– Как, – неожиданно обронила Сюзанна, и оба, Роланд и Эдди, пристально на нее посмотрели.

10

Еще часа два оставалось, наверное, до заката, и путешественники, не тратя времени даром, отправились дальше. Дорога по-прежнему пролегла на юго-восток, вдоль Луча, только теперь в нее влились еще две дорожки поменьше, тоже густо заросшие травой. Вдоль второй, сбоку, тянулись остатки когда-то высокой каменной стены, теперь – обвалившейся и покрытой мхом. Неподалеку, среди руин, расположилось ушастики. Дюжина толстых зверюг. Они, не таясь, наблюдали за путниками любопытными глазками с золотым ободком. Эдди еще подумал, что они чем-то напоминают присяжных, у которых уже готов приговор подсудимому: смерть.

Дорога теперь стала шире, рельефней. Дважды они прошли мимо строений, давно заброшенных и опустевших. Второе здание, сказал Роланд, когда-то, наверное, было мельницей. Сюзанна сказала, что выглядит оно жутковато. Там, должно быть, живут привидения.

– Я бы не удивился, – ответил на это стрелок таким спокойным и даже небрежным тоном, что Эдди с Сюзанной действительно стало жутко.

Наконец стало совсем темно, и им поневоле пришлось остановиться. Лес заметно поредел. Легкое дуновение бриза, сопровождавшие их весь день, превратилось теперь в мягкий и теплый ветер. Впереди местность по-прежнему поднималась в гору.

– Дня через два доберемся до гребня, – сообщил Роланд, – тогда и

увидим.

– Что мы увидим? – спросила Сюзанна, но Роланд только плечами пожал в ответ.

В тот вечер Эдди снова занялся резкой, не ощущая, однако, истинного вдохновения. Былая уверенность и настоящая радость, которыми он преисполнился в тот знаменательный день, когда из куска древесины начали проступать первые очертания ключа, теперь иссякли. Пальцы казались каким-то оцепенелыми и неуклюжими. Впервые за эти последние месяцы он с тоскою подумал о том, как бы было кстати вколоть себе порцию героина. Совсем немножко. Какая-нибудь пятидолларовая упаковочка – и никаких проблем с этим дурацким ключом. За полчаса бы его закончил.

– Ты чему улыбаешься, Эдди? – спросил Роланд. Он сидел с той стороны костра; между ними в причудливом танце трепетали низкие языки пламени, рвущиеся на ветру.

– А я что, улыбаюсь?

– Да.

– Просто подумал, какими тупыми иной раз бываю люди... Оставь их в комнате с шестью дверями, а они все равно будут биться о стену лбом. А потом еще в этой связи возмущаться.

– Когда боишься того, что ты можешь увидеть за дверью, биться о стену, наверное, безопаснее, – предположила Сюзанна.

Эдди кивнул.

– Может быть.

Он работал неторопливо, пытаясь увидеть в дереве точную форму ключа – и особенно эту ужасную загогулину на конце, – но очень скоро он понял, что нужный образ, казалось бы, намертво запечатленный в его сознании, потускнел.

«Прошу тебя, Господи, помоги мне, пожалуйста. Не дай мне его запороть», – взмолился мысленно Эдди, в глубине души все-таки опасаясь, что он уже начал его запарывать. Наконец он сдался, вернул ключ (который за вечер практически не изменился) стрелку, улегся, укрывшись одной из шкур, и буквально минут через пять погрузился опять в этот сон про парнишку на баскетбольной площадке, что на старой Маркей-Авеню.

Джейк вышел из дома примерно без четверти семь, так что ему предстояло убить где-нибудь больше восьми часов. Он поначалу решил сразу спуститься в подземку и доехать до Бруклина, но потом рассудил, что это не самая лучшая мысль. На окраине мальчик, который в наглуую прогуливает занятия, привлечет больше внимания, чем в центре огромного города, но с другой стороны, если ему и вправду придется еще поискать то место и мальчика из его сна, с которым он должен там встретиться, то надо бы побеспокоиться об этом заранее.

«Без проблем, – сказал тогда мальчик в желтой футболке с зеленой повязкой на лбу. – Ключ ты нашел. Розу тоже. Точно так же найдешь и меня».

Загвоздка, однако, в том, что Джейк не помнил уже, как ему удалось найти ключ и розу. Он помнил лишь радость и чувство уверенности, переполнявшие сердце его и разум. Оставалось только надеяться, что это случится опять. А тем временем он продолжал идти. Верный способ в Нью-Йорке привлечь к себе нежелательное внимание – это без дела стоять на месте.

Он прошелся пешком почти до Пятой-Авеню, потом повернул обратно и вернулся назад, но уже по соседней улице, ближе к центру, ориентируясь по светофорам (может быть, он подсознательно понимал, что они тоже служат Лучу). Около десяти часов Джейк обнаружил, что вышел к художественному музею «Метрополитен» на Пятой-Авеню, разгоряченный, усталый, подавленный. Ему очень хотел пить, но он не стал покупать себе лимонад – денег у Джейка было немного, и он не хотел тратить их понапрасну. Перед уходом он опустошил до последнего цента копилку, но сумму набрал смехотворную: долларов восемь, плюс-минус несколько центов.

Перед входом в музей выстроилась группа школьников. Должно быть, их привели на экскурсию. Наверное, бесплатная средняя школа, решил Джейк. Одеты так же небрежно, как сегодня оделся он сам. Никаких тебе блейзеров от Пола Стюарта, никаких галстуков и джемперов, никаких простеньких с виду юбочек, которые стоят сто двадцать пять баксов в бутиках типа «Мисс юное очарование» или «Твинити». Все одеты, что называется, по-молодежному. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, Джейк пристроился к группе ребят и прошел вместе с ними в музей.

Вся экскурсия заняла час с четвертью. Джейку она понравилась. В музее, главное, было тихо. И еще там работали кондиционеры. И картины были красивые. Особенно Джейку понравилось небольшое собрание Фредерика Ремингтона из серии «Дикий Запад». И большая картина Томаса

Харта Бентона: по бескрайним равнинам мчался в Чикаго пускающий дым паровоз, а на полях, подступающих к самым путям, стояли в соломенных шляпах фермеры и провожали его глазами. Двое учителей, сопровождавших экскурсию, не заметили Джейка до самого конца. Только уже на выходе симпатичная чернокожая женщина в строгом синем костюме, похлопав Джейка по плечу, поинтересовалась, кто он такой.

Джейк не заметил, как она к нему подошла. На мгновение он похолодел. А потом, не задумываясь о том, что он делает, Джейк сунул руку в карман и зажал в кулаке серебряный ключ. В голове сразу же прояснилось. Джейк успокоился моментально.

– Мой класс там, наверху, – улыбнулся он чуть виновато. – У нас занятие по современному искусству, но мне больше нравится то, что здесь, потому что это настоящие картины. Так что я... ну, понимаете...

– Смыслся? – подсказала учительница. Уголки ее рта задрожали, как будто она едва сдерживала улыбку.

– Я бы лучше сказал, что ушел по-французски, тихонько, без долгих прощаний. – Слова произносились как будто сами, без участия Джейка.

Школьники удивленно таращились на него, но на этот раз их учительница от души рассмеялась:

– Ты либо вообще не знал, либо забыл, но во французском Иностранном легионе дезертиров расстреливали на месте. Так что, мой юный друг, возвращайтесь скорее туда, где ваш класс.

– Да, мэм. Спасибо. Они все равно уже скоро закончат.

– А из какой ты школы?

– Из «Академии Маркей», – выпалил Джейк, не задумываясь.

Он поднимался по лестнице, прислушиваясь к бестелесному эху шагов и приглушенных голосов, звучащих под куполом круглого зала, и все думал, с чего бы он это сказал. Он в жизни не слышал о школе с таким названием – «Академия Маркей».

Какое-то время он постоял в коридоре верхнего этажа, но вскоре заметил, что на него то и дело со все возрастающим любопытством поглядывает одна из музейных служащих. Джейк решил, что ждать дальше нет смысла – оставалось надеяться только на то, что класс, к которому он пристраивался, уже ушел.

Джейк посмотрел на часы, изобразив на лице изумленное выражение, которое, как он надеялся, означало бы что-то вроде: «О Господи! Как я опаздываю!» – и торопливо спустился вниз. Класс – и симпатичная чернокожая учительница, которая рассмеялась, когда он упомянул уход по-французски – уже ушел. Джейк решил, что ему тоже пора уходить. Он еще погуляет немного по улице – медленно, чтобы не так чувствовалась жара – а потом сядет на поезд в подземке.

На углу Бродвея и Сорок-Второй он задержался у стойки с хот-догами и из скудных запасов наличности купил себе булочку и сосиску. Чтобы поесть, Джейк присел на ближайшую лестницу у здания банка, и это, как оказалось, было грубейшей ошибкой с его стороны.

К нему направился полицейский. Казалось, он занят только своей дубинкой, которую сосредоточенно вертел в руке – этак ловко и слаженно. Но едва поравнявшись с Джейком, коп быстро сунул дубинку за пояс и повернулся к нему.

– Привет, парень. Чего сидим? В школе сегодня свободный день?

Джейк уже доедал сосиску, но последний ее кусок вдруг застрял в горле. Да уж, везет как утопленнику... если слово «везение» здесь вообще уместно. Здесь, на Таймс-сквер, в самом сосредоточии «грязной» Америки, где табунами шатаются проститутки, толкачи, наркоманы и попрошайки... полицейский, не обращая внимания на них, вяжется почему-то к нему.

Джейк не без труда проглотил застрявший в горле кусок сосиски.

– У нас уже начались экзамены, – принялся он объяснять. – Сегодня был только один. Я его первым сдал, и меня отпустили. – Джейк умолк на мгновение, вдруг сообразив, что ему очень не нравится этот внимательный, пристальный взгляд полицейского. – Мне разрешили уйти, – неуверенно добавил он.

– Я так и понял. Есть у тебя какие-нибудь документы?

У Джейка екнуло сердце. Неужели его папа с мамой уже позвонили в полицию? С учетом вчерашнего, это вполне вероятно. При других – обычных – обстоятельствах полицейские вряд ли бы стали искать пропавшего ребенка, тем более что отсутствовал Джейк только полдня, но его папа – большая шишка на телеканале, и он всегда с гордостью упоминал о своих многочисленных связях. Джейк не думал, что у полицейского есть его фотография... но его имя он мог запомнить.

– Ну... – нерешительно начал Джейк, – ... у меня только с собой ученический проездной. На автобус маршрута Срединного Мира. Других документов нет.

– Какого такого Срединного Мира? Впервые слышу. Это где? В

Квинсе?

– Срединного Города, я хотел сказать, – быстро поправился Джейк. Господи, что он такое болтает? Это же совсем в другой стороне... – Знаете? На Тридцать-Третьей?

– Ага. Ну давай, проездной тоже сойдет. – Коп протянул руку.

Какой-то черный с неопрятными патлами длинных волос, рассыпающихся по плечам его канареечно-желтого пиджака, оглянулся на них:

– Заберите его, офицер, – весело гаркнул он. – Заберите его, мелкого беложопого пакостника! Выполняйте свой долг!

– Заткнись, Эли, и дуй отсюда, – процедил полицейский сквозь зубы, даже не обернувшись к нему.

Эли расхохотался, продемонстрировав несколько золотых зубов, и отправился восвояси.

– А почему у него вы не просите документы? – невинно полюбопытствовал Джейк.

– Потому что сейчас меня больше интересуешь ты. Давай-ка, сынок, свой билет.

То ли родители сообщили уже в полицию и коп знал его имя, то ли просто почувствовал что-то неладное – и это, наверное, вовсе не удивительно, поскольку во всем этом жутком районе Джейк был единственным белым мальчишкой, который явно не искал себе приключений. Но, как ни крути, вывод отсюда один: идея присесть тут и скушать сосиску была, очевидно, не самой удачной. Но ноги у Джейка уже начинали болеть, и он, черт возьми, по-настоящему проголодался.

«Ты меня не остановишь, – подумал Джейк. – Я не позволю тебе меня сцапать. Сегодня мне надо быть в Бруклине, у меня там назначена встреча... и я доеду туда. Доеду».

Вместо того, чтобы достать кошелек, Джейк сунул руку в карман, вытащил ключ и показал его полицейскому. Солнечные лучи, отразившись от серебристой поверхности, заплясали кружочками света у копа на лбу и щеках. Коп вытаращил глаза.

– Эй! – выдохнул он. – Это что у тебя, малыш? Дай-ка мне.

Он потянулся к ключу, но Джейк отвел руку подальше. Круги отраженного света подрагивали на лице полицейского, словно гипнотизируя его.

– А вы что, так не можете прочитать? – спросил Джейк. – Обязательно вам его забирать?

– Нет, зачем же?

Выражение любопытства само собой стерлось с лица полицейского. Широко распахнув глаза, он смотрел только на ключ – замороженно, не отрываясь. Но взгляд его не был пустым. Джейк прочел в нем изумление и нежданную радость. «Это все я, – вдруг подумалось Джейку. – Где бы я ни появился, повсюду я приношу радость и свет. Вопрос только в том, что теперь делать мне?»

Молодая женщина в ярко красных и стильных туфлях на шпильках в добрых три дюйма (не какая-нибудь зачуханная библиотечка, судя по тем же туфлям, шелковым зеленым брюкам, туго обтягивающим бедра, и прозрачной блузке) прошла, энергично виляя задом, мимо. Сначала она посмотрела на копа, потом – на Джейка. Ей, должно быть, стало любопытно, на что так таращиться полицейский. Увидев ключ, она так и застыла на месте с отвисшей челюстью. Рука ее сама потянулась вверх и замерла у горла. Сзади на нее налетел мужчина и разразился длинной и гневной тирадой насчет того, что, мол, нечего тут торчать столбом посреди дороги. Молодая женщина – явно не библиотечка – не обратила на него внимания, хотя в другой ситуации она бы, наверное, нашлась, что ответить. Теперь Джейк заметил, что вокруг него собралось уже человек пять. И все смотрели на ключ точно так же, как иной раз прохожие наблюдают за ловким «наперсточником», обдирающим на углу какого-нибудь легковерного простофилю.

«То же мне конспиратор фигов», – подумал он. Заглянув копу через плечо, Джейк заметил на той стороне аптеку. «Аптека Денби. Торговля со скидкой» – сообщала вывеска.

– Меня зовут Том Денби, – сообщил он полицейскому.

– Здесь так и написано, на проездом. Том Денби. Верно?

– Все верно, – выдохнул полицейский, потерявший к Джейку всяческий интерес. Теперь его занимал только ключ. Пятнышки отраженного света плясали по-прежнему у него на лице.

– Вы ведь не Тома Денби искали, да?

– Да, – подтвердил полицейский. – Я вообще это имя впервые слышу.

Уже с полдюжины человек столпились вокруг полицейского, и все смотрели в немом изумлении на серебряный ключ в руке Джейка.

– Я, значит, могу идти?

– Что? Ах да! Да, конечно... иди себе с Богом!

– Спасибо.

Однако Джейк на мгновение застыл в нерешительности, не зная, как он пойдет. Его окружала толпа молчаливых зомби, и с каждым мгновением она росла. Сначала люди, наверное, подходили, чтобы узнать, в чем дело,

но, увидев серебряный ключ, замирали как вкопанные и таращились на него.

Джейк поднялся на ноги и начал медленно отходить по ступенькам вверх, держа ключ перед собой, как дрессировщик, защищающийся табуретом от подступающих к нему львов. Лишь поднявшись на широкую забетонированную площадку на самом верху, он убрал ключ обратно в карман, развернулся и побежал.

Остановился он только раз, на самом дальнем конце площадки. Остановился и оглянулся. Застывшая группа людей, которые так и стояли вокруг того места, где только что сидел Джейк, потихонечку возвращалась к жизни. Они озадаченно переглядывались и расходились. Коп растерянно посмотрел налево, потом направо, потом задрал голову и уставился в небо, словно стараясь вспомнить, как он вообще здесь очутился и что собирался делать. Джейк увидел достаточно. Самое время искать ближайшую станцию подземки и уносить ноги в Бруклин, пока не случилось еще чего-нибудь.

13

Без четверти два он поднялся из подземки и встал на углу Кастл и Бруклин-Авеню, глядя на башни Ко-Оп Сити и дожидаясь, когда к нему снова придет это чувство уверенности, что направляло его в тот раз – что-то вроде способности вспоминать как бы вперед во времени и провидеть ближайшее будущее. Но оно не пришло. То есть, вообще ничего не пришло. Он был всего лишь мальчишкой, самым обычным мальчишкой, стоящим на жарком бруклинском перекрестке, а у ног его, точно усталый щенок, примостилась короткая тень.

«Ну вот, я приехал... и что теперь?»

Ни малейшего представления.

14

Путешественники поднялись, наконец, на вершину длинного пологого холма и остановились там, глядя на юго-восток. Долгое время они молчали. Дважды Сюзанна порывалась заговорить, но не произносила ни слова. В

первый раз в жизни эта всегда языкастая женщина не нашлась, что сказать.

Внизу простиралась равнина, бескрайняя, разморенная золотыми лучами летнего солнца. Высокие сочные травы изумрудно зеленого цвета. Рощи деревьев с широкими кронами и прямыми стройными стволами. Сюзанна однажды видела такие деревья – в рекламном фильме какого-то туристического агентства. Фильм был про Австралию.

Дорога, которой они все это время держались, огибала холм с той стороны и опять устремлялась – прямая, как будто струна – на юго-восток: яркая белая линия в буйной зелени трав. Дальше на западе, в нескольких милях отсюда, мирно паслось небольшое стадо каких-то крупных животных. С виду они походили на буйволов. На востоке виднелся лес, выдающийся искривленным мысом в зеленое море равнины. Эта темная полоса непролазных зарослей походила на сжатую в кулак руку, выброшенную вперед.

Сюзанна вдруг поняла, что в этом же направлении тянулись все трещины в камне и все ручьи, попадавшие им на пути. Все они были притоками полноводной реки, что вытекала из леса и потом тихо и плавно несла свои сонные воды под летним солнцем к восточному краю мира. Большая река, широкая. Мили, наверное, две от берега до берега.

И еще с холма был виден город.

Он лежал прямо напротив – подернутое легкой дымкой скопление башен и шпилей, возносящихся над горизонтом. Эти воздушные, чуточку нереальные, как будто призрачные бастионы могли находиться за сотню, две сотни, четыреста миль отсюда. Воздух этого мира казался невообразимо прозрачным, и определить расстояние на глаз здесь, поэтому, было трудно. Почти невозможно. Только одно знала Сюзанна наверняка: вид этих далеких, размытых в солнечном мареве башен переполнял ее тихим восторгом, и немым изумлением... и глубокой щемящей тоской по Нью-Йорку. «Я бы, наверное, все отдала, чтобы еще раз увидеть Манхэттен с моста Триборо», – вдруг подумалось ей.

Она сама улыбнулась нежданной мысли. Потому что Сюзанна знала, что это неправда. Правда была в другом. Теперь она ни на что уже не променяет Роландов мир. Ее опьяняли его пустынные просторы и таинственная тишина. Но самое главное, здесь человек, которого она любит. Дома, в Нью-Йорке – во всяком случае, в том Нью-Йорке, каким он был в ее время – их союз стал бы поводом для вечных насмешек и злобного раздражения, всякий, кому не лень, любой идиот отпускал бы в их адрес оскорбительные замечания и грязные шуточки: чернокожая женщина двадцати шести лет и ее белый любовник, который на три года младше ее и

имеет к тому же привычку глотать слова и нести полный бред, когда возбужден или взволнован. Ее белый любовник, который недавно совсем освободился от пагубного своего пристрастия к наркоте. («Еще месяцев восемь назад он таскал за плечами громадную обезьяну», – так подумала об этом Сюзанна, мысленно употребив жаргонное выраженьице.) А здесь, в мире Роланда, никто не смеется над ними, никто их не поддевает. Никто не тычет в них пальцем. Здесь нет никого. Только Роланд, Эдди и она – трое последних стрелков.

Она взяла Эдди за руку, ей было приятно почувствовать ее успокаивающее тепло.

– Это, наверное, река Сенд, – тихо проговорил Роланд, указав на широкую полосу воды. – Вот уж не думал, что мне доведется ее увидеть... если честно, я даже не верил, что она вообще существует. Как и Стражи с Вратами.

– Здесь так красиво, – вымолвила Сюзанна, не в силах оторвать взгляд от этих необозримых просторов, что простирались до самого горизонта, дремлющие в колыбели роскошного лета. Взгляд ее то и дело скользил по густой тени от деревьев, растянувшейся как будто на многие мили по этой зеленой равнине, озаренной лучами клонящегося к горизонту солнца. – Такими, наверное, были и наши Великие Равнины, пока там не обосновались первые поселенцы... еще до того, как пришли индейцы. – Свободной рукой она указала туда, где полоска Великого Тракта сужалась в единую точку. – А это твой город. Да?

– Да.

– Выглядит вроде бы ничего, – сказал Эдди. – Разве такое возможно, Роланд? Чтобы он до сих пор сохранился? Ваши древние строили так основательно?

– В наше время возможно все, – отозвался Роланд, но голос его прозвучал не особенно убедительно. – Но лучше все-таки не обольщаться, Эдди, и не тешить себя надеждой.

– Что? Да я, в общем, и не обольщаюсь. – Однако Эдди сейчас покривил душой. У Сюзанны в душе этот размытый в солнечном мареве город пробудил щемящую тоску по дому; а в душе Эдди вспыхнула искра предчувствия и надежды. Если город стоит, если он до сих пор сохранился – а он сохранился, это же ясно, – там могут быть люди. Настоящие люди, а не чокнутые уроды, потерявшие человеческий облик, которые встретились Роланду под горами. Люди в городе могли оказаться (американцами, – прошептало его подсознание) разумными и готовыми оказать им посильную помощь; они, может быть, даже подскажут усталым путникам,

как им добраться до цели... и как избежать смерти на этом пути. Перед мысленным взором Эдди предстала такая заманчивая картина (навевная, должно быть, фильмами типа «Последний звездный воитель» и «Темный кристалл»): совет суровых, но справедливых старцев, городских старейшин, подносит им яства, приготовленные лучшими поварами из продуктов, извлеченных из неистощимых городских кладовых (или выращенных в садах, защищенных стеклянными куполами от пагубного воздействия окружающей среды), а пока они с Роландом и Сюзанной вкушают изысканных блюд, а проще сказать – набивают себе желудки, почтенные старцы им все растолкуют: что их ждет впереди и что все это значит. А на прощание они им подарят подробный атлас автомобилиста, одобренный Американской автомобильной ассоциацией, с отмеченной красным фломастером самой удобной дорогой к Башне.

Эдди не знал выражения *deus ex machina*, но все-таки понимал – дорос уже до понимания, – что такие радушные гостеприимные мудрецы существуют исключительно в сказочных комиксах и фильмах для младшего школьного возраста. Но эта пьянящая мысль все равно не давала ему покоя: что где-то в этом пустынном опасном мире сохранился анклав древней и мудрой цивилизации – страна умудренных и добрых эльфов, которые все им расскажут и разъяснят, что, черт возьми, делать дальше. А невозможные, сказочные очертания города на этом подернутом легкой дымкою горизонте лишь придавали ему уверенности, что такое хотя бы не исключено. Но даже если там нет никого, если жители города давным-давно сгинули, умерли от эпидемии страшной какой-то болезни или погибли в великой войне с применением химических ядов, им все равно обязательно нужно зайти в этот город... он мог послужить им хотя бы как склад всяких полезных вещей – такая гигантская База снабжения сухопутных войск и военно-морского флота, где они разживутся всем необходимым для долгого и многотрудного путешествия, которое, а в этом Эдди ни капельки не сомневался, ждет их впереди. К тому же, Эдди был, что называется, «городским ребенком», он родился и вырос в городе, и один только вид этих высоких домов и башен придавал ему бодрости и поднял настроение.

– Ну хорошо! – Эдди хотелось смеяться. – Вперед, заре навстречу! Навстречу великим и мудрым эльфам!

Сюзанна озадаченно на него покосилась. Но при всем том она улыбалась.

– С чего бы ты так возбудился, мой мальчик?

– Просто так. Ни с чего. Не обращай на меня внимания. Мне просто не

терпится поскорее отправиться в путь. Что скажешь, Роланд? Ты не хочешь...

Но что-то в лице стрелка, вернее, в самых глубинах глаз – неуловимый намек на какую-то смутную и печальную грезу – заставило Эдди заткнуться на полуслове. Он умолк и приобнял Сюзанну за плечи, как будто хотел защитить ее от чего-то.

Роланд лишь мельком взглянул на город на горизонте, а потом его взгляд случайно упал на нечто, что находилось гораздо ближе к холму, на вершине которого путешественники стояли сейчас, и стрелка вдруг охватила тревога. Дурное предчувствие. Он уже видел такое раньше. И в последний раз, когда это случилось, с ним был Джейк. Роланд вспомнил, как они выбрались, наконец, из пустыни и направились дальше, по следам человека в черном, через холмы к горам. Путь был не легким, но там зато появилась опять вода. И трава.

Как-то ночью стрелок проснулся и обнаружил, что Джейка нет рядом. Из ивовой рощи, где протекал ручей, доносились какие-то вопли, сдавленные и отчаянные. Кричал Джейк. К тому времени, когда Роланд продрался сквозь заросли на поляну, сокрытую в роще, крики мальчика стихли. Роланд нашел его. Джейк стоял точно в таком же месте, что виднелось сейчас за холмом впереди. Место древних камней, место жертвоприношений, место, где обитает Оракул... и провидит, когда ее к этому принуждают... и убивает, когда выпадает возможность.

– Роланд? – встревожился Эдди. – В чем дело? что-то не так?

– Видишь вон там? – указал Роланд пальцем. – Говорящий круг. Эти высокие штуки – стоячие камни. – Роланд вдруг поймал себя на том, что во все глаза смотрит на Эдди, с которым встретился в первый раз в пугающей, но удивительной воздушной карете в том, другом, странном мире, где стрелки носят синюю форму, есть в изобилии сахар, бумага и чудесные снадобья вроде «астина». На лице Эдди сейчас появилось какое-то странное выражение... как будто он знал наперед, что с ним будет. И знание это его не обрадовало. Свет надежды, зажегшийся у него в глазах при виде города на горизонте, теперь иссяк, сменившись чем-то иным, серым, мрачным. Так, наверное, приговоренный преступник смотрит на виселицу, где его сейчас вздернут.

«Сначала Джейк, теперь Эдди», – подумал стрелок. Беспощадно великое колесо, что раскручивает наши жизни. Описав полный круг, оно всегда возвращается к той же точке.

– Вот черт, – в ломком голосе Эдди явственно слышался страх. – Знаешь, по-моему, именно там твой парнишка попытается перебраться сюда.

Стрелок кивнул.

– Вполне вероятно. Эти места, они тонкие, как бы разреженные. И еще они – притягательные. Я уже как-то спасал его из такого же точно круга. Оракул, хранившая этот круг, едва не убила его.

– Но откуда ты знаешь? – спросила у Эдди Сюзанна. – Ты видел сон?

Эдди лишь покачал головой:

– Сам не знаю. Но как только Роланд показал на эти дурацкие камни... – Он на мгновение умолк и внимательно посмотрел на стрелка. – Нам надо спуститься туда. И как можно скорее, – в его голосе перемешались неистовый пыл и страх.

– Это случится сегодня? – спросил Роланд. – Ночью?

Эдди опять покачал головой и облизал вдруг пересохшие губы:

– Не знаю. Я не уверен. Сегодня? Сегодня вряд ли. Время... здесь оно не такое, как там, где сейчас твой парнишка. Оно движется медленнее в его мире. Может быть, завтра. – Если до этого Эдди еще удавалось справляться с паническим страхом, вдруг его охватившим, то теперь он прорвался наружу. Неожиданно он повернулся и схватил Роланда за грудки, скомкав рубашу стрелка своими холодными влажными пальцами. – Мне нужно было закончить ключ, а я его не закончил. И я должен был сделать еще кое-что, но я понятия не имею, что именно. Так что теперь, если мальчик погибнет, это будет моя вина!

Роланд взял руки Эдди и оторвал их от своей рубашки.

– Возьми себя в руки.

– Роланд, ты не понимаешь...

– Я понимаю, что нечего хныкать и ныть. Так все равно ничего не решишь. Я понимаю, что ты забыл лицо своего отца!

– Я тебя умоляю! Что за бред ты опять несешь?! Да меня, если хочешь знать, вообще не гребет мой папаша! – выкрикнул Эдди, впадая в истерику, и Роланд влепил ему добрую оплеуху. Звук удара был точно треск сломанной ветки.

Голова Эдди дернулась в сторону; он широко распахнул глаза, как будто не веря случившемуся, и уставился в шоке на Роланда. Потом медленно поднял руку и прикоснулся к наливающимся кровью отпечатку

ладони у себя на щеке.

– Ах ты гад! – прошептал он. Рука легла на рукоять револьвера на левом бедре. Сюзанна попробовала перехватить руку Эдди, но он оттолкнул ее.

«Готовься, учитель, – сказал себе Роланд. – Сейчас тебе предстоит преподать ему очередной урок. Только на этот раз, чтобы выжить. Тебе. И чтобы он тоже выжил».

Где-то вдали, в тишине, хрипло прокаркала ворона, и Роланду вспомнился вдруг его сокол. Дэвид. Теперь Эдди был его соколом... и ему – точно так же, как когда-то Дэвиду – нельзя давать ни малейшего послабления, иначе он просто, ничтоже сумняшеся, вырвет наставнику глаз.

Или вцепится в глотку.

– Хочешь меня застрелить? Чтобы все кончилось так... ты этого хочешь, Эдди?

– Знаешь, приятель, меня уже заколебал этот твой репертуарчик, – Слезы и ярость туманили Эдди взор.

– Ты не закончил ключ. Потому что, как тебе кажется, ты боишься его закончить. Но это не так. Ты боишься другого. Ты боишься однажды понять, что не сможешь его закончить. Ты боишься спуститься к стоячим камням, но не из-за того, что с тобой может случиться, когда ты войдешь в их круг. Ты боишься, что там ничего не случится. Не большой мир страшит тебя, Эдди, а маленький мир, что внутри тебя. Ты забыл лицо своего отца. Так что давай. Застрели меня, если тебе хватит смелости. Мне надоело смотреть, как ты вечно плачешься.

– Прекрати! – закричала Сюзанна, не выдержав. – Ты что, не видишь, что он это сделает?! Что ты сам вынуждаешь его это сделать?!

Роланд пристально на нее посмотрел:

– Я только хочу, чтобы он принял решение. Сам. – Он опять повернулся к Эдди, и лицо его в сети глубоких морщин было суровым и непреклонным. – Ведь тебе удалось освободиться от призрака героя. И тень брата больше не донимает тебя, мой друг. Теперь тебе остается одно: освободиться от собственной тени. Если тебе хватит смелости. Так что давай. Освободись или убей меня. Выбирай. И покончим уже со всем этим.

На мгновение ему показалось, что Эдди именно так и поступит и все закончится прямо здесь, на вершине холма, под безоблачным летним небом, неподалеку от города, призрачной тенью встающего на горизонте. Но тут вдруг у Эдди дернулась щека. Твердая линия губ смягчилась, они задрожали. Он убрал руку с сандаловой рукояти Роландова револьвера.

Грудь его судорожно поднялась... раз... другой... третий. Из горла вырвался сдавленный полустон-полукрик, исполненный ужаса и отчаяния. Эдди шагнул к Роланду, нетвердо, как будто вслепую.

– Да, мать твою, я боюсь! Неужели ты не понимаешь, Роланд? Я боюсь!

Ноги его подкосились, и он начал падать. Роланд успел подхватить его и крепко прижал к себе, чувствуя запах потной и грязной кожи, запах страха и слез.

Еще пару мгновений стрелок постоял, обнимая дрожащего Эдди, потом отстранился и повернул его лицом к Сюзанне. Эдди упал на колени рядом с ее коляской, устало свесив голову. Она положила ладонь ему на затылок и прижала голову Эдди себе к бедру.

– Иногда я тебя ненавижу, – с горечью проговорила она, обращаясь к Роланду.

Роланд сжал кулаками виски.

– Я сам себя иногда ненавижу.

– Но тебя это не останавливает, тем не менее?

Роланд не ответил. Он посмотрел на Эдди, который полулежал на земле, вжавшись щекою в бедро Сюзанны и зажмурив глаза. Лицо его выражало вселенскую скорбь и отчаяние. Роланд не без труда подавил в себе подступающую усталость, справившись с искушением перенести это во всех отношениях полезное и «приятное» обсуждение на какой-нибудь другой день. Если Эдди не ошибся, то другого дня у них может не быть. Джейк готов. Почти решился уже на последний шаг. А Эдди был избран судьбою встретить мальчика в этом мире. Сыграть роль этакой повивальной бабки. И если Эдди не будет готов, Джейк может погибнуть на входе – как погибает новорожденный, когда материнская пуповина захлестывается вокруг его шеи во время схваток.

– Вставай, Эдди.

В первый миг Роланду показалось, что Эдди так и будет лежать, скорчившись на земле и пряча лицо в ногах женщины. Если так, все потеряно... и это тоже ка. Но Эдди встал. Пусть медленно, нехотя, но он встал. Все его тело: голова, плечи, руки и волосы, – безвольно обмякли. Но он все же поднялся. И это только начало.

– Посмотри на меня.

Сюзанна встревоженно зашевелилась, но на этот раз промолчала.

Эдди медленно поднял голову и дрожащей рукою убрал прядь волос, упавшую на глаза.

– Он твой и должен быть у тебя. Я сделал ошибку. Мне не стоило

брать его у тебя, какой бы она ни была, моя боль.

– Стрелок рывком сорвал с шеи шнурок с ключом и протянул его Эдди. Тот потянулся за ним, как во сне, но руку Роланд разжал не сразу. – Ты постарайся сделать, что должен? Что нужно сделать? Ты обещаешь?

– Да, – выдохнул Эдди почти неслышно.

– Ты ничего мне не хочешь сказать?

– Мне, наверное, нужно прощения попросить за свой страх. – Что-то в голосе Эдди было. Что-то ужасное. У Роланда вдруг защемило сердце. Потому что он, кажется, знал причину: сейчас Эдди прощался с детством, болезненно, трудно. Этого не увидишь, но Роланду казалось, что он слышит какие-то слабые возгласы. Плач уходящего детства. Он изо всех сил старался остаться глухим.

Еще одна жертва во имя Башни. Похоже, мой счет растет, как давний счет пьяницы в кабаке, а время, когда мне придется платить по нему, приближается с каждым днем. Вот только сумею ли я расплатиться?

– Мне не нужно твоих извинений, и уж тем более – за страх, – сказал он. – Кем бы мы были без страха? Уже не людьми, а бешеными псами с пеной на морде и засохшим на лапах дерьмом.

– Тогда чего тебе нужно? – Эдди снова сорвался на крик. – Ты и так забрал все... все, что я мог тебе дать! Нет, даже больше, потому что я все-таки извинился в конце... ты забрал у меня даже это, последнее! Чего тебе надо еще от меня?

Роланд молча держал в руке ключ – их долю спасения Джейка Чемберса. Он не сказал больше ни слова. Он только смотрел в глаза Эдди, а над зеленым простором равнины сияло солнце, и под солнцем поблескивала река Сенд, отливая сероватою синевой. Где-то вдали, в золотых угасающих отблесках летнего дня, снова прокаркала ворона.

Прошло какое-то время. Постепенно взгляд Эдди Дина преисполнился пониманием.

Роланд кивнул.

– Я забыл лицо... – Эдди запнулся. Понурил голову. Тяжело сглотнул. Снова поднял глаза на стрелка. То, что объединяло их прежде и едва не умерло сегодня, вернулось опять – Роланд это увидел. Все, что было между ними плохого, ушло. Здесь, на этом открытом ветрам холме, залитом солнечным светом, на краю бытия все плохое ушло навсегда. – Я забыл лицо своего отца, стрелок... и я молю даровать мне прощение.

Роланд разжал ладонь и отдал ключ тому, кому предназначено было владеть им, ибо так предрешило ка.

– Не говори так, стрелок, – вымолвил Роланд Высоким Слогом. – Твой

отец зрит тебя... он тебя любит... и я тебя тоже люблю.

Эдди взял ключ, крепко зажал его в кулаке и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

– Пойдемте, – выдавил он, и они стали спускаться по долгому склону холма на равнину, что простиралась под ними до самого горизонта.

Джейк медленно шел по Кастл-Авеню, мимо пиццерий, баров и винных погребков, где старушенции с подозрительными физиономиями самозабвенно чистили картошку и выжимали сок из помидоров. Ремни ранца натерли подмышки. Ноги болели. Он прошел под цифровым термометром. Было не так уж и жарко: 30 градусов. А Джейку казалось, что все сорок.

Чуть дальше вперед на Кастл-Авеню вырулила с боковой улицы полицейская машина. Джейк неожиданно заинтересовался витриной магазина садового инвентаря. Он встал спиной к улице и стоял так до тех пор, пока в стекле не прошло черно-белое отражение. Как только машина проехала, он двинулся дальше.

«Эй, Джейк, старина... и куда же ты, собственно, направляешься?»

Ни малейшего представления. Он твердо знал только одно: мальчишка, которого он сейчас ищет – мальчишка с зеленой повязкой на лбу и в желтой футболке с надписью «В СРЕДИННОМ МИРЕ НЕ ЗНАЮТ СКУКИ» – он где-то близко, но что из того? Иголка в большом стоге сена, каким был для Джейка Бруклин.

Он миновал переулок, где стены домов были густо исписаны граффити. В основном именами: ЭЛЬ ТЬЯНТЕ-91, ГОНЗАЛЕС СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, МАЙК-БОЛТУН, – но среди них попадались слова и фразы, имеющие хоть какой-то смысл, пусть и неясный. Взгляд Джейка наткнулся на две такие: «РОЗА ЭТО РОЗА ЭТО РОЗА» было написано на кирпичной стене ярко красной когда-то краской, которая стала теперь бледно-розовой – цвета той розы, распутившейся на пустыре, где когда-то стоял магазинчик деликатесов «Том и Джерри». Чуть ниже густой синей краской – она казалась едва ли не черной – кто-то вывел совсем уже странное обращение: «Я МОЛЮ ДАРОВАТЬ МНЕ ПРОЩЕНИЕ».

«Что еще за ерунда?» – призадумался Джейк. Он не знал. Быть может, какая-то фраза из Библии... но надпись буквально тянула его к себе,

завораживала, как гипнотический взгляд змеи – птицу. Наконец он сумел оторвать взгляд от стены и пошел дальше, медленно и задумчиво. Доходила уже половина третьего. Тень под ногами его начала удлиняться.

Впереди него медленно шел старик, опираясь на сучковатую палку и стараясь держаться поближе к домам, в тенике. Глаза его, карие, переливались под толстыми стеклами старомодных очков, точно два радужных здоровенных яйца.

– Молю даровать мне прощение, сэр, – крикнул Джейк ему в спину, не сознавая, что он говорит и даже не слыша свой голос.

Старик обернулся и уставился на него, моргая от удивления и испуга.

– Не приставай ко мне, мальчик. – Он приподнял свою клюку и неуклюже взмахнул ею, нацелившись в сторону Джейка.

– Вы случайно не знаете, сэр, есть здесь поблизости где-нибудь школа, называется «Академия Маркей»? – выпалил Джейк первое, что пришло в голову. Прозвучало, конечно, глупо, но ничего лучше он не придумал.

Старик медленно опустил клюку – ему, наверное, польстило обращение «сэр» – и вытаращился на Джейка с рассеянным интересом. Было во взгляде его что-то от тихого помешательства. Старческого маразма.

– А почему ты не в школе, мальчик?

Джейк усмехнулся устало. Опять та же песня.

– У нас экзамены. А сюда я пришел, чтобы увидаться с другом. Он в «Академии Маркей» учится. Простите, если я вас потревожил.

Он осторожненько обошел старика (очень надеясь, что тому не придет в голову шлепнуть его напоследок клюкой по заднице – так, на счастье) и добрался почти до угла, как вдруг старик завопил ему вслед:

– Эй, мальчик! Мальчи-и-и-и-ик!

Джейк обернулся.

– Нету здесь никакой «Академии Маркей», – сообщил старик. – Я тут живу уже двадцать два года. Если б была, бы знал. Маркей-Авеню – да, есть. Но никакой такой Академии.

От неожиданного возбуждения у Джейка скрутило живот. Он развернулся и шагнул обратно к старику, который тут же приподнял клюку, принимая оборонительную позицию. Джейк немедленно остановился, так чтобы их разделяло футов хотя бы двадцать – полоса безопасности.

– А где она, сэр? То есть, Маркей-Авеню? Вы мне не подскажите?

– А чего ж, подскажу, – отозвался старик. – Говорю же тебе, я тут уже двадцать два года живу. В двух кварталах отсюда. Возле кинотеатра, «Маджестик» он называется, повернешь налево. Только тут нет никакой «Академии Маркей». Никакой такой Академии.

– Спасибо, сэр! Спасибо!

Джейк развернулся и поглядел вперед. Да, все правильно – в двух кварталах отсюда над тротуаром нависал типовой козырек кинотеатра. Он рванулся туда сломя голову, но, подумав как следует, рассудил, что не надо бы лишний раз привлекать внимание, и перешел с бега на шаг. Быстрый шаг.

Старик проводил его взглядом.

– Сэр! – в замешательстве пробормотал он себе под нос. – Сэр, однако! Фыркнув от смеха, он двинулся дальше.

17

С наступлением сумерек путешественники остановились. Стрелок выкопал неглубокую яму и развел в ней костер. Им не нужно было готовить ужин, но им нужен был свет. Эдди был нужен свет. Чтобы закончить ключ.

Стрелок оглянулся и увидел одну Сюзанну – темный силуэт на фоне темнеющего аквамаринового неба. Эдди поблизости не наблюдалось.

– Где он? – спросил Роланд.

– Он там, на дороге. Не трогай его сейчас, Роланд... он сегодня и так от тебя натерпелся.

Роланд кивнул, склонился над костровой ямой и высек искру, чиркнув огнем по кремню. Костер разгорелся быстро. Стрелок подкинул туда еще хворосту и сел – ждать, когда придет Эдди.

18

А Эдди сидел на земле в полумили от лагеря, посередине Великого Тракта. Сидел по-турецки, держа незаконченный ключ в руках, и смотрел на вечернее небо. Впереди вспыхнула искра и загорелся огонь. Эдди сразу же понял, что делает Роланд... и почему. Он опять поднял глаза к темному небу. Никогда в жизни не чувствовал он себя так одиноко. Никогда в жизни он так не боялся.

Небо было огромным – Эдди не доводилось еще видеть столько неограниченного пространства, столько чистой, ничем не запятнанной пустоты. По сравнению с этим безбрежным небом он себя чувствовал

маленьким и ничтожным, и это, наверное, было правильно. Место его в безграничной вселенной – место каждого человека – неизменно мало и ничтожно.

Мальчик был уже близко. Эдди, кажется, знал, где сейчас Джейк и что он собирается делать. Одна только мысль об этом переполняла его изумлением, для выражения которого не было слов. Сюзанна пришла из 1963 года. Сам он – из 1987. А между ними... Джейк. Пытается совершить переход. Пытается снова родиться, но уже в другом мире.

«Мы с ним встречались, – подумал Эдди. – Должны были встречаться, и мне кажется, я что-то помню... что-то такое. Как раз перед тем, как Генри ушел в армию, да? Он учился тогда на курсах при Бруклинском Институте Профессий и ходил во всем черном: черные джинсы, черные мотоциклетные ботинки со стальными носками, черные футболки с закатанными рукавами. Стил *a la* Генри Джеймс Дин. Крутой мужик. Первый парень на деревне. Герой-любовник, он же чайник. Я всегда его так называл про себя, но упаси Боже – вслух, иначе он бы меня прибил.»

Тут Эдди вдруг сообразил, что то, чего он дожидался, сидя здесь в одиночестве на дороге и размышляя, уже случилось: на небе показалась Старая Звезда. Скоро – через пятнадцать минут или, может быть, и того меньше – вокруг нее загорится целая россыпь созвездий чужой галактики, но пока что в девственной тьме сияла она одна.

Эдди медленно поднял ключ перед глазами так, чтобы звезда оказалась в центральной зарубке, и прочел старое заклинание своего мира, которому его научила мама. Помнится, они опускались, бок о бок, вдвоем на колени перед открытым окном и читали, глядя на первую звездочку, что загоралась на небе в вечерней тьме над крышами и пожарными выходами Бруклина:

– Вижу первую звезду, по секрету ей шепну: у меня, звезда ночная, есть желание одно, я тебе его доверю, пусть исполнится оно.

Старая Звезда мерцала в зарубке ключа – бриллиант, пойманный в ясеневую ловушку.

– Дай мне мужества, – попросил Эдди. – Это мое желание. Дай мне силы закончить, в конце концов, эту штуковину, черт бы ее побрал.

Он еще пару минут посидел на дороге, потом медленно поднялся и пошел вперед к лагерю. Там он уселся поближе к костру, молча достал нож стрелка и принялся за работу, не обмолвившись словом ни с Роландом, ни с Сюзанной. Тонкие завитки стружки снялись с s-образного кончика. Эдди работал быстро, вертя ключ к рукам то одной, то другой стороной, время от времени закрывая глаза и проводя большим пальцем по деревянным бороздкам. Он старался не думать о том, что будет, если где-то работа

пойдет не так – иначе она бы наверняка застопорилась.

Роланд с Сюзанной сидели тут же, у него за спиной, и молча наблюдали за ним. Наконец Эдди выпрямился и отложил нож. Пот ручьями стекал по лицу.

– Этот твой мальчик, – обратился он к Роланду. – Джейк. Храбрый, наверное, пацан.

– Под горами он вел себя храбро, – отозвался Роланд. – Боялся, конечно, но виду не подавал.

– Жаль, что я так не могу.

Роланд пожал плечами.

– У Балазара ты дрался отважно, а ведь у тебя отобрали одежду. Всегда очень трудно сражаться голым, но ты сумел. И неплохо.

Эдди попытался припомнить подробности упомянутой перестрелки в ночном клубе, но все в сознании его сливалось в какое-то расплывающееся пятно: только дым, шум и свет, пробивавшийся через стену беспорядочными перекрестными лучами. Стену, наверное, разворотили выстрелы из автоматов. Да, скорее всего. Но он не решился бы утверждать это наверняка.

Он поднял ключ вверх, чтобы свет от костра очертил четкой линией все его зарубки, и долго держал его так, приглядываясь в основном к s-образному завитку на конце. Вроде ключ вышел таким же точно, каким Эдди помнил его из сна и из того мимолетного видения в огне... и все же ему не давало покоя смутное ощущение «не того». Почти такой же, но не совсем.

Это все из-за Генри. Опять. Из-за всех этих лет, в течение которых ты был «не того». Ты его сделал, приятель... и сделал по высшему классу. Просто Генри внутри тебя не желает признаться в этом.

Эдди тщательно завернул ключ в кусочек кожи.

– Все. Я закончил. Не знаю, насколько я точно с ним справился, но сделал я все, что мог. – Теперь, когда он закончил ключ и ему больше не надо было об этом переживать, Эдди вдруг ощутил какую-то странную пустоту в душе. Бесцельную и бессмысленную.

– Поешь чего-нибудь, Эдди? – тихо спросила Сюзанна.

«Вот твоя цель, – сказал он себе. – Вот он, твой смысл. Сидит с тобой рядом, сложив на коленях руки. Вся цель и весь смысл, которые есть у тебя и были...»

Но тут в сознание его всплыло нечто... точно волна накатила. Не сон... не видение...

Не видение и не сон. Это память. Так уже было и вот опять... ты

вспоминаешь будущее.

– Мне нужно сначала еще кое-что сделать, – Эдди поднялся на ноги.

С той стороны костра Роланд свалил в кучу охапку хвороста для растопки. Перерыв ее всю, Эдди нашел подходящую сухую палку длиной чуть больше двух футов и толщиной в четыре дюйма, вернулся с нею на прежнее место поближе к огню и снова достал нож Роланда. В этот раз он работал быстрее. Никаких творческих вывертов. Просто заострил палку с одного конца наподобие колышка для палатки.

– Мы до рассвета сумеем выйти? – спросил он стрелка. – Мне кажется, мы должны прийти к этому кругу как можно раньше.

– Конечно. Если нужно, мы можем выйти и раньше. Правда, я не хотел бы идти в темноте... по ночам говорящие камни небезопасны... но надо значит надо.

– Судя по твоему выражению, старина, эти камушки небезопасны в любое время, – сказала Сюзанна.

Эдди отложил нож. Земля, которую Роланд убрал, роя яму для костра, лежала кучкой у правой его ноги. Острым концом своей палки Эдди вывел в сырой земле знак вопроса. Знак вышел четким.

– Ну вот, – заключил он, стирая его. – Теперь все.

– Пожалуйста кушать, – сказала Сюзанна.

Эдди честно попытался чего-нибудь съесть, но есть ему не хотелось. Когда же он, наконец, уснул, примостившись к теплему боку Сюзанны, сон его был «жидковатым», но зато без сновидений. Сквозь сон Эдди слышал непрекращающийся вой ветра, и ему представлялось, что он летит вместе с ним высоко в ночи, прочь от дневных забот и тревог, а Древняя Мать со Старой Звездой невозмутимо мерцают над ним, опалая космическим холодом его щеки.

В четыре утра Роланд его разбудил.

– Пора, – сказал Роланд.

Эдди сел. Рядом с ним, растирая ладонями заспанное лицо, поднялась Сюзанна. Едва в голове у него прояснилось со сна, Эдди весь преисполнился неудержимого пыла.

– Да. Идемте, и побыстрее.

– Он уже близко, да?

– Очень близко. – Эдди встал на ноги, приподнял Сюзанну и усадил ее на коляску.

В ее взгляде читалась тревога:

– А мы успеем?

Эдди кивнул.

– Но впритык.

Три минуты спустя они снова брели по Великому Тракту, что мерцал, уводя в темноту, призрачной полосой. А еще через час, когда небо окрасилось первыми проблесками зари, разгорающейся на востоке, путешественники начали различать далеко впереди монотонный ритмичный гул.

«Барабаны», – подумал Роланд.

Машины, – подумал Эдди. Какие-то механизмы.

Сердце, – сказала себе Сюзанна. Огромное сердце, больное... оно бьется еще... и оно в этом городе, куда нам предстоит войти.

Прошло два часа. Станный звук замер, так же внезапно, как и появился. В небе начали скапливаться облака – безликие, белые облака с рваными очертаниями. Сначала они затянули солнце, потом – все небо. До круга стоячих камней оставалось еще миль пять. В пасмурном утреннем свете без тени камни чернели, как зубы поверженного чудовища.

«В КИНОТЕАТРЕ “МАДЖЕСТИК” – НЕДЕЛЯ СПАГЕТТИ» – прочитал Джейк на выцветшем и унылом рекламном щите, выставленном на углу Бруклин – и Маркей-Авеню.

ДВЕ КЛАССИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ С СЕРХИО ЛЕОНЕ
БЕСПЛАТНАЯ ПОРЦИЯ СПАГЕТТИ – ДЛЯ ВСЕХ!^[6]
БИЛЕТЫ НА ВСЕ СЕАНСЫ – 99 ЦЕНТОВ

В кассе сидела симпатичная девушка с миленькими белокурыми кудряшками и, пожевывая жвачку, с интересом читала одну из бульварных газеток, от которой так тащится миссис Шоу. В приемнике у нее надрывались «Лед Зеппелин». Слева от кассы, на щите для афиш, красовался огромный портрет Клинта Иствуда.

Джейк знал, что ему надо спешить – было уже почти три, – но все-таки

задержался на пару минут у входа в киношку, глядя на постер под грязным потрескавшимся стеклом. На Иствуде был мексиканский плед. В зубах – сигара. Один край пестрого пончо перекинут небрежно через плечо, приоткрывая на поясе револьвер. Глаза – голубые, бледные, точно повылинявшие. Глаза стрелка.

«Это не он, – осадил себя Джейк. – Но почти он. В основном из-за глаз... глаза очень похожи. Почти такие же».

– Ты дал мне упасть, – сказал он вслух, обращаясь к стрелку на стареньком плакате... к стрелку, который не был Роландом. – Тогда я умер из-за тебя. А что будет на этот раз?

– Эй, малыш, – окликнула Джейка блондинка в кассе. Он даже вздрогнул от неожиданности. – Билетик берем или как?

– Не, – сказал Джейк. – Я эти фильмы уже смотрел.

Он прошел дальше и повернул на Маркей-Авеню налево.

Он ждал, когда снова появится это странное ощущение – как бы воспоминание о будущем. Но оно не пришло. Улица так и осталась всего лишь улицей, самой обычной: жаркая, залитая солнцем, с жилыми домами по обе стороны. Их унылый песчаный цвет почему-то ассоциировался у Джейка с тюремными коридорами. На улице не было никого, только несколько молодых мамаш неспешно прогуливались парами по тротуару, толкая перед собою коляски и лениво переговариваясь друг с другом. Было не по сезону жарко. Слишком жарко для мая. Слишком жарко для прогулок.

«Чего я ищу? Чего?»

За спиной у него раздался хриплый смех. Мужской смех. За ним последовал рассерженный женский окрик:

– Сейчас же отдай!

Джейк подскочил на месте, почему-то решив, что сердитый этот окрик предназначался ему.

– Отдай, Генри! Я не шучу!

Оглянувшись, он увидел двух парней. Одному было лет восемнадцать, другой был намного моложе... лет двенадцать – тринадцать. При виде этого второго мальчишки, сердце у Джейка подпрыгнуло и как будто перевернулось. Во всяком случае, ощущение было похожее. Вместо полосатых шортов на мальчике были «вельветки» зеленого цвета, но желтую его футболку Джейк узнал тут же. К тому же, под мышкой пацан держал старенький баскетбольный мяч. И хотя он стоял спиной к Джейку, Джейк сразу понял, что мальчишку из сна он нашел.

Как выяснилось, кричала та самая симпатяшка с жвачкой из кассы. Старший из двух ребят – такой уже взрослый с виду, что его вполне можно было назвать мужчиной, одетый в черные джинсы и в черную же футболку с закатанными рукавами – отобрал у нее газету и держал ее над головой, ухмыляясь.

– А ты подпрыгни за ней, Марианна! Прыгай, девочка, прыгай!

Девушка из кассы сердито уставилась на него. Щеки ее покраснелись.

– Отдай, Генри! Хватит дурачиться. Отдай, кому говорю! Идиот!

– Нет, ты только послушай, Эдди! – возмутился старший. – Как она обзывается! Нехорошо, юная леди! – Продолжая ухмыляться, он помахал газетой перед самым носом у девочки, но так, чтобы она не сумела ее отобрать, и Джейк внезапно все понял. Они возвращались вдвоем из школы... хотя, судя по разнице в возрасте, если только Джейк не ошибся, учились они в разных школах... и старший подошел к кассе, делая вид, будто хочет сказать блондинке что-то важное и интересное, потом протянул руку через окошко и быстро выхватил у нее газету.

Джейку уже приходилось видеть такие лица, как у этого старшего парня – такие рожи бывают у пацанов, считающих верхом веселья облить кошке хвост зажигательной смесью или скормить голодной бродячей собаке хлебный шарик с рыболовным крючком внутри. Это они забавляются тем, что дергают на уроке девчонок за бретельки бюстгалтеров, а потом начинают изображать этакую оскорбленную невинность – «Кто? Я? Да вы что, как можно?!» – когда кто-то из девочек все же не выдержит и пожалуется преподавателю. Таких в школе Пайпера было немного, но все-таки они были. Такие, наверное, есть в каждой школе, разве что в школе Пайпера они одеваются подороже. Но лица у них такие-же. В прежние времена о таких говорили, что с такой рожей он точно кончит на виселице.

Марианна все же подпрыгнула, чтобы достать газету, которую парень в черной футболке и черных джинсах свернул в трубочку. Но в последний момент он отвел руку в сторону и шлепнул блондинку газетой по голове, как строгий хозяин шлепает пса, напрудившего на ковер. Теперь у девушки потекли слезы... не из-за газеты, а из-за обиды и унижения. Лицо ее так покраснелось, что казалось – оно горит.

– Ну и бери ее! – закричала она. – На здоровье! Читать, я знаю, ты не умеешь, так хотя бы картинки посмотришь!

Она повернулась, чтобы вернуться в кассу.

– Отдай, ну чего ты, на самом деле? – тихонько сказал младший мальчик... «знакомый» Джейка.

Старший протянул девушке свернутую в трубочку газету. Та быстро ее схватила, и даже на расстоянии в тридцать футов Джейк отчетливо расслышал звук рвущейся бумаги.

– Скотина ты, Генри Дин! – крикнула девушка. – Какая же ты скотина!

– Подумаешь, было бы из-за чего психовать, – в голосе Генри слышалась искренняя обида. – Уже пошутить нельзя, все такие нежные. Да и порвалась она в одном месте... вполне еще можно читать. Ладно тебе, улыбнись. Чего ты набычилась?

Джейк подумал еще: все правильно. Как и следовало ожидать. Пацаны вроде этого Генри никогда не умеют вовремя остановиться. Всегда, даже в самых что ни на есть идиотских шутках они заходят чуть дальше, чем следовало бы... а потом искренне удивляются, не понимая, почему кто-то на них орет. И все у них сводится к одному: «А че я такого сделал?», или «Ты, что ли, шуток не понимаешь?», или «Да ладно тебе, улыбнись, че психуешь?»

«А ты-то зачем с ним, дружище? – Джейк действительно этого не понимал. – Если ты на моей стороне, что у вас может быть общего с этим придурком?»

Но как только младший повернулся к нему лицом, Джейк сразу все понял. Черты у старшего были грубее и вся рожа, к тому же, в прыщах, но в остальном сходство было разительным. Они, стало быть, братья.

Джейк развернулся и прогулочным шагом направился вдоль по улице впереди двух ребят. Засунув дрожащую руку в нагрудный карман, извлек отцовские темные очки и кое-как водрузил их на нос.

За спиной у него голоса становились все громче, как будто кто-то включил приемник и медленно увеличивал громкость.

– Зачем ты так с нею, Генри? Она же обиделась.

– Ей это нравится, Эдди, – самодовольно ответил Генри голосом умудренного опытом человека, который знает о жизни все. – Когда станешь постарше, поймешь.

– Но она же плакала.

– В глаз, наверное, что-то попало, – философски заметил Генри.

Они подошли совсем близко. Джейк вжался в стену ближайшего дома, опустив низко голову и засунув руки в карманы джинсов. Он не знал, почему это так важно – чтобы его не заметили. Он знал только одно: это важно. Не из-за Генри, нет. Из-за младшего...

«Младший не должен меня запомнить, – вдруг подумалось ему. – Не знаю, почему, но не должен».

Они прошли мимо, не обратив на него внимания. Младший – Генри звал его Эдди – шел ближе к проезжей части, обводя мяч вдоль канавы.

– Но это же было смешно, согласишься! – говорил Генри. – Старушка Марианна подпрыгивает за газетой. Ап! Ап!

Эдди поднял глаза на брата. Наверное, хотел посмотреть на него с укоризной... но все же не выдержал и рассмеялся. В лице его было столько любви, искренней и безусловной, что Джейк понял сразу: Эдди многое простит брату, пока наконец не решит, что игра свеч не стоит. Что это все бесполезно.

– Так мы идем? – спросил Эдди. – Ты обещал, что мы сходим. После школы.

– Я сказал: может быть. Думаешь, мне охота туда переться? Не ближний все-таки свет. Да и мать, наверное, уже дома. может, лучше домой пойдем. Телек посмотрим.

Они были уже в десяти шагах впереди.

– Нет, давай сходим. Ты обещал!

Сразу за домом, вдоль которого шли сейчас братья, начинался забор с открытыми воротами. Джейк вытаращил глаза. Потому что за этим забором была баскетбольная площадка. Та самая, что приснилась ему прошлой ночью... во всяком случае, очень похожая. во сне ее окружали деревья. На самом деле деревьев не было и в помине. Не было и той странной будки в желтую с черным косую полоску. Но площадку Джейк узнал сразу. Тот же потрескавшийся асфальт. Та же разметка – выцветшие желтые линии.

– Ну... может быть. Я не знаю. – Джейк понял, что Генри просто издевается над младшим братом. Дразнит его. А вот Эдди этого не понимал. Он сейчас думал только о предстоящем походе в то место, куда ему так хотелось попасть. – Давай пока поиграем немножко, а я подумаю.

Выхватив мяч из рук брата, он неуклюже провел его по площадке и бросил его в кольцо. Мяч ударился в щит выше цели и отскочил, даже не задев кольца. Генри, может быть, и мастак отбирать у девочек газеты, подумал Джейк, но на баскетбольной площадке ему делать нечего.

Эдди прошел через ворота, остановился, чуть не доходя до площадки,

расстегнул свои «вельветки» и стал их снимать. Под брюками у него оказались те самые полосатые шорты, в которых он был во сне Джейка.

– Ух ты, какие штанишки! – воскликнул Генри. – Ну разве не прелесть?! – Он дождался, пока Эдди, снимая брюки, не встанет на одну ногу, и запустил в него баскетбольным мячом. Эдди все-таки удалось отбить мяч, избавляя тем самым себя от приятственной перспективы ходить с расквашенным носом, но при этом он потерял равновесие и неловко упал на асфальт. Хорошо еще, не порезался, хотя мог бы: вдоль всей площадки, отсвечивая в солнечных лучах, валялись осколки битого стекла.

– Не надо, Генри. Перестань, – сказал он, но без упрека в голосе. Джейк понял, что Эдди давно уже свикся с тем, что брат «садирует» его как хочет, и замечает подобные генрины выходки только тогда, когда Генри глумится над кем-то другим... тоже слабым и беззащитным, типа блондинистой девочки в кассе.

– Де дадо, Генли. Пелестань, – передразнил его Генри.

Эдди поднялся на ноги и выбежал на площадку. Мяч ударился о забор и отскочил назад к Генри. Тот попытался провести мяч мимо младшего брата, но Эдди выставил руку вперед молниеносным и даже каким-то изящным движением, и перехватил мяч. Легко пронырнув под протянутой, бьющей по воздуху рукой Генри, он рванулся к корзине. Серdito нахмурившись, Генри бросился следом, но с тем же успехом он мог бы прилечь отдохнуть. Эдди подпрыгнул, согнув ноги в коленях и прижимая ступни друг к другу, и уложил мяч в корзину. Генри схватил его на лету и повел к боковой линии.

«Зря ты, Эдди. Не стоило этого делать», – подумал Джейк. Он внимательно наблюдал за играющими, встав у самого начала забора. Место казалось достаточно безопасным. Пока. Джейк был в темных очках. Все-таки маскировка. К тому же мальчики так увлеклись игрой, что подойди сейчас к ним сам президент Картер, они бы, наверное, его не заметили. Впрочем, Джейк сомневался, что Генри знает, кто такой президент Картер.

Он думал, что Генри станет обзывать, может быть, даже даст брату пинка за отобранный мяч, но он, кажется, недооценил способностей Эдди. Генри сделал обманный маневр, который не обманул бы и матушку Джейка, но Эдди как будто поддался на трюк. Генри бросился мимо брата к щиту, в нарушении всех правил почти что не выпуская мяч из рук. Джейк был уверен, что Эдди запросто мог бы догнать его и отобрать мяч, но тот специально отстал. Генри швырнул мяч в корзину – так же неловко, как в первый раз, – и мяч опять отскочил от щита. Эдди подхватил его... и дал ему упасть. Генри этим воспользовался. Повернувшись к щиту, он опять

бросил мяч. На этот раз он попал.

– Один-один, – выдохнул, запыхавшись, Генри. – Игра до двенадцати?

– Как всегда.

Джейк увидел достаточно. Игра пойдет, как говорится, очко в очко, но Генри все-таки выиграет. Эдди приложит к этому все усилия. И не только из-за того, чтобы избежать очередной головной боли. Выиграв, Генри придет в благодушное настроение и скорее согласится пойти туда, куда так упорно завет его Эдди.

«Эй, детина... похоже, твой младший братишка давно уже вертит тобой, как хочет; управляется, как скрипач-виртуоз – со скрипкой, а тебе даже и невдомек».

Он вернулся немного назад, пока дом, что стоял на северном углу двора, не закрыл обзор. Теперь Джейк не видел уже братьев Дин, а они – его. То есть, они его и не видели, но лучше все-таки лишний раз на виду не маячить. Прислонившись к стене, Джейк слушал глухие удары мяча об асфальт. Вскоре Генри уже пыхтел, точно Чарли Чу-Чу, взбирающийся на крутой холм. Он, должно быть, заядлый курильщик. Такие парни, как Генри, они всегда курят.

Игра продолжалась около десяти минут. Когда Генри провозгласил, наконец, победу, на улице появились и другие ребята. Наверное, в ближайшей школе закончились занятия. Проходя мимо Джейка, кое-кто покосился на него с нескрываемым любопытством.

– Хорошо сыграно, Генри, – заметил Эдди.

– Неплохо, – отозвался, тяжело дыша, Генри. – А ты снова купился на старый финт.

«А то как же, – подумал Джейк. – И еще долго, наверное, будет “купляться”, пока фунтов восемьдесят не прибавит в весе. А потом он, наверное, очень тебя удивит».

– Да, я опять, кажется, лопухнулся. Слушай, Генри... может, все-таки сходим туда. Ну пожалуйста.

– А че не сходить? Давай.

– Ура! – радостно завопил Эдди. Затем раздался звонкий шлепок. Должно быть, Эдди ударил брата ладонью о поднятую ладонь. – Как клево!

– Тогда поднимись домой. Скажи матери, мы вернемся в полпятого, в крайнем случае – без пятнадцати. Только ни слова про Особняк. А то с ней удар приключится. Она тоже верит, что там живут привидения.

– Может, сказать ей, что мы идем в «Дьюи»?

Генри задумался. В разговоре образовалась пауза.

– Не. Она может проверить... позвонить миссис Банковски. Скажи

лучше... скажи, что мы пойдем в «Дали». Что нам захотелось по «Худси Рокетс». Она поверит. И стрельни у нее пару баксов.

– Денег она не даст. Осталось два дня до зарплаты.

– Ерунда. Постарайся – выудишь. Ну давай, иди.

– Хорошо. – Но Джейк не услышал шагов. – Генри?

– Че? – Раздраженно.

– А там правда живут привидения, в Особняке? Как ты думаешь?

Джейк бочком пододвинулся ближе к площадке. Его, конечно, могли заметить, но пришлось рискнуть: ему надо было услышать ответ.

– Не. Привидений вообще не бывает... только в дурацких фильмах.

– А-а, – в голосе Эдди явственно слышалось облегчение.

– Но если и есть одно заваливающее в этом городе, – продолжал Генри (увидев, что Эдди уже не боится, ему, наверное, захотелось поиздеваться над младшим братом, подумал Джейк), – тогда оно точно – в Особняке. Говорят, пару лет назад туда зашли два пацана, просто чтобы проверить себя, слабо им или нет, а потом копы нашли их там с перерезанными глотками. В их телах не осталось ни капли крови. Но вокруг крови не было. Понимаешь? Крови не было.

– Правда? – выдохнул Эдди.

– А то. Но это еще не все.

– А что еще?

– У них волосы были седые, то есть совсем седые. – Голос Генри, долетевший до Джейка, звучал торжественно и серьезно. Ему показалось даже, что на этот раз Генри вовсе не дразнит брата, что он сам верит каждому своему слову. (Кроме того, Джейк не думал, что у Генри хватило бы ума выдумать что-то подобное.) – У обоих. И глаза у них были открыты. Широко-широко. Как будто они перед смертью увидели самое страшное привидение в мире.

– Ладно, хорош заливать, – вставил Эдди, но в его голосе явственно слышался страх.

– Ты еще не передумал?

– Конечно, нет. К тому же, мы ведь не собираемся... ну, подходить слишком близко.

– Тогда иди скажи матери. И постарайся все-таки выудить у нее пару баксов. Мне надо купить сигарет. И занеси этот дурацкий мяч!

Джейк попятился и укрылся в ближайшем подъезде в тот самый момент, когда Эдди вышел с площадки.

Но тут, к несказанному ужасу Джейка, мальчик в желтой футболке направился в его сторону. О-о-о! – в испуге подумал Джейк. А что если это

его подъезд?

Так и вышло. Джейк успел лишь повернуться к панели звонков и принялся сосредоточенно изучать список жильцов. Эдди Дин прошел мимо него. Так близко, что Джейк почувствовал запах пота от его разгоряченного напряженной игрою тела. Он не столько даже увидел, сколько почувствовал любопытный взгляд, брошенный на ходу в его сторону. Затем Эдди прошел в коридор и направился к лифтам. В одной руке он держал свои школьные брюки, в другой – баскетбольный мяч.

Сердце бешено колотилось у Джейка в груди. Оказалось, что в жизни следить за кем-то гораздо сложнее, чем в детективных романах, которые он иной раз почитывал. Перейдя через улицу, он прошел на полквартила вперед и остановился в проулке между двумя домами. Отсюда были видны и подъезд дома, где жили братья, и вход на площадку. Теперь на ней собрались ребяташки. В основном – малышня. Генри стоял, прислонившись к забору, и со скучающим видом курил сигарету. Этаким тоскующий «вьюноша». Время от времени, когда кто-нибудь из малышни пробежал слишком близко, он лениво выставлял ногу, и до того, как вернулся Эдди, ему удалось подловить троих. С двумя первыми все обошлось, но третий упал, растянувшись во весь рост, и сильно ударился лбом об асфальт. С ревом поднявшись, малыш убежал. Лоб его был весь в крови. Генри швырнул ему вслед окурок и радостно расхохотался.

«То же мне весельчак», – угрюмо подумал Джейк.

После этого малыши поуменьли и старались теперь держаться от Генри подальше. Он вышел с площадки и направился не спеша к подъезду, где минут пять назад скрылся Эдди. Только он подошел, дверь распахнулась и на улицу выскочил Эдди. Он переоделся. В джинсы и свежую футболку. На лоб повязал платок – тот самый, зеленый, который Джейк видел на нем во сне. Эдди победно размахивал двумя долларовыми бумажками, зажатыми у него в руке. Генри выхватил деньги и что-то спросил у брата. В ответ Эдди кивнул, и они пошли.

Джейк направился следом за ними, выдерживая расстояние в полквартила.

Они стояли в высокой траве на обочине Великого Тракта, глядя на говорящий круг.

«Стоунхендж, – подумав об этом, Сюзанна невольно поежилась. – Вот на что это похоже. На Стоунхендж».

Хотя густая трава, покрывавшая всю равнину, росла и у подножия высоких серых монолитов, внутри круга камней земля была голой. Только какие-то белые штуки валялись на ней тут и там.

– Что это? – спросила Сюзанна, почему-то понизив голос. – Камни?

– Присмотрись повнимательнее, – сказал Роланд.

Она так и сделала. Это были не камни, а кости. Наверное, кости каких-то зверюшек. Она очень на это надеялась.

Эдди переложил заостренную палку в левую руку, вытер о рубашку вспотевшую ладонь правой и снова взял палку в правую руку. Он открыл было рот, но в горле его пересохло, и он не сумел ничего сказать. Эдди откашлялся и попробовал еще раз:

– По-моему, мне нужно войти в этот круг и кое-что нарисовать на земле.

Роланд кивнул.

– Прямо сейчас?

– Нет, но скоро. – Он заглянул Роланду в глаза. – Там что-то есть, да? Что-то, чего мы не можем увидеть.

– Сейчас его нет, – отозвался Роланд. – Во всяком случае, мне так кажется. Но оно придет, привлеченное нашим кхефом... нашей жизненной силой. И оно постарается нас не пустить. Оно будет хранить свой круг. Верни мне револьвер, Эдди.

Эдди снял с себя ружейный ремень, отдал его Роланду и повернулся опять к кругу стоячих камней высотой футов в двадцать, не меньше. Да, там действительно что-то есть. Или было. Эдди чувствовал его запах. В сознании его всплыли образы сырой штукатурки, трухлявых диванов и старых матрасов, гниющих под жижею плесени. Затхлая вонь. Знакомый запах.

Особняк... там точно так же воняло, я помню. В тот день, когда я все-таки уговорил Генри сходить в Дач-Хилл, на Райнхолд-стрит, к Особняку.

Роланд застегнул пряжку на поясе и наклонился, чтобы закрепить кобуру на бедре.

– Нам может понадобится Детта Уокер, – сказал он, поднимая голову и глядя в упор на Сюзанну. – Она здесь?

– Эта сучка всегда ошивается где-то поблизости, – сморщила нос Сюзанна.

– Хорошо. Эдди там нужно кое-что сделать, и кому-то из нас надо будет его прикрыть... я еще точно не знаю, кому. Это логово демона.

Демоны, хоть и не люди, но у них тоже есть разделение полов. Пол – их оружие, но и слабость тоже. Сейчас нам не важно, демон там обитает или же демоница. В любом случае он нападет на Эдди. Чтобы защитить свой круг. Чтобы домом его не воспользовался посторонний. Ты меня понимаешь?

Сюзанна кивнула. Эдди как будто не слушал. Засунув сверток с ключом за пазуху, он смотрел сейчас как замороженный в самый центр говорящего круга.

– У нас сейчас нету времени подбирать мягкие и приличные выражения, – продолжал Роланд, – в общем, кому-то из нас...

– Кому-то из нас надо будет с ним трахаться... или с ней, чтобы она или он не добрались до Эдди, – закончила за него Сюзанна. – Они, эти демоны, никогда не упустят возможность потрахаться на халяву. Ты мне это хотел сказать?

Роланд кивнул.

В глазах Сюзанны вспыхнули угрожающие огоньки. Теперь это были глаза Детты Уокер, умные и недобрые, горящие предвкушением крутой забавы. Даже голос ее стал как будто ниже. Теперь в нем явственно проступало протяжное южное произношение «девчонки с плантаций» – фирменный знак Детты Уокер:

– Если демон – девица, ее дрючишь ты. Если – мужик, я беру его на себя. Правильно я поминаю?

Роланд опять кивнул.

– А если он может и так, и этак? Что тогда, умник?

Губы Роланда скривились в подобие бледной улыбки.

– Тогда мы вместе его оприходуем. Главное, не забудь...

Эдди вдруг пробормотал слабым рассеянным голосом:

– Не все затихло в чертогах мертвых. Берегись, спящий уже просыпается. – Он повернулся к Роланду и посмотрел на него испуганными затравленными глазами. – Там чудовище.

– Демон...

– Нет. Там чудовище. Между дверями... между двумя мирами. Оно ждет. И оно открывает глаза.

Сюзанна испуганно покосилась на Роланда.

– Держись, Эдди, – сказал Роланд. – Верь в себя.

Эдди сделал глубокий вдох.

– Я буду держаться, пока оно не собьет меня с ног. Итак, начинается. Я пошел. Мне пора.

– Мы все идем. – Выгнув спину, Сюзанна сползла с коляски. – Если

этому демону хочется перепихнуться, я покажу ему класс. Такой сладенькой девочки он в жизни еще не имел. Будет ему настоящий перепихон. На всю жизнь, голубчик, запомнит.

Как только они вошли в круг камней, начался дождь.

Едва Джейк увидел его, это место, он сразу понял две вещи. Во-первых, он уже видел его – в своих снах, но настолько кошмарных, что потом, просыпаясь, он их не помнил вообще, как будто разум его «закрывался» и не давал подсознательным воспоминаниям выплыть наружу. А во-вторых, это место буквально дышало убийством, безумием и смертью. Он встал на дальнем углу Райнхолд-стрит и Бруклин-Авеню, ярдах в семидесяти от Генри и Эдди Динов, но и на таком расстоянии Джейк ощущал некую силу, исходящую от Особняка. Как будто этот старый заброшенный дом, не обращая внимания на братьев, тянул к нему жадные руки, невидимые, загребушие. Джейк представил себе эти страшные руки с когтями на пальцах. Острыми и безжалостными.

«Он меня чует. Он хочет заполучить меня. И я не могу от него убежать. Войти туда – смерть... но не войти – безумие. Потому что там, где-то внутри, есть дверь. Она заперта, но у меня есть ключ. И мне не на что больше надеяться. Мое единственное спасение – там, за дверью».

Джейк со страхом глядел на Особняк. Было в нем что-то такое... явно ненормальное. Точно злоеца опухоль дом мрачно чернел посреди неухоженного двора, буйно заросшего сорной травой.

Братья Дины прошли не спеша по Бруклину – все-таки девять кварталов по жаре – и добрались наконец до района, который, судя по вывескам магазинов, назывался Дач-Хилл. Остановились они перед самым Особняком. (Джейк отставал от них на полквартала.) Судя по виду, дом много лет простоял пустым, но, что удивительно, не пострадал почти от вандализма. Джейк сразу увидел, что когда-то это пустое строение действительно было особняком... и здесь, наверное, жила большая семья какого-нибудь состоятельного торговца. В те давние дни он, должно быть, был белым, но теперь стены его посерели и стали вообще никакого цвета. Стекла, естественно, были повыбиты, старый забор – весь исписан, но сам дом сохранился в неприкосновенности.

Он как будто весь съежился под лучами жаркого солнца – дряхлый

дом-призрак под шиферной крышей на вершине пригорка посреди замусоренного двора. Джейку он почему-то напомнил собаку: злую собаку, которая притворяется, будто спит. Крутой скат крыши, точно нахмуренный лоб, нависал над крыльцом. Доски крыльца покоробились и растрескались. Ставни – когда-то зеленые – криво лепились к пустым, без стекол, окнам. Кое-где даже висели древние занавески, покачиваясь на ветру, точно ошметки облезшей кожи. Слева от дома вглубь двора тянулась решетка для вьющихся растений. Когда-то за ними, должно быть, следили, но теперь она вся заросла неприглядной какой-то порослью безымянной и явно несадовой культуры. Рядом с лужайкой и на двери Джейк заметил таблички, но он стоял далеко и оттуда не мог прочитать, что на них было написано.

Дом был живым. Джейк это знал... чувствовал. И дом тоже знал об его присутствии. Это чувствовалось во всем: в покосившихся досках и просевшей крыше, в черных глазницах окон, – отовсюду как будто лились потоки непонятного и чужого, но все же живого разума. От одной только мысли о том, чтобы приблизиться к этому страшному месту, Джейк буквально похолодел от ужаса. Что же тогда говорить о том, чтобы войти туда, внутрь... Но ему все же придется войти. Придется. В ушах стоял низкий гул, навевающий дремоту – так гудят пчелы в улье жарким летним днем, – и на мгновение Джейк испугался, что он сейчас потеряет сознание. Он закрыл глаза... и в сознании его явственно прозвучал голос. Его голос.

«Ты должен войти туда, Джейк. Это – “дорожка” Луча, путь к Темной Башне, время сделать решительный шаг. Время для твоего Перехода. Держись, верь в себя и иди ко мне».

Страх не прошел, но ужасающее ощущение нарастающей паники все-таки отпустило. Джейк открыл глаза и увидел, что он – не единственный, кто почувствовал силу и темный разум, исходящие от этого мрачного места. Эдди тоже старался держаться подальше от изгороди. На мгновение он повернулся к Джейку лицом, и тот увидел его глаза под зеленой повязкой на лбу, широко распахнутые и тревожные. Старший брат грубо схватил его за руку и потащил к ржавым воротам, но как-то несмело, с опаской. Вряд ли Генри хотел таким образом напугать Эдди: каким бы он ни был тупоголовым, Генри тоже не слишком нравился Особняк... не больше, чем Эдди.

Они отступили на пару шагов и остановились, глядя на дом. Джейк не слышал, о чем они говорили, но голоса их звучали испуганно и растерянно. Джейк вспомнил вдруг, что сказал ему Эдди во сне: Но опасность все-таки существует. Будь осторожен... и действуй быстро.

Настоящий Эдди – стоящий напротив Особняка на той стороне улицы – внезапно повысил голос, так что Джейк сумел разобрать слова:

– Пойдем домой, Генри? Пожалуйста. Мне здесь не нравится, – выдавил он умоляющим тоном.

– Сопляк трусливый, – процедил Генри сквозь зубы, но Джейку все-таки показалось, что в его голосе слышалось явственное облегчение. – Ладно, пойдем, хрен с тобой.

Они отвернулись от дряхлого дома, который весь будто съежился, притаившись за ветхим забором, и зашагали по улице в сторону Джейка. Джейк невольно попятился и лихорадочно огляделся, ища укрытие. Так и не высмотрев ничего подходящего, он уставился на витрину унылого маленького магазинчика с унылым названием «Подержанная бытовая техника Дач-Хилл» и проследил за тем, как Генри и Эдди, чьи тусклые призрачные отражения наложились на выставленный в витрине допотопный пылесос фирмы «Хувер», перешли через Райнхолд-стрит.

– Ты уверен, что там не живут привидения? – спросил Эдди, когда они вышли на тротуар на стороне Джейка.

– Знаешь, что я тебе скажу? Теперь, когда я снова его увидел, я ни в чем уже не уверен.

Не глядя на Джейка, они прошли мимо прямо у него за спиной.

– А ты бы вошел туда? – спросил Эдди у брата.

– Ни за что, – быстро ответил Генри. – Даже за миллион не вошел бы.

Они свернули за угол. Оторвавшись от замшелой витрины, Джейк быстро дошел до угла и осторожно выглянул. Они возвращались тем же путем, каким и пришли сюда. Два брата. Бок о бок. Генри, сторбившись как старикан, вышагивал, еле передвигая ноги в своих дерьмоступах, подбитых сталью, и Эдди, шагающий рядом с легкой естественной грацией. Их дружные тени, длинные и растянувшиеся по улице – дело близилось к вечеру, – сливались в одну.

Они домой идут, – вдруг подумал Джейк. Ему в жизни не было так одиноко. Оно, одиночество, словно бы накатило могучей волной, грозящей его сокрушить. Дома они сядут ужинать, сделают вместе уроки, потом поспорят, какую программу смотреть по телику, и лягут спать. Генри, может быть, и говнюк, но у этих двоих есть жизнь, своя жизнь... которая имеет смысл... и они возвращаются к ней. Интересно, они понимают, как им повезло? Эдди, наверное, понимает.

Джейк отвернулся, поправил ремни ранца и перешел на ту сторону Райнхолд-стрит.

Вдруг Сюзанна почувствовала какое-то движение на пустынных лугах за пределами круга стоячих камней: шелестящий вздох, мимолетный шепот.

– Что-то сюда идет. – Она вся напряглась. – Уже скоро оно будет здесь.

– Вы осторожнее, – сказал Эдди, – но не давайте ему до меня добраться. Вы меня поняли? Не давайте ему подойти ко мне.

– Я тебя слышу, Эдди. Не переживай. Занимайся своим делом.

Эдди кивнул. Опустившись на колени в самом центре каменного круга, он выставил перед собой заостренную палку, пристально к ней пригляделся, словно пытаюсь определить на глаз, хорошо ли она заточена, потом опустил ее, как будто довольный, и начертил на земле четкую прямую линию.

– Роланд, ты присмотри за ней...

– Хорошо, Эдди. Если смогу.

– ...но не давайте ему до меня добраться. Джейк идет уже. И она тоже идет. К нам идет полоумная мамочка.

Теперь Сюзанна увидела, как густая трава к северу от говорящего круга раздвинулась вдоль темной линии, образовав борозду голой земли, нацеленную в самый центр каменного кольца. Туда, где сейчас находился Эдди.

– Приготовься, – сказал Роланд. – Он сразу бросится на Эдди. И кому-то из нас надо будет устроить ему небольшую засаду.

Сюзанна приподнялась на обрубках ног, точно змея, выползающая из корзины факира. Руками, сжатыми в жесткие кулаки, она подпирала горящие щеки. Глаза ее так и пылали.

– Я готова, – тихо проговорила она и вдруг закричала: – Иди ко мне, сладенький! Поторопись, а то девочка ждет! Ноги в руки и дуй сюда. Не пожалеешь!

Дождь стал как будто сильнее, когда демон, живущий в круге, ворвался в каменное кольцо с оглушительным ревом. Сюзанна успела еще ощутить его напряженную и безжалостную мужскую сущность – как будто в лицо ей пахнуло запахом джина и можжевельника, таким едким, что на глаза навернулись слезы, – а потом демон бросился к центру круга. Она закрыла глаза и потянулась к нему. Не телом и даже не разумом, а всей своей женскою силой, заключенной в ее естестве: «Эй, красавец-мужчина! Куда это ты разогнался? Я здесь!»

Демон развернулся мгновенно. Она всем нутром ощутила его изумление... и его первобытный голод, налитый и требовательный, как пульсирующая артерия. Он накинулся на нее, как насильник-маньяк, поджидающий жертву в темном закоулке.

Застонав, Сюзанна подалась назад. На шее у нее вздулись вены. Платье ее натянулось, облепив грудь и живот, как под порывом ветра, а потом начало рваться в клочья. Она слышала скрежет неистового дыхания, идущего словно бы ниоткуда, как будто ею решил овладеть самый воздух.

– Сьюз! – крикнул Эдди и стал подниматься с колен.

– Нет! – закричала она в ответ. – Делай, что должен! Не отвлекайся! Кажется, я подцепила этого мудака... и я разберусь с ним сама! Прямо здесь! А ты давай, Эдди! Помоги пацану! Помоги... – Ледяной холод ударился в нежную плоть у нее между ног. Она застонала, упала на спину... но потом, оттолкнувшись рукой, вызывающе подалась чуть вперед и вверх. – Пусть он пройдет! Помоги ему!

Эдди растерянно поглядел на Роланда. Тот лишь молча кивнул. Он опять посмотрел на Сюзанну, и в глазах у него была темная боль и страх, что чернее боли, но потом отвернулся, все же решившись, от них обоих и снова упал на колени. Не обращая внимания на холодные струи дождя, бьющие по рукам и затылку, он вытянул заостренную палку – этакий импровизированный карандаш – вперед и принялся чертить на размокшей земле четкие линии и углы. Роланд сразу же понял, что он рисует.

Дверь.

Джейк протянул руку и толкнул старую потрескавшуюся калитку. Она открылась с противным скрипом, провернувшись на ржавых петлях. От калитки к крыльцу вела дорожка, выложенная кирпичом. Дорожка к двери. Дверь была наглухо заколочена досками.

Джейк подошел к крыльцу медленно, словно нехотя. Сердце стучало в груди, отдаваясь отчаянной азбукой Морзе в горле. Между раскрошенными кирпичами дорожки густо выросли сорняки. Джейк явственно слышал, как они шелестят о штанины джинсов. Все чувства его обострились, как будто кто-то настроил его восприятие на более тонкую частоту. Ты же не собираешься заходить туда, правда? – дрожал в голове у него слабый голос, срывающийся от паники.

И ответ, сам собою возникший в сознании, был абсолютно безумным и все же единственно правильным и приемлемым: «Все служит Лучу».

Табличка, что на лужайке, гласила:

ПРОХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН! ЗА НАРУШЕНИЕ –
ШТРАФ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ!

Надпись же на пожелтевшем листочке бумаги, прибитом к одной из досок на заколоченной двери, была еще более категоричной:

РЕШЕНИЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПО ЖИЛИЩНЫМ
ВОПРОСАМ ГОРОДСКОГО СОВЕТА СТРОЕНИЕ ПРИЗНАНО
НЕГОДНЫМ К ПРОЖИВАНИЮ

Джейк помедлил у нижней ступеньки крыльца, пристально глядя на дверь. Там, на заброшенном пустыре, ему слышались голоса... и теперь голоса зазвучали снова. Только на этот раз вместо ликующей песни это был точно хор проклятых – бормотание безумных угроз и столь же безумных посулов. В хоре этом сливались тысячи голосов, и все-таки Джейку казалось, что голос один. Голос дома. Голос какого-то чудовищного привратника, поставленного много лет назад сторожить эту дверь... стража, который заснул на посту, но теперь пробуждается от беспокойного долгого сна.

Джейк только теперь подумал об отцовском «Рюгере». Он даже решил его вытащить и держать наготове – просто на всякий случай, – но потом рассудил, что не стоит. Если вдруг что, он все равно не поможет. У него за спиной по Райнхолд-стрит проезжали машины, какая-то тетка кричала дочке, чтобы та прекратила тискаться с парнем и быстро несла белье домой, но рядом с ним был другой мир... мир, где всем заправляет какое-то мрачное существо, против которого пули бессильны.

«Верь в себя, Джейк... держись».

– Хорошо, – прошептал он, и голос его сорвался. – Хорошо, я попробую. Но на этот раз ты меня не бросай... лучше не надо.

Медленно, очень медленно, он поднялся по ступенькам крыльца к заколоченной двери.

Старый доски давно прогнили, гвозди проржавели. Джейк схватился за верхнюю доску у самого перекрестия и резко рванул. Она оторвалась с противным скрипом, точно таким же, как скрип калитки. Джейк зашвырнул ее через перила крыльца на древнюю клумбу, теперь заросшую только кизилом и сорной травой. Наклонившись, он взялся за нижнюю доску... и замер.

Из-за двери послышался глухой рык – рев голодного зверя, вождельно брызжущего слюной на дне бетонного колодца. Джейк почувствовал, как на лбу и щеках выступил липкий пот. Ему стало дурно. Он так испугался, что на какой-то миг перестал ощущать реальность происходящего: он как будто превратился в призрачный персонаж кошмарного сна, который снится кому-то другому.

Там, за дверью, звучал злобный хор. Там таился невидимый враг. Его голос сочился наружу, как липкий сироп.

Джейк дернул нижнюю доску. Она поддавалась легко.

«Ну конечно. Оно хочет, чтобы я вошел. Он, кажется, изголодался, и в меню у него я стою первым блюдом».

Неожиданно в памяти всплыло стихотворение, которое как-то прочла на уроке мисс Авери. По ее утверждению в нем говорилось о бедственном положении современного человека, который утратил все корни свои и традиции, но теперь Джейк решил, что все было проще. Поэт, наверное, здесь бывал и видел этот жуткий дом:

Я покажу тебе то, чего ты не видел доселе,
Нечто, совсем не похожее на твою тень,
что за тобою шагает утром,
Или на тень твою вечером, что встает пред тобой,
Я покажу тебе...

– Я покажу тебе страх в горстке праха, – пробормотал Джейк вслух, берясь за дверную ручку. И едва он прикоснулся к ней, как его вновь охватило знакомое чувство уверенности и несказанного облегчения... то самое чувство, когда ты знаешь наверняка, но на этот раз – без дураков, что дверь откроется в другой мир, где небо не тронута дымом из заводских труб, а на горизонте, подернутый синеватой дымкой, маячит не горный кряж, а прекрасный и незнакомый город.

Запустив руку в карман, он сжал серебряный ключ в кулаке, надеясь, что дверь заперта и можно будет воспользоваться ключом. Но дверь

оказалась не запертой. Дверь отворилась со ржавым скрипом. Ошметками ссыпалась ржавчина с ветхих петель. Запах гнили ударил в лицо, как кулак: отсыревшее дерево, рыхлая штукатурка, гниющие ткани, древняя разложившаяся набивка. И был еще один запах – запах звериного логова. Промозглый сырой коридор уводил во тьму впереди. Слева к сумраку верхнего этажа поднималась кривая расшатанная лестница. Отвалившиеся перила валялись, разбитые в щепки, на полу в коридоре, но Джейк был не настолько наивен, чтобы пытаться уверить себя, будто среди этих мрачных обломков он не видит еще одной вещи. Там, среди хлама и мусора, были еще и кости – кости мелких животных. Вроде бы кости животных... но приглядываться Джейк не стал, иначе ему не достало бы мужества идти дальше вглубь дома. Он помедлил на входе, пытаясь взять себя в руки, чтобы сделать первый – решающий – шаг. В глухой тишине что-то тихонько стучало. Быстро и твердо. Джейк не сразу сообразил, что это стучат его зубы.

«Почему никто меня не остановит? – в отчаянии думал он. – Почему никто из прохожих не крикнет мне с улицы: “Эй, ты там на барже! Туда нельзя... ты, что ли, читать не умеешь, умник?”»

Но он и сам знал, почему. Потому что прохожие на Райнхолд-стрит старались держаться на той стороне улицы. Те же, кто шел по этой, старались как можно быстрее пройти мимо мрачного дома.

«Но даже если кто-нибудь из прохожих посмотрит сюда, он все равно меня не увидит, потому что на самом деле меня здесь нет. Не знаю, к добру это или нет, но меня уже нет в моем мире. Мой переход уже начался. Впереди меня ждет его мир. А это...»

А это ад между мирами.

Джейк шагнул в коридор... и закричал, когда дверь у него за спиной захлопнулась, точно врата мавзолея. Да, закричал, но ни капельки не удивился.

Он не удивлялся уже ничему.

Давным-давно, в стародавние времена, жила-была одна женщина. Молодая такая женщина. Звали ее Детта Уокер. Частенько наведывалась Детта Уокер в придорожные забегаловки и дешевенькие закусовые на Риджлайн-Роуд, что в предместье Натли, и на Шоссе № 88, на том отрезке

его, что тянулся от линий электропередач к Эмхаю. В те времена у нее еще были ноги, и, как поется в одной славной песне, она знала, что с ними делать. Обычно она надевала дешевое платье в обтяжку, похожее с виду на шелковое, только, конечно, не шелковое, отнюдь, и танцевала с белыми парнями, пока музыканты на маленькой сцене наяривали попсу типа «Мы с моею чувихой балдеем от наших любовных затей» или «Хиппи-хиппи шейка». Иногда Детта Уокер цепляла кого-то из этих парней и соглашалась пойти с ним в машину на автостоянке. Там она распаляла его (никто не умел целоваться душевней и лучше, чем Детта Уокер, да и коготками работать была она мастерица), пока он совсем уже не забалдевал... а потом: «Не пошел бы ты, мальчик ...туда?» И что было дальше? Ну, в этом-то все и дело. В этом, как говорится, и вся игра. Одни распускали сопли и начинали ее упрашивать – тоже, знаете ли, вариант, но так себе... ничего выдающегося. Другие бесились и психовали, и это было гораздо забавнее.

И хотя Детта Уокер не раз получала по кумполу за свои выкрутасы – бывало, потом она долго ходила с подбитым глазом, а один раз, на стоянке у «Красной Мельницы», ей дали такого пинка под зад, что она растянулась на гравиевой площадке, – никто ни разу ее не снасильничал. Они все уходили ни с чем... как еще говорится, с синими яйцами... все до единого, недоумки. То есть, по шкале ценностей Детты Уокер, она оставалась всегда победительницей. Королевой. Королевой чего, может быть, спросите вы? А ничего. Их королевой. Королевой всех этих короткостриженных и узкозадых никчемных белых мудил.

Но теперь все пошло по-другому.

При всей ее дьявольской изобретательности «кинуть» демона, обитающего в говорящем круге, оказалось совсем не просто. Да что непросто?! Немыслимо. Невозможно. Здесь, в круге, не было дверных ручек, чтобы схватиться в последний момент, не было дверцы, которую можно открыть, чтобы выбраться из машины – которой, собственно, тоже не было – и укрыться в ближайшем подъезде, успев напоследок отвесить пощечину, расцарапать ублюдку рожу, а то и врезать коленом по яйцам, если он, тугодум, не поймет с первого раза.

Демон набросился на нее, навалился... а потом, не успела она и моргнуть, он – он – вошел в нее.

Она не могла его видеть, но чувствовала, как он – он – прижимает ее к земле. Она не видела его рук, но и невидимые, они делали свое дело – платье ее разорвалось в клочья. А потом все ее тело вспорола боль. Боль застала ее врасплох. Ощущение было такое, как будто ее разорвали надвое. Она закричала в агонии. Эдди, прищурившись, оглянулся.

– Я в порядке! – выкрикнула она. – Продолжай, Эдди! Забудь обо мне! Я в порядке!

Но она солгала. В первый раз с той великой поры, когда Детта Уокер, тринадцати лет, вышла на «битву полов», она проигрывала сражение. Мерзкий и алчный холод вонзился в нее... как будто трахаешься с сосулькой, честное слово.

Смутно, как будто сквозь пелену, она увидела, как Эдди опять отвернулся и принялся рисовать на размокшей земле. Лицо его, только что выражавшее теплоту и тревогу, снова застыло в холодной, ужасной, сосредоточенности, которую она иногда ощущала в нем. Ну что ж, так и должно быть, правда? Она сама попросила его продолжать, забыть о ней и вытащить мальчика в этот мир. Она тоже участвовала, как могла, в переходе Джейка. Она сама согласилась на это, и поэтому нечего ей обижаться на этих мужчин, которые, собственно, и не выкручивали ей руки, заставляя отдаться демону, и все же... когда ледяной холод пронзил ее, а Эдди спокойненько отвернулся, она на какой-то ужасный миг возненавидела их обоих. Сейчас, будь у нее возможность, она бы с большим удовольствием открутила им яйца.

А потом рядом с ней оказался Роланд. Его сильные руки легли ей на плечи, и хотя Роланд не произнес ни слова, она все равно услышала его: «Не сопротивляйся. Борьбой тебе его не одолеть, он все равно победит... а ты погибнешь. Секс и пол – это оружие его, Сюзанна, но и слабое место тоже».

Да. Секс – их слабое место. Всегда. Разница только в том, что сейчас ей придется пожертвовать большим... но, наверное, так и должно быть. Кто знает, быть может, в конечном итоге она сумеет заставить этого маньяка-демона заплатить ей сполна.

Она заставила себя расслабить бедра. В ту же секунду они разметались в стороны, вжатые в мокрую землю невидимым телом. Она запрокинула голову, подставляя лицо дождю, который теперь лился с неба сплошной пеленой, и почувствовала, как над нею склонилось невидимое лицо. Она буквально физически ощутила жадный взгляд неумных глаз – взгляд, впившийся ей в лицо и поглощающий каждую искаженную болью гримасу.

Она занесла руку, словно намереваясь ударить, вклепить пощечину... но вместо этого обняла насильника за шею. Ей показалось, что она зачерпнула горсть затвердевшего дыма. И он в самом деле подался назад, удивленный ее неожиданной лаской, или это ей только почудилось? Используя шею демона как рычаг, она резко рванулась вверх, оторвав таз от земли. Одновременно она еще шире развела ноги. Швы на платье, еще

худо-бедно державшиеся, разошлись окончательно. Господи, ну и громила!

– Ну давай! – прохрипела она. – Думаешь, это ты меня трахаешь?! А вот и хрен. Это я тебя трахаю, въехал, мальчик? Я тебе покажу, малыш. Ты такого еще не видел. Задрючу до смерти, так и знай!

Она почувствовала, как по алчному телу демона прошла дрожь. В какой-то момент он даже попробовал оторваться от нее. Наверное, чтобы собраться с силами.

– Куда же ты, золотце? – она сжала бедра, не давая ему уйти. – Веселье только еще начинается. – Она изогнулась, подавшись вперед, и вжалась в невидимое тело демона. Свободную руку она закинула ему за шею и, сплетя пальцы, выгнула спину, как будто в экстазе. Ее бедра ходили туда-сюда. Руки сжимали осязаемую пустоту. Она дернула головой, откинув со лба прядь волос, мокрая от дождя и пота. Ее губы раскрылись в акульей усмешке.

«Отпусти меня!» – прогремел голос в ее сознании, но она все же почувствовала, как невидимый обладатель бесплотного голоса, может быть, сам того не желая, отвечает на ее страстные телодвижения.

– Ни фига, дорогуша! Ты первый все это затеял... вот сейчас и получишь, чего хотел. – Она снова подалась вперед, вцепившись в него и яростно сосредоточившись на обжигающем холоде, что пронзал ее тело. – Уж я растоплю эту твою сосульку, мой зайчик, и что ты тогда будешь делать? – Ее бедра вздымались и опадали, вздымались и опадали. Она сжала их еще крепче, безжалостно, жестко. Закрыла глаза. Впиалась ногтями в невидимую шею, молясь про себя, чтобы Эдди заканчивал побыстрее.

Потому что она не знала, надолго ли ее хватит.

Задача, в общем-то, не такая и сложная, убеждал себя Джейк: где-то в этом промозгом ужасном доме есть закрытая дверь. Нужная дверь. Та дверь. Нужно только найти ее. Но в этом-то и состояла вся сложность, потому что он чувствовал, как просыпается существо, обитающее в этом доме. Хор бессвязных голосов потихоньку сливался в единый гул – какой-то глухой, дребезжащий шепот.

И он приближался.

Справа была дверь. Открытая дверь. Рядом с ней кто-то приколотил к

стене выцветший дагерротип, изображавший повешенного. Мертвец на картинке болтался на высохшем дереве, как гнилой плод. За дверью виднелась комната. Когда-то там располагалась кухня. Печь убрали, но у дальней стены на вздутом блеклом линолеуме все еще стоял холодильник – допотопной конструкции агрегат с круглой морозильной камерой наверху. Его дверца была распахнута. Внутри засохла какая-то черная гадкая масса, издававшая резкий запах. Часть ее вытекла и разлилась по полу давным-давно высохшей лужей, превратившейся в запекшуюся корку. Дверцы кухонных шкафов тоже были открыты. В одном из них Джейк разглядел, наверное, самую древнюю в мире банку консервированных моллюсков. Из другого торчала голова дохлой крысы. Джейку показалось, что белесые ее глаза шевелятся. Присмотревшись получше, он понял, что в пустых ее глазницах копошатся черви.

Что-то свалилось ему на голову. Вскрикнув от неожиданности, Джейк схватился за волосы и снял с себя что-то мягкое и кругленькое, похожее на ошупь на покрытый пупырышками резиновый мячик. «Мячик» цеплялся за волосы, и Джейку пришлось потрудиться, чтобы его отодрать. Оказалось, что это паук с раздувшимся брюшком цвета свежего синяка. Паук с тупой злобой вылупился на Джейка. Джейк отшвырнул его от себя. Паук врезался в стену – брюхо его лопнуло от удара – и повис на ней, слабо дергая лапами.

Второй паук шлепнулся ему на шею. Джейк почувствовал болезненный укол – это паук укусил его чуть ниже того места, где перестают расти волосы. Он со всех ног бросился прочь из кухни обратно в коридор, запнулся об обвалившиеся перила, свалился на пол и почувствовал, как паук у него на шее лопнул. Его влажные внутренности – липкие, скользкие – потекли между лопатками Джейка, как теплый яичный желток. Только теперь Джейк увидел, что там их полно, пауков, на кухне. Одни свисали с потолка, точно живые грузики отвесов, на невидимых ниточках паутины; другие шлепались на пол с глухим вязким всхлюпом и, быстро перебирая лапами, неслись через порог в коридор, к Джейку, словно им не терпелось его поприветствовать.

Не переставая кричать, Джейк вскочил на ноги. Он почувствовал, как что-то рвется у него в сознании, словно перетершаяся веревка. Наверное, это рассудок его сорвался и канул в пропасть безумия... Джейк решил, что сошел с ума. Если до этого он еще как-то держался, то сейчас уже окончательно пал духом. На карту поставлено многое, если не все... но у Джейка уже не осталось сил. Больше ему не выдержать. Он ринулся к выходу, чтобы сбежать, пока еще можно... если можно... но вскоре

сообразил – слишком поздно, – что в панике повернул не в ту сторону и бежит сейчас вовсе не к выходу, а еще дальше в глубь Особняка.

Он выбежал в комнату, слишком просторную для гостиной или, скажем, столовой. Больше всего она смахивала на бальную залу. Эльфы в зеленых остроконечных шапочках глядели на Джейка с обоев со странными плутоватыми улыбочками. У дальней стены одиноко стоял покрытый плесенью диван. В центре залы на покоробившемся паркете валялась разбитая люстра. Среди осколков стекла пыльных хрустальных подвесок свернулась кольцами ржавая цепь. Обогнув на бегу этот «разгром», Джейк испуганно оглянулся через плечо, но пауков не увидел. Если б не эта липкая гадость, все еще стекающая по спине, он бы, наверное, решил, что у него был жестокий глюк.

Вновь повернувшись вперед, он резко остановился, проскользив на паркете, перед высокой нишей с полуоткрытой двустворчатой дверью. За дверью тянулся еще один коридор, а в конце коридора виднелась закрытая дверь с позолоченной ручкой. На двери было написано – или вырезано – одно слово:

МАЛЬЧИК

Под дверной ручкой Джейк разглядел филигранной работы серебряную пластину с замочной скважиной.

«Я нашел ее! Я наконец-то ее нашел! – Джейк был не в силах сдержать восторга. – Вот она! Эта дверь!»

У него за спиной раздался вдруг глухой гул, похожий на стон, как будто весь дом начал разваливаться на части. Джейк оглянулся и окинул тревожным взглядом бальную залу. Дальняя стена комнаты разбухла, прогибаясь наружу и толкая перед собой ветхий диван. Обои дрожали на стенах, эльфы рябили в бредовой пляске. Местами обои порвались и завернулись в трубочку, словно резко отпущенные шторы-жалюзи. Штукатурка набухла и вздулась. Из-под нее явственно доносился треск ломающихся деревянных перегородок, принимающих новые, пока еще скрытые формы. А стон все нарастал. Только теперь он походил больше на злое рычание.

Джейк смотрел как зачарованный, не в силах отвести взгляд.

Штукатурка, однако, не треснула, как того следовало ожидать, и не разлетелась ошметками в стороны: казалось, она превратилась в какую-то мягкую эластичную субстанцию... а стена продолжала вздуваться белым пузырем, с которого свисали обрывки обоев. На поверхности пузыря

проступали теперь какие-то холмы, ущелья и долины. Неожиданно Джейк осознал, что перед ним возникает лицо – громадное лицо, вырастающее из стены. Как будто кто-то пытался пройти сквозь мокрую простыню.

Раздался громкий треск. От раздувающейся стены оторвался кусок деревянной перегородки и превратился в изорванной формы зрачок единственного глаза. Чуть ниже стена словно скорчилась в судорогах, и получился оскаленный рот с рядом кривых и зловещих зубов. Ключья обоев свисали, как слюни, с губ и десен.

Одна рука вырвалась из стены, волоча за собою браслет сгнившей электропроводки, схватила диван и отшвырнула его в сторону, оставив на темной его обивке призрачно белые отпечатки. Пальцы согнулись – сетка под штукатуркой опять затрещала, и на кончиках белых пальцев выросли длинные острые когти в расщепляющихся изломах. Теперь лицо уже полностью отделилось от вывернутой внутрь стены. Единственный деревянный глаз уставился прямо на Джейка. Прямо над глазом, жуткой татуировкой точно по центру лба все еще корчился в диком танце обойный эльф. С рвущимся треском тварь, отделившаяся от стены, начала продвигаться вперед. Дверь в коридор сорвалась с петель и превратилась в сгорбленное плечо. Единственная рука одноглазого чудища волочилась по полу, царапая доски паркета и разбрасывая фонтаны стеклянных осколков упавшей люстры.

Джейк стряхнул с себя оцепенение. Развернувшись, он выскочил через двустворчатую дверь во второй коридор и побежал по нему сломя голову, пытаясь нащупать в кармане ключ. Ранец бился о спину. Сердце бешено колотилось в груди, словно вышедший из-под контроля мотор. За спиной у него бесновалось, рыча, чудовище, отрывающееся от стены Особняка. И хотя в его рыке не было слов, Джейк понял и так, что оно тшится ему сказать: чтобы он остановился, что бежать все равно бесполезно, что он никуда от него не уйдет. Весь дом, казалось, ожил. Все наполнилось эхом ломающихся перегородок и балок. Дребезжащий безумный голос невидимого привратника был как будто повсюду.

Наконец Джейк нащупал в кармане ключ. Но когда он его вынимал, ключ зацепился бороздкой за ткань подкладки и выскользнул из влажных от пота пальцев.

Ключ упал на пол, подпрыгнул и исчез в щели между двумя покособившимися досками.

– У парня, похоже, проблемы! – услышала Сюзанна крик Эдди, но голос его донесся как будто издалека. У нее у самой были сейчас проблемы... но она уже не сомневалась, что сумеет управиться с ними, несмотря ни на что.

«Уж я растоплю эту твою сосульку, мой зайчик, – пообещала она демону. – Я ее растоплю, и что ты тогда будешь делать?»

Растопить этот холод ей не удалось, но кое-что изменить она все же сумела. Да, эта гадость, ее пронзающая, не доставляла ей ни малейшего удовольствия, но жуткая боль прошла. И холод тоже пропал. Демон попался в капкан и не мог уже освободиться. И держала она его вовсе не телом. Роланд сказал ей, что пол – это оружие демона в круге, но и слабое место тоже, и он, как всегда, оказался прав. Да, демон ей овладел, но и она овладела им. Сюзанне это все напоминало те зловерные китайские трубочки, куда суешь палец, а вытащить потом не можешь. Причем, чем сильнее ты дергаешь, тем крепче он застревает, палец.

Она цеплялась за эту мысль, как утопающий – за соломинку. Ничего другого ей просто не оставалось. Все ее мысли как будто смело, а ведь ей нужно было удерживать это рыдающее, перепуганное, злобное существо в тисках его же свирепой, и все же беспомощной похоти. Оно металось, рвалось и дрожало внутри ее тела, умоляя ее отпустить его, и в то же время оно использовало ее плоть с отчаянной и неистовой жадностью и напором. И она его не отпускала. Не могла отпустить.

«А что будет, когда я все-таки отпущу его? – промелькнула отчаянная, жуткая мысль. – Когда я его отпущу, чем он оплатит мне? Чем?»

Она не знала.

Дождь лил сплошной пеленой, угрожая превратить земляную площадку внутри говорящего круга в море грязюки.

– Натяните чего-нибудь над моей дверью! – закричал Эдди. – Иначе дождь ее просто смое!

Поглядев на Сюзанну, Роланд увидел, что она все еще борется с демоном. Глаза ее были полузакрыты, губы стиснуты в жесткой гримасе.

Роланд не видел демона и не слышал его, но ощущал его яростные и испуганные метания.

Эдди в сердцах повернулся к нему.

– Ты что, глухой? – Лицо его было залито дождем. – Накрой чем-нибудь эту чертову дверь и ПОЖИВЕЕ, пока не поздно!

Роланд вытащил из сумки первую попавшуюся шкуру и взялся обеими руками за края. Расставив руки как можно шире, он склонился над Эдди, соорудив над ним этакий импровизированный навес. На заостренный конец палки в руках у Эдди налипла грязь. Он вытер ее о рукав, оставив на нем полосу цвета горького шоколада, и снова склонился над своим рисунком. Нарисованная им дверь по размерам была поменьше, чем дверь на той стороне барьера – там, где был Джейк, – в соотношении примерно три к четырем, но все же Джейк смог бы пройти сквозь нее... если только ключи подойдут.

«Ты, наверное, хотел сказать, если у него есть ключ, – осадил себя Эдди. – Допустим, он его потеряет, уронит куда-нибудь... или дом его к этому принудит, что тогда?»

Под кружком, изображавшим дверную ручку, он нарисовал пластину, потом помедлил немного, как будто в раздумье, и вывел по центру пластины знакомые очертания замочной скважины.

Тут он снова задумался. Ему нужно еще что-то сделать... но что? Он никак не мог сосредоточиться. Ощущение было такое, что у него в голове бушевал ураган, только вместо сараев, летних уборных и крыш курятников этот вихрь рвал и гнал прочь его мысли.

– Ну давай же, мой сладкий, давай! – кричала Сюзанна у него за спиной. – Что-то быстро ты выдохся! Что случилось? А я-то подумала, ты у нас вроде как племенной жеребец. Слабо тебе, мальчик?

Мальчик. Вот оно!

Крепко сжав в руке палку, Эдди тщательно вывел на верхней панели двери одно слово: «МАЛЬЧИК». Едва он закончил последнюю букву, рисунок вдруг изменился. Круг, нарисованный на потемневшей от влаги земле, потемнел еще больше... и поднялся над землей, превратившись в блестящую черным дверную ручку. А из нарисованной замочной скважины – в том месте, где только что все было бурой грязью – пролился блеклый свет.

Сзади Сюзанна опять закричала на демона, чтобы он не отлынивал и наяривал круче, но судя по голосу, сама она тоже уже выдыхалась. Скоро силы оставят ее. Очень скоро.

Стоя на коленях, Эдди склонился к земле, точно истовый

мусульманин, воздающий хвалу Аллаху, заглянул в замочную скважину, которую сам же и нарисовал, и увидел свой мир и тот страшный дом, посмотреть на который они приходили с Генри в мае 1977-го, не зная (хотя даже тогда Эдди что-то такое почувствовал), что за ними следит мальчишка из другой части города.

Он увидел коридор. И Джейк. Джейк стоял на четвереньках, отчаянно дергая половицу. И что-то к нему приближалось... что-то ужасное. Эдди видел его и не видел... как будто какая-то часть сознания не желала воспринимать увиденное, потому что один только вид этого страшного существа привел бы его неминуемо к пониманию, а понимание – к безумию.

– Быстрее, Джейк! – закричал он в замочную скважину. – Ради Бога, быстрее!

Точно пушечный выстрел, гром вспорол небо над каменным кругом, и дождь обернулся градом.

Когда ключ свалился в щель, Джейк на мгновение застыл как вкопанный, глядя на узкую трещинку между досками.

Как это ни странно, ему вдруг ужасно захотелось спать.

«Так не должно было быть. Это нечестно, – подумал он. – Это явно уже перебор. Я больше не выдержу... ни минуточки, ни секунды. Сейчас я на все плюну и лягу под этой дверью, поудобней устроюсь и буду спать... сразу засну, мгновенно... и когда оно схватит меня и проглотит, я, наверное, даже и не проснусь».

Но тут тварь, рвущаяся из стены, взревела. Джейк поднял глаза, и порыв его плюнуть на все и сдаться тут же иссяк, сметенный волною ужаса. Теперь они уже окончательно отделились от стены – громадная голова с единственным деревянным глазом и загребущая лапа с острыми когтями. Куски деревянной сетки торчали из белого черепа во все стороны – так детишки рисуют волосы на голове человечков. Тварь увидела Джейка, раскрыла пасть, обнажив деревянные зубы, и снова взревела. Из разверзшейся пасти пахнуло пылью, как сигаретным дымом.

Джейк упал на колени и заглянул в щель в полу. Там, в темноте, совсем близко, ключ поблескивал бравым отсветом серебра, но щель была слишком узкой, так что он даже не мог просунуть туда пальцы.

Схватившись за половицу, Джейк изо всех сил рванул ее на себя. Гвозди, ее удерживающие, заскрипели... но половица осталась на месте.

Сзади послышался грохот и звон. Джейк оглянулся. Рука, размером больше его самого, подхватила упавшую люстру и отбросила ее в сторону. Ржавая цепь, на которой когда-то висела люстра, взвилась в воздух, как хлыст пастуха, и грохнулась на пол с тяжелым стуком. Сама же люстра просвистела у Джейка над головой; грязное стекло с лязгом билось о древнюю медь цепи.

Голова стража-привратника, насаженная на единственное кривое плечо с загибающейся рукой, зависнув над полом, устремилась вперед. Остатки стены, из которой она появилась, обрушились в облаке пыли. Но тут же обломки ее поднялись, превратившись в костлявую спину чудовища.

Страж-привратник увидел, что Джейк смотрит на него как замороженный, и вроде бы усмехнулся. При этом из сморщенных его щек повылезли деревянные щепки. Щелкая пастью, чудище волочило свое неуклюжее – все скособоченное и нескладное – тело через бальную залу, забитую пылью. Его громадная лапа опустилась среди обломков, нащупывая добычу, и сорвала с петель одну из створок двери, что открывалась из залы во второй коридор.

Ни жив, ни мертв, Джейк закричал и снова рванул половицу. Она осталась на месте, но зато в голове у него зазвучал голос стрелка:

«Не ту, Джейк! Попробуй другую!»

Он отпустил половицу, которую только что дергал, и схватился за вторую, с другой стороны щели. И в это мгновение раздался еще один голос. Именно – раздался. Джейк услышал его не в сознании, как голос стрелка. Голос был настоящим и доносился он из-за двери... той самой двери, которую он так долго искал. С того самого дня, когда его не задавила машина.

– Быстрее, Джейк! Ради Бога, быстрее!

Когда Джейк дернул вторую доску, она поддалась настолько легко, что он едва не свалился на спину.

На той стороне улицы, почти напротив Особняка, в дверях магазина подержанных бытовых приборов стояли две женщины. Та, что постарше, была владелицей магазина. Она как раз провожала единственную

покупательницу, когда раздался оглушительный грохот рушащихся стен и ломающихся балок. Едва это случилось, две женщины разом обняли друг друга, не понимая, почему и зачем они это сделали, и молча застыли, как дети, дрожащие в темноте, когда из сумрака раздается какой-то неведомый страшный звук.

Чуть дальше по улице, трое мальчишек, спешащих на стадион Малой Лиги Дач-Хилла, застыли на месте и вытаращились на дом, напроочь забыв о тележке, набитой бейсбольной «оснасткой». Водитель грузовичка, развозящего товары на дом, встал на обочине, заглушил мотор и выбрался из кабины, чтобы посмотреть, что происходит. Из ближайшего супермаркета «Уголок Генри» и бара «Дач-Хилл Паб», дико озираясь по сторонам, высыпали на улицу клиенты.

Теперь задрожала и почва, и тонкие трещинки начали расползаться по Райнхолд-стрит.

– Землетрясение, что ли? – крикнул водитель грузовичка, обращаясь к женщинам, застывшим в дверях магазина подержанных бытовых приборов, но дожидаться ответа не стал: запрыгнул назад в кабину, схватился за руль и умчался прочь, вырулив на левую сторону улицы, чтобы держаться подальше от рушащегося дома – эпицентра толчков.

Весь дом, казалось, вваливается внутрь. Доски ломались, срывались с фасада и падали ливнем щепок на заросший бурьяном двор. С крыши сыпался водопад грязной черно-серой черепицы. Раздался оглушительный треск, больно бьющий по ушам, и по самому центру Особняка пошла длинная зигзагообразная трещина. Сначала в этом проломе исчезла входная дверь, а потом туда стали проваливаться и стены. Дом как будто заглатывал сам себя.

Младшая из женщин у магазина – та, которая покупательница – резко освободилась из объятий старшей.

– Вы как хотите, а я подбру-поздорову пойду, – выдавила она и бегом бросилась прочь, не оглядываясь назад.

Станным горячим ветром потянуло по коридору, едва пальцы Джейка сомкнулись вокруг серебряного ключа. Ветер сдувал со лба влажные от пота пряди волос. Теперь – на каком-то глубинном, скорей, инстинктивном уровне – Джейк понял, что это за место и что с ним сейчас происходит.

Страж – привратник, хранящий волшебную дверь, таился не только в доме... он сам был домом: каждой доскою и черепицей, каждым подоконником карнизом. Он спал до поры. Но теперь он проснулся и вышел на свет, обретая разрозненное, сумасшедшее даже, подобие истинного своего обличия. И он намерен «зацапать» Джейка и не дать ему пустить в дело ключ. За громадной белой головой и кособоким согбенным плечом, Джейку были видны бальный зал и коридор за ним. По коридору и залу летели обломки досок и разбитая черепица, вырванные провода и осколки стекла – даже тяжелая входная дверь и обвалившиеся перила лестницы. Весь этот строительный мусор лепился к разбухающему телу стража – бесформенного и уродливого великана из штукатурки, который ломился вперед, пытаясь добраться до Джейка своей искореженной лапищей невообразимой формы.

Джейк резко выдернул руку из щели в полу. Вся рука была покрыта здоровенными копошащимися жуками. Он ударил ею о стену, чтобы стряхнуть эту гадость, и в ужасе закричал: стены разверзлась у него под ладонью и попыталась стиснуть его запястье. Он еле успел отдернуть руку. Не тратя времени даром Джейк развернулся и вставил серебряный ключ в замочную скважину на пластине под дверной ручкой.

Страж двери снова взревел, но теперь голос его утонул в благозвучном пении, которое Джейк узнал сразу же: он уже слышал его на заброшенном пустыре, но тогда оно было тихим, как будто во сне. Теперь же оно прозвучало несомненным провозглашением триумфа. Знакомое чувство уверенности – всепоглощающей и непоколебимой – вновь охватило его, и на этот раз он знал твердо: нового разочарования не будет. Все это звучало в ликующем голосе... других подтверждений ему не нужно. В этом голосе было все – в голосе розы.

Коридор утонул в полумраке, это громадная лапища стража, сорвав с петель и вторую створку двойной двери, высунулась в коридор и закрыла собой и без того тусклый свет. В открывшемся проломе показался белесый лик. Единственный глаз впился в Джейка безумным взглядом. Пальцы с острыми когтями поползли к нему, точно лапы гигантского паука.

Джейк повернул ключ – по руке, точно ток, прошел импульс силы. Он услышал тяжелый приглушенный стук; это сдвинулся внутренний засов. Джейк схватился за ручку, со всей силы ее провернул и рванул дверь на себя. Дверь распахнулась. Увидев, что там, на той стороне, Джейк вскрикнул от страха и изумления.

Сверху донизу, от края до края дверной проем был забит землей. Корни торчали оттуда, как мотки проводов. В этом прямоугольнике сырой

грязи копошились белесые черви, такие же ошарашенные, как и сам Джейк. Одни спешили зарыться обратно в норы, другие просто беспорядочно расползались по сторонам, словно бы в недоумении, куда подевалась земля, которая только что была тут, под ними. Один червяк плюхнулся прямо Джейку на кроссовок.

Еще пару мгновений замочная скважина оставалась на месте, отбрасывая тонкий лучик мутного белого света Джейку на рубашку. За нею – так близко, так недостижимо – шумел дождь и гремел глухой гром, перекачиваясь по бескрайнему небу. Но тут и замочную скважину тоже забила земля, а на лодыжке у Джейка сомкнулись громадные пальцы стража.

35

Роланд бросил шкуру, быстро вскочил и побежал к Сюзанне. Теперь градины били Эдди по лицу, но он не чувствовал боли.

Стрелок же подхватил Сюзанну под мышки и подтащил ее – соблюдая, по возможности, осторожность – поближе к Эдди.

– Когда я скажу, тыпустишь его, Сюзанна! – прокричал он. – Ты понимаешь? Только, когда я скажу!

Эдди не видел этого и не слышал. Он слышал лишь слабые крики Джейка с той стороны двери.

Пришло время испробовать ключ.

Вытащив ключ из-за пазухи, Эдди вставил его в нарисованную замочную скважину и попробовал повернуть. Ключ не шелохнулся. Не провернулся даже на миллиметр. Эдди в отчаянии запрокинул голову, подставив лицо под хлещущий град, не обращая внимания на твердые льдинки, что били по лбу, по щекам и губам, оставляя царапины и кровоподтеки.

– НЕТ! – он едва не завывл. – БОЖЕ, ПРОШУ ТЕБЯ, НЕТ!

Но Бог не ответил его мольбам; только гром прогремел в небесах и вспышка молнии вспорола тучи, мчащиеся на ветру.

36

Джейк рванулся вверх, уцепившись за свисающую с потолка цепь для люстры, и вырвал ногу из цепкой лапы привратника. Оттолкнувшись от спресованной в дверном проеме земли, он отлетел чуть назад, а потом снова вперед, как Тарзан, качающийся на лиане. Приблизившись к лапище стража, он на лету подтянул ноги к груди и изо всех сил ударил по тянувшимся к нему пальцам. Штукатурка осыпалась, обнажив грубо сбитый деревянный скелет. Страж взревел, и в бешеном его вопле алчность мешалась с яростью. Но даже сквозь оглушительный этот рев Джейк расслышал, как с пугающим грохотом рухнул дом, как дом Эшеров в рассказе Эдгара По.

Точно маятник, он качнулся на цепи в обратную сторону, ударился о глыбу утрамбованной земли, загромождавшей дверной проем, и опять отлетел назад. Страж опять попытался его ухватить, и опять Джейк лягнул его на лету, но на этот раз ногу пронзила боль. Привратник все-таки зацепил его деревянным когтем. Обратно Джейк полетел уже без одного кроссовка.

Он попытался подтянуться повыше, ближе к потолку. У него, кажется, получилось. Но тут у него над головой раздался глухой неприятный треск, и на лицо его – потное, поднятое к потолку – посыпалась мелкая пыль штукатурки. Потолок начал проседать; звено за звеном, цепь потихоньку выскальзывала из крепления. Из конца коридора донесся какой-то противный хруст: стражу все-таки удалось протиснуть громадную голову через пролом в стене.

Заходясь диким криком, Джейк беспомощно летел навстречу этой зловещей башке.

Внезапно панический страх отпустил. Как будто мантия ледяного спокойствия опустилась на плечи Эдди – та самая мантия, под которой так много раз укрывался Роланд из Гилеада. Единственная броня истинного стрелка... все, что у него есть, и большего ему не нужно. И едва это произошло, у Эдди в сознании зазвучал голос. Последние месяца три голоса донимали его неотступно: голос матери, голос Роланда и, конечно же, Генри. Но сейчас – с облегчением несказанным – он узнал собственный голос, и, что самое главное, звучал он спокойно, бесстрашно и рассудительно.

«Ты видел абрис ключа в огне, потом ты увидел его опять, в ветке ясеня, и оба раза ты видел его абсолютно точно. Но потом сам надел шоры страха себе на глаза. Сними их. Просто сними и взглядишь еще раз. Быть может, еще не поздно, даже сейчас – не поздно».

Смутно он осознал, что с стрелок стоит рядом и пристально на него смотрит; так же смутно услышал, что Сюзанна пока еще продолжает кричать, распаляя демона, и голос ее, хоть и слабеющий, был по-прежнему дерзким. Так же смутно с другой стороны двери до него доносился крик Джейка, крик ужаса... или боли?

Эдди отрешился от всего этого. Вытащив деревянный ключ из замочной скважины нарисованной двери, которая теперь стала настоящей, он сосредоточился максимально и стал смотреть на него, пытаясь восстановить в памяти ощущение невинного и искреннего восторга, который ему доводилось испытывать в детстве – восторга единственно от того, что в бесформенном и бессмысленном хаосе ему удалось разглядеть законченную безупречную форму. И тут Эдди увидел его, то место, где он немножечко напортачил, причем так явственно, что сам удивился: как он раньше этого не замечал. Я, наверное, и вправду ослеп, – сказал он себе. Разумеется, это был s-образный изгиб на конце ключа. Вторая впадинка чуть толстовата. Совсем чуть-чуть.

– Нож, – коротко бросил он и протянул руку, как хирург в операционной. Роланд без слов положил нож в протянутую ладонь.

Эдди зажал кончик лезвия между большим и указательным пальцами правой руки и склонился над ключом, не обращая внимания на градины, бьющие по его незащищенной шее. Теперь он явственно видел, каким в точности должен быть ключ – во всей его изумительной и неоспоримой реальности.

Он сделал надрез.

Один.

Осторожно.

Тончайшая полупрозрачная стружка ясеневое дерево свернулась в колечко на первом выступе s-образного изгиба на конце ключа.

Из-за двери на земле снова послышался крик Джейка Чемберса.

Цепь с грохотом сорвалась, и Джейк грохнулся на пол, приземлившись

на коленки. Страж-привратник издал ликующий рык. Рука из штукатурки ухватила Джейка чуть выше колен и потащила назад по коридору. Он попытался упереться ногами в пол, но ничего у него не вышло. В ступню впились щепки и ржавые гвозди. Ощущение было не из приятных. Рука стража сжала его еще крепче, продолжая тащить прочь от двери.

Похоже, лицо чудовища все же застряло в дверном проеме на выходе в коридор, словно пробка в бутылке. Усилия, которые стражу пришлось приложить, чтобы добраться сюда, изменили его недоразвитые черты, придав ему новый облик. Теперь оно походило на рожу жуткого тролля-урода. Пасть зияла, готовая проглотить Джейка. Джейк в отчаянии шарил в кармане, пытаясь нащупать ключ, который должен помочь ему как талисман-оберег, как последнее уже средство, но, разумеется, ключ остался в двери.

– Ах ты гад, сукин сын! – закричал он и, собравшись с силами, резко подался назад, выгнув спину, точно олимпийский чемпион по прыжкам в воду. Обломки досок впились ему в задницу, точно пояс, сделанный из гвоздей, но Джейку было уже все равно. И тут он почувствовал, как его джинсы заскользили по бедрам вниз и хватка чудовища на мгновение ослабла.

Джейк сделал еще рывок. Рука безжалостно сжалась. Джинсы Джейка сползли уже до колен, а сам он хлопнулся спиной о пол. Хорошо еще, ранец смягчил силу удара. Рука разжалась на миг – страж приготовился ухватить свою жертву повыше и понадежнее. Джейк, однако, успел подтянуть колени к груди, и когда лапища чудовища начала снова смыкаться вокруг него, он резко выбросил ноги вперед. В ту же секунду рука рванула к себе. Случилось именно то, на что и надеялся Джейк: чудовище стянуло с него джинсы (вместе с оставшимся кроссовком), а он оказался свободным, по крайней мере на какое-то время. Он увидел, как страшная лапа провернулась в суставе запястья из досок и крошащейся штукатурки и затолкала добычу в пасть. Дальше смотреть он не стал – не тратя времени даже на то, чтобы встать, он на четвереньках пополз обратно к дверному проему, забитому влажной землей, не обращая внимания на то, что в ладони его и коленки врезаются осколки стекла от разбитой люстры. Он думал лишь об одном: как бы ему доползти до ключа.

Он почти добрался до двери, как вдруг страшная лапа опять ухватила его за ноги и потащила назад.

Ключ наконец-то обрел свою точную форму.

Эдди опять вставил ключ в замочную скважину и попробовал его повернуть. В первый миг ключ не сдвинулся с места... а потом провернулся у него под рукой. Эдди услышал, как щелкнул замок, как отошла задвижка. И как только это произошло, ключ у него в руке, исполнив свое предназначение, переломился надвое. Обеими руками Эдди схватился за темную отполированную дверную ручку и потянул на себя. Он не мог этого видеть, но зато явственно ощутил, как на сокрытой оси провернулась огромная тяжесть. Как руки его наливаются безграничной силой. Ощувив эту силу, он понял, что два разделенных мира неожиданно соприкоснулись и что между ними открылся проход.

На мгновение ему стало плохо. Закружилась голова. Ощущение пространства сместилось. Но едва заглянув в открывшийся проем, Эдди понял, в чем дело: хотя он смотрел вниз – вертикально, – то, что было за дверью, ему виделось в перспективе горизонтальной. Больше всего это было похоже на хитрый оптический трюк, созданный с помощью призм и зеркал. А потом Эдди увидел Джейка. Что-то тащило его прочь от двери по коридору, усыпанному штукатуркой и осколками стекла. Он упирался локтями в пол. Ноги его были плотно зажаты в какой-то здоровой и страшной лапище. А в самом конце коридора зияла ужасная пасть, готовая поглотить Джейка – пасть, клубящаяся непонятным белесым туманом, который мог быть либо дымом, либо пылью.

– Роланд! – закричал Эдди. – Роланд, они его сцапа...

Сильный удар отшвырнул его в сторону.

Сюзанна почувствовала, как ее приподняло в воздух и развернуло. Мир превратился в расплывчатую карусель: стоячие камни, серое небо, сырая земля, усыпанная крупными градинами... и прямоугольная дыра в земле, похожая на крышку какого-то люка. Из этой дыры неслись жуткие крики. В теле ее рвался и бесновался демон, желая лишь одного: бежать, – но не в силах уже от нее оторваться, пока Сюзанна сама не отпустит его.

– Давай! – кричал Роланд. – Отпускай его, Сюзанна! Ради отца своего,

отпускай его! НУ!

Она сделала, как он велел.

Не без помощи Детты Уокер, Сюзанна соорудила в сознании у себя что-то вроде ловушки – силка из сплетенных нитей – и теперь она просто обрезала мысленно эти нити. В ту же секунду демон оторвался от нее, и на мгновение ее охватило странное ощущение ужасающей пустоты, тут же сменившееся облегчением, к которому примешалось, однако, еще одно чувство, мрачное и омерзительное: чувство, что ее сейчас осквернили.

В тот момент, когда тяжесть невидимой плоти перестала давить на Сюзанну, ей удалось мельком увидеть его – нечеловеческое существо нечеловеческого обличия с громадными распростертыми крыльями и с чем-то похожим на жуткий громадный крюк на том самом месте. Она увидела/ощутила, как демон пронесся над темной дырой в земле. Увидела Эдди, который запрокинул голову, широко распахнув глаза. Увидела, как Роланд раскинул руки, пытаясь схватить демона...

Вес невидимой плоти отбросил стрелка назад. Он едва устоял на ногах: поташнулся, но все-таки выпрямился, крепко сжимая в руках пустоту.

Продолжая бороться с невидимым существом, Роланд спрыгнул в дверной проем и исчез.

Внезапно сумрачный коридор Особняка озарился ослепительным белым светом; крупные градины застучали по стенам, запрыгали по разломанным доскам пола. Джейк услышал какие-то непонятные крики и увидел стрелка, появившегося в дверном проеме. Он не прошел через дверь, а скорее спрыгнул, как будто откуда-то сверху. Сцепив руки в замок, он держал руки перед собой, словно сжимая кого-то в объятиях.

Джейк почувствовал, что его ступни погружаются стражу в пасть.

– Роланд! – закричал он. – Помоги мне, Роланд!

Пальцы стрелка расцепились, и в то же мгновение руки его широко разлетелись в стороны. Его отшвырнуло назад. Джейк почувствовал, как острые зубы стража вонзаются ему в ноги, готовые рвать плоть на куски и крошить кости... а потом что-то огромное и невидимое пронеслось у него над головой, как порыв сильного ветра. Зубы тут же убрались. Рука, сжимавшая его ноги, ослабила хватку. Он услышал, как из пыльных глубин

глотки стража рвется жуткий крик боли с изумлением пополам, но крик почти сразу затих, так и не выйдя наружу.

Роланд схватил Джейка и поднял его на ноги.

– Ты пришел! – закричал Джейк. – Все-таки ты пришел!

– Да, я пришел. Милостью вышних богов и отвагой друзей, я пришел.

Страж у них за спиной заревел опять. Джейк расплакался от облегчения и страха. Теперь дом стонал и скрипел, как корабль, застигнутый бурей. Обломки досок и крошащаяся штукатурка сыпались отовсюду. Схватив Джейка в охапку, Роланд бросился к двери. Мечущаяся вслепую рука привратника задела его по ноге. Стрелок отлетел к стене. Стена, как живая, попробовала удержать его. Роланд отскочил от нее подальше, развернулся на ходу и достал револьвер. Почти не целясь, он дважды выстрелил в руку. Один из уродливых пальцев стража рассыпался в пыль. Лицо привратника поменяло цвет, превратилось из белого в пурпурно-черное, тусклое, как будто чудовище задыхалось – это невидимое существо, отпущенное Роландом, рванувшись вперед на безумной скорости, влетело привратнику в глотку и заткнуло ее собой, не успев даже сообразить, что, собственно, происходит.

Роланд снова бросился к двери. И хотя никакого видимого барьера как будто не существовало, он встал на пороге как вкопанный, словно наткнувшись на плотную сеть, неразличимую глазом.

А потом он почувствовал, как руки Эдди хватают его за волосы и тянут, но не вперед, а вверх.

Они вынырнули во влажный воздух, забитый градом, как новорожденные – из материнской утробы. В роли этакой повивальной бабки выступил, как и было предсказано Роландом, Эдди. Он лежал, растянувшись на влажной земле, вжавшись в грязь грудью и животом, и, опустив обе руки в дверной проем, тянул Роланда за волосы.

– Сьюз! Помоги мне!

Она подползла к нему, опустила руку в дыру и подхватила Роланда под подбородок. Он поднимался наверх, запрокинув голову. Его губы кривились от боли и напряжения.

Вдруг Эдди почувствовал, как что-то порвалось. Одна рука его освободилась. В ней осталась лишь прядь густых, тронутых сединою волос

Роланда.

– Он сейчас упадет!

– Нет, сукин сын... не уйдешь! – выдавила Сюзанна и рванула так, как будто намеревалась свернуть Роланду шею.

Из дверного проема в центре говорящего круга показались две маленькие руки и схватились за край. Как только Роланд освободился от веса Джейка, ему удалось упереться локтем о край дыры, и уже через мгновение он выбрался на поверхность. А Эдди тем временем схватил Джейка за руки и вытащил его наверх.

Джейк повалился на спину, пытаясь отдышаться.

Эдди повернулся к Сюзанне, крепко обнял ее и стал целовать: в лоб, в щеки, в шею... Он смеялся и плакал одновременно. Она теснее прижалась к нему, дыша тяжело и надрывно... но при этом она улыбалась, довольная, и гладила мокрые волосы Эдди.

Из дыры у них под ногами черной накипью изливались звуки: вопли, удары, завывание и визг.

Не поднимая головы, Роланд отполз подальше от дверного проема. Всклопоченные его волосы торчали клочьями во все стороны. По щекам текли струйки крови.

– Закрой дверь! – заорал он на Эдди. – Ради отца своего, шевелись!

Эдди лишь сдвинул дверь с места, а тяжелые невидимые пружины сделали остальное. Дверь захлопнулась, глухо ударив о землю, отрезав все звуки, идущие с той стороны. Буквально на глазах у Эдди четкие очертания двери расплылись, опять превратившись в размытые линии в мокрой грязи. Дверная ручка утратила всю объемность и опять стала кругом, нарисованным на земле. Там, где мгновение назад была замочная скважина, осталась только неровная впадина, из которой торчала щепка, как рукоять меча – из камня.

Сюзанна бережно помогла Джейку сесть.

– С тобой все в порядке, мой сладкий?

Он посмотрел на нее затуманенным взором.

– Да, по-моему. А он где? Стрелок? Мне у него кое-что нужно спросить.

– Я здесь, Джейк, – Роланд встал на ноги. Шатаясь, как пьяный, он подошел к Джейку и, усевшись с ним рядом на корточки, прикоснулся рукою к его щеке, как будто не веря, что мальчик действительно здесь.

– На этот раз ты не дашь мне упасть?

– Нет, – сказал Роланд. – Ни за что. Никогда.

Но в самых темных глубинах души стрелок помнил о Башне. И он

усомнился.

Град обернулся ливнем, которому, казалось, не будет конца, однако, на севере за пеленою клубящихся туч Эдди увидел проблески голубого неба. Буря скоро закончится, но все же не раньше, чем они все промокнут до нитки.

Но ему было уже все равно. Никогда в жизни Эдди не было так спокойно; никогда раньше не знал он такого умиротворения, когда на фоне предельной опустошенности пребываешь ты в мире с самим собой. Это безумное приключение еще далеко не закончилось – он даже подозревал, что оно только еще начинается, – но сегодня они одержали победу в решающей битве.

– Сьюз? – он убрал мокрые волосы, закрывавшие ей лицо, и заглянул в ее темные изумительные глаза. – Ты как, в порядке? Он тебе сделал больно?

– Немножко – да, но теперь это все позади. Сдается мне, демон там или не демон, Детта Уокер, эта сучка, так и осталась непревзойденной воительницей придорожных закусочных.

– Ты это о чем?

Она ехидно усмехнулась.

– Да так, о своем... теперь уже ни о чем... слава Богу. А ты-то как, Эдди? Нормально?

Эдди прислушался, но не услышал злорадного голоса Генри. Ему почему-то казалось, что голос брата умолк навсегда.

– И даже более чем. – Он рассмеялся, заключая ее в объятия. Через плечо ее он увидел, что осталось от двери: несколько расплывшихся линий и углов. Скоро дождь смоет и их.

– Как вас зовут? – спросил Джейк у женщины без ног. Только теперь до него дошло, что в отчаянной схватке с привратником он лишился штанов, и ему стало неловко. Он поспешно натянул низ рубашки, закрывая

трусы. Впрочем, уж если на то пошло, от ее платья тоже мало чего осталось.

– Сюзанна Дин, – назвалась она. – А как тебя зовут, я уже знаю.

– Сюзанна, – задумчиво повторил Джейк. – А ваш отец, случайно, не владеет железнодорожной компанией?

На секунду Сюзанна замешкалась в изумлении, не зная, что ей на это ответить, а потом запрокинула голову и рассмеялась:

– Нет, малыш, не владеет! Он был дантистом. Кое-что изобрел и на этом разбогател. А почему ты спросил?

Джейк не ответил. Он внимательно смотрел на Эдди. Теперь, когда его страх прошел, взгляд Джейка снова стал не по-детски спокойным и даже оценивающим – точно таким, каким помнил его Роланд еще до дорожной станции.

– Ну привет, Джейк, – сказал Эдди. – Рад тебя видеть, дружище.

– Привет, – сказал Джейк. – Сегодня я вас уже видел, но вы тогда были намного моложе.

– Я был намного моложе еще минут десять назад. С тобой все в порядке?

– Да, – отозвался Джейк. – Пару царапин себе заработал, но это так, пустяки. – Он огляделся по сторонам. – Я смотрю, поезда еще нет.

Это был не вопрос.

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, но Роланд лишь покачал головой:

– Пока нет.

– А голоса? Ваши исчезли?

Роланд кивнул.

– Да. А твои?

– Мои тоже. Я снова целый. Мы оба.

Они посмотрели друг другу в глаза, разом поддавшись одному и тому же порыву, и когда Роланд обнял Джейка, неестественное самообладание мальчика вдруг рассыпалось в прах, и он разрыдался – это был плач уставшего, но теперь успокоенного ребенка, который давно потерялся, долго скитался по свету один-одинешенек, многое пережил, многое выстрадал не по годам, но в конце концов все же вернулся домой, где ему хорошо, где ему безопасно. Когда Роланд заключил Джейка в объятия, тот тоже обнял стрелка за шею и сжал ее, точно стальными тисками.

– Я никогда тебя больше не брошу, – теперь Роланд плакал тоже. – Клянусь именем всех моих предков: я тебя больше не брошу.

И все-таки сердце его – пожизненный пленник ка, наблюдательный и

молчаливый – приняло слова клятвы не только с трепетом и изумлением, но и с сомнением тоже.

Книга вторая
ЛАД: ГРУДА ПОВЕРЖЕННЫХ
ИЗВАЯНИЙ

Глава 4. ГОРОДОК И КА-ТЕТ

1

На утро четвертого дня после того, как Эдди втащил его через дверь между двумя мирами, Джейк, лишившийся пары штанов и кроссовок, но сохранивший ранец и жизнь, проснулся оттого, что кто-то теплый и влажный тыкался ему в лицо.

Случись что-то подобное в предыдущие дни, он наверняка перебудил бы всех жуткими воплями, потому что все эти три дня его мучила лихорадка, а во сне преследовали кошмары, где неизменно присутствовал страж-привратник из Особняка. В этих снах брюки Джейка не соскальзывали у него с ног, привратник не отпускал его и запихивал каждый раз в пасть... и страшные зубы смыкались, обрушиваясь на него, как прутья решетки, перегораживающие вход в старый средневековый замок. От этих снов Джейк просыпался с беспомощным стоном, весь дрожа.

Лихорадка случилась из-за укуса того гадостного паука. На второй день Роланд обследовал место укуса у него на шее, обнаружил, что ранка не заживает, а, наоборот, становится хуже, и, коротко посоветовавшись с Эдди, дал Джейку какую-то розовую таблетку.

– Каждый день, всю неделю, тебе придется глотать по четыре таких, – сказал он.

Джейк с сомнением поглядел на таблетку.

– Это что?

– Кхефлет, – попытался выговорить Роланд, потом раздраженно взглянул на Эдди. – Скажи ему, как оно называется. До сих пор не могу его произнести, зубодробительное словечко.

– Кефлекс. Можешь не сомневаться, Джейк. Мы его раздобыли в Нью-Йорке, в старом-добром Нью-Йорке, в аптеке, имеющей государственную лицензию. Роланд сожрал гору этих таблеток, и ничего с ним не стало... здоров, как конь. Да и внешне немного похож, не находишь?

Джейк буквально опешил.

– А откуда у вас из Нью-Йорка лекарство?

– Это долгая история, – Роланд не стал вдаваться в подробности. – В свое время ты все узнаешь, а пока просто прими таблетку.

Джейк так и сделал. Подействовал кефлекс быстро. Уже через двадцать четыре часа воспаленная красная опухоль вокруг укуса начала бледнеть и спадать, а теперь прошла и лихорадка.

Кто-то теплый снова уткнулся ему в лицо, и Джейк приподнялся рывком, широко распахнув глаза.

Существо, которое самозабвенно вылизывало ему щеку, отступило поспешно на пару шажков. Это был путаник-ушастик, но Джейк об этом не знал: он никогда раньше не видел такую зверюшку. Этот был далеко не такой упитанный и пухлявый, как те, которых путешественники встречали раньше. Его шкурка, черная с серыми полосами, висела грязными клочьями. мех был тусклым и нездоровым. На одном боку темнел сгусток старой запекшейся крови. И хотя черные глазки с золотым ободком глядели на Джейка с опаской, зверюшка миролюбиво помахивала хвостом. Джейк расслабился. Конечно, из всякого правила есть исключения, но существо, так забавно машущее хвостом – во всяком случае, пытающееся это сделать – оно, наверное, не очень опасное. Даже наоборот.

Рассвет еще только забрезжил на темном небе. Было около половины шестого утра. Точнее Джейк определить не мог: его цифровые часы «Сейко» здесь не работали... то есть, не то чтобы совсем не работали, но вели себя очень странно. Когда он взглянул на них в первый раз после того, как попал в этот мир, часы показывали 98:71:65 – время, которого не существует. Вскоре Джейк сообразил, что часы идут не вперед, а назад. Если бы цифры менялись на них с постоянной скоростью, он бы как-то сумел еще приспособиться, но часы словно взбесились. Иногда цифры менялись с обычной скоростью, во всяком случае, Джейк считал ее таковой (чтобы это проверить, произносил слово «Миссисипи» между изменениями секундной индикации), а потом вдруг останавливались, «зависая» секунд на десять, а то и на двадцать, так что Джейк начинал уже думать, что «Сейко» его приказал долго жить... но тут цифры менялись снова и часто – по несколько разом.

Джейк рассказал о загадочном их поведении Роланду и показал ему часы, думая, что тот удивится, но Роланд лишь мельком взглянул на них, потом кивнул и безнадежно махнул рукой, заметив только, что часы, да, хороши, но в теперешние времена от подобных приборов немного толку. Но Джейк все равно не хотел их выбрасывать, пусть они даже были совсем бесполезны... потому что часы напоминали ему о той, прошлой, жизни, от которой у Джейка и так мало чего осталось.

В данный момент, если верить часам, было 40:62 среды, четверга и субботы в марте и декабре одновременно.

Все было затянуто плотным туманом; на расстоянии в пятьдесят-шестьдесят футов мир просто-напросто исчезал. Если сегодняшний день будет таким же, как три предыдущих, солнце проглянет часа через два в виде бледного белого диска на сером небе, а к половине десятого день станет ясным и жарким. Джейк огляделся. Его спутники (он пока еще не решался назвать их друзьями) все еще спали под одеялами из шкур: Роланд – рядом с ним, Эдди с Сюзанной – с той стороны погасшего костра.

Он опять повернулся к зверьку, который его разбудил. Больше всего существо походило на помесь енота с сурком и немножечко с таксой – до кучи.

– Как поживаешь, малыш? – спросил он тихонько.

– Ыш! – отозвался мгновенно ушастик, не сводя с Джейка встревоженных глаз. Голос его, глуховатый и низкий, больше всего походил на лай – голос английского футболиста, которого донимает жестокий кашель.

Джейк даже вздрогнул от неожиданности. Ушастик-путаник, испуганный резким движением мальчика, отпрыгнул еще на пару шагов назад. Джейку показалось, что тот сейчас бросится наутек, но зверек остановился и еще энергичнее замахал хвостом, продолжая с опаской разглядывать Джейка своими большими черными глазами с золотым ободком. Усы на его острой мордочке мелко подрагивали.

– Он все еще помнит людей, – раздался голос за спиной у Джейка. Он обернулся и увидел, что Роланд проснулся. Стрелок сидел, опершись локтями о колени и свесив длинные руки между ног, и смотрел на ушастика с неподдельным интересом, которого и в половину не удостоились часы Джейка.

– Это кто? – спросил Джейк, понизив голос, чтобы не вспугнуть животное. Он был очарован. – Какие красивые у него глаза!

– Ушастик-путаник.

– Утаник! – выдал зверек, отступая еще на шаг.

– Он разговаривает!

– Ну, не то чтобы разговаривает. Ушастики лишь повторяют, что слышат – по крайней мере, так было раньше. Я уже многие годы такого не слышал. А этот приятель, похоже, изголодался. Пришел, наверное, чем-нибудь поживиться.

– Он лизал мне лицо. Можно, я его покормлю?

– Только учти, мы потом от него не избавимся, – строго сказал Роланд, но потом улыбнулся и щелкнул пальцами.

– Эй! Ушан!

Зверек на удивление точно воспроизвел звук щелчка. Казалось, он щелкает язычком по небу.

– Эй! – повторил он своим хриплым голосом. – Эй, Юшан! – И замахал хвостом еще пуще.

– Подойти к нему и чего-нибудь дай, – сказал Роланд Джейку. – Помню, один старый конюх все говорил, что хороший ушастик приносит удачу. Этот, по-моему, хороший.

– Да, – согласился Джейк. – И по-моему тоже.

– Когда-то ушастики были совсем ручными, то есть, их приручали, и каждый барон держал их с полдюжины при своем замке или в поместье. В общем, они ни на что не годятся в хозяйстве, разве что крыс ловить да забавлять детишек. Они очень преданные животные – во всяком случае, так было раньше, – хотя в этом смысле с собаками им не сравниться. А дикие особи – настоящие стервятники. Они не опасны, но могут доставить немало хлопот.

– Опот! – воскликнул ушастик, глядя встревоженно то на стрелка, то на Джейка.

Джейк медленно залез в ранец, стараясь не делать резкий движений, чтобы не испугать зверька, вынул оттуда остатки «стрелецкого голубца» и бросил кусочек ушастiku. Тот отскочил, слабо по-детски вскрикнув, и повернулся к ним задом, демонстрируя пушистый закрученный штопором хвост. Джейк решил, что зверек убежит, и немного расстроился, но ушастик остановился и с сомнением оглянулся через плечо.

– Ну давай, – подбодрил его Джейк. – Кушай, малыш.

– Ыш, – буркнул ушастик, но не сдвинулся с места.

– Дай ему время, – сказал Роланд. – Мне кажется, он не уйдет.

Ушастик потянулся, подняв кверху длинную и на удивление изящную шею. Черный носик задергался, уловив запах пищи. Зверек осторожно приблизился к угощению, и Джейк заметил, что он немного прихрамывает. Ушастик понюхал «голубец», а потом, ловко поддев его лапой, отделил оленину от листа, в который было завернуто мясо. Прodelал он это очень аккуратно, едва ли не торжественно. Вытащив кусок мяса, зверек проглотил его одним махом и поднял голову, глядя на Джейка.

– Ыш! – сказал он.

Джейк рассмеялся. Ушастик снова отпрыгнул назад.

– Отощала зверюга, – пробормотал сонный Эдди у них за спиной. При звуке нового голоса ушастик мигом развернулся и скрылся в тумане.

– Вы его напугали! – произнес Джейк с укоризной.

– Ну, извини, – сказал Эдди, приглаживая ладонью всклокоченную

после сна шевелюру. – Знай я раньше, что это твой друг, я бы ему предложил кофе с булкой.

Роланд похлопал Джейка по плечу.

– Он вернется.

– Вы думаете?

– Если с ним ничего не случится, то да. Мы же его покормили, верно?

Не успел Джейк ответить, как снова раздался грохот барабанов. Они слышали этот странный ритм уже третье утро подряд, и дважды – по вечерам, когда день тонет в сумерках: глухой, монотонный гул, доносящийся со стороны города. В это утро, однако, звук был более четким, пусть и столь же бессмысленным, как и прежде. Джейк успел уже возненавидеть его. Ему все представлялось, что где-то там, под покровом густого безликого утреннего тумана, бьется сердце какого-то исполинского зверя.

– Ты так и не знаешь, Роланд, что это такое? – спросила Сюзанна. Она тоже уже проснулась. Завязала волосы в хвост и сворачивала теперь одеяло, под которым они спали с Эдди.

– Нет. Но скоро, по-моему, мы все узнаем.

– Весьма обнадеживающе, – кисло заметил Эдди.

Роланд поднялся.

– Пойдемте. Не будем зря тратить время.

2

Уже час они шли по дороге. Туман начал рассеиваться. Коляску Сюзанны они толкали по очереди, причем труд этот был не из легких – теперь на пути попадались большие неровные камни, все чаще и чаще. Вскоре день прояснился и стало жарко. Очертания города проступили на горизонте, на юго-востоке, во всей красе. Джейку казалось, что город этот мало чем отличается от Нью-Йорка, хотя, с другой стороны, вряд ли тут есть такие высокие небоскребы. Если он, как и все почти в мире Роланда, пришел в запустение, отсюда – издалека – этого было не разглядеть. Как и Эдди, Джейк преисполнился постепенно молчаливой и робкой надежды на то, что там будут люди и что они им окажут помощь... или хотя бы накормят горячим.

По левую руку, милях, наверное, в тридцати-сорока, виднелась широкая полоса воды – река Сенд. Над нею стаями кружили птицы. время

от времени то одна, то другая, сложив крылья, камнем падала вниз. Вероятно, за рыбой. Медленно, но верно река и дорога сближались, хотя точка их пересечения находилась по-прежнему вне поля зрения.

Теперь впереди показались и другие строения. Большинство походило на фермы, но они все, похоже, стояли пустыми. Некоторые постройки совсем разрушились, но, судя по виду, скорее от времени, нежели от «огня и меча», и это последнее обстоятельство лишний раз подтверждало надежды Эдди и Джейка – надежды, которые оба держали в секрете, опасаясь насмешек. На равнинах паслись небольшие стада непонятных косматых животных. Они старались держаться вдали от дороги и подходили к ней только тогда, когда им было нужно ее перейти, причем дорогу зверюги перебежали галопом, как стайка детишек, которые боятся машин. Джейк нашел, что они очень напоминают бизонов... вот только у некоторых было по две головы. Когда он сказал об этом Роланду, тот кивнул и заметил:

– Мутанты.

– Как те под горами? – В его голосе явственно слышался страх. Джейк даже сам это заметил, а уж стрелок заметил и подавно... но он ничего не мог с собою поделать: слишком яркими были воспоминания об их бесконечном кошмарном пути по тоннелю в разбитой дрезине.

– Здесь, как мне кажется, этот процесс сам собою заглох. Мутации сами себя изжили. А там, под горами, они продолжают, и с каждым годом – все хуже и хуже.

– А там? – Джейк указал на город. – Там тоже будут мутанты или все-таки... – Он умолк, он и так подошел слишком близко к тому, чтобы высказать затаенную свою надежду.

Роланд пожал плечами.

– Я просто не знаю, Джейк. Я бы сказал тебе, если б знал.

Они как раз проходили мимо пустого строения – когда-то здесь наверняка была ферма – со следами давнего пожара. Вполне может быть, что из-за молнии, сказал себе Джейк и тут же задался вопросом, что именно он сейчас делает или пытается сделать: подобрать подходящее объяснение или же обмануть себя.

Роланд, словно прочтя его мысли, приобнял Джейка за плечи.

– Гадать все равно бесполезно, Джейк, – сказал он.

– Что бы здесь ни случилось, это все происходило давным-давно. Вон смотри, – он указал рукой. – Там, наверное, был загон для скота. И что теперь от него осталось? Несколько палок торчит из травы и все.

– Мир сдвинулся с места?

Роланд лишь молча кивнул.

– А люди? Они ушли в город, да?

– Одни, наверное, ушли, – сказал Роланд. – А другие по-прежнему здесь.

– Что!? – испуганно обернулась к нему Сюзанна.

Роланд кивнул.

– Уже два дня за нами следят. Здесь никто почти не живет, в этих старых развалинах, но кое-кто здесь обретается, это точно. И таких будет все больше. Подойдем когда ближе к цивилизации, убедитесь сами. – Он на мгновение умолк и поправился: – Вернее, к тому, что было когда-то цивилизацией.

– А как вы их вычислили? – спросил Джейк, сгорая от любопытства.

– Я их учуял. По запаху. Видел несколько огородов, скрытых за зарослями сорняков. Их сеют нарочно, чтобы скрыть садики от посторонних глаз. И еще видел одну ветряную мельницу в роще. Она работала. Но самое главное, это чувство... как тень на лице вместо света солнца. Вы тоже скоро почувствуете, вот увидите.

– А как по-твоему, они не опасны? – спросила Сюзанна. Они как раз приближались к большому ветхому строению. Когда-то, наверное, там был склад или, может быть, деревенский рынок. Сюзанна с тревогою покосилась на здание. Рука ее безотчетно легла на рукоять револьвера, который она носила в кобуре на груди.

– А незнакомый пес будет кусаться? – ответил Роланд вопросом на вопрос.

– А попроще нельзя? – вставил Эдди. – Меня, знаешь, Роланд, просто бесит, когда ты заводишь свои дзен-буддистские штучки.

– Выражение такое. Не знаю, значит, – пояснил Роланд. – А кто такой этот Дзен Буддист? Такой же умный, как я?

Эдди долго смотрел на Роланда, но потом все же решил, что это, наверное, стрелок так шутит. Кстати, шутит Роланд крайне редко.

– Ладно, кончай дурака валять. – Прежде чем отвернуться, Эдди успел заметить, как дернулся уголок рта Роланда. Он уже взялся за ручки на спинке коляски Сюзанны, как вдруг что-то его отвлекло. – Эй, Джейк! – позвал он, присмотревшись получше. – Кажется, ты заимел себе друга!

Джейк обернулся и вдруг весь расплылся в улыбке. Сзади, ярдах в сорока, тощий ушастик-путаник с усердием вышагивал следом за ними, припадая на одну лапу и нюхая на ходу молодую траву, что проросла между крошащимися булыжниками дороги.

В пути прошел не один уже час. И вот Роланд объявил привал и велел всем приготовиться.

– К чему приготовиться? – уточнил Эдди.

Роланд лишь пристально на него посмотрел.

– Ко всему.

Было, наверное, часа три пополудни. Они остановились на перевале, если так можно сказать, у пересечения Великого Тракта с долгой грядой пологих холмов, что протянулась по диагонали через равнину, точно складка на одеяле – самом большом одеяле в мире. Дорога вела вниз по склону и через селение. Самый настоящий городок. Первый у них на пути. Судя по первому впечатлению, поселение это давно опустело... но Эдди держал в голове их сегодняшний утренний разговор. Он не забыл, что сказал Роланд. И вопрос стрелка – А незнакомый пес будет кусаться? – уже не казался ему «дзен-буддистским вывертом».

– Джейк?

– Чего?

Эдди кивком указал на «Рюгер», который торчал из-за пояса джейковых джинсов – запасной пары, которую он запихал в рюкзак, уходя из дома.

– Может быть, я заберу пистолет себе?

Джейк вопросительно поглядел на Роланда, но стрелок только пожал плечами, как бы желая сказать: «Решай сам».

– О'кей. – Джейк вытащил из-за пояса пистолет и отдал его Эдди. Потом расстегнул ранец и достал со дна заряженную обойму. Почему-то он вспомнил, как лазил за нею в отцовский стол – она лежала под ворохом файловых папок, – но теперь все это казалось таким невозможно далеким. Вспоминая о жизни в Нью-Йорке и днях ученичества в школе Пайпера, Джейк как будто смотрел в перевернутый бинокль.

Эдди взял у него обойму, внимательно осмотрел со всех сторон, вставил ее в рукоятку «Рюгера», проверил предохранитель и сунул пистолет себе за пояс.

– Слушайте очень внимательно и запоминайте, – сказал Роланд. – Если там, в поселении, действительно кто-то живет, то, скорее всего, это будут одни старики. И еще не известно, кто кого больше из нас испугается: мы – их, или они – нас. Молодых здесь давно уже нет. А у тех, кто остался, вряд ли есть при себе оружие, я имею в виду, огнестрельное... вполне может

статься, что они в жизни не видели револьверов, таких, например, как у нас... разве что на картинках из старых книжек. Так что не делайте никаких угрожающих жестов. И не забывайте одно хорошее детское правило: говорить следует только тогда, когда к тебе непосредственно обращаются.

– А как насчет луков со стрелами? – осведомилась Сюзанна.

– Да, у них могут быть луки. Равно как дубины и копья. Это не исключено.

– И не забудь еще камни, – мрачно заметил Эдди, глядя вниз на скопление деревянных домишек. Поселение у дороги походило на город-призрак, но кто стал бы за это ручаться? – А если у них там напруги с камнями, всегда можно разворотить мостовую. На дороге булыжников хватит на всех.

– Да уж, – согласился Роланд, – всегда что-нибудь да найдется. Но сами в драку мы лезть не будем... всем ясно?

Они все кивнули, мол, ясно.

– А не проще вообще обойти его стороной? – предложила Сюзанна.

Роланд рассеянно кивнул, не сводя глаз с поселения внизу. Ближе к центру городка Великий Тракт пересекался с другой дорогой, и обветшалые домики у перекрестка походили на цель в центре оптического прицела.

– Проще. Но мы пойдем прямо. Ходить в обход – та же дурная привычка. Втянуться легко, но зато потом трудно избавиться. Идти напрямик всегда лучше, если, конечно, нет явных причин для того, чтобы этого избежать. В данном случае я не вижу таких причин. И если там правда есть люди... что ж, оно, может, и к лучшему. А вдруг мы узнаем чего-нибудь ценное. Главное, как-то их разговорить.

Сюзанна отметила про себя, что Роланд стал каким-то другим, он даже выглядит по-другому, и не только, наверное, потому, что теперь его не донимают призрачные голоса. Таким он, наверное, был в те дни, когда сам шел на битву и вел в сражение своих людей, когда ему было, за что воевать, когда его окружали друзья, – решила она. Он был таким до того, как мир сдвинулся с места и сам он сдвинулся вместе с ним, отправившись в погоню за этим Уолтером... он был таким до того, как Великая Пустота вывернула его наизнанку и он стал... каким-то нездешним... странным.

– Может быть, они знают, что это за барабанный бой, откуда он и почему? – сказал Джейк.

Роланд снова кивнул.

– Все, что они могут знать – и в особенности про город, – может очень нам пригодиться, и все же не стоит надеяться на подсказку людей, которых,

возможно, и вовсе там нет.

– Знаешь, что я тебе скажу, – вдруг вмешалась Сюзанна. – Я бы точно не стала высовываться, если б увидела на дороге такую компашку, как наша. Четверо незнакомцев, трое вооружены... Мы, наверное, похоже на банду головорезов из твоих древних историй, Роланд... как ты их там называл?

– Лиходеи. – Ладонь стрелка легла на сандаловую рукоять револьвера. – Но не родился еще лиходей, у которого было б такое оружие. – Он еще крепче сжал рукоять, приподнимая револьвер, так что тот наполовину высунулся из кобуры. – И если в этом селении есть кто-то, кто еще помнит старые времена... то они должны знать. Пойдемте.

Джейк обернулся. Положив острую мордочку на короткие передние лапы, ушастик улегся прямо посреди дороги и ждал тихонько, глядя внимательно на людей.

– Ыш! – позвал Джейк.

– Ыш! – отозвался, как эхо, ушастик и мгновенно вскочил.

Они направились вниз по пологому склону. Впереди – четверо путешественников. Следом за ними – Ыш.

4

Два здания на окраине городка были сожжены дотла; остальная часть города, сплошь покрытого пылью, оказалась нетронутой. Они прошли по центральной улице, мимо заброшенной платной конюшни – по левую руку, по правую руку осталось какое-то здание, где когда-то давно был, наверное, рынок, – и вышли собственно в город, если городом можно назвать около дюжины обветшалых домишек, лепящихся по обеим сторонам от дороги и разделенных узенькими переулочками. Вторая дорога – грунтовый тракт, заросший густой травой – тянулась через весь городок с северо-востока на юго-запад.

Поглядев вдоль дороги на северо-восток, в направлении реки, Сюзанна еще подумала: «Когда-то по здешней реке, наверное, ходили баржи, а дальше по этой дороге должна быть пристань и, быть может, еще один городок – даже и не городок, а скопление харчевен и баров у пристани. Последняя торговая точка, а дальше баржи с товарами шли прямо в город. А по дороге катались туда и обратно фургоны... Как давно это было?»

Ответа она не знала – но, судя по жалкому состоянию городка, было

это давным-давно.

Где-то неподалеку противно и монотонно скрипела ржавая дверная петля. С равнины дул ветер – в одном из домов незакрепленная ставня билась тоскливо о стену.

Перед домами имелись специальные поручни, чтобы привязывать лошадей или выючных животных. Большинство было сломано. В прежние времена вдоль домов проходил дощатый тротуар, но доски давно уже сгнили, и через проломы и дыры теперь пробивалась пучками сорная трава. Таблички и вывески на домах повыцвели, но кое-какие из них еще можно было прочесть. Надписи сделаны были на некоей варварской вариации английского. Должно быть, решила Сюзанна, это и есть пресловутая низкая речь, о которой упоминал Роланд. «ЗЕРНО И КОРМЛЕНИЕ» – сообщала одна из вывесок. Наверное, имелось в виду: «Зерно и корма». На фасаде соседнего здания под неуклюжим изображением буйвола, развалившегося в траве, было написано: «ОТДОХНУТЬ ВЫПИТЬ ПОКУШАТЬ». Дверь в заведение, слегка покосившаяся от времени, легонько покачивалась на ветру.

– Это что, как бы бар? – шепотом проговорила Сюзанна. Она и сама толком не поняла, с чего вдруг понизила голос. Просто ей показалось, что даже нормальный голос будет звучать здесь не очень уместно, все равно что веселенький рок-н-ролльчик на похоронах.

– Был, – отозвался Роланд, и хотя он сказал это не шепотом, голос его все равно прозвучал как-то тихо и задумчиво. Джейк шагал рядом с ним, нервозно оглядываясь по сторонам. Чуть позади – теперь не далее, чем в десяти ярдах – быстро перебирая лапками, топал Ыш. Зверек с любопытством разглядывал старые здания. Голова его, точно маятник, болталась из стороны в сторону.

Теперь и Сюзанна почувствовала, что кто-то за ними следит. Все было точно, как говорил Роланд: неприятное ощущение, как будто тень скрыла солнечный свет.

– Здесь кто-то есть? – прошептала она.

Роланд только кивнул.

На северо-восточном углу перекрестка стоял большой дом, тоже с вывеской. Сюзанна сумела ее разобрать: «ПРИСТАНИЩЕ И НОЧЛЕГ». Не считая церквушки с покосившейся колокольной, это был самый высокий здесь дом. Целых три этажа. Подняв голову кверху, Сюзанна успела заметить белое пятно – наверняка чье-то лицо, – промелькнувшее в пустом, без стекол, окне. Ей вдруг захотелось убраться отсюда как можно скорее. Но Роланд шагал не спеша, причем явно нарочно, и она, кажется, знала –

почему. Если они сейчас станут спешить, они тем самым покажут таинственным наблюдателям, затаившимся где-то неподалеку, что им здесь страшно... что с ними можно справиться. Но как бы там ни было...

На перекрестке улицы расширились, образуя городскую площадь, которая давно заросла сорной травой. В самом центре ее одиноко торчал изъеденный временем столбовой камень, а над ним на проржавевшем тросе висела какая-то металлическая коробка.

Роланд – Джейк не отходил от него ни на шаг – приблизился к камню. Следом за ним подошел и Эдди, толкая перед собою коляску с Сюзанной. В спицах коляски шуршала трава. Ветерок трепал прядь волос у нее на щеке. Дальше по улице продолжал стучать ставень. Где-то скрипели дверные петли. Сюзанна невольно поежилась и убрала прядь с лица.

– Быстрее бы отсюда смотаться, – сказал ей Эдди, понизив голос. – Жутковатое место.

Сюзанна кивнула. Оглядев площадь, она опять живо себе представила, как здесь все было в базарный день. Она как будто увидела это воочию: толпы народу на тротуарах... городские матроны с большими корзинками пробираются сквозь толпу, состоящую в основном из извозчиков, и торговцев, и одетых в лохмотья матросов с барж (она понятия не имела, откуда вообще взяла эти баржи, но ей почему-то казалось, что так оно все и было)... телеги, загромождающие городскую площадь... повозки, ползущие по немощенной дороге, поднимая клубы желтой пыли... погонщики, понукающие лошадей (быков, это были быки), телеги, накрытые пыльным брезентом... Она словно видела их: повозки, забитые до отказа товаром. Тюки с мануфактурой. Пирамиды пропитанных смолой бочек. Видела этих быков, запряженных в телеги по двое – терпеливые, невозмутимые, они подергивали ушами, отгоняя надоедливых мух, кружащих над их огромными головами. Она слышала голоса, и смех, и грохот кабацкого пианино, на котором усталый тапер наярывал разухабистые вещицы типа «Девчонки из Буффало» или «Милашка Кэти».

«Я как будто уже здесь жила... в другой жизни», – подумалось вдруг Сюзанне.

Стелок склонился над камнем, рассматривая надпись.

– Великий тракт, – прочитал он вслух. – Лад, сто шестьдесят колес.

– Колес? – переспросил Джейк.

– Древняя мера длины.

– Ты слышал когда-нибудь об этом Ладе? – спросил у Роланда Эдди.

– Наверное, – отозвался стрелок. – когда был совсем маленьким.

– Лад, гад, разлад... ничего себе рифмочки, – пробурчал Эдди. –

Достаточно гадостное название. Нехороший знак, тебе не кажется?

Джейк обошел столбовой камень и встал у восточной его стороны.

– Речная дорога, – сообщил он. – Правда, написано как-то странно, но все равно понять можно.

Эдди занялся изучением западной стороны камня.

– Здесь написано: «Джимтаун, сорок колес». Слушай, Роланд, а не там ли, случайно, родился Уэйн Ньютон?

Роланд в недоумении уставился на него.

– Все, я заткнулся, – без слов понял Эдди и театрально закатил глаза.

На юго-западному углу площади стояла единственная в городке каменная постройка – приземистое, запыленное здание в форме куба с ржавыми решетками на окнах. Наверное, городской суд и тюрьма по совместительству, решила Сюзанна. Подобные здания она не раз видела у себя на юге; добавить только у входа косую разметку для парковки автомобилей – и будет один в один. На фасаде его красовалась какая-то надпись, выведенная давно поблекшей желтой краской. Сюзанна сумела ее прочесть. И хотя она не совсем уловила смысл, ей вдруг еще сильнее захотелось убраться отсюда подальше – подальше от этого странного места. «МЛАДЫ МРУТ» – сообщала надпись.

– Роланд! – окликнула она, и когда тот повернулся, указала на желтые буквы. – Что это значит?

Он прочел надпись на каменном здании и покачал головой:

– Без понятия.

Сюзанна опять огляделась по сторонам. Ей показалось, что площадь стала как будто меньше, а здания чуть сдвинулись к центру, нависая над ними.

– Может, двинем отсюда?

– Сейчас.

Роланд нагнулся и поднял с дороги обломок булыжника, выковырнув его из мостовой. Задумчиво взвешивая камушек на ладони, он поглядел, точно прицеливаясь, на металлическую коробку, что висела над столбовым камнем. И только когда стрелок отвел руку, готовясь к броску, Сюзанна – с секундным опозданием – сообразила, что он сейчас собирается делать.

– Нет, Роланд! – выкрикнула она и невольно поморщилась. Ей самой стало не по себе от звука собственного испуганного голоса.

Не обращая на нее внимания, Роланд швырнул камнем в коробку. Бросок, как всегда, вышел точным – камень с глухим металлическим лязгом врезался в самый центр коробки. Внутри нее что-то щелкнуло, послышался звук заработавшего часового механизма, и из прорези на боку

выскочил металлический зеленый флажок, весь покрытый ржавчиной. Звякнул колокольчик. Большими черными буквами на флажке было написано: «ИДИТЕ».

– Будь я проклят! – искренне изумился Эдди. – Светофор, мать твою, не иначе! Интересно, а если еще раз вдарить по этой штуке, она что – выкинет красный флажок, мол, «СТОЙТЕ»?

– Мы не одни, – невозмутимо заметил Роланд и указал на квадратное здание, которое Сюзанна приняла за городской суд. Из него вышли мужчина и женщина и спускались теперь по каменным ступеням.

«Ты выиграл пупса, Роланд, – еще подумала про себя Сюзанна. – Они оба такие древние, старше Господа Бога».

Мужчина был одет в вытертый комбинезон, на голове у него красовалась невероятных размеров соломенное сомбреро. Женщина, в домотканом платье и чепчике, шла рядом с ним, опираясь рукой о голое загорелое плечо мужчины. Когда они подошли поближе, Сюзанна увидела, что женщина слепая и что зрения она лишилась при обстоятельствах страшных: на месте глаз у нее остались лишь неглубокие глазницы, затянутые рубцами кожи. Выглядела она смущенной и перепуганной одновременно.

– А если они лиходеи, Си? – воскликнула слепая. Ее надтреснутый голос дрожал. – Убьют нас сейчас, будешь ты виноват, так и знай!

– Помолчи пока, Мерси, – бросил в ответ старик. Оба они говорили с ярко выраженным акцентом, так что Сюзанна с трудом разбирала слова. – Не лиходеи они, уймись. Я же тебе говорю, с ними млад... а лиходеи не шастают с младыми.

Несмотря на слепоту, женщина сделала было движение, стремясь оторваться от своего провожатого. Она была явно напугана. Старик тихо выругался и поймал ее за руку.

– Да успокойся ты, Мерси! Прекрати, я тебе говорю! Еще упадешь чего доброго и расшибешь себе что-нибудь, черт возьми!

– Мы вам не сделаем ничего плохого, – крикнул Роланд так, чтобы они услышали. Он перешел на Высокий слог, и при первых же звуках его в глазах старика промелькнул недоверчивый огонек. Женщина повернулась в их сторону, обратив к Роланду незрячие свои глазницы.

– Стрелок! – не сдержал восклицания старик. Его голос сорвался от возбуждения и восторга. – Боже милостивый, стрелок! Я знал, что так будет! Я знал!

Он бегом бросился к ним через площадь, волоча за собою старуху. Она беспомощно семенила следом, и Сюзанна вся напряглась, опасаясь, что

слепая вот-вот неминуемо упадет. Однако первым упал старик, тяжело грохнувшись на колени, а она растянулась с ним рядом, больно ударившись о мостовую Великого Тракта.

Джейк почувствовал, как что-то лохматое ткнулось ему в лодыжку. Поглядев вниз, он увидел, что к ноге его жметесь Ыш, перепуганный как никогда. Джейк осторожно присел и погладил Ыша по голове – чтобы успокоить зверька и успокоиться самому. Шерсть у ушастика оказалась на удивление шелковистой, приятной и мягкой на ощупь. Поначалу ему показалось, что Ыш сейчас бросится наутек, но тот лишь поднял свою острую мордочку, лизнул Джейка в ладонь и снова тревожно уставился на старика со старухой – двух новых людей. Мужчина пытался помочь слепой встать, но пока безуспешно. Она только дергалась и мешала ему, в явном смятении ворочая головой, как будто не понимая, что с ней такое случилось.

Старик, которого звали Си, при падении разбил руки в кровь, но он, кажется, этого не замечал. Оставив тщетные свои попытки поднять старуху, он снял сомбреро и прижал его к груди. Джейк решил, что оно по размерам не уступает здоровенной корзине емкостью этак в бушель.

– Добро пожаловать к нам, стрелок! – закричал древний старец. – Вот уж воистину, в добрый час! А я было думал, что все ваше племя давно исчезло с лица земли, но я, слава богу, ошибся!

– Спасибо за добрый прием, – отозвался стрелок на Высоком Слоге и осторожно взял слепую старуху за руки чуть выше локтей. Она на мгновение вся сжалась, но тут же расслабилась и позволила ему помочь ей встать. – Надень шляпу, старче. Солнце сегодня печет.

Старик так и сделал и замер на месте, не отрывая сияющих глаз от Роланда. Джейк даже не понял сначала, почему вдруг заблестели глаза старика, но потом он увидел – от слез.

– Стрелок! Я говорил тебе, Мерси! Я сказал тебе сразу, как только увидел у них эти железные штуки, из которых палать!

– Так они не лиходеи? – переспросила старуха, как будто не веря своим ушам. – Ты уверен, что не лиходеи, Си?

Роланд повернулся к Эдди:

– Проверь как следует предохранитель и дай ей потрогать Джейков

револьвер.

Эдди вытащил из-за пояса «Рюгер», проверил предохранитель и осторожно вложил пистолет в руки слепой старухи. Та судорожно сглотнула, едва не выронила пистолет, но все-таки удержала и, изумленно его ощупав, повернулась лицом к старику.

– Револьвер! – прошептала она. – Святые угодники...

– Ну, так себе штучка, – этак небрежно ответил старик на ее восторги, отобрал у нее пистолет и вернул его Эдди. – А вот у стрелка револьвер настоящий, и еще второй, тот у женщины. Кстати, у женщины темная кожа, как у людей из Гарлана, если верить рассказам батюшки.

Ыш пронзительно тьякнул. Джейк оглянулся. К ним подходили по улице еще люди – человек пять или шесть. Как Си и Мерси, все они были глубокими стариками, а одна из них – согбенная старуха с клюкой, похожая на ведьму из сказки – выглядела и совсем уже древней. Когда они подошли поближе, Джейк обратил внимание на двух мужчин, неразлично похожих друг на друга. Близнецы. Длинные пряди седых волос ниспадали на плечи их латанных-перелатанных домотканых рубах. Кожа у них была белой, как новая простыня, глаза – розовыми.

«Альбиносы», – подумал Джейк.

Как видно, главной у них была древняя «ведьма» с клюкой. Опираясь о палку, она подошла к небольшому отряду Роланда, не сводя с них пытливого взгляда зеленых, как изумруды, глаз. Губ ее почти не было видно: они ввалились в беззубый рот. Ветер, дувший с равнин, шевелил край старой шали у нее на плечах. Наконец взгляд ее остановился на Роланде.

– Ну здравствуй, стрелок! Добрая встреча, воистину! – Она обратилась к нему на Высоком Слоге, и Джейк, как, впрочем, и Эдди с Сюзанной, прекрасно ее понимал, хотя можно было предположить, что в их собственном мире речь ее показалась бы им, наверное, набором бессмысленных звуков. – Добро пожаловать на Речной Перекресток!

Еще когда она только приблизилась, Роланд снял шляпу и теперь поклонился старухе, трижды коснувшись горла искалеченной правой рукой.

– Благодарю тебя, Древняя Мать.

В ответ старуха хихикнула, но смех ее был чистым и искренним, и вдруг до Эдди дошло, что Роланд одновременно отпустил очень удачную шутку и сделал лестный комплимент. Теперь и он тоже, вслед за Сюзанной, подумал о том, что потихонечку Роланд становится сам на себя похожим. Вот каким он когда-то был... вот как держался с людьми. Ну хотя бы

отчасти – так.

– Ты, может быть, и стрелок, но под одежей своей ты просто еще один глупый мужчина, – высказалась старуха, переходя на низкую речь.

Роланд опять поклонился.

– При виде такой красоты я всегда просто дурею, мать.

На этот раз старуха буквально поперхнулась смехом. Ыш в страхе прижался к ноге Джейка. Один из близнецов-альбиносов рванулся вперед – поддержать старуху, которая покачнулась, давясь смехом, на каблуках своих стоптанных пыльных туфель. Однако она сумела сама сохранить равновесие и надменно взмахнула рукой, мол, не лезь. Альбинос поспешно ретировался.

– Далеко, стрелок, держишь путь? – она буквально впиалась в него взглядом своих пронизательных глаз. Когда она говорила, сморщенный рот с провалившимися губами едва открывался.

– Да, – отозвался Роланд. – Мы ищем Темную Башню.

Все остальные лишь озадаченно переглянулись, но старуха, резко подавшись назад, сделала охранительный знак от дурного глаза – не в их сторону, как заметил Джейк, а на юго-восток, вдоль «дорожки» Луча.

– Жаль мне было услышать такое! – вскричала она. – Ибо никто из ушедших на поиски этого черного пса не вернулся назад! Так говорил мне мой дед, а ему то же самое говорил его дед! Никто!

– Ка, – спокойно проговорил стрелок, как будто этим все объяснялось... и только теперь Джейк потихоньку начал понимать, что для Роланда так оно и есть.

– Да, – согласилась старуха, – черный пес ка! Ну что ж, стрелок, делай, что должен, и, пока жив ты, иди по дороге своей и умри, когда она тебя выведет на поляну среди деревьев. Но прежде чем двинуться дальше, не откажись разделить с нами трапезу. Откушайте с нами. Ты и верные твои рыцари.

Роланд опять поклонился.

– Давно не делили мы трапезу с кем-то еще, Древняя Мать. Долго мы здесь не задержимся, но угощение ваше примем мы с удовольствием и благодарностью.

Повернувшись ко всем остальным обитателям городка, старуха проговорила надтреснутым, но звенящим голосом, и от слов, ею сказанных – от их смысла, а не от тона, – Джейк невольно поежился, чувствуя, как по спине у него побежали мурашки:

– Радуйтесь, люди, ибо вы зрите теперь возвращение света! После дней темных и темных путей в мир опять возвращается свет! Пусть ваши

сердца преисполнятся им, этим светом. Поднимите склоненные головы, ибо то, чего ждали вы, наступило: колесо ка сделало очередной оборот!

Старуха, которую звали тетушка Талита, провела их через площадь в церковку с покосившимся шпилем – Церковь Крови Господней, о чем сообщала повыцветшая табличка на заросшей сорной травой лужайке. Поверх названия была еще одна надпись, сделанная зеленой когда-то краской, теперь поблекшей почти до полного исчезновения: «СМЕРТЬ СЕДОВЛАСЫМ».

Она провела их через полуразрушенную церквушку, торопливо ковыляя по центральному проходу между разошедшимися и перевернутыми скамьями, вниз по лестнице в кухню, так разительно отличавшуюся от царящего наверху запустения, что Сюзанна даже заморгала от удивления, не веря своим глазам. Здесь все было вычищено до блеска. Деревянный пол – очень старый, но любовно натертый мастикой – казалось, светился собственным внутренним светом. Огромная черная печь занимала весь угол. Как видно, ее содержали в идеальном порядке, а дрова, аккуратно уложенные в небольшой нише из кирпича, были тщательно отобраны и хорошо просушены.

По дороге к ним присоединились еще две старухи и древний старик с деревянной ногой, ковылявший на костылях. Женщины тут же занялись делом: двое принялись доставать из кухонных шкафов продукты, третья открыла заслонку печи и поднесла длинную серную спичку к уже уложенным в топке дровам, четвертая распахнула еще одну дверь и спустилась по узкой короткой лестнице в какой-то подвальчик – по всей видимости, холодильный погреб. Тем временем тетушка Талита провела остальных в какой-то просторный зал на задах церковного здания. Она только махнула клюкой в направлении двух треногих столов, что стояли в углу накрытые чистыми, но обтрепанными от старости скатертями, и старики-альбиносы тут же принялись сражаться с одним из них, пытаясь сдвинуть стол с места.

– Давай, Джейк, поможем, – предложил Эдди.

– Нет! – резко бросила тетушка Талита. – Мы, конечно, тут все старики, но мы еще сами справляемся! Пока еще сами, мой юный друг!

– Не лезь, – процедил Роланд.

– Надорвутся ведь, старые дурни, – буркнул Эдди себе под нос, однако покорно последовал за остальными, оставив двоих альбиносов сражаться с тяжелым столом.

Эдди поднял Сюзанну с коляски и пронес ее на руках через заднюю дверь. При виде того, что оказалось за этой дверью, у нее даже дыхание перехватило. Они очутились в прелестном саду. Цветы на ухоженных клумбах горели, как факелы, в мягкой зеленой траве. Кое-какие Сюзанна узнала: ноготки, флоксы и циннии, – но большинство цветов было ей незнакомо. Она засмотрелась на очень красивый цветок с ярко синими лепестками. Слепень уселся на лепесток... в тот же миг лепесток свернулся, прижав пойманное насекомое.

– Ого! – выдохнул Эдди, озираясь по сторонам. – Ну прям Сады Буша!

– Это единственное здесь место, – пояснил Си, – которые мы стараемся сохранить в прежнем виде. Таким, каким все здесь было раньше, в старые времена, до того, как мир сдвинулся с места. И мы его прячем от всех, кто сюда наезжает... от седовласых, и младов, и лиходеев. Они все здесь сожгут, если узнают об этом... а нас просто прикончат. Они ненавидят все хорошее и красивое – все как один ненавидят. В этом они все похожи, ублюдки.

Слепая старуха дернула его за руку, мол, замолчи.

– Правда, в последнее время никто сюда больше не наезжает, – заметил старик с деревянной ногой. – Давненько уж не было никого. Поближе к городу держатся, да. Там есть, все, что им нужно, наверное. И слава Богу.

Близнецы-альбиносы с трудом выволокли стол на улицу. Следом за ними семенила старуха – одна из тех, что остались на кухне, – то и дело покрикивая на братьев, чтобы те пошевеливались и убирались с дороги к чертям собачьим. Она держала в обеих руках по большому глиняному кувшину.

– Садись, стрелок, – пригласила старуха, проведя рукой по высокой траве. – Все садитесь.

От сотни разнообразных запахов у Сюзанны слегка закружилась голова. У нее даже возникло такое чувство, что это все происходит во сне, а не на самом деле. Она никак не могла поверить в существование этого райского уголка, тщательно скрытого от чужих глаз за крошащимся фасадом мертвого городка.

В дверях появилась еще одна женщина с целым подносом стаканов и кубков – из разных комплектов, но зато безупречно чистых; они сияли на солнце, как горный хрусталь. Сначала она предложила поднос Роланду, потом – тетушке Талите, Эдди, Сюзанне и последнему Джейку. Когда все

взяли себе по стакану, первая женщина наполнила их золотистой темной жидкостью из кувшинов.

Роланд склонился к Джейку, который сидел, поджав под себя ноги, рядом с овальной клумбой ярко зеленых цветов. Ёш устроился рядом с ним.

– Ты, Джейк, много не пей, – сказал Роланд, понизив голос. – Чуть-чуть отхлебни, чтобы их не обидеть. Иначе нам придется тебя выносить... это граф – крепкое яблочное пиво.

Джейк кивнул.

Талита приподняла свой стакан, и как только Роланд поднял свой, Эдди, Сюзанна и Джейк последовали его примеру.

– А как же все? – шепотом спросил Эдди.

– Им нальют после нас, – так же тихо ответил Роланд. – А теперь помолчи.

– Не одаришь ли нас добрым словом, стрелок? – спросила тетушка Талита.

Стрелок встал на ноги, приподняв стакан. Склонил голову, словно в раздумье. Немногочисленные обитатели городка, собравшиеся в саду, наблюдали за ним с уважением и, как показалось Джейку, с некоторой опаской. Но вот Роланд поднял голову.

– Я хочу выпить за землю и за дни, что минули на этой земле, – сказал он. Голос его звучал хрипло и немного дрожал от переполнявших его эмоций. – Я хочу выпить за изобилие и достаток, что были тогда, и за друзей, которых уже нет в живых. Хочу выпить за добрых людей и радушное гостеприимство. Это ли не великий дар, Древняя Мать?

Старуха расплакалась, и все-таки Джейк увидел, что лицо ее засияло счастливой улыбкой... и на мгновение она как будто помолодела, сбросив груз лет. Джейк смотрел на нее в изумлении, преисполнившись вдруг неожиданным и безмерным счастьем. В первый раз с того достопамятного мгновения, когда Эдди протащил его через дверь между двумя мирами, он почувствовал, что тень стража-привратника, накрывшая сердце его черной тучей, больше его не гнетет.

– Да, стрелок! – выдохнула старуха. – Хорошо сказано! Воистину, это великий дар, и да увидим мы все это снова! – Она подняла стакан и залпом его осушила. Как только стакан ее опустел, Роланд выпил тоже. Сюзанна и Эдди последовали его примеру, хотя все-таки выпили не до дна.

Джейк тоже пригубил крепкий напиток и с удивлением обнаружил, что он ему нравится – хмельной, но не горький, как он ожидал, а сладковатый и терпкий, как сидр. Однако хватило и одного глотка, чтобы пиво ударило в

голову, и Джейк предусмотрительно отставил стакан в сторону. Ыш понюхал напиток, отпрянул и ткнулся мордочкой в ногу Джейка.

Старики, собравшиеся в саду – последние жители Речного Перекрестка, – заплодировали. Многие плакали, как тетушка Талита, не стыдясь своих слез. Из кухни вынесли еще стаканов – уже не таких благородных, а самых простых, впрочем, пригодных к питью – и обнесли всех собравшихся. Началось застолье. Радостное застолье под открытым бескрайним небом долгого летнего дня.

Эдди решил, что еда, которой его потчевали в этот день, была самой вкусной из всех, что он пробовал со времен мифических пиров детства, когда у тебя день рождения и мама готовит и подает к столу все твои самые любимые лакомства: мясной рулет с жареной картошкой, запеченая кукуруза и дьявольски вкусный пирог с ванильным мороженым.

Одно только разнообразие выставленных перед ним блюд – в особенности после стольких месяцев, когда им приходилось питаться исключительно мясом омаров, вяленой олениной и какими-то горькими травами, безопасными, по утверждению Роланда, для жизни – значительно увеличивало удовольствие от еды, но Эдди считал, что это была единственная причина. Джейк, как заметил Эдди, тоже приналегал на яства (не забывая каждые пару минут подкидывать лакомые кусочки ушасту, свернувшему у его ног), а ведь он пробыл здесь, в этом мире, всего лишь неделю.

Чего только не было на столе! Огромные миски с тушеным мясом (как выяснилось, мясом буйволов) с подливкой и соусом из овощей, подносы со свежим печеньем, глиняные горшочки с белейшим сливочным маслом, тарелки с какими-то листьями, по вкусу похожими на шпинат... но не совсем. Эдди в жизни не относился к ярим любителям зелени, но как только он их попробовал, оторваться уже не смог. Он перепробовал все, что было, однако эта зеленая штука была просто вне конкуренции. Сюзанна тоже не отставала, то и дело подкладывая себе «шпинатику». Вчетвером путешественники опустошили три здоровых тарелки с листьями.

Когда пришло время десерта, старые женщины и альбиносы – братья убрали обеденные тарелки, отнесли их на кухню и вернулись оттуда с двумя немалых размеров блюдами, на которых высокими горками были

уложены пироги, и большой мискою взбитых сливок. От пирога исходил такой сладостный аромат, что Эдди решил, будто он умер уже и очутился в раю.

– Сливки только из буйволиного молока, – извиняющимся тоном произнесла тетушка Талита. – Коров ни одной не осталось... последняя сдохла лет тридцать назад. Буйволиное молоко – не особенный деликатес, но все-таки лучше, чем ничего.

Как выяснилось, пирог был с начинкой из ежевики. Эдди в жизни не ел ничего вкуснее. Он уплел три куска, откинулся на спинку стула, звучно рыгнул, не успев прикрыть рот ладонью, и виновато огляделся по сторонам.

Мерси, слепая, весело рассмеялась.

– А я слышала! Слышала! Кто-то благодарит нашего повара, тетушка!

– Ну да, – подтвердила, смеясь, тетушка Талита. – Еще как.

Две женщины, что накрывали на стол, снова вернулись из кухни. Одна несла дымящийся кувшин, другая – поднос, уставленный керамическими чашками с толстыми стенками.

Тетушка Талита сидела во главе стола, Роланд – от нее по правую руку. Наклонившись, он что-то шепнул ей на ухо. Она внимательно его выслушала – при этом улыбка ее побледнела, – потом кивнула.

– Си, Билл и Тилл, – распорядилась она, – вы втроем оставайтесь здесь. Нам надо немного потолковать со стрелком и его друзьями, ибо они собираются выйти в дорогу сегодня же вечером. Остальные пока могут выпить свой кофе на кухне, чтобы не было лишнего шума и суеты. И перед тем, как уйти, не забудьте о наших законах гостеприимства!

Билл и Тилл, близнецы-альбиносы, остались сидеть за столом. Все остальные поднялись, выстроились в шеренгу, и каждый из них по очереди подошел к путешественникам. Проходя мимо, они пожимали Сюзанне и Эдди руку, а Джейка чмокали в щеку. Мальчик принимал этот знак уважения с завидным достоинством, но Эдди все же заметил, что Джейк удивлен и растерян.

Приблизившись к Роланду, старики опускались перед ним на колени и прикасались к сандаловой рукояти его револьвера, который он носил в кобуре на левом бедре. Роланд клал руки им на плечи и целовал каждого в лоб. Последней к нему подошла Мерси. Обняв стрелка обеими руками, она потянулась губами к его щеке и наградила его влажным звонким поцелуем.

– Благослави тебя Бог, стрелок! Благослови и храни! Если б я только могла тебя видеть!

– Мерси, как ты себя ведешь! – осадила ее тетушка Талита, быть может, немного резко, но Роланд, не обращая внимания на эту реплику,

склонился к слепой.

Нежно, но твердо, он взял ее руки в свои и поднес их себе к лицу.

– Ты можешь увидеть меня, – сказал он. – Увидеть хотя бы так.

Роланд закрыл глаза, и пальцы ее, морщинистые, искривленные артритом, осторожно ощупали его лоб, щеки, губы и подбородок.

– Да, стрелок! – выдохнула слепая, поднимая пустые глазницы к его глазам. – Я тебя вижу! Прекрасно вижу! Лицо у тебя хорошее, вот только печаль на нем и тревоги... Я боюсь за тебя, стрелок. За тебя и твоих людей.

– И все же мы встретились, верно? – он нежно поцеловал ее гладкий обветренный лоб. – И это была добрая встреча.

– Да... добрая встреча. Добрая. Спасибо за поцелуй, стрелок. Спасибо всем сердцем.

– Иди-иди, Мерси, – поторопила ее тетушка Талита, но уже мягче. – А то кофе твой стынет.

Мерси поднялась на ноги. Старик с деревянной ногой положил ее руку себе на ремень. Ухватившись за пояс его покрепче, она позволила старику увести себя прочь, отвесив прощальный поклон Роланду и его друзьям.

Эдди вытер глаза. Почему-то они оказались влажными.

– Кто ослепил ее? – хрипло выдавил он.

– Лиходеи, – ответила тетушка Талита. – Выжгли каленым железом. Не так она, видишь ли, посмотрела. Мол, слишком нахально. Четверть века назад, вот когда это случилось. Да вы пейте кофе. Он и горячий-то противный, а когда остывает, так вообще хуже воды из придорожной канавы.

Эдди поднес чашку к губам и осторожно отхлебнул, прислушиваясь к своим ощущениям. Водой из канавы его, конечно, не назовешь, но до «Блу Монтейн Бленд» этому пойлу действительно далековато.

Сюзанна тоже попробовала напиток и озадаченно подняла глаза.

– Да ведь это цикорий!

Талита повернулась к ней:

– Цикорий? Не знаю такого. Это всего лишь щавельник. Мы пьем кофе из щавельника с тех самых пор, как та женщина прокляла меня... а это проклятие с меня снято давным-давно.

– Сколько ж вам лет? – неожиданно спросил Джейк.

Тетушка Талита с изумлением на него поглядела, но потом рассмеялась:

– Сказать по правде, малыш, я и сама не помню. Помню, как я сидела на этом же месте, когда справляли мое восьмидесятилетие, но в тот день на лужайке собралось не меньше пятидесяти человек, а у Мерси тогда еще

были глаза. – Взгляд ее задержался на ушастике, свернувшемся у ног Джейка. Не поднимая мордочки с ноги Джейка, Ыш поднял глаза с золотистым ободком и посмотрел на нее. – Ушастик-путаник, господи! Давно я не видела, чтобы ушастик ходил с людьми... мне казалось, они забыли уже о тех днях, когда они ладили с человеком.

Один из братьев-альбиносов наклонился, чтобы погладить зверька. Ыш отпрянул в испуге.

– Когда-то они стерегли овец, – сказал Джейку Билл (или, может быть, Тилл). – Ты это знал, молодой человек?

Джейк покачал головой.

– А он разговаривает? – спросил альбинос. – В прежние времена они это умели. Не все, но некоторые.

– Да, он разговаривает. – Джейк поглядел на ушастика, который снова улегся к нему на ногу, как только старик убрал руку. – Скажи, как тебя зовут, Ыш.

Ыш только поднял глаза.

– Ыш! – Джейк требовательно повысил голос, но Ыш молчал. Джейк в растерянности поглядел на тетушку Талиту и двух близнецов. Он, похоже, немного расстроился. – Ну... он вообще-то умеет... он разговаривает... но, наверное, только тогда, когда хочет.

– Я смотрю, мальчик как будто нездешний, – сказала Талита Роланду. – Странно он как-то одет... и глаза у него тоже странные.

– Он здесь недавно, – Роланд ободряюще улыбнулся Джейку, и тот неуверенно улыбнулся в ответ. – Через месяц – другой уже никто ничего не заметит.

– Да? Не знаю, не знаю. И откуда же он пришел?

– Издалека.

Талита кивнула.

– И когда он вернется домой?

– Никогда, – сказал Джейк. – Теперь мой дом здесь.

– Тогда да хранят тебя Боги, – сказала старуха, – ибо здесь, в этом мире, солнце клонится к закату. И зайдет оно навсегда.

От этих зловещих слов Сюзанна невольно поежилась и прижала руку к животу, как будто у нее скрутило желудок.

– Сюз? – встревожился Эдди. – Ты как?

Она попыталась выдавить улыбку, но ничего у нее не вышло. Казалось, обычная ее уверенность и поразительное самообладание вдруг ей изменили. Пусть только на миг, но все же.

– Все нормально. Просто, как говорится, гусь прошелся по тому месту,

где будет моя могила.

Тетушка Талита окинула ее долгим оценивающим взглядом, от которого Сюзанне стало не по себе... но потом улыбнулась:

– Гусь прошелся по могиле... ха! Давненько я не слыхала такого.

– Так мой папа всегда говорил. – Сюзанна повернулась к Эдди. Теперь она сумела улыбнуться, и улыбка ее вышла вполне уверенной. – Что бы там ни было, это уже прошло. Все в порядке.

– Расскажите нам все, что вы знаете о том городе и о землях, что пролегают отсюда и до него, – попросил Роланд, поднося к губам чашку с кофе. – Есть там лиходеи? И кто эти млады и седовласые?

Тетушка Талита глубоко вздохнула.

8

– Мы бы много тебе рассказали, стрелок, да вот только мы мало знаем. Но одно я знаю наверняка: город этот – нехорошее место, и особенно для парнишки. Для всех детей. Почему бы не обойти его стороной? Разве вам нету другой дороги?

Роланд поднял голову к небу, глядя на привычный уже узор облаков, плывущих вдоль пути Луча. В этом безбрежном небе, раскинувшемся над широкой равниной, просто нельзя было не заметить течение облаков, похожих на белую реку.

– Может быть, – выдавил он наконец, но голос его прозвучал как-то странно. Словно с неохотой. – Да, можно, наверное, обойти Лад стороной, с юго-запада, а потом снова выйти к пути Луча.

– Значит, вы следуете за Лучом, – задумчиво проговорила Талита. – Так я и думала.

Несмотря на слова Талиты, Эдди вдруг поймал себя на мысли о том, что в нем все-таки крепнет надежда получить помощь, когда (и если) они доберутся до этого города – может быть, там они что-то такое найдут, что поможет им в поиске, или там будут люди, которые просветят их насчет Темной Башни и того еще, что им надо сделать, когда они все же ее найдут. Например, седовласые, как их тут называют... звучит неплохо, в воображении сразу рисуются мудрые старые эльфы...

Вот только бой барабанов – достаточно мерзкий, на самом деле – явно не подходил под его благодушное настроение. Эдди он напоминал низкопробные боевички, которые он в свое время смотрел десятками, если

не сотнями (по вечерам, когда они с Генри усаживались перед телеком с одной на двоих миской поп-корна). Во всех этих фильмах пресловутые заброшенные города в дебрях джунглей, куда так стремились отважные путешественники и исследователи, лежали в руинах, а местные жители деградировали до состояния первобытных племен жадных до крови людоедов, но Эдди все же не верилось, что нечто подобное может произойти в этом огромной городе, который так походил на Нью-Йорк, во всяком случае – на расстоянии. Если там им не встретятся мудрые эльфы и добрые дядюшки, то уж книги должны сохраниться наверняка. Роланд как-то сказал, что в его мире бумага – вещь крайне редкая и дорогая, но уж в таком большом городе книги будут. Их просто не может не быть. Все города, где бывал Эдди, буквально тонули в книгах. Может быть, им повезет, и они там найдут себе транспорт. Какую-нибудь машину в исправном состоянии. Вроде местной модели лендровера. Возможно, это всего лишь пустые фантазии глупого мальчика, но когда тебе предстоит прошагать сотни и тысячи миль на своих двоих, причем по неведомой территории, парочка глупых фантазий приходится весьма кстати... хотя бы для поддержания духа. К тому же, все это не исключено, черт возьми, верно?

Он открыл было рот, чтобы высказать некоторые по этому поводу соображения, но Джейк его опередил.

– Вряд ли мы сможем его обойти стороной, – сказал он, покраснев, когда все повернулись к нему. У ног его зашевелился Ыш.

– Вот как? – переспросила тетушка Талита. – И почему ты так думаешь?

– Вы что-нибудь знаете о поездах? – ответил ей Джейк вопросом на вопрос.

За сим последовало продолжительное молчание. Билл и Тилл неуверенно переглянулись. Тетушка Талита не отрываясь смотрела на Джейка. Джейк выдержал ее пристальный взгляд, не опустив глаза.

– Слышала я об одном таком, – наконец вымолвила старуха. – Может быть, даже и видела. – Она указала рукой в направлении реки. – Давным-давно, когда я была маленькой, до того, как мир сдвинулся с места... во всяком случае, переменился еще не так сильно. Ты про Блейна сейчас говоришь, да, малыш?

Глаза Джейка вспыхнули от изумления.

– Да! Про Блейна!

Роланд пристально поглядел на парнишку.

– А откуда ты знаешь про Блейна Моно? – спросила тетушка Талита.

– Моно? – переспросил Джейк в растерянности.
– Да, именно так его и называли. Откуда ты знаешь про этого старого прощельгу?

Джейк беспомощно поглядел на Роланда, потом снова – на тетушку Талиту.

– Я не знаю, откуда.

И это правда, – подумал вдруг Эдди. Но не вся правда. Он знает больше, но не хочет при них говорить... и, по-моему, он боится.

– Это, мне кажется, наше дело, – произнес Роланд сухим властным тоном, не терпящим возражений. – Дайте нам разобраться самим, Древняя Мать. Так будет лучше.

– Да, – поспешно согласилась она. – Решать только вам. Нам, наверное, лучше вообще ни о чем не знать.

– Так как насчет города? – напомнил Роланд. – Что вы можете нам рассказать о Ладе?

– Очень немного. Но все, что мы знаем, мы вам расскажем, – заверила Роланда тетушка Талита и подлила себе еще кофе.

9

В основном, говорили близнецы, Билл и Тилл: когда одному не хватало слов и он умолкал, второй тут же подхватывал повествование. Время от времени тетушка Талита тоже вставляла слово, что-нибудь уточняя или же поправляя братьев, и близнецы с уважением умолкали, дожидаясь, пока она не закончит. Си вообще не сказал ни слова – молча сидел перед нетронутой чашкой кофе, перебирая в руках соломинки, что торчали из широких полей его сомбреро.

Роланд быстро понял, что жители Речного Перекрестка действительно знают немного, даже об истории собственного городка (хотя это последнее обстоятельство не особенно удивило стрелка: старые люди, доживающие свой век... память их коротка и тускнеет быстро, не удерживая ничего, кроме самых недавних событий, а все остальное как бы вообще перестает существовать). Однако и то немного, о чем они знали, внушало серьезные опасения. И этому Роланд не удивился тоже.

Во времена их прапрапрадедов Речной Перекресток представлял из себя городок точно такой же, каким он рисовался в воображении Сюзанны: торговое поселение у Великого Тракта, причем поселение процветающее,

где иногда продавались, но чаще обменивались самые разнообразные товары. Номинально, по крайней мере, Речной Перекресток являлся одной из провинций Речного феода, хотя уже даже в то время такие понятия как феодал или землевладения ушли в безвозвратное прошлое.

В те дни жители городка еще промышляли охотой на буйволов, хотя торговля уже приходила в упадок: с каждым годом буйволиные стада становились все малочисленнее, а животные подвергались невообразимым мутациям. Не то чтобы мясо мутантов было ядовитым, но есть его было нельзя – оно стало жилистым и горьким на вкус. И все же Речной Перекресток, расположенный между местом, которое попросту называлось Пристань, и деревенькой Джимтаун, оставался в округе не самым последним из населенных пунктов исключительно из-за своего положения: на Великом Тракте и достаточно близко от города – в шести днях пешего перехода и всего лишь в трех днях, если плыть по реке.

– Если только вода в реке не спадала, – уточнил кто-то из близнецов. – Тогда путь по реке занимал больше времени, а мой дед говорил еще, мол, иной раз случалось такое, что баржи сидели на мелях до самого перешейка Тома.

Старики вообще ничего не знали о коренных жителях города, равно как и о технологиях и машинах, с помощью которых были построены городские дома и башни; город строили Древние, как их еще называли – Великие Древние, чья история затерялась в глубинах далекого прошлого еще тогда, когда прапрапрадед тетушки Талиты был мальчишкой.

– Дома до сих пор стоят, – сказал Эдди. – Быть может, машины, с помощью которых их строили ваши Великие Древние, тоже работают?

– Может быть, – согласился один из близнецов. – Но даже если и так, молодой человек, вряд ли кто-то из нынешних жителей города знает, как управляться с ними... во всяком случае, так мне кажется, да.

– Нет, – возразил его брат. – Кто-то из седовласых и младов наверняка не забыл еще что-то из древних путей. Даже теперь. – Он поглядел на Эдди. – Батюшка наш говорил, что когда-то там в городе были такие свечи... электрические. А кое-кто и сейчас утверждает, что свечи эти горят до сих пор.

– Нет, вы только подумайте, – в изумлении выдохнул Эдди, и Сюзанна ущипнула его потихоньку за ногу под столом.

– Да, – подтвердил второй из близнецов. Говорил он вполне серьезно, не замечая сарказма Эдди. – Нажимаешь на кнопку – и загораются яркие свечи. Они не дают никакого тепла. У них нет фитилей или резервуаров под масло. И еще говорят, что давным-давно, еще в прежние времена, один

незаконнорожденный принц по прозвищу Шустрый взлетел в небеса на какой-то там механической птице. Но у нее отломилось крыло, и он упал с высоты и погиб, как Икар.

У Сюзанны аж челюсть отвисла от изумления.

– Вы знаете эту легенду? Про Икара?

– Да, сударыня, – ответил тот, явно удивленный тем обстоятельством, что ей это кажется странным. – Про Икара и крылья, скрепленные воском.

– Детские сказочки, что про Икара, что про этого Шустрого, да, – высказалась тетушка Талита, презрительно фыркнув. – Вот вечные свечи они, правда, есть. Это я точно знаю. Я их видела собственными глазами – еще желторотой девчонкой. И, наверное, они до сих пор еще иной раз загораются, спорить не буду. Люди, достойные всяческого доверия, утверждают, что в ясные ночи они иногда видны, городские огни, хотя сама я такого не видела много лет. Но вот летать люди не могут. И никогда не могли. Даже Великие Древние, так-то.

Но как бы там ни было, в городе все-таки были машины, какие-то странные и непонятные механизмы, предназначенные для работ самых разных и даже иной раз – опасных. И, наверное, многие могут работать и по сей день, но близнецы – альбиносы были уверены абсолютно, что в городе не осталось уже людей, которые знают, как их запустить, ибо уже много лет жители Речного Перекрестка не слышали шума машин.

«Дело, скорее всего, поправимое, – сказал себе Эдди, и глаза у него загорелись. – Если, конечно, найдется какой-нибудь предприимчивый молодой человек, смысленный и понимающий кое-что в технике и этих вечных огнях, не дающих тепла. Может быть, нужно только найти кнопку “ВКЛ”. Я хочу сказать, это действительно может быть просто. Или, скажем, у них полетели предохранители... вы только представьте себе, дорогие друзья и соседи! Стоит лишь заменить им с полдюжины предохранителей, и город вспыхнет огнями, как на большом фестивале в Рено!»

Сюзанна толкнула его локтем и тихо поинтересовалась, чему это он улыбается. Эдди тряхнул головой и поднес палец к губам, чем заслужил раздраженный взгляд от своей любимой супруги. Альбиносы тем временем продолжали рассказ, причем когда один умолкал, второй подхватывал повествование с легкостью, достижимой, наверное, лишь между братьями-близнецами, прожившими всю жизнь бок о бок.

Четыре или, может быть, пять поколений назад в городе все еще жило немало людей, и он был тогда местом вполне даже цивилизованным, хотя тогда уже местные жители разъезжали на примитивных повозках и на телегах по широким бульварам, которые древние соорудили для своих

легендарных безлошадных карет. В основном в городе жили мастеровые и «фабричные», как называли их близнецы, так что торговля тогда процветала и на реке, и над ней.

– То есть как – над ней? – не понял Роланд.

– Мост над Сендом стоит до сих пор, – пояснила тетушка Талита. – То есть, лет двадцать назад он еще стоял.

– Ага, – подтвердил Си, впервые вступив в разговор.

– Еще лет десять назад старый Билл Маффин с сынком его видели, мост.

– Что за мост? – спросил Роланд.

– Большущий такой, из стальных тросов сплетенный, – отозвался один из близнецов. – Стоит себе в небе, ну прям паутина гигантского паука. – Помолчав, он добавил, стесняясь: – Хотелось бы мне поглядеть на него еще раз перед смертью.

– Он, может, давно уже рухнул, – пренебрежительно отмахнулась тетушка Талита. – И хорошо бы. Туда ему и дорога. Дьявольская работа. – Она повернулась к братьям – альбиносам. – Расскажите им, что случилось потом и почему город сейчас так опасен... не говоря уже о привидениях, там обитающих. А там их немало, готова поспорить! И говорите короче, а то люди хотели уйти сегодня, а солнце уже миновало зенит.

Дальнейший рассказ близнецов представлял собой очередную версию уже известной истории, которую Роланд из Гилеада слышал множество раз. Мало того, он сам был свидетелем или даже участником некоторых событий, эту историю составляющих. Отрывочный и сумбурный, дополненный, без сомнения, бредовыми домыслами и мифами, искаженный последними переменами, произошедшими в мире – как во времени, так и в пространстве, – весь рассказ можно было свести к одной фразе: «Когда-то мир был таким, каким мы его знали, но теперь он изменился».

Старые обитатели Речного Перекрестка знали о Гилеаде не больше, чем, скажем, Роланд знал о Речном феоде, и имя Джон Фарсон – имя человека, который принес беззаконие и хаос в страну Роланда, – для них не значило ничего, но во всем остальном две истории о конце прежнего мира были очень похожи... слишком похожи, решил стрелок, чтобы оказаться

простым совпадением.

Триста или даже четыреста лет назад не то в Гарлане, не то еще дальше, в краю, называемом Порла, разразилась война. Великая гражданская война. Постепенно она прокатилась по всей стране – как круги по воде, когда в воду бросаешь камень, – неся хаос и разрушение. Немногим из королевств, если были вообще такие, удалось устоять перед этой кровавой волной. Тень беззакония накрыла и эту часть мира так же неотвратимо и неизбежно, как за закатом приходит ночь. По дорогам маршировали полки и армии. Одни наступали, другие, наоборот, отступали, но и те, и другие – бесцельно, в какой-то сумятице. Прошло какое-то время. Армии постепенно распались, разбились на небольшие отряды, а те в свою очередь выродились уже в шайки бродячих разбойников – лиходеев. Торговля затормозилась, потом просто накрылась. Путешествовать стало весьма затруднительно и опасно, а потом и совсем уже невозможно. Связь с городом постепенно слабела, а лет сто двадцать тому назад прекратилась вовсе.

Как и сотни других городов и поселков, где довелось побывать Роланду – сначала вместе с Катбертом и другими стрелками, изгнанными из Гилеада, потом одному, в погоне за человеком в черном – Речной Перекресток оказался отрезан от мира и предоставлен своей судьбе.

В этот момент, поднявшись со своего места, в разговор вступил Си и сразу же завладел вниманием слушателей. Говорил он глуховатым размеренным голосом прирожденного сказителя – из этих святых глупцов, одаренных с рождения искусством смешивать правду и вымысел в красивые грезы, прекрасные, точно тоненькая паутинка в каплях росы.

– В последний раз мы посылали оброк феоду еще при жизни моего прадеда, – начал он. – Двадцать шесть человек пошли в замок с телегой, груженной шкурами... уже тогда у нас не было твердой монеты, но мы посчитали, что шкуры вполне подойдут. Да и не было больше у нас ничего. Путь их был долог и небезопасен, дорога длиной почти в восемьдесят колес... и шестеро по пути скончались. Половина погибла от рук лиходеев, воевавших тогда против города; остальные умерли от болезней или от бес-травы.

И вот они наконец добрались до цели. Но замок был пуст. Кроме грачей и дроздов, в замке не было никого. Стены обрушились. Двор зарос сорной травой. Там прогремела великая битва – на полях, что к западу от поместья. Повсюду белели кости и алели ржавые доспехи, так говорил моего отца прадед, и демоны перекликались, завывая, как ветер с востока, в истлевающих челюстях павших ратников. Деревню за замком сожгли дотла,

а на стенах цитадели торчали колья с человеческими черепами. Больше тысячи черепов. Наши люди оставили шкуры у разбитых подъемных ворот... ибо никто не решился войти туда, к неприкаянным духам и стонущим голосам... и повернули назад – домой. На обратном пути еще десять наших расстались с жизнью, так что из двадцати шести только десять вернулись домой, среди них был и мой прапрадед... но по дороге он где-то себе подхватил лишай и так и не вылечился – до самой смерти. Говорили, что это была лучевая болезнь. Я не знаю... Но после этого больше никто уже не выходил из города. Так вот мы и живем здесь сами по себе.

Постепенно они привыкли и к набегам лиходеев, продолжал Си надтреснутым, но мелодичным голосом. На дороге всегда кто-то нес дозор, и как только вдали показывалась очередная банда – почти всегда они появлялись с северо-востока, а путь держали на юго-восток по Великому Тракту вдоль пути Луча, по направлению к Ладу, где шла нескончаемая война, – горожане спешили укрыться в убежище, выкопанном под церквушкой. Дома, мимоходом разрушенные бандитами, не чинили потом, чтобы лишний раз не привлекать внимания. Впрочем, разбойников мало заботил этот тихий, якобы заброшенный городок: они проезжали Речной Перекресток на полном скаку с луками и боевыми топорами на плечах, торопясь на войну, где убийство и кровь.

– О какой это войне идет речь? – уточнил Роланд.

– Да, – вставил Эдди, – и что там за барабаны?

Близнецы быстро переглянулись едва ли не с суеверным страхом.

– О барабанах Господних мы ничего не знаем, – ответил Си. – Ничего.

А война в Ладе, ну...

Война начиналась как противостояние преступников и лиходеев с одной стороны и свободной конфедерацией городских мастеровых и «фабричных» – с другой. Жители Лада решили сражаться и дать лиходеям отпор вместо того, чтобы просто смотреть, как разбойники грабят их, поджигают их лавки и мастерские, а тех, кого не добились в сражении, выгоняют на Великую Пустошь – на верную смерть. И в течение нескольких лет горожане успешно удерживали оборону, не давая бандитам проникнуть в город ни по мосту, ни с реки.

– У них было древнее оружие, у горожан, – вставил кто-то из близнецов, – и хотя лиходеев было намного больше, куда ж им тягаться-то с древним оружием с их булавами, луками да топорами?!

– Вы хотите сказать, у горожан были револьверы? – уточнил Эдди.

Альбинос кивнул.

– И не только револьверы. Такие еще устройства, метаящие огненные шары на целую милю, когда не больше. Потом, взрывчатка вроде динамита, но гораздо мощнее. Преступники и прочее все отребье – теперь их называют седыми или седоволосыми, как вы, наверное, уже догадались – не могли ничего сделать против такого. Одно только средство у них оставалось: осадить город. Что они, собственно, и сотворили.

Лад стал, по сути, последней твердыней бывшего мира. Те, кто был половчее и посмышленнее, перебирались туда из окрестных селений поодиночке и парами. Безоружными выходили они на «ничейный» мост, и в город пускали всех, кому удавалось прорваться через тыловой лагерь и передовые линии осады, ибо сам по себе такой переход уже мог считаться испытанием на мужество и смекалку. Были, конечно же, и такие, кто просто хотел поживиться за чужой счет, но таких отправляли обратно без разговоров, но всем, кто умел что-то делать и мастерить (или хотя бы имел мозги, чтобы этому научиться) разрешали остаться. Особенно в Ладе ценились пахари и земледельцы; как говорили потом очевидцы, все парки и городские скверы были переделаны под огороды, ибо выбор у жителей осажденного города, полностью отрезанного от окрестных деревень, был весьма небогат: либо выращивать все продукты самим, либо же умирать от голода посреди металлических улиц и стеклянных башен. Великих Древних давно уже не было, их таинственные машины, хотя и остались, но сделались бесполезными, к тому же эти безмолвные чудеса не годились в пищу.

Время шло. Постепенно характер войны менялся. Соотношение сил медленно, но верно склонялось в пользу седых, осаждавших город – седыми прозвали их потому, что в большинстве своем они были намного старше горожан. Впрочем, и те с годами не становились моложе. По привычке их все еще называли младами, но всякому было ясно, что молодость их отцвела давно. И мало – помалу они то ли забыли, как надо использовать древнее оружие, то ли оно само вышло из строя за давностью лет.

– Наверное, и то, и другое, – заметил Роланд.

И вот, лет девяносто назад – уже при жизни Си и тетушки Талиты – появилась последняя банда изгоев, да такая большая, что, когда проезжала она через Речной Перекресток, передовые дозоры явились еще на рассвете, а последние ее отряды вышли из поселения почти перед самым закатом. Больше такой многочисленной армии в этих местах не видали, а предводительствовал ей незаконнорожденный принц Дэвид по прозвищу Шустрый – тот самый, который потом якобы насмерть разбился, пытаясь

подняться в небо на механической птице. Он собрал под своим началом остатки разрозненных банд и шаяк, без дела шатавшихся вокруг Лада. Творил всяческие бесчинства, убивая любого, кто осмеливался встать у него на пути и противиться его планам. Армия седых под предводительством Дэвида Шустрого сумела все-таки захватить город. Причем, не с моста и не с лодок. В двенадцати милях вниз по течению они соорудили понтонный мост и нанесли удар с фланга.

– С тех пор война тихо угасла, что твой огонь в очаге, – заключила тетушка Талита. – Кое-кому удалось тогда еще выбраться из города, так что мы знали, что там творится. Да и сейчас кое-какие доходят до нас известия. И сейчас даже чаще, чем раньше, потому что мост, говорят, никто больше не охраняет, да и пожар, как мне кажется, должен уже поуняться. В самом городе млады и седовласые до сих пор еще глотки друг другу рвут, только мне кажется, что настоящие млады – это потомки тех лиходеев, что пришли сюда с принцем Дэвидом Шустрым, хотя их по-прежнему называют седыми. А дети тех, коренных, горожан сейчас не моложе, наверное, нас, хотя есть среди них и сравнительно молодые люди, привлеченные старыми баснями и соблазном приобщиться к древнему знанию, которое якобы сохранилось в Ладе.

– Никак не могут они изжить эту старую свою вражду, стрелок. Никак не помирятся млады и седовласые. Причем, скажу я тебе, и те, и другие захотят заполучить себе этого юношу, которого ты называешь Эдди. Если женщина с темной кожей способна зачать, ее не убьют, хотя у нее нет ног. Они оставят ее для того, чтобы она им рожала детей, ибо дети теперь появляются редко. Болезни, которые были раньше, сейчас уже сходят на нет, но все равно дети рождаются не такими.

Сюзанна при этих словах встрепенулась, как будто хотела что-то сказать, но все-таки промолчала: допила только кофе и снова устроилась в позе внимательной слушательницы.

– Да, стрелок, если этих двоих они просто не прочь у себя оставить, то за парнишку они будут драться жестоко и до последнего.

Джейк наклонился и принялся гладить Ыша, но Роланд все же увидел его лицо и понял мгновенно, о чем он думает: опять – о том переходе под горной грядой. Ситуация повторялась, только теперь вместо мутантов-недоумков были седые и млады.

– Тебя они наверняка убьют, – продолжала тетушка Талита. – Ты, потому что, стрелок и принадлежишь ты иным временам и иным местам. Так, ни рыба, ни мясо... какой им в тебе прок? А мальчика можно использовать, научить помнить одно и забыть другое. Из него можно

вылепить все, что угодно. Сами они позабыли давно, за что они, собственно, между собой грызутся: мир с тех пор сдвинулся с места и стал другим. Теперь они просто дерутся под жуткий свой барабанный бой... одни сравнительно молодые, другие – а ведь таких большинство – совсем старики, им бы в кресле-качалке сидеть на крылечке... но и те, и другие безмозглые дураки. Живут для того, чтобы убивать, и убивают, чтобы жить. – Она помолчала и вдруг спросила: – Ну а теперь, выслушав нас, старых пней, до конца, вы, может быть, все-таки обойдете его стороной, этот проклятый город, и не станете лезть с дураками в драку?

Роланд открыл было рот, но Джейк его опередил.

– А расскажите, пожалуйста, про Блейна Моно, – попросил он решительно, твердым и звонким голосом. – Про Блейна и про машиниста Боба.

11

– Какого еще машиниста? – не понял Эдди, но Джейк даже и не посмотрел в его сторону, продолжая пристально разглядывать стариков.

– Пути проходят вон там, – отозвался наконец Си, указав в сторону реки. – Вернее, один только путь... идет он по насыпи из рукотворного камня, из которого Древние строили свои стены и улицы.

– Монорельс! – воскликнула Сюзанна. – Блейн Монорельс!

– Блейн – это боль, – прошептал Джейк себе под нос.

Роланд только внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

– А сейчас этот поезд ходит? – спросил Эдди у Си.

Си покачал головой, причем на лице старика отразилась тревога.

– Нет, молодой господин... но на нашей с Талитой памяти он еще ездил, когда мы были совсем еще юными, а война в городе шла вовсю. Перед тем, как увидеть его, мы сначала слышали грохот – такой равномерный и низкий гул, похожий на шум летней бури... такой, знаешь, с громами и молниями.

– Да, – подтвердила тетюшка Талита с отсутствующим видом. Она полностью погрузилась в воспоминания.

– А потом показался он сам – Блейн Моно, – сверкая на солнце. И нос у него был такой же, как пуля в твоём револьвере, стрелок. Весь такой длинный, с два колеса, не меньше. Знаю, это звучит как бред, невозможно в такое поверить... может быть, я ошибаюсь, конечно (мы тогда были совсем

молодыми, не забывай, а в юности многое кажется не таким, какое оно есть по правде), но я до сих пор готов спорить, что он был длиной в два колеса, потому что, когда он появился, Блейн, он растянулся, казалось, по всему горизонту. Такой невысокий и быстрый – ты его не успел еще толком и рассмотреть, а он уже скрылся из виду! – Иногда, при плохой погоде, когда над равниной собирались тучи, он, появлявшийся с запада, верещал, точно гарпия. Иногда он проезжал по ночам, и тогда впереди его несли луч белого света, и мы все просыпались от его пронзительного гудка. Он гудел, как труба, что, говорят, поднимет мертвых из их могил, когда придет конец света.

– Расскажи им про взрыв, Си! – воскликнул кто-то из близнецов, не то Билл, не то Тилл дрожащим от благоговейного ужаса голосом. – Расскажи им про этот безбожный грохот, который всегда был потом!

– Ну да, я как раз к этому перехожу, – не без раздражения отозвался Си. – Когда он проходил, сначала все было тихо... пару-тройку секунд... иногда, может быть, и минуту... а потом гремел взрыв, от которого содрогались стены, чашки падали с полок, а иной раз случалось, что в окнах лопались стекла. Только звук – безо всякой там вспышки или огня. Как будто что-то взорвалось не в этом мире, а в царстве духов.

Эдди легонько тронул Сюзанну за плечо, и когда она повернулась к нему, беззвучно, одними губами, шепнул два слова: «Звуковой барьер». Бред, конечно – Эдди в жизни не слышал о поездах, развивающих сверхзвуковую скорость, – но это было единственное разумное объяснение.

Сюзанна кивнула и опять повернулась к Си.

– Это единственный из механизмов, построенных Древними, который я видел в работе собственными глазами, – сказал он тихо. – И если это – не дело рук дьявола, значит, дьявола не существует вообще. последний раз я его видел той самой весной, когда женился на Мерси, а с той поры миновало, наверное, лет шестьдесят.

– Семьдесят, – уточнила со знанием дела тетушка Талита.

– И поезд шел в город, – задумчиво проговорил Роланд. – С той стороны, откуда пришли и мы... с запада... из леса.

– Да, – раздался неожиданно еще один, новый, голос, – но был еще один поезд... тот, который ходил из города... и он, возможно, еще работает.

Все как один обернулись. Возле цветочной клумбы, посередине как раз между церковью и столом, за которым они сидели, стояла Мерси. Выставив руки перед собой, она медленно направлялась к ним, ориентируясь по звуку голосов.

Си неуклюже поднялся из-за стола, торопливо шагнул ей на встречу и взял жену за руку. Она обняла его за пояс. Так они и стояли рядом, точно самые древние в мире молодожены.

– Тетушка Талита велела тебе пить кофе на кухне! – попенял он ей.

– Я давно уже выпила кофе, – отозвалась Мерси. – Горькое пойло, терпеть его не могу. И я, к тому же, хотела послушать. – Она подняла дрожащий палец и указала в сторону Роланда. – Еще раз хотела услышать его голос. Он светлый и чистый, да.

– Прошу прощения, тетушка, – Си с опаскою покосился на Талиту. – Она всегда была чуточку не в себе и с годами не стала умнее.

Тетушка Талита посмотрела на Роланда. Тот едва заметно кивнул головой.

– Пусть остается с нами, – распорядилась Талита.

Си подвел Мерчи к столу, не переставая при этом браниться, а Мерси, плотно сжав губы, только глядела ему через плечо своими незрячими глазами.

Как только Си усадил ее за стол, тетушка Талита наклонилась вперед, опершись о локти:

– Ты хочешь нам что-то сказать, сестра-сай, или ты собираешься просто молоть языком?

– Я слышу, что слышу. Слух у меня не стал хуже с годами, Талита... наоборот, даже лучше!

Роланд молниеносным движением вынул из патронташа патрон и бросил его через стол Сюзанне. Та поймала его на лету.

– Ты слышала, сай? – спросил он.

– А то, – повернувшись к нему, отозвалась Мерси. – Достаточно слышала, чтобы понять, что ты что-то бросил... наверное, ей, вашей женщине с темной кожей. Что-то маленькое. Что это было, стрелок? Печенье?

– Почти угадала, – улыбнулся Роланд. – Ты действительно слышишь прекрасно. А теперь говори, что ты хотела сказать.

– Есть еще один Моно. Если это не тот же самый, только идущий в другом направлении. Но как бы там ни было, в другом направлении тоже ездил какой-то Моно... еще лет семь – восемь назад. Я слышала, как он выходил из города и направлялся в пустынные, мертвые, земли на той

стороне.

– Чушь собачья! – воскликнул кто-то из близнецов – альбиносов. – Никто не бывает в пустынных землях! Никто туда не суется! Там никому не выжить!

Мерси повернулась к нему.

– Разве поезд живой, Тилл Тадбери?! Разве машины болеют или страдают нарывами или рвотой?

«Как сказать... если вспомнить того медведя...» – Эдди едва не сказал это вслух, но подумав как следует, решил все – таки промолчать.

– Мы бы его услышали, – принялся убеждать ее второй брат. – Этот грохот, про который рассказывал Си...

– После этого поезда грохота не было, – согласилась Мерси, – но я слышала другой звук... такое потрескивание, какое бывает, когда где-то рядом ударит молния. Всегда, когда дул сильный ветер... ветер со стороны города... я его слышала. – Она помолчала немного и, воинственно выставив подбородок вперед, добавила еще: – И однажды я слышала взрыв. Он был далеко-далеко. В ту ночь, когда ураган Большой Чарли едва не сорвал с церкви купол. На расстоянии отсюда в две сотни колес, не меньше. А может, и во все двести пятьдесят.

– Чушь! – не унимался Тилл. – Да ты, наверное, травы объелась!

– Я тебя сейчас съем с потрохами, Тилл Тадбери, если ты не заткнешь свою варешку. Как, вообще, можно так разговаривать с дамой?! Господи...

– Перестань, Мерси! – шикнул на нее Си, но Эдди уже не прислушивался к этому «семейному» обмену любезностями. То, о чем говорила слепая старуха, имело смысл. Конечно, о каком таком взрыве могла идти речь?! Поезд, отправляющийся из Лада, просто не может с наскока преодолеть звуковой барьер... Эдди не помнил точно, какова скорость звука, но уж никак не меньше шестисот пятидесяти миль в час. Где-то примерно так. И для поезда, который только трогается с места, нужно какое-то время, чтобы набрать скорость, а когда он ее наберет – то есть, скорость достаточную, чтобы преодолеть звуковой барьер, – он удалится уже за пределы нормальной слышимости... разве что условия слышимости будут чрезвычайно благоприятными, как это было, по утверждению Мерси, в ту ночь, когда ураган Большой Чарли – черт его знает, что это вообще такое – обрушился на городок.

То есть, не стоит терять надежду. Блейн Моно, конечно же, не лендровер, но, может быть... может быть...

– И ты не слышала этот поезд уже семь-восемь лет, сай? – уточнил Роланд. – Ты уверена, что не дольше?

– Никак не дольше, – уверенно отозвалась она, – потому что в последний раз я его слышала в тот самый год, когда старый Билл Маффин подцепил болезнь крови. Бедняга Билл!

– Это было почти десять лет назад, – поправила тетушка Талита, и голос ее прозвучало неожиданно мягко.

– Почему же ты никогда не рассказывала об этом? О том, что слышишь? – спросил ее Си и, не дожидаясь ответа, повернулся к стрелку. – Не стоит верить всему, что она говорит, господин... ей всегда надо быть в центре внимания, моей Мерси.

– Ах ты старый пердун! – возмущенно воскликнула Мерси и шлепнула его по руке. – Я потому только молчала, чтобы тебя не забить, муженек, ведь ты так гордишься своим рассказам! Но теперь, когда это важно, я все рассказала, что знаю, вот так!

– Я тебе верю, сай, – сказал Роланд, – но ты твердо уверена, что с тех пор ты не слышала этого Моно?

– Нет, с тех пор – ни разу. Наверное, пути его тоже пришел конец, то есть я так себе думаю.

– Как знать, – задумчиво протянул Роланд. – Как знать. – И, опустив голову, весь погрузился в раздумья, отрешившись от общего разговора.

«Чу-чу», – вдруг подумалось Джейку, и он невольно поежился.

Уже через полчаса они снова вышли на центральную площадь. Сюзанна сидела в своей коляске. Джейк поправлял ремни ранца, а Ыш, устроившись у его ног, внимательно за ним наблюдал. Похоже, на «званом обеде» в райском садике на задах Церкви Крови Господней присутствовали исключительно городские старейшины, потому что когда путешественники возвратились на площадь, там их поджидало еще около дюжины стариков. Они посмотрели на Сюзанну, немного внимательнее – на Джейка (возраст мальчика, как видно, заинтересовал их гораздо больше, чем цвет ее кожи), но было без слов очевидно, что пришли они посмотреть на Роланда; в их изумленно раскрытых глазах ясно читался благоговейный трепет.

Он – живое воплощение прошлого, безвозвратно ушедшего прошлого, о котором они знают лишь по рассказам, – еще подумала Сюзанна. Они на него смотрят так, как набожные прихожане смотрели бы на святого – на Петра, или Павла, или Матфея, – если бы он вдруг решил заглянуть к ним

на огонек, скажем, в субботу вечером и стал бы рассказывать им о том, как они с Иисусом из Назарета переправлялись через Галлилейское море.

Ритуал прощания, которым закончилась общая трапеза, повторился и здесь, только на этот раз в нем принимали участие все без исключения жители Речного Перекрестка. Они снова выстроились рядом и, подходя к каждому из путешественников по очереди, жали руки Сюзанне и Эдди, целовали Джейка в лоб или щеку и преклоняли колени перед Роландом, дабы тот прикоснулся к ним и благословил. Мерси обняла стрелка обеими руками и прижалась слепым лицом к его животу. Роланд тоже обнял старуху и поблагодарил ее за рассказ.

– Может, все-таки переночуешь у нас, стрелок? Солнце клонится уже к горизонту, а я готова поклясться, что ты со своими людьми давно уже не ночевал под крышей.

– Да, ты права, но мы все же пойдем. Спасибо, сай.

– Ты вернешься, стрелок, если сможешь?

– Да, – заверил ее Роланд, но Эдди не нужно было и смотреть в лицо друга, чтобы понять: они никогда не вернуться сюда. Никогда. – Если сможем.

– Хорошо. – Она в последний раз обняла его и отошла, опираясь рукой о загорелое плечо Си. – Прощай.

Тетушка Талита подошла последней. Когда она стала вставать перед ним на колени, Роланд удержал ее за плечи.

– Нет, сай. Не надо. – И на глазах изумленного Эдди он сам встал перед ней на колени на пыльную мостовую. – Благослови меня, Древняя Матерь. Благослови нас всех, ибо мы отправляемся в долгий путь.

– Да. – В ее голосе не было удивления, в глазах не было слез, но все равно ее голос дрожал от избытка чувств. – Я вижу, ты искренен сердцем, стрелок. Я вижу, ты не забыл древних законов и ты достойный сын своего отца. Благословляю тебя и твоих людей. Я буду молиться за вас, чтобы не было вам вреда. А теперь, если хочешь, возьми вот это. – Сунув руку за ворот поблекшего платья, она достала серебряный крест на серебряной же цепочке тончайшей работы. Сняв распятие, она протянула его Роланду.

Теперь пришла его очередь удивляться.

– Может, не надо? Я пришел сюда не для того, чтобы забрать принадлежащие вам по праву, Древняя Матерь.

– Надо, стрелок. Бери. Сто лет я носила его на груди, не снимая ни днем, ни ночью. Теперь носи ты. Возьми его к Темной Башне, и положи у ее подножия, и назови имя Талиты Анвин там, в самом дальнем краю земли. – Она надела цепочку с распятием ему на шею. Крест лег Роланду

на грудь под открытым воротом рубахи из грубой оленьей кожи, как будто он был там всегда. – Теперь ступайте. Мы отобедали вместе, хорошо поговорили, мы получили благословение твое, а ты – наше. Идите назначенной вам дорогой, и пусть вас минуют все беды и горести. Встань, стрелок, и будь честен. – Голос ее задрожал и сорвался на последнем слове.

Роланд поднялся с колен, потом поклонился старухе и трижды коснулся ладонью горла.

– Благодарю тебя, сай.

Она поклонилась в ответ, но не сказала ни слова. Теперь по щекам у нее текли слезы.

– Вы готовы? – спросил Роланд.

Эдди молча кивнул, не рискуя заговорить, чтобы не разрыдаться на месте.

– Хорошо, – сказал Роланд. – Идемте.

Они зашагали по развороченной главной улице городка. Теперь коляску Сюзанны толкал Джейк. Проходя мимо последнего дома («ТОРГ И МЕН», сообщала поблекшая вывеска на фасаде), он оглянулся. Старики так и стояли на площади, сгрудившись у столбового камня – островок человечности, затерянный посреди безбрежной пустынной равнины. Джейк поднял руку и помахал им на прощание. До этого момента он еще как-то крепился, но когда кое-кто из стариков начал махать в ответ – и среди них Си, Билл и Тилл, – он не выдержал и расплакался.

Эдди приобнял его за плечи.

– Главное, не останавливайся, дружище, – сказал он нетвердым голосом. – Это единственный способ, иначе вообще невозможно уйти.

– Они все такие старенькие! – выдавил Джейк сквозь рыдания. – Разве можно их так вот здесь бросить одних?! Это неправильно! Это нечестно!

– Это ка, – вырвалось у Эдди само собой.

– Правда? Тогда это нечестное ка.

– Да, это все тяжело, – согласился Эдди... продолжая идти вперед. Джейк тоже пошел, больше уже не оглядываясь назад. Он боялся, что снова увидит их, стариков... как они стоят на центральной площади своего Богом забытого городка, и смотрят вслед Роланду и его друзьям, и еще долго будут смотреть, пока путешественники не скроются из виду.

И так оно все и было.

Они прошагали миль семь, не больше, когда небо начало темнеть, а заходящее солнце окрасило западный горизонт в ярко-оранжевый цвет. Неподалеку раскинулась роща эвкалиптовых деревьев – Джейк и Эдди пошли туда за дровами.

– И все-таки я не пойму, почему мы сегодня у них не остались, – рассуждал Джейк вслух. – Слепая женщина нас приглашала, к тому же, мы все равно далеко не ушли. Я так там объелся, что до сих пор еще еле иду.

Эдди улыбнулся.

– Я тоже. И знаешь, что я тебе скажу? Твой добрый друг Эдди Кантор Дин уже предвкушает, как с утречка завтра он первым делом надолго засядет под кустик, дабы спокойно просрать в тиши и покое. Ты даже представить себе не можешь, как мне обрыдло все время жрать оленину и высирать потом жалкие кроличьи шарики. Если бы кто-то сказал мне еще год назад, что для меня главным событием дня станет хорошее извержение дерьма, я бы в рожу ему рассмеялся.

– А второе ваше имя действительно Кантор?

– Да, но я был бы очень тебе признателен, если бы ты не особенно распространялся на эту тему.

– Не буду. Но, Эдди... почему мы все-таки не остались?

Эдди вздохнул.

– Потому что сначала им бы понадобились дрова.

– Чего?

– А потом, когда мы натаскали бы дров, обнаружилось бы, что им еще нужно пополнить запас свежего мяса, потому что последним они угостили нас. А мы были бы просто уродами, если бы отказались помочь старикам и нами же сожранное возместить, я прав? Особенно, если учесть, что у нас пистолеты, а у них, в лучшем случае, парочка луков со стрелами вековой давности. Так что идти на охоту пришлось бы нам. До ночи бы мы проохотились, а на следующий день, на утро, Сюзанна бы заявила, что мы просто обязаны, прежде чем мы уйдем, хоть немного помочь им с ремонтом – ну, то есть, отремонтировать не фасад городка, это было бы небезопасно, но, может, немного подправить гостиницу или где там они все живут. Мол, это займет всего несколько дней, а что значат несколько дней, я прав?

Из темноты материализовался Роланд. Двигался он, как всегда, абсолютно беззвучно, но выглядел озабоченным и усталым.

– Я уже думал, что вы двое грохнулись в волчью яму, – сообщил он.

– Да нет, просто я излагал Джейку факты, как я их вижу.

– Ну и что в этом плохого? – не понял Джейк. – Эта Темная Башня, она

столько уже простояла... никуда бы она не делась за несколько дней.

– Несколько дней, потом еще несколько дней, и еще. – Взглянув на ветку, которую только что машинально подобрал с земли, Эдди с отвращением отшвырнул ее в сторону. Я начинаю уже рассуждать точно так же, как он, сказал он себе. И все-таки он понимал, что говорит только правду. – Мы бы, может быть, обнаружили, что их ручей с питьевой водой забивает илом, и было бы некрасиво уйти так просто, не почистив его. Но стоит ли так напрягаться, когда мы вполне бы могли задержаться на пару недель и построить им новый колодец с водяным колесом? Они там все старики, и таскать воду ведрами им не легче, чем гоняться пешком за буйволами. – Он посмотрел на Роланда, и в голосе его явственно прозвучали нотки упрека: – Знаешь, что я тебе скажу... когда я себе представляю, как Билл и Тилл загоняют стада диких буйволов, меня мороз пробивает по коже.

– Они занимаются этим уже столько лет, – спокойно ответил Роланд, – и я думаю, в этом смысле мы могли бы кое-чему у них и поучиться. Они прекрасно управятся и без нас. Кстати, может быть, все-таки соберем дрова – похоже, ночь будет прохладной.

Но Джейк никак не мог уговориться. Он внимательно – не сказать, сурово – смотрел на Эдди.

– Вы хотите сказать: что бы мы для них ни сделали, этого все равно будет мало?

Эдди выпятил нижнюю губу и сдул упавшую на лоб прядь волос.

– Не совсем так. Я говорю, что если б мы там задержались, уйти потом было бы не легче, чем, например, сегодня. Труднее – да, но не легче.

– И все равно это неправильно.

Они вернулись к Сюзанне – на то самое место, которое, как только они разожгут костер, превратится в очередную стоянку на долгом пути к Темной Башне. Сюзанна выбралась из коляски и лежала теперь на спине, подложив руки под голову и глядя на звезды. когда мужчины вернулись, она тут же уселась и принялась укладывать хворост для костра особым способом, который ей показал Роланд.

– Что правильно, а что – нет, об этом можно еще поспорить, – заметил Роланд. – Но если слишком уж пристально разбираться в частностях – в маленьких истинах, что бросаются сразу в глаза, – очень легко упустить из виду справедливость глобальную, хотя она и незаметна на первый взгляд. Здесь вообще все неправильно, и чем дальше, тем хуже. Мы все это видим, и мы понимаем, что все кругом плохо, но почему – нам еще предстоит узнать. Пока мы будем в Речном Перекрестке помогать двадцати-тридцати

старикам, где-нибудь в другом месте, возможно, страдают и умирают люди – двадцать или тридцать тысяч человек. И если есть во вселенной такое место, где можно все это исправить, это – Темная Башня.

– Почему? Как? – спросил Джейк. – И что это вообще за Башня?

Роланд присел на корточки перед кучею хвороста, которую уложила Сюзанна, достал из кармана огниво и принялся высекать искры. Вскоре веселые язычки пламени заплясали среди тонких веточек и сухой травы.

– На эти вопросы я тебе не отвечу, – признался он наконец. – Хотел бы ответить, но не могу.

«Исключительно умный ответ, – заметил про себя Эдди. – Роланд сказал: «Не могу ответить...», а это совсем не одно и то же, что «Я не знаю». Совсем не одно и то же».

15

Ужин их состоял из воды и зелени. Они до сих пор еще не пришли в себя после обильной трапезы в Речном Перекрестке; даже Ыш не стал кушать мясо, которое предложил ему Джейк – ну разве что пару кусочков, не больше.

– Что это на тебя нашло – почему ты не стал тогда разговаривать? – пожурил Джейк ушастика. – Из-за тебя я там выглядел полным болваном!

– Ол-аном! – протявкал Ыш, положив мордочку Джейку на ногу.

– Он с каждым разом все лучше и лучше болтает, – заметил Роланд. – У него теперь даже голос похож на твой, Джейк.

– Эйк, – согласился зверек, не поднимая мордочки с ноги Джейка. Джейк смотрел, как зачарованный, в черные с золотым ободком глаза Ыша; в пляшущем свете костра ободки эти, казалось, вращаются. Медленно-медленно.

– Но он не стал разговаривать при стариках.

– Ушастики – привередливые создания, – сказал Роланд. – Они вообще странные. Нашего, как я поминаю, прогнали из стаи его же сородичи.

– Почему вы так думаете?

Роланд указал на бок Ыша. Джейк давно уже вычистил шкурку зверька от запекшейся крови (Ышу подобная процедура не доставила ни малейшего удовольствия, но он стойко терпел до конца). Ранка от укуса уже подживала, хотя ушастик еще прихрамывал.

– Готов поспорить, его цапнул другой ушастик.

– Но с чего бы его сородичам...

– Может быть, им надоела его болтовня, – сказал Эдди. Он прилег рядом с Сюзанной и обнял ее за плечи.

– Может быть, – согласился Роланд, – особенно, если он был единственным в стае, кто пытался еще разговаривать. Остальные, должно быть, решили, что он для них слишком умный... или слишком заносчивый. Животные не такие завистливые, как люди, но и им это чувство знакомо тоже.

Предмет разговора тем временем закрыл глазки и как будто уснул... Но Джейк заметил, как дернулись уши зверька, когда беседа возобновилась.

– А они, правда, умные? – спросил Джейк.

Роланд пожал плечами.

– Старый конюх, о котором я вам рассказывал – тот, который всегда говорил, что хороший ушастик приносит удачу – как-то божился, что у него в молодости был ушастик, который умел считать. Говорил, что зверюга его называла ответы, царапая столько-то раз по полу или двигая мордочкой камушки. – Стрелок улыбнулся, и от этой улыбки лицо его озарилось светом, прогнавшим угрюмую тень, что лежала на нем с тех пор, как они вышли из городка. – Правда, конюхи и рыбаки – еще те вруны.

На какое-то время они замолчали, и постепенно Джейка начала одолевать сонливость. Он подумал, что скоро уснет, и мысль показалась ему приятной. Но тут вдали снова грохнули барабаны. Бой их доносился ритмичными всплесками с юго-востока. Джейк рывком принял сидячее положение. Никто не сказал ни слова – все слушали молча.

– А ритм рок-н-рольный, – сказал вдруг Эдди. – Уж я-то знаю. Уберите гитары, и получится чистая ритмика. И вообще оно очень похоже на «Зи-Зи Топ».

– Зи-Зи кто? – переспросила Сюзанна.

Эдди улыбнулся.

– Их еще не было в твоём времени. То есть, наверно, они были... ну, родились уже... но в 63-ем году они еще в школу ходили в коротких штанишках... где-нибудь в Техасе. – Он прислушался. – Черт возьми! Ну точно партия ударных для какой-нибудь песенки типа «Шикарно прикинутый дядька» или «Велкро Флай».

– «Велкро Флай»? – повторил Джейк в некоторой растерянности. – Какое-то глупое название для песни.

– Зато забавное, – сказал Эдди. – Ты ее не застал... опоздал лет на десять, приятель.

– Лучше бы нам поспать, – вставил Роланд. – Светает рано.

– Я все равно не смогу заснуть, пока продолжается эта хрень. – Эдди помедлил словно бы в нерешительности, но потом все-таки высказал соображение, которое не давало ему покоя с того самого дня, когда они протащили Джейка, бледного и вопящего благим матом, через дверь между мирами.

– Как ты думаешь, Роланд, у нас, по-моему, есть, что сказать друг другу? Если каждый расскажет свою историю, может быть, мы обнаружим, что знаем больше, чем нам всем кажется.

– Да, время, по-моему, пришло. Но давайте только не в темноте.

Роланд повернулся на бок, натянул на себя одеяло и, судя по всему, уснул.

– Господи, – Эдди даже присвистнул сквозь зубы. – Во человек дает!

– И он прав, – высказалась Сюзанна. – Давай и ты, Эдди... спи.

Он улыбнулся и чмокнул ее в кончик носа:

– Да, мамулечка.

Уже минут через пять они с Сюзанной отрубались, несмотря на грохот барабанов. Зато с Джейка сонливость как будто рукой сняло. Он лежал на спине, глядя на незнакомые звезды и прислушиваясь к странным ритмам, доносившимся из темноты. Может быть, это малы устроили пляски под «Велкро Флай», доводя себя до священного исступления перед каким-нибудь ритуальным жертвоприношением.

Сначала он думал о Блейне Моно – о поезде, мчащемся за пределами звукового барьера по огромному миру, населенному призраками и духами. Потом, само собой, мысли его перешли к Чарли Чу-Чу, которого списали по старости и отправили на запасный путь на задворках депо, когда на смену ему пришел новенький Берлингтонский Зефир. Джейк вспомнил «лицо» паровозика Чарли, вроде бы радостное и улыбочное, но какое-то все-таки нехорошее и недоброе. Вспомнил железнодорожную компанию «Срединный Мир». Пустынные пространства между Сент-Луисом и Топекой. Джейк вспомнил, что Чарли готов был пуститься в путь, как только понадобился мистеру Мартину, и что Чарли мог сам подбрасывать уголь в топку и давать гудок. Он снова задался вопросом, уж не машинист ли Боб испортил двигатель Берлингтонского Зефира, чтобы дать своему дорогому Чарли еще один шанс?

И вот наконец – так же внезапно, как и начался – барабанный бой стих, и Джейк погрузился в сон.

Ему снился сон, но на этот раз не про Стража-Привратника.

Нет, в этот раз ему снилось, что он стоит на шоссе – где-нибудь на западе штата Миссури. Вокруг него простиралась Великая Пустошь. Ыш сидел рядом. Вдоль шоссе выстроились столбы с белыми Х-образные знаками с красными фонарями в точке пересечения... рядом была железная дорога. Фонари мигали. Звонок верещал, предупреждая о приближении поезда.

С юго-востока уже доносился могучий гул, нарастающий с каждым мгновением – гул, похожий на молнию, закупоренную в бутылке.

«А вот и он», – сказал Джейк, обращаясь к Ышу.

«Ион!» – согласился Ыш.

И вот – как-то вдруг – на горизонте возник темно-розовый силуэт длиной в два колеса. И он приближался, скользя по равнине: приземистый поезд с носом, похожим на наконечник пули. Едва Джейк увидел его, сердце его преисполнилось ужасом. Два громадных окна на передней части ярко блестели на солнце. Окна напоминали глаза.

«Не задавай ему глупых вопросов, – сказал Джейк Ышу. – В дурацкие игры он не играет. Он просто жуткий, чу-чу, паровозик, и зовут его Блейн. Блейн – это Боль».

Ыш неожиданно выпругнул на пути и застыл между рельсами, плотно прижав уши к голове и обнажив острые зубки в отчаянном оскале. Глаза у него сияли.

«Нет! – закричал Джейк. – Нет, Ыш!»

Но Ыш как будто его не слышал. Розовая пуля неумолимо неслась на ушастика, такого крошечного и упрямого. Джейку казалось, что шум подходящего поезда проникает ему под кожу, что от такого давления у него сейчас пойдет носом кровь, а из зубов выпадут пломбы.

Он рванулся вперед, чтобы вытащить Ыша из-под колес. Блейн Моно (или это был Чарли Чу-Чу?) накрыл их, и Джейк проснулся. В холодном поту. Весь дрожа. Ночь как будто сгустилась вокруг, давя на него темнотой. Перевернувшись на другой бок, Джейк принялся отчаянно шарить рукой по земле, ища Ыша. В первый – кошмарный – миг ему показалось, что Ыша нет рядом, но тут его пальцы наткнулись на шелковистую шерстку. Ыш тихонечко взвизгнул и, подняв сонную мордочку, с любопытством взглянул на мальчика.

– Все хорошо, – шепнул Джейк. У него вдруг пересохло в горле. – Нет

никакого поезда. Это был только сон. Спи, малыш.

– Ыш, – согласился зверек, закрывая глаза.

Джейк перевернулся на спину и еще долго лежал без сна, глядя на звезды. «Блейн – это больше, чем боль, – думал он. – Блейн опасен. Очень опасен».

Да, вполне может быть.

«Никаких “может быть”!» – горячо убеждал его внутренний голос.

Ну хорошо. Блейн – это боль. Принимаем. Но в сочинении своем он еще кое-что написал насчет Блейна, так?

«Блейн – это правда. Блейн – это правда. Блейн – это правда».

– Господи, ну и дурь, – прошептал Джейк вслух и закрыл глаза. Уже через пару секунд он спал. В этот раз – без сновидений.

17

Примерно к полудню следующего дня они поднялись до верхней точки очередного гребня холмов и впервые увидели мост. Он нависал над водой в том месте, где река сужалась, поворачивая на юг и протекая вдоль городских стен.

– Боже правый! – воскликнул Эдди. – Тебе это ничего не напоминает, Сьюз?

– Ага.

– А тебе, Джейк?

– Да... он, по-моему, похож на мост Джорджа Вашингтона.

– Ужасно похож, – согласился Эдди.

– Но как мост Вашингтона оказался в Миссури? – спросил его Джейк. Эдди с недоумением посмотрел на него.

– Что-что?

Джейк смутился.

– То есть, в Срединном Мире.

Эдди еще внимательнее на него посмотрел.

– А откуда ты знаешь, что это Срединный Мир? Тебя же не было с нами, когда мы нашли тот камень.

Засунув руки в карманы, Джейк уставился на свои кроссовки.

– Мне это приснилось, – пояснил он, не вдаваясь в подробности. – Вы же не думаете, будто я приобрел путевку, чтобы съездить сюда, через папочкино турагентство?

Роланд тронул Эдди за плечо.

– Ты пока что к нему не лезь.

Эдди поднял глаза на Роланда и молча кивнул.

Они еще чуть-чуть постояли наверху, глядя на мост. Они успели уже привыкнуть к очертаниям города на горизонте, но такой вид открылся им только сейчас. Ажурная арка моста как будто плыла в синеве чистого утреннего неба. Роланд насчитал четыре блока невообразимо высоких металлических башенок – по одному с обоих концов, и два в середине, – соединенных толстенными тросами, застывшими в воздухе долгими дугами. Между этими дугами и основанием моста виднелись еще вертикальные линии: то ли новые тросы, то ли металлические прутья, – отсюда не разглядеть. Однако кое-где Роланд увидел еще и пустоты на месте тросов, а потом разглядел, что мост висит не совсем ровно.

– Сдается мне, скоро он рухнет в реку, – заметил стрелок.

– Может быть, – с неохотой согласился Эдди. – Хотя, по-моему, он не такой уж и ветхий.

Роланд вздохнул.

– Не обольщайся надеждой, Эдди.

– Что ты хочешь сказать? – в раздражении бросил Эдди. Ему самому не понравился этот тон, но спохватился он слишком поздно. Теперь уже ничего не поделаешь.

– Только то, что тебе, Эдди, пора научиться смотреть, и видеть, и верить тому, что видишь. У нас такая была поговорка: «Только дурак верит в то, что он спит, до того, как проснется». Понимаешь, о чем я?

У Эдди на языке уже вертелось язвительное замечание, но он пересилил себя и смолчал. Роланд совсем не хотел его обижать. Просто так всегда получалось, что рядом с ним Эдди чувствовал себя мальчишкой. Это у Роланда выходило непреднамеренно... однако, легче от этого Эдди не становилось.

– Наверное, – выдавил он наконец. – У мамы тоже была любимая поговорка. Они, по-моему, значат одно и то же.

– Да? И какая?

– Надейся на лучшее и жди гадостей, – кисло вымолвил Эдди.

Роланд улыбнулся.

– Хорошо твоя матушка говорила. Мне оно нравится даже больше.

– Но он же стоит! – взорвался Эдди. – То есть, мост! Да, я согласен, его состояние давно оставляет, как говорится, желать... никто, наверное, за ним не следил уже лет этак с тысячу, я уже не говорю о хорошем ремонте... но он все же стоит! И город тоже стоит! И почему бы мне и не надеяться?

Не понимаю, что в этом плохого? А вдруг мы действительно там найдем что-то полезное?! Или, может быть, встретим людей, которые нас накормят и просто с нами поговорят, как старики в Речном Перекрестке, вместо того, чтобы с ходу в нас стрелять? Что плохого в надежде на то, что нам, может быть, все-таки повезет?

Только потом, в воцарившейся тишине, Эдди не без смущения сообразил, что он толкнул сейчас целую речь.

– Ничего в этом плохого нет. – Мягко и доброжелательно произнес Роланд. Эта мягкость звучала в голосе стрелка не часто, и Эдди не переставал удивляться ей каждый раз. – Надежда должна оставаться всегда. – Он внимательно посмотрел на Эдди, потом на Сюзанну и Джейку, и взгляд его напоминал сейчас взгляд человека, который только что пробудился после глубокого сна. – Все, сегодня мы никуда уже не пойдем. Как я понимаю, пришло время нам поговорить. А это, по-моему, надолго.

Роланд сошел с дороги и пошел, не оглядываясь, по высокой траве. Остальные помедлили только мгновение и направились следом за ним.

До встречи со стариками в Речном Перекрестке Сюзанна воспринимала Роланда как героя «вестерновских» шоу, которые она изредка смотрела по «ящику»: «Чейенн», например, или «Человек с винтовкой», или венец творений подобного рода – «Дым от выстрела». Последнюю передачу они частенько слушали с папой по радио до того еще, как она появилась на телевидении (она подумала, что для Эдди и Джейки сама идея радиопостановки показалась бы странной по меньшей мере, и улыбнулась – не только мир Роланда сдвинулся с места). Она до сих пор еще помнила те слова, которыми начиналась каждая передача: «Человек становится наблюдательным... и чуточку одиноким».

До того, как они побывали в Речном Перекрестке, она считала, что личность Роланда вполне можно определить одной этой фразой. Роланд был не таким «амбалом», как Маршал Диллон, и заметно проигрывал ему в росте, и лицо его напоминало скорее лицо утомленного жизнью поэта, а не разбитного ковбоя, но все же Сюзанна воспринимала его в качестве такого экзистенциального воплощения вымышленного шерифа из Канзаса, чья единственная цель в жизни (не считая периодических выпивок в баре «Длинная Ветка» с друзьями Доком и Китти) – Очистить Город от Этой

Мрази.

Теперь же она поняла, что Роланд – не просто упертый коп, объезжающий на верном своем коне вверенный ему участок где-нибудь на краю света. По крайней мере, когда-то он был другим. Был дипломатом. Мыслителем. Может быть, даже наставником. Но, самое главное, он был солдатом, воином «света», как называют его эти люди. «Свет», как она догадалась, это свет цивилизации, добрые силы, которые не дают людям поубивать друг друга и поддерживают мир в стране, причем достаточно долго, чтобы за это время мог быть достигнут какой-то прогресс. В свое время Роланд был скорее рыцарем – странствующим рыцарем, – нежели охотником – санитаром, истребляющим вредных животных, каким он представлялся Сюзанне. Но почему – «в свое время»? Его время еще не прошло. Во всяком случае, старики в Речном Перекрестке в этом ни капельки не сомневались. Иначе с чего бы им плюхаться на колени в пыли и принимать его благословение?

Только теперь, в свете нового своего понимания, Сюзанна увидела, как умело и умно манипулировал ими стрелок после того кошмарного утра в кругу говорящих камней. Каждый раз, когда в разговоре, пусть даже вскользь, возникала какая-то тема, которая могла привести их к тому, чтобы начать сравнивать пережитое – и это было бы только естественно, если учесть, что каждый из них на себе испытал необъяснимое с точки зрения привычного опыта «извлечение» из того мира в этот, – Роланд тут же вступал в беседу и переводил ее на другие темы, причем так гладко и так умело, что никто из троих (даже сама Сюзанна, при том, что целых четыре года она принимала самое деятельное участие в движении за гражданские права) этого не замечал.

Сюзанна, кажется, поняла, почему он так делал: Роланд хотел дать Джейку время прийти в себя. Но и теперь, понимая причины, она все равно не могла подавить своих чувств – изумления, досады и даже обиды за то, как умело и ловко он ими манипулировал. Незадолго до того, как Роланд перетащил ее в этот мир, Эндрю, ее шофер, сказал одну фразу, которую Сюзанна вспомнила теперь. Что-то насчет того, что президент Кеннеди был последним стрелком в этом западном мире. Тогда она посмеялась над ним, но теперь, кажется, поняла. В Роланде было много от Кеннеди. Гораздо больше, чем от Мэтта Диллона. Вряд ли стрелок обладал таким развитым и богатым воображением, как Кеннеди, но когда дело касалось романтики... самоотверженности... обаяния...

«И еще хитрости, – осадила она себя. – Не забывай про хитрость».

Неожиданно для себя самой она громко расхохоталась.

Роланд, который сидел на земле, скрестив по-турецки ноги, повернулся к ней и вопросительно поднял брови:

– Что-то смешное?

– Ужасно смешное. Слушай, ответь-ка мне на вопрос: ты много знаешь языков?

Стрелок на мгновение задумался.

– Пять, – сказал он наконец. – Когда-то я говорил еще на селлианском, но теперь я его подзабыл. Все, кроме мата.

Сюзанна опять рассмеялась веселым и легким смехом:

– Ах ты старый пройдоха Роланд.

Джейк проявил неожиданный интерес.

– А вы могли бы сейчас ругнуться на стреллианском?

– На селлианском, – поправил его Роланд. Он на мгновение задумался, а потом быстро и плавно произнес непонятную фразу, как будто прополоскал горло какой-то густой вязкой жидкостью. Например, кофею недельной давности. Во всяком случае, Эдди воспринял это именно так.

Роланд умолк и усмехнулся.

Джейк улыбнулся тоже.

– И что вы сказали?

Роланд приобнял мальчика за плечи.

– Что нам надо о многом поговорить.

– Что да, то да, – согласился Эдди.

– Мы четверо – это ка-тет, – начал Роланд, – то есть, группа людей, связанных общей судьбой. Философы у меня в стране утверждали, что разрушить ка-тет может лишь смерть и предательство. А мой великий учитель, Корт, говорил, что поскольку и смерть, и предательство – тоже спицы в большом колесе ка, эти узы вообще невозможно порвать. Сейчас, по прошествии стольких лет, когда я многое понял и много узнал, постепенно склоняюсь к его точке зрения.

– Каждый участник ка-тета, он как отдельный кусочек в головоломке, сам по себе непонятный и даже загадочный... но если сложить их все вместе, они образуют картинку... или какую-то часть картинки. Иногда для того, чтобы ее завершить, нужно немало ка-тетов. Так что вы не удивляйтесь, если сейчас обнаружится, что ваши жизни соприкасались уже

и не раз, причем вы, наверное, даже об этом и не подозревали. Одно только то, что каждый из вас троих может читать мысли другого...

– Чего?! – изумился Эдди.

– Я говорил уже: не удивляйтесь. Это все происходит у вас так естественно, что вы ничего даже не замечаете. Но тем не менее, это правда. Мне виднее со стороны, я, потому что, не полноправный участник вашего ка-тета – может быть, это из-за того, что я из другого мира, – и мне не дано читать ваши мысли. Но передавать я могу. Сюзанна... ты помнишь, что было в круге камней?

– Да. Ты велел, чтобы я отпустила демона, но только когда ты мне скажешь. Но вслух ты этого не произносил.

– Эдди... помнишь, как на медвежьей поляне на тебя налетела эта механическая штукovina в виде летучей мыши?

– Да, ты мне еще крикнул: «Ложись!»

– Он и рта не раскрыл, – заметила Сюзанна.

– А как же тогда? Ты же крикнул мне! Я тебя слышал!

– Да, я кричал тебе. Но кричал мысленно. – Стрелок повернулся к Джейку. – А ты помнишь? В том доме?

– Когда доска, за которую завалился ключ, не отрывалась, ты мне сказал, чтобы я отодрал другую. Но если вы не читаете мои мысли, Роланд, то как вы узнали, что именно у меня там стряслось?

– Я видел. Не слышал, но видел... самую малость, как через грязное стекло. – Он обвел всех троих пристальным взглядом. – Эта близость людей и их способность читать мысли друг друга называется «кхеф». Слово это в исконном наречии древнего мира имеет множество значений. Вода, рождение, жизненная сила – вот только некоторые из них. Я хочу, чтобы вы знали об этом. И чтобы вы поняли. У меня пока все.

– А как понять то, во что ты не веришь? – спросил его Эдди.

Роланд улыбнулся.

– Просто нужно хотеть понять.

– Ну, желание-то есть.

– Роланд? – Это был Джейк. – А Ыш может тоже участвовать в нашем ка-тете?

Сюзанна улыбнулась, но Роланд оставался серьезным.

– Я пока не готов даже предположить. Но знаешь, Джейк, что я тебе скажу... я много думал об этом лохматом приятеле. Ка управляет не всем, и случайности не исключаются... но столь неожиданное появление ушастика, который все еще помнит людей, вовсе не кажется мне случайным.

Он снова обвел их внимательным взглядом.
– Я начну первым. Эдди продолжит – с того места, где я остановлюсь.
Потом – Сюзанна. Джейк будет последним. Договорились?
Они закивали.
– Хорошо, – подытожил Роланд. – Мы с вами – ка-тет, один из многих.
Итак, приступим.

20

Они говорили до темноты, прервавшись один только раз, чтобы наскоро перекусить, и когда разговор был закончен, Эдди чувствовал себя так, как будто он только что отбуксировал дюжину раундов с Милашкой Рэем Леонардом. Он уже больше не сомневался в том, что все они «делят кхеф», как выразился Роланд. А с Джейком они вообще проживали в снах жизни друг друга, как две половинки единого целого.

Роланд начал с того, что случилось в тоннеле под горной грядой, где трагически оборвалась первая жизнь Джейка в этом мире. Он рассказал им о долгом своем разговоре с человеком в черном и о туманных словах Уолтера про какого-то Зверя и еще одного человека, которого Уолтер назвал Вечным Чужаком. Он описал им свой странный пугающий сон, в котором вселенную поглотил фантастический луч небывалого белого света, а в самом конце все заслонила собой травинка. Одна-единственная травинка красного цвета.

Случайно взглянув на Джейка, Эдди был потрясен пониманием – узнаванием, – промелькнувшим в глазах мальчишки.

21

Эдди уже кое-что слышал из этого, – еще на морском берегу, когда Роланд бредил, выдавая бессвязные обрывки своей истории, – но для Сюзанны все это было внове. Она слушала Роланда, затаив дыхание и широко распахнув глаза. Когда стрелок передавал им слова Уолтера, она узнавала в них отблески своего мира, подобные отражению в осколках разбитого зеркала: рак, автомобили, ракеты, отправленные на луну, искусственное оплодотворение. Она даже представить себе не могла, кто

такой Зверь, но догадалась, что Вечный Чужак – это Мерлин, легендарный колдун, который якобы способствовал славной карьере короля Артура. «Все страньше и страньше», – как говорилось в «Алисе» у Кэрролла.

Роланд рассказал и о том, как, проснувшись от этого долгого и непонятного сна, он обнаружил, что Уолтер давно уже мертв – время каким-то немыслимым образом перескочило вперед. Может быть, лет на сто. Может быть, на пятьсот. Джейк слушал, как зачарованный. О том, как стрелок пришел к берегу Западного моря, как он потерял два пальца на правой руке, как вытащил Эдди с Сюзанной в свой мир, а потом встретился с Джеком Мормом – за третьей дверью.

Стрелок сделал знак Эдди, и тот продолжил рассказ, начиная со встречи с громадным медведем.

– Шардик?! – перебил его Джейк. – Но ведь это название книжки! Книжки из нашего мира! Ее сочинил тот же автор, который про кроликов написал... ну, знаменитая его книга...

– Ричард Адамс! – воскликнул Эдди. – А книжка про кроликов называется «Кораблик на воду!». Я же знал это имя... вот только вспомнить не мог, откуда. Но как такое возможно, Роланд? Откуда в твоём мире знают о нашем?

– Но проходы-то есть, – отозвался Роланд. – Четыре двери мы видели сами. Или ты думаешь, раньше их не было? Или не будет потом?

– Но...

– Все мы видели, что в моём мире есть много от вашего, а когда я был у вас в Нью-Йорке, я обнаружил там кое-что от своего. Я видел стрелков. Большинство, правда, обрюзгли и обленились, но это все-таки были стрелки... собраты по древнему своему ка-тету.

– Роланд, это всего лишь копы. Ты их обставил, как малых детей.

– Но последний был все же хорош. Когда мы с Джеком Мормом спустились на станцию вашей подземной железной дороги, он едва меня не прикончил. Если бы не слепая удача... огниво Морта... я бы сейчас не сидел тут с вами. Этот последний... Я видел его глаза. Он не забыл лицо своего отца. Нет, он не забыл. И потом еще... помнишь, как назывался тот балазаровский ночной клуб?

– Еще бы не помнить. – Эдди явно занервничал. – «Падающая Башня». Но это могло быть простым совпадением. Ты же сам говорил: ка управляет не всем.

Роланд кивнул.

– Нет, ты ужасно похож на Катберта... помню, как-то он высказал одну мысль. Когда мы были еще детьми. Мы собирались отправиться ночью на

кладбище, но Алан не хотел идти. Говорил, что боится оскорбить тени предков. Катберт тогда посмеялся над ним и сказал, что сам он ни за что не поверит в призраков, пока не поймает какого-нибудь и не попробует его на зуб.

– Хорошо сказано! – одобрил Эдди. – Браво!

Роланд улыбнулся.

– Я так и знал, что тебе понравится. Но пока что оставим призраков в покое. Ты начал рассказывать – продолжай.

Эдди рассказал о видении, что явилось ему в огне, когда Роланд бросил в костер челюстную кость: ключ и роза. Рассказал про свой сон, в котором, шагнув через дверь лавки деликатесов, он вышел на поле роз и увидел вдали высоченную Башню цвета копоты; про черноту, что излилась из окон башни и сложилась в фигуру на небе. Теперь он говорил, обращаясь исключительно к Джейку, и Джейк слушал его, затаив дыхание, ловя каждое слово с жадным вниманием и нарастающим удивлением. Эдди постарался по возможности передать настроение, которым был проникнут тот сон: странное чувство восторга с ужасом пополам, – и увидел по их глазам (прежде всего – по глазам Джейка), что он либо переусердствовал, несколько сгустив краски... либо друзья его видели те же сны.

Он рассказал о том, как они двинулись в обратную сторону по следу Шадрика и вышли к Вратам Медведя. Как, приложив ухо к будке, он почему-то вдруг вспомнил тот день, когда они с братом ходили в Дач-Хилл смотреть на Особняк. Он рассказал об игле в глиняной чашке и о том, как она оказалась ненужной, потому что путь Луча был виден и так – во всем, даже в полете птиц высоко в поднебесье.

Здесь Эдди умолк, и Сюзанна продолжила. Когда она перешла к тому, как Эдди начал работать над своим деревянным ключом, Джейк лег на спину, положил руки под голову и принялся рассматривать облака, что медленно плыли по небу белым клубящимся курсом на юго-восток. Упорядоченный их строй выдавал незримое присутствие Луча – точно так же, как дым из трубы всегда ясно показывает направление ветра.

Она закончила на том, как они наконец протащили Джейка в этот мир и положили тем самым конец раздвоению памяти Джейка и Роланда. Оно просто прошло – окончательно и внезапно, точно так же, как Эдди захлопнул дверь в кольцо говорящих камней. Она рассказала все, умолчав об одном только факте, который, собственно, даже и не был фактом – во всяком случае, пока. По утрам ее не тошнило, а разовое отсутствие женских дел само по себе еще ничего не значит. Как сказал бы Роланд, эта история может пока подождать.

И все же, закончив рассказ, она вдруг поймала себя на мысли, что ей ужасно хотелось бы позабыть те слова, которые им сказала тетушка Талита, когда Джейк заявил, что теперь его дом здесь: «Тогда пусть боги смилятся над тобой, ибо здесь, в этом мире, солнце клонится к закату. И зайдет оно навсегда».

– Теперь твоя очередь, Джейк, – сказал Роланд.

Джейк сел и поглядел в сторону Лада, где свет уходящего дня, отражавшийся в окнах высоких башен с западной стороны, превращал стекла в полотна золота.

– Бред какой-то, – пробормотал он себе под нос. – Но все вроде бы сходится. Так бывает, когда вспоминаешь сны: смысл какой-то в них явно есть, но ты не можешь его уловить.

– Может быть, мы поможем тебе, – ободрила его Сюзанна. – То есть, все-таки найти смысл.

– Может быть. Во всяком случае, вы мне поможете разобраться с поездом. Я не могу уже думать о нем в одиночку, о Блейне. Мозги уже заворачиваются. – Он тяжело вздохнул. – Вы сами видели, как это было, когда Роланд жил как бы двумя жизнями одновременно, так что я это пропущу. Я все равно не уверен, что смогу это все описать как следует... да и не хотелось бы, если честно. Это было ужасно. Я, наверное, лучше начну со своего сочинения на экзамене, потому что именно тогда я понял, что это само по себе не пройдет, что это уже тяжкий случай. – Он обвел их унылым взглядом. – Вот тогда я и сдался.

Джейк говорил до темна.

Он рассказал все, что смог вспомнить, начиная с «Как я понимаю правду» и заканчивая чудовищным стражем – привратником, который в буквальном смысле вышел из стены и набросился на него. Его слушали очень внимательно, не перебивая.

Когда он закончил, Роланд повернулся к Эдди, и тот заметил в глазах стрелка странное выражение, в котором смешались все чувства и которое поначалу он принял за изумление. Только потом до него дошло, что это не изумление вовсе, а предельное возбуждение... и глубоко затаенный страх. Во рту у него пересохло. Потому что если уж Роланд испуган...

– Ты все еще сомневаешься, Эдди, что наши миры как-то

соприкасаются?

Эдди мотнул головой.

– Теперь уже не сомневаюсь. Я был на той улице, шел по ней... и я был одет так, как он! Но... Джейк, я могу посмотреть эту книгу? «Чарли Чу-Чу»?

Джейк потянулся за ранцем, но Роланд остановил его.

– Не сейчас, – сказал он. – Давай-ка вернемся к тому пустырю. Расскажи еще раз, что там было, Джейк. И попытайся припомнить детали.

– Может быть, вы меня снова загипнотизируете, – нерешительно предложил Джейк. – Как тогда, на дорожной станции.

Роланд покачал головой.

– В этом нет сейчас необходимости. То, что случилось с тобою на том пустыре, это самое важное событие в твоей жизни. В жизни всех нас. Ты можешь все вспомнить и так.

И Джейк принялся заново пересказывать то, что случилось с ним на пустыре. Всем было ясно, что пережитое им на строительной площадке на месте лавочки деликатесов «Том и Джерри» вобрало в себя скрытую суть объединившего их ка-тета. Во сне, приснившемся Эдди, магазинчик стоял на месте, в реальности Джейка его давно снесли, но и в том, и в другом случае это было место невообразимой силы – силы, таящейся разве что в самых мощных талисманах. Роланд ни на мгновение не усомнился в том, что эта заброшенная строительная площадка с обломками битого кирпича и осколками стекол – очередное, если так можно сказать, воплощение «Отстойника», о котором рассказывала Сюзанна, и того странного места, которое показалось ему в видении в самом конце его долгого пребывания на поляне костей.

Теперь, когда он, медленно подбирая слова, пересказывал этот кусок из своей истории во второй раз, Джейк обнаружил, что стрелок оказался прав: он действительно смог вспомнить все. Причем воспоминания были такими живыми, что под конец ему стало казаться, будто он заново переживает тогдашний опыт. Он рассказал им про щит, на котором было написано, что на месте «Тома и Джерри» будет построен жилой массив «Гавань Большой Черепахи». Он даже вспомнил стишок, намалеванный на заборе, и прочел его наизусть:

Есть Черепаха, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
Если хочешь поиграть,
Приходи к Лучу опять.

Приходи к Лучу сегодня,
Будем прыгать и скакать.

– В ее мыслях – весь мир, в ее мыслях – все мы. Для любого – частичка ее доброты, – пробормотала Сюзанна. – Там так было, Роланд?

– Что? – встрепенулся Джейк. – Где было?

– В одном детском стишке, – пояснил Роланд. – Вот, пожалуйста, еще одна ниточка. И кое о чем это там говорит... хотя я не знаю, нужно нам это знать или нет... но, с другой стороны, никогда не знаешь, что тебе может понадобиться.

– Двенадцать Врат, соединенных шестью Лучами, – размышлял Эдди вслух. – Мы вышли от Врат Медведя. Идти нам до середины – до Башни, – но если бы мы пошли дальше, мы бы вышли к Вратам Черепахи, так?

– Да, – кивнул Роланд.

– Врата Черепахи, – задумчиво произнес Джейк, перекачивая слова на языке, как будто пробуя их на вкус. Он досказал им оставшуюся часть истории: про хор изумительных голосов, про то, как он понял вдруг, что его окружают лица, и что в хоре звучат истории, и что он, похоже, наткнулся на место, где лежит центр всего сущего. В конце он опять рассказал им о том, как нашел ключ и увидел розу. Воспоминания об этом были настолько яркие, что Джейк неожиданно начал плакать, сам того не замечая.

– Когда роза раскрылась, – говорил он сквозь слезы, – сердцевина ее была желтого цвета. Яркая-яркая, я в жизни такого не видел. Я сначала подумал, что это пыльца и что она светится, потому что там все светилось, на пустыре. Даже обертки из-под конфет и пустые пивные бутылки... все они были похожи на величайшие произведения искусства. Но потом я увидел, что это солнце. Звучит, я понимаю, по-идиотски. Но это действительно было солнце. И не одно. Это были...

– Это были все солнца вселенной, – пробормотал Роланд. – Все, что есть настоящего в мире.

– Да! И это все было правильно... но что-то там было не то. Я не могу объяснить, что именно, но я это чувствовал. Как будто там бились два сердца, и одно было внутри другого, и то, что внутри, болело. Или заболело. А потом я сознание потерял.

– Ты ведь тоже все это видел, Роланд? В том сне? – тихо спросила Сюзанна, и в ее голосе явственно слышался благоговейный трепет. – Травинка в самом конце... ты, помнишь, подумал еще, что она красная потому, что на нее пролили краску.

– Вы не понимаете, – сказал Джейк. – Она действительно была красная. Когда я видел все по-настоящему, она была красная. Я такой травы в жизни не видел. А краска – это только маскировка. Ну, как привратник у двери... он ведь тоже замаскировался, прикинувшись старым заброшенным домом.

Нижний краешек солнце уже касался горизонта. Роланд попросил Джейка сначала показать им книжку «Чарли Чу-Чу», а потом прочитать ее вслух. Джейк достал книгу и передал ее по кругу. Что Сюзанна, что Эдди – оба долго разглядывали обложку.

– У меня в детстве была точно такая же, – сказал Эдди, и голос его прозвучал со спокойной уверенностью, отмечающей все сомнения. – А потом, когда мы переезжали из Куинса в Бруклин... мне еще четырех тогда не исполнилось... она потерялась. Но я запомнил обложку. И, знаешь, Джейк, я то же самое чувствовал, что и ты. Мне она страшно не нравилась. Я ему не доверял.

Сюзанна пристально поглядела на Эдди.

– У меня тоже была эта книжка. Мне теперь удивительно даже, как я могла забыть... там девочку звали так же, как и меня... хотя тогда это было второе мое имя. И мне тоже не нравился паровоз. И я ему не доверяла. – Прежде чем передать книгу Роланду, она постучала пальцем по картонной обложке. – Уж больно фальшивая у него улыбочка.

Роланд лишь мельком взглянул на обложку и опять повернулся к Сюзанне.

– И твоя потерялась тоже?

– Угу.

– И я, кажется, знаю, когда, – сказал Эдди.

Сюзанна кивнула.

– Несложно, в общем-то, догадаться: вскоре после того, как мне на голову сбросили кирпич. Помню, когда мы поехали к тете на свадьбу, книжка еще была. Я взяла ее с собой в поезд. Я хорошо это помню, потому что все спрашивала у папы, кто нас везет – может быть, Чарли Чу-Чу? Мне не хотелось, чтобы это был Чарли, потому что мы ехали в Элизабет, штат Нью-Джерси, а я боялась, что Чарли нас завезет не туда. Чем там закончилось, Джейк? Чарли, кажется, начал возить отдыхающих вокруг какой-то игрушечной деревеньки?

– В парке аттракционов.

– Ну да, точно. Там в конце еще есть картинка – Чарли везет детишек. Они все улыбаются и смеются, но мне почему-то всегда казалось, что им очень страшно и что они кричат, чтобы им разрешили слезть.

– Да! – воскликнул Джейк. – Вот именно! Именно!

– Я боялась, что Чарли нас завезет к себе – где бы он там ни жил, – а не к тете на свадьбу, и мы никогда не выберемся оттуда.

– И ты никогда не вернешься домой, – пробормотал Эдди себе под нос и нервным движением пригладил волосы.

– Все время, пока мы ехали в поезде, я книжку эту не выпускала из рук. Я даже помню, что я тогда думала: «Если он попытается нас похитить, я начну рвать страницы и не перестану, пока он не образумится». Но, разумеется, мы приехали, куда нужно, и, кстати, точно по расписанию. Папа даже провел меня вперед, чтобы я посмотрела на тепловоз. Это был дизель, а не паровоз, и я помню, как я обрадовалась. Я была на седьмом небе от счастья. А потом, после тетиной свадьбы, этот Морт сбросил мне на голову кирпич и я долгое время лежала в коме. А когда я поправилась, книжка куда-то делась. Я ее больше не видела. И вот только теперь... – Она в нерешительности приумолкла, но все же добавила: – И уж если на то пошло, это запросто может быть моя книжка... или Эддина.

– Да, вполне вероятно. – Эдди был бледен и очень серьезен. Он помолчал и вдруг улыбнулся совсем по-мальчишески. – Есть ЧЕРЕПАХА ля-ля ля-ля-ля! Все служит Лучу, задери его тля!

Роланд поглядел на запад.

– Солнце уже садится. Читай, Джейк, пока светло.

Джейк открыл книжку на первой странице с картинкой, где машинист Боб сидит в кабине Чарли Чу-Чу, и начал:

– «Боб Брукс служил машинистом в железнодорожной компании “Срединный Мир” на перегоне Сент-Луис – Топека...»

– «... и иногда дети слышат, как он поет свою старую песню своим глухим хриловатым голосом», – закончил Джейк и, показав им последнюю картинку: счастливые ребята, которые на самом деле, быть может, кричат от страха, – захлопнул книжку. Солнце скрылось за горизонтом. Небо окрасилось в пурпурный цвет.

– Ну, я бы сказал, что истории не совсем совпадают, – заметил Эдди. – Больше похоже на сон, в котором вода может течь вверх на холм. Однако, должен признаться, что мне жутковато. Слишком много совпадений. Мы где сейчас? В Срединном Мире – на территории Чарли. Только зовут его здесь не Чарли. Здесь его звать Блейн Моно.

Роланд пристально разглядывал Джейка.

– Ну и что ты думаешь? – спросил он. – Может, все – таки обойдем этот город? Подальше от этого поезда?

Джейк надолго задумался, опустив голову и машинально перебирая в пальцах густую шелковистую шерстку Ыша.

– Мне бы очень хотелось, на самом деле, – выдавил он наконец. – Но если я правильно понял насчет этого вашего ка, то нам все равно этого не избежать.

Роланд кивнул.

– Да, это ка. А если так, то наши желания здесь не имеют значения: если мы попытаемся обойти его стороной, все равно, я уверен, обстоятельства сложатся так, что нам придется вернуться. В таких случаях лучше уж сразу покориться неизбежному, чем пытаться что-то изменить. А ты как думаешь, Эдди?

Эдди тоже надолго задумался. Ему вовсе не улыбалось иметь дело с каким-то там говорящим поездом, который ездит сам по себе; и как его ни назови, Чарли Чу-Чу или Блейн Моно, из того, что прочел им Джейк, уже можно было заключить, что паровоз этот – весьма неприятный продукт инженерной мысли. Но, с другой стороны, дорога им предстояла долгая, и где-то в конце ее их ждала Башня, ради которой, собственно, это все и затеялось. Эдди вдруг с изумлением обнаружил, что он точно знает, о чем он думает и чего хочет. Он поднял голову и едва ли не в первый раз с того самого дня, когда он очутился здесь, в этом мире, твердо взглянул в голубые, как будто повыцветшие глаза стрелка.

– Я хочу встать посреди поля роз и увидеть, наконец, эту Башню. Я не знаю, что будет дальше. Быть может, на наши могилы возложат букеты цветов, но мне, по-моему, наплевать. Я хочу видеть Башню. Мне уже все равно, пусть этот Блейн – хоть сам дьявол и пусть дорога, ведущая к Башне, проходит хоть через ад. Я за то, чтобы идти в город.

Роланд кивнул и повернулся к Сюзанне.

– Ну, – нерешительно проговорила она, – мне Темная Башня не снилась... так что на этом уровне я, наверное, не возьмусь решать... на уровне, скажем так, желания. Но я теперь верю в ка. И я не настолько тупа, чтобы не чувствовать, когда тебе начинают стучать по башне и вопить

благим матом: «Не туда, дурачина! В другую сторону!» А как ты сам, Роланд? Ты-то что думаешь?

– Я думаю, что на сегодня мы наговорились уже достаточно и нам надо бы сделать маленький перерыв до завтра.

– А «Загадки»? – спросил вдруг Джейк. – Хотите, я вам покажу?

– У нас еще будет время, – сказал Роланд. – Давайте немного поспим.

Но стрелок еще долго лежал без сна, а когда вдали снова раздался ритмичный бой барабанов, он поднялся и вернулся к дороге. Там Роланд остановился, глядя на мост и город. Он действительно был дипломатом, как верно предположила Сюзанна – дипломатом до мозга костей, – и поэтому Роланд знал, что поезд – это их следующая остановка на долгом пути, причем знал это с того мгновения, когда впервые услышал о нем... однако, он чувствовал, что об этом не стоит пока сообщать остальным. В частности, Эдди особенно не терпел, когда ему говорили, что нужно делать. Когда он чувствовал, что кто-то пытается направлять его, реакция Эдди была одна: он опускал голову, широко расставлял ноги, начинал отпускать идиотские шутки и упирался, как мул. Правда, на этот раз их с Роландом желания совпадали, но Эдди еще мог взбрыкнуть – исключительно из духа противоречия. Так что лучше и безопасней не торопить события и спрашивать вместо того, чтоб указывать.

Он повернулся, чтобы вернуться в лагерь... и тут рука его безотчетно легла на рукоять револьвера, потому что впереди, на обочине, маячил темный силуэт. Кто-то стоял там, глядя на стрелка. Роланд, правда, не вытащил револьвер, но был очень к этому близок.

– А я все думал, сможешь ли ты уснуть после этого маленького представления, – сказал Эдди. – Ответ, по-моему, отрицательный.

– Я не слышал, как ты подошел. Ты быстро учишься, Эдди... но на этот раз за свои успехи ты мог заработать и пулю в лоб.

– Ты не слышал меня, потому что тебя занимало сейчас другое. – Он присоединился к стрелку, и даже при бледном свете звезд Роланд увидел, что ему не удалось одурачить Эдди. Да, он действительно в нем не ошибся. Эдди напоминал ему Катберта, но кое в чем он уже превзошел и Катберта.

«Нельзя его недооценивать, – сказал себе Роланд. – Иначе это все может закончиться очень плачевно. Если я его подведу или сделаю что-то,

что он может принять за двойную игру, он, скорее всего, попытается меня убить».

– А что тебя занимает, Эдди?

– Ты. И все мы. Я хочу, чтобы ты кое-что знал. До сегодняшнего разговора я думал, что тебе это и так известно. Но теперь я уже не уверен.

– Ну так скажи мне.

А про себя Роланд снова подумал: «Нет, он ужасно похож на Катберта!»

– Мы с тобой потому, что должны быть с тобой – из-за твоего проклятого ка. Но еще мы с тобой потому, что сами того хотим. Насчет себя и Сюзанны я точно знаю. И Джейк, я думаю, тоже. У тебя неплохие мозги, мой соратник по кхефу, но ты, наверное, их хранишь в бомбоубежище, потому что иной раз тебя убеждать – как об стенку горох. Я хочу ее видеть. Ты хорошо понимаешь, о чем я? Я хочу видеть Башню. – Он внимательно поглядел Роланду в лицо и, не увидев, очевидно, того, что надеялся там увидеть, в отчаянии взмахнул руками.

– Я хотел только сказать, чтобы ты, наконец, отпустил мои уши.

– Отпустил твои уши?

– Вот именно. Меня больше не надо за них тянуть. Я иду с тобой к Башне, потому что я сам так хочу. Мы все идем, потому что мы сами хотим идти. Если сегодня ты тихо откинешь копыта во сне, мы тебя похороним и пойдем дальше. Может быть, долго мы не протянем, но мы умрем на пути Луча. Теперь ты врубился?

– Да. Теперь – да.

– Ты говоришь, ты меня понимаешь, и я думаю, ты действительно понимаешь... но вот веришь ты мне или нет?

«Ну конечно, – подумал стрелок. – Куда ты еще пойдешь в этом мире, Эдди, который чужой для тебя и странный? И что ты еще станешь делать? Фермер, должен сказать, из тебя хреновый».

Но он не сказал этого вслух – это было бы несправедливо и очень зло. Оскорблять свободную волю свободного человека, путая оную с ка, это хуже, чем просто кощунство: это занудно и глупо.

– Да, – сказал Роланд. – Я тебе верю. Всей душой верю.

– Тогда хватит вести себя с нами так, будто мы стадо баранов, а ты наш пастух, который помахивает своей палкой, чтобы мы, такие все из себя беспомощные и безмозглые, не сошли, не дай Бог, с дороги и не угодили бы в яму с зыбучим песком. Ты весь как бы в себе. Пришло, наверное, время раскрыться. Если нам суждено умереть в этом городе или в поезде, я хочу умереть, зная, что я был не просто какой-нибудь пешкой в твоей игре.

Роланд почувствовал жар – это кровь прилила к лицу, – но он никогда себя не обманывал. Он психанул сейчас не потому, что Эдди составил о нем не то мнение. Наоборот. Его просто взбесило, что Эдди увидел его насквозь. «Становление» Эдди происходило у Роланда на глазах: бывший Узник сумел вырваться из своей тюрьмы и оставил ее далеко позади, – как и Сюзанна, ибо по-своему она тоже была несвободной, – стрелок следил за его продвижением и гордился им, но все-таки сердце его не сумело принять до конца то, о чем говорил с очевидностью разум. Сердце его принимало их всех как существ абсолютно другой породы – низших существ.

Роланд сделал глубокий вдох:

– Стрелок, если можешь, даруй мне прощение.

Эдди кивнул.

– Как я понимаю, у нас впереди еще тот геморрой... я уже это предчувствую, и мне страшно. Но это не твой геморрой, это наш геморрой. О'кей?

– Да.

– Как ты думаешь, нам там действительно туго придется, в городе?

– Не знаю. Я знаю только одно: нам придется за Джейком приглядывать и защищать его, если что, потому что тетушка Талита сказала, что они все захотят его заполучить. Отчасти все зависит от того, сколько времени мы проищем поезд. Но гораздо важнее – что будет потом, когда мы его найдем. Будь у нас еще два человека, мы могли бы дать каждому по револьверу и окружить его, Джейка, со всех четырех сторон. Но поскольку нас слишком мало, придется идти гуськом. Сначала – я, потом – Джейк с коляской Сюзанны, а ты пойдешь сзади.

– И все-таки, Роланд, что нас там может ждать? Попробуй хотя бы предположить.

– Не могу.

– А мне кажется, можешь. Ладно, города ты не знаешь, но ты зато знаешь людей в своем мире и знаешь, что от них можно ждать – теперь, когда все здесь пошло черти как. Ну так как?

Роланд задумался, глядя в ту сторону, где наявивали барабаны.

– Может быть, все обойдется. Насколько я понял, у них не так много осталось бойцов, а те, кто остались, стары и деморализованы. Вполне может так получиться, что ты был прав и кое-кто даже предложит нам помощь, как это сделал ка-тет Речного Перекрестка. А может быть, мы вообще никого не увидим... они нас увидят, увидят, что мы при оружии, и решат, что лучше им спрятаться от греха подальше и дать нам спокойно пройти. Но даже если такой вариант не пройдет, я очень надеюсь, что они

разбегутся, как крысы, когда мы пристрелим кого-нибудь, а еще лучше – парочку.

– А если они решат драться?

Роланд мрачно усмехнулся:

– Тогда, Эдди, всем нам придется вспомнить лица своих отцов.

Глаза Эдди блеснули во тьме, и он снова напомнил Роланду Катберта – его старого друга Катберта, который однажды сказал, что он ни за что не поверит в приведений, пока не попробует одного на зуб, – Катберта, с которым однажды они разбросали под виселицей хлебные крошки.

– Я, надеюсь, ответил на все вопросы?

– Нет... но на этот раз ты, по-моему, был со мной честен.

– Тогда, Эдди, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Эдди повернулся и пошел прочь. Роланд стоял и смотрел ему вслед. Теперь он его слышал, когда прислушивался... но все равно еле-еле. Он сам направился было в лагерь, но потом передумал и пошел в темноту – в направлении Лада.

Он, Джейк, из тех, кого старая женщина называла младями. Она сказала, что все они захотят его заполучить.

Вы мне не дадите упасть в этот раз?

Нет. Теперь – никогда.

Но он знал одну вещь, о которой не знали другие. Быть может, теперь, после этого разговора с Эдди, он скажет им... обязательно скажет, но все-таки чуть попозже.

На древнем наречии, которое в мире стрелка было когда-то как универсальный язык, большинство слов, в том числе ка и кхеф, имело множество значений. Но слово чар – кстати, Чарли Чу-Чу начинается с той же буквы – только одно.

Чар означало смерть.

Глава 5. МОСТ И ГОРОД

1

Три дня спустя они набрали на разбившийся аэроплан.

Джейк первым увидел его – вспышку яркого света в сиянии позднего утра на расстоянии примерно миль в десять, как будто зеркальце лежало в траве. Когда путешественники подошли поближе, они смогли явственно разглядеть очертания темной штуковины, что примостилась у самого края Великого Тракта.

– Похоже на мертвую птицу, – заметил Роланд. – Большую птицу.

А еще час спустя они молча встали у края дороги, глядя на древний остов самолета. На прогнившем фюзеляже гордо восседали три жирных вороны. Они нахально усадились на незваных гостей. Подобрал камень с дороги, Джейк запустил им в птиц. Те с негодующим карканьем взвились в воздух.

Одно крыло отломилось во время падения и валялось теперь ярдах в тридцати от почерневшего корпуса, точно трамплин для прыжков в воду среди зеленой травы. В остальном же аэроплан почти и не пострадал. Только стекло фонаря кабины треснуло в том месте, куда ударилась голова пилота. Там осталось большое пятно тускло-ржавого цвета.

Ыш obeжал аэроплан, обнюхал ржавые лопасти пропеллера и поспешно вернулся к Джейку.

Человек в кабине, одетый в дутый кожаный комбинезон и шлем с шипом на макушке, давно превратился в иссохшую мумию, готовую рассыпаться в пыль при малейшем прикосновении. Губ у него уже не было – зубы его обнажились в последней гримасе отчаяния. От пальцев, когда-то толстых, как сосиски, остались теперь лишь кости, обтянутые желтой кожей – мертвые кости, вцепившиеся в штурвал. Ударившись головой о фонарь, пилот раскроил себе череп, и Роланд догадался, что зеленовато-серые разводы, покрывавшие левую часть лица – это все, что осталось от мозга. Голова мертвеца была запрокинута к небу, как будто он до последнего не сомневался, что сможет снова подняться ввысь. Сохранившееся крыло все еще простиралось над буйно разросшейся травой. На нем красовалась выцветшая эмблема: кулак с зажатой в нем молнией.

– Похоже, тетушка Талита ошиблась, а старик-альбинос был прав, – в голосе Сюзанны явственно слышался благоговейный трепет. – Это, наверное, Дэвид Шустрый, тот самый незаконнорожденный принц. Посмотри, Роланд, какой он здоровый... им, наверное, пришлось его жиром смазать, чтоб запихнуть в эту кабинку!

Роланд кивнул. Жара и годы потрудились на славу: от человека внутри механической птицы остался всего лишь скелет, обтянутый высохшей кожей, – но до сих пор еще было видно, какими широкими были когда-то плечи у этого человека, а изуродованная его голова поражала своими размерами.

– Так пал лорд Перт, – сказал он, – и земля содрогнулась от этого грома.

Джейк вопросительно на него покосился.

– Это из старой баллады, – пояснил Роланд. – Был такой великан, лорд Перт. Он отправился на войну, один против воинства в тысячу человек, но не успел даже покинуть свои владения: один мальчишка швырнул в него камнем. Камень попал в колено. Перт споткнулся, упал под тяжестью своих доспехов и сломал себе шею.

– Похоже на нашу легенду про Давида и Голиафа, – заметил Джейк.

– Он не горел, – сказал Эдди. – Скорее всего, у него просто кончилось горючее и он попытался посадить самолет на дороге. Садился с отказанным двигателем. Он, может быть, был самозванцем и варваром, я уж не знаю, но мужик он был смелый.

Роланд кивнул и повернулся к Джейку.

– Тебе не страшно?

– Да нет. Если бы он был... ну, вы понимаете... если б он умер недавно, тогда, наверное, было бы чуточку страшно. – Джейк оторвал взгляд от мертвого человека в кабине и посмотрел на город. Они подошли совсем близко, и Лад стал виден гораздо отчетливее. Отсюда уже было видно, что в окнах многих высотных домов не хватает стекол, но Джейк, как и Эдди, все-таки не отказался пока от надежды, что им там помогут. – Готов поспорить, что в городе после его кончины все пошло наперекосяк.

– Думаю, ты бы выиграл это пари, – сказал Роланд.

– Знаете что? – Джейк опять повернулся к аэроплану.

– Может быть, те, кто построили этот город, и выпускали свои самолеты, но я все же уверен, что это – один из наших. В школе, еще в пятом классе, я писал реферат по воздушному бою, и мне кажется, я узнаю модель. Можно я посмотрю поближе, а, Роланд? Пожалуйста.

Роланд кивнул.

– Давай только вместе посмотрим.

Они вместе приблизились к аэроплану, утопавшему в высокой траве.

– Вон там, видите? – показал Джейк. – Пулемет под крылом? Это модель с воздушным охлаждением, германского производства. «Фокке-Вульф» называется. Их выпускали перед самым началом второй мировой. Но только что он тут делает?

– Самолеты часто пропадают, – заметил Эдди. – Возьми, например, Бермудский треугольник. Это, Роланд, такое место над одним из наших океанов. Там вообще беспредел творится. Заколдованное прямо место. А, может быть, мне сейчас пришло в голову, это просто здоровая дверь между нашими двумя мирами... дверь, которая открыта всегда. Или почти всегда. – Эдди ссутулился и попытался, весьма, кстати, посредственно, изобразить Рода Стерлинга: – Просьба всем пристегнуть ремни. Мы приближаемся к зоне повышенной атмосферной турбулентности. Наш самолет входит... в зону Роланда!

Джейк и Роланд, которые стояли уже под сохранившимся крылом самолета, даже не повернулись к нему.

– Подсадите меня, Роланд.

Роланд покачал головой.

– Крыло кажется крепким, но оно все прогнило, Джейк... эта штука валяется здесь много лет. Ты упадешь.

– Тогда поднимите меня на руках.

– Давай я, Роланд, – вызвался Эдди.

Роланд лишь на мгновение опустил взгляд на свою изувеченную правую руку, потом небрежно пожал плечами и сплел пальцы в замок:

– Я сам. Он не тяжелый.

Джейк снял кроссовки и легко встал на «ступеньку» из рук Роланда. Ыш залился пронзительным лаем – то ли от возбуждения, то ли от страха, Роланд так и не понял.

Теперь Джейк прижимался грудью к одному из проржавелых закрылков. Повернув голову вправо, он изучал эмблему на крыле. Кулак, сжимающий молнию. С одного края она слегка отслоилась от поверхности крыла. Джейк взялся за этот приподнятый краешек и потянул. Эмблема оторвалась, причем с такой легкостью, что мальчик наверняка бы упал, если бы Эдди не поддержал его за ягодицы.

– Я так и знал, – сказал Джейк. Под оторвавшейся эмблемой открылась еще одна. Свастика. – Просто хотелось проверить. Можете опускать меня, я уже все посмотрел.

Они снова двинулись в путь, и на протяжении всего дня, – стоило

лишь оглянуться, – сзади маячил хвост самолета, поднимающийся из высокой травы, как надгробие лорда Перта.

В тот вечер как раз была очередь Джейка разводить костер. Когда он уложил, наконец, хворост так, чтобы Роланд уже ни к чему не сумел придаться, стрелок протянул ему кремь и кресало:

– Посмотрим, как у тебя получится.

Эдди с Сюзанной сидели с той стороны костра, любовно приобняв друг друга за талии. Сегодня, уже ближе к вечеру, Эдди заметил в траве у дороги какой-то красивый цветок, ярко желтый, и сорвал его для Сюзанны. Она приколотла его к волосам и теперь, каждый раз, когда ее взгляд обращался к Эдди, она улыбалась с сияющими глазами. Роланд все это подмечал. И ему это нравилось. Их любовь стала глубже и крепче. Что ж, хорошо. Она должна быть действительно крепкой, любовь, чтобы сохраниться на долгие годы.

Джейк высек искру, но она, ярко вспыхнув, погасла в нескольких дюймах от растопки.

– Держи огниво ближе к костру, – посоветовал Роланд. – И держи крепче, Джейк. И не дано стучать по кремню. Нужно его царапать.

Джейк попробовал снова, и на этот раз искра попала туда, куда нужно. Впрочем, все равно без толку. В воздух взвилась тоненькая струйка дыма, но огонь так и не разгорелся.

– У меня не выходит, по-моему.

– Ничего, научись. И подумай пока вот над чем: что ночью пляшет, а днем отдыхает?

– Чего?

Роланд придвинул руки Джейка еще ближе к растопке.

– Как я понимаю, такой в твоей книжке нет.

– А-а, так это загадка! – Джейк высек еще одну искру. На этот раз посреди костра вспыхнул крошечный язычок пламени. Правда, он тут же погас. – Вы тоже какие-то знаете, да? Загадки?

– И не просто «какие-то», – отозвался Роланд. – Я знаю их много. А мальчишкой, наверное, знал больше тысячи. Мы специально их изучали.

– Правда? А зачем, интересно, их изучать, загадки?

– Ваннай, мой наставник, говорил, что разгадывание загадок

способствует развитию ума. Что кто научится их разгадывать, тот научится думать неординарно и гибко. Каждую пятницу мы устраивали состязания по загадкам, и тот, кто выигрывал, мог уйти с занятий пораньше.

– И часто, Роланд, тебя отпускали пораньше? – поинтересовалась Сюзанна.

Он покачал головой, пряча улыбку.

– Мне очень нравилась их разгадывать, но у меня не всегда получалось. Честно сказать, чаще – не получалось. Ваннай говорил, это все потому, что я слишком упорно думаю и глубоко копаю. А отец говорил, что мне не хватает воображения. Наверное, оба они были правы... но отец все-таки был ближе к истине. Револьвер я всегда доставал быстрее всех и стрелял лучше всех, но вот насчет того, чтобы неординарно мыслить... у меня с этим было туго.

Сюзанна, которая внимательно наблюдала за тем, как Роланд держал себя со стариками в Речном Перекрестке, подумала, что он себя явно недооценивает. Однако она промолчала.

– Иногда, долгими зимними вечерами, у нас устраивались состязания в большом зале. Если участвовали только младшие, побеждал всегда Алан. Если же состязались взрослые, победителем был неизменно Корт. Он забыл больше загадок, чем их знали мы все вместе взятые, и с каждой ярмарки, где проходили «загадочные» турниры, он всегда приносил гуся. В загадках таится великая сила, и каждый, наверное, знает хотя бы одну или две.

– Даже я, – сказал Эдди. – Вот, например: могут ли трупы сплясать?

– Тьфу ты, гадость, – сморщилась Сюзанна, не в силах, однако, сдержать улыбку.

– Да, если трупы балетные! – торжествующе завопил Эдди и улыбнулся, когда Джейк, рассмеявшись, неловко взмахнул рукой и сбил уложенный для растопки хворост. – Да-да, уважаемые, у меня их в запасе, наверное, миллион!

Роланд, однако, не рассмеялся. Наоборот, он как будто немного обиделся.

– Ты извини меня, Эдди, но это действительно глупая шутка.

– Господи, Роланд, прошу прощения. – Эдди все еще улыбался, но в его голосе явственно слышалось раздражение. – Я все забываю, что чувство юмора тебе отстрелили в этом Крестовом Походе Детей или как там оно у вас называлось.

– Просто я отношусь к ним серьезно, к загадкам. Меня так научили, что способность разгадывать их говорит о здоровом и рациональном уме.

– Ну, все равно они нам не заменят произведений Шекспира или

квадратного уравнения, – примирительно проговорил Эдди. – Я хочу сказать, не будем отвлекаться.

Джейк задумчиво поглядел на Роланда.

– У меня в книжке написано, что загадки – это самая древняя из всех игр, в которую люди играют до сих пор. Я имею в виду, в моем мире. А парень, с которым я разговаривал в книжной лавке, сказал, что загадки – действительно дело серьезное, а не просто так шуточки. Он говорил, что когда-то из-за них убивали.

Роланд смотрел в пространство – в сгущавшийся сумрак.

– Да, – вымолвил он наконец. – Я сам это видел. – Он вспомнил одно состязание на ярмарке, которое закончилось не вручением обычного приза, гуся, а смертью того косоглазого мужичка в шляпе с бубенчиками, который корчился в пыли с кинжалом в груди. С кинжалом Корта. Мужик этот, бродячий певец и акробат, попытался обжудить Корта, стащив у судьи книжку, где на страницах из тонких пластинок коры были записаны все ответы.

– Ой-ой-ой, – выдавил Эдди. – Вы уж меня извините, глупого.

Сюзанна смотрела на Джейка во все глаза.

– А я и забыла... Ведь у тебя с собой книжка с загадками. Можно мне посмотреть?

– Да, конечно. Она у меня в ранце. Правда, там кто-то выдрал страницы с ответами. Наверное, поэтому мистер Тауэр отдал мне ее беспла...

Он умолк, когда чьи-то пальцы больно впились ему в плечо.

– Как, ты сказал, его звали? – переспросил Роланд.

– Мистер Тауэр, – повторил Джейк. – Келвин Тауэр. А я разве не говорил?

– Нет. – Роланд медленно разжал пальцы, отпустив плечо Джейка. – Но теперь, когда ты сказал, я, в общем-то, не удивляюсь.

Эдди открыл ранец Джейка, нашел книжку с загадками и бросил ее Сюзанне.

– Знаешь что, – сказал он, – а мне всегда нравилась эта загадка про трупы. Она, быть может, безвкусная, но забавная.

– Дело даже не в этом, – заметил Роланд. – Она бессмысленная, и у нее нет решения. В общем, глупая это загадка. А у хорошей загадки должен быть смысл. И решение.

– Господи Боже! Да вы, ребята, похоже действительно принимаете это серьезно?!

– Вот именно.

Джейк тем временем снова сложил растопку и старательно высекал искры, думая над загадкой, из-за которой начался спор. Неожиданно он улыбнулся:

– Костер. Правильно я угадал? Костер. Ночью пляшет, а днем отдыхает. Когда темно, мы его зажигаем и пламя пляшет. А днем мы его гасим, и оно вроде как отдыхает. В общем-то, просто.

– Все правильно. – Роланд тоже улыбнулся Джейку, но смотрел он на Сюзанну, которая углубилась в маленькую потрепанную книжку. Глядя на то, как она сосредоточенно морщит лоб, перелистывая страницы, как поправляет рассеянным жестом цветок в волосах, он подумал еще, что, наверное, только она, Сюзанна, способна почувствовать и понять, насколько важной для них может быть эта книжка загадок... вполне вероятно, что даже важнее, чем «Чарли Чу-Чу». Он перевел взгляд с Сюзанны на Эдди, и в нем опять поднялось раздражение, вызванное этой дурацкой его загадкой. Эдди еще кое-в чем напоминал ему Катберта, только в этом их сходство было не самым приятным: иной раз Роланду хотелось встряхнуть его так, чтобы из носа у него пошла кровь, а зубы просто выпали из рта.

«Спокойно, стрелок... спокойно!» – прозвучал у него в голове голос Корта, не то чтобы насмешливый, но ехидный. Роланд решительно отгородился от всех эмоций. Сделать это оказалось не так уж и трудно, особенно если вспомнить, что Эдди иной раз впадает в ребячество и начинает дурить, может быть, сам того не желая. Просто такой у него характер, сформированный отчасти ка, и тут уже ничего не поделаешь. К тому же Роланд прекрасно знал, что Эдди способен не только на идиотские выходки. Теперь, всякий раз, когда он начинал думать иначе, – совершая при этом ошибку, – стрелок вспоминал их ночной разговор на дороге три дня тому назад, когда Эдди обвинил его в том, что он использует их как пешки в своей игре. Тогда это его рассердило... и все-таки Эдди не так уж далек был от истины. Во всяком случае, Роланду стало стыдно.

Эдди, пребывающий, к счастью, в блаженном неведении относительно всех этих сложных Роландовых размышлений, неожиданно объявил:

– Зеленое, весит сто тон и обитает на дне морском – это что?
– Я знаю! – воскликнул Джейк. – Моби Сопля, большой и зеленый кит.
– Идиотизм, – буркнул Роланд себе под нос.
– Да... но поэтому и смешно, – сказал Эдди. – Между прочим, если хочешь знать, шутки тоже развивают ум и приучают мыслить неординарно. Видишь ли... – Увидев, какое лицо у Роланда, он рассмеялся и поднял руки. – Ладно, замяли. Сдаюсь. Ты все равно не поймешь. Даже за тысячу

лет. Давай лучше посмотрим книжку. Я даже попробую отнестись к ней серьезно... но при условии, что сначала мы поедим.

– Не зевай, – выдал Роланд и улыбнулся.

– Чего?

– Это значит, что мы с тобой договорились.

Джейк царапнул кресалом по кремню. Вспыхнула искра, и на этот раз хворост все-таки загорелся. Джейк, довольный, откинулся назад и, поглаживая Ыша по шерстке, принялся наблюдать, как разгорается пламя. Он ужасно собой гордился. Он сумел развести костер... и отгадал загадку Роланда.

3

– Я тоже знаю одну загадку, – сказал Джейк за ужином, когда они поглощали очередную порцию «стрелецких голубцов».

– Такую же глупую? – спросил Роланд.

– Нет. Настоящую.

– Тогда загадывай.

– О'кей. Нету ног, но на месте она не стоит; ложе есть, но не спит; не котел, но бурлит, не гроза, но гремит; нету рта, но она никогда не молчит.

– Да, хорошая загадка, – согласился Роланд. – Только старая. Это река.

Джейк слегка приуныл.

– Вас действительно трудно чем-нибудь озадачить.

Роланд бросил Ышу последний кусок своего «голубца». Ушастик жадно накинулся на угощение.

– Меня-то что! Со мной справиться – «дел на плевок», как сказал бы наш Эдди. Вот видел бы ты Алана! Он собирал загадки, как какая-нибудь девица собирает коллекцию вееров.

– Это «плевое дело», старый ты пень, – поправил его Эдди.

– Спасибо. Вот тебе тоже загадка: Что сначала лежит, а потом встает. Сначала белое, а потом краснеет. Чем больше становится, соком налившись, тем милее оно старушкам?

Эдди разразился безумным хохотом.

– Член! – выкрикнул он сквозь смех. – Фу, Роланд, как грубо! Но мне нравится! Нра-а-а-вится!

Роланд покачал головой.

– А вот и нет. Не угадал. Хорошая загадка – она, бывает, похожа на

головоломку из слов, как та, про реку, которую загадал нам Джейк. Но иногда она больше похожа на ловкий трюк, как у фокусника в балагане. Ты ищешь в одном направлении, а ответ-то совсем в другом.

– Двойная загадка. – Джейк пояснил, что имеет в виду, пересказав им загадку про льва и Самсона и толкование Эрона Дипноу.

– Это не земляника? – спросила Сюзанна и тут же ответила на свой вопрос: – Ну да, земляника. Это как та, про костер, загадка. В ней тоже скрыта метафора. Стоит только понять, в чем метафора, и загадку решить несложно.

– Я просил об интимном свидании, облачая свое предложение в метафоры, но она удалилась, вlepив мне по роже, – грустно продекламировал Эдди. Никто, однако, не обратил на него внимания.

– Если, скажем, заменить «встает» на «растет», – продолжала Сюзанна, – а «лежит» на «лежит в земле», тогда все уже просто. Сначала белая, незрелая... потом краснеет. Наливается соком, становится больше. И старушкам она тоже нравится. Все, наверное, любят ягоды. – Она была явно довольна собой.

Роланд кивнул.

– Вообще-то, ответ – вина, но тоже ягода. Так что все правильно.

Эдди взял книжку с загадками и принялся перелистывать страницы.

– А вот смотри, Роланд, еще загадка: Когда человек – дерево?

– Это что, очередной пример твоего идиотизма? – нахмурился Роланд. – Мое терпение, знаешь ли, не...

– Нет, я обещал тебе быть серьезным, и я абсолютно серьезен... во всяком случае, я пытаюсь. Это загадка из книжки, а я просто знаю ответ. Слышал когда-то в детстве.

Джейк, который тоже знал ответ, заговорщицки подмигнул Эдди. Эдди моргнул в ответ и с изумлением увидел, что Ыш тоже пытается подмигнуть. Он то тарачился, то закрывал оба глаза, пока, наконец, ему не надоело.

Роланд с Сюзанной тем временем думали над загадкой.

– Что-то, наверное, связанное с удивлением, – пробормотал Роланд. – Говорят же еще «стоит столбом»... ошолбенел... когда человек ошолбенел... гмм...

– Гмм, – Ыш в точности повторил задумчивую интонацию стрелка. Эдди опять подмигнул Джейку. Мальчик прикрыл рот рукой, пряча улыбку.

– Может, когда человек удивлен? – неуверенно спросил Роланд.

– Не-а.

– Когда он тупой, – неожиданно и решительно проговорила Сюзанна. –

Когда он тупой, как бревно.

– Опять мимо. – Эдди теперь улыбался уже не таясь.

Джейк, между тем, удивлялся, как далеко они оба ушли от правильного ответа. Наверное, в словах и вправду заключено какое-то волшебство. Не сказать, чтобы что-то совсем уже выдающееся: никаких тебе ковров-самолетов или испаряющихся слонов, – но какое-то волшебство все же было. Неожиданно то, чем они сейчас тут занимались – просто играли в загадки вечером у костра, – предстало перед ним в новом свете. Джейк решил, что все это похоже на жмурки, только вместо темной повязки были слова.

– Сдаюсь, – сказала Сюзанна.

– Я тоже, – кивнул Роланд. – Если вы знаете, то говорите ответ.

– Когда он со сна. Человек – дерево, когда он со сна. Понятно? – Эдди пару мгновений выждал, а когда увидел, что Роланд вроде бы понял, спросил с некоторой опаской: – Ну как, Роланд, неплохо? Я честно пытался на этот раз быть серьезным... нет, правда.

– Очень даже неплохо. Мне, знаешь, понравилось. Корт бы наверняка догадался... и Алан, наверное, тоже... хотя загадка действительно заковыристая. А я совершил ту же ошибку, что и всегда: сходу решил, что загадка сложнее, чем есть, и проскочил мимо правильного ответа.

– В этом действительно что-то есть, правда? – задумчиво произнес Эдди. Роланд кивнул, но Эдди этого не увидел: он смотрел на костер, где в огне расцветали и увядали в мгновение ока десятки пылающих роз.

– Ладно, – сказал Роланд. – Еще одну, и ложимся спать. Только с сегодняшней ночи мы начинаем дежурить. По очереди. Эдди, ты первый, потом – Сюзанна, а потом я.

– А я? – спросил Джейк.

– Тебе тоже, наверное, придется дежурить. Но не сегодня – потом. Тебе надо как следует выспаться, это сейчас важнее.

– Ты действительно думаешь, в этом есть необходимость? – спросила Сюзанна.

– Не знаю. И это – само по себе уважительная причина, чтобы все-таки выставить стражу. Давай, Джейк, выбери что-нибудь из твоей книжки.

Эдди передал книгу Джейку. Тот пролистал ее почти всю и остановился в конце.

– Ого! Ничего себе! Этак недолго мозги сломать!

– Не бойсь, – ободрил его Эдди. – Если я ее не отгадаю, Сьюз точно допетрит. Нас с нею знали на всех больших ярмарках в нашей округе: «Эдди Дин и его Королева Загадок!»

– Сегодня мы остроумны донельзя, – съязвила Сюзанна. – Посмотрим, мой сладенький, что останется от твоего остроумия, когда ты просидишь до полуночи у дороги.

«Его не потрогаешь и не увидишь.
Формы нет у него.
Нет вообще ничего – только имя.
Оно то коротким бывает, то длинным,
И оно всегда с нами:
Во всех разговорах, забавах и играх»,

– прочел Джейк.

Они все бились над этой загадкой минут пятнадцать, но никто не сумел предложить более-менее подходящего варианта ответа.

– Может, кому-то отгадка приснится, – сказал Джейк. – Я именно так разгадал ту загадку, про реку.

– Дешевая книжка с выдранными ответами, – прокомментировал Эдди, вставая и набрасывая одеяло на плечи, как плащ.

– Ну да, дешевая. Мистер Тауэр мне ее просто отдал. За так.

– За чем я должен следить, Роланд? – спросил Эдди.

Роланд, уже улегшийся спать, пожал плечами.

– Не знаю. Но ты, наверное, сам поймешь, когда что-нибудь этакое увидишь или услышишь.

– Если начнешь засыпать, разбуди меня, – попросила Сюзанна.

– Можешь не сомневаться.

Вдоль дороги тянулась канава, густо заросшая травой, и Эдди, поплотнее укутавшись в одеяло, уселся на дальней ее стороне. Пелена облаков, точно тонкая пленка, затянула ночное небо, затуманивая звездный свет. С запада дул сильный ветер. Повернувшись лицом навстречу ветру, Эдди почувствовал явственный запах буйволов, которые теперь безраздельно владели равнинами – смешанный «аромат» влажной горячей шерсти и свежего дерьма. Острота восприятия, которая снова вернулась к нему за эти последние несколько месяцев, была поразительной... а иногда,

как сейчас, например, она просто пугала.

Где-то – совсем уже далеко – жалобно замычал буйволенок.

Эдди уставился в сторону города. Вскоре ему начало казаться, что он различает вдали искорки бледного света – света от электрических свечей, как называли их старики – альбиносы, – хотя он хорошо понимал, что, возможно, там нет ничего и он видит лишь то, что ему очень хочется видеть.

«Ты сейчас далековато от Сорок-второй, приятель... надежда, конечно, крутая штука, что бы там ни говорили, но когда ты начнешь “зарываться” в мечтах, просто напости себе одну вещь: твоя Сорок-вторая улица далеко. Там, впереди, не Нью-Йорк, как бы тебе ни хотелось уверить себя в обратном. Это – Лад, и он вряд ли будет таким, каким ты его представляешь. И если ты будешь помнить об этом, тогда, может быть, ты “прорвешься”».

Чтобы как-то скоротать время дежурства, Эдди опять принялся ломать голову над последней загадкой, которую Джейк нашел в книжке. Нагоняй от Роланда, который тот устроил ему за невинную шутку про трупы, оставил в душе неприятный осадок... неплохо было бы завтра утром выдать им подходящий – хороший – ответ. Они, конечно, не смогут его проверить, потому что страницы с ответами кто-то выдрал, но после сегодняшнего разговора у Эдди сложилось мнение, что хороший ответ у хорошей загадки, как правило, не вызывает сомнений.

«Оно то коротким бывает, то длинным». Для себя Эдди решил, что именно эти слова – ключ к разгадке. А все остальное, возможно – специальные «навороты», уводящие на ложный путь. Что бывает то коротким, то длинным? Штаны, может быть? Нет. Штаны действительно бывают короткими или длинными, но он ни разу не слышал, чтобы штаны принимали участие в разговорах. К тому же, их можно увидеть и можно потрогать. Истории? Тоже бывают короткими или длинными, но, как и штаны, подходят только под это определение. Выпивка тоже бывает короткой и затяжной...

– Заказ, – пробормотал он себе под нос и сам уверился на мгновение, что нашел ответ, хотя прилагательные «короткий» и «длинный» подходили к данному слову с большой натяжкой. «Длинный» заказ – дело сложное и требует многих усилий, особенно если в заказе преобладают спиртные напитки; «короткий» заказ можно сделать в любой забегаловке, если вы очень торопитесь... гамбургер, например, или сэндвич с тунцом. Но, опять же, ни «долгая» выпивка, ни гамбургер не участвуют в разговорах и играх. А вроде бы так оно складно шло...

Он даже сплюнул от разочарования и тут же улыбнулся себе: чего, спрашивается, психовать из-за какого-то безобидного каламбурчика из детской книжки?! И тем не менее Эдди вдруг сообразил, что теперь ему легче поверить в то, что люди действительно убивали друг друга из-за загадок... особенно, если ставки в этой игре были достаточно высоки и какой-нибудь умник пытался смухлевать.

«Не заводишься... ты сейчас повторяешь ошибку Роланда: погружаешься в дебри и проскакиваешь мимо правильного ответа».

Но, с другой стороны, надо же чем-то заняться.

В этот момент в городе снова грохнули барабаны, и все мысли Эдди, естественно, обратились к этому непонятному феномену. Грохот возник как-то сразу: только что его не было вовсе, и вот он звучит уже в полную силу, как будто кто-то нажал на кнопку включения. Эдди вышел к обочине и, повернувшись в сторону города, стал прислушиваться. Через пару секунд он оглянулся, чтобы проверить, не разбудили ли барабаны его товарищей. Но все спали. Он был один. Эдди опять повернулся к Ладу и приложил ладони к ушам, чтобы лучше слышать.

«Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум».

«Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум».

Теперь Эдди уверился окончательно, что его первоначальное предположение подтвердилось. Эту загадку, во всяком случае, он разгадал.

«Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум».

Сама мысль о том, что он стоит на пустынной дороге в почти опустевшем, безлюдном мире, милях в ста семидесяти от города, построенного в незапамятные времена какой-то мифической исчезнувшей цивилизацией, и слушает рок-н-рольную партию для ударных... бред сивой кобылы, но, с другой стороны, чем «бредовее» древнего светофора, из которого со звоном вываливается зеленый флажок с надписью «ИДИТЕ», или немецкого самолета тридцатых годов?

Эдди шепотом напел припев из «Зи-Зи Топовской» песенки:

«Чтоб залепить этот шов на шикарных твоих штанах,

У тебя есть та самая липкая бяка.

О да, да, да...»

Слова идеально ложились на ритм барабанов. Попсовая версия партии для ударных из «Велкро Флай». Эдди больше не сомневался.

Вскоре звук оборвался так же внезапно, как и начался. Остался только

шум ветра и – вдалеке – плеск реки Сенд, у которой есть ложе, но которая никогда не спит.

Следующие четыре дня прошли безо всяких особых событий. Путешественники шли вперед, глядя на мост и город, которые становились все больше и проступали отчетливее с каждой милей; останавливались ближе к ночи, разбивали лагерь; ели «стрелецкие голубцы»; загадывали друг другу загадки; поочередно несли дежурство (Джейк все-таки уговорил Роланда и теперь тоже стоял на страже: два часа перед самым рассветом) и спали. Единственный случай, достойный упоминания, произошел ближе к полудню на третий день после того, как они набрели на разбившийся аэроплан.

Путешественники слышали жужжание. Оно становилось все громче и громче и заглушило, в конце концов, все остальные звуки. Роланд остановился и показал в направлении эвкалиптовой рощи:

– Вон там.

– Похоже на пчел, – заметила Сюзанна.

Глаза стрелка – голубые, как будто повыцветшие – разгорелись.

– Не исключено, что сегодня на ужин у нас будет знатный десерт.

– Не знаю, как и сказать тебе, Роланд, – выступил Эдди, – но мне почему-то не нравится, когда меня кто-то кусает.

– Кому ж это понравится?! – согласился Роланд. – Но ветра сегодня нет, так что, мне кажется, можно будет спокойненько окурить их дымом до полусонного состояния, а потом забрать соты и не устроить при этом пожар на полмира. Давайте посмотрим.

Он поднял Сюзанну с коляски и понес ее к роще. Сюзанна, надо сказать, тоже жаждала приключения, не меньше, чем сам стрелок. Эдди с Джейком опасливо поплелись следом, а Ыш, очевидно, решивший, что осторожность есть наивысшая добродетель отважных, остался сидеть на обочине Великого Тракта, тяжело, по-собачьи дыша и внимательно наблюдая за людьми.

На опушке рощицы Роланд остановился.

– Вы оставайтесь здесь, – велел он Джейку и Эдди, понизив голос. – А мы сходим посмотрим. Если там все нормально, я вас позову.

С Сюзанною на руках стрелок скрылся в тени деревьев, прорезанной

пятнами солнечных бликов, а Эдди с Джейком остались стоять на солнцепеке, глядя им вслед.

В тени было заметно прохладнее. Равномерное жужжание пчел навевало сонливость.

– Их слишком много, – тихонько заметил Роланд. – Сейчас конец лета. Они должны собирать пыльцу, а не в улье жужжать. Я не пони...

Он умолк, заметив пчелиный улей, свисающий, точно раздутая опухоль, из дупла дерева в центре поляны.

– Что это с ними? – спросила Сюзанна тихим испуганным голосом. – Роланд, что с ними такое?

Пчела, толстая и медлительная, точно овод в октябре, пролетела мимо ее головы. Сюзанна испуганно отшатнулась.

Роланд жестами показал Эдди и Джейку, чтобы они подошли. Все четверо замерли, молча глядя на улей. Соты его представляли собой не правильные шестиугольники, как должно было быть, а дыры всех форм и размеров, расположенные в совершеннейшем беспорядке. Сам улей выглядел так, как будто расплавился под паяльной лампой. Вялые пчелы, лениво переползающие по нему, были белыми точно снег.

– На сегодня десерт отменяется, – заключил Роланд. – То, что мы извлечем оттуда, на вкус, может быть, сладкое, но наверняка ядовитое.

Одна из уродливых белых пчел тяжело прожужжала у Джейка над головой. Он пригнулся с выражением искреннего отвращения.

– Что с ними случилось? – спросил Эдди Роланда. – Из-за чего они стали такими?

– Из-за того же, что опустошило весь этот край. Из-за чего многие здешние буйволы до сих пор еще рождаются стерильными уродцами. Я слышал много тому названий: Древняя война, Великий пожар, Перелом, Катаклизм и Великая порча. Я не знаю, что это было на самом деле, но с той поры и начались все наши беды, и случилось это давным-давно, за тысячу лет до того, как пра-пра-прадеды стариков из Речного Перекрестка появились на свет. Физические последствия: двухголовые буйволы, белые пчелы и все такое, – с течением времени сходят на нет. Я сам кое-что видел и знаю. Но есть и другие последствия. Они гораздо серьезней, хотя их труднее заметить, и они, эти страшные перемены, продолжаются до сих пор.

Они постояли еще немного, глядя на ползающих белых пчел – заторможенных, оцепеневших, беспомощных. Некоторые пытались работать, но большинство просто тыкалось из стороны в сторону, сталкиваясь головами и переползая друг через друга. Эдди вспомнился

один сюжет из программы новостей. Там показывали толпу людей, которые выбирались из зоны взрыва. Дело было в каком-то маленьком городке в Калифорнии. Взорвался газопровод. Взрывной волной снесло почти целый квартал. Пчелы напоминали ему тех несчастных – обалдевших, ошеломленных.

– Так у вас была ядерная война? – спросил он, и вопрос прозвучал едва ли не как обвинение. – Эти ваши Великие Древние, о которых ты так часто упоминаешь... взорвали, значит, ко всем чертям свои великие древние задницы. Я правильно излагаю?

– Я не знаю, что у них произошло. Никто не знает. Записи тех времен не сохранились, а то немного, что до нас дошло в виде устных легенд, весьма запутано и противоречиво.

– Пойдемте отсюда, – голос у Джейка дрожал. – Не могу я на них смотреть – меня сейчас точно стошнит.

– Нас вместе стошнит, мой хороший, – сказала Сюзанна.

Они ушли прочь с поляны, оставив белесых пчел доживать их бесцельную и бесполезную жизнь в роще древних деревьев, а вечером ужинали без меда.

6

– Так когда же ты все-таки нам расскажешь все? Все, что знаешь? – первым делом спросил Эдди на следующее утро. День выдался ясным, безоблачным и погожим, но в воздухе ощущалась прохлада; скоро наступит осень – их первая осень в этом мире.

Роланд поднял глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Хотелось бы все-таки выслушать всю историю целиком, от начала и до конца – всю историю твоей жизни. Начиная, скажем, с Гилеада. Как ты там вырос, как вообще... что послужило причиной того, что ты покинул свою страну. Я хочу знать, откуда ты знаешь про Темную Башню и почему вдруг решил отыскать ее. Я хочу знать про твоих друзей. Тех, кто были с тобой вначале. Я хочу, чтобы ты рассказал, что с ними произошло.

Роланд снял шляпу, вытер пот со лба и надел ее снова.

– Да, у вас есть право знать обо всем, и я обязательно вам расскажу... но потом, не сейчас. Это долгая история. Я никогда не думал, что мне придется кому-то ее рассказывать... но, как видно, придется. Хотя бы раз.

- Но когда? – не унимался Эдди.
- Когда придет время, – неопределенно ответил Роланд, и этим им пришлось удовольствоваться.

Роланд проснулся за миг до того, как Джейк принялся трясти его за плечо. Он сел рывком и огляделся по сторонам, но Эдди с Сюзанной по-прежнему крепко спали, а в бледном свечении раннего утра он не заметил ничего такого, из-за чего стоило бы поднимать тревогу.

– Что такое? – спросил он у Джейка, понизив голос.

– Я не знаю. Похоже, стреляют. Идемте послушайте.

Отбросив в сторону одеяло, Роланд встал и направился следом за Джейком к дороге. По примерным его расчетам, им оставалось не больше трех дней пути до того места, где воды Сенда подступали вплотную к городу. Мост – выстроенный строго вдоль «дорожки» Луча – теперь отчетливо выступал на горизонте, загораживая перспективу. Его очевидный крен стал намного заметнее. С этого расстояния уже можно было отчетливо различить дюжину, если не больше, дыр в тех местах, где железные тросы, натянутые слишком туго, полопались, точно струны на лире.

В ту ночь, если стоять лицом к городу, ветер дул прямо в лицо, и звуки, которые он доносил оттуда, были хотя и слабыми, но вполне различимыми.

– Ну что? Стреляют? – уточнил Джейк.

Роланд кивнул и поднес палец к губам.

Он слышал неясные крики, грохот – как будто обрушилось что-то огромное типа стены или целого дома – и, разумеется, барабаны. Через пару секунд грохот раздался опять, но на этот раз звук был чуть-чуть поприятней: звон разбившегося стекла.

– Ого! – прошептал Джейк и подвинулся поближе к стрелку.

А потом ветер донес до них звуки, которых Роланд хотя и ждал, но все же надеялся, что не услышит: сухая скороговорка огнестрельной очереди, за которой последовал глухой грохот – вне всякий сомнений, какой-то взрыв. Он прокатился по плоским равнинам, словно невидимый шар в кегельбане. После этого крики, стрельба и все остальные звуки утихли. Остался лишь барабанный бой, а когда оборвался и он – как обычно, внезапно до жути, – город опять погрузился в безмолвие. Только теперь тишина затаила в себе неприятный оттенок какого-то напряженного

ожидания.

Роланд приобнял Джейка за плечи.

– Еще не поздно пойти в обход, – сказал он.

Джейк поднял глаза:

– Нет, нам так нельзя.

– Из-за поезда?

Джейк кивнул и произнес нараспев, как будто читая стихи:

– Блейн – это боль, но мы все равно должны ехать на этом поезде. А сесть на него можно только в городе. Только там.

Роланд задумчиво поглядел на Джейка.

– Почему ты сказал «должны»? Из-за ка? Видишь ли, Джейк, я хочу, чтобы ты усвоил: пока что ты знаешь о ка очень мало – чтобы познать его до конца, иной раз не хватает и целой жизни.

– Не знаю, как это или нет, но одно я знаю наверняка: без защиты нам нечего и соваться в пустынные земли, а защиту нам может дать только Блейн. Без него мы умрем, как умрут, когда будет зима, эти пчелы, которых мы видели на поляне. Нам просто необходима защита. Потому что пустынные земли отравлены.

– Откуда ты все это знаешь?

– Не знаю! – едва ли не в раздражении воскликнул Джейк. – Я просто знаю, и все!

– Ну хорошо, хорошо, – успокоил его Роланд и опять повернулся в сторону Лада. – Но нам надо действовать осторожно. Плохо, конечно, что у них до сих пор сохранился порох. Если у них есть порох, значит, у них могут быть вещи и помощнее. Мне что-то сомнительно, что они знают, как обращаться с таким оружием, но так, может быть, даже опаснее. Кто его знает, а вдруг они, что называется, войдут в раж и взорвут нас всех к чертовой матери.

– Атери, – раздался откуда-то сзади серьезный голос. Оглянувшись, они увидели Ыша, который сидел на обочине и внимательно наблюдал за ними.

В тот же день, ближе к вечеру, они набрали на другую дорогу, которая, протянувшись с запада, сливалась с Великим Трактом. От этой развилки Великий Тракт – который теперь стал шире и делился посередине

продольным разграничителем, сделанным из какого-то темного камня – шел под уклон, а крошащиеся от времени бетонные ограждения, поднимавшиеся по обе стороны от дороги, вызывали у путников чувство, похожее на клиническую стадию клаустрофобии. Наконец они остановились напротив пролома в этой бетонной стене, откуда им открывался приятный и утешительный вид на равнину, и наскоро, без аппетита перекусили.

– Почему, интересно, они так сделали, чтобы дорога спускалась? – спросил Джейк у Эдди. – Я хочу сказать, это специально ее так построили или как?

Эдди задумчиво поглядел через пролом в стене, за которым раскинулась плоская, как и везде, равнина, и молча кивнул.

– Тогда почему?

– Не знаю, дружище, – ответил Эдди, хотя, кажется, и догадывался, в чем тут дело. Поглядев на Роланда, он понял, что тот тоже знает причину. Дорога, идущая под уклон – сверху вниз – к мосту, служила как бы дополнительным оборонительным сооружением. Вооруженный отряд, укрывшийся за бетонными стенами, мог без труда контролировать сразу оба редута, сконструированных во всех отношениях продуманно. Если бы защитникам города вдруг по каким-то причинам не приглянулся народ, приближающийся по Великому Тракту к Ладу, они со своих укрепленных позиций разбили бы этих незваных пришельцев, что называется, в пух и прах.

– Вы правда не знаете? – не унимался Джейк.

Эдди улыбнулся ему, упорно стараясь не думать о том, что какой-нибудь псих может сидеть за бетонной стеной и сейчас, готовый в любой момент сбросить на них большую ржавую бомбу.

– Без понятия.

Сюзанна тихонько, сквозь зубы, присвистнула.

– Это, Роланд, дорога в ад. А я-то надеялась, что мы распрощались уже в этой дурацкой шлейкой, но, похоже, придется извлечь ее снова.

Он молча кивнул и полез в свой мешок.

Состояние Великого Тракта все ухудшалось по мере того, как другие – поменьше – дороги вливали в него, точно в реку притоки. Ближе к мосту булыжная мостовая сменилась покрытием, которое Роланд принял за металл, а остальные – за обыкновенный асфальт. Оно сохранилось не так хорошо, как булыжник, и не столько даже под разрушительным влиянием времени, сколько из-за бесчисленных всадников и повозок, проехавших здесь с тех пор, как дорогу чинили в последний раз. Вся поверхность

дороги теперь представляла собой предательски зыбкое месиво. Даже идти по ней было непросто, не говоря уж о том, чтобы катить здесь коляску Сюзанны. Об этом вообще не могло быть и речи.

Бетонные стены по обеим сторонам от дороги становились все круче. Теперь у них наверху, вырисовываясь четкими силуэтами на фоне неба, торчали какие-то тонкие заостренные штуки. Роланду они напоминали наконечники стрел, громадных таких стрел, годных разве что для великанов; его спутникам – боевые ракеты или управляемые реактивные снаряды. Сюзанне представились почему-то ракеты «Редстоунз», запускаемые с мыса Канаверал; Эдди подумал об обычных «зенитках», разбросанных по всей Европе и предназначенных к запуску с кузова грузовика; Джейк – о межконтинентальных баллистических, МБР-ах, упрятанных где-нибудь в бункерах, в глухомани, на безлюдных равнинах Канзаса или в малонаселенных горах Невады и запрограммированных на ответный удар по Китаю или СССР в случае ядерного армагеддона. Все они чувствовали себя так, как будто вступили в темную и печальную зону мрака или вдруг оказались в какой-нибудь местности, над которой довлеет давнее, но все еще не потерявшее силу проклятие.

Через пару часов после того, как они вошли в эту мрачную зону – про себя Джейк назвал ее Прогоном – бетонные стены закончились в точке, где, точно нити в центре паутины, сходились с полдюжины подъездных дорог и где местность опять открывалась широким простором... к несказанному облегчению всех четверых, хотя никто из них не сказал бы об этом вслух. Над перекрестком висел еще один светофор, который больше, чем первый, напоминал устройства, знакомые Эдди, Сюзанне и Джейку. Когда-то на всех четырех его сторонах были стекла, давным-давно выбитые.

– Готова поклясться, когда-то эта дорога считалась восьмым чудом света, – сказала Сюзанна. – А посмотреть на нее теперь! Не дорога, а минное поле какое-то!

– Старый путь иногда – самый лучший путь, – согласился Роланд, может быть, несколько невпопад.

Эдди показал пальцем на запад:

– Смотрите.

Теперь, когда им не мешали бетонные стены, путешественники увидели наконец то самое, о чем говорил старый Си за чашечкой горького кофе. «Не пути даже, а путь. Один путь, – сказал он тогда. – проходит он по высокой насыпи из рукотворного камня, из которого Древние строили улицы и дома». Рельс, протянувшийся с запада, приближался к дороге прямой тонкой линией и, пересекая реку, уходил в город по золоченой

узенькой эстакаде. Это простое, но вместе с тем элегантное сооружение – единственное из всего здесь увиденного, не было тронута ржавчиной, но даже в нем наблюдались серьезные повреждения. Примерно на полпути над рекой отсутствовал длинный кусок эстакады – она просто обрушилась в воду. То, что осталось от разорванного моста, напоминало два пальца, направленные обвиняюще друг на друга. Из воды под проломом торчала какая-то длинная металлическая труба. Когда-то она была ярко синей, но теперь краска поблекла под расплзшимися чешуйками ржавчины. На таком расстоянии труба казалась совсем небольшой.

– Вот и абзац их Блейну, – заметил Эдди. – Не удивительно, что они его больше не слышат. Опоры в конце концов дали дуба, как раз когда поезд ехал над рекой, и Блейн отправился на водопой. Он, наверное, тормозил, когда это случилось, иначе его бы вынесло чуть вперед и мы бы теперь лицезрели большую воронку на том берегу, как от взрыва. Ну что ж, он действительно был выдающимся чуваком, пока не почил тут в бозе.

– Мерси говорила, что был еще один поезд, – напомнила ему Сюзанна.

– Ну да. Только она еще говорила, что не слышала его уже лет семь-восемь, а тетушка Талита подсчитала: все десять. А ты как думаешь, Джейк... Джейк? Земля вызывает Джейка, земля вызывает Джейка, прием, прием!

Джейк, который не отрываясь смотрел на утонувший поезд, только неопределенно пожал плечами.

– Спасибо, Джейк, ты нам очень помог, – съязвил Эдди. – Всегда у тебя наготове какой-нибудь дельный совет – вот за что я тебя и люблю. За это мы все тебя любим.

Джейк никак на это не прореагировал. Он знал: этот поезд в реке – не Блейн. Потому что он синий, то есть, когда-то был синим, а Блейн... Блейн розовый. Того же сахаристо-пыльного оттенка, что и жвачка со вкладышами про бейсбол. Во всяком случае, он таким был в его сне.

Роланд тем временем закрепил на груди ремни «шлейки», на которой он переносил Сюзанну.

– Эдди, будь добр, подсади свою леди на эту штуковину. Нам пора двигать. Хочется, знаешь ли, рассмотреть все поближе.

Джейк оторвал взгляд от синего поезда и нервно взглянул на маячивший впереди мост. Оттуда, но призрачно, словно издалека, доносился высокий посвист – гул ветра в прогнивших креплениях, соединяющих верхние тросы с бетонным настилом.

– Вы думаете, не опасно там будет переходить? – спросил он.

– Завтра увидим, – ответил Роланд.

Уже на следующее утро путешественники вышли к мосту и остановились у самого края, глядя на Лад. Мечты Эдди о мудрых эльфах, хранящих знания и древнюю технологию, которые могли бы весьма пригодиться «измученным путникам», постепенно иссякли. Теперь, когда они подошли поближе, он разглядел прорехи в городском пейзаже – темные дыры на месте сгоревших или взорванных кварталов. Ломаная линия горизонта напоминала ему челюсть истлевшего трупа, из которой выпали зубы.

Да, многие здания еще сохранились, но вид у них был весьма плачевный: мрачный и явно нежилой, – отчего даже Эдди пришел в уныние, обычно ему не свойственное. Мост, отделявший сейчас путешественников от этого полуразрушенного лабиринта из бетона и стали, вовсе не производил впечатление крепкого и надежного сооружения, выстроенного на века. Слева его вертикальные тросы безвольно обвисли; тросы справа, казалось, звенели от напряжения. Настил представлял собой ряд полых бетонных плит, обтесанных в виде трапеций, причем какие-то плиты торчали едва ли не вертикально, обнаруживая свои темные и пустые внутренности, а какие-то завалились набок. Большинство их всего лишь потрескались, но были там и такие, которые полностью раскрошились, и на их месте зияли дыры, куда запросто мог провалиться целый грузовик – большой грузовик. Сквозь эти дыры проглядывали грязный берег и серовато-зеленые воды Сенда. Эдди прикинул, что посередине моста расстояние между водой и настилом составляет не меньше трех сотен футов. И это еще весьма сдержанная оценка.

Взглянув на громадные бетонные кессоны, к которым крепились верхние тросы, Эдди еще про себя отметил, что правый кессон, похоже, был наполовину выворочен из земли. Он решил, что лучше не заострять внимание своих друзей на этом весьма неприятном факте: достаточно уже того, что мост раскачивался из стороны в сторону – не очень сильно, но все же заметно. От одного только взгляда на это его стало слегка подташнивать.

– Ну? – спросил он Роланда. – Что скажешь?

Роланд показал на правую сторону моста. Там тянулась накренившаяся пешеходная дорожка шириною примерно в пять футов. Она проходила поперху небольшого возвышения, сложенного из бетонных плит, и

представляла собою, по сути, отдельный настил, который крепился на нижнем тросе – или, может быть, на толстом стальном стержне, – подвешенном к главным несущим тросам с помощью громадных изогнутых скоб. Эдди с живым интересом занялся изучением ближайшей из них, как это делает человек, которому скоро придется доверить свою драгоценную жизнь изучаемому объекту. Скоба, хотя и проржавевшая, казалась достаточно крепкой. На поверхности он разглядел заводское клеймо: «ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА», – и с изумлением сообразил, что он уже не в состоянии различить, сделана надпись на Высоком слоге или на простом английском.

– Мне кажется, он нас выдержит, – сказал Роланд. – В общем-то, он ничего – там только одно ненадежное место. Видите?

– Да уж... трудно его не заметить.

Мост – длиною примерно в три четверти мили – не ремонтировался, наверное, как следует тысячу лет, если не больше, но по мнению Роланда, основной ущерб был ему причинен лишь за последние лет пятьдесят. Когда полопались правые тросы, мост накренился влево. С годами крен становился все больше и больше, причем наибольший изгиб пришелся примерно на середину моста, между двумя крепежными башнями высотой в четыреста футов каждая. В точке, где напряжение изгиба достигало предельной величины, в бетонном настиле зияла дыра в форме глаза. Провал в пешеходной дорожке был уже, но тем не менее и в ней не хватало по крайней мере двух смежных секций, так что расстояние между краями «прорехи» составляло футов двадцать, когда не все тридцать. Под тем местом, где когда-то стояли упавшие плиты, был отчетливо виден стальной проржавевший стержень или, может быть, трос, на котором крепилась дорожка. По этому тросу – или, может быть, стрелю – им и придется идти, иначе им просто не перебраться через провал.

– Да, мы вполне можем здесь перейти, – невозмутимо заметил Роланд. – Провал этот, конечно, не самое лучшее место для пешей прогулки, но перила, я вижу, на месте, так что нам будет хотя бы за что держаться.

Эдди кивнул, стараясь выглядеть спокойным, хотя сердце бешено колотилось в груди. Обнаженный трос, на котором держалась дорожка, с виду напоминал трубу, сделанную из стальных сегментов. Ширина его в верхней части составляла не более четырех футов. Его богатое воображение тут же нарисовало заманчивую картину, как они будут перебираться через этот провал: ноги, что называется, в раскоряку, тело немного клонится назад для поддержания равновесия, руки цепляются за

поручни, а мост тем временем ходит туда-сюда, медленно, но ощутимо, как корабль при слабой качке.

– Господи, – выдохнул он и попытался сплюнуть, но ничего у него не вышло. В горле совсем пересохло. – А ты уверен, Роланд?

– Как я понимаю, другого пути просто нет, – Роланд вытянул руку, указывая вниз по течению реки, и Эдди увидел еще один мост. Вернее, не мост, а его опоры – сам мост давным-давно рухнул в Сенд. Остатки его торчали из воды ржавым сплетением древних стальных деталей.

– А ты что думаешь, Джейк? – осведомилась Сюзанна.

– А-а, какие проблемы?! – отмахнулся Джейк, при этом даже улыбаясь.

– Я тебя ненавижу, пацан, – сказал Эдди.

Роланд с некоторой тревогой покосился на Эдди.

– Если ты чувствуешь, что не сможешь, лучше скажи сейчас. Будет хуже, если пройдя половину пути, ты застрянешь там на середине.

Эдди еще раз с тоской оглядел изогнутый настил моста, а потом кивнул:

– Думаю, я осилю. Вообще-то я как бы боюсь высоты, но я справлюсь.

– Хорошо. – Роланд обвел взглядом всех троих своих спутников. – Раньше начнем, раньше кончим. Я пойду первым, с Сюзанной. Потом – Джейк. Потом – Эдди. С коляской-то справишься?

– А-а, какие проблемы?! – процитировал Эдди Джейка, борясь с острым приступом головокружения.

– Тогда вперед.

Как только Эдди ступил на пешеходную дорожку, страх накрыл его липкой волной – хлынул, как ледяная вода в пересохший колодец, – и он начал смутно подозревать, что совершил опаснейшую ошибку. Тогда, на твердой земле, ему представлялось, что мост качается только чуть-чуть, но теперь Эдди казалось, что он стоит на большом таком маятнике самых больших часов в мире. Мост качался хотя и медленно, но постоянно, в размеренном ритме, и амплитуда его колебаний оказалась гораздо больше, чем ему представлялось сначала. Поверхность дорожки пестрела трещинами и заметно кренилась влево, градусов на десять, не меньше. Ноги скользили по бетонному крошеву, каждый шаг отзывался противным скрипом трущихся друг о друга плит. С той стороны моста ломаные

очертания города качались медленно туда-сюда, словно искусственный горизонт самой медлительной в мире видео-игры.

Наверху, в туго натянутых тросах, скулил непрерывный ветер. Под ногами земля обрывалась крутым – северо-западным – берегом Сенда. Эдди прошел тридцать футов... потом шестьдесят... сто десять. Скоро он будет уже над водой. При каждом шаге о левую ногу его ударялась коляска Сюзанны.

Между ног у него проскочило что-то стремительное и лохматое. Правой рукой Эдди судорожно вцепился в ржавые перила, едва сдержав крик. Мимо протрусил Ыш, подняв на ходу острую мордочку, словно говоря: «Прошу прощения – иду на обгон, никого не трогаю».

– Гребаная ты зверюга, – процедил Эдди сквозь зубы.

Он неожиданно обнаружил, что хотя смотреть вниз ему было ужасно противно, еще противнее было глядеть наверх, на стальные канаты, еще как-то скреплявшие верхние тросы с настилом. Кое-где сквозь толстенный слой ржавчины, покрывающий тросы, проступали пучки металлических нитей – как будто куски стальной ваты. Его дядя Рег, маляр по профессии, который в свое время красил и мост Вашингтона, и мост Триборо, как-то ему разъяснил, что несущие тросы и скрепляющие канаты «сплетены» из тысяч стальных нитей. Здесь, на этом дурацком мосту, эта «плетенка» уже рвалась. Вертикальные тросы начали расплетаться – в буквальном смысле, – и отдельные нити лопались от перегрузок одна за другой.

«Если уж он не свалился до этого, то с чего бы ему “навернуться” теперь? Ты считаешь, он должен обрушиться в реку потому только, что ты сейчас по нему шагаешь? Не льсти себе».

Эти мысли, однако, не принесли желанного облегчения. Нельзя, конечно, знать наверняка, но Эдди был почему-то уверен, что за последние несколько десятилетий они были первыми, кто решился перейти на ту сторону по мосту. К тому же, когда-то он должен обрушиться, мост, и, судя по жалкому его виду, это случится уже в обозримом будущем. Может быть, их совокупный вес и станет той самой соломинкой, что сломала верблюду хребет.

Он споткнулся о кусок бетона и замер на месте, глядя – при этом борясь с подступающей тошнотой, но не в силах оторвать взгляд, – как камешек падает вниз, вниз и вниз, кувыркаясь в полете. Потом раздался слабый всплеск – очень слабый, – это камень ударился о поверхность воды. Порыв студеного ветра прижал рубашку к вспотевшей коже. Мост стонал и качался. Эдди попробовал оторвать руки от перил, но они как будто примерзли к ржавому металлу.

На мгновение Эдди закрыл глаза. «Ты здесь не застрянешь. Ты здесь не застрянешь. Я... я тебе запрещаю. Если тебе обязательно нужно на что-то смотреть, смотри лучше на эту длинную образину по имени Роланд». Эдди открыл глаза, сфокусировал взгляд на стрелке, заставил себя разжать руки и снова двинулся вперед.

Роланд оглянулся, остановившись у края провала посередине моста. Джейк встал в пяти футах за ним. Следом за Джейком – Ыш. Ушастик весь съежился, припав к плитам настила и вытянув шею вперед. Над рекой, на открытом пространстве, ветер усилился. Роланд видел, как ветер шевелит шелковистую шерстку на спинке зверька. Эдди заметно отстал и колупался теперь футах в двадцати пяти позади Джейка. Лицо его было напряжено, оно даже как будто осунулось, но он тем не менее продвигался вперед, волоча за собой сложенную коляску Сюзанны. Коляску он держал левой рукой, а правой рукой мертвой хваткой вцепился поручень.

– Сюзанна?

– Да, – мгновенно отозвалась она. – Я в порядке.

– Джейк?

Мальчик поднял глаза на стрелка. Он по-прежнему улыбался, так что Роланд лишний раз убедился, что с Джейком проблем не возникнет. Мальчишка, похоже, тащился. Еще бы – с такого-то приключения! Ветер сдувал непослушные пряди с его чистого и красивого лба. Глаза у него сверкали. Он ничего не сказал, только поднял большой палец кверху. Роланд улыбнулся и ответил ему тем же жестом.

– Эдди?

– Обо мне не волнуйся.

Эдди как будто смотрел в его сторону, но Роланд решил, что на самом деле он смотрит не на него, а на кирпичные здания без окон, лепящиеся друг к другу на том берегу – на дальнем конце моста. Все правильно: с учетом его очевидной высотобоязни, это, наверное, лучшее, что сейчас можно сделать, чтобы уберечься от страха и сохранить хладнокровие.

– Ладно, как скажешь, – пробормотал Роланд. – Сейчас мы попробуем перебраться через эту дыру, Сюзанна. Главное, не напрягайся. И никаких резких движений. Понятно?

– Понятно.

– Если хочешь устроиться поудобнее, сделай это сейчас.
– Мне удобно, Роланд, – спокойно проговорила она. – Я только за Эдди волнуюсь.
– Эдди теперь стрелок. И он будет вести себя соответственно.
Роланд повернулся право, лицом по течению реки, взялся за перила и медленно двинулся по проржавелому тросу, огибая провал.

12

Джейк подождал, пока Роланд с Сюзанной не дойдет почти до конца провала, и тоже ступил на трос. Ветер не унимался, мост качался туда-сюда, но мальчик вовсе не переживал. Если честно, он просто тащился. В отличие от Эдди он никогда не боялся высоты: ему нравилось просто быть здесь, откуда ему открывался вид на реку, что змеилась как лента из стали под небом, на котором уже появлялись первые облака.

Где-то на полпути между краями провала (Роланд с Сюзанной уже благополучно его миновал и стоял теперь на пешеходной дорожке, наблюдая за остальными) Джейк оглянулся, и сердце его ушло в пятки. Обсуждая свое прохождение по мосту, они совершенно забыли еще одного полноправного члена их маленького отряда. На дальнем краю пролома, там, где кончалась дорожка, сидел, сжавшись в комочек, Ыш. Ушастик, явно напуганный, обнюхивал место, где обрывалась бетонная кладка, а дальше тянулся лишь перекрученный ржавый трос.

– Иди ко мне, Ыш! – позвал Джейк.

– Ыш! – твякнул ушастик в ответ, и голос его дрогнул почти по-человечески. Он вытянул длинную свою шею по направлению к Джейку, но с места не сдвинулся. В огромных глазах с золотым ободком затаился страх.

Налетел очередной порыв ветра. Мост застонал и качнулся. что-то звякнуло над головой у Джейка – звук гитарной струны, которую натягивали до тех пор, пока она, наконец, не лопнула. С ближайшего вертикального троса сорвалась стальная нить, едва не расцарапав ему щеку. В десяти футах, у самого края провала, сидел, съежившись, бедный Ыш, не сводивший с Джейка испуганных глаз.

– Давай! – крикнул Роланд. – Иди сюда, Джейк! Ветер усиливается!

– Ыша я не оставлю!

Джейк осторожно двинулся обратно. Но не успел он сделать и двух

шагов, как Ыш с опаской ступил на держащий стержень. Когти зверька на концах напряженных и полусогнутых лапок царапали закругленную металлическую поверхность. Эдди, сам стоящий теперь на краю провала, чувствовал себя абсолютно беспомощным. Он был до смерти перепуган.

– Молодец, Ыш! – подбадривал Джейк ушастика. – Иди ко мне!

– Ыш-Ыш! Эйк-Эйк! – выкрикнул зверек и, быстро перебирая лапками, засеменил по стержню. Он уже был рядом с Джейком, как вдруг опять налетел порыв предательского ветра. Мост покачнулся. Ыш судорожно выпустил когти, но ему было не за что зацепиться на гладкой поверхности стержня. Задние лапы его соскользнули и повисли в воздухе, беспомощно трепыхаясь – передними он цеплялся за стержень, не находя подходящей опоры.

Джейк отпустил перила и бросился ему на помощь, не видя перед собой ничего, кроме испуганных глаз с золотым ободком.

– Нет, Джейк! – закричали одновременно Роланд и Эдди, каждый – со своей стороны провала, но и тот, и другой были слишком далеко. Им оставалось только наблюдать.

Джейк упал ничком, больно ударившись о стержень грудью и животом. Ранец шлепнул его по лопаткам. Зубы щелкнули – звук был похож на щелчок разбивающего пирамиду бильярдного шара. Налетел очередной порыв ветра. Джейк подался вперед, схватившись правой рукой за стержень, а левую протянув к Ышу, который болтался над пропастью. Ушастик сорвался со стержня, но все же – в последний момент – сумел уцепиться зубами за протянутую руку Джейка. Боль, острая и мгновенная, пронзила кисть. Джейк закричал, но удержался, уперев подбородок в грудь, правой рукой обнимая стержень и прижимаясь коленями к отвратительно гладкой поверхности. Как цирковой акробат, Ыш висел на левой его руке, глядя на мальчика сверху вниз широко распахнутыми глазами с золотым ободком. Джейк увидел теперь, как по мохнатой мордочке зверька тонкими струйками течет кровь – его кровь.

А потом опять налетел ветер, и Джейк начал соскальзывать с гладкого стержня.

Страх как рукой сняло. Его заменило спокойствие – странное, может быть, но спасительное. Эдди с грохотом бросил коляску Сюзанны на

потрескавшийся бетон пешеходной дорожки и рванулся вперед по несущему стержню, даже не держась за перила. Джейк висел вниз головой над пропастью, а на левой его руке мохнатым маятником болтался Ыш. Правой рукой мальчик еще держался, но она медленно сползала со стержня.

Эдди расставил ноги и с разгона уселся на стержень верхом, больно ударившись яйцами. Они как будто расплющились и размазались по низу живота, но в те пронзительные мгновения даже эта невыносимая боль показалась ему далекой и незначительной. Схватив одной рукой Джейка за волосы, другой – вцепившись в ремень его ранца, Эдди почувствовал, что он сам начинает соскальзывать. Он уже думал – пусть в течение секунды, но эта секунда была кошмаром, – что сейчас они все втроем свалятся в реку.

Отпустив волосы Джейка, Эдди взялся покрепче за ремень ранца, моля Бога, чтобы ранец не оказался прикупленным на какой-нибудь дешевой распродаже. Свободной рукой он попытался нащупать перила. Еще мгновение – долгое и мучительное – их «живая цепочка» продолжала соскальзывать вниз, но потом ему все-таки удалось найти поручень и вцепиться в него мертвой хваткой.

– РОЛАНД! – заорал он дурным голосом. – Я БЫ, НАВЕРНОЕ, НЕ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПОМОЩИ!

Но Роланд был уже рядом – с Сюзанною за плечами. когда он наклонился, она обхватила его за шею, чтобы не вывалиться из «шлейки». Стрелок подхватил Джейка под грудь и вытащил его наверх. Едва коснувшись ногами поверхности стержня, мальчик приобнял дрожащее тельце ушастика. Правой рукой. Левая болела вся, как будто он ее отморозил и обжег одновременно.

– Отпусти руку, Ыш! – выдавил он через силу. – Теперь уже можно... мы в безопасности.

На мгновение ему показалось, что зверек не послушается его. Но потом – очень медленно – челюсти Ыша разжались, и Джейк сумел высвободить руку. Кисть была вся в крови, сочащейся из небольших темных дырочек.

– Ыш, – жалобно проскулил ушастик, и Эдди с изумлением заметил, что в странных глазах зверька блестят слезы. Вытянув шею, Ыш лизнул Джейка в лицо перепачканным в крови язычком.

– Все хорошо, – сказал Джейк, пряча лицо, искаженное от потрясения и боли, в шелковистой и теплой шерстке. В глазах его тоже стояли слезы. – Не волнуйся, теперь все в порядке. Ты здесь ни при чем, просто так

получилось. Нет, правда, я не сержусь.

Эдди медленно поднимался на ноги. Лицо его было землистого цвета, а сам он себя чувствовал так, как будто ему запустили по яйцам неслабым шаром для игры, скажем, в кегли. Он украдкой засунул руку за пояс джинсов, чтобы исследовать степень полученных повреждений.

– Отцом мне, по-моему, уже не быть, – хрипло выдавил он. – Твою мать.

– Ты не хлопнешься в обморок, Эдди? – участливо осведомился Роланд. Очередной порыв ветра сорвал шляпу в его головы и швырнул ее в лицо Сюзанне, которая схватила ее и натянула стрелку на голову по самые уши, отчего Роланд стал похож на полоумного горца.

– Нет, – простонал Эдди. – Я бы очень хотел, но, друзья мои...

– Вы посмотрите на Джейка, – сказала Сюзанна. – Он весь в крови.

– Я в порядке. – Джейк попытался спрятать руку за спину. Роланд, однако, опередил его и осторожно взял ее обеими руками. На ладони и пальцах Джейка темнели точечные ранки. Около дюжины кровоточащих ранок, в основном – довольно глубоких. Сейчас невозможно было определить, повреждены ли там кости и сухожилия. Для этого Джейку надо согнуть кисть и попытаться сжать ее в кулак, но пока что и время, и место для этого эксперимента были не самыми подходящими.

Роланд поглядел на Ыша. Ушастик тоже уставился на него своими печальными и испуганными глазами. Он не стал даже слизывать с мордочки Джейкову кровь, хотя любое другое животное на его место поступило бы именно так.

– Вы оставьте его, – Джейк еще крепче прижал зверька к груди. – Он ни в чем не виноват. Наоборот, это я виноват, что забыл про него. А его сдуло ветром.

– Не собираюсь я ничего ему делать, – Роланд был уверен, что ушастик не бешеный, но все-таки не собирался давать животному возможность и дальше пробовать на вкус кровь Джейка. А что касается остальных болезней, которые могут таиться в крови зверька... что ж, в конечном итоге ка все равно распорядится по-своему, как это всегда и бывает. Сняв с шеи платок, Роланд утер Ышу мордочку. – Ну вот, – сказал он. – Хороший мальчик. Хороший.

– Оший, – слабенько взвизгнул ушастик, и Сюзанна, которая выглядывала из-за плеча Роланда, могла бы поклясться, что слышала в голосе Ыша нотки благодарности.

Налетел очередной порыв ветра. Погода, похоже, портилась. Причем быстро.

– Эдди, нам надо как можно скорее сойти с моста. Ты идти-то можешь?

– Нет, хозяин. Я лучше подожду на месте. – Боль в паху и в нижней части живота по-прежнему не отпускала, но по сравнению с тем, что было еще минуту назад, она значительно поутихла.

– Замечательно. Значит, вперед. И как можно быстрее.

Роланд повернулся, занес уже ногу, чтобы сделать шаг, и вдруг замер на месте. На той стороне провала стоял какой-то мужик. Просто стоял и бесстрастно на них смотрел.

Незнакомец приблизился к ним незаметно, пока все их внимание было поглощено Джейком и Ёшем. Из-за плеча у него торчал лук. Волосы он подвязал ярко желтым платком, концы которого развевались на свежем ветру, как знамена. В ушах у него были серьги: золотые кольца с крестами посередине. Один глаз закрывала белая шелковая повязка. Все лицо его покрывали язвы, налитые кровью – в основном подсохшие, но были там и открытые ранки, из которых сочился гной. Ему могло быть и тридцать, и сорок и все шестьдесят. Он держал одну руку высоко поднятой над головой. В руке что-то было. Роланд толком не разглядел, понял только, что форма предмета была слишком правильной для простого камня.

За спиной незнакомца высился город. Очертания его выступали на удивление четко в угасающем свете дня, что придавало всему городскому пейзажу какой-то таинственный потусторонний вид. Только теперь, глядя мимо кирпичных строений, сгрудившихся на том берегу – наверняка какие-нибудь склады, давным-давно опустошенные мародерами и грабителями, – на эти сумрачные бетонные каньоны и каменные лабиринты, Эдди впервые, наверное, осознал, какими ужасно ошибочными и отчаянно глупыми были надежды его на помощь. Теперь он увидел разрушенные фасады и снесенные крыши; увидел лохматые птичьи гнезда на погнутых карнизах и в пустых нишах окон; теперь он позволил себе по-настоящему вдохнуть этот город, и запах, который он ощутил, нес в себе не ароматы редчайших приправ, специй и деликатесов вроде тех, которые мама его приносила время от времени от Забара, а скорее – прогорклую вонь матрасов, попавших в огонь и здорово там обгоревших, причем тушили их явно водой из сточной канавы. Внезапно он понял, что это такое – Лад. Понял, как говорится, до самой его сердцевины. Какие там добрые мудрые эльфы?! Этот ухмыляющийся пират, который подкрался к ним незаметно, пока они занимались спасением Джейка и Ёша и ни на что больше не обращали внимания – он, может быть, самое лучшее из того, что способен «родить» этот сломленный и умирающий город.

Роланд вытащил револьвер.

– Убери свою пушку, приятель, – сказал «пират» с желтой повязкой на голове, причем с таким сильным акцентом, что его едва можно было понять. – Убери ее, сердце мое. Я вижу, ты парень крутой, но со мной тебе лучше свою крутизну поунять.

На незнакомце были латанные-перелатанные штаны из зеленого бархата. Он действительно походил на пирата на закате своих славных дней: больной и потрепанный, но по-прежнему очень опасный.

– А что если я его не убегу? – спросил Роланд. – Что если я, скажем, просто всажу сейчас пулю в твою гнилую башку?

– Тогда я отправляюсь в ад и успею еще придержать вам дверь, потому что вы сразу последуете за мной, – мужик с желтой повязкой на голове издал хриплый смешок и помахал рукой с зажатой в ней непонятной штуковиной. – Мне-то, собственно, один хрен: что так, что этак.

Роланд подумал, что это правда. По всему судя, жить незнакомцу осталось не больше года... причем последние месяцы этого года будут не самыми лучшими и приятными в его жизни. Гноящиеся язвы у него на лице не имели никакого отношения к радиации: если только Роланд не ошибался – а это вряд ли, – мужик этот дошел до последней стадии болезни, которую доктора называют «мандрус», а все остальные – попросту «блядским цветочком». Столкновение с опасным противником – штука во всех отношениях неприятная, но у тебя все-таки есть возможность рассчитать свои шансы. Когда твой противник – мертвец, это меняет все.

– Знаете, что у меня в руке, мои сладкие? – продолжал пират. – Знаете, что старина Гашер приберег для своих добрых друзей? Это граната... наследство наших многомудрых Старцев... и я уже снял с нее шляпку. Потому что невежливо было бы оставаться при шляпе, когда ты знакомишься с новым народом. А мы тут все жутко вежливые, вот так-то!

Он опять хохотнул, довольный, а потом лицо его снова посуровело и стало серьезным. От бывшего веселья не осталось и следа, как будто где-то в глубине его вырождающихся мозгов кто-то щелкнул невидимым переключателем.

– Теперь, дорогие мои, чеку ее держит только мой немощный пальчик. Если мы меня грохнете, будет, я вас уверяю, большой «бабах!» Ты и эта

твоя проблядушка, которую ты на закорках тащишь... вы оба просто взлетите на воздух. И малец ваш тоже. А молодой человек, который стоит у тебя за спиной и тычет в меня своим жалким игрушечным пистолетиком, он, может, и выживет... пока не долетит до воды... а он туда полетит обязательно, потому что последние сорок лет мост этот висит на соплях, и чтобы он разлетелся ко всем чертям, одного небольшого «бабаха» хватит. Так что давай убирай свою пушку... или ты предпочтешь, чтобы все мы отправились в пекло в одной тележке?

Роланд помедлил еще мгновение, решая, стоит ли попытаться выбить выстрелом эту штуковину, которую Гашер назвал гранатой, у него из руки, но увидев, как крепко тот сжимает ее в кулаке, неохотно убрал револьвер в кобуру.

– Вот так-то лучше! – завопил Гашер, снова повеселев. – Я так и думал, что ты мужик умный – стоит лишь раз на тебя посмотреть. О да! Именно так я и думал.

– Чего тебе надо? – спросил Роланд, хотя все уже понял.

Гашер поднял свободную руку и указал грязным пальцем на Джейка.

– Малец. Отдайте мне пацана, и вы все свободны.

– А не всадил бы ты себе в задницу? – мгновенно отреагировала Сюзанна.

– А почему бы и нет? – расхохотался пират. – Дайте мне, что ли, осколочек зеркала... я бы себе резанул, а потом вставил куда положено. Почему бы и нет, раз он уже ни на что не годится? Да я даже пописать не могу спокойно – так все и жжет огнем! – Его глаза странного, как будто приглушенного серого оттенка все время следили за Роландом.

– Ну так, что скажешь, мой добрый друг?

– А если я отдаю тебе парня, что будет с нами?

– Я же сказал: можете топтать своей дорогой, мы ничего вам не сделаем! – тут же ответил мужик с желтой повязкой на голове. – Даю вам слово Тик-Така. Он сказал это мне, я говорю это вам, и так все и будет, как он сказал. Тик-Так тоже парень крутой и, давши слово, его не нарушит. Правда, я не ручаюсь за младов, на которых вы можете там налететь, но седые Тик-Така вас пальцем не тронут.

– Ты о чем, мать твою, говоришь, Роланд? – заорал Эдди. – Ты же не собираешься в самом деле... скажи, что нет!

Не глядя на Джейка, Роланд тихонько шепнул, причем губы его даже не пошевелились:

– Я сдержу свое обещание.

– Да... я знаю. – Потом Джейк повысил голос: – Уберите револьвер,

Эдди. Я решу сам.

– Джейк, ты с ума сошел!

Пират весело расхохотался.

– Он-то как раз не сошел, дорогуша! А вот ты точно малек не в своем уме, если ты мне не веришь. По крайней мере, пока он с нами, барабаны ему не страшны, вот так-то. И подумай своей головой: если бы я тут шутил, я бы потребовал в первую очередь, чтобы вы все повыкинули пистолеты! Проще пареной репы! А я стал это делать? Не стал!

Сюзанна слышала, что сказал Роланд Джейку. И, кроме того, у нее было время сообразить, что при таком положении вещей их шансы равны нулю.

– Убери пистолет, Эдди, – сказала она.

– Откуда мы знаем, а вдруг он швырнет в нас гранату, когда заполучит мальчишку? – выкрикнул Эдди.

– Я собою ее в воздухе, – невозмутимо ответил Роланд. – Я могу. И он знает, что я могу.

– Может, и знаю. Видок у тебя убедительный, это точно.

– Если только он не заливает, – продолжал Роланд, – ему все равно абзац, даже если я промахнусь. Мост обрушится, и мы грохнемся вниз все вместе.

– Мудрые речи, сынок! – похвалил его Гашер. – Ты действительно не дурак, честное слово. – Он хохотнул, а потом, посерьезнев опять, продолжал доверительным тоном: – Ладно, друзья мои, хватит молотить языком. Решайте. Я беру пацана или мы дружной толпой отправляемся к праотцам?

Не успел Роланд и рта раскрыть, как Джейк проскользнул мимо него по несущему стержню. Правой рукой он по-прежнему прижимал Ыша к груди, а левую – всю в крови, неподвижную – неловко держал перед собой.

– Джейк, нет! – в отчаянии завопил Эдди.

– Я приду за тобой, – шепнул Роланд Джейку вслед.

– Да, я знаю, – повторил Джейк.

Налетел очередной порыв ветра. Мост застонал и качнулся. По водам Сенда теперь пошла рябь пенистых гребешков. Река бурлила, обтекая белой пеной обломки синего поезда, который торчал из воды чуть выше по течению.

– Ах ты мой зайчик! – проворковал Гашер, растянув губы в улыбке, обнаружившей редкие зубы, что торчали из белых десен, точно прогнившие до основания могильные камни.

– Иди ко мне, моя крошка! Иди.

– Роланд, а если он просто блефует?! – закричал Эдди. – Может быть, у него пустышка?!

Стрелок как будто не слышал.

Когда Джейк приблизился к дальнему краю провала, Ыш вдруг оскалился и зарычал на Гашера.

– Брось его в реку, этот лохматый мешок с кишкам, – сморщился Гашер.

– А пошел ты... – ответил на это Джейк все тем же спокойным бесстрастным тоном.

Пират на мгновение опешил, потом кивнул:

– Любимец твой, значит? Отлично. – Он отступил на два шага назад. – Тогда, как только выйдешь на бетон, опусти его. Если он бросится на меня, я тебя предупреждаю: так ему наподдам – мозги полетят из его нежной маленькой жопки.

– Жопки, – твякнул Ыш, продолжая скалиться.

– Заткнись, Ыш, – буркнул Джейк. Он добрался до края бетонной дорожки как раз в тот момент, когда ветер опять качнул мост. На этот раз звуки рвущихся стальных нитей, казалось, обрушились отовсюду. Джейк оглянулся: Роланд и Эдди стояли на металлическом стержне, вцепившись в перила. Из-за плеча Роланда выглядывала Сюзанна. Ветер трепал ее густые и жесткие локоны. Джейк поднял руку и помахал им. Роланд помахал в ответ.

«На этот раз вы мне не дадите упасть?» – спросил он в начале. «Нет... теперь никогда», – ответил тогда Роланд, и Джейк поверил ему... верил ему и сейчас, только очень боялся всего того, что могло бы произойти прежде, чем Роланд придет за ним, как обещал. Он опустил Ыша на бетонную плиту. В тот же миг Гашер рванулся вперед, носком сапога целясь в зверька. Ыш отскочил, и Гашер промахнулся.

– Беги! – закричал Джейк. Ему не пришлось просить Ыша дважды. Ушастик проскочил мимо них и, склонив голову, помчался к концу моста, в сторону Лада, огибая на бегу небольшие проломы и перепрыгивая через трещины на пешеходной дорожке. Он бежал не оглядываясь. А буквально мгновение спустя шею Джейка сдавила рука Гашера. От него несло застарелой грязью и заживо гниющей плотью. Смешиваясь, эти два «аромата» составляли единую едкую вонь, невыносимую и отвратительную. Джейка едва не стошнило.

Гашер прижался пахом к ягодицам Джейка.

– Может быть, я еще кое на что и сгожусь. Говорят ведь, что молодость – это вино, опьяняющее стариков. Мы еще повеселимся с тобой, мой

зайчик. Правда, мы здорово повеселимся? Так, что ангелы сдохнут от зависти.

«О Господи!» – подумал Джейк.

Гашер снова повысил голос:

– Ладно, мы, значит, пойдем, мои крутые донельзя друзья. Нас ждут великие дела и великие люди, можете мне поверить. Но свое обещание я выполняю. Что касается вас, если вы умные, вы постоите на месте еще с четверть часика. Если вдруг я увижу, что вы сошли с места, мы все дружно оправимся в мир иной. Все понятно?

– Понятно, – ответил Роланд за всех.

– Мне терять нечего, ты понимаешь?

– Да.

– Вот и славненько. Топай, малыш! Шевелись!

Он сдавил шею Джейка, так что тот едва не задохнулся. Одновременно он потянул мальчика за собой. Так они и отступали – лицом к провалу, где стояли Роланд с Сюзанной за плечами и Эдди, сжимающий «рюгер», который Гашер называл игрушечным пистолетиком. Джейк чувствовал, как Гашер дышит ему в ухо – горячо и прерывисто. И, что самое гадкое, изо рта у него воняло.

– И не пытайся меня обхитрить, – шепнул Гашер, – иначе я оторву твои юные прелести и засуну их тебе в задницу. Жалко будет, конечно, лишиться такого сокровища до того еще, как представится случай его опробовать. Да, очень жалко. И очень прискорбно.

Так они добрались до конца моста. Джейк весь напрягся – испугался, что Гашер бросит сейчас гранату, но он не бросил... по крайней мере, не сразу. Он оттащил Джейка по узкому переулку между двумя небольшими строениями, где когда-то, наверное, располагалась тюрьма для особо опасных преступников. Дальше за ними маячили стены кирпичных складов, похожих на мрачные камеры.

– А теперь, котик, я отпущу твою шейку, а то как же ты будешь дышать на бегу? Но я буду держать тебя за руку, так что смотри, чтоб бежал мне быстрее ветра, иначе я вырву ее, твою сладкую ручку, и ею же отколочу тебя как дубиной. Это я тебе обещаю. Все понял?

Джейк кивнул головой. Рука, сжимающая его шею, внезапно разжалась. Как только дыхание вернулось к нему, он снова почувствовал боль в израненной руке – она как будто распухла и горела огнем. Но тут Гашер схватил его за предплечье, и Джейк снова забыл про боль: пальцы, сжимающие его бицепс напоминали по ощущениям стальные тиски.

– Трех-дибидох-трих-трах! – выкрикнул Гашер неестественно бодрым

фальцетом и помахал остальным гранатой.

– Пока, ребята! – Он повернулся к Джейку и прорычал ему в ухо: – А теперь, котик мой ненаглядный, беги! Ну!

Он рывком развернул Джейка спиной к мосту и дернул так, что тот просто был вынужден ринуться с места в карьер. Они соскочили с развороченного пандуса и понеслись вдоль по улице. Джейк подумал еще, что, наверное, так мог бы выглядеть въезд на Ист-Ривер лет через триста после того, как какая-нибудь мозговая чума скосила бы всех нормальных – в смысле, душевно здоровых – людей на планете.

Древние металлические каркасы, проржавевшие до основания, тянулись в два ряда по обеим сторонам проезжей части. Когда-то они, без сомнения, были автомобилями. В большинстве своем – «родстеры» в форме больших пузырей. Джейк в жизни не видел таких машин (разве что в диснеевских мультиках, где герои-пижоны в белых перчатках разъезжали на тачках подобного типа), но среди них он заметил жучок – «фольксваген», потом еще автомобиль, который мог быть «шевроле-корветом», и еще что-то по типу «форда» модели А. Жутковатое, надо отметить, зрелище. Джейк не увидел ни одной шины: то ли их растащили, то ли они давно сгнили, рассыпавшись в пыль. Все стекла были повыбиты самым варварским образом, как будто уцелевшие жители этого города боялись до смерти всего, в чем можно было увидеть – пусть даже случайно и мимоходом – свое отражение.

Между машинами и под ними валялись кучи металлических деталей неизвестного происхождения и назначения и яркие осколки стекла. В стародавние – лучшие – времена вдоль тротуара росли деревья, высаженные аккуратными рядами, но теперь все они были столь несомненно мертвы, что напоминали скорее металлические скульптуры, застывшие на фоне унылого неба, затянутого облаками. Несколько складских зданий являли собой зрелище просто-напросто никакое: их то ли взорвали, то ли они обрушились сами, обветшав окончательно, – и за беспорядочными грудками битого кирпича виднелась река и провисшие ржавые тросы моста. Запах влажной гнили – такой густой, что, кажется, он застревал в ноздрях – здесь ощущался сильнее.

Улица уходила строго на восток, отклоняясь от пути Луча. Джейк обратил внимание, что чем дальше они углублялись в город, тем больше обломков и мусора загромождали проезжую часть. Кварталах в шести-семи впереди улица, по всему судя, была завалена полностью, однако Гашер, не сбавляя скорости, продолжал тащить его именно в том направлении. Сначала Джейк еще как-то справлялся, но Гашер задавал невозможный

темп. Джейк начал уже задыхаться и отстал на шаг. Гашер рванул его так, что мальчик едва не свалился с ног. «Пират» потащил его прямо к завалу из каких-то обломков, осколков бетонных плит и металлических балок. Это нагромождение – Джейк подумал, что это, скорее, искусственное сооружение, преднамеренно здесь поставленное – располагалось между двумя домами с пыльными мраморными фасадами. Перед левым стояла статуя, которую Джейк узнал сразу же: фигура женщины с повязкой на глазах, слепая богиня правосудия, не взирающая на лица, – стало быть здание, ей охраняемое, почти наверняка было зданием суда. Однако Джейк не успел рассмотреть повнимательнее: Гашер тащил его к баррикаде, не давая замешкаться.

«Если он попытается здесь продраться, мы оба с ним гикнемся – он нас убьет!» – подумал в панике Джейк, но Гашер, который несся как ветер, несмотря на свою болезнь, очевидные признаки коей проступали столь явно у него на роже, только еще сильнее впился пальцами в руку Джейка и потащил его за собой. Только теперь Джейк заметил узенький проход в этой свалке – или, лучше сказать, преднамеренном завале из бетонных обломков, разбитой мебели, ржавых водопроводных труб и прогнивших кузовов автомобилей, – и внезапно все понял. В этом чертовом лабиринте Роланд будет плутать часами... а Гашер, ориентируясь здесь, как в своем дворе, точно знает, куда идти.

Слева от свалки – Джейк все боялся, что это шаткое сооружение может обрушиться прямо на них – открылся узенький темный проход в переулок. На подходе к нему Гашер швырнул через плечо небольшую зеленую штуку, которую он все время сжимал в руке.

– Лучше пригнись, мой зайчик! – крикнул он Джейку, сопровождая свой вопль пронзительным истеричным смешком. Через секунду улицу сотряс оглушительный взрыв. Один из ржавых автомобилей взлетел в воздух футов на двадцать и, перевернувшись в полете, грохнулся на мостовую днищем вверх. Над головою у Джейка просвистел этакий град из кирпичных обломков. Что-то больно ударило его в левую лопатку. Он покачнулся и непременно упал бы, если бы Гашер рывком не поставил его на ноги и не потащил за собою в проход. Как только они оказались там, со всех сторон к ним потянулись угрюмые тени и голодная тьма поглотила их.

Когда они скрылись за баррикадой, из-за ближайшей бетонной глыбы выползло маленькое пушистое существо. Это был Ыш. Пару мгновений зверек постоял у начала прохода, вытянув длинную шею и мигая блестящими глазками, потом двинулся следом, опустив нос к земле и старательно пригнувшись.

– Пошли, – сказал Роланд, как только Гашер скрылся из виду.

– Как ты мог? – Эдди негодовал. – Как ты мог отдать мальчика этому извращенцу?

– У меня не было выбора. Неси коляску. Она нам понадобится.

Когда они добрались до бетонной дорожки у дальнего края провала, мост содрогнулся от взрыва. Осколки бетона и щебень фонтаном взметнулись в небо, уже темнеющее.

– Господи! – прошептал Эдди, повернув бледное и испуганное лицо к Роланду.

– Пока еще нет причин переживать, – спокойно проговорил стрелок. – Парни типа Гашера не станут играть со взрывчаткой. – Они дошли до тюремных зданий у края моста. Роланд остановился наверху изгибающегося пандуса.

– Ты знал, что он не блефует, правда? – не унимался Эдди. – Я хочу сказать, ты не думал – ты знал.

– Он ходячий мертвец, а мертвецу не за чем блефовать. – Голос Роланда звучал бесстрастно, но за внешним спокойствием скрывались глубокие нотки горечи и боли. – Я знал, что нечто подобное может произойти, и если бы мы его раньше заметили, пока находились вне радиуса действия его взрывающегося яйца, у нас был бы шанс его замочить. Но Джейк едва не упал, нам уже было не до чего, и он подошел слишком близко. Он, наверное, решил, что мы привели с собой мальчика для того только, чтоб заплатить за безопасный проход через город. Черт! Везет как утопленникам! – Роланд ударил кулаком по ноге.

– Ладно, пошли его выручать!

Роланд покачал головой.

– Нет. Здесь мы с вами разойдемся. Туда, куда сунулся этот мерзавец, Сюзанну мы взять не можем, а одну ее здесь оставлять тоже нельзя.

– Но...

– Слушай меня и не спорь... не спорь, если хочешь спасти Джейка. Чем дольше мы тут проторчим, тем он дальше уйдет. А чем он дальше уйдет, тем сложнее мне будет его отыскать: по холодному следу идти трудновато. И у вас тоже есть, что делать. Если здесь, в городе, есть еще один Блейн, – а Джейк в этом уверен, – вы с Сюзанной должны его

разыскать. Тут должна быть какая-то станция или такое место, которое в дальних землях называли, как помнится, колыбелью. Вам все ясно?

Слава Богу, хотя бы на этот раз Эдди не стал возражать.

– Хорошо. Мы его найдем. И что дальше?

– Стреляйте в воздух примерно каждые полчаса. Как только я выцеплю Джейка, мы сразу придем.

– Выстрелы могут привлечь внимание, – возразила Сюзанна. Эдди помог ей выбраться из «шлейки», и она снова устроилась у себя в коляске. – Если за нами придут?

Роланд обвел их холодным взглядом:

– Разберитесь с ними.

– О'кей. – Эдди протянул руку, и они обменялись с Роландом коротким рукопожатием. – Найди его, Роланд.

– Да, я найду его. Только моли всех своих богов, чтобы они помогли мне найти его быстро. И не забудьте, вы оба: помните лица своих отцов.

Сюзанна кивнула:

– Мы постараемся.

Роланд развернулся и побежал вниз по пандусу. Когда он скрылся из виду, Эдди повернулся к Сюзанне и не особенно удивился, увидев, что она плачет. Ему самому тоже хотелось заплакать. Еще полчаса назад они были командой: отрядом соратников и друзей. И буквально за считанные минуты их утешительный дружественный союз распался: Джейка похитили, Роланд пошел его выручать. Даже Ыш – и тот убежал. Таким одиноким Эдди в жизни себя не чувствовал.

– Предчувствие у меня нехорошее, – проговорила Сюзанна. – что мы никогда больше их не увидим. Ни того, ни другого...

– Не говори ерунды! – грубо оборвал ее Эдди, понимая при этом прекрасно, что она хочет сказать, потому что и сам чувствовал то же самое. Дурное предчувствие, что путешествие их, которое только-только еще начиналось, уже подошло к концу, камнем легло на сердце. – В схватке с Аттилой Гунном я оценил бы шансы Роланда-Варвара как три к двум. Пошли, Сьюз... нам еще нужно найти этот поезд.

– Но куда? – приуныла Сюзанна.

– Без понятия. Может быть, для начала нам стоит словить ближайшего старого мудрого эльфа и расспросить у него, как считаешь?

– Ты о чем, Эдвард Дин?

– Да так, ни о чем, – сказал он и только теперь сам прочувствовал до конца, что это действительно так. Ему очень хотелось расплакаться, но, взяв себя в руки, он схватился за рукоятки коляски Сюзанны и начал

толкать ее растрескавшемуся и усыпанному битым стеклом пандусу, уводящему в город Лад.

В мгновение ока Джейк погрузился в туманный мир, где единственным ориентиром во тьме была боль: его покусанная рука, плечо, в которое стальными гвоздями вонзались грязные пальца Гашера, горящие, как в огне, легкие. Вскоре все эти боли слились в одну, а потом их затмила другая боль – глубокая, колющая, в боку. Он не знал, пошел уже Роланд за ним или нет. Он не знал, долго ли выдержит Ыш в этом мире, так не похожем на леса и равнины, привычные для него и единственные места, которые он знал до того, как пошел с людьми – с ними. А потом Гашер с размаху ударил его по лицу, разбив нос в кровь, и все мысли исчезли, смытые алой волною боли.

– Шевелись, мелкий ублюдок! Шевели своей нежной задницей!

– Я бегу... я быстрее не могу, правда, – выдохнул Джейк, едва успевая увернуться от острого стеклянного осколка, что торчал из стены слева, точно длинный прозрачный зуб.

– Уж постарайся, мой зайчик, иначе я так тебя тресну, что ты у меня мигом отрубишься и мне придется тащить тебя за волосенки! Давай шевелись, ублюдок!

Не понимая, как это ему удалось, Джейк все же прибавил скорость. Когда они только сворачивали в переулок, он еще тешил себя надеждой, что они вскоре выйдут на улицу посвободней, но теперь – с неохотой – он вынужден был признать, что этого не произойдет. Улочка, по которой они неслись, оказалась не просто улицей: это была замаскированная и укрепленная дорога, уводящая вглубь обиталища седовласых. Высокие, шаткие стены, подступавшие вплотную к дороге, сложены были из самых невероятных строительных материалов: остовов автомобилей, полностью или частично расплюснутых тяжеловесными глыбами из гранита и стали, которыми их придавили; мраморных колонн; фабричных станков непонятного назначения – мутно красного цвета от ржавчины в тех местах, где они не чернели смазкой. Имелась там и какая-то рыбина из хрусталя и хрома размером с небольшой самолет с единственным загадочным словом, выведенным на чешуйчатом блестящем ее боку на Высоком Слоге: «ВОСТОРГ». Потом еще – перекрещивающиеся цепи с огромными

звеньями, размером, наверное, с голову Джейка, обернутые вокруг беспорядочного нагромождения разбитой мебели, которая балансировала наверху баррикады с сомнительным равновесием циркового слона, стоящего на одной ноге на крошечной стальной платформе.

Они добежали до места, где эта безумная тропа разветвлялась, и Гашер решительно повернул налево. Чуть подальше тропа разветвлялась снова: на этот раз – на три дорожки, такие узенькие и темные, что они походили больше на лазы в тоннель. Теперь Гашер свернул направо. Эта новая дорожка – проходила она между «стенами», сложенными из гниющих картонных коробок и стопок старой пожелтевшей бумаги, должно быть, остатками книг и журналов – была слишком узкой, чтобы по ней можно было бежать бок о бок. Гашер вытолкнул Джейка вперед и принялся без устали колотить его по спине, подгоняя. «Вот что, наверное, чувствует теленок, когда его гонят по коридору на бойню», – подумал Джейк и поклялся себе, что если выберется отсюда живым, он никогда больше не станет есть мяса.

– Беги, моя крошка! Беги!

Вскоре Джейк понял, что не может уже уследить за всеми поворотами и ответвлениями дорожки, и по мере того, как Гашер уводил его все дальше и дальше в эти невозможные дебри из ржавого металлолома, разбитой мебели и выброшенных на свалку станков, надежды его на спасение таяли, точно дым. Теперь даже Роланд не сможет его разыскать: он сам неминуемо здесь заплутает и будет бродить по забитым проходам и узким дорожкам этого мира кошмаров до самой смерти.

Теперь тропинка пошла под уклон, и стены из стопок бумаги уступили место нагромождению старых шкафов, сваленным в кучу счетным машинкам и горам искореженного компьютерного оборудования. Все это походило на гонки по забитому складу какой-то кошмарной радиостанции. На протяжении почти минуты слева высилась стена, состоящая целиком то ли из телевизоров, то ли сваленных в беспорядке видео-мониторов. Экраны пялились на него безжизненными глазами. Тротуар под ногами продолжал опускаться, и Джейк вскоре сообразил, что они действительно попали в тоннель. Полоска сумрачного неба над головой превратилась в узкую ленту, ленточка – в ниточку. Они как будто вступили в унылое царство мертвых и метались, как крысы, посреди колоссальной свалки.

«А что, если все это на нас упадет?» – подумал Джейк, но в теперешнем его состоянии почти полного изнеможения, замешанного на боли, даже это его не пугало. Если это случится, у него будет хотя бы возможность немного передохнуть.

Гашер гнал его, как крестьянин гоняет мула, ударяя по левой лопатке, когда надо было свернуть налево, по правой – когда направо. Когда же дорога шла прямо, он дубасил Джейка по затылку. Джейк дернулся в сторону, чтоб уклониться от выпирающего из стены куска трубы, но не успел. Он ударился о трубу бедром и полетел по проходу прямо на кучу стекла и поломанных досок. Гашер подхватил его на лету и снова толкнул вперед.

– Беги, неуклюжий придурок! Ты что, не можешь нормально бежать? Если бы не Тик-Так, я бы тебя отымел прямо здесь, а потом перерезал бы глотку тебе и все!

Джейк бежал в алом тумане, где была только боль и удары гашеровых кулаков, молотящих его по плечам и затылку. Наконец, как раз в тот момент, когда Джейк решил, что бежать дальше он просто не может и будь что будет, Гашер схватил его сзади за шею и рывком остановил, причем так резко, что Джейк врезался ему прямо в пузо со сдавленным стоном.

– А вот тут у нас есть одна хитрость, – весело выдохнул Гашер. – Посмотри вон туда, прямо. Видишь, две проволоочки пересекаются над землей? Видишь?

Сначала Джейк ничего не увидел. Было слишком темно. Слева вздымалась гора огромных медных чайников, справа – каких-то стальных штуквин, напоминающих акваланги. Джейку показалось, что достаточно просто дунуть посильнее, чтобы все это лавиной обрушилось вниз. Он утер лоб ладонью, убирая с глаз волосы, и постарался не думать о том, какой у него будет вид, если рухнет вся эта громада общим весом, наверное, тонн в шестнадцать. Прищурившись, он посмотрел вперед – туда, куда указывал ему Гашер. Да, теперь он разглядел – но с большим трудом – две тонюсенькие серебристые ниточки, похожие на струны от гитары или банджо. Они опускались с обеих сторон прохода, пересекаясь на высоте фута в два над землей.

– Ползи под ними, сердце мое. И будь осторожен: если ты их заденешь, половина всего цемента и стали в этом чертовом городе рухнет на золотую твою головку. И на мою башку тоже, хотя я сомневаюсь, что тебя это очень волнует, правда? Давай ползи!

Джейк сбросил с плеч ранец и пополз вперед, толкая ранец перед собой. Проползая под тонкими, туго натянутыми проводами, он вдруг обнаружил, что ему все-таки хочется еще немного пожить на свете. Он почти физически ощущал все эти тонны тщательно уравновешенного веса, который только и ждет, чтобы обрушиться на него. Наверное, эти два провода держат парочку замковых камней, – думал он. Если хотя бы один

из них сдвинется с места... зола и пепел, нам всем конец. Он почувствовал, как один проводок легонько задел его по спине. Высоко наверху что-то скрипнуло.

– Осторожно, болван! – Гашер едва ли не застонал. – Осторожно, кому говорю!

Мальчик пролез под перекрещивающимися проводами, отталкиваясь от земли ступнями и локтями. Слипшиеся от пота волосы опять упали ему на глаза, закрывая обзор, но Джейк не осмелился их убрать.

– Наконец-то, – проворчал Гашер и сам проскользнул под проводами с небрежной легкостью, свидетельствующей о долговременной практике. Встав на ноги, он ловко выхватил у Джейка ранец, пока тот не успел нацепить его снова. – А что у нас здесь, приятель? – спросил он, расстегивая ремешки и заглядывая с любопытством внутрь. – Может, какие подарки для старого друга? Гашер, знаешь, ли любит подарочки, ой как любит!

– Ничего там нет, кроме...

Кулак Гашера просвистел в воздухе, и голова Джейка откинулась назад. Удар снова пришелся по носу. Из носа брызнула свежая струйка крови.

– За что? – вскрикнул Джейк, дрожа от ярости и унижения.

– За то, что ты много болтаешь. У меня есть глаза, я могу сам посмотреть, без твоих замечаний дурацких! – завопил Гашер и отшвырнул ранец в сторону. Он уставился на мальчика в упор, обнажив оставшиеся еще зубы в угрожающей, страшной усмешке. – И за то еще, зайчик мой, что из-за тебя нас тут чуть не накрыло! – Помолчав, он добавил уже поспокойнее: – И потому что мне так захотелось – признаюсь честно. Твоя дурацкая рожа, как у овцы, она меня из себя выводит, так и хочется треснуть по ней со всей силы. – Улыбка его стала шире, отчего обнажились не только зубы, но и гноящиеся белесые десны. Зрелище, надо сказать, не особенно эстетическое. Джейк подумал, что он вряд ли бы что-нибудь потерял, если бы этого не увидел. Даже наоборот. – Если твой крутой друг доберется досюда, ему будет большой сюрприз, когда он наткнется на проволоку, как ты думаешь? – Гашер запрокинул голову, по-прежнему ухмыляясь. – Где-то там наверху должен быть целый автобус, если память мне не изменяет.

Джейк расплакался – усталые, безнадёжные слезы потекли по щекам, оставляя влажные дорожки на грязном лице.

Гашер угрожающе занес ладонь:

– Давай двигай, приятель, пока я сам тут с тобой не расплакался...

потому что твой добрый друг – чувак весьма сентиментальный, честное слово, и когда он начинает скорбеть и печалиться, его только одно может развеселить: дать кому-нибудь в рожу, вот так-то. Беги!

Они побежали. Гашер словно бы наугад выбирал тропинки, уводящие все дальше и дальше в этот скрипучий душный лабиринт. Джейка он направлял по-прежнему ударами по лопаткам. На каком-то этапе «включились» барабаны. Звук, казалось, идет отовсюду и ниоткуда. Для Джейка это явилось той самой соломинкой, что переломила верблюду хребет. Оставив всяческую надежду, он перестал даже думать и с головой погрузился в кошмар.

Роланд остановился перед баррикадой, которая загромодила улицу сверху донизу и от края до края. В отличии от Джейка, он не надеялся даже, что с той ее стороны будет открытое пространство. Здания к востоку отсюда, наверняка охраняются часовыми, как укрепленные острова в море мусора, хлама и металлолома... и там, конечно, полно ловушек. Часть предметов, образующих баррикаду, скопились, наверное, сами по себе за последние лет пятьсот-семьсот или, может быть, даже тысячу, однако Роланд решил, что в основном это все притащили сюда седые. Восточная оконечность Лада превратилась, по сути, в их крепость, и Роланд стоял теперь у ее внешней стены.

Он медленно двинулся вперед и увидел проход, наполовину сокрытый за громадной цементной глыбой. Присев на корточки, он увидел следы в толстом слое пыли – две цепочки следов, одни большие, другие поменьше. Роланд начал уже подниматься, но потом присел снова. Не две цепочки, а три... и эта третья оставлена лапками небольшого животного.

– Ыш? – негромко позвал Роланд. Прошло несколько секунд, стрелок уже не надеялся получить ответ, как вдруг из сумрака раздался приглушенный лай. Роланд шагнул в проход и увидел глаза – черные, с золотым ободком, – глядящие на него из-за первого поворота. Он подбежал к ушастику. Ыш, который до сих пор еще с неохотой подпускал к себе людей за исключением Джейка, отступил на шаг и замер на месте, тревожно глядя на стрелка.

– Ты мне поможешь? – спросил Роланд, уже чувствуя в глубине души приближение сухой алой пелены, всегда сопутствующей лихорадке битвы,

но время для схватки еще не пришло. Оно, конечно, придет, но пока он не может – не должен – отдаваться этому чувству, приносящему невыразимое облегчение. – Поможешь мне найти Джейка?

– Эйка, – твякнул Ыш, не сводя со стрелка напряженных тревожных глаз.

– Тогда пойдем. Ищи Джейка.

Ыш тут же развернулся и быстренько потрусил по проходу, едва ли не скользя носом по земле. Роланд последовал за ним, только изредка поднимая глаза, чтобы взглянуть на зверька. Он не сводил взгляда с древних камней мостовой: искал какой-нибудь знак.

18

– Господи, – выдохнул Эдди. – Что же это за люди такие?

Они прошли пару кварталов по улице, что тянулась вдоль пандуса, увидели впереди баррикаду, загромаждающую проход (разминувшись при этом с Роландом, нырнувшим в проход, меньше чем на минуту), и повернули на север, на широкую улицу, напоминавшую Эдди Пятую Авеню. Он не осмелился, правда, сказать об этом Сюзанне; он все еще не мог оправиться от горького разочарования при виде этих вонючих руин, в которые превратился город, и сказать что-нибудь обнадеживающее у него просто не было сил.

«Пятая Авеню» привела их к кварталу высоких построек из белого камня, которые напомнили Эдди Древний Рим – такой, каким его представляют в фильмах о гладиаторах (а фильмов этих он в свое время, еще ребенком, пересмотрел десятки). Это были простые, даже немного суровые здания, сохранившиеся большей частью в неприкосновенности. Он почти и не сомневался, что когда-то в этих строениях размещались государственные учреждения: галереи, библиотеки, возможно, музеи. Одно из них, с громадной куполообразной крышей, треснувшей, как гранитное яйцо, должно быть, было когда-то обсерваторией, хотя Эдди где-то читал, что астрономы предпочитают держаться подальше от больших городов, потому что электрический свет мешает им наблюдать за звездами.

Между этими внушительными строениями располагались широкие открытые пространства, и хотя траву и цветы, которые когда-то росли на газонах, теперь заглушили сорняки и кусты, в этой части города до сих пор сохранилась некая аура величественного достоинства, и Эдди подумал еще,

что, наверное, в прежние времена здесь был центр культурной жизни Лада. Те времена, разумеется, миновали давным-давно: Эдди очень сомневался, что Гашер и сотоварищи интересуются, скажем, балетом или камерной музыкой.

Они с Сюзанной вышли на главный перекресток. Он него, точно спицы в колесе, расходились еще четыре широких проспекта. Посередине, как ось «колеса», располагалась просторная мощеная площадь, уставленная по краю стальными столбами футов в сорок высотой с установленными на них громкоговорителями. В самом центре стоял постамент с остатками статуи – взметнувшимся на дыбы могучим боевым конем из бронзы, позеленевшей от времени. Бронзовый всадник, когда-то гордо на нем восседавший, валялся теперь поодаль на проржавелом боку, сжимая в одной руке меч, а в другой – что-то похожее на автомат. Его ноги по-прежнему были изогнуты, как бы обнимая бока коня, которого не было больше, но металлические сапоги остались в бронзовых стремянах. «СМЕРТЬ СЕДЫМ!» – было написано на постаменте оранжевой выцветшей краской.

Окинув взглядом расходящиеся от площади проспекты, Эдди увидел еще столбы с громкоговорителями. Несколько столбов завалилось набок, но остальные стояли ровно, и на каждом висели гирлянды трупов, так что площадь, на которую вывела их «Пятая Авеню» и все четыре проспекта, уводящие дальше в город, как бы охранялись небольшой армией мертвецов.

– Что же это за люди? – повторил свой вопрос Эдди.

Вопрос был адресован в пространство, Эдди не ждал ответа, да Сюзанна и не собиралась ему отвечать... хотя ответить могла бы. И прежде в сознании ее возникали живые картины из прошлого мира Роланда, но никогда еще эти видения не были такими яркими и убедительными, как сейчас. Раньше, как, например, те картины, которые ей привиделись в Речном Перекрестке, все эти видения несли на себе отпечаток некоей призрачной иллюзорности, характерной для снов, а теперь эти мысленные картины возникли как бы единой вспышкой – как будто молния высветила из тьмы искаженное злобой лицо маньяка.

Громкоговорители... трупы на столбах... барабаны. Она неожиданно поняла, каким образом все это связано между собой, точно так же, как раньше она поняла – даже не поняла, а узнала, – что нагруженные повозки, проходящие через Речной Перекресток на пути в Джимтаун, тянули быки, а не лошади или мулы.

– Не обращай ты на это внимания, – проговорила она, и если голос ее

и дрожал, то совсем чуть-чуть. – Мы ищем поезд, давай на этом и сосредоточимся... нам куда теперь, как ты думаешь?

Эдди запрокинул голову и, только взглянув на темнеющее небо, сразу же определил – по узору несущихся там облаков – путь Луча. Опустив глаза, он безо всякого удивления обнаружил, что выход на улицу, расположенную более-менее вдоль Луча, охраняет большая каменная черепаха. Глаза на змеиной ее голове, осторожно высовывающейся из-под кромки гранитного панциря, казалось, смотрят на них с любопытством. Эдди кивнул головой в сторону черепахи и выдавил слабенькую улыбку:

– «Есть черепаха, представьте себе...»

Сюзанна лишь мельком взглянула туда и кивнула. Эдди перевез ее через площадь и выкатил коляску на улицу Черепахи. От трупов, висящих на всех столбах, исходил суховатый коричный запах, от которого у Эдди скрутило желудок... и вовсе не потому, что пахло плохо, а потому что, наоборот, хорошо – это был пряный запах какой-то сыпучей сладости, которую дети с удовольствием посыпают на утренний тост.

К счастью, улица Черепахи оказалась довольно широкой, к тому же большинство трупов, свисающих со столбов, давно превратились в усохшие мумии, хотя Сюзанна и заметила несколько относительно «свежих» тел: вокруг них роились мухи, облепив потемневшую кожу раздувшихся лиц, а в гниющих глазницах копошились черви.

И под каждым столбом белело по маленькой кучке костей.

– Их, наверное, тысячи, – сказал Эдди. – Мужчины, женщины, дети.

– Да, – спокойно проговорила Сюзанна и удивилась сама, как странно и отчужденно звучал ее голос. – У них было достаточно времени, и они им воспользовались сполна, чтобы поубивать друг друга.

– Где ж, мать их так, добрые мудрые эльфы?! – Эдди нервно расхохотался, но смех его подозрительно походил на всхлипы. Про себя он подумал, что, кажется, начинает «въезжать» до конца в подлинный смысл этой вроде бы безобидной фразы: мир сдвинулся с места, – в то, какие глубины зла и невежества заключает она в себе.

Глубины бездонные.

«Громкоговорители эти установили во время войны, – размышляла про себя Сюзанна. – Да, наверное, так все и было. Бог его знает, какой войны и когда она началась, но это был полный абзац. Через эти “матюгальники” правители Лада оглашали по всему городу свои объявления, а сами сидели, наверно, в каком-нибудь укрепленном бомбоубежище – вроде командного бункера, где укрылся Гитлер с верхушкой рейха в конце Второй Мировой».

В ушах у нее звучал властный голос, когда-то гремевший из этих

громкоговорителей – она различала его так же ясно, как раньше слышала скрип повозок, проезжающих через Речной Перекресток, как слышала свист кнута над спинами тащивших повозки быков.

«Центры распределения провизии А и D будут сегодня закрыты; просим всех обращаться в центры В, С, Е и F. При себе иметь карточки и купоны».

«Девятому, десятому и двенадцатому отрядам милиции срочно прибыть в Сендсайд».

«Воздушные налеты ожидаются с восьми до десяти часов. Всему гражданскому населению – укрыться в ранее установленных бомбоубежищах. При себе иметь противогазы. Повторяю, при себе иметь противогазы».

Объявления, да... и еще выпуски новостей. Разумеется, фальсифицированных новостей – пропагандистские, милитаризированные сводки, которые Джордж Оруэлл назвал бы двойною речью. А в промежутках, наверное, музыка: бравурные военные марши, – и пламенные призывы отомстить за погибших товарищей, оправив новых мужчин и женщин в алое жерло войны.

Потом война закончилась и в городе стало тихо... на некоторое время. Но вскоре громкоговорители ожили снова. Когда? Сто лет назад? Пятьдесят? Какая разница? Сюзанна решила, что никакой. Имело значение только одно: когда «матюгальники» эти включаются, они каждый раз передают неизменную запись – запись барабанного боя. И потомки коренных жителей города приняли эти ритмы... за что? За голос Черепахи? За волеизъявление Луча?

Сюзанна вспомнила вдруг, безо всякой связи, как однажды спросила отца, тихого, но до предела циничного человека, верит ли он, что есть Бог и что Бог управляет с небес человеческими судьбами. Ну, – ответил он ей тогда, – тут, наверное, половина на половину, Одетта. Бог есть, в этом я не сомневаюсь, только я думаю, что теперь мы не очень Его занимаем. Я так думаю, после того, как мы, люди, убили Его сына, до Него наконец-то дошло, что с сыновьями Адама и Евы уже ничего не поделаешь, и Он просто умыл руки. И поступил очень мудро.

Вместо ответа Сюзанна (которая, в общем-то, и ожидала от папы чего-то подобного: ей уже было одиннадцать лет, и она достаточно хорошо изучила отцовский склад ума) показала ему объявление в местной газете в рубрике «Наш приход». В объявлении говорилось, что в следующее воскресенье преподобный отец Мердок из методистской церкви Милости Господней прочтет проповедь, тема которой «Бог говорит с нами каждый

день», после чего будет зачитаны выдержки из Первого послания к коринфянам. Отец смеялся до слез. Ну, наверное, каждый из нас время от времени слышит голос – чей-то голос, – выдавил он, когда приступ смеха прошел. Но ты можешь, дочка, поспорить на самый последний доллар: каждый из нас, включая и преподобного отца Мердока, слышит именно то, что он хочет услышать. Так удобнее.

А эти люди, как видно, хотели услышать в простой записи партии для ударных призыв к ритуальным убийствам. И теперь, когда из сотен и тысяч громкоговорителей, установленных по всему городу, раздается пульсирующий барабанный бой – призывный грохот, оказавшийся на поверку, как утверждает Эдди, всего лишь партией ударных для «зи-зи топовской» песенки «Велкро Флай», – это служит для них сигналом размотать пару веревок и вздернуть нескольких ближних своих на ближайших столбах.

«И сколько же их всего? – размышляла Сюзанна, пока Эдди катил ее в коляске, выщербленные колеса которой скрипели по битому стеклу и шуршали по обрывкам бумаги. – Сколько погибло за эти годы, из-за того только, что где-то под городом заклинило электронную схему, включающую радиопередачу? может быть, это все началось потому, что они ощутили глубинную чужеродность музыки, каким-то непостижимым образом попавшей сюда – как, собственно, и мы сами, и тот разбившийся аэроплан, и эти автомобили на улицах – из другого мира?»

Этого она не знала, но вдруг поняла, что тоже теперь пришла к отцовскому – где-то циничному – взгляду на Бога и возможных его бесед с сыновьями Адама и дочерьми Евы. Эти люди, наверное, просто искали удобоваримый повод для того, чтобы убивать друг друга, и обрели его в барабанном бое, который, собственно, в плане того, чтобы выступить поводом, был не хуже любого другого.

Она поймала себя на том, что мысли ее вновь и вновь возвращаются к улью, на который они наткнулись в эвкалиптовой роще – бесформенный улей с белыми пчелами, чей ядовитый мед наверняка бы убил их, если бы они были настолько глупы, чтобы его попробовать. Здесь, на берегу реки Сенд, был еще один умирающий улей, где обитали еще одни белые пчелы-мутанты, чей укус, может быть, столь же смертелен... запутавшиеся, потерянные, сбитые с толку создания.

«И скольким еще предстоит умереть прежде, чем эта пленка порвется?»

Как будто мысли ее неосторожно включили запись, громкоговорители вдруг ожили и начали передавать нескончаемый синкопированный

барабанный бой. Эдди вскрикнул от неожиданности. Сюзанна тоже закричала и прижала ладони к ушам – но за те пару секунд, пока она не закрыла уши, она успела все-таки различить остальную часть музыки: дорожку или, может быть, пару дорожек, заглушенные десятилетия назад, когда кто-то (возможно, случайно) сбил настройку баланса, отключив партию гитар и вокал.

Эдди вез ее по улице Черепахи вдоль пути Луча, стараясь смотреть во все стороны сразу и в то же время не замечать запаха разложения. Слава Богу, что дует ветер, – подумал он.

Он начал толкать коляску быстрее, скользя внимательным взглядом по буйно заросшим сорной травой промежуткам между белыми зданиями: не мелькнет ли изящной дугой пролет поднятой над городом железной дороги. Ему хотелось как можно скорее убраться из этой аллеи трупов. Глубоко вдохнув воздух, наполненный сладким коричневым запахом, Эдди подумал еще, что ему в жизни так ничего не хотелось, как этого: просто убраться отсюда.

Джейк очнулся внезапно, разом, когда Гашер схватил его за воротник и дернул с безжалостной силой жестокого всадника, который удерживает коня, сорвавшегося в галоп. Одновременно он выставил одну ногу, и Джейк, споткнувшись, упал на спину. Головою он сильно ударился о тротуар и на мгновение отключился. Гашер, явно не страдающий острыми приступами человеколюбия, быстро привел его в чувство, схватив за нижнюю губу и резко вывернув ее вверх и наружу.

Джейк закричал и рывком принял сидячее положение, вслепую размахивая кулаками. Гашер легко уклонился от его слабых ударов, просунул вторую руку Джейку под мышку и резко поднял его на ноги. Джейк стоял, раскачиваясь взад-вперед, словно пьяный. Он уже больше не протестовал – не мог. Он едва ли воспринимал происходящее и вообще ничего не чувствовал, кроме одного: все его мышцы болели от перенапряжения, а раненая рука так, казалось, и выла, точно животное, пойманное в капкан.

Гашер явно запыхался, и на этот раз ему понадобилось чуть больше времени, чтобы восстановить дыхание. Он стоял, наклонившись вперед и опираясь руками в колени. При каждом вдохе его слышалось тихое

присвистывание. Желтый платок у него на голове сбился набок. Единственный глаз блестел, как фальшивый бриллиант. Белая шелковая повязка на другом глазу помялась – из-под нее медленно «выползали» мерзкого вида сгустки желтоватой жижи и текли по щеке.

– Подними башку, зайчик, и ты увидишь, почему я тебя остановил. Давай полюбуйся!

Джейк запрокинул голову и, поскольку давно уже пребывал в нескончаемом шоке, вовсе не удивился, увидев висящий над ними на высоте футов в восемьдесят мраморный фонтан размером с хороший трейлер. Они с Гашером стояли сейчас почти точно под ним. Фонтан держался на двух проржавелых тросах, которые были почти не видны за беспорядочной шаткой грудой церковных скамей. Даже в теперешнем своем состоянии полной апатии Джейк отметил, что эти тросы изношены посерьезней, чем те, которые держали мост.

– Видишь? – спросил, ухмыляясь, Гашер. Подняв левую руку к белой повязке на сочащемся гноем глазу, он выгреб из-под нее вязкую жижу и с завидным безразличием стряхнул ее с пальцев. – Красиво, правда? О-о, Тик-Так – мужик умный, в этом уж будь уверен. Он никогда не ошибается. (Где эти гребанные барабаны? Они должны бы уже включиться... если Копперфильд забыл их врубить, я собственноручно всажу ему палку в задницу да так, что в горлышке запершит). А теперь посмотри вперед, мой восхитительный вкусный зайчик.

Джейк так и сделал и немедленно получил удар такой силы, что отлетел назад и едва не упал.

– Да не туда, идиот! Вниз! Видишь те два темных камня?

Через секунду-другую Джейк их заметил и безразлично кивнул головой.

– Очень тебе не советую наступить на них, зайчик, иначе вся эта хреновина свалится прямо тебе на голову, и тому, кто захочет тебя соскрести, придется воспользоваться промокашкой. Понятно?

Джейк снова кивнул.

– Хорошо. – Гашер сделал последний глубокий вдох и хлопнул мальчика по плечу. – Тогда вперед. Чего ждешь? Ну!

Джейк перешагнул через первый из более темных камней и увидел, что это на камень, а металлическая пластина, обточенная по форме булыжника. Вторая пластина располагалась чуть впереди, причем весьма хитроумно: так, чтобы невнимательный – и незванный – гость, по случайности не наступивший на первую, почти наверняка наступил бы на вторую.

«Ну давай, сделай шаг – наступи на нее, – сказал он себе. – Почему бы и нет? Стрелок все равно ни за что не разыщет тебя в этом чертовом лабиринте, так что давай, пусть все рухнет тебе на голову. Так будет лучше... и чище, чем то, что этот Гашер с его дружками приготовили для тебя. И гораздо быстрее».

Он занес ногу в пыльном кроссовке над пластиной-ловушкой.

Гашер ударил его кулаком по спине, но не очень сильно.

– И чего это ты себе думаешь, салажонок? Червей покормить захотелось? – спросил он, причем всегдашняя издевательская жестокость сменилась в голосе его простым человеческим любопытством. Если к нему и примешивались какие-то еще чувства, то не страх, а скорей удивление. – Ладно, давай, если ты только уверен, что тебе хочется именно этого. Мне-то что? Мой билетик давно припасен. Только давай побыстрей, лопни твои глаза!

Нога Джейка опустилась на мостовую за плитой, приводящей ловушку в действие. Его решение пожить чуть подольше объяснялось отнюдь не надеждой на то, что Роланд найдет и спасет его... Джейк даже не сомневался, что Роланд поступит именно так: будет идти вперед до тех пор, пока кто-нибудь не остановит его, а потом – если сможет, если ему хватит сил – одолеет еще несколько ярдов.

Остановило его другое. Если сейчас наступить на пластину, то Гашеру – возможно – тоже пришел бы конец, но одного Гашера мало: одного взгляда на этот ходячий труп было достаточно, чтобы понять, что тот вовсе не лжет, утверждая, что уже умирает. Джейк решил подождать в надежде на то, что – если уж умирать, то с музыкой – ему может представиться случай прихватить с собой пару-тройку дружков Гашера... может быть, даже того, кого он называет Тик-Таком.

«Если уж я собираюсь, как он выражается, “покормить червей”, – рассуждал Джейк, – лучше собрать для компании “толпу” побольше».

Роланд бы понял его.

Джейк ошибся в своей оценки способности Роланда проследить их путь по этому невозможному лабиринту; ранец Джейка был самым приметным из знаков, оставшихся после них, к тому же Роланд быстро понял, что ему нету надобности останавливаться, чтобы искать следы. Ему

нужно было просто идти за Ышем.

Но тем не менее он иногда останавливался – на некоторых развилках, – желая удостовериться, и каждый раз, когда это происходило, Ыш оглядывался на него, издавая негромкий нетерпеливый лай, словно говоря: «Поторапливайся! Не стой! Хочешь их потерять?» После того, как обнаруженные стрелком знаки: следы, нитка от рубашки Джейка, лоскутик желтого платка Гашера – трижды подтвердили чутье ушастика, Роланд перестал сомневаться и уверенно последовал за ним. Он по-прежнему искал знаки, просто больше не останавливался для этого. А потом раздался барабанный бой, и именно он – плюс еще любопытство Гашера, пожелавшего вдруг проверить, что лежит в ранце у Джейка – спас в тот день жизнь Роланду.

Он резко остановился и еще прежде, чем сообразил, откуда взялись эти звуки, рука сама выхватила револьвер. Когда стрелок понял, в чем дело, он раздраженно крикнул, убрал револьвер обратно в кобуру и собрался уже идти дальше, как вдруг его взгляд случайно упал на ранец Джейка... а потом он заметил пару тонких блестящих прожилок, протянутых в воздухе. Прищурившись, Роланд разглядел два тоненьких проводка, пересекавшихся над землей примерно на уровне коленей не далее чем футов в трех впереди. Ыш, зверек по природе своей приземистый, без труда проскользнул в V – образные «воротца», образованные пересекавшимися проводами... но если бы не барабаны и не случайно попавшийся на глаза ранец, Роланд налетел бы прямо на них. Он поднял голову и внимательно изучил вроде бы беспорядочное нагромождение всякого хлама по обеим сторонам узенького прохода. Губы его плотно сжались. Смерть была близко, и спасло его только вмешательство ка.

Ыш нетерпеливо твякнул.

Роланд лег на живот и прополз под проволокой, двигаясь медленно и осторожно – он был крупнее Гашера, не говоря уже о Джейке. Будь он чуть-чуть поплотнее, он бы вообще не сумел протиснуться под проводами, их не задев. Отдаваясь в ушах, по проходам гремел барабанный бой. Они все с ума посходили, что ли? – раздумывал он про себя. Если бы мне каждый день пришлось слушать такое, я бы точно лишился рассудка.

Выбравшись из-под проволоки, стрелок поднял ранец Джейка и заглянул внутрь. Вроде бы ничего не пропало: книги, кое-что из одежды и всякие маленькие «сокровища», которые мальчик собрал по пути – камушек с блестящими желтыми прожилками, похожими на золото, но таковым не являвшиеся; наконечник стрелы, оставшийся, может быть, от древних обитателей леса (Джейк нашел его в роще через день после того,

как попал в этот мир); несколько монеток из собственного его мира; отцовские солнцезащитные очки и еще несколько «пустячков», которые может любить, понимать и ценить только мальчик, не достигший еще подросткового даже возраста, – в общем, все то, что парнишка захочет вернуть... если Роланд успеет найти его раньше, чем Гашер и вся его братия сломают его и изменят настолько, что он потеряет всяческий интерес к невинным занятиям и «ценностям» детства.

Перед мысленным взором Роланда возникла ухмыляющаяся рожа Гашера – точно лик демона или джинна из бутылки: кривые редкие зубы, пустые глаза мертвеца, язвы, расплзающиеся по щекам и по подбородку, заросшему жесткой щетиной. «Если ты его тронешь...» – подумал было стрелок, но тут же себя осадил: эти мысли лишь завели бы его в тупик. Если Гашер обидит мальчика («Джейка! – вопил настойчивый внутренний голос. – Не просто мальчика, а Джейка! Джейка!»), Роланд его убьет. Да. Но это само по себе ничего не значит. Это будет бессмысленным действием, ибо Гашер уже мертв.

Стрелок удлинил ремни ранца, восхитившись в который раз хитроумным устройством пряжек на лямках, надел его на себя и поднялся на ноги. Ыш повернулся, готовый двигаться дальше, но Роланд окликнул его по имени, и зверек обернулся.

– Ко мне, Ыш! – Роланд не знал, поймет ли ушастик команду (а если даже и поймет, то захочет ли повиноваться), но им сейчас лучше – и безопасней – держаться поближе друг к другу. Одну ловушку они миновали благополучно. Но где есть одна, могут быть и другие. А в следующий раз Ышу может и не повезти.

– Эйк! – твякнул Ыш, не сдвинувшись с места. Лай ушастика прозвучал вполне бодро, и только глаза зверька отражали его истинное состояние: они потемнели от страха.

– Да, но это опасно, – сказал Роланд. – Ко мне.

Сзади, где-то на пути, по которому они шли, раздался грохот – как будто обрушилось что-то тяжелое. Быть может, падение произошло от вибрации, вызванной барабанным боем. Теперь Роланд увидел столбы с черными раструбами громкоговорителей, торчавшие из обломков и мусорных куч, точно длинные шеи каких-то странных зверей.

Ыш подбежал к нему и, тяжело дыша, поднял острую мордочку.

– Держись поближе.

– Эйк! Эйк-Эйк!

– Да. Джейк. – Роланд снова пустился бежать.

Ыш бежал рядом с ним, точно самый обычный пес.

Для Эдди все происходящее опять обрело некое странное качество, которое один мудрый мужик называл *deja vu*: он снова мчался с коляской со временем наперегонки. Только вместо морского берега была улица Черепахи, а в остальном все осталось по-прежнему. Впрочем, нет, все-таки было одно существенное отличие: сейчас они искали вокзал (или «колыбель»), а не дверь, закрепленную в пустоте.

Сюзанна сидела, выпрямившись, в коляске, держа в правой руке револьвер Роланда, нацеленный в тревожное небо, затянутое облаками. Ее волосы развевались по ветру. Барабаны гремели и грохотали. Их ритм, казалось, сшибал как удар. Впереди, посередине улицы, валялась какая-то тарелкообразная штука немалых размеров, при виде которой в перенапряженном сознании Эдди возникла картина, навевая, должно быть, классической архитектурой зданий, выстроившихся по обеим сторонам улицы: Тор и Юпитер режутся в фрисби. Юпитер кидает громадную фишку, и Тор дает ей упасть через облако... черт возьми, развлекаловка на Олимпе!

«Фрисби богов, – подумал он, лавируя с коляской Сюзанны между двумя проржавелыми автомобилями, – ну и мысли тебя посещают, приятель».

Он вывез коляску на тротуар, чтобы объехать тарелкообразную штуку, которая теперь, когда они подошли поближе, обрела очертания круглой телеантенны. Во всяком случае – чего-то похожего. Объехав «антенну», Эдди опять опустил коляску на проезжую часть – ехать по тротуару было весьма затруднительно, поскольку он весь был завален мусором, – и как раз в этот момент барабаны внезапно умолкли. Эхо их укатилось вдаль, и опять стало тихо... вернее, отнюдь не тихо, но после такого невозможного грохота Эдди не сразу это сообразил. Чуть впереди, на пересечении улицы Черепахи с другим широким проспектом, стояло сводчатое здание из белого мрамора, оплетенное побегами дикого винограда и какого-то непонятного, как будто всклокоченного растения, напоминавшего кипарис, только вьющийся. Но даже так оно выглядело великолепным и исполненным некоего благородства. Однако, внимание их привлекло не это – из-за угла мраморного строения доносился возбужденный рокот толпы.

– Не останавливайся! – напряженно проговорила Сюзанна. – У нас нет

времени на...

Над равномерным гулом голосов взвился истерический вопль, сопровождаемый возгласами одобрения и, как ни странно, аплодисментами вроде тех, которые Эдди однажды услышал в одном казино в Атлантик-Сити по окончании нудного представления вечерней программы. Пронзительный вопль обернулся хрипом, – долгим и затихающим как-то не сразу, – похожим на треск цикад в период их летней спячки. Эдди почувствовал, как у него встают дыбом волосы на затылке. Он обвел взглядом трупы, болтавшиеся на ближайшем столбе, и понял, что млады из Лада, весельчаки еще те, развлекаются там за углом, затеяв очередную публичную экзекуцию.

«Великолепно, – подумал он. – Жалко только, нет у них Тони Орландо и Дауна. Они бы им сбацали “Постучи три раза” – умирать было бы веселее».

Эдди с любопытством взглянул на белую каменную громаду. На таком расстоянии уже чувствовался пряный запах растений, ее оплетающих. От этого запаха у него заслезились глаза, но он все же понравился Эдди больше, чем сладковатый коричный дух, исходящий от ссохшихся мумифицированных трупов. Свисавшие с тонких стеблей «бороды» зелени образовывали как бы водопады растительности, скрывавшие серию сводчатых входов в здание. Неожиданного из одного «водопада» вынырнула человеческая фигура и быстро направилась в их сторону. Когда первый испуг прошел, Эдди понял, что это ребенок и, судя по росту, совсем малыш. Одет он был странно, в стиле маленького лорда Фаунтлероя. Необычный костюм дополняли белая рубашка с кружевным гофрированным воротником и короткие бархатные штанишки. В волосах у ребенка пестрели ленточки. Эдди едва поборол внезапное – сумасшедшее – желание сделать «козу»: «Идет коза рогатая за малыми ребятами. У-тю-тю».

– Идите сюда! – позвал их ребенок высоким писклявым голосом. В волосах у него запуталось несколько зеленых побегов. Он стряхнул их рассеянно левой рукой на бегу. – Они там приходят Резвого! Пришел и его черед отправляться в страну барабанов. Пойдемте, иначе пропустите все веселье, да разразят его боги!

Сюзанну не меньше, чем Эдди, поразило неожиданное появление ребенка и его непонятный весьма внешний вид, но, когда тот подошел поближе, она обратила внимание на еще одну странность: почему-то он стряхивал зелень, застрявшую в увешенных ленточками волосах, только одной рукой. Правую руку ребенок все время держал за спиной.

«Какой же он маленький и неуклюжий!» – сказала себе Сюзанна, а потом в сознании ее как будто включилась магнитофонная запись и зазвучали слова Роланда, сказанные на краю моста, когда они перебрались на ту – эту – сторону: «Я знал, что нечто подобное может произойти... если бы мы его раньше заметили, этого гада, пока находились вне радиуса действия его взрывающегося яйца... вот и правда, везет как утопленникам!»

Она нацелила Роландов револьвер на ребенка, который, спрыгнув с тротуара, бежал прямо на них.

– Стоять! – закричала она. – Стоять на месте, кому говорю!

– Сьюз, ты что? – изумился Эдди.

Сюзанна как будто его не слышала. В некотором – и очень реальном – смысле Сюзанна Дин вообще перестала существовать: теперь в коляске сидела Детта Уокер с горящими лихорадочной подозрительностью глазами.

– Стоять, или я стреляю!

Видимо, маленький лорд Фаунтлерой был глухим, потому что предупредительный окрик Сюзанны не возымел на него никакого воздействия.

– Скорее! – вопил он, ликуя. – Иначе пропустите все веселье! Резвый сейчас...

Он начал медленно доставать правую руку из-за спины. Только теперь до Эдди дошло, что никакой это не ребенок, а уродливый карлик, распрощавшийся с детством давным-давно. А выражение его лица, которое Эдди принял поначалу за детскую радость, на самом деле являло собой жуткую маску ярости с ненавистью пополам. Щеки его и лоб покрывали гноящиеся белесые язвы, которые Роланд называл «блядскими цветками».

Сюзанна так и не успела увидеть его лицо. Все внимание ее сосредоточилось на правой руке уродца с зажатым в ней мутно зеленым шаром. Она увидела все, что нужно. Большого не потребовалось. Прогремел выстрел. Карлика отшвырнуло назад. Он грохнулся на тротуар. Из его крошечной глотки вырвался пронзительный крик – вопль боли и ярости. Граната выпала из обмякшей руки и покатила обратно в ту самую арку, из которой минуту назад появился «гном».

Детта исчезла, как сон. Сюзанна с ужасом и отвращением перевела изумленный взгляд с дымящегося револьвера на распростертую на тротуаре крошечную фигурку.

– О Господи! Я застрелила его! Эдди, я его застрелила!

– Смерть... седым!

Маленький лорд Фаунтлерой попытался выкрикнуть эти слова

вызывающим, дерзким тоном, но захлебнулся в потоке крови, хлынувшей у него изо рта и залившей немногие более-менее чистые места на его белой когда-то рубашке. Откуда-то изнутри, наверное, из внутреннего двора мраморного строения, заросшего дикой лозой, раздался приглушенный грохот взрыва, и косматый ковер буйной зелени колыхнулся, надувшись, как флаг на ветру. Из арок пахнуло дымом – удушающим, едким. Эдди бросился на Сюзанну, прикрывая ее своим телом. Град цементных осколков – к счастью, небольших – обрушился ему на спину и на затылок. Слева что-то зачавкало, влажно и неприятно. Он слегка приоткрыл глаза и, взглянув в том направлении, увидел голову маленького Фаунтлероя, которая покатилась в канаву и остановилась там. Глаза карлика были открыты, рот так и застыл искривленным в предсмертном оскале.

Теперь до них донеслись новые голоса: кто-то вопил, кто-то визжал, кто-то рычал от ярости. Эдди резко отскочил от коляски Сюзанны – коляска качнулась, встала на одно колесо, но все-таки, к счастью, не перевернулась – и глянул в сторону арки, откуда появился карлик. Оттуда уже выбегали люди: кто-то из-за угла, кто-то – из сводчатых арок, заросших лозой. Разношерстная толпа, человек двадцать. Мужчины и женщины, материализовавшиеся из дыма после взрыва гранаты, словно какие-то злые духи. Почти у всех головы были повязаны голубыми платками, и все держали в руках оружие: весьма жалкий и разномастный набор проржавелых мечей, явно тупых ножей и потрескавшихся дубинок. Один из мужчин воинственно размахивал молотком. Млады, – подумал Эдди. Мы прервали их висельную вечеринку, и они, видимо, очень расстроились.

Увидев Сюзанну, сидящую в кресле-каталке, и Эдди, который стоял теперь у коляски, опустившись на одно колено, толпа разразилась истошными воплями: «Смерть седым! Убить их обоих! Они замочили Блескучего, разрази их Господь!» Мужчина, выбившийся чуть вперед, – одетый в какую-то юбку на манер шотландского килта, – размахивал абордажной саблей. Он крутанул ее над головой (и едва при этом не снес башку толстой тетке, стоявшей рядом, которая вовремя пригнулась) и бросился к Эдди с Сюзанной. Толпа с радостными воплями ломанулась за ним.

Тишину пасмурного ветреного дня расколол грохот выстрела, и верхнюю часть головы ретивого млада, одетого в юбку-килт, снесло напрочь. Землистое лицо толстой тетки, которой «шотландец» едва не снес голову саблей, вдруг «расцвело» алым пунктиром, и она издала испуганный сдавленный возглас. Остальные на полном ходу проскочили мимо с распахнутыми, ничего не видящими глазами, вопя с иступления и не

замечая ни воплей толстухи, ни труп.

– Эдди! – закричала Сюзанна и выстрелила еще раз. Мужчина в шапочке, отделанной шелком, и сапогах до колен рухнул на мостовую.

Эдди потянулся за «Рюгером», и на какой-то кошмарный миг ему показалось, что он потерял пистолет. Рукоятка его – и такое случается тоже! – завалилась за ремень штанов. Он сунул руку за пояс и дернул изо всех сил. Гребаная штуковина застряла. Мушка на конце ствола зацепилась за трусы.

Сюзанна выстрелила три раза подряд. Все три пули попали в цель, но это не остановило разбушевавшихся младов.

– Эдди, ты где? Помоги мне!

Эдди рывком разорвал штаны, ощущая себя такой жалкой пародией на Супермена, и сумел наконец вытащить «Рюгер». Основанием левой ладони он сбил рычажок предохранителя и, опершись локтем на бедро чуть повыше колена, открыл огонь. Он уже ни о чем не думал. Думать, собственно, не было необходимости – и целиться тоже. Роланд как-то им говорил, что в бою руки стрелка действуют как бы сами, независимо от него, и теперь Эдди сам убедился в этом. На таком расстоянии, впрочем, даже слепому было бы затруднительно промахнуться. После выстрелов Сюзанны число младов уменьшилось до пятнадцати. Эдди «прошелся» по остальным, как ураган по пшеничному полю, уложив четверых меньше чем за две секунды.

Теперь их спаянная толпа, слитая в едином бездумном и пылком порыве, начала потихонечку распадаться. Мужчина, размахивавший молотком, неожиданно отшвырнул свое оружие и бросился наутек, смешно подпрыгивая на своих искривленных артритом ногах. За ним последовали еще двое. Остальные нерешительно приостановились.

– Вперед, черт вас всех побери! – прорычал относительно молодой мужчина. Голубой платок был повязан у него на шее, как у жокея на скачках в Аскоте. За ушами на лысой его черепушке торчали два жалких клочка спутанных рыжих волос. Сюзанна решила, что он похож на клоуна Кларабелля; Эдди он чем-то напомнил Рональда Мак-Дональда; и оба увидели сразу, что это серьезный противник. Лысый «жокей» запустил в них тяжелым, явно самопальным копьем, которое начинало свою «карьеру», скорей всего, в качестве ножки стола. Не причинив никому вреда, оно грохнулось на мостовую справа от Эдди с Сюзанной. – Вперед, я сказал! Мы справимся с ними, если ударим все вмес...

– Прости, дружище, – пробормотал Эдди и выстрелил, целясь в грудь.

Кларабелль-Рональд отшатнулся, схватившись рукой за перед рубахи и

глядя на Эдди широко распахнутыми глазами, в которых читалась одна, до боли ясная мысль: этого не должно было случиться. Рука упала, безвольно повиснув вдоль туловища. Из рта потекла струйка крови, до невозможности яркая в сером свечении пасмурного дня. Млады – немногие из оставшихся – молча смотрели, как он, пошатнувшись, рухнул на колени. Один из них бросился было бежать.

– Не хрена, – сказал Эдди. – Оставайся на месте, мой тормознутый друг, иначе у тебя будет возможность как следует рассмотреть ту поляну, где твоей обрывается жизни путь. Я не шибко лирически изъясняюсь? – Он повысил голос.

– А ну-ка, ребята, девчонки, бросайте все, что у вас в руках! Все! И быстро! Сейчас же!

– Ты... – прошептал умирающий. – Ты... стрелок?

– Да. – Эдди окинул угрюмым взглядом притихших младов.

– Умоляю тебя... о прощении, – выдохнул лысый воитель и упал лицом вниз.

– Стрелки? – тупо переспросил кто-то из толпы. В его голосе явственно слышался страх. И еще – понимание.

– Хоть ты и дурак, но, смотрю, не глухой, – проговорила Сюзанна, – а это уже кое-что. – Она взмахнула револьвером, в котором (Эдди знал это точно) уже не осталось патронов. И кстати, уж если на то пошло, сколько патронов осталось в «Рюгере»? Только теперь до него дошло, что он понятия не имеет, сколько вообще патронов помещается в магазине этого пистолета. Надо же быть таким идиотом... впрочем, разве он думал о том, что им придется столкнуться с чем-то подобным? Нет, ему даже и в голову не могло прийти...

– Вы слышали, что он сказал, ребята? Давайте, бросайте свои игрушки. Каникулы кончились.

Один за другим они подчинились. Женщина, на лице у которой теперь засыхала кровь мистера Меч-и-Килт – добрая пинта кровищи – неуверенно проговорила:

– Не стоило вам убивать Уинстона, миссис... у него сегодня день рождения... был.

– Вот и сидел бы он дома и кушал праздничный торт, – ответил Эдди. Учитывая ситуацию, самое подходящее определение которой – «бред», ни реплика женщины, ни его ответ не показались ему ни странными, ни неуместным. Сюрреализм как он есть.

Среди оставшихся младов была еще одна женщина – тощее существо с блондинистыми волосами, вылезавшими клоками, как будто у нее лишай.

Эдди заметил, как она постепенно, бочком – бочком, начала продвигаться к мертвому карлику – и к безопасной, потенциально, зелени, закрывавшей вход в арку – и всадил пулю в потрескавшийся цемент у нее под ногами. Он и сам не знал толком, чего ему от нее надо, просто ему не хотелось, чтобы дурной пример одного заразил остальных. Кроме того, он боялся своих же рук – мало ли что они станут делать, если весь этот болезненный мрачный народ попытается смыться. Что бы он там себе ни думал по поводу всех этих стрелецких дел, рукам его это занятие, как выяснилось, понравилось.

– Стой на месте, красавица. Офицер дружественных нам войск обеспечит твою безопасность. – Он бросил взгляд на Сюзанну. Лицо ее посерело, и это встревожило Эдди. – Ты как, Сьюз? Нормально? – спросил он, понизив голос.

– Нормально.

– Ты ведь не хлопнешься в обморок, правда? Потому что...

– Нет. – Она подняла глаза, темные, точно сумрачные пещеры. – Просто раньше я никогда ни в кого не стреляла... понятно?

«Что ж, привыкай», – едва не вырвалось у него, но он прикусил язык и опять покосился на пятерых, оставшихся от первоначальной оголтелой толпы. Они смотрели на него с Сюзанной с таким мрачным испугом, которому, однако, было далековато до настоящего страха.

«Черт возьми, да они все забыли давным-давно, что такое страх, – сказал себе Эдди. – Равно как и радость, печаль и любовь... по-моему, они вообще разучились чувствовать. Слишком долго они живут в этом чистилище».

И тут ему вспомнился смех, возбужденные крики, аплодисменты... Так что, выходит, была одна вещь, которая приводила в движение их застопорившиеся моторы – нечто, способное пробудить в них какие-то, пусть извращенные, чувства. Резвый бы смог это подтвердить.

– Кто у вас тут за старшего? – спросил Эдди, внимательно наблюдая за перекрестком у них за спиной на случай, если те, кто сбежал, передумают и снова заделаются смельчаками. Пока что он не слышал и не видел ничего подозрительного. Все остальные, как видно, решили бросить эту пятерку на произвол судьбы.

Они неуверенно переглянулись, и в конце концов заговорила женщина с перепачканным кровью лицом:

– Был Резвый, но когда в этот раз загремели божественные барабаны, жребий выпал на Резвого и мы дали ему проплясаться. Наверное, после него шел бы Уинстон, но вы замочили его из своих проклятых револьверов. Да-да, замочили. – Она нарочно стерла ладонью кровь со щеки, посмотрела

себе на руку и снова вперила мрачный взгляд в Эдди.

– А что, по-твоему, собирался со мной сделать Уинстон, когда метнул свое долбаное копье? – любопытствовал Эдди. Ему было весьма неприятно, что эта толстая тетка заставила его почувствовать свою вину за содеянное. – Подравнять мне прическу?

– И Франклина Блескучего замочили тоже, – угрюмо бубнила толстуха. – А кто вы такие вообще? Или седые, а это само по себе уже плохо, или парочка проклятых иноземцев, что еще хуже. Сколько нас, младов, осталось в Северном городе? Кто нас защитит? Топси, да, Топси мог бы... Топси Мореход... но его с нами нету, так? Сел в свою лодку и уплыл по реке... Да, именно так он и сделал, и да падет на него божий гнев, это я вам говорю!

Сюзанна уже перестала вслушиваться в слова. Ее мысли, как заколдованные, возвращались опять и опять к одной фразе, сказанной ранее толстой женщиной: «Жребий выпал на Резвого, и мы дали ему проплясаться». Давно, еще в колледже, она прочитала рассказ Ширли Джексон «Лотерея». Эти люди – выродившиеся потомки исконных младов – являли собой воплощение кошмарной фантазии Джексон. Неудивительно, что они неспособны уже на какие-то сильные чувства. А кто был бы на это способен, зная, что ему предстоит принимать участие в этой страшной жеребьевке и не единожды в год, как в рассказе, а по два-три раза на дню.

– Но почему? – спросила она у забрызганной кровью женщины. Ее голос, проникнутый ужасом, звучал хрипло и глухо. – Зачем вам все это?

Толстуха уставилась на Сюзанну как на законченную идиотку.

– Зачем? Да затем, чтобы призраки, обитающие в машинах, не вселились в тела умерших – младов или седых, все равно – и не послали их через дыры в земле наверх, чтобы они нас пожрали. Каждый дурак это знает.

– Никаких призраков не существует, – попыталась ее вразумить Сюзанна, но даже сама поняла, что слова ее просто бессмысленны. Здесь они существуют, призраки. В этом мире они повсюду. Но тем не менее она продолжала: – То, что вы называете божественными барабанами, это всего лишь магнитофонная запись. Просто пленка где-то застряла, и все. – Тут ее вдруг осенило, и она торопливо добавила: – Или, быть может, седые делают это нарочно... вы никогда не задумывались? Они живут в другой части города, так ведь? И под землю тоже? Они всегда стремились вас выжить. Может быть, это просто способ, чтобы заставить вас выполнить всю работу за них.

Забрызганная кровью женщина стояла рядом с пожилым господином в

котелке – самым древним, наверное в мире, – и выцветших брюках цвета хаки. Он сделал шаг вперед и заговорил подчеркнуто вежливо, отчего глубокое его презрение к чужакам обрело свойство кинжала с острым, как бритва, лезвием:

– Вы ошибаетесь, госпожа стрелок. Здесь, под Ладом, машин не счесть, и во всех обитают призраки... демоны-духи, несущие смертным одно только зло. Эти демоны-духи очень даже способны поднять мертвецов... а уж мертвецов у нас в Ладе хватает.

– Послушайте, – раздраженно встрял Эдди. – А вы-то сами хоть раз видели этих зомби, а, Дживз? Их вообще кто-нибудь видел?

Дживз скривил губы и ничего не сказал – усмешка его говорила сама за себя. Чего еще можно ждать от каких-то бешеных иноземцев, которые вместо того, чтоб искать понимания, начинают палить из револьверов?

Эдди решил, что лучше всего прекратить бесполезную эту дискуссию. Все равно миссионер из него никакой. Он помахал своим «Рюгером» перед носом забрызганной кровью женщины:

– Ты и твой этот приятель... который похож на английского камердинера в выходной день... отведете нас на вокзал, после чего мы с вами нежно распрощаемся, и признаюсь вам честно: на этом мой рабочий день, мать его так, закончится.

– Вокзал? – переспросил пожилой мужчина, похожий на Дживза-Камердинера. – А что это такое – «вокзал»?

– Колыбель, – уточнила Сюзанна. – Отведите нас к Блейну.

Последняя фраза все-таки подкосила Дживза: презрительное выражение умудренного жизненным опытом человека сменилось подлинным ужасом:

– Туда нельзя! – он едва ли не закричал. – Колыбель – это запретная зона, а Блейн – самый опасный из всех призраков Лада.

«Запретная зона? – подумал Эдди. – Великолепно. Если это действительно так, по крайней мере, у нас голова перестанет болеть насчет вас, придурки. Кроме того, ему было приятно узнать, что Блейн все-таки существует... во всяком случае, сами млады в это верят».

Остальные смотрели на Эдди с Сюзанной в полном недоумении: наверное, с таким выражением взирала бы группа новообращенных фанатиков-христиан на предприимчивых прохиндеев, предложивших им взять в аренду Ковчег Завета и переделать его под общественный туалет.

Эдди приподнял «Рюгер», прицелившись точно в лоб Дживзу.

– Нам нужно туда, – сказал он. – Мы идем. И если у тебя действительно нет желания присоединиться к своим праотцам прямо

сейчас, то лучше тебе прекратить скулить и отвести нас, куда тебе сказано.

Дживз и забрызганная кровью женщина неуверенно переглянулись, но когда «камердинер» опять повернулся к Сюзанне и Эдди, лицо его было суровым и очень решительным:

– Лучше вы нас застрелите, – проговорил он угрюмо. – Мы скорее умрем, чем пойдем туда.

– Да вы на себя посмотрите, ребята: кучка свихнувшихся мудаков с отмирающими мозгами! – взбесилась Сюзанна. – Никто не умрет! Никто! На хрена умирать?! Просто вы нас проводите и все! Ради всего святого!

– Но, госпожа, – проговорила толстуха серьезным тоном, – что умереть, что войти в колыбель к Блейну – все едино. Потому что Блейн спит, и тот, кто разбудит его, очень дорого за это заплатит.

– Да ладно тебе, красотка, – Эдди тоже уже начинал выходить из себя. – Разве можно почувствовать запах кофе, засунув нос в задницу?

– Я вас не очень-то поняла, – проговорила толстуха со странным достоинством. И откуда что взялось?!

– Я хочу сказать, что у вас есть выбор: отвести нас в колыбель, рискуя при этом навлечь на себя гнев Блейна, или остаться здесь и уже наверняка испытать на себе гнев Эдди. Между прочим, вовсе не обязательно убивать человека сразу – снес башку и порядок, все чинно и быстро. Можно отстреливать и по кусочку, а я сейчас именно в том настроении. Мне ужасно не нравится ваш городишко, и день у меня был поганый... музыка однообразная, запись заело, все население страдает хроническим или острым психозом и умственной недостаточностью, и первый же парень, которого мы тут встретили, швырнул в нас гранату и умыкнул нашего друга. Так что вы мне скажете?

– А зачем вам к Блейну? – спросил один из оставшихся пятерых младов. – Он давно не шевелится у себя в колыбели... уже много лет. Он перестал даже болтать на свои разные голоса и смеяться.

Болтать на разные голоса и смеяться? – Эдди недоумевал. Он поглядел на Сюзанну. Быть может, она что-нибудь понимает. Но она лишь пожалала плечами.

– Последним к Блейну ходил Ардис, – сообщила забрызганная кровью женщина.

Дживз угрюмо кивнул:

– Ардис всегда, когда пьяный, дурел. Блейн ему задал какой-то вопрос. Я его слышал, но только не понял, о чем шла речь... что-то насчет матери воронов, впрочем, не знаю... и когда Ардис не смог ответить, Блейн спалил его голубым огнем.

– Электричество? – уточнил Эдди.

Дживз и забрызганная кровью женщина одновременно кивнули.

– Ага, – подтвердила женщина, – оно самое. Электричество. Так называли его в стародавние времена. Я-то знаю.

– Вам вовсе не обязательно заходить в колыбель, – неожиданно предложила Сюзанна. – Просто отведите нас куда-нибудь, откуда она видна. А дальше мы пойдем сами.

Женщина недоверчиво на нее покосилась. Потом Дживз притянул голову толстухи к себе и стал что-то шептать ей в ухо. Трое оставшихся младов стояли чуть поодаль, выстроившись неровной линией и глядя на Эдди с Сюзанной невидящим взглядом, как люди, еще не очухавшиеся после неслабой воздушной бомбежки.

Наконец женщина оглянулась:

– Ладно, мы вас отведем к колыбели, и скатертью вам дорога.

– Я тоже так думаю, – согласился с ней Эдди. – Ты и Дживз, вы пойдете с нами. Остальные свободны. – Он окинул их мрачным взглядом. – Только имейте в виду: хоть одно брошенное из засады копье, хоть одна стрела или кирпич – и эти двое умрут на месте. – Угроза его прозвучала так слабо и так бессмысленно, что Эдди тут же пожалел о сказанном. Разве этих придурков волнует судьба этой парочки или любого другого, отдельного взятого, «собрата» по клану, если они каждый день отправляют двоих-троих в мир иной. А-а, ладно, – подумал он, глядя вслед удалявшимся младом, которые улепетывали, не оглядываясь – теперь уже поздно. Раньше надо было думать.

– Идемте, – сказала женщина. – Хотелось бы поскорее от вас отделаться.

– Взаимно, – откликнулся Эдди.

Но прежде, чем они с Дживзом сдвинулись с места, женщина сделала одну вещь, при виде которой сердце у Эдди немного смягчилось: опустившись на колени, она убрала волосы с лица мужчины в «шотландском килте» и запечатлела на грязной щеке его поцелуй.

– Прощай, Уинстон, – шепнула она. – Подожди меня там, где расступаются деревья, а вода сладка. Подожди, я приду к тебе. Обязательно, как рассвет гонит сумрак на запад.

– Я не хотела его убивать, – вдруг сказала Сюзанна.

– Я хочу, чтобы ты это знала. Но мне не хотелось самой умирать.

– Да. – Лицо, повернувшееся к Сюзанне, было суровым и на удивление спокойным. Глаза женщины были сухи. – Только если вы думаете войти к Блейну, вы все равно умрете. И, скорее всего, вы умрете так, что еще

позавидуете Уинстону, бедняге. Он жесток, этот Блейн. Самый жестокий из всех злобных духов в этом жестоком и злобном месте.

– Пойдем, Мод. – Дживз помог ей подняться на ноги.

– Да. Надо с этим покончить. – Она смерила взглядом Сюзанну и Эдди. Взгляд ее был исполнен решимости, но и смятения тоже. – Прокляты будут мои глаза за то, что смотрели они на вас. И прокляты будут ваши револьверы, ибо все наши беды – от них.

«И при таком отношении, – еще подумала про себя Сюзанна, – ваши беды, сестрица, не закончатся и через тысячу лет».

Мод быстрым шагом пошла по улице Черепахи. Дживз вышагивал рядом с ней. Эдди, которому приходилось катить коляску с Сюзанной, едва поспевал за ними. Очень скоро он стал задыхаться. Высокие здания с резными арками уступили место увитым лозой строениям, рассеянными по широким, давно не знавшим ухода лужайкам. Когда-то, наверное, здесь был богатый и дорогой район. Одно из зданий особенно выделялось на общем фоне: незамысловатая внешне постройка в форме куба из белых каменных плит и рядом колонн, поддерживающих нависающую крышу. Эдди опять вспомнились фильмы о гладиаторах, которые так ему нравились в детстве. Сюзанне, получившей более полное и классическое образование, вспомнился Парфенон. Оба сразу заметили изумительный каменный бестиарий – Медведя и Черепаху, Рыбу и Крысу, Коня и Собаку, скульптурные фигурки, выстроившиеся по краю крыши в колонну по два, – и поняли, что наконец-то пришли, куда надо.

Все дорогу их не покидало неприятное ощущение, как будто за ними наблюдает множество глаз – глаз, исполненных ненависти и в то же время благоговейного страха, – и теперь оно только усилилось. Над городом разразилась гроза. Первый гром прогремел, когда Эдди с Сюзанной увидели монорельс: как и гроза, он врывался в город с юга, сливался с улицей Черепахи и входил прямым в Колыбель Лада. А когда они подошли к нему, старые ссохшиеся тела на столбах по обеим сторонам проспекта задергались и заплясали под порывистым ветром.

Они бежали еще долго-долго, Бог его знает – сколько (Джейк ничего уже не соображал; его хватило только на то, чтобы отметить, что барабаны опять замолчали), а потом Гашер снова остановил его резким рывком. На

этот раз Джейк сумел устоять на ногах. У него открылось второе дыхание. Гашеру, старой развалине, было хуже.

– Уф! Мой старый насос дает сбой, мой сладкий.

– Плохо дело, – безучастно откликнулся Джейк и отлетел назад. Гашер со всей силы вмазал ему по щеке.

– Ну да, ты и слезы не уронишь, если я здесь скопычусь. Знаю я, как же! Только ты не надейся, мой юный друг... старина Гашер многих уже проводил и еще многих проводит, и не для того я родился на свет, чтобы отбросить копыта у ног такой, как ты, сладенькой душки-ягодки.

Джейк с безразличием выслушал весь этот бред. От твердо решил для себя, что Гашер отойдет к праотцам уже сегодня. Он лично за тем проследит. Может быть, Гашер прихватит с собой и его, но Джейку было уже все равно. Он утер кровь с разбитой губы и вперил задумчивый взгляд в свою испачканную ладонь, удивляясь при этом, насколько же быстро желание убивать завладевает человеческим сердцем.

Гашер, заметив, что Джейк разглядывает окровавленные свои пальцы, расплылся в ухмылке:

– Что, текут соки? Вот так-то. И это еще не последние соки, которые твой старый друг Гашер повыдавит из твоего стройного юного деревца, пока не доведет его до ума. А уж до ума он его доведет, будь уверен. – Он указал вниз, на выщербленную мостовую. Проследив взглядом за пальцем Гашера, Джейк увидел ржавую крышку люка, прикрывавшую вход в подземную шахту. На ней стояло заводское клеймо, которое Джейк уже где-то видел не так давно: «ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА».

– Там сбоку есть ручка, – доверительно сообщил Гашер. – Видишь? Вот и давай займись: поднимай крышку. И поживее. Тогда, может быть, ты предстанешь пред светлые очи Тик-Така со всеми зубами.

Джейк без слов взялся за ручку и потянул. Достаточно сильно, но все-таки не со всей силы. Лабиринт узких улочек и переулков, по которому прогнал его Гашер, мог бы повергнуть в уныние кого угодно, но здесь, наверху, было хотя бы светло. Джейк не знал, что их ждет в подземелье под городом, где непроглядная тьма исключает не то что возможность, а даже мечты о побеге... и он не спешил это выяснить. Во всяком случае, до тех пор, пока его не принудят уже конкретно.

Гашер, однако, быстро расставил все по своим местам.

– Она слишком тяжелая... – начал было Джейк, но договорить не успел, потому что «пират» схватил его за горло и рывком приподнял над землей, так что лица их оказались на одном уровне. После долгого бега по закоулкам щеки его чуточку порозовели и увлажнились от пота, а язвы,

разъедающие его плоть приобрели омерзительный желто-пурпурный оттенок. Открытые язвы как будто дышали, равномерными толчками исторгая куски зараженной плоти и сгустки крови. Джейк успел еще уловить смрадное его дыхание, а потом Гашер сдавил его горло, и дышать стало нечем.

– Послушай, гаденыш. И слушай внимательно, потому что это мое последнее предупреждение. Ты сейчас же поднимешь эту гребаную болванку, иначе я тебе этой вот самой рукой оторву язык. И можешь кусать меня, сколько захочешь, пожалуйста, потому что болячка уже у меня в крови, и не пройдет и недели, как на твоей нежной мордашке расцветут пышным цветом первые цветочки – если, конечно, ты доживешь. Ты хорошо меня понял?

Джейк отчаянно закивал головой. Лицо Гашера расплывалось уже в серых складках сгущающегося тумана, а голос его доносился как будто откуда-то издалека.

– Вот и славненько. – Гашер отшвырнул Джейка прочь. Обмякшее тело мальчика шлепнулось на мостовую рядом с проржавелым люком; он жадно хватал ртом воздух и кашлял, как будто его рвало. Наконец ему удалось сделать вдох – воздух со свистом ворвался в легкие, обжигая их жидким огнем. Джейк выплюнул комок окровавленной слизи. Теперь его точно едва не стошнило.

– А теперь снимай крышку, радость моего сердца, и давай больше не будем с тобой ругаться по этому поводу.

Джейк подполз к крышке люка, схватился за ручку и в этот раз потянул ее изо всех сил. В первый – кошмарный – момент ему показалось, что он все равно не сумеет ее поднять. Но потом он живо представил себе, как Гашер лезет рукой ему в рот и хватается язык... это прибавило ему сил. Что-то хрустнуло в пояснице, весь низ спины охватила тупая боль, но круглая крышка медленно сдвинулась, скрежеща по булыжнику, вбок, и под нею открылся тоненький серп темноты.

– Отлично, мой зайчик, отлично! – подбодрил его Гашер. – Ну прям-таки маленький мул! Давай тяни – не сдавайся на полпути!

Когда серпик стал величиной с половинку луны, а боль в спине превратилась в кусок раскаленного добела железа, Гашер пнул его в зад ногой, и Джейк растянулся на мостовой.

– Замечательно! – подытожил Гашер, заглянув в темноту. – А теперь, мое солнце, полезай быстренько вниз. Там сбоку есть лестница. Только смотри, не сорвись... скобы там скользкие, мхом давно заросли... иначе придется тебе лететь, кувыркаясь, до самого дна. Там всего-то скоб

двадцать, если я вдруг чего не забыл. Когда спустишься вниз, остановись, как пай-мальчик, и жди меня. У тебя может, конечно, возникнуть желание смыться, пока суть да дело, от старого доброго друга, но это не самая лучшая мысль, как ты думаешь?

– Нет, – сказал Джейк. – Не лучшая.

– Молодец, умный мальчик! – Губы Гашера растянулись в его коронной и мерзкой, надо сказать, ухмылке, обнажив несколько уцелевших зубов. – Там темно, внизу. Очень темно. И тоннелей там с хренову тучу. И все идут в разные стороны. Твой старый приятель Гашер знает их, как свои пять пальцев, честное слово, а вот ты там заблудишься моментально. И там еще полно крыс – здоровенных и очень голодных крыс. Так что лучше тебе меня подождать.

– Подожду.

Прищурившись, Гашер уставился на него.

– Речь у тебя как у этих, из новых... но ты точно не млад, могу чем угодно поклясться. Откуда ты, солнце мое?

Джейк промолчал.

– Мы, похоже, язык проглотили. Ну и ладно, не больно-то и хотелось. Тик-Так все равно тебя разговорит, помяни мое слово. У него в этом деле талант, у Тикки: вызывать людей на разговор. А уж если он кого разговорит, то, случается, тот входит в раж и начинает трепаться без умолку, причем иной раз так быстро болтает и громко орет, что приходится тюкнуть его по башке, чтобы он не трещал, как сорока. Все должны отвечать, когда разговаривают с Тик-Таким, и все отвечают, даже такие смазливые сладкие мальчики вроде тебя. А теперь, мать твою, лезь туда... Ну!

Он занес ногу, намереваясь пнуть Джейка, но в этот раз мальчику удалось увернуться. Он заглянул в полуоткрытый люк, увидел лестницу и начал спускаться. Голова Джейка не скрылась еще под землей, как вдруг воздух сотрясся от жуткого грохота. Громыкнуло далеко, на расстоянии примерно в милю, но Джейк сразу понял, что это было, и вскрикнул в отчаянии.

В уголках рта Гашера шевельнулась мрачная усмешка.

– Твой крутой друг прошел дальше, чем ты смел надеяться, да, моя прелесть? Но я так и думал... я сразу понял, на что он способен, потому что я видел его глаза – наглые, хитрые. Я так и думал, что он сразу отправится выручать своего маленького дружка, и так оно и получилось. Провода он заметил, но зато пролетел на фонтане, так что теперь тебе нечего волноваться. Спускайся, мой сладкозадый.

Он занес ногу, целясь в торчащую над тротуаром голову Джейка. Джейк пригнулся, уворачиваясь от удара. Одна нога его соскочила со скобы, и, чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за покрытую язвами ногу Гашера. Джейк поднял на него умоляющий взгляд, но не увидел ни капли жалости на умирающем, изъязвленном лице.

– Пожалуйста, – выдавил он, чуть не плача. Он представил себе Роланда, раздавленного громадой каменного фонтана. Как там говорил Гашер? Если кто-то захочет тебя соскрести, ему надо будет воспользоваться промокашкой.

– Проси, мое сердце, проси-умоляй. Только вряд ли ты что-нибудь выпросишь, потому что, как мы говорим, все сострадание, которое есть, осталось на той стороне моста. И тебе лучше это усвоить. Не глазей на меня, спускайся, иначе я так тебе наподдам, что мозги у тебя вылетят через уши.

Так что Джейк полез вниз. Когда он добрался до дна колодца, залитого стоячей водой, желание плакать прошло. Понутив голову и ссутулив плечи, он стоял там и ждал, когда Гашер спустится вниз и уведет его навстречу его судьбе.

Роланд действительно чудом не налетел на перекрещивающиеся провода, которые удерживали в равновесии лавину мусора, готовую обрушиться на любого неосторожного «гостя», но подвешенный над головою фонтан был откровеннейшей тупостью – такую ловушку мог бы поставить только наивный ребенок. Корт учил их при продвижении по вражеской территории осматривать окружающую обстановку по секторам, включая сюда и то, что находится сзади, сверху и под ногами.

– Стой! – велел он ушастику, повысив голос, чтобы перекричать барабанный бой.

– Ой! – согласился Ыш и, поглядев вперед, тут же добавил: – Эйк!

– Да. – стрелок еще раз взглянул на подвешенный сверху мраморный фонтан, потом осмотрел мостовую в поисках механизма, приводящего ловушку в действия, и обнаружил его почти сразу. И не один, а целых два. Быть может, когда-то их маскировка под булыжник мостовой была вполне сносной и действенной, но это время давно миновало. Роланд присел, уперев руки в колени, и проговорил, обращаясь к Ышу, задравшему

мордочку кверху и внимательно глядящему ему в глаза: – Сейчас я тебя на минутку возьму на руки. Только ты не волнуйся, Ыш.

– Ыш!

Роланд осторожно прикоснулся к ушастику, заведя обе руки ему под брюшко. В первый миг Ыш весь напрягся и попытался отпрянуть, но потом Роланд почувствовал, что зверек все же расслабился. Ему явно не нравилось, что его трогает кто-то другой, а не Джейк, но он, похоже, смирился с этим. Роланд в который раз удивился тому, какой же он все-таки умный, Ыш.

Он перенес зверька по узенькому проходу под Висячим Фонтаном Лада, осторожно переступая через фальшивые булыжники. Как только они миновали опасный участок, стрелок сразу же отпустил ушастика. В тот же миг барабаны умолкли.

– Эйк! – твякнул Ыш в нетерпении. – Эйк-Эйк!

– Да... но сначала нам надо обстригать одно небольшое дельце.

Роланд отвел Ыша еще на ярдов пятнадцать подальше, потом наклонился, подобрал с мостовой увесистый кусок бетона и задумчиво перебросил его из руки в руку, как будто прикидывая его вес. С востока донесся звук выстрела. За грохотом барабанов Роланд не расслышал шум краткой схватки Сюзанны и Эдди с бандой оголтелых младов, но этот выстрел стрелок услышал вполне отчетливо. Он улыбнулся: выстрел этот почти наверняка означал, что чета Динов добралась до колыбели – первая хорошая новость за целый день, который тянулся, казалось, уже неделю.

Роланд размахнулся и бросил обломок бетона. Бросок вышел точным, как и тогда, в Речном Перекрестке, когда стрелок запустил камень в древний светофор: бетонный обломок ударился точно по центру одной из пластин-ловушек. Где-то вверху лопнул с противным лязгом один ржавый трос. Мраморный фонтан накренился и завис на мгновение, поддерживаемый вторым тросом – любой более-менее подготовленный человек с хорошей реакцией успел бы за это мгновение уйти из опасной зоны, машинально отметил про себя Роланд. А когда и этот трос тоже лопнул, фонтан обрушился вниз, точно бесформенный розовый камень.

Когда фонтан грохнулся о мостовую, все вокруг, кажется, содрогнулось. Роланд присел за завалом из стальных ржавых балок. Ыш проворно запрыгнул ему на колени. В воздух взметнулись мраморные осколки, причем некоторые куски были размером с небольшую повозку. Несколько кусочков поменьше попало Роланду в лицо. Он отряхнул шерстку ушастика, в которой тоже застряли розовые обломки, и оглядел образовавшуюся с его помощью баррикаду. Фонтан раскололся надвое,

точно большое блюдо. «Придется нам возвращаться другим путем», – сказал себе Роланд. Проход, и без того очень узкий, теперь оказался полностью заблокированным.

Интересно, слышал ли Джейк грохот рухнувшего фонтана, а если слышал, то что он подумал? Насчет Гашера Роланд даже не переживал: тот наверняка решит, что стрелка размазало по мостовой – Роланду это было лишь на руку. Но что подумает Джейк? То же самое? Должен же он понимать, что стрелка не возьмешь на такую убогую западню... однако, если Гашер запугал его, Джейк сейчас мог вообще ничего уже не соображать. Как бы там ни было, сейчас нет времени на раздумья и домыслы, и если бы у Роланда была возможность вернуться на пару минут назад в прошлое, он сделал бы то же самое. Пусть Гашер уже не жилец, он – мужик смелый и по-звериному хитрый. Если теперь он хотя бы немного ослабит бдительность, значит, оно того стоило.

Роланд поднялся на ноги.

– Ыш! Ищи Джейка!

– Эйка! – Вытянув мордочку, Ыш принялся, уловил запах Джейка и снова рванул вперед, ведя за собою Роланда. Минут через десять ушастик остановился у крышки канализационного люка, обнюхал землю вокруг и, подняв голову к Роланду, отрывисто тьякнул.

Опустившись на одно колено, стрелок внимательно изучил запутанные следы и широкую полосу царапин на мостовой. По всему судя, эту крышку отодвигали довольно часто. Лицо Роланда оставалось по-прежнему бесстрастным, и только глаза его сузились, когда он увидел сгусток окровавленной слюны в щели между двумя булыжниками.

– Он так и бьет его, этот ублюдок, – пробормотал стрелок.

Он оттащил в сторону крышку люка и заглянул вниз. Потом расшнуровал рубаху и вытащил из петель сыромятный кожаный шнурок. Подняв ушастика, сунул его за пазуху. Ыш оскалится. Роланд почувствовал, как ему в грудь и живот вонзаются, точно маленькие ножи, острые коготки. Но когти тут же убрались, и Ыш высунул мордочку из-за пазухи, сверкая глазами и дыша, точно маленький паровой двигатель. Стрелок чувствовал, как рядом с его сердцем колотится маленькое сердечко. Порывшись в сумке, Роланд достал еще один сыромятный шнурок, подлиннее.

– Придется мне взять тебя на поводок. Мне это, правда, не очень нравится, а тебе, наверное, понравится еще меньше, но там, внизу, слишком темно.

Связав два шнурка вместе, он сделал петлю на одном конце и накинул ее на шею ушастика. Роланд думал, что Ыш снова оскалит зубы и, может

быть, попытается даже его укусить, но Ыш сидел на удивление спокойно. Он лишь посмотрел на стрелка своими черными глазками с золотым ободком и с нетерпением тявкнул:

– Эйк!

Зажав свободный конец «поводка» в зубах, Роланд сел на край канализационного люка... если, конечно, это был канализационный люк. Он нащупал ногой первую скобу лестницы. Спускался стрелок медленно и осторожно, ему очень мешала изувеченная рука. Отсутствие двух пальцев ощущалось теперь как никогда. К тому же, стальные скобы были покрыты какой-то густой скользкой смазкой и еще чем-то мягким и влажным на ощупь, должно быть, мхом. Теплое тельце Ыша ощущалось пушистым грузом между рубашкой и животом. Зверек ровно, со свистом посапывал. В слабом свете, проникающем в шахту с улицы, золотистые кольца вокруг его черных зрачков поблескивали, точно два медальона.

И вот наконец нога Роланда погрузилась со всплеском в скопившуюся на дне шахты воду. Он на мгновение поднял глаза к бледной белой монетке света высоко-высоко вверху. Сейчас начинается самое трудное, – сказал он себе. В тоннеле было тепло и сыро, и пахло, как в старом склепе. Где-то неподалеку – гулко и размеренно – капала, ударяясь о камень, вода. Чуть подальше гудели какие-то механизмы. Роланд достал из-за пазухи Ыша – зверек явно был ему очень признателен – и опустил его в мелкий поток сточных вод, лениво текущий по дну тоннеля.

– Теперь все зависит только от тебя, – шепнул стрелок на ухо Ышу. – Ищи Джейка, Ыш. Ищи Джейка!

– Эйка! – тявкнул ушастик и поспешно зашлепал по мелкой воде в темноту. Голова его раскачивалась, как маятник, на длинной шее. Намотав свободный конец «поводка» на изувеченную правую руку, Роланд последовал за ним.

Колыбель – внушительное и огромное здание, вполне достойное того, чтобы в сознании Сюзанны и Эдди название это воспринималось уже с большой буквы – располагалась по центру широкой площади в пять раз больше той, где стояла поломанная статуя. Только теперь, рассмотрев Колыбель как следует, Сюзанна прочувствовала, каким серым, старым и безобразным было все остальное в Ладе. На нее было больно смотреть –

такой сияюще чистой выглядела Колыбель. Побег дикого винограда не лепились к ее белоснежным стенам; дурацкие надписи не уродовали ее ослепительных стен, колонн и ступеней. Здесь не было и следа желтоватой пыли, приносимой ветрами с равнин и покрывавшей, казалось, весь город. Когда они подошли поближе, Сюзанна увидела, почему: с двух сторон по фасаду из скрытых в тени отливающих медью навесов крыши отверстий текли неиссякаемые потоки воды. Другие скрытые отверстия периодически извергали фонтанчики, омывающие ступени, образуя каскады маленьких водопадов.

– Ух ты! – выдохнул Эдди. – По сравнению с этим Большой Центральный выглядит как занюханный полустанок в деревне Глубокая Задница, штат Небраска.

– Ты настоящий поэт, мой милый, – сухо прокомментировала Сюзанна.

Ступени окружали кольцом все здание и вели к просторному открытому холлу. Однако, несмотря на отсутствие зарослей буйной лозы, которая бы закрывала обзор, заглянуть внутрь было никак невозможно – широкая, нависающая над ступенями крыша отбрасывала слишком густую тень. По краю крыши, вокруг всего здания маршировали в колонне по два Тотемы Луча, а на почетных местах на углах восседали зверюги, которые не привидятся и в кошмарном сне: ужасные с виду каменные драконы с чешуйчатыми телами, огромными лапами с выпущенными когтями и злобными пронзительными глазами.

Эдди легонько дотронулся до плеча Сюзанны и указал чуть выше. Сюзанна подняла глаза... и у нее перехватило дыхание. На конце шпиля на крыше, вздымаясь над символами Луча и драконами, словно те подчинялись ему, застыла фигура: золотой воин высотой в шестьдесят, если не больше, футов. Старая ковбойская его шляпа была сдвинута на затылок, открывая высокий лоб, изборожденный морщинами – следами не столько прожитых лет, сколько непреходящих забот и тревог; повязанный вокруг шеи платок был небрежно опущен на грудь, как будто его только что сняли после того, как он отслужил свою долгую трудную службу, защищая лицо от пыли. В одной руке, поднятой вверх, воин держал револьвер, в другой – что-то типа оливковой ветви.

Над Колыбелью Лада стоял Роланд из Гилеада, одетый в золото.

«Нет, – сказала себе Сюзанна, наконец вспомнив о том, что ей надо дышать. – Это не он... но с другой стороны, это именно он. Человек этот – стрелок... был стрелком. И поразительное это сходство между ним, погибшим, наверное, тысячу лет назад, и Роландом – вот вся правда и сущность ка-тета, которую надо знать».

Далеко-далеко на юге прогремел гром. Молнии подгоняли бегущие по небу тучи. Жалко, подумала еще Сюзанна, что у них мало времени, чтобы как следует рассмотреть золотого воина на шпилье Колыбели и зверей на крыше: как ей показалось, на каждом каменном звере были высечены какие-то слова – наверняка очень важные. Вот бы их прочитать... Но сейчас они просто не могут себе позволить тратить на это время.

Там, где улица Черепахи вливалась в площадь Колыбели, поперек мостовой шла широкая красная полоса. Мод и мужчина, которого Эдди окрестил Дживзом-Камердинером, остановились на почтительном расстоянии от алой отметки.

– Все, дальше мы не пойдем, – сообщила им Мод ровным бесцветным голосом. – Можете застрелить нас на месте, все равно жизни смертных принадлежат богам, и мы все там будем, но я, несмотря ни на что, предпочту умереть по эту сторону запретной черты. Я не хочу гневить Блейна из-за каких-то там иноземцев.

– И я тоже, – поддакнул Дживз. Он снял запыленный свой котелок и прижал его к голой груди, глядя на Колыбель в благоговейном страхе.

– Вот и славно, – сказала Сюзанна. – Катитесь отсюда оба.

– Ну да, только мы отвернемся, вы сразу выстрелите нам в спину. – Голос у Дживза дрожал. – Чем угодно могу поклясться, что так и будет.

Мод мотнула головой. Брызги крови на лице у нее засохли, превратившись в нелепые бордовые веснушки.

– Стрелки никогда не стреляют в спину... уж это я знаю.

– А откуда мы знаем, стрелки они или нет? Мало ли, что они там говорят.

Мод указала на большой револьвер с потертой сандаловой рукоятью в руках у Сюзанны. Дживз посмотрел на револьвер, секунду подумал... и протянул женщине руку. Когда Мод взяла его за руку, представление Сюзанны о них как о парочке закоренелых убийц резко переменялось. Они походили скорей на Гензеля и Гретель, чем на Бонни и Клайда – усталые, перепуганные, растерянные, они заблудились в лесу так давно, что успели состариться в нем. Ее страх и ненависть к ним как рукой сняло, а на их месте возникла щемящая жалость. И грусть.

– Прощайте, – тихо и мягко проговорила она. – возвращайтесь к себе и не бойтесь – ни я, ни мой муж не причиним вам вреда.

Мод кивнула.

– Я верю, что вы не хотите нам зла. И я прощаю тебя за то, что ты застрелила Уинстона. Но послушай меня и послушай внимательно: держитесь подальше от Колыбели. Какими бы важными и серьезными ни

были ваши причины идти туда, все равно это того не стоит. Войти в Колыбель Блейна – это верная смерть.

– У нас нет выбора, – сказал Эдди, и в это мгновение опять прогремел гром, словно подтверждая его слова. – А теперь вы послушайте меня. Я не знаю, что там под Ладом есть и чего там нет, но в одном я уверен: барабаны, из-за которых вы так напрягаетесь, это всего лишь кусок одной записи – песни – сделанной в мире, откуда пришли мы с моею женой. – Взглянув на непонимающие их лица, он раздраженно воздел руки к небу. – Господи Боже мой тыквенный пирожок, неужели вы не понимаете?! Вы убиваете тут друг друга из-за какой-то занюханной песенки, которая даже и синглом-то не выходила!

Положив руку ему на плечо, Сюзанна тихонько назвала его по имени. Поначалу он не обратил на нее внимание, переводя свой сверкающий праведным гневом взгляд с Дживза на Мод и обратно на Дживза.

– Вы так хотите увидеть чудовищ? Тогда присмотритесь получше друг к другу. А когда возвратитесь в свой этот дурдом, который вы называет домом, посмотрите внимательнее на друзей и на родственников.

– Вы еще не понимаете, – глаза у Мод были темны и серьезны. – Но поймете. Да... вы поймете.

– Идите, – тихо проговорила Сюзанна. – Нам с вами беседовать бесполезно: мы просто не понимаем друг друга. Ступайте. Идите своей дорогой и постарайтесь все-таки вспомнить лица своих отцов, потому что мне кажется, вы их забыли давным-давно.

Не сказав больше ни слова, мужчина и женщина развернулись и пошли, держась за руки, восвояси – туда, откуда пришли, – оглядываясь время от времени через плечо: Гензель и Гретель, испуганные детишки, заблудившиеся в дремучем лесу.

– Выпустите меня отсюда, – устало произнес Эдди, потом поставил «Рюгер» на предохранитель, сунул пистолет за пояс джинсов и потер красные воспалившиеся глаза ладонями. – Просто выпустите меня... это все, чего я прошу.

– Я понимаю, о чем ты, красавец. – Сюзанна явно была перепугана не на шутку, но в наклоне ее головы все равно ощущалось упрямство и вызов. Эдди узнал уже эти ее черты и успел их полюбить. Положив руки ей на плечи, он наклонился и поцеловал ее. Ничто не могло помешать ему сделать это: ни жуткое окружение, проникнутое мрачной тайной, ни готовая разразиться гроза. Когда он наконец оторвался от ее губ, она внимательно на него посмотрела, и в широко распахнутых ее глазах плясали веселые огоньки. – Ого! С чего бы это?

– Просто я тебя очень люблю, – сказал Эдди, – а так, собственно, ни с чего. Причина достаточная веская, как ты считаешь?

Ее взгляд смягчился. Сюзанна подумала даже, а не пора ли ему сообщить один небольшой секрет – хотя и сама еще точно не знала, так это или нет, – но сейчас было явно не время для этого. И не самое подходящее место для таких откровений. Сейчас она не могла сообщить ему о своей предположительной беременности, точно так же, как не могла терять время, чтобы прочесть слова, высеченные на каменных изваяниях Стражей Врат.

– Достаточно веская, Эдди, – сказала она.

– Встреча с тобой – это лучшее из того, что случилось со мной за всю жизнь. – Он буквально пожирал ее взглядом. – Мне всегда трудно давались такие слова... жизнь рядом с Генри, я думаю, забила во мне всякую сентиментальность... но это правда. Сначала, мне кажется, я полюбил тебя потому, что в тебе как бы сосредоточилось все, чего я лишился из-за Роланда – я имею в виду, Нью-Йорк и все прочее, – но теперь это нечто большее, потому что я больше уже не хочу возвращаться туда. А ты?

Она посмотрела на Колыбель. При одной только мысли о том, что может их ждать там внутри, ее обуял настоящий ужас, и все же... она опять посмотрела на Эдди.

– Нет, я не хочу возвращаться назад. Теперь я хочу идти только вперед. По крайней мере, пока ты со мной. Знаешь, это даже забавно, что ты сейчас сказал – что ты полюбил меня потому, что из-за него ты лишился всего своего.

– Забавно?

– А я полюбила тебя за то, что ты освободил меня от Детты Уокер. – Она на мгновение умолкла, потом тихонько качнула головой. – Нет... все гораздо сложнее. Я полюбила тебя потому, что ты освободил меня от этих обеих стервозин. Одна – матерщинница и воровка, которая развлекалась дразня и кидая парней. Вторая – самодовольная и чванливая, этакая вся «цаца». Как я теперь понимаю, наполовину во мне было от одной и на ноль-пять от другой. Сюзанна Дин нравится мне гораздо больше... а освободил меня ты. Если б не ты, я бы не стала такой, как я есть.

На этот раз она потянулась к нему: прижала ладони к заросшим щетиной щекам, притянула его к себе и нежно поцеловала в губы, – а когда он легонько коснулся ее груди, она вздохнула и накрыла руку его ладонью.

– Давай лучше пойдем, – выдохнула Сюзанна, – иначе мы сейчас уляжемся прямо здесь, посреди улицы... и тогда уже точно промокнем. Сейчас будет дождь – посмотри.

Эдди в последний раз обвел взглядом унылые молчаливые башни, окна без стекол, заросшие виноградом стены. Потом кивнул:

– Да. Пойдем. У этого города все равно нет никакого будущего.

Он толкнул коляску с Сюзанной вперед. Когда колеса коляски пересекли алую линию, которую Мод называла запретной чертой, оба невольно напряглись, опасаясь, что сейчас сработает какой-нибудь древний защитный механизм-ловушка и прикончит их обоих на месте. Но ничего не случилось. Эдди вывез коляску на площадь. Когда они приближались уже к белым ступеням, ведущим в Колыбель, с неба пролился холодный, подгоняемый ветром дождь.

Ни Сюзанна, ни Эдди не знали об этом, но на город обрушилась первая из осенних гроз Срединного Мира.

Как только они очутились в вонючей тьме канализационных стоков, Гашер сбросил убийственный темп, который поддерживал на пути поверху. Джейк, однако, не думал, что это из-за темноты: Гашер, похоже, не врал, когда хвастался, что знает здесь все повороты и все изгибы пути. Дело, наверное, в том, что мучитель его был уверен, что Роланд погиб, превратившись в лепешку под рухнувшим мраморным фонтаном.

А самого Джейка, когда прошло первое потрясение, начали одолевать сомнения.

Если Роланд заметил натянутые проводки – а эта ловушка была похитрее, чем подвешенный над головою фонтан, – то как могло получиться, что он не заметил такую громадину? В принципе, и такая возможность не исключалась, однако Джейку она представлялась маловероятной. Скорее всего, Роланд обрушил фонтан специально, чтобы усыпить бдительность Гашера и, возможно, заставить его сбавить темп. Джейк сомневался, что Роланд сумеет проследить их путь по подземному лабиринту – не зная дороги, в кромешной тьме не пройдет даже стрелок, – но ему все-таки было приятно осознавать, что Роланд не погиб, пытаясь сдержать свое обещание.

Они повернули направо, потом налево и снова налево. Джейк вообще ничего не видел, но зато все остальные чувства его обострились, и постепенно он начал смутно воспринимать окружающую обстановку. Приглушенный гул работающих станков в отдаленных тоннелях на

мгновения становился громче, потом затихал опять, когда каменные недра Лада снова смыкались над ними, поглощая все звуки. Лицо его периодически обдувало сквозняком. Иногда токи воздуха были прохладными, иногда – теплыми. Чавкающие по воде шаги отдавались гулким эхом в поперечных тоннелях, откуда, собственно и долетали, эти вонючие дуновения, а один раз Джейк едва не разбил себе голову о какую-то металлическую шутовину, торчавшую из потолка. Ощупав ее на ходу, мальчик решил, что это был, по всей видимости, здоровенный кран. После этого случая Джейк постоянно размахивал руками, чтобы избежать новых неожиданных столкновений с невидимыми в темноте предметами.

Гашер направлял его ударами по плечам, точно погонщик, гонящий своего быка. Они продвигались достаточно быстро, но все-таки не бегом. Гашер потихонечку восстановил дыхание. Сначала он что-то бубнил, а потом вдруг запел глуховатым, но неожиданно мелодичным тенором:

Трам-тарам-тарам-там-там, дощатое крылечко,
Получу работу, куплю тебе колечко.
Тарам-тарарарам-тарам-тара,
Приеду, схвачу тебя за буфера.
Тарам-трам-тарарам, отличные сиськи.
Мне просто ужасно охота потискать
Твои... тарарам-там-тара!

Гашер пропел еще пять-шесть куплетов в подобном духе, после чего умолк.

– А теперь ты мне чего-нибудь спой, красавчик.

– Я ничего не знаю, – выдохнул Джейк, очень надеясь, что Гашер подумает, будто он задыхается. Он не знал, к чему это приведет, к добру или к худу, но здесь, в темноте годилось все, чтобы добиться любого, пусть самого мизерного, преимущества.

Гашер ткнул локтем Джейку в спину, причем приложился он сильно – мальчик едва не упал в грязную воду, лениво журчащую по дну тоннеля.

– Ты лучше чего-нибудь вспомни, если, конечно, не хочешь, чтобы я выбрал тебе позвонки из твоей нежной спинки. – Он помолчал и потом добавил еще: – Тут полно призраков, да. Они обитают внутри машин, мать их так. А пение держит их на расстоянии... отпугивает. Ты не знал? Давай пой!

Джейк лихорадочно соображал, не желая сподобиться очередной

«ласковой трепки» Гашера. Порывшись в памяти, он извлек одну песенку, которую выучил в летнем лагере, когда ему было лет семь или восемь. Открыв рот, он завыл в темноте, вслушиваясь в свой голос, отражавшийся эхом от каменных стен, как будто скачущий среди плеска бегущей воды, стука капель и гула древних машин:

Моя девочка – прелесть, она из Нью-Йорка.
Я покупаю ей все, чтоб она была стильной девчонкой.
Бедра у Кору
Как два линкора.
О Боже, куда уплывают деньжата.
Моя девочка – сказка, она из Филли,
Я покупаю ей все, чтоб она была стильной девчонкой.
Глаза у девицы
Как две пряных пиццы.
О Боже, куда уплывают деньжата.

Гашер протянул руки, схватил Джейка за уши, как будто за ручки кастрюли, и рванул на себя, останавливая парнишку на месте.

– Там прямо по курсу яма, – сообщил он. – С таким, правда, голосом, как у тебя, было бы лучше для всех, если бы ты туда провалился ко всем чертям, но Тик-Так не одобрил бы этого, да. Так что пока живи. – Гашер отпустил уши Джейка, горящие как в огне, и вцепился в ворот его рубашки. – А теперь наклоняйся вперед, пока не нащупаешь лестницу с той стороны. И не вздумай мне поскользнуться, чтобы мы туда грохнулись оба!

Джейк осторожно наклонился вперед, вытянув руки перед собой. При одной только мысли о том, что под ним открывается яма, которую он не видит, его охватил дикий ужас. Нащупав лестницу, он почувствовал, как поток теплого воздуха – чистого, свежего, только что не ароматного – обдувает его лицо. Далеко внизу теплился бледный розовый свет. Пальцы его прикоснулись к стальной перекладине и обхватили ее. Раны от укуса на левой руке открылись по-новой. Теплые струйки крови потекли по ладони.

– Нашел? – спросил Гашер.

– Да.

– Тогда ползи вниз! Чего ты, черт возьми, ждешь?! – Он отпустил ворот его рубашки, и Джейк живо представил себе, как Гашер заносит ногу, чтобы придать ему ускорения посредством хорошего пенделя в задницу. Мальчик переступил через тускло мерцающий проем и начал спускаться по

лестнице, стараясь по возможности не напрягать раненую левую руку. На этот раз на железных скобах не было ни наростов мха, ни скользкой и жирной смазки. Они практически не проржавели. Спуск оказался достаточно долгим, и пока Джейк сползал вниз – при этом ему приходилось поторапливаться, чтобы Гашер не наступил ему на руки своими тяжелыми сапожищами, – ему вспомнился один фильм, который он как-то видел по телевизору: «Путешествие к центру Земли».

Гул станков становился все громче, розовый свет – все ярче. В звуках работающих механизмов все равно ощущался какой-то сбой, но обострившийся в темноте слух подсказал Джейку, что эти машины находятся в лучшей рабочей форме, чем те, наверху. Когда Джейк наконец добрался до дна шахты, пол под ногами оказался сухим. Новая, горизонтальная, шахта высотой футов в шесть представляла собой коридор квадратного поперечного сечения, стены которого были обшиты проклепанными листами из нержавеющей стали и который тянулся, насколько хватало глаз, в обе стороны, прямо, как струна. Интуитивно, даже не задумываясь об этом, Джейк понял, что этот тоннель (располагавшийся на глубине футов в семьдесят, если не больше, под Ладом) тоже идет вдоль пути Луча. А где-то там, впереди – Джейк был в этом уверен на сто процентов, хотя ни за что бы не смог ответить, откуда у него эта уверенность – прямо над тоннелем стоит тот самый поезд, ради которого, собственно, все это и затевалось.

По обе стороны шахты, под самым ее потолком, тянулись два ряда узких вентиляционных решеток. Именно из этих отверстий в тоннель проникал поток чистого и сухого воздуха. Кое-где с вентиляционных решеток свисали голубовато-серые бороды мха, но большинство было свободно. Под каждой второй решеткой была нарисована желтая стрелка, а под стрелкой – какой-то таинственный символ, похожий на маленькую букву «т». Стрелки указывали в том направлении, которому следовали Гашер с Джейком.

Розовый свет исходил из стеклянных трубок, закрепленных в два ряда на потолке тоннеля. Одни – примерно каждая третья – не горели вообще, другие судорожно вспыхивали и шипели, почти не давая света, но почти половина работала. Неоновое освещение, – в изумлении подумал Джейк. Ничего себе, да?

Гашер спрыгнул с лестницы рядом с Джейком и усмехнулся, увидев его изумленное выражение.

– Здорово, правда? Летом прохладно, зимой тепло, а жратвы столько, что пятьсот мужиков не съедят и за пять сотен лет. А знаешь, что самое

главное, котик? Самое-самое главное изо всей этой хренотени?

Джейк покачал головой.

– Этим гребаным младям даже и невдомек, что это место вообще существует! Они считают, что здесь, под землей, обитают чудовища. Да млад лучше сдохнет, чем подойдет к люку канализации ближе чем на двадцать футов, если только его действительно не попросят!

Запрокинув голову, Гашер искренне, от души рассмеялся. Джейк стоял молча, хотя внутренний голос – холодный, таящийся в самых глубинах сознания – подсказывал, что не худо бы поддержать смех Гашера. Хотя бы из дипломатических соображений. Но Джейк все-таки не рассмеялся, потому что он точно знал, как себя чувствуют млады. Под Ладом действительно обитают чудовища: тролли, орки и призраки. Разве сам он – не пленник такого чудовища?

Гашер подтолкнул его влево.

– Иди давай... мы уже почти на месте. Ну!

Они зашагали дальше. Эхо шагов, отражаясь от стен, катилось следом за ними. Минут через десять-пятнадцать Джейк увидел в стене – ярдах в двухстах впереди – герметично закрытый люк. Когда они подошли поближе, он разглядел, что из центра тяжелой крышки торчит большой поворотный кран. Справа висела коробочка внутреннего переговорного устройства.

– Все, нет моих больше сил! – выдохнул Гашер, когда они встали у двери в конце тоннеля. – Для больного и старого инвалида, то бишь покорного твоего слуги, такие гонки уже малость не по зубам. – Вдавив большим пальцем кнопку переговорного устройства, он гаркнул в микрофон: – Эй, Тик-Так, я его выцепил... доставил в целости и сохранности, как договорено! И волоска с головы его не упало! Я же тебе обещал, а раз я обещаю, я делаю! Доверься старому Гашеру, я тебе говорил, Гашер не подведет! А теперь открывай давай ипусти нас!

Он отпустил кнопку и с нетерпением уставился на дверь. Колесо даже не шелохнулось, а из динамика раздался ровный гнусавый голос:

– Пароль?

Гашер нахмурился, задумчиво поскреб подбородок длинными грязными ногтями, потом, ничего, видимо, не придумав, приподнял повязку над глазом и выдавил очередную порцию желтовато-зеленой слизи.

– Этот Тик-Так со своими паролями! – пробубнил он, обращаясь к Джейку. Голос его прозвучал раздраженно, но за показной его злостью скрывалась тревога. – Тик-Так – парень, конечно, крутой, но иной раз его зарубает, скажу я тебе, не по делу.

Нажав на кнопку, он заорал благим матом:

– Кончай, Тик-Так! Ты что, голоса моего не узнал? Может, тебе слуховой аппарат подарить?!

– Да узнал я тебя, успокойся, – вернулся в динамик гнусавый, немного манерный голос. Джейку он показался похожим на голос Джерри Рида в роли Барта Рейнольда в сериале «Смоуки и Бандит». – Но я же не знаю, с кем ты там, правда? Ты что, забыл: наша видео камера гикнулась еще в прошлом году?! Называй пароль, Гашер, иначе будешь там гнить до скончания века!

Гашер засунул в нос палец, вытащил сгусток соплей цвета мятного желе и расплющил его на решетке динамика. Джейк наблюдал за этим ребяческим проявлением злости с немым изумлением – ну разве не прелесть?! – чувствуя, как в горле его пузырится и рвется наружу совсем неуместный истерический смех. Стоило столько нестись, задыхаясь, по запутанному лабиринту, переполненному ловушками, потом брести под землю во тьме крошечной, чтобы застрять потом у какой-то там двери в конце тоннеля, потому только, что Гашер забыл пароль?

Гашер злобно зыркнул на Джейка, потом провел рукой по черепушке, снимая с головы мокрую от пота желтую повязку. Он был, как выяснилось, абсолютно лысым, если не брать в расчет парочку жалких пучков вздыбленных черных волос, похожих на иглы дикобраза. Над левым виском наблюдалась глубокая вмятина. Поковырявшись в повязке, Гашер извлек на свет обрывок мятой бумаги.

– Благослови, Господи, Хутса, – пробормотал он себе под нос. – Хутс молодец, позаботился обо мне, и весьма кстати, да.

Он уставился на бумажку, повертел ее то одной, то другой стороной, а потом протянул ее Джейку и шепнул ему, понизив голос, словно боялся, что Тик-Так может подслушать его, хотя кнопка «ГОВОРИТЕ» на переговорном устройстве была не нажата:

– Слушай, ты ведь настоящий маленький джентльмен, правда? А самое первое, чему учат всякого джентльмена после того, как он уже научился не ссать на углу и не кушать зубную пасту, – так это читать. Давай-ка, прочти мне, что тут за слово написано, зайчик, а то что-то оно у меня выскочило из башки... честное слово.

Джейк взял бумажку, взглянул на нее и снова поднял глаза на Гашера:

– А если я не прочту? – спросил он спокойно.

От такого ответа Гашер на секунду опешил... а потом снова расплылся в ухмылке, сопровождавшей всегда приступы его мрачного и опасного «добродушия».

– Тогда я сожму твою нежную шейку и буду стучаться твоей башкой в дверь, – сообщил он. – Тик-Так, правда, вряд ли проникнется, так что я сомневаюсь, что мне удастся даже таким радикальным способом убедить старину Тикки впустить меня – он, знаешь ли, все еще нервничает немного из-за твоего крутого приятеля, – но мне станет хотя бы легче, когда я увижу, как мозги твои растекаются по колесу.

Джейк задумался над услышанным. Мрачный, совсем не уместный смех все еще булькал в горле, прорываясь наружу. Тик-Так – парень крутой, без вопросов. И никогда не прокалывается. Он верно все рассчитал: даже если бы Роланд его захватил, он бы вряд ли заставил Гашера, который и так уже почти труп, выдать пароль. Но на одном Тик-Так, кажется, прокололся по-крупному – он не принял в расчет дырявую память Гашера.

«Только не смейся. Если ты рассмеешься, он тебе точно вышибет мозги».

Не смотря на свою бравладу и все угрозы, Гашер смотрел на Джейка с явным и искренним беспокойством, и Джейк отметил про себя одну важную вещь, которая потом может ему сослужить неплохую службу: Гашер действительно не боится смерти... но зато боится унижения.

– Ну ладно, Гашер, – сказал он спокойно. – Там написано: «щедрый».

– Дай сюда, – Гашер выхватил мятый листок из рук Джейка, засунул бумажку обратно в платок и, быстренько обмотав желтую тряпку вокруг лысой своей черепушки, вдавил пальцем кнопку на переговорном устройстве. – Эй, Тик-Так? Ты еще здесь?

– А где я, по-твоему, должен быть? На Западном Конце мира? – В гнусавом манерном голосе теперь слышалось легкое изумление.

Гашер показал динамику белесый и бледный язык, но голос его звучал заискивающе, едва ли не подобострастно:

– Пароль – слово «щедрый», и красивое слово, замечу! А теперьпусти меня, будь я проклят!

– Конечно-конечно. – Где-то рядом включился скрытый механизм. Джейк аж подскочил от неожиданности. Колесо в центре герметичной двери пришло в движение. Когда оно провернулось и остановилось, Гашер взялся за него обеими руками и рванул на себя. Потом схватил Джейка за руку, дернул его вперед, так что тот едва не споткнулся о приподнятый над полом порожек, и втокнул в странную комнату, «страньше» которой Джейк в жизни не видел.

Роланд спустился к тусклому розоватому свету. Из-за ворота его рубахи, расстегнутой на груди, выглядывали, мерцая, умные глазки Ыша; вытянув до предела свою длинную шейку, ушастик принюхивался к струям теплого воздуха, проникающим через вентиляционные решетки. В кромешной тьме подземелья Роланду пришлось полностью положиться на нюх животного, и он очень боялся, что Ыш потеряет след Джейка на проточной воде... но когда он услышал пение – сначала Гашера, потом Джейка, – отдающееся гулким эхом в тоннелях, он смог немного расслабиться. Ыш не ошибся.

Ыш тоже слышал пение. До этого момента он продвигался вперед медленно и осмотрительно, время от времени возвращаясь даже немного назад, чтобы лишний раз убедиться в том, что чутье его не подвело, но, едва заслышав голос Джейка, пустился бегом, натянув до предела кожаный поводок. Поначалу Роланд испугался, что ушастик начнет звать Джейка своим хриловатым пронзительным голосом – Эйк! Эйк! – но ушастик молчал. А когда они добрались до шахты, уводящей в нижние этажи этого Дицианова Лабиринта, Роланд слышал снизу гул какого-то нового механизма – по всей видимости, насоса, – за которым последовал металлический лязг захлопнувшейся двери.

Спустившись в квадратный тоннель, стрелок первым делом окинул взглядом двойной ряд светящихся трубок на потолке, уходящий, насколько хватало глаз, в обе стороны. Они горели болотным огнем, как та вывеска над заведением Балазара в Нью-Йорке. Повнимательнее присмотревшись к узким хромированным решеткам на вентиляционных отверстиях, прорубленных под самым потолком, и к желтым стрелкам под ними, Роланд снял петлю поводка с шейки Ыша. Тот, явно обрадованный, нетерпеливо замотал головой.

– Мы уже близко, – пробормотал Роланд в приподнятое ухо ушастика, – так что вести себя надо теперь осторожно и тихо. Ты понял, Ыш? Очень тихо.

– И-хо, – отозвался Ыш хриплым шепотом, который в другой ситуации прозвучал бы, наверное, даже забавно.

Роланд опустил Ыша на пол, и тот тут же понесся вперед по тоннелю, вытянув шеи и пригнув нос к стальному покрытию пола. Роланд слышал, как ушастик тихонько бормочет себе под нос: «Эйк-Эйк! Эйк-Эйк!» Роланд вытащил из кобуры револьвер и пошел следом за ним.

Эдди с Сюзанной застыли у белых ступеней, разглядывая громаду Колыбели Блейна. Небо как будто разверзлось над Ладом – дождь хлынул сплошной стеной.

– Ничего себе домик отгрохали! Только забыли пристроить дорожку для инвалидных колясок. – Эдди приходилось кричать, чтобы голос его не утонул в шуме дождя и раскатах грома.

– Ничего страшного, – нетерпеливо отозвалась Сюзанна, выкарабкиваясь из коляски. – Пойдем скорее, а то промокнем.

Эдди с сомнением поглядел на лестницу. Ступеньки, конечно, не слишком высокие... но их зато много.

– Ты уверена, Сьюз, что справишься?

– Еще и тебя обгоню, бледнолицый, – отмахнулась Сюзанна и начала взбираться вверх по ступенькам с невероятным проворством, опираясь на крепкие, мускулистые руки и отталкиваясь от ступенек обрубками ног.

И она действительно едва его не обогнала. Эдди приходилось сражаться с громоздким металлическим креслом, бросить которое он не мог и которое очень ему мешало. К тому моменту, когда они добрались до верхней площадки, оба запыхались. От их промокшей одежды шел пар. Эдди подхватил Сюзанну под мышки, приподнял ее и вдруг замер на месте, обнимая ее за талию и прижимая к себе, вместо того, чтобы усадить обратно в коляску. Почему-то – знать бы еще, почему – им вдруг овладело игривое, сумасшедшее настроение. Ему хотелось ее. Прямо здесь и сейчас.

«Так, дайте мне отдышаться, – подумал он. – Ты добрался досюда живым, вот у тебя железы и трепещут, готовые к подвигам и загулу».

Сюзанна облизала губы и, запустив пальцы Эдди в шевелюру, дернула изо всех сил. Было больно... но, вместе с тем, так чудесно.

– Я же тебе говорила, что я тебя сделаю, мальчик, – шепнула она низким и хрипловатым голосом.

– Не ври... я был первым, на полступеньки. – Он постарался сделать вид, что он не так уж и запыхался, но ничего у него не вышло.

– Может быть... но зато ты весь выдохся. – Одна рука ее соскользнула вниз и легонечко сжала в том самом месте. В глазах у Сюзанны мелькнул огонек. – Но кое-что, наоборот, полно сил.

По небу прокатился гром. Они оба вздрогнули и рассмеялись.

– Ладно тебе, – сказал он. – То же мне, нашла время. Безумие какое-то! Бр-р!

Она не стала ему возражать, но еще раз легонечко сжала то самое место и только потом убрала руку и положила ее ему на плечо. Эдди – не без сожаления – усадил ее обратно в коляску и покатил ее по широким плитам под навес крыши. Ему показалось, что точно такое же сожаление промелькнуло и во взгляде Сюзанны.

Когда они были уже под крышей и сверху на них не лило, Эдди приостановился и оглянулся. Площадь Колыбели, улица Черепахи... весь город уже исчезал за трепещущей серой завесой дождя. И Эдди ни капельки не сожалел об этом. В его мысленной записной книжке Лад не значился в списке приятных воспоминаний.

– Смотри, – тихонько пробормотала Сюзанна, указав на ближайшую водосточную трубу. На нижнем конце ее красовалась большая рыба голова, покрытая каменной чешуей. Судя по виду, рыба эта состояла в ближайшем родстве с драконообразными чудищами, восседающими на углах Колыбели. Из пасти ее серебристым потоком струилась вода.

– Кажется, это уже не «кратковременные осадки», – заметил Эдди.

– Какие осадки?! Этот дождь будет лить, пока ему не осточертеет, а потом – еще капельку, просто назло. Может, это продлится неделю, а может, и месяц. Но мы можем до этого и не дожидаться, если Блейн друг решит, что наши рожи ему не понравились. Так что, собственно, нам без разницы. Стрельни-ка разок, мой сладкий, пусть Роланд знает, что мы на месте, а потом мы тут немного осмотримся, ладно? Чего тут да как.

Эдди подошел к краю лестницы, выставил руку из-под навеса и выстрелил, направив «Рюгер» в забитое тучами серое небо. Именно этот выстрел – за милую, если не больше – и слышал Роланд, идущий по следу Гашера и Джейка по «лабиринту с ловушками». Еще пару секунд Эдди постоял на месте, пытаясь себя убедить, что все еще может закончиться хорошо, а сердце его ошибается, когда так настойчиво и упрямо твердит, что больше они никогда не увидят ни Джейка, ни Роланда. Все будет хорошо... Поставив пистолет на предохранитель, он сунул его обратно за пояс джинсов и вернулся к Сюзанне. Развернул коляску спиной к ступеням и покатил ее по проходу между рядами колонн, уходящих в глубь здания. По дороге Сюзанна достала Роландов револьвер и перезарядила его.

Здесь, под массивной каменной крышей, звук дождя превратился в таинственный, призрачный шелест. Камень стен приглушал даже раскаты грома. Колонны, поддерживающие Колыбель, были не менее десяти футов в диаметре. Их верхушки терялись во тьме под крышей. Оттуда, из

полумрака, доносилось негромкое воркование голубей.

Из сумрачной мглы выплыла табличка, подвешенная на тяжелой хромированной цепи:

НОРТ-ЦЕНТРАЛЬ ПОЗИТРОНИКС ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС
В КОЛЫБЕЛИ ЛАДА!
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ МАРШРУТ (БЛЕЙН)
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ МАРШРУТ (ПАТРИЦИЯ)

– Теперь мы знаем, как звали тот поезд, который свалился... свалилась в реку, – заметил Эдди. – Патриция. Только они перепутали цвета. Обычно считается, что для девочек – розовый, а для мальчиков – голубой, а не наоборот.

– Может, они оба голубые.

– Нет. Блейн розовый.

– Откуда ты знаешь?

Эдди растерянно поглядел на Сюзанну.

– Не знаю, откуда... я просто знаю.

Они двинулись по стрелке, которая указывала в направлении места стоянки Блейна, и вышли на открытое пространство, где когда-то, наверное, располагался посадочный зал. Эдди не обладал способностью Сюзанны проникать мысленно в прошлое и видеть его в серии ярких и четких зрительных образов, но он все равно нарисовал себе в воображении такую картину: просторная площадь с колоннами полна народу, люди спешат, ищут свои вагоны, обнимаются при расставаниях и встречах, и надо всем стоит цокот тысячи каблучков и гул неразборчивых голосов. А из динамиков, перекрывая все звуки, доносится голос, делающий многочисленные объявления:

«Производится посадка на поезд Патриция, следующий в направлении северо-западных баронетств...»

«Внимание, внимание, пассажир Киллингтон, пассажир Киллингтон, вас ожидают на нижнем уровне у справочного бюро».

«Блейн прибывает на второй путь. Встречающих просят пройти на платформу...»

А теперь здесь остались одни только голуби.

Эдди невольно поежился.

– Посмотри на те лица, – пробормотала Сюзанна. – Не знаю, как тебе, а мне от них жутко. – Она показала направо. Наверху на стене, в полумраке, Эдди увидел ряд каменных лиц: они выступали из белого мрамора и

глядели на них сверху вниз – суровые мрачные лица палачей, влюбленных в свое ремесло. Несколько каменных голов отвалилось и валялось теперь в виде гранитных обломков под равнодушными взглядами мрачных своих сотоварищей, футах в восьмидесяти под ними, а те, что еще держались, были покрыты густой паутиной трещин и заляпаны голубиным пометом.

– Наверное, члены какого-нибудь Верховного суда, – высказал предположение Эдди, глядя с опаской на все эти тонкие сжатые губы из камня и пустые потрескавшиеся глаза. – Только у судей может быть такой вид: умудренный и сволочной одновременно... уж кому, как не мне, это знать! Ни одной нету приличной рожи. Такие, как эти, безногому крабу и костыля-то не подадут.

– «Груда поверженных изваяний, где жарит солнце, где не дает мертвое дерево тени», – продекламировала Сюзанна, и почему-то от этих слов у Эдди по коже пошли мурашки.

– Это откуда, Сьюз?

– Из одного стихотворения. Его написал человек, который, наверное, видел Лад в страшном сне. Ладно, Эдди, пойдем. Ну их к черту. Забудь про них.

– Легче сказать, чем сделать. – Но Эдди все же толкнул коляску, и они двинулись дальше.

Из сумрака впереди выплыл какой-то высокий решетчатый барьер, похожий на навесную башню средневекового замка... а за барьером виднелись смутные очертания поезда. Так Эдди с Сюзанной впервые увидели Блейна Моно. Он действительно оказался розовым, как и утверждал Эдди. Нежный оттенок его был как будто специально подобран под цвет прожилок на мраморных колоннах. Блейн словно парил над высокой платформой стремительным вытянутым силуэтом в форме обтекаемой пули. Казалось, он сделан из плоти, а не из металла. Поверхность его была безупречно гладкой, безо всяких зазоров и трещин, и лишь в одном месте ее прорезало отверстие – треугольное окно в головной части, снабженное огромным «дворником». Эдди знал, что точно такое же есть и на другой стороне, так что если смотреть на Блейна спереди, впечатление будет такое, что у поезда есть лицо, как у Чарли Чу-Чу. А «дворники», наверное, будут похожи на веки над хитро прищуренными глазами.

Белый свет, льющийся из открытой арки в северо-восточной стене Колыбели, падал на Блейна чуть скошенным, длинным прямоугольником. Эдди подумал еще, что поезд этот похож на хребет какого-то сказочного розового кита – всегда загадочного и молчаливого.

– Ну вот, – шепнул он, понизив голос. – Мы нашли его.

– Да. Блейна Моно.

– Но он мертв, тебе не кажется? Во всяком случае, выглядит он неживым.

– Нет. Он живой. Просто спит.

– Откуда ты знаешь?

– А откуда ты знал, что он розовый? – Она не ждала от него ответа, и Эдди не стал отвечать. На напряженном лице Сюзанны читался неподдельный страх. – Он спит, и знаешь, что я тебе скажу? Я боюсь... мне страшно его будить.

– Ну ладно, давай подождем остальных.

Она покачала головой.

– Мне кажется, мы должны все подготовить заранее... я имею в виду, к их приходу... потому что, сдается мне, что прибудут они сюда в крайней спешке. Подвези меня к этой коробочке на решетке. Похоже на переговорное устройство. Видишь?

Эдди увидел коробку и медленно подкатил к ней коляску. Устройство крепилось к решетке сбоку от закрытых ворот посередине перегородки, идущей по всему периметру Колыбели. Вертикальные стойки ограды были сделаны из металла, похожего на нержавеющей сталь; ворота – из кованого железа, а их нижняя часть уходила в обитую сталью прорезь в полу. Эдди увидел, что сквозь решетку им не пробраться. Расстояние между стойками не превышало и четырех дюймов. В такую узкую щель с трудом бы протиснулся даже Ыш.

Над головой шелестели и ворковали голуби. Левое колесо коляски Сюзанны монотонно поскрипывало, действуя на нервы. Полцарства за банку машинного масла, – подумал Эдди и только теперь осознал, что ужасно боится. Ему было не просто страшно. Он давно уже не испытывал ничего подобного: с того самого дня, когда они с Генри стояли на Райнхолд-стрит в Дач-Хилле, глядя на покосившийся Особняк. В тот день – дело было аж в 1977 – они не решились войти в жуткий дом «с привидениями». Они повернулись к нему спиной и зашагали прочь, и всю дорогу он мысленно клялся себе, что никогда, никогда, никогда не вернется в то страшное место. Эту клятву он, надо сказать, сдержал... но вот вам, пожалуйста, новый «дом с привидениями». И вот вам, пожалуйста, главный призрак – Блейн Моно – приземистый розовый силуэт с треугольным окошком, косящимся на него, точно глаз хищного и опасного зверя, который вроде бы спит, но на само-то деле лишь притворяется спящим.

Он давно не шевелится у себя в Колыбели... уже много лет... он даже

болтать прекратил на свои разные голоса, прекратил разговаривать и смеяться... последним к Блейну ходил Ардис... Блейн ему задал вопрос, и когда Ардис не смог ответить, Блейн спалил его голубым огнем.

Если он сейчас заговорит, я, наверное, сойду с ума, – подумал Эдди.

Ветер снаружи усилился, брызги дождя влетели в высокий проем выездных ворот. На стекле окна Блейна остались мелкие капельки.

Ни с того, ни с сего Эдди вздрогнул и внимательно огляделся по сторонам.

– За нами, кажется, наблюдают... я чувствую.

– Для меня это не новость, – сказала Сюзанна. – Подвези меня ближе к воротам, Эдди. Хочу как следует рассмотреть эту штуку.

– О'кей, только не прикасайся к ней, хорошо? Вдруг она под напряжением...

– Если Блейну захочется нас поджарить, он и так это сделает, – отмахнулась Сюзанна, глядя через ограду на розовую спину Блейна. – И ты это знаешь не хуже меня.

Эдди действительно это знал и потому промолчал.

Коробка действительно напоминала переговорное устройство, совмещенное с системой охранной сигнализации. В верхней ее половине виднелся динамик с кнопкой по типу обычных переключателей «СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ». Под динамиком в форме ромба располагались числа от одного до ста.

Под ромбом из чисел торчали еще две кнопки. На одной на Высоком Слоге было написано «КОД-КОМАНДА», на другой – «ВВОД».

Сюзанна уставилась, озадаченная, на непонятное для нее устройство. На лице ее явно читалось сомнение.

– Что это может быть, как ты думаешь? Похоже на хитрые эти штуковины из фантастических фильмов.

«Ну конечно», – подумал Эдди. Как-то он упустил из виду, что они с Сюзанной были из разного времени. У себя, в свое время, Сюзанна, возможно, и видела одну-две системы домашней охранной сигнализации (в конце концов, она же жила в Манхэттене, среди богачей, пусть те и не очень-то привечали ее), однако, как ни крути, электронное оборудование, существовавшее в ее время, в 1963 году, и сверхсложные приборы его, 1987, года – это, как говорится, две большие разницы. «А ведь мы никогда с ней и не говорили об этих различиях, – подумал он. – Интересно, что бы она сказала, если б я ей сообщил, что, когда Роланд меня умыкнул, Рональд Рейган был президентом Соединенных Штатов? Она бы, наверное, решила, что я рехнулся».

– Это система охранной сигнализации, – пояснил он, не вдаваясь в подробности. А потом что-то его зарубило, и, хотя все чувства его и инстинкты восстали против такой вопиющей дурости, он заставил себя поднять руку и нажать пальцем на кнопку «СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ».

Странно, но током его не тряхнуло. В руку его не ударила голубая молния. Никаких даже признаков того, что эта штука вообще работает.

«Может, он все-таки умер, Блейн. Может, он все-таки умер».

Только ему почему-то не верилось в это.

– Алло? – вопросительно произнес Эдди, живо себе представляя, как Ардис, бедогала, вопит от боли в потоке микроволнового излучения, а по телу его и лицу пляшут разряды голубого огня, от которых плавятся глаза и загораются волосы. – Алло... Блейн? Кто-нибудь?

Он отпустил кнопку и, напрягшись, застыл в ожидании. Сюзанна сунула ему в руку свою маленькую и холодную ладошку. По-прежнему никакого ответа. Эдди опять нажал кнопку – в этот раз ему это далось с еще большим трудом.

– Блейн?

Он отпустил кнопку. Подождал. Опять – никакого ответа. Эдди почувствовал, как голова у него начинает кружиться: неприятное, даже опасное ощущение, которое часто одолевало его в моменты стресса или страха. Когда с ним случалось такое, он не мог уже мыслить здраво. В него как будто вселялся бес. Ему становилось на все наплевать. Так было, когда он повздорил с тем узколицым связным Балазара в Нассау. И то же самое начиналось теперь. Если бы Роланд увидел его в те моменты, когда в нем бушевал огонь этого бешеного нетерпения, он бы понял, что Эдди не просто очень похож на Катберта – в такие моменты он бы, наверное, смог поклясться, что Эдди и есть Катберт.

Эдди вдавил что есть силы кнопку и заорал в микрофон дурным голосом, имитируя (безо всякого, впрочем, успеха) сочный британский акцент:

– Привет, Блейн! Здорово, старик! Это Робин Лич, главный редактор журнала «Жизнь богатеньких и безмозглых», я пришел тебе сообщить, что ты выиграл шесть миллионов долларов и новенький «форд-эскаорт» по лотерее издательства!

Мягким, испуганным взрывом крыльев над ними взвилась стайка голубей. У Сюзанны в буквальном смысле отвисла челюсть. На лице у нее застыло ошеломленное выражение богобоязненной женушки, которая только что услышала, как ее дорогой муженек богохульствует в Божьем храме.

– Прекрати, Эдди! Немедленно прекрати!

Но Эдди уже несло. Губы его растянулись в улыбке, но в глазах притаились страх, истерия и яростное раздражение.

– Ты со своей монорельсовой девочкой, Патрицией, проведешь изумительный месяц в живописном местечке Джимтаун. К вашим услугам роскошный отель, самые лучшие вина и самые свежие девственницы на закуску. Ты...

– ...тс-с-с...

Запнувшись на полуслове, Эдди взглянул на Сюзанну. Всякий на его месте подумал бы первым делом, что это она шикнула на него – и даже не потому, что она уже раз пыталась его унять, но прежде всего потому, что больше здесь не было никого, – собственно, Эдди так и подумал, но в то же время он знал, что это не она. Голос был не ее. Он и звучал по-другому. Это был голос ребенка – очень маленького и испуганного.

– Сьюз? Ты...

Сюзанна замотала головой, одновременно приподнимая руку и указывая на переговорное устройство. Эдди увидел, что кнопка с пометкой «КОД-КОМАНДА» горит едва теплящимся бледно розовым светом точно такого же цвета, как поезд, спящий в своей колыбели с той стороны ограды.

– Тс-с-с... не будите его, – горестно произнес детский голос, льющийся из динамика, тихий и мягкий, словно вечерний бриз.

– Что... – начал было Эдди, но тут же умолк. Тряхнув головой, протянул руку к кнопке «СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ» и легонько ее нажал. Теперь, когда он заговорил, в его голосе и интонациях не осталось и намека на придурочные завывания Роберта Лича. Это был шепот, едва ли не конспираторский:

– Ты кто? Кто ты?

Он отпустил кнопку. Они с Сюзанной уставились друг на друга, широко распахнув глаза, точно дети, которые вдруг узнают, что живут в одном доме со странным – может быть, даже опасным... каким-нибудь психопатом – взрослым. Вы, наверное, спросите: а откуда они узнают? Им сообщает об этом другой ребенок. Ребенок, который прожил не год и не два с этим припадочным взрослым, и в течение всех этих лет ему приходилось прятаться по углам и прокрадываться потихоньку домой, когда взрослый спал; забитый, испуганный ребетенок, который – уж так получилось! – невидим.

Ответа не было. Эдди ждал. Время шло. Секунды тянулись невыносимо – за каждую можно было, наверное, прочитать целую книгу. Наконец Эдди не выдержал и протянул руку к кнопке, и как раз в этот

момент на панели опять зажегся слабый розовый огонек.

– Я Маленький Блейн, – прошептал детский голос. – Тот, которого он не видит. Тот, про которого он забыл. Тот, который, как он уверен, остался в залах руин и чертогах смерти.

Эдди снова нажал на кнопку. Рука его непроизвольно дрожала, и он никак не мог эту дрожь унять. Голос тоже срывался на каждом слове:

– Кто? Кто не видит? Медведь?

Нет... ну какой, спрашивается, Медведь?! Мертвый Шардик лежит в лесу за множество миль отсюда; и даже за это время мир успел сдвинуться дальше. Неожиданно Эдди вспомнил о том, что он почувствовал и пережил, приложив ухо к таинственной двери непонятого назначения, обнаруженной ими на той поляне, где жил своей странной, неведомой полужизнью Шардик – к двери, разрисованной желтыми и черными полосами, навевавшими почему-то неясный страх. Теперь Эдди понял, что все это части одной картины, все это части единого целого, жуткого и изъеденного порчей, паутины, изорванной в клочья, в центре которой непознанным и непознаваемым каменным пауком восседает – вздымается – Темная Башня. Буквально за несколько последних дней весь Срединный Мир превратился в один населенный призраками Особняк; Срединный Мир превратился в Отстойник, превратился в большую пустошь. Стал мертвой землею, населенной лишь призрачными существами – землей, которая сама стала призраком.

И, прежде чем детский голос ответил ему из динамика, Эдди прочел ответ по беззвучно шевелящимся губам Сюзанны – ответ очевидный и очень простой, как решение загадки, когда тебе дали подсказку.

– Большой Блейн, – прошептал голос невидимого существа. – Большой Блейн... призрак в машине... во всех машинах.

Сюзанна поднесла руку к горлу и сдавила его со всей силы, как будто хотела себя задушить. В глазах ее был только ужас, но взгляд не застыл и не остекленел – он остался внимательным и проницательным. Кроме страха, читалось в нем и узнавание. Когда-то в прошлом она знала кое-кого если и не с похожим голосом, то с похожими переживаниями и опытом... еще в то время, когда единое целое – Сюзанна – было расколото на две непримиримые половины, вечно воюющие друг с другом: Одетту и Детту. Детский голос действительно был для нее неожиданностью, но страдальческий взгляд ее говорил о том, что Сюзанна узнала, что это такое.

Кому, как не ей, было знать, что представляет собой раздвоение личности.

Она это познала на собственном опыте. И познала сполна.

– Эдди, пойдем отсюда. – Ужас, ее обуявший, превратил речь Сюзанны в смазанный звуковой поток безо всяких знаков препинания. Эдди слышал, как в горле ее свистит воздух, точно зимний ветер в трубе. – Эдди нам нужно уйти Эдди нам нужно уйти отсюда Эдди...

– Слишком поздно, – прервал ее тонкий печальный голос. – Он проснулся. Большой Блейн проснулся. Он знает, что вы здесь. Он идет.

Внезапно под потолком замелькали какие-то вспышки – дуги яркого оранжевого свечения. Резкий свет залил всю Колыбель, прогоняя тени. Голуби – сотни и сотни – испуганно взвились в воздух, поднятые из своих гнезд, и закружились в бесцельном слепом полете.

– погоди! – крикнул Эдди. – Пожалуйста, подожди!

От волнения он забыл нажать на кнопку, но это уже не имело значения. Маленький Блейн все равно услышал его и ответил:

– Нет! Я не хочу, чтобы он меня тут поймал! Он убьет меня... я не хочу!

Розовый огонек на переговорном устройстве погас, но лишь на мгновение. В этот раз зажглись сразу две кнопки: «КОД – КОМАНДА» и «ВВОД», – и не розовым, тусклым, а огненно красным, как горн в раскаленной кузнице.

– КТО ВЫ? – прогрехотал властный голос, идущий не только из маленького динамика, но и из всех подключенных и еще работающих громкоговорителей в городе. Истлевшие и гниющие трупы, висящие на столбах, задрожали от вибраций этого мощного голоса: даже мертвые, кажется, убежали бы подобра-поздорову от Блейна, если бы только могли.

Сюзанна сжалась в своей коляске, закрывая ладонями уши. Ее лицо вытянулось от страха и безотчетного отвращения, рот искривился в беззвучном крике. Эдди тоже почувствовал, как волна страха уносит его назад в прошлое – к тем фантастическим и кошмарным галлюцинациям, которые он рисовал себе в воображении, когда ему было одиннадцать лет. Разве не этого голоса он боялся, когда они с Генри стояли напротив Особняка? Разве не этого голоса он, может быть, и ожидал? Он не знал... но зато понял, что должен был чувствовать Джек из сказки, когда до него наконец-то дошло, что он слишком часто «мурыжил» бобовый росток и все-таки разбудил великана.

– КАК ПОСМЕЛИ ВЫ ПОТРЕВОЖИТЬ МОЙ СОН? ОТВЕЧАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО, ИЛИ УМРЕТЕ НА МЕСТЕ.

Наверное, Эдди застыл бы, безвольный, позволив Блейну – Большому Блейну – сделать с ним что угодно... спалить, как Ардиса (или, может, чего похуже); он, вероятно, и должен был замереть, оцепенев от страха...

страха, который бывает, наверное, только в сказках... вниз через кроличью нору, когда сердце уходит в пятки и ты уже ничего не можешь. И только воспоминания о тоненьком жалобном голоске, который заговорил с ними первым, придали ему сил, чтобы сдвинуться с места: это был голос испуганного ребенка, который, сам перепуганный не на шутку, все же пытался помочь им с Сюзанной.

«А теперь надо будет выкручиваться самому – помогать тебе некому, – сказал он себе. – Ты его разбудил, ты давай с ним и разбирайся. Только давай, ради Бога!»

Эдди протянул руку и снова нажал на кнопку.

– Меня зовут Эдди Дин. Эта женщина – моя жена, Сюзанна. Мы...

Он запнулся и поглядел на Сюзанну. Она кивнула, подгоняя его отчаянным жестом, мол, давай, продолжай.

– Мы идем в одно место. Ищем Темную Башню, что стоит на пути Луча. С нами идут еще двое, Роланд из Гилеада и... Джейк из Нью-Йорка. Мы тоже с Сюзанной из Нью-Йорка. Если ты... – Он прикусил язык, проглотив слова «Большой Блейн», уже готовые сорваться с губ. Если бы он их сейчас произнес, разум, кроющийся за могучим голосом, сообразил бы, что они слышали и другой голос: призрак в призраке, если так можно сказать.

Сюзанна опять отчаянно замахала ему обеими руками, мол, давай дальше.

– Если ты Блейн Моно... ну... мы хотели тебя попросить, чтобы ты нас подвез.

Он отпустил кнопку. В течение нескольких – долгих, гнетущих – мгновений ответа не было. Эдди с Сюзанной они показались часами. В затянувшейся тишине слышалось только тревожное хлопанье голубиных крыльев. А когда, наконец, голос Блейна раздался снова, он шел теперь только из маленького динамика на воротах и звучал почти как человеческий:

– НЕ ПЫТАЙТЕСЬ МЕНЯ ОБМАНУТЬ. МОЕ ТЕРПЕНИЕ НЕ БЕЗГРАНИЧНО. ВСЕ ДВЕРИ В ТЕ МИРЫ ЗАПЕРТЫ. ГИЛЕАДА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, А ВСЕ, КОГО ЗВАЛИ СТРЕЛКАМИ, МЕРТВЫ. А ТЕПЕРЬ ОТВЕЧАЙТЕ НА МОЙ ВОПРОС: КТО ВЫ ТАКИЕ? И ПОДУМАЙТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОТВЕЧАТЬ – Я ВАС В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ СПРАШИВАЮ.

Раздался какой-то шипящий звук. С потолка пролился тонкий луч ослепительного голубого света – настолько яркого, что он казался почти белым – и прожег дырку размером с мячик для гольфа в мраморном полу

футах в пяти левее коляски Сюзанны. Из дырки ленивой струйкой поднялся дымок. Запахло, как пахнет воздух после удара молнии. Секунду-другую Эдди с Сюзанной смотрели, застыв в немом ужасе, друг на друга, а потом Эдди рванулся к переговорному устройству и вдавил пальцем кнопку.

– Ты ошибаешься! Мы действительно из Нью-Йорка! Мы прошли сюда через двери на берегу... совсем недавно, несколько недель назад!

– Это правда! – крикнула Сюзанна. – Клянусь, это правда!

Тишина. Розовая спина Блейна тускло мерцала за длинным барьером. Казалось, окно на передней части косится на них точно сонный стеклянный глаз. «Дворник» смахивал на опущенное в хитроватом прищуре веко.

– А ГДЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?

– Господи, где я возьму ему доказательства? – Эдди беспомощно повернулся к Сюзанне.

– Не знаю.

Эдди снова нажал на кнопку.

– Статуя Свободы? Это о чем-то тебе говорит?

– ПРОДОЛЖАЙ, – теперь голос Блейна звучал едва ли не задумчиво.

– «Имперский штат»! Эмпайр-Стейт Билдинг! Фондовая Биржа! Центр международной торговли! «Горячие парни из Кони-Айленд»! Радио-Сити мюзик-холл! Ист-Вил...

Блейн перебил его... и на этот раз – невероятно, но факт – голос, звучащий в динамике, был в точности голосом Джона Уэйна.

– О'КЕЙ, ПИЛИГРИМ. Я ТЕБЕ ВЕРЮ.

Эдди с Сюзанной снова переглянулись, только теперь в их глазах, пусть и немного растерянных, было искреннее облегчение. Однако обрадовались они рано – когда Блейн заговорил снова, его голос опять прозвучал безучастно и холодно:

– ЗАДАЙ МНЕ ВОПРОС, ЭДДИ ДИН ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. И ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ХОРОШИЙ ВОПРОС. – После недолгой паузы, Блейн добавил: – ИБО, ЕСЛИ ВОПРОС БУДЕТ ГЛУПЫМ, ВЫ ОБА УМРЕТЕ, ОТКУДА БЫ ВЫ НИ ПРИШЛИ.

Сюзанна оторвала озадаченный взгляд от «коробки» на створке ворот и поглядела на Эдди.

– Он это о чем?

Эдди тряхнул головой:

– Без понятия.

Комната, в которую затолкал его Гашер, показалась Джейку похожей на шахту ракеты «Минитмен», украшенную вещами, уместными только в дурдоме. Вообще непонятно, что это такое было: отчасти музей, отчасти жилая комната, отчасти местечко тусовок каких-нибудь хиппи. Пустое пространство над головой упиралось в сводчатый потолок, выгнутый в форме сферы; пол уходил из-под ног, стены опускались еще футов на семьдесят пять или восемьдесят и плавно переходили в такое же круглое дно. По всей единственной круглой стене вертикальными меридианами протянулись неоновые лампы всевозможных цветов: красные, синие и зеленые, желтые и оранжевые, розовые и персиковые, – сходящиеся радужными узлами на потолке и на дне стартовой шахты... если это, конечно, шахта.

Сама комната, ограниченная снизу ржавой железной решеткой, располагалась примерно в верхней трети этого громадного сферического пространства. Там и сям на железной решетке, которая здесь заменяла пол, валялись ковры, с виду похожие на турецкие (позже Джейк узнал, что их выткали в баронетстве Кашмин). Уголки ковров были прижаты к полу тяжелыми сундуками, обитыми медью, большими торшерами и изогнутыми ножками кресел, заваленных всяким хламом. В противном случае они трепыхались бы на ветру, как бумажные ленточки перед включенным вентилятором – снизу шел непрерывный поток теплого воздуха. Другая струя, поступавшая из кольца вентиляционных отверстий вроде тех, что Джейк видел в тоннеле, кружила футах в пяти у него над головой. На дальнем конце странной комнаты была еще одна дверь, точно такая же, как и та, через которую они с Гашером вошли сюда. Джейк решил, что за ней продолжается коридор, следующий под землей вдоль пути Луча.

В комнате были люди. Шесть человек: четверо мужчин и две женщины. Джейк догадался, что перед ним – вся верхушка командования Седых... если, сделаем оговорку, им осталось еще, кем «верховнокомандовать». Из того, что Джейк знал о Седых, можно было с уверенностью заключить, что они вымирают как вид. Среди собравшихся в комнате не было ни одного молодого, однако и стариками он их не назвал бы. Еще вполне, как говорится, в расцвете сил. Они все как один повернулись к Джейку и уставились на него с любопытством не меньшим, чем он – на них.

В центре комнаты на громадном кресле, которое вполне бы сошло за трон, восседал, перекинув массивную ногу через подлокотник, здоровенный мужик – нечто среднее между воином-викингом и великаном из детской сказки. Его обнаженный до пояса мощный торс являл собой гору накачанных мускулов. На плече у него на широком ремне висел кинжал в ножнах, а на шее – какой-то странный амулет. Не считая серебряной ленточки вокруг бицепса на одной руке, на нем еще были мягкие, облегающие кожаные штаны, заправленные в сапоги. Свой желтый шарф он носил не на шее и даже не на голове, как Гашер, а повязанным вокруг голенища высокого сапога. Грязные светлые с проседью волосы ниспадали каскадом почти до середины широкой спины; зеленые его глаза, любопытные и пытливые, напоминали глаза кота, достаточно старого, чтобы набраться ума, но не такого еще престарелого, чтобы утратить ту утонченную жестокость, которая в кошачьих кругах считается атрибутом личности интересной и благородной. На спинке кресла висел на потертом ремне автомат допотопной конструкции.

Джейк повнимательнее присмотрелся к кулону на груди викинга-великана и у видел, что это стеклянная колбочка в виде гроба, подвешенная на серебряной цепи. Внутри, под стеклом, тускло поблескивал золотой циферблат. Стрелки показывали пять минут четвертого. Под циферблатом качался туда-сюда крошечный золотой маятник, и хотя в комнате постоянно стоял мягкий шум от поступающего снизу и сверху воздуха, Джейк расслышал, как тикают часики. Стрелки двигались быстрее, чем следует, и Джейк вовсе не удивился, когда увидел, что они возвращаются в противоположную сторону.

Ему почему-то вспомнился крокодил из «Питера Пэна» – тот самый, который все время гонялся за капитаном Крюком, – и губы мальчика сами сложились в улыбку. Гашер это заметил и угрожающе поднял руку. Джейк весь сжался, закрывая лицо руками.

Тик-Так погрозил Гашеру пальцем, как школьный учитель – проказливому ученику.

– Да ладно тебе... ни к чему это, Гашер.

Гашер тут же опустил руку, уже занесенную для удара. Лицо его изменилось неузнаваемо. Раньше оно выражало либо тупую ярость, либо хитрющее, едва ли не экзистенциальное веселье – попеременно. Теперь его изъязвленная рожа превратилась в само обожание и раболепие. Как и все, здесь присутствующие (не исключая и самого Джейка), Гашер просто не мог оторвать глаз от Тик-Така: тот притягивал взгляды как будто магнитом. И Джейк понимал, почему. Тик-Так был единственным здесь человеком,

который казался по-настоящему полным сил, по-настоящему здоровым. По-настоящему живым.

– Ни к чему, стало быть, ни к чему. Как скажешь. – Но прежде, чем вновь впиться взглядом в белокурого великана на троне, Гашер мрачно зыркнул на Джейка. – Только, скажу тебе, Тики, он страшно наглый наглый. Такой наглый, что просто ужас. Если ты хочешь знать мое мнение, нам с ним придется помучиться, прежде чем из него выйдет толк.

– Когда мне понадобится твое мнение, я у тебя спрошу, – отозвался Тик-Так ровным тоном. – А теперь, Гэш, закрой дверь... ты в хлеву, что ли, родился?

Одна из женщин – темноволосая – расхохоталась. Ее хриплый смех походил на воронье карканье. Но стоило Тик-Таку бросить короткий взгляд в ее сторону, как она сразу затихла и опустила глаза.

Дверь, через которую Гашер втащил Джейка в комнату, представляла собою, по сути, две двери. Расположение их напоминало Джейку люки шлюзовых камер космического корабля из фантастических фильмов. Гашер закрыл обе двери, потом повернулся к Тик-Таку и показал ему поднятый вверх большой палец. Тот кивнул и, протянув руку к кнопке на какой-то штуковине непонятного предназначения, похожей на кафедру лектора, медленно – чуть ли не томно – нажал на нее. Где-то в стене заработал насос. Свет неоновых ламп стал заметно слабее. Послышалось легкое шипение воздуха. Колесо на внутренней двери провернулось. И на внешней, наверное, тоже, предположил Джейк. Стало быть, это все-таки бомбоубежище. Когда насос отключился, лампы опять загорелись в полную силу – ярким, но все же приглушенным светом, не раздражающим глаз.

– Ну вот, – заключил Тик-Так с довольным видом и, повернувшись к Джейку, оглядел его с головы до ног. Джейк невольно поежился. Ощущение было такое, как будто его просветили рентгеновскими лучами, зарегистрировали и подшили в папку. – Все мы живы-здоровы. Сидим тут в тепле и со всеми удобствами, что твои блохи в ковре. Верно, Хутс?

– Ага! – поспешно откликнулся тощий высокий мужчина в черном костюме. Все лицо его было покрытой какой-то сыпью, и он непрестанно чесался.

– Я привел его, – сказал Гашер. – Я говорил, что во мне можешь не сомневаться. Если я что обещаю, я делаю.

– Да, – подтвердил Тик-Так. – Прямо в точку. У меня, правда, были сомнения насчет пароля, то есть, запомнишь ты его или нет, и в конце я уже было подумал, что сомневался не зря, однако...

Темноволосая женщина расхохоталась опять. Тик-Так повернулся к

ней в пол-оборота... в уголках его рта притаилась усмешка, ленивая, если и вовсе не апатичная... и прежде чем Джейк успел сообразить, что происходит – что уже произошло, – женщина отшатнулась, широко распахнув глаза от изумления и боли, и схватилась руками за какой-то непонятный нарост на груди, которого не было там и секунду назад.

Только задним числом Джейк понял, что Тик-Так, оборачиваясь, сделал какое-то движение – молниеносное, не движение даже, а промельк. Только теперь, присмотревшись, Джейк понял, что тонкой белой рукоятки кинжала, торчавшей из ножен, подвешенных на ремне на плече Тик-Така, на месте не было. Нож, вонзившийся в грудь темноволосой женщины, находился теперь на другом конце комнаты. Тик-Так выхватил и швырнул его с невероятной скоростью – даже Роланду, наверное, было бы трудно тягаться с ним. Это смахивало на какой-то фокус. Злобный, жестокий фокус.

В полном молчании все остальные наблюдали за тем, как женщина пошатнулась и сделала пару шагов по направлению к Тик-Таку, хрипло дыша и держась обеими руками за нож, вошедший ей в грудь по самую рукоятку. Проходя, она задела бедром торшер. Мужчина в черном костюме, которого Тик-Так назвал Хутсом, метнулся вперед и подхватил его, не дав упасть. Сам Тик-Так даже не шевельнулся; он так и сидел, неподвижный, на своем троне, перекинув одну ногу через подлокотник, и с ленивой улыбкой смотрел на женщину.

Она споткнулась о край одного из ковров и стала падать лицом вперед. И тут Тик-Так снова сделал одно движение, неуловимое, молниеносное: согнул, а потом резко выпрямил ногу, перекинутую через подлокотник кресла, ударив женщину в низ живота. Ее отшвырнуло назад. Из рта ее хлынула кровь и попала на мебель. Женщина ударилась о стену и сползла по ней на пол, где и затихла, уронив голову на грудь, как киношная мексиканка в сиесту, присевшая отдохнуть у прохладной стены – почему-то у Джейка возникло такое сравнение. У него в голове не укладывалось, что она мертва: слишком быстро – до жути быстро – она перешла в царство мертвых из мира живых. Свет неоновых ламп превратил ее темные волосы в полупрозрачную дымку, отливающую голубым и алым. Остекленевшие ее глаза, в которых навечно застыло предсмертное изумление, смотрели прямо на Тик-Така.

– Я ее предупреждал, и не раз, насчет этого смеха, – заметил тот, переводя хмурый взгляд на вторую женщину, грузную, рыжеволосую, чем-то похожую на грузовик. – Или нет, Тилли?

– Предупреждал, – тут же поддакнула Тилли. Глаза у нее так и горели

восторженным страхом. Похоже, все происходящее сильно ее возбуждало. Она то и дело облизывала губы. – И не раз. Могу чем угодно поклясться, чтоб мне провалиться.

– Ага, – лениво заметил Тик-Так, – с такой жирной задницей, как у тебя, провалиться недолго. Передай мне мой ножичек, Брендан, и не забудь протереть его хорошенько.

Приземистый кривоногий мужчина сорвался с кресла и бросился выполнять приказание. Нож поначалу не поддавался; он, похоже, застрял в кости незадачливой черноволосой женщины. Бросив испуганный взгляд на Тик-Така, Брендан покрепче схватился за рукоятку и потянул посильнее.

Тик-Так, однако, тут же забыл и о Брендане, и о бедняжке, которая – в буквальном смысле этого слова – умерла от смеха. Взгляд зеленых сверкающих глаз уже впился в Джейку, который явно интересовал его больше, чем мертвая тетка.

– Подойди ближе, салага, – велел Тик-Так. – Хочу получше тебя рассмотреть.

Гашер пихнул Джейку вперед. Тот споткнулся и наверняка бы упал, если бы сильные руки Тик-Така не подхватили его за плечи. Убедившись, что мальчик восстановил равновесие, Тик-Так отпустил его плечи, схватил за запястье левой руки и поднял ее вверх. Внимание его привлекли часы «Сейко».

– Если это действительно то, что я думаю, тогда это верный и истинный знак, – пробормотал Тик-Так. – Скажи-ка мне, мальчик... что это у тебя за сигул?

Джейку, который понятия не имел, что такое сигул, оставалось надеяться только на благосклонность судьбы.

– Это часы. Только они не работают, мистер Тик-Так.

Хутс хохотнул и тут же испуганно зажал рот ладонями, когда Тик-Так повернулся к нему. Впрочем, уже через секунду Тик-Так повернулся обратно к Джейку, и хмурое его выражение сменилось вдруг лучезарной улыбкой. Глядя на эту улыбку, как-то даже не верилось, что здесь, в этой комнате, только что произошло убийство – что у стены сидит мертвая женщина, а не киношная мексиканка, присевшая отдохнуть в сиесту. Глядя на эту улыбку, не верилось даже, что все эти люди – душевнобольные, а сам Тик-Так, скорее всего, самый буйный и главный псих в этом большом дурдоме.

– Часы. – Тик-Так кивнул головой. – Что ж, название вполне подходящее: в конце концов, для чего эти штуки, которые время показывают... чтобы часом на них поглядывать. Верно, Брендан? Гашер?

Тилли?

Они ответили дружными возгласами одобрения. Одарив их своею обворожительною улыбкой, Тик-Так опять повернулся к Джейку. Джейк заметил, однако, что эта улыбка, пусть даже и располагающая донельзя, не затрагивает его глаз. Глаза Тик-Така не улыбались, они оставались такими же, как всегда: холодными, жесткими и любопытными.

Он протянул палец к часам на левом запястье Джейка – они показывали девяносто одну минуту восьмого, причем вечера и утра одновременно – и тут же отдернул руку, так и не прикоснувшись к стеклу над электронным, на жидких кристаллах, табло.

– Скажи мне, мой юный друг... эти твои «часы», они, часом, не с ловушкой?

– Чего? А-а! Нет. Они без ловушки. – Джейк дотронулся пальцем до «Сейко».

– Это еще ничего не значит, если они настроены на частоту твоего тела, – заметил Тик-Так. Теперь он перешел на резкий, пренебрежительный тон – таким тоном всегда разговаривал папенька Джейка, когда не хотел, чтобы его собеседники догадались, что он не врубается совершенно в предмет разговора. Тик-Так задумчиво покосился на Брендана, и Джейк догадался, что тот сейчас взвешивает все за и против, решая, стоит ли назначать кривоногого коротышку своим уполномоченным «дотрагивателем». Эта идея, должно быть, его не прельстила. Тик-так отвернулся от Брендана и опять заглянул Джейку в глаза. – Если эта фигняшибанет меня током, ты у меня через тридцать секунд задохнешься, дружок, носом в собственной заднице.

Джейк тяжело сглотнул, но ничего не сказал. Тик-Так протянул руку и на этот раз дотронулся пальцем до циферблата. Как только он прикоснулся к часам, все цифры сменились нулями и отсчет времени начался заново.

Тик-Так прищурился в первый момент в ожидании предполагаемого болевого импульса, а когда стало ясно, что никакого разряда не будет, в уголках его глаз появились морщинки первой искренней – настоящей – улыбки. Джейк решил, что подобное преображение объяснялось отчасти тем, что Тик-Так упивался сознанием собственной храбрости, хотя в основном это было обычное удивление. Плюс, конечно же, интерес.

– А ты не мог бы их мне подарить? – спросил он у Джейка елеяно и вкрадчиво. – Скажем, в качестве жеста твоей доброй воли? Я, видишь ли, собираю коллекцию, мой дорогой юный друг.

– Пожалуйста. – Джейк немедленно снял часы и уронил их в протянутую ладонь Тик-Така.

– Вы только послушайте – разговаривает, что твой маленький джентльмен шелкозадый, нет, правда, – радостно гаркнул Гашер. – В прежние времена тот, кто надывал такую добычу, получил бы хорошее вознаграждение, Тикки. Очень хорошее вознаграждение. Да что там, мой батюшка...

– Батюшка твой так прогнул от мандруса, что даже псы его жрать не стали, когда он откинул копыта, – оборвал его Тик-Так. – А теперь заткнись, ты, идиот.

В первый момент Гашер затрясся от ярости... а потом растерялся, смутившись, и, присев на ближайший стул, закрыл рот.

Тик-Так между тем изучал растягивающийся браслет часов с выражением едва ли не трепетного благоговения. Растянул его до предела, потом отпустил, опять растянул и опять отпустил. Пропустил прядь волос в открывшийся между звеньями браслета зазор и рассмеялся, довольный, когда волосы в нем застряли. Просунул руку в браслет и натянул его почти до самого локтя. Про себя Джейк подумал, что нью-йоркский его сувенир выглядит несколько неуместно на лапище этого воина-викинга, но предусмотрительно промолчал.

– Круто! – воскликнул Тик-Так. – А скажи-ка мне, мальчик, где ты их раздобыл?

– Мне родители подарили на день рождения, – ответил Джейк. Гашер, услышав это, подался вперед, как видно, желая в очередной раз напомнить о вознаграждении. Но если даже и так, то внимательный взгляд Тик-Така тут же заставил его передумать. Гашер замер на стуле, так и не высказавшись.

– Правда? – изумился Тик-Так, приподнимая бровь. Он обнаружил маленькую кнопку подсветки циферблата и принялся сосредоточенно на нее нажимать, наблюдая за тем, как загорается и гаснет свет. Когда он опять поглядел на Джейка, глаза его сузились, превратившись в зеленые щелки. – А скажи-ка мне вот что, мой мальчик... на какой схеме они работают: биполярной или монополярной?

– Они вообще не на схеме работают, – отозвался Джейк, не подозревая еще о том, что его нежелание признаться, что эти термины для него незнакомы, принесет ему в самом ближайшем будущем крупные неприятности. – Они, по-моему, работают на батарейке. Никелево-кадмиевой, если я не ошибаюсь. Мне еще не приходилось ее менять, а вкладыш с инструкцией я давно потерял.

Тик-Так пристально на него посмотрел. Смотрел он долго и молча, и Джейк вдруг понял в испуге, что белокурый гигант пытается определить,

издевается он над ним или нет. Если ему сейчас «клюкнет», что Джейк действительно хочет над ним посмеяться, то оскорбления и побои, которые мальчику довелось испытать на себе по пути сюда, покажутся просто приятельским щекотанием по сравнению с тем, что с ним будет делать Тик-Так. Нужно немедленно чем-то Тик-Така отвлечь. Джейк ляпнул первое, что пришло в голову:

– Он был вашим дедушкой, да?

Тик-Так вопросительно вскинул бровь. Руки его опустились на плечи Джейка, и хотя в этот раз он не стал их сжимать, Джейк все равно ощутил их силу. Феноменальную силу. Если Тик-Так сожмет руки и дернет его вперед, ключицы у Джейка сломаются как карандаши. А если толкнет, то тогда, вероятно, ломает ему позвоночник.

– Кто был моим дедом, щенок?

Джейк обвел взглядом широкие плечи Тик-Така и массивную его голову благородной и даже, можно сказать, величественной посадки. Ему вспомнилось, как Сюзанна сказала тогда, у разбитого аэроплана: «Ты посмотри на него, Роланд... какой он здоровый! Им, наверное, пришлось его маслом смазать, чтобы впихнуть в кабину!»

– Тот человек в самолете. Дэвид Шустрый.

Тик-Так, изумившись, широко распахнул глаза. Потом запрокинул голову и разразился раскатистым хохотом, который отдался высоким эхом под сводчатым куполом потолка. Все остальные заулыбались, но как-то нервно. Памятуя о том, что случилось с черноволосой женщиной, никто не отважился рассмеяться вслух.

– Кто бы ты ни был и откуда бы ты ни пришел, мой мальчик, ты – малый веселый. Самый веселый, пожалуй, из всех, с кем старый Тик-Так скорешился за многие годы. Шустрый был мне не дедом, а прадедом, но ты попал почти в цель... как по-твоему, Гашер, душечка?

– Угу, – согласился Гашер. – Он парень не промах, скажу я тебе. Но все равно страшно наглый.

– Что есть, то есть, – задумчиво протянул Тик-Так. Он легонько сжал руки и подтащил Джейка поближе к своему улыбающемуся лицу. Лицу красивому и безумному. – Я и сам вижу, что он нахаленок. По глазам его вижу. Но об этом уж мы позаботимся, да, Гашер?

«Он не с Гашером сейчас говорит, – понял Джейк, – а со мной. Он думает, он меня гипнотизирует... и у него, кажется, получается».

– Да, – выдохнул Гашер.

Ощущение было такое, что он тонет в этих зеленых глазах. Хотя Тик-Так сжимал его плечи не очень сильно, Джейку казалось, что ему не

хватает воздуха. Ему было нечем дышать. Мальчик собрал всю свою силу в кулак, пытаясь вырваться из-под гипнотической власти Тик-Така, открыл рот и опять сказал первое, что пришло в голову:

– Так Пал лорд Перт, и земля содрогнулась от этого грома.

Фраза подействовала на Тик-Така как удар по лицу кулаком. Он даже вздрогнул. Зеленые глаза угрожающе сощурились. Пальцы больно впились в лечи Джейка.

– Что ты сказал? Где ты, вообще, это слышал?

– Птичка на хвостике принесла, – Джейк нарочно ответил так дерзко, за что тут же и поплатился: пролетел через всю комнату и ударился в закругленную стену бедром. В этом ему повезло. Если бы он впилил в нее головой, он бы наверняка отрубился, если б и вовсе не приказал долго жить, а так он лишь отскочил и свалился, как куль с картошкой, на решетчатый пол. Тряхнув головой, Джейк ошалело огляделся по сторонам и обнаружил, что сидит нос к носу с темноволосой женщиной, которая вовсе не отдыхала в сиесту. Издав испуганный крик, он пополз на четвереньках прочь – подальше от мертвой. Хутс пнул его в грудь, и Джейк перевернулся на спину. Так он и лежал, хватая ртом воздух и глядя вверх, на потолок, туда, где неоновые лампы-трубки сходились в радужный узел красок. А секундой позже все заслонило собою лицо Тик-Така. Губы его были плотно сжаты в жесткую, напряженную линию, щеки пылали, а в глазах... в глазах у него был страх. Стеклянная коробочка в форме гроба, которую он носил на серебряной цепочке на шее, болталась прямо перед глазами у Джейка, раскачиваясь, точно маятник миниатюрных «дедовских» часов, заключенных внутри.

– Гашер прав, – заключил Тик-Так, потом схватил мальчика за грудки и поднял его на ноги. – Ты еще тот нахал. Слишком много, смотрю, выделяешься. Но со мной тебе самому не захочется так наглеть. Никогда не захочется, мальчик мой. Ты когда-нибудь слышал о людях с коротеньким фитильком? В смысле, шнур у них быстро сгорает. Так вот, у меня вообще нет шнура – я взрываюсь мгновенно. Куча народу могла бы тебе это подтвердить, если бы я не заставил их замолчать навсегда. Если еще раз при мне упомянешь про лорда Перта... хотя бы раз, тебе ясно? ... я тебе полбашки разнесу и мозги твои съем в сыром виде. Это история несчастливая, и я не хочу, чтоб ее вспоминали в Колыбели Седых. Ты меня понял?

Он приподнял Джейка над полом и встряхнул его, как коврик.

Мальчик расплакался.

– Ты понял?

– Д-д-да.

– Вот и славно. – Тик-Так опустил Джейка на пол. Мальчик пошатнулся и утер слезы, размазав по щекам грязь, темную, точно тушь для ресниц. – А теперь, юный мой друг, будет у нас с тобой вечер вопросом и ответом. Я задаю вопросы, ты мне на них отвечаешь. Понятно?

Джейк не ответил. Он смотрел на вентиляционные решетки, опоясывающие круглую комнату, стараясь не встречаться взглядом с Тик-Так.

Двумя пальцами Тик-Так схватил мальчика за нос и больно его сдавил:

– Тебе понятно, я спрашиваю?

– Да! – выкрикнул Джейк, поворачиваясь к Тик-Таку. Теперь глаза у него слезились не только от страха, но и от боли. Ему нестерпимо хотелось опять поглядеть на одно из отверстий для вентиляции, чтобы удостовериться, что увиденное им там было не только игрой его перепуганного, перегруженного воображения, но Джейк не стал рисковать. Он боялся, что кто-то другой – и прежде всего, сам Тик-Так – проследит за его взглядом и тоже увидит...

– Хорошо. – Так и держа Джейка за нос, Тик-Так подтащил его к своему креслу. Уселся. Опять перебросил ногу через подлокотник. – Давай немного потреплемся по-приятельски. Начнем с того, как тебя зовут... Ну и как же тебя зовут, мой мальчик?

– Джейк Чемберс. – Голос его звучал неразборчиво, как при насморке. С зажатым носом не очень-то разговоришься.

– А ты, часом, не Не-Видь, Джейк Чемберс?

Джейк поначалу подумал, что таким – несколько странным – образом Тик-Так хочет спросить, не слепой ли он... хотя все они видят прекрасно, что он не слепой.

– Я не понимаю...

Тик-Так легонько встряхнул его за нос.

– Не-Видь! Не-Видь! Хватит валять дурака, мой мальчик! Чего непонятного?!

– Я, правда, не понимаю... – начал было Джейк, и тут его взгляд упал на автомат допотопной конструкции, висевший на спинке кресла. Он вспомнил разбившийся «фокк-вульф» со свастикой на крыле и сообразил, наконец, о чем речь. – Нет... я не немец. Я американец. Все это закончилось до моего рождения. Задолго до моего рождения.

Тик-Так отпустил нос Джейка. Из носа тут же полилась кровь.

– Мог бы сказать мне об этом сразу и тем самым избавить себя от болезненных ощущений, Джейк Чемберс... но, по крайней мере, теперь ты

знаешь, как мы здесь разбираемся со своими делами, а?

Джейк молча кивнул.

– Ну вот и славно. Начнем с самых простых вопросов.

Джейк украдкой взглянул на вентиляционную решетку и едва сдержал радостный вздох. Значит, ему не почудилось. Он действительно видел их... два черных глаза с золотистыми ободками, как будто зависших во тьме за хромированными прутьями.

Ыш.

Тик-Так влепил ему пощечину. Джейк отлетел назад, едва ли не плюхнувшись на колени к Гашеру, который поймал его и снова толкнул вперед.

– Идет урок, сердце мое, – шепнул Гашер. – Вот и води себя, как положено на уроке! И хорошенько запоминай!

– Когда я к тебе обращаюсь, смотри на меня, – предупредил Тик-Так. – Я бы хотел, чтобы ты относился ко мне с уважением, Джейк Чемберс. С элементарным человеческим уважением. Иначе я тебе яйца отрежу.

– Хорошо.

В зеленых глазах Тик-Така промелькнула опасная искорка.

– Хорошо – что?

Джейк лихорадочно искал подходящий ответ, отбиваясь от вихря вопросов, теснящихся у него в голове, и стараясь не обольщаться надеждой, которая вспыхнула у него в душе с новой силой. И он все же нашел ответ, который вполне подошел бы для его собственной Колыбели Младов... иначе известной как школа Пайпера:

– Хорошо, сэр.

Тик-Так улыбнулся.

– Для начала неплохо, мой мальчик. – Он наклонился вперед, упираясь руками в бедра. – А теперь скажи мне... что такое «американец»?

Джейк заговорил, изо всех сил стараясь при этом не смотреть на вентиляционную решетку.

Роланд убрал револьвер в кобуру, взялся обеими руками за колесо на железной двери и попытался его повернуть. Оно не сдвинулось ни на дюйм. Это не то чтобы удивило стрелка. Он, собственно, и не надеялся на что-то большее. Однако, проблема в виде закрытой двери оставалась

серьезной, и ее надо было решать.

Остановившись у левой его ноги, Ыш поднял мордочку и с нетерпением взглянул на Роланда, ожидая, когда тот откроет дверь, чтобы они могли пойти дальше – к Джейку. Но если б все было так просто! Стоять тут, у двери, и ждать, пока кто-нибудь выйдет, не имело смысла: кто его знает, когда кому-нибудь их седых понадобится воспользоваться именно этим выходом? Может быть, час пройдет. Может быть, целый день. Может быть, несколько дней. А пока Роланд будет торчать здесь под дверью, теряя время, Гашеру со товарищи может в башку что угодно клюкнуть. Поджарить Джейка живьем, например.

Стрелок прижался ухом к двери, но не услышал ни звука. И это тоже его не особенно удивило. Он уже видел такие двери – замок не собьешь ничем, хоть пали в него из револьвера, и через них вообще ничего не слышно. Дверь может быть одиночной, а может быть и двойной: две двери, одна напротив другой, и между ними пустое пространство. Чтобы открыть эту дверь, нужно нажать на кнопку, которая приводит в движение механизм замка. То есть, где-то должна быть кнопка. И если Джейк до нее доберется – сумеет добраться, – тогда есть надежда, что не все еще потеряно.

Роланд хорошо понимал, что в этом ка-тете он, скажем так, не действительный член. Наверное, даже Ыш способен полнее, чем сам он, проникнуть в суть тайной жизни, наполняющей это маленькое содружество (стрелок, например, сомневался, что Ыш проследил путь Джейка по этому темному лабиринту тоннелей, залитых проточной водой, с помощью одного только нюха). Однако, при всем при том, Роланд сумел помочь Джейку, когда мальчик пытался пройти в его мир через дверь в земле. Он смог увидеть... а когда Джейк уронил ключ в щель в полу и пытался его достать, стрелок сумел передать ему мысленное сообщение.

Быть может, и в этот раз тоже получится. Только надо быть осторожным. В лучшем случае седые допетрят, что что-то происходит. В худшем – Джейк истолкует послание стрелка неверно и совершит какую-нибудь глупость.

Вот если бы он мог видеть...

Роланд закрыл глаза и сосредоточился, пытаясь мысленно пробиться к Джейку. Он представил себе глаза мальчика и послал свое ка искать эти глаза.

В первый раз у него ничего не вышло, но в конце концов перед мысленным взором Роланда сложился расплывчатый образ: лицо в обрамлении длинных, светлых с проседью волос. Зеленого цвета глаза мерцали в глубоких глазницах, точно призрачные огоньки в полумраке

пещеры. Роланд тут же сообразил, что это Тик-Так собственной персоной и что он – потомок того самого Дэвида Шустрого, погибшего при крушении воздушной кареты. Наблюдение интересное, но в данном случае не имеющее никакой практической ценности. Стрелок попытался как следует рассмотреть остальную часть комнаты, где держали Джейка, и людей, в этой комнате находящихся.

– Эйк, – прошептал Ыш, как будто желая напомнить Роланду, что сейчас не самое подходящее время для сна.

– Тс-с-с, – шикнул тихонько стрелок, не открывая глаз.

Но, как Роланд ни старался, больше он ничего не сумел разглядеть. Только какие-то размытые пятна. И Роланда, кажется, знал, почему. Все внимание Джейка было сейчас полностью сфокусировано на одном человеке – Тик-Так; все остальное и все остальные представлялись как смутные тени, подернутые туманом, на самом краешке джейкова восприятия.

Роланд открыл глаза и, раздосадованный, хлопнул левой рукой, сжатой в кулак, по раскрытой ладони правой. Он был уверен, что сможет увидеть и больше, если слегка поднапрячься... но тогда Джейк, скорее всего, ощутит его мысленное присутствие. А это опасно. Гашер может чего-нибудь заподозрить, а если не он, то уж Тик-Так заподозрит неладное наверняка.

Он поднял голову и задумчиво оглядел узкие вентиляционные люки, забранные решеткой, потом опустил взгляд на Ыша. Роланд давно уже не сомневался, что ушастик разумен, только не знал, до каких пределов. Похоже, сейчас ему предстоит это выяснить.

Стрелок поднял здоровую левую руку, просунул пальцы между горизонтальными прутьями вентиляционной решетки, ближайшей от двери, через которую увели Джейка, и потянул. Она оторвалась, осыпав его хлопьями ржавчины и засохшим мхом. Пролом, открывшийся за решеткой, оказался, естественно, слишком узким для человека... но не для ушастика. Роланд положил решетку на пол, взял Ыша на руки и тихонько шепнул ему в самое ухо:

– Иди... посмотри... и возвращайся ко мне. Понимаешь? Тебя не должны увидеть. Никто. Просто иди, посмотри и возвращайся сюда.

Ыш не мигая смотрел ему прямо в глаза, не говоря ничего – даже имени Джейка зверек не протягивал ни разу. Роланд не знал, понял Ыш или нет, что он ему сказал, но тратить время на праздные размышления не было никакого смысла. Если Ыш понял, он понял, если же нет... Стрелок поднял зверька к вентиляционной шахте. Тот обнюхал остатки засохшего мха, деликатно чихнул и уселся на краешке вытяжки, глядя на Роланда. В его

таинственных странных глазах с золотым ободком читалось явное сомнение. Сквозняк шевелил его длинный шелковистый мех.

– Иди, посмотри и возвращайся ко мне, – повторил Роланд шепотом.

Ыш, заблаговременно втянув когти, развернулся и скрылся в сумраке шахты, беззвучно ступая на мягких подушечках лап.

Роланд вытащил револьвер и занялся самой тяжелой работой – стал ждать.

Ыш вернулся уже через три минуты. Роланд снял его с края вытяжки и опустил на пол. Ыш запрокинул голову и поглядел на стрелка сверху вниз, вытянув длинную шею.

– Сколько их, Ыш? – спросил Роланд. – Сколько там человек?

Ыш продолжал молча смотреть на него. Прошла секунда, другая. Роланд отчаялся и решил, что уже ничего не будет, как вдруг зверек нерешительно приподнял правую лапу, выпустил когти, и уставился на нее, как будто пытался припомнить какую-то важную – сложную – вещь. А потом начал стучать лапой по полу.

Один... два... три... четыре. Пауза. И еще два удара, быстрых и аккуратных – выпущенные когти легонько цокнули по стальному полу: пять, шесть. Потом опять небольшая пауза. Ыш задумался, склонив голову. Он был похож на ребенка, который запутался в сети сложных логических построений. Наконец он еще раз – последний раз – стукнул когтями по полу, глядя при этом на Роланда.

– Эйк!

Шестеро седых... и Джейк.

Роланд взял зверька на руки и погладил его по шерстке.

– Молодец, – шепнул он Ышу, преисполненный изумления и благодарности. Он ждал какого-то результата, но не смел и надеяться на столь исчерпывающий и точный ответ. А что ответ точный, Роланд даже не сомневался. – Хороший мальчик! Малыш!

– Ыш! Эйк!

Да. Джейк. В этом-то все и дело. Джейк, которому он, Роланд, дал обещание. И он намерен сдержать свое слово.

Стрелок погрузился в раздумья. Манера его строить мысленный монолог была весьма своеобразной. Сухой прагматизм сочетался в ней с неудержимой интуицией, унаследованной им, скорее всего, от бабушки, женщины странной – не сказать, со странностями, – Дедре Безумной. Именно благодаря интуиции Роланд сумел уцелеть и прожить столько лет после гибели всех его прежних товарищей. И теперь – с ее помощью – ему предстояло спасти Джейка.

Он снова взял Ыша на руки, в полной мере осознавая, что Джейк еще может – может – выжить, а вот ушастик наверняка погибнет. Стрелок прошептал несколько слов в настороженно приподнятое ухо зверька. Сделал паузу. Повторил команду. Опять сделал паузу и повторил. Замолчал, наконец, и запустил ушастика в вентиляционную вытяжку.

– Хороший мальчик, – шепнул Роланд на прощание. – Иди. Сделай, что надо сделать. Мое сердце – с тобой.

– Ыш! Эрца! Эйк! – отозвался ушастик и убежал в темноту.

Роланд ждал.

Сейчас начнется такое, что всем чертям будет тошно.

«Задай мне вопрос, Эдди Дин из Нью-Йорка. И пусть это будет хороший вопрос... ибо если вопрос будет глупым, вы оба умрете, откуда бы вы ни пришли».

И как, скажите, пожалуйста, реагировать на подобное заявление?

Темно красный огонек на переговорном устройстве внезапно погас. Вместо него опять засветился розовый.

– Думай быстрее, – пролепетал, подгоняя, слабенький голосок Маленького Блейна. – Он никогда раньше не был таким сердитым... думай быстрее, или он вас обоих убьет!

Эдди отметил – но как-то смутно, – что голуби все еще кружат бесцельно под куполом Колыбели и что некоторые из них, натываясь на каменные колонны, падают мертвыми на пол.

– Чего ему надо? – прошипела Сюзанна в микрофон, обращаясь к Маленькому Блейну, чей голосок притаился где-то внутри. – Чего ему надо? Скажи, ради Бога – чего?

В ответ – тишина. У Эдди возникло пренеприятнейшее ощущение, что минута отсрочки, любезно им предоставленная Большим Блейном для того, чтобы подумать как следует (если это была отсрочка, и если Блейн, тот, который Большой, был любезен), сейчас закончится. Нажав на кнопку «СЛУШАЙТЕ/ГОВОРите», Эдди заговорил таким лихорадочно – жизнерадостным тоном, чувствуя, как по щекам и по шее его текут струйки пота.

«Задай мне вопрос».

– Значит так... Блейн! Чем ты, вообще, занимался за эти последние

несколько лет? Как я понимаю, ты не выходил на свой этот юго-восточный маршрут? А почему? Настроения не было или другие причины имелись? А?

Тишина. Ни звука вообще. Только шелест и хлопанье голубиных крыльев. Не в меру богатое воображение услужливо нарисовало картинку: Ардис, пытающийся закричать, когда щеки его стали плавиться, а по языку пробежало пламя. У Эдди аж волосы встали дыбом. Только от страха? Или это усилилось напряжение невидимого электрического поля?

Думай быстрее... Он никогда раньше не был таким сердитым.

– А кто, вообще, тебя сделал? – спросил в отчаянии Эдди, думая про себя: «Знать бы мне только, чего он хочет, этот железный мудила!» – Может, расскажешь нам эту страницу твоей биографии? Не седые, случайно? Нет... скорее всего, это были Великие Старцы, да? Или...

Он беспомощно умолк. Молчание Блейна уже ощущалось буквально физически – как прикосновение к коже мясистых и мягких пальцев: они тебя щупают и шевелятся. Бр-р-р.

– Чего тебе надо? – выкрикнул Эдди, отчаявшись окончательно. – Объясни, черт возьми, что ты хочешь услышать?

Никакого ответа – лишь кнопки на переговорном устройстве опять налились яростным красным светом. Эдди понял, что время их истекает. Где-то поблизости включился невидимый механизм – раздалось глухое жужжание, похожее на гул электрического генератора. И как бы Эдди ни хотелось думать, что это лишь плод его разыгравшегося воображения, слуховая галлюцинация и все такое, звук был реальным. Очень даже реальным.

– Блейн! – воскликнула вдруг Сюзанна. – Блейн, ты меня слышишь?

Никакого ответа... Эдди чувствовал, как воздух вокруг наполняется электричеством, точно миска под краном – водой. В носу щипало при каждом вдохе. Пломбы в зубах гудели, как потревоженные насекомые.

– Блейн, у меня есть вопрос. Очень хороший вопрос! Послушай! – На мгновение Сюзанна прикрыла глаза, отчаянно потирая пальцами виски. – «Его не потрогаешь и не увидишь... гм... формы нет у него, и вообще ничего – только имя... Оно то коротким бывает... то длинным...» – Она запнулась и умоляюще поглядела на Эдди, широко распахнув глаза. – Помогай! Я не помню, как дальше!

Но Эдди только уставился на нее как на законченную идиотку. Что за бред еще, черт возьми? У нее что, в голове помутилось от страха? Но тут его вдруг осенило, и он все понял. Последняя строчка загадки всплыла в его памяти, и все встало на место – как будто в картинке-загадке не хватало

двух последних кусочком, но теперь они вдруг нашлись. Эдди бросился к микрофону:

– «И оно всегда с нами: во всех разговорах, забавах и играх». Что это? Вот ваш вопрос, Блейн – что это такое?

Красный огонек, подсвечивающий кнопки «КОД-КОМАНДА» и «ВВОД» под ромбом из цифр, погас. Через секунду – Эдди она показалась бесконечной – Блейн заговорил опять... но и за эту секунду Эдди успел ощутить, что мурашки от статистического электричества у него на коже начинают ослабевать.

– ТЕНЬ, РАЗУМЕЕТСЯ, – ответил голос Большого Блейна. – ЛЕГКИЙ ВОПРОС... НО НЕПЛОХОЙ. ОЧЕНЬ ДАЖЕ НЕПЛОХОЙ.

Теперь голос в динамике несколько оживился. В нем появилась задумчивость... и еще кое-что, непонятное, неуловимое. Удовольствие, может быть? Или тоска? Эдди никак не мог определить эту странную нотку, но что-то в голосе из динамика напоминало ему голосок Маленького Блейна. И еще одно Эдди знал наверняка: неожиданное – и весьма своевременное – вмешательство Сюзанны спасло их. По крайней мере, какое-то время им не придется переживать за сохранность своих драгоценных задниц. Склонившись над нею, он поцеловал ее в лоб – холодный, покрытый бисеринками пота.

– А ЕЩЕ ЗАГАДКИ ВЫ ЗНАЕТЕ? – спросил Блейн.

– Да, и немало, – немедленно отозвалась Сюзанна. – У нашего друга Джейка есть целая книга загадок.

– ИЗ НЬЮ-ЙОРКА ИЛИ ОТКУДА? – уточнил Блейн, и теперь Эдди понял, что это за странная нотка проскальзывает в его голосе. Блейн, может быть, и машина, но Эдди, будучи «героинщиком» с шестилетним стажем, уже безошибочно узнавал этот жадный голод – это томление наркомана, когда ты доходишь до крайних пределов, когда все твои мысли заняты только одним.

– Да-да, из Нью-Йорка, – подтвердил он. – Но Джейка сейчас с нами нет. Его взяли в плен. Увел его некто Гашер.

В ответ – тишина... а потом кнопки на переговорном устройстве опять замерцали уже знакомым бледно розовым светом.

– Пока все идет хорошо, – прошептал голосок Маленького Блейна. – Но вам надо быть начеку... он хитрый...

Кнопки вспыхнули красным.

– ВЫ ЧТО-ТО СКАЗАЛИ? – голос Блейна звучал теперь холодно и – Эдди мог бы поклясться в этом – подозрительно.

Он посмотрел на Сюзанну. Она вся напряглась, широко распахнув

глаза – испуганные, как у маленькой девочки, посреди ночи услышавшей странные шорохи у себя под кроватью.

– Это я просто откашлялся, Блейн. Что-то в горле першит, – сказал Эдди и, тяжело сглотнув, утер рукой пот со лба. – Я... черт возьми, скажи правду и посрамишь дьявола... просто я перепугался до смерти.

– И ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛ. ЭТИ ЗАГАДКИ, ИЗ КНИГИ – ОНИ ТОЧНО НЕ ГЛУПЫЕ? Я, ПОТОМУ ЧТО, НЕ ПОТЕРПЛЮ ГЛУПЫХ ЗАГАДОК. МОЕ ТЕРПЕНИЕ НЕ БЕЗГРАНИЧНО.

– Нет, они все хорошие... в основном, – отозвалась Сюзанна, бросив на Эдди тревожный взгляд.

– ТЫ ЛЖЕШЬ, ЖЕНЩИНА. ТЕБЕ НЕВЕДОМО КАЧЕСТВО ЭТИХ ЗАГАДОК.

– Откуда ты знаешь...

– СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ГОЛОСА. ФРИКАТИВНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ И ЭМФАТИЧЕСКИЕ УДАРЕНИЯ НА ДИФТОНГАХ ПОЗВОЛЯЮТ С ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ТОЧНОСТИ ОПРЕДЕЛИТЬ СООТНОШЕНИИ ПРАВДЫ/ЛЖИ. КОЭФФИЦИЕНТ НАДЕЖНОСТИ ПРЕДСКАЗУЕМОСТНОГО АНАЛИЗА СОСТАВЛЯЕТ НЕ МЕНЕЕ 97 ПРОЦЕНТОВ, ПЛЮС-МИНУС ПОЛПРОЦЕНТА. – Голос умолк на мгновение, а когда зазвучал снова, в нем явственно слышались угрожающие, немного манерные и медлительные, интонации, которые показались Эдди знакомыми. Ну да, конечно... Это был голос Хампфри Богарта. – ГОВОРИ ЛУЧШЕ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТО ЗНАЕШЬ, КРАСАВИЦА. ПРИХОДИЛ ТУТ ОДИН ТОЖЕ УМНИК. ПЫТАЛСЯ МЕНЯ ОБЖУЛИТЬ. ЗНАЕШЬ, ЧЕГО С НИМ СТАЛО? ОБРЕЛ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ НА ДНЕ СЕНДА, ОБУВ ПЕРЕД ЭТИМ НОВЕНЬКУЮ ПАРУ ЦЕМЕНТНЫХ КОВБОЙСКИХ САПОГ.

– Господи, – выдохнул Эдди. – Мы протопали миль четыреста, если не больше, и все для чего? Чтобы нарваться на Малыша Рича в компьютерной версии. Как тебе это удастся, Блейн? Имитировать голоса парней вроде Джона Уэйна или Хампфри Богарта? Ребят из нашего мира?

Молчание.

– О'кей. На этот вопрос отвечать ты не хочешь. Тогда, может быть, на другой... если тебе так хотелось загадок, чего же ты сразу-то не сказал?

И опять – никакого ответа. Впрочем, Эдди и так уже понял. Блейн обожает загадки, вот он и задал загадку им. Сюзанна ее разгадала. И слава Богу. А то было у Эдди одно неприятное подозрение, что если б она не сумела ее разгадать, они бы сейчас с ней на пару валялись на белом полу Колыбели в виде брикетов древесного угля.

– Блейн? – встревоженно позвала Сюзанна. Ответа по –прежнему не было. – Блейн, ты еще здесь?

– ДА. ЗАГАДАЙТЕ ЕЩЕ ЗАГАДКУ.

– Когда человек – дерево? – спросил Эдди.

– КОГДА ОН СО СНА. ПРИДЕТСЯ ВАМ ВСПОМНИТЬ ЧЕГО-НИБУДЬ ПОИНТЕРЕСНЕЕ, ЕСЛИ ВАМ В САМОМ ДЕЛЕ ТАК НУЖНО, ЧТОБЫ Я ВАС КУДА-ТО ОТВЕЗ. МОЖЕТЕ ВЫ ПРИДУМАТЬ ЧЕГО-НИБУДЬ ПОИНТЕРЕСНЕЕ?

– Сейчас сюда придет Роланд... он-то уж точно много чего придумает, – сказала Сюзанна. – Не будем сейчас говорить о загадках из книги Джейка... будет книжка, тогда и посмотрим... но Роланд знает их сотни. Он даже их изучал. В детстве. – произнеся эти слова, Сюзанна вдруг поняла, что ей трудно представить Роланда ребенком. – А ты отвезешь нас, Блейн?

– МОЖЕТ БЫТЬ, – сказал Блейн достаточно ровным тоном, но Эдди все-таки уловил в его голосе едва различимую нотку жестокости. – НО ЧТОБЫ МЕНЯ ЗАПУСТИТЬ, ВАМ ПРИДЕТСЯ ЗАЛИТЬ НАСОС, А НАСОС У МЕНЯ ЗАЛИВАЕТСЯ ЗАДОМ НАПЕРЕД.

– Что ты имеешь в виду? – Эдди в недоумении уставился сквозь прутья ограды на гладкую розовую спину Блейна. Но Блейн не ответил ему. Ни на этот, ни на все последующие их вопросы. Ярко оранжевые огоньки на панели продолжали гореть, но оба Блейна, похоже – и Маленький, и Большой, – погрузились в спячку. Эдди, однако, был не настолько тупым, чтобы на это надеяться. Блейн не спал. Блейн наблюдал за ними. Блейн прислушивался к их фрикативным построениям и эмфатическим ударениям на дифтонгах.

Эдди взглянул на Сюзанну.

– «Вам придется залить насос, а насос у меня заливается задом наперед», – пробормотал он уныло. – Это загадка, да?

– Ну естественно. – Сюзанна мельком взглянула на треугольное окно Блейна, похожее на прищуренный насмешливый глаз, и, притянув Эдди поближе к себе, прошептала ему прямо в ухо: – Он не в себе, Эдди... законченный шизофреник, параноик и в придачу, возможно, маньяк.

– А я, ты думаешь, сам не вижу, – шепнул он в ответ. – Итак, что мы имеем? Чокнутый и гениальный компьютерный призрак со съехавшей крышей, монорельсовый поезд, завернутый на загадках и развивающий скорость больше скорости звука. Добро пожаловать в фантастическую вариацию «Пролетая над гнездом кукушки»!

– Есть у тебя какие-нибудь предложения насчет ответа?

Эдди покачал головой:

– А у тебя?

– Есть одна мысль... что-то такое в мозгу проблескивает. Впрочем, наверное, это не то. Я вот все думаю над словами Роланда. Помнишь? Что у хорошей загадки всегда есть и смысл, и отгадка. И что загадки похожи на трюки фокусника.

– Задают изначально неправильное направление.

Сюзанна кивнула.

– Сходил бы ты, Эдди, еще раз выстрелил... пусть они знают, что мы еще здесь.

– Ага. Знать бы только, они еще там или нет.

– А ты сам как думаешь, Эдди?

Эдди уже пошел к выходу.

– Я не знаю, – ответил он, не останавливаясь и не оглядываясь. – Эту загадку, наверное, не разгадать даже Блейну.

31

– Попить чего-нибудь можно? – попросил Джейк. Голос его прозвучал невнятно. Нос заложило. Разбитые губы распухли. Нос тоже уже опухал. Видок у мальчика был еще тот. Как будто он только что поучаствовал в массовой уличной потасовке, причем досталось ему больше всех.

– О да, – рассудительно отозвался Тик-Так. – Можно, конечно. Еще как можно. Питья у нас хоть залейся, да, Медный Лоб?

– Ага, – тут же откликнулся долговязый мужчина в очках, в белой шелковой рубашке и черных шелковых брюках, похожий на преподавателя колледжа, как их изображали на карикатурах в журнале «Панч» начала века. – Нехватки хорошего пойла у нас не предвидится.

Тик-Так поудобней устроился на своем «троне» и бросил на Джейка шутливый взгляд:

– У нас есть вино, пиво, эль и вода, разумеется. Добрая-старая водица. Иногда это – все, что нужно твоему пострадавшему организму. Глоток холодной, искристой и чистой воды. Как по-твоему, неплохо звучит, мой мальчик?

Горло у Джейка – распухшее и сухое, как наждачная бумага – болезненно сжалось.

– Неплохо, – выдавил он.

– Мне аж самому захотелось попить. – Тик-Так растянул губы в улыбке. В зеленых глазах заплясали недобрые огоньки. – Принеси мне водички, Тилли... черт возьми, не понимаю, куда подевались мои манеры!

Тилли вышла через вторую дверь, расположенную на другой стороне круглой комнаты – напротив той, через которую Гашер с Джейком вошли сюда. Джейк проводил ее жалобным взглядом и облизал распухшие губы.

– Ну вот, – Тик-Так опять повернулся к Джейку. – Значит, ты утверждаешь, что этот твой американский город... Нью-Йорк... очень похож на наш Лад.

– Ну... не совсем...

– Но тебе ведь знакомы некоторые машины, – не унимался Тик-Так. – Клапаны, лампы, насосы и все такое. Не говоря уже про огневодные трубки.

– Да. Только мы их называем неоновыми. Впрочем, это без разницы.

Тик-Так протянул к нему руку. Джейк весь сжался, но Тик-Так лишь легонько похлопал его по плечу.

– Да-да, без разницы. – Глаза у него так и сверкали. – И компьютеры тоже тебе знакомы?

– Да, но...

Тилли вернулась с кувшином воды и робко приблизилась к трону Тик-Така. Тот отобрал у нее кувшин и протянул его Джейку. Мальчик протянул руку, но Тик-Так вдруг убрал кувшин и стал пить сам. Джейк смотрел, как с губ Тик-Така стекает вода и льется тоненькой струйкой по его обнаженной груди, и его била дрожь. Ему самому это было не слишком приятно, но он не мог ничего с собой сделать.

Тик-Так поглядел на Джейка поверх кувшина, словно только что вспомнил, что он тут не один. За спиной у него Гашер, Медный Лоб, Брендон и Хутс ухмылялись, как школьники младших классов, которые только что услышали смешную, но сальную шуточку.

– Вот те на, мне вдруг так захотелось пить, что я совершенно забыл о тебе! – воскликнул Тик-Так. – Нехорошо с моей стороны, черт возьми! Просто невежливо... Но она была такой чистой... такой хорошей... прохладной... я просто не мог устоять...

Он опять протянул кувшин Джейку и опять убрал его, едва Джейк потянулся к нему.

– Сначала, мой мальчик, ты мне расскажешь о биполярных компьютерах и транзитивных схемах, – объявил он как отрезал.

– Что... – Джейк укладкой взглянул на вентиляционную вытяжку, за решеткой которой он видел глаза с золотым ободком. Теперь их там не

было. Ему уже стало казаться, что он их все-таки вообразил. Джейк опять перевел взгляд на Тик-Така, в полной мере осознавая, что никакой воды он не получит. Глупо было бы даже мечтать об этом. – А что такое биполярные компьютеры?

Лицо Тик-Така исказилось от ярости, и он выплеснул остатки воды из кувшина Джейку в лицо.

– Даже и не пытайся водить меня за нос! – заорал он благим матом, сорвал с руки часы Джейка и потряс ими у мальчика перед носом. – Когда я тебя спросил, как они работают, на биполярных или монополярных схемах, ты мне ответил, что они вообще не на схемах работают. Значит, ты знал, о чем говоришь... Так что не надо сейчас мне впаривать, будто ты не понимаешь, о чем идет речь... ты прекрасно во всем разбираешься!

– Но... но... – Джейк не знал, что сказать. Голова у него кружилась от растерянности и страха. Смутно, как будто издалека, мальчик вдруг осознал, что судорожно облизывает языком пересохшие губы, пытаясь выжать из них хоть капельку влаги.

– Тут, под гребаным этим городом, не меньше тысячи этих гребаных биполярных компьютеров, а может быть, сотни тысяч, а работает только один. И он тоже не делает ни хрена, только играет в «Не зевай» и запускает пленку с этими долбаными барабанами! А мне нужны эти компьютеры! Я хочу, чтобы они работали – и работали на меня!

Тик-Так резко подался вперед, схватил Джейка за плечи, встряхнул его, точно тряпичную куклу, и швырнул на пол. Джейк ударился о торшер – он свалился, и лампочка лопнула с глухим звуком, похожим на сдавленный кашель. Тилли испуганно взвизгнула и, широко распахнув глаза, отступила на шаг. Медный Лоб и Брендон встревоженно переглянулись.

Тик-Так наклонился вперед, опираясь локтями о бедра, и проорал Джейку прямо в лицо:

– Они мне нужны, И Я ИХ ПОЛУЧУ!

Воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая только едва различимым шелестом воздуха, поступающего через вентиляционные шахты. А потом яростная гримаса исчезла с лица Тик-Така, как будто и не было ее вовсе – исчезла, сменившись очередной обаятельной улыбкой. Наклонившись пониже, он помог Джейку подняться на ноги.

– Прошу прощения, погорячился. Стоит мне только задуматься об огромном потенциале, который кроется в этом чертовом городе... в общем, меня иной раз зарубает. Так что, мой мальчик, прими мои искренние извинения. – Подобрал с пола кувшин, он швырнул его Тилли. – Наполни его и неси сюда, ты, никчемная сучка! Чего стоишь-смотришь? Давно пора

сообразить.

Он опять повернулся к Джейку, по-прежнему улыбаясь дежурной улыбкой ведущего теле-игры.

– Ну хорошо... ты чуть-чуть пошутил, я чуть-чуть пошутил. А теперь шутки в сторону. Расскажи мне о биполярных компьютерах и транзитивных схемах. Все расскажи, что знаешь. А потом можешь пить, сколько влезет.

Джейк открыл было рот, чтобы хоть что-то сказать – он, правда, еще не придумал, что именно, – как вдруг у него в голове явственно прозвучал голос Роланда:

«Как-нибудь отвлеки их, Джейк... там где-то должна быть кнопка, которая открывает дверь... если ты знаешь, где, постарайся подойти к ней поближе».

Тик-Так пристально наблюдал за ним.

– Только что тебя, кажется, посетила какая-то дельная мысль, да, мой мальчик? Меня не обманешь. Ты ведь не будешь держать ее в тайне? Мы же тут все друзья, а от друзей у нас нет секретов. Мне ты можешь сказать – своему старому доброму другу Тикки.

Краешком глаза Джейк уловил промельк движения в вентиляционном отверстии. Правда, он не решился поднять глаза и посмотреть туда – в особенности сейчас, когда Тик-Так так внимательно наблюдает за ним, – но он знал, что Ыш вернулся.

Отвлеки их... внезапно Джейк понял, как это лучше сделать.

– Да, есть у меня одна мысль, – сказал он. – Только не о компьютерах. Так... кое-что о моем старом добром приятеле Гашере. И его старом добром приятеле Хутсе.

– Эй, эй! – встрепнулся Гашер. – Ты это о чем, малыш?

– А почему бы тебе не открыть свой секрет, Гашер? О том, кто тебе дал пароль? Тогда я бы смог подсказать Тик-Таку, где ты его прячешь.

Тик-Так озадаченно поглядел на Гашера.

– О чем это он?

– Ни о чем! Просто бредит! – заверил его Гашер, но все же не смог удержаться и украдкой взглянул на Хутса. – Понимает, наверное, что попался, вот и хочет меня усадить голой задницей вместо себя на горячую сковородку. Я же тебе говорил, что он тот еще фрукт. Я тебя предупреждал...

– Может, желаете посмотреть, что у него там в платке? – продолжал Джейк. – Он там прячет клочок бумажки, на котором написано слово. Мне пришлось прочитать ему это слово, потому что он даже читать не умеет.

На этот раз, правда, Тик-Так не сорвался... зато лицо его побагровело, постепенно налившись краской – так летнее небо темнеет перед грозой.

– Покажи-ка мне свой платок, Гашер, – попросил он пока спокойно. – Позволь своему старому доброму другу взглянуть на него хоть одним глазком.

– Все он врет, говорю тебе! – заорал Гашер, схватившись обеими руками за свой платок и отступив на два шага к стене. Прямо под ним, в сумраке вентиляционной шахты, мерцали черные с золотым ободком глаза Ыша. – Посмотри только на эту рожу – сразу видно, что он все врет, мелкий пакостник. Вот гаденыш!

Тик-Так перевел взгляд на Хутса, которого, казалось, сейчас вырвет от страха.

– Ну так что? – голос его оставался до жути спокойным. – Ты ничего мне не хочешь сказать, Крикун? Я знаю, вы с Гашером – старые гомики. И что мозгов у тебя меньше, чем у гуся потрошенного, для меня это тоже не новость. Но чтобы вот так вот взять и записать пароль, открывающий доступ во внутренние помещения... это каким же надо быть идиотом... даже ты мог бы сообразить. Или нет? Отвечай, когда я тебя спрашиваю.

– Я... я просто подумал...

– Заткнись! – оборвал Хутса Гашер и метнул в сторону Джейка горящий взгляд, исполненный ненависти в чистом виде. – Ты за это заплатишься, котик... я убью тебя, вот увидишь.

– Дай сюда свой платок, Гашер, – сказал Тик-Так. – Хочу посмотреть, есть там что-нибудь или нет.

Джейк сделал шаг в направлении «кафедры» с кнопками.

– Нет! – Гашер опять вскинул руки и схватился за платок, как будто тот мог неожиданно улететь. – Нет, будь я проклят!

– Подержи его, Брендан, – велел Тик-Так.

Брендон бросился к Гашеру. Движения Гашера были, конечно, не столь стремительны, как у Тик-Така, однако он тоже отреагировал вовремя: наклонившись, он выхватил нож из голенища высокого сапога и всадил его Брендану в руку.

– Ах ты гад! – вскрикнул Брендан от боли и неожиданности. По руке потекла струйка крови.

– Посмотри, что ты наделал! – запричитала Тилли.

– Можно хоть что-нибудь вам поручить? Все приходится самому – каждый раз! – объявил Тик-Так, скорее в раздражении, нежели в гневе, и поднялся на ноги. Гашер попятился от него, размахивая перед собой окровавленным ножом. Вторую руку он ни на миг не отрывал от платка у

себя на голове.

– Не подходи, – выпалил он, тяжело дыша. – Я люблю тебя, Тикки, как брата, ты знаешь... но если ты подойдешь, я всажу этот нож тебе прямо в кишки... так и знай.

– Ты?! Вряд ли, – отозвался со смехом Тик-Так, доставая из ножен свой нож. Взгляды всех остальных были прикованы к этим двоим. Джейк сделал два быстрых шага к кафедре с кнопками и потянулся к той, на которую вроде бы нажимал Тик-Так, закрывая дверь.

Гашер отступал, пятясь задом, вдоль круглой стены. Свет разноцветных неоновых ламп, ложась на его изъязвленную рожу, придавал ей оттенки самые разнообразные, но все какие-то болезненные: мертвенно-зеленоватый, лихорадочно красный, желчно-желтый. Теперь под вентиляционной решеткой, за которой поблескивали глазки Ыша, стоял Тик-Так.

– Убери нож, Гашер, – рассудительно проговорил гигант. – Я тебе поручил привести мальчишку. Ты парня привел, нет вопросов. Если кто и виноват, то не ты, а Хутс. С ним я еще разберусь. А к тебе у меня нет претензий. Я просто хочу посмотреть...

Джейк увидел, что Ыш присел, готовясь к прыжку, и понял сразу две вещи: что собирается сделать ушастик и кто его этому научил.

– Ыш, нет! – крикнул он.

Все, как один, повернулись к нему. В это мгновение Ыш прыгнул. Ударился с той стороны о решетку и выбил ее своим весом. Тик-Так обернулся на звук.

Царапаясь и кусаясь, Ыш плюхнулся прямо на запрокинутое кверху лицо Тик-Така.

Даже через двойную дверь Роланд слышал крик Джейка – «Ыш, нет!» – и сердце его упало. Он поглядел на колесо на двери в надежде, что оно все-таки повернется. Оно, однако, не сдвинулось с места. Роланд закрыл глаза и сосредоточился, посылая мысленный сигнал: «Дверь, Джейк! Открой дверь!»

Ответной реакции он не ощутил. Образы тоже исчезли. Связь его с Джейком – никудышная, надо признать, изначально – теперь и вовсе оборвалась.

Тик-Так отшатнулся, изрыгая проклятия и вопли, и попытался схватить извивающееся, кусающееся и царапающееся существо, которое вцепилось ему в лицо. И ему это почти удалось, но тут когти Ыша вонзились ему в левый глаз – в голове вспыхнула алая боль, точно пылающий факел, заброшенный в темную глубь колодца. На мгновение ярость затмила боль. Тик-Так все-таки ухватил Ыша, оторвал его от лица и поднял его над головой, намереваясь выкрутить, как мокрое полотенце.

– Нет! – закричал Джейк. Забыв про кнопку, которая открывала двери, он схватил автомат, висевший на спинке кресла – произведенный в Германии автомат допотопной конструкции, времен Второй Мировой.

Тилли пронзительно завизжала. Все остальные бросились врассыпную. Джейк прицелился в Тик-Така. Ыш висел вниз головой в сильных огромных руках и отчаянно извивался, выгнувшись так, что, казалось, вот-вот сломается. Он клацал зубами, хватая ртом воздух, и верещал от боли – причем крики его походили до жути на человеческие. Джейк невольно поежился.

– Отпусти его, гад! – крикнул он и нажал на спусковой крючок.

У него хватило еще хладнокровия прицелиться относительно низко. В ограниченном пространстве закрытой комнаты очередь «шмайссера» прозвучала как грохот мощного взрыва, хотя всего-то и было четыре-пять выстрелов. Одна из неоновых трубок лопнула, изрыгнув вспышку холодного оранжевого огня. На облегающих брюках Тик-Така, чуть выше левого колена, образовалась маленькая дыра, вокруг которой тут же начало расплываться темно красное пятно. У Тик-Така аж челюсть отвисла от изумления – выражение достаточно красноречивое: при всем своем недюжинном уме Тик-Так, по-всей видимости, собирался прожить долгую и счастливую жизнь, время от времени постреливая в людей как само собой разумеющееся, но ему даже и в голову не приходило, что и в него тоже могут стрельнуть. То есть, стрельнуть, конечно, могут... но чтобы попасть?! Удивленное его выражение красноречивее всяких слов говорило о том, что в его планы подобный расклад не входил никак.

«Добро пожаловать в настоящий, реальный мир», – подумал Джейк про себя и добавил еще непечатное определение.

Тик-Так уронил Ыша на железный решетчатый пол и схватился

обеими руками за простреленное колено. Медный Лоб бросился к Джейку и схватил его огромной ручищей за горло, но Ыш тоже ушами не хлопал. Издав пронзительный лай, ушастик вцепился зубами в лодыжку Медного Лба, прокусив шелковые штаны. Медный Лоб заорал благим матом и, отпустив Джейка, запрыгал на одной ноге, пытаясь стряхнуть с себя Ыша. Но тот прилип к нему как пиявка. Джейк повернулся... и очень вовремя. Тик-Так ползком подбирался к нему, зажав в зубах нож.

– Прощай, Тикки. – Джейк нажал на гашетку «шмайссера». Но ничего не случилось. То ли где-то заклинило механизм, то ли просто патроны закончились, Джейк не знал. Времени строить догадки, естественно, не было. Он отступил на два шага и тут обнаружил, что путь к отступлению отрезан огромным креслом, которое было Тик-Таку вместо трона. Джейк хотел обогнуть кресло – все-таки лишний барьер между ним и Тик-Таким, – но не успел. Тик-Так схватил его за ногу. Другая рука его потянулась к кинжалу. То, что осталось от левого глаза, висело на щеке комком мятного мармелада. Здоровый глаз, полыхая безумной ненавистью, смотрел прямо на Джейка.

Джейк попытался освободиться, запнулся и плюхнулся в кресло Тик-Така. Взгляд его случайно упал на кармашек, пришитый к правому подлокотнику – оттуда торчала украшенная жемчугами потрескавшаяся рукоять револьвера.

– О, мальчик мой, как ты будешь страдать! – горячо зашептал Тик-Так едва ли не в экстазе. Удивленное выражение его сменилось широкой, дрожащей ухмылкой. Он уже предвкушал сладость мести. – О, как же ты будешь страдать! И с каким удовольствием я... Что?..

Усмешка стерлась, сменяясь знакомым уже выражением искреннего удивления, когда Джейк, прицелившись из револьвера в Тик-Така, взвел большим пальцем курок. Тик-Так все-таки не отпустил ногу Джейка. Наоборот, он еще крепче сжал пальцы, и Джейк испугался, что кости его сейчас хрустнут, не выдержав напряжения.

– Ты не посмеешь! – хрипло выдавил Тик-Так.

– Еще как посмею, – угрюмо заверил гиганта Джейк и нажал на спусковой крючок. Раздался сухой щелчок, далеко не такой впечатляющий, как оглушительный грохот тевтонского «шмайссера». На лбу у Тик-Така, на правой его стороне, появилась аккуратная черная дырочка. Тик-Так продолжал с изумлением смотреть на Джейка, не веря глазам своим... то есть, глазу.

Джейк попытался заставить себя выстрелить еще раз, но не смог.

И тут вдруг полоска скальпа на правой стороне головы Тик-Така

свернулась в трубочку, как кусок старых обоев, и свесилась ему на щеку. Роланд бы сразу смекнул, в чем тут дело; Джейк, однако, почти ничего уже не соображал. Темный панический ужас взвихрился в сознании, точно воронка торнадо. Хватка Тик-Така ослабла, он выпустил ногу Джейка и свалился на решетчатый пол лицом вниз. Джейк съежился в кресле, стараясь вжаться в самый дальний угол.

Дверь. Ему надо еще открыть дверь и впустить стрелка.

Сосредоточившись только на этой мысли, Джейк швырнул револьвер на пол и заставил себя подняться с кресла. Он уже протянул руку к кнопке, на которую вроде бы нажимал Тик-Так, закрывая дверь, как вдруг чьи-то руки схватили его за горло и потащили назад, прочь от кафедры с клавиатурой.

– Я тебе говорил, что тебе это так не сойдет, мой зайчик. Я обещал, что убью тебя, – прошептал ему в ухо знакомый голос, – а Гашер всегда выполняет свои обещания.

Закинув руки назад, Джейк попытался ударить Гашера, но не смог до него дотянуться. Жесткие пальцы впились ему в горло и стали сжиматься. Свет перед глазами померк. Все утонуло в серой пелене. Вскоре серый туман обернулся красным, а потом все окутала чернота.

Со свистом включился воздушный насос, и колесо в центре железной двери провернулось на несколько оборотов. Хвала богам! – с облегчением подумал Роланд, схватился правой рукою за колесо и, не дожидаясь, пока оно остановится, рванул дверь на себя. Вторая дверь оказалась уже приоткрытой: изнутри доносились звуки борьбы и пронзительный лай Ыша, исполненный боли и ярости.

Роланд пинком распахнул дверь пошире, и первое, что он увидел, это был Гашер, душивший Джейка. Ыш оставил Медного Лба в покое и бросался теперь на Гашера, пытаясь заставить его отпустить Джейка, но тяжелый сапог на ноге «пирата» не давал ушастику добраться до кожи, выполняя тем самым двойную работу: защищали своего владельца от острых зубов животного, а Ыша – от смертоносной заразы в крови Гашера. Брендон пнул Ыша в бок, чтобы тот отпустил ногу Гашера, но ушастик как будто и не почувствовал боли. Джейк безвольно обмяк в руках Гашера, как марионетка с обрезанными нитями. Лицо его приобретало уже серовато-

синюшный оттенок, разбитые и распухшие губы стали бледно лиловыми.

Гашер поднял голову.

– Ты! – прорычал он.

– Я, – подтвердил Роланд. Он выстрелил только раз. Левая сторона головы Гашера разлетелась на куски. Выстрел отбросил его назад. Забрызганный кровью желтый платок слетел с головы и упал на Тик-Така. Ноги Гашера дернулись несколько раз в агонии, стуча по решетчатому полу, а потом он затих.

Стрелок дважды выстрелил в Брендана, взводя затвор револьвера ладонью правой руки. Брендан, который уже занес ногу над Ышом для очередного пинка, завертелся на месте, ударился о стену и медленно сполз по ней на пол, цепляясь за неоновую трубку. Между слабеющими его пальцами, как мерцание болотных огней, растекался зеленый свет.

Ыш бросился к Джейку, который, как только Гашер его отпустил, свалился на пол, и принялся лизать его бледное, неподвижное лицо с застывшими чертами.

Медный Лоб и Хутс, видимо, порешив, что с них на сегодня достаточно, разом бросились к маленькой дверце, через которую выходила Тилли набрать воды. Время для проявления благородства было не самое подходящее – Роланд уложил их обоих выстрелами в спину. Он понимал: действовать надо быстро, очень и очень быстро, – и он не хотел рисковать, чтобы они потом, эти двое, подстерегли его где-нибудь на пути назад, если вдруг, паче чаяния, соберутся с духом и снова придут в воинственное настроение. Это вряд ли, конечно, но рисковать все же не стоит.

Под потолком круглой комнаты вспыхнул пучок ярко оранжевых огней. Включилась сирена тревоги: противный и хриплый рев с нарастающими и убывающими завываниями, от которого сотрясались стены. Через пару секунд огни аварийного освещения начали мигать в такт переливам сирены.

Эдди уже возвращался к Сюзанне, как вдруг завывала сирена. Он вскрикнул от неожиданности и поднял «Рюгер», целясь в никуда.

– Что происходит?

Сюзанна покачала головой – она сама ничего не могла понять. Сирена звучала пугающе, но самое гадкое было то, что от громких ее завываний

ушам стало больно. Пропущенный через мощные усилители звук напоминал Эдди гудок трактора – трейлера, но увеличенный в десять раз.

Оранжевые дуги под куполом Колыбели тоже стали мигать в такт сирене. Эдди увидел, что и кнопки на переговорном устройстве, «КОД-КОМАНДА» и «ВВОД», точно подмигивающие глаза, то загораются вспышками яркого красного света, то затухают.

– Блейн, что происходит? – завопил Эдди, бешено озираясь по сторонам. Но он ничего не сумел разглядеть, только тени, подпрыгивающие в дикой пляске. – Это твоя работа?

Ответом Блейна был только смех – ужасающий механический хохот, напомнивший Эдди здорового заводного клоуна, которого он видел в детстве у входа в комнату ужасов на Кони-Айленд.

– Блейн, прекрати! – закричала Сюзанна. – Как, по-твоему, мы будем думать над ответом на твою загадку, когда вокруг все вопит?! Сосредоточиться невозможно!

Смех оборвался – так же внезапно, как и начался, – но Блейн не ответил. А может быть, и ответил: за железной оградой, отделяющей их от платформы, по команде биполярных компьютеров, которые так вождественно стремился заполучить Тик-Так, включились огромные двигатели, питаемые энергией мощных турбин с низким коэффициентом трения. Впервые за последние десять лет Блейн Моно проснулся и принялся разогревать моторы, набирая рабочие обороты.

Сирена воздушной тревоги, изначально предназначавшаяся для того, чтобы предупреждать жителей Лада о приближающихся бомбежках (состояние которой, заметим в скобках, не проверялось, наверное, тысячу лет), накрыла город волною звука. Тут же в городе включились все лампы, которые только могли гореть, и замигали в такт переливам сирены. Обитающие на поверхности млады и засевшие в городских катакомбах седые решили, что это конец: то, чего они все так боялись, свершилось. Седые грешили на некую катастрофическую поломку машин. Млады, всегда свято верившие, что однажды все духи и призраки, обитающие в механизмах под городом, разом поднимутся на поверхность, чтобы отомстить, наконец, живым – за то, что те еще живы, – в своем толковании происходящего были, наверное, ближе к истине.

Разумеется, в древних компьютерах, скрытых под городом – в их единой сети, едином живом организме, давным-давно потерявшем рассудок в условиях, которые в пределах безжалостных биполярных схем могли быть единственной абсолютной реальностью, – еще сохранились остатки разума. На протяжении восьмисот лет этот компьютерный монстр удерживал в практически неограниченных банках памяти свою чуждую человеку логику и продержал бы ее, не востребованную, еще столько же, если в город не появился Роланд со своими друзьями; несмотря на продолжительное бездействие этот неопит *non corpus* – бестелесный разум – продолжал развиваться и мыслить, становясь все безумнее с каждым годом; и даже в периоды «спячек» он видел сны, если так можно сказать, и по мере того, как сдвигался мир, эти сны становились все более странными и аномальными. И вот теперь, пусть даже за столько веков те удивительные машины, посредством которых питалась энергия Лучей, и потеряли былую мощь, этот безумный нечеловеческий разум проснулся в чертогах руин и начал готовиться к очередной прогулке – разумеется, бестелесной, как и должно быть у призраков – по коридорам мертвых.

А у себя в Колыбели Блейн Моно готовился вспомнить былые проделки.

Роланд склонился над Джейком, но, услышав звук чьи-то шагов за спиной, обернулся мгновенно и выхватил револьвер. Тилли с лицом цвета перебродившего теста, на котором, как маска, застыли растерянность и суеверный страх, подняла руки вверх и пронзительно закричала:

– Не убивай меня, сай! Пожалуйста! Не убивай меня!

– Тогда брысь отсюда, – сказал Роланд резко, а когда Тилли сдвинулась с места, легонько ударил ее по ноге рукояткою револьвера. – Не туда... иди в эту дверь, через которую вошел я. И чтоб я больше тебя не видел, потому что следующая наша встреча для тебя будет последней, понятно? Давай убирайся, пока я добрый!

Тилли скрылась в пляшущих, кружащихся тенях.

Роланд прижался ухом к груди Джейка, закрыв другое ухо рукой, чтобы заглушить рев пульсирующей сирены. Хотя и медленно, сердце у мальчика билось. Роланд взял Джейка под мышки, чтобы поднять его с пола, и в это мгновение мальчик открыл глаза.

– В этот раз ты не дал мне упасть, – хрипло выдавил он едва слышным шепотом.

– Я же тебе обещал, что теперь – никогда. Ни в этот раз, ни потом. А теперь помолчи. Береги связки.

– А где Ыш?

– Ыш! – твякнул ушастик. – Эйк!

Брендан успел несколько раз поддать Ышу ногой, но ни одна из ран, к счастью, не оказалась смертельной или даже серьезной. Зверьку было больно, да. Но он был вне себя от радости. Сверкающими глазами Ыш не отрываясь смотрел на Джейка, вывалив розовый язычок.

– Эйк, Эйк, Эйк!

Джейк расплакался и протянулся к зверьку. Ыш забрался к нему на руки и дал обнять себя на мгновение.

Роланд поднялся на ноги и огляделся. Взгляд его остановился на двери на той стороне круглой комнаты. Двое мужчин, которых он уложил выстрелами в спину, собирались бежать именно в том направлении, да и женщина порывалась уйти через эту дверь. Взяв Джейка на руки, Роланд направился к маленькой дверце. Ыш, прихрамывая, топал следом. Ногой отпихнув на ходу бездыханное тело одного из седых, стрелок, пригнувшись, прошел через дверь и оказался в кухне, которая, несмотря на все встроенные «прибамбасы» и современные стены из нержавеющей стали, больше напоминала свинарник, нежели помещение для приготовления пищи. По всей видимости, седые не придавали большого значения образцовому домохозяйствованию.

– Пить, – прошептал Джейк. – Пожалуйста... очень хочется пить.

Роланд почувствовал странное раздвоение, как будто время вдруг переломилось и потекло назад. Он вспомнил, как шел по пустыне, сходя с ума от жары и ничем не заполненной пустоты. Вспомнил, как, полумертвый от жажды, потерял сознание в конюшне на промежуточной станции и пришел в себя от того, что почувствовал на губах вкус прохладной искристой воды. Мальчик тогда снял с себя рубаху, намочил ее под струей воды из насоса и дал ему напиться. Теперь пришла очередь Роланда сделать то же самое для Джейка.

Оглядевшись, Роланд увидел раковину. Повернул кран. Мощной струей потекла вода, чистая и прохладная. Повсюду: над ними, вокруг и под ними, – по-прежнему надрывалась сирена.

– Сможешь встать?

Джейк кивнул:

– Кажется, да.

Роланд осторожно поставил Джейка на ноги, готовый подхватить его, если тот начнет падать. Но Джейк не упал. Опершись о раковину, он нагнулся и сунул голову под струю воды. Пока мальчик пил, стрелок поднял Ыша на руки и осмотрел его раны. Они уже подсыхали и больше не кровоточили. «Тебе повезло, мой лохматый друг, отделался легким испугом», – подумал Роланд и, сложив ладонь ковшиком, набрал из крана воды для зверька. Ыш принялся жадно лакать.

Вдоволь напившись, Джейк отступил от раковины. Намокшие волосы облепили его лицо, которое было еще слишком бледным... и следы нанесенных побоев бросались в глаза... однако, он выглядел лучше – намного лучше, – чем в тот первый, ужасный, момент, когда Роланд склонился над ним в круглой комнате. Тогда стрелку показалось, что мальчик мертв.

«Жалко, нельзя вернуться и убить Гашера по второму разу». За этой мыслью пришла другая.

– Слушай, – спросил Роланд у Джейка, – а этот Тик-Так, о котором упоминал Гашер... ты его видел?

– Да. Ыш как раз на него и прыгнул. Всю рожу ему изодрал. А потом я его застрелил.

– Застрелил?!

Джейк поплотнее сжал губы, чтобы унять их дрожь.

– Да. Вот сюда попал... – Он постучал себе пальцем по лбу выше правой брови. – Я... просто мне повезло.

Роланд внимательно поглядел на Джейка и медленно покачал головой:

– Знаешь, по-моему ты себя недооцениваешь. Ну да ладно. Пойдем.

– Куда? – голос у Джейка еще не выправился, ему приходилось шептать. Роланд заметил, что Джейк то и дело поглядывает на дверь, ведущую в комнату, где он едва не расстался с жизнью.

Роланд вытянул руку и показал на противоположную стену кухни. Там была еще одна дверь, а за ней – продолжение коридора.

– Для начала – сюда.

– СТРЕЛОК, – прогрехотал оглушительный голос, исходивший со всех сторон сразу.

Роланд резко обернулся, одной рукой прижимая к себе Ыша, другой приобняв Джейка за плечи, но никого не увидел.

– Это кто говорит? – крикнул он.

– НАЗОВИ СВОЕ ИМЯ, СТРЕЛОК.

– Роланд из Гилеада, сын Стивена. А кто ты?

– ГИЛЕАДА ДАВНО УЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, – прогремел в ответ

голос, как будто его обладатель и не расслышал вопроса.

Роланд запрокинул голову и увидел на потолке узор из концентрических кругов, расходящихся из единого центра. Голос доносился оттуда.

– УЖЕ ТРИСТА ЛЕТ НИ ОДИН СТРЕЛОК НЕ ПОЯВЛЯЛСЯ НИ ВО ВНУТРЕННЕМ, НИ В СРЕДИННОМ МИРЕ.

– Я и мои друзья – мы последние.

Джейк забрал у Роланда Ыша. Ушастик тут же принялся лизать распухшее лицо мальчика; его глаза с золотым ободком светились радостью и обожанием.

– Это Блейн, – шепнул Джейк Роланду. – Да?

Тот кивнул. Разумеется, это Блейн... только у Роланда начало складываться впечатление, что под именем Блейна скрывается нечто гораздо большее, чем простой монорельсовый поезд.

– МАЛЬЧИК! ТЫ ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Джейк прижался к Роланду и с опаскою поднял глаза на динамики на потолке.

– Да, – хрипло выдавил он. – Я Джейк. Джейк из Нью-Йорка. Э-э... сын Эльмера.

– ЭТА КНИГА С ЗАГАДКАМИ ВСЕ ЕЩЕ У ТЕБЯ? ТА, О КОТОРОЙ МНЕ ТУТ ГОВОРИЛИ?

Джейк потянулся было за ранцем и, лишь когда его пальцы коснулись спины, вспомнил, что ранца-то нет. Мальчик испуганно посмотрел на стрелка, но тот уже протягивал ему ранец, и хотя лицо Роланда – узкое, тонко очерченное – оставалось, как всегда, бесстрастным, Джейк заметил улыбку, притаившуюся в уголках его губ.

– Тебе придется поправить ремни, – сказал Роланд, когда Джейк схватился за ранец. – Я их немножечко удлинил.

– А «Загадки»?..

Роланд кивнул.

– Обе книги на месте.

– НУ ТАК И ЧТО ТАМ У НАС, МАЛЕНЬКИЙ ПИЛИГРИМ? – раздался вальяжный протяжный голос.

– Ни фиги себе! – удивленно воскликнул Джейк.

Он не только нас слышит, он нас еще и видит, – отметил про себя Роланд и, обведя взглядом комнату, зная уже, что искать, буквально сразу же обнаружил крошечный стеклянный глазок в углу, расположенный выше обычной линии зрения человека. По спине пробежал холодок. Джейк, судя по обеспокоенному выражению его лица и по тому еще, как подрагивали

его руки, обнимающие Ыша, тоже чувствовал себя более чем неудобно. Голос, гремющий в динамиках на потолке, принадлежал машине – ужасно умной машине, игривой машине, – но было в нем что-то еще... непонятное и пугающее.

– Книга, – выдохнул Джейк. – Книга с загадками.

– ХОРОШО. – Отозвался довольный голос. Довольный едва ли не по-человечески. – ЗАМЕЧАТЕЛЬНО.

В дверном проеме, открывающемся в коридор, неожиданно появился неряшливый бородатый мужчина с нечесаной шевелюрой. На руке у него, вся в грязи и крови, красовалась желтая повязка.

– Огонь между стенами! – завопил он с порога. Охваченный паникой, он, похоже, не сообразил, что ни Роланд, ни Джейк никаким боком не входят в его жалкий подземный ка-тет. – На нижних уровнях все в дыму! Народ убивает друг друга! Что-то явно пошло не так! Черт, все не так – все! Нам бы надо...

Дверца печи внезапно открылась, как пасть голодного зверя. Оттуда вырвался сноп сине-белого пламени и, пролетев через кухню, ударился в голову взлохмаченного мужика. Тот отлетел назад. Одежда его загорелась, кожа на лице мгновенно обуглилась.

Джейк в ужасе уставился на Роланда. Роланд приобнял его за плечи.

– ОН МЕНЯ ПЕРЕБИЛ, – пояснил голос в динамиках. – А ЭТО НЕВЕЖЛИВО, ПРАВДА?

– Да, – спокойно согласился Роланд. – Крайне невежливо.

– СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА СКАЗАЛА, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ МНОГО ЗАГАДОК, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ЭТО ПРАВДА?

– Да.

В одной из комнат, выходящих на то ответвление коридора, раздался взрыв; пол содрогнулся у них под ногами. Из коридора донесся нестройный хор голосов, заходящихся в диких воплях. Нескончаемый рев сирены умолк на мгновение, огни, мигающие ему в такт, потухли, а потом все пошло по-новой. Из вентиляционных отверстий поползли струйки едкого горького дыма. Ыш приняхался и чихнул.

– ЗАГАДАЙ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИЗ СВОИХ ЗАГАДОК, СТРЕЛОК, – голос звучал безмятежно и беззаботно, как будто они тихо – мирно сидели на солнышке на какой-нибудь деревенской завалинке, а не торчали в закрытом пространстве под городом, который, похоже, вот-вот должен рассыпаться в прах.

Роланд на мгновение задумался. Ему вспомнилась любимая загадка Катберта.

– Ладно, Блейн, – сказал он, – я тебе загадаю загадку. Что прекраснее всех богов и гаже старческой мозоли? Мертвецы едят это всегда; если это едят живые, они медленно умирают. Что это?

Последовала продолжительная тишина. Джейк зарылся лицом в шерстку Ыша, спасаясь от запаха поджаренных седых.

– Будь осторожен, стрелок, – раздался вдруг тоненький голосок, слабенький, как дуновение прохладного ветра в самый жаркий из летних дней. До этого голос Блейна грохотал из всех динамиков. Тоненький голос звучал лишь в одном. В том, который висел у них прямо над головой. – Будь осторожен, Джейк из Нью-Йорка. Не забывайте, что это Отстойник. Здесь надо двигаться медленно и осторожно.

Джейк поглядел на стрелка, широко распахнув глаза. Тот легонько, почти незаметно тряхнул головой и поднес палец к лицу, якобы для того, чтобы почесать нос, но палец одновременно прижался к губам, и Джейк смекнул, что Роланд хочет сказать ему, чтобы он держал рот на замке.

– ХОРОШАЯ ЗАГАДКА, – произнес наконец Блейн, и в его голосе слышались нотки истинного восторга. – ОТВЕТ – НИЧЕГО, ПРАВИЛЬНО?

– Правильно, – подтвердил Роланд. – А ты умный, Блейн.

Теперь, как только Блейн заговорил снова, Роланд тоже подметил, как прежде – Эдди, алчный, неукротимый голод, таящийся за показным безразличием:

– ЗАГАДАЙ МНЕ ЕЩЕ ОДНУ.

Роланд сделал глубокий вдох.

– Не сейчас.

– НАДЕЮСЬ, ТЫ МНЕ НЕ ОТКАЖЕШЬ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА. ЭТО ТОЖЕ НЕВЕЖЛИВО. КРАЙНЕ НЕВЕЖЛИВО.

– Отведи нас сначала к нашим друзьям и помоги нам выбраться из Лада, – сказал Роланд. – И тогда, может быть, мы поиграем в загадки.

– Я МОГ БЫ УБИТЬ ВАС НА МЕСТЕ, – прогремел голос, теперь – холодный, как зимний день.

– Да, – согласился Роланд. – В этом я не сомневаюсь. Но вместе с нами умрут и загадки.

– Я МОГУ ЗАБРАТЬ КНИГУ У МАЛЬЧИКА.

– Воровать еще хуже, чем отказывать в просьбе или перебивать собеседника, – ровным тоном заметил Роланд, как будто просто болтал о каких-нибудь пустяках, убивая время, однако пальцы его по-прежнему крепко сжимали Джейково плечо.

– К тому же, – вмешался Джейк, запрокинув голову и глядя прямо в динамики на потолке, – в книге ответов нет. Их кто-то вырвал. – Тут на него

снизошло вдохновение, и он постучал себя пальцами по виску. – Ответы все тут.

– ВАМ, ПАРНИ, НЕ СТОИТ ВСЕ-ТАКИ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО УМНИКОВ ТУТ НИКТО НЕ ЛЮБИТ. – За сим последовал новый взрыв, на этот раз – громче и ближе. Одну из вентиляционных решеток сорвало взрывной волной, и она пролетела по кухне, как реактивный снаряд. Через пару секунд из двери, ведущей дальше вглубь подземного лежбища седых, появились трое: двое мужчин и женщина. Стрелок направил на них револьвер, но те, не взглянув даже на Роланда с Джейком, бегом пронеслись по кухне и скрылись в бункере – как животные, убегающие от лесного пожара.

Стальная панель на потолке тихонько отъехала в сторону. За нею открылся квадрат черноты. В сумраке промелькнуло что-то серебристое. Из отверстия выпал шар – стальной шар около фута в диаметре – и завис в воздухе.

– ИДИТЕ ЗА НИМ, – велел Блейн.

– Он приведет нас к Сюзанне и Эдди? – спросил Джейк с надеждой.

Блейн ответил молчанием... но когда стальной шар поплыл по коридору, Роланд с Джейком пошли за ним.

Уже потом, когда все закончилось, Джейк, пытаясь припомнить, что же все-таки было, когда они вышли из кухни, каждый раз сталкивался с проблемой: все, что случилось до этого, он помнил прекрасно, но дальше память как будто стиралась. И это, наверное, было к лучшему. Он покинул свой мир где-то за год до того, как девятьсот человек совершили массовое самоубийство в маленьком государстве Гайана, что в Южной Америке... но он читал о периодических самоубийствах целых колоний леммингов, и то, что происходило – буквально у них на глазах – в подземном городе седых, было очень на это похоже.

То и дело гремели взрывы, и на их уровне тоже, хотя в основном – несколькими этажами ниже. Время от времени из вентиляционных решеток выползал едкий дым, но большинство воздухоочистителей работали пока исправно, так что дым все-таки не успевал накапливаться до критической концентрации, опасной для жизни. Пожаров, правда, они не видели. И все же седые вели себя так, как будто настало время апокалипсиса.

Большинство просто бежало в паническом ужасе, не разбирая дороги, с искаженными лицами и невидящими глазами... но и тех, кто, уже окончательно обезумев, убивал себя в коридорах и комнатах, по которым вел Роланда с Джейком летучий шар, тоже было немало. Одни застрелились; другие перерезали себе горло или вены; кое-кто, по всей видимости, принял яд. На лицах всех до единого мертвецов застыл одинаковый – всепоглощающий – ужас. Джейк мог только гадать, что их подвигло на столь радикальный поступок. У Роланда, однако, было на этот счет одно мнение. Можно представить, что происходит с людьми – с их разумом, – когда мертвый на протяжении стольких веков город сначала вдруг оживает, а потом начинает методично себя уничтожать. Роланд быстро сообразил, что все это – работа Блейна и что Блейн делает это нарочно. Специально толкает их к самоубийству.

Они обогнули труп, болтающийся на веревке, прикрепленной к решетке кондиционера на потолке, и стали спускаться по лестнице, следуя за плывущим по воздуху стальным шаром.

– Джейк! – крикнул Роланд. – Ведь это не ты открыл дверь?

Джейк покачал головой.

– Так я и думал. Это Блейн.

Спустившись по лестнице, они побежали по узкому коридору к двери с надписью «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», выполненной на Высоком Слове остроконечными буквами, стилизованными под готический стиль.

– Это Блейн? – уточнил Джейк.

– Ну да... имя не хуже любого другого.

– А чей тогда второй го...

– Тс-с! – оборвал его Роланд.

Перед дверью стальной шар замер. Колесо на двери сделало несколько оборотов, и она приоткрылась сама собой. Схватившись за край, Роланд рывком распахнул ее до конца. Они очутились в огромном подземном зале, простиравшемся в трех направлениях, насколько хватало глаз, и уставленном бесконечными рядами приборных панелей и электронного оборудования. Почти все приборы и пульта оставались безжизненными и темными, однако Роланд и Джейк, которые, остановившись в дверях, в изумлении обозревали открывшуюся картину, видели, как на панелях то тут, то там вспыхивают сигнальные огоньки, и слышали гул электронной аппаратуры, набирающей рабочую мощность.

– Тик-Так говорил, что тут тысячи, если не сотни тысяч компьютеров, – сказал Джейк. – Кажется, он не ошибся. Нет, вы посмотрите!

Роланд не понял слова, которое употребил Джейк, и поэтому промолчал, наблюдая за тем, как загораются – ряд за рядом – приборные панели. Над одним из пультов взвился сноп ярких искр. Вспыхнуло, тут же погаснув, зеленоватое пламя – какое-то из древних устройств не сработало.

Однако почти все машины работали и, похоже, неплохо справлялись. Стрелки, которые не сдвигались с места на протяжении веков, вдруг ожили и переместились на зеленые поля. Завертелись гигантские алюминиевые цилиндры, передавая хранящиеся на кремниевых кристаллах данные в банки памяти, которые, пробудившись от векового сна, приготовились вновь принимать информацию. На цифровых дисплеях замерцали красные и зеленые огоньки – точечные матрицы, по которым можно было определить все, что угодно: от среднего статистического давления водоносных пластов в баронетстве Западной Реки до доступных запасов электроэнергии на замороженной атомной электростанции в бассейне реки Сенд. Стекланные шары, подвешенные рядами над аппаратурой, засияли слепящим светом. И отовсюду – и сверху, и с низу, и со всех сторон – доносился приглушенный гул генераторов и батарей, пробуждающихся после долгого сна.

Джейка вдруг зашатало. Роланд опять подхватил его на руки и поспешил вперед, следуя за стальным шаром, мимо машин и приборов, о предназначении которых он мог только догадываться. Шар переместился влево и поплыл по проходу между двумя рядами видеомониторов, уставленных друг на друга, как детские кубики.

«Папе бы это понравилось», – подумал Джейк.

Некоторые секции этой бесконечной видео-стены оставались по-прежнему темными и безжизненными, но большинство мониторов уже включилось. Они, в основном, давали изображения различных районов Лада, как подземных, так и надземных. В городе царил настоящий хаос. Толпы младов с круглыми от страха глазами бесцельно метались по улицам, что-то беззвучно крича. Люди прыгали вниз с крыш высотных зданий. Выбрасывались из окон. На мосту через Сенд наблюдалось настоящее столпотворение. Джейк смотрел в ужасе, как сотни и сотни людей кидаются в реку. Еще там были изображения каких-то огромных комнат с рядами коек, как в армейских казармах. В некоторых из этих комнат бушевали пожары, похоже, седые, обезумев от ужаса, в панике поджигали сами себя – совали горящие факелы под матрасы и мебель, Бог его знает, с какой такой «радости».

На одном из экранов могучий детина с необъятною грудной клеткой, похожей на здоровенную бочку, швырял, без разбору, мужчин и женщин в

устройство, напоминающее окровавленный штамповочный пресс, что само по себе уже было ужасно. Но, что самое страшное, будущие жертвы, не охраняемые никем, стояли, выстроившись в цепочку, и безропотно дожидались своей очереди. Палач с туго повязанным на голове желтым платком, концы которого, как пороссячьи хвостики, свисали ему на шею из-за ушей, схватил старую женщину, первую в этой страшной очереди, и поднял ее вверх на вытянутых руках, терпеливо дожидаясь, пока металлический блок не очистит стальной «эшафот», куда он собирался ее швырнуть. Старуха не сопротивлялась. Больше того – она, кажется, улыбалась.

– ЛЮДИ ПРИХОДЯТ СЮДА, В ЭТИ КОМНАТЫ, И УХОДЯТ, – сказал вдруг Блейн. – НО Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ОНИ РАЗГОВАРИВАЮТ О МИКЕЛАНДЖЕЛО. – Он рассмеялся. Станным, визгливым смехом, похожим на топот крысиных лап по битому стеклу. От этого смеха Джейка пробил дрожь. Кому, интересно, захочется иметь дело с искусственным разумом, который так смеется... но разве у них был выбор?

Он опять обратил взгляд к мониторам... ему не хотелось на это смотреть, но не смотреть он не мог... однако Роланд тут же повернул его голову в другую сторону. Сделал он это ласково, но твердо.

– Там нет для тебя ничего интересного, Джейк.

– Но почему? Почему они это делают? – Джейк не ел ничего с утра, но его все же тошнило. – Почему?

– Потому что им страшно, а Блейн дает пищу их страхам. Но прежде всего, как мне кажется, потому, что они слишком долго прожили на кладбище, на могилах своих отцов, и устали от этого. Очень устали. Но прежде, чем пожалеть их и им посочувствовать, вспомни, с каким удовольствием они бы забрали тебя с собой – туда, на поляну, где кончаются все пути.

Стальной шар снова свернул за угол. Ряды мониторов и электронных приборов слежения остались теперь позади. Впереди простиралась широкая полоса какого-то синтетического материала, утопленная в стальном полу. Она блестела, как свежая смола, между двумя узкими планками из хромированной стали, которые сходились в единой точке, но не на дальней стене бесконечного зала, а на его горизонте.

Шар нетерпеливо завис над темной блестящей полоской, и неожиданно лента – а это была именно лента движущейся дорожки – беззвучно пришла в движение и покатила между двумя хромированными ограничителями со скоростью бегущего трусцой человека. Шар описал в воздухе небольшую дугу, приглашая их встать на движущуюся дорожку.

Роланд пробежал пару метров вдоль транспортера, пока скорости их не сравнялись, а потом перешел на ленту и опустил Джейка на ноги. Втроем – стрелок, мальчик и изумленный ушастик – они понеслись, стоя на месте, по подземной равнине, окутанной сумраком. Отовсюду до них доносился гул древних машин, просыпающихся от векового сна. Движущаяся дорожка привела их в большой зал, тоже уставленный аппаратурой, похожей по форме и виду на сейфы. Поверхности этих странных устройств оставались темными... но они явно работали. От них исходил усыпляющий низкий гул, и Джейк изредка замечал, как между стальными пластинами мелькают тонюсенькие, не толще волоса, полоски желтого света.

Он неожиданно вспомнил слова Тик-Така.

«Здесь, под гребаным этим городом, не меньше тысячи гребаных этих компьютеров, биполярных! Мне нужны эти компьютеры! Я хочу, чтобы они работали! На меня!»

«Ну что же, – подумал Джейк, – они заработали, так что, собственно, ты получил, что хотел, Тикки... но если бы ты сейчас был здесь, тебе бы, наверное, расхотелось сразу».

Но тут он вспомнил прадеда Тик-Така – человека, достаточно храброго, чтобы забраться в аэроплан из другого мира и поднять его в воздух. Уж если в жилах Тик-Така течет кровь таких славных предков, он вряд ли бы испугался, не говоря уж о том, чтобы пойти и прикончить себя, как все эти чокнутые в этом чокнутом городе... наоборот, он бы, наверное, пришел в восторг от такого поворота событий... и чем больше народу пошло бы «кидаться» в паническом страхе, тем бы прикольнее ему было.

«Но теперь уже поздно, Тикки. И слава Богу».

– Сколько коробок... – тихо и удивленно проговорил Роланд. – По-моему, Джейк, мы едем сейчас через мозг этого существа... этой штуки, которая называет себя Блейном. По-моему, мы едем через его мозг.

Джейк кивнул, вспомнив свое экзаменационное сочинение.

– Блейн – умник такой, от него один геморрой.

– Очень точно подмечено.

Джейк внимательно посмотрел на Роланда.

– Мы поднимаемся на поверхность там, где я думаю?

– Да, – сказал Роланд. – Если мы все еще следуем по пути Луча, мы выйдем наружу как раз в Колыбели.

Джейк кивнул.

– Роланд?

– Что?

– Спасибо, что вы пришли за мной.

Роланд лишь молча кивнул и приобнял мальчика за плечи.

Далеко впереди загрохотали, включившись, моторы. Потом раздался тяжелый скрежещущий звук, и сумрачный зал осветился слепящим сиянием оранжевых дуговых ламп. Теперь Джейк увидел то место, где кончалась лента движущейся дорожки – у подножия крутого узкого эскалатора, уходящего вверх, в этот оранжевый свет.

Где-то внизу, почти под ногами у Эдди с Сюзанной, загудели, включившись, мощные двигатели. Одна из мраморных плит, устилающих пол, начала медленно отъезжать в сторону, открывая длинную узкую щель, из которой лился яркий свет. Плита двигалась в их направлении, пол на месте ее исчезал, так что Эдди пришлось быстренько ретироваться. Схватившись за ручки коляски Сюзанны, он покатил ее назад, отступая от все удлиняющегося зазора, вдоль стального ограждения между платформой Блейна и остальной Колыбелью. На пути открывающейся полосы света попало несколько колонн. Эдди думал, что они полетят в проем, когда мраморный пол уйдет из – под их основания. Однако этого не случилось. Колонны продолжали стоять, как ни в чем не бывало, опираясь о пустоту.

– Там эскалатор! Я вижу! – заорала Сюзанна, стараясь перекричать оглушительный рев сирены, и подалась вперед, глядя в проем.

– Ага! – проорал Эдди в ответ. – Раз здесь эскалатор, значит, внизу должно быть метро. Там, наверное, есть галантерейный ларек, парфюмерная лавка и магазин дамского белья.

– Чего?!

– Ладно, не обращай внимания!

– Эдди! – На лице у Сюзанны вспыхнуло вдруг восторженное удивление, как фейерверк на Четвертое июля. Она наклонилась вперед еще ниже, и Эдди пришлось схватить ее за плечо, чтобы она не вывалилась из коляски. – Это же Роланд! И Джейк!

Плита отодвинулась на максимальное расстояние и с грохотом остановилась. Натужно взыв, отключились моторы, которые приводили ее в движение. Бросившись к краю проема, Эдди увидел Роланда, уже поднимавшегося по эскалатору. Рядом со стрелком, опираясь о его плечо, стоял Джейк – бледный, весь в крови и синяках, но определенно живой. А на следующей ступеньке, запрокинув мордочку кверху и глядя на Эдди

своими черными глазками с золотым ободком, сидел Ыш.

– Роланд! Джейк! – завопил Эдди. Он аж подпрыгнул от радости, размахивая руками над головой, и пустился в пляс на краю проема. Будь у него сейчас шляпа, он бы подбросил ее в воздух.

Они подняли головы и помахали в ответ. Джейк улыбался, и даже Роланд – этот длинный, костлявый, противный Роланд – казалось, вот-вот расплывется в улыбке. «Вот уж точно, – сказал себе Эдди, – никогда не кончатся чудеса». Сердце его переполнилось счастьем, ему стало вдруг тесно в груди, и Эдди запрыгал еще энергичней, размахивая руками и выделявая ногами кренделя, словно боялся, что если он перестанет двигаться, то просто лопнет от радости. Только теперь осознал он в полной мере, что в душе он давно распрощался с Роландом и Джейком и не надеялся больше увидеть их в этой жизни.

– Эй, ребята! У нас ВСЕ В ПОРЯДКЕ! Мать вашу так! Быстрее тащите сюда свои задницы!

– Эдди, помоги мне!

Он обернулся. Сюзанна пыталась выбраться из коляски, но складка ее штанов из оленьей кожи попала в тормозной механизм. Она смеялась и плакала одновременно. Глаза ее так и лучились счастьем. Эдди подхватил ее на руки – но немножко не рассчитал, и коляска перевернулась – и, обняв, закружил в бешеном танце. Одной рукой она обхватила его за шею, а другой замахала в воздухе, приветствуя Джейка и Роланда.

– Роланд! Джейк! Поднимайтесь к нам! Шевелитесь, вы слышите?

Стрелок и мальчик едва успели сойти с эскалатора, как Эдди набросился на Роланда и заключил его в крепких мужских объятиях, колотя кулаками ему по спине, а Сюзанна принялась осыпать поцелуями обращенное к ней смеющееся лицо Джейка. Ыш описывал вокруг них восьмерки и заливался пронзительным лаем.

– Ты мой хороший! – сказала Сюзанна. – Ты как, в порядке?

– Ага, – Джейк продолжал улыбаться, но в глазах у него заблестели слезы. – Я так рад, что мы снова все вместе. Вы даже представить себе не можете, как я рад!

– Нет, мой хороший, могу. Еще как могу! – Она повернулась к Роланду. – Слушай, что они там с ним делали? Ты посмотри на его мордаху... по ней как будто бульдозером прокатились.

– Это все Гашер, – сказал Роланд. – Но больше он к Джейку связаться не будет. И вообще ни к кому не будет.

– А сам-то ты как, парнище? Нормально?

Роланд кивнул и огляделся по сторонам.

- Так, стало быть, это и есть Колыбель.
- Она самая, – подтвердил Эдди, заглядывая в проем.
- А что там, внизу?
- Машины и сумасшествие.

– Ты, как всегда, весьма словоохотлив, – заметил Эдди, глядя с улыбкой на Роланда. – Ты, наверное, даже не знаешь, как же я рад тебя видеть, дружище... нет, правда.

– По-моему, знаю. – Роланд улыбнулся. Как же меняются люди! Было время, причем не так уж и давно, когда Эдди готов был горло ему перерезать. Его же собственным ножом.

Где-то внизу, под полом, снова включился мотор. Мраморная плита поползла назад, закрывая проем. Джейк пошел поднимать перевернутую коляску Сюзанны, и только тогда обратил внимание на гладкий розовый силуэт за железной оградой. Мальчик так и застыл на месте. Ему вспомнился сон... тот, который приснился ему на следующий день после того, как они ушли из Речного Перекрестка: длинный поезд, несущийся розовой пулей по пустынным просторам западного Миссури. Поезд, мчащийся прямо на Джейка с Ышем. Два больших треугольных окна сверкают, точно два глаза на непроницаемом лице приближающегося чудовища... и теперь этот сон обернулся явью... впрочем, Джейк всегда знал, что когда-нибудь так оно и будет.

«Это просто ужасный – чу-чу-паровозик, и зовут его Блейн. Блейн значит боль».

Эдди подошел к Джейку и приобнял его за плечи.

– Ну вот и он, дружище – в точности, как в рекламном проспекте. И что ты по этому поводу думаешь?

– Да в общем-то ничего. – На самом деле у Джейка были кое-какие мысли, но сейчас ему их излагать не хотелось. Он себя чувствовал слишком усталым, слишком опустошенным.

– Я тоже, – признался Эдди. – Он разговаривает. И обожает загадки.

Джейк кивнул.

Роланд усадил Сюзанну себе на бедро, и вместе они принялись изучать панель с цифровыми клавишами, расположенными в форме ромба. Эдди с Джейком присоединились к ним. Эдди постоянно ловил себя на том, что то и дело поглядывает на Джейка, чтобы убедиться, что это не игра его воспаленного воображения и мальчик действительно здесь.

– И что теперь? – спросил Роланд. Легонько провел рукой по нумерованным клавишам на панели и покачал головой. Он не знал.

– Мне кажется, что его двигатели начинают работать быстрее, –

задумчиво проговорил Эдди. – То есть, я потому не уверен, что эта сирена орет и мешает, но, по-моему, он здорово раскошегарился... в конце концов, это всего лишь робот. А что если, скажем, ему взбредет в голову укатить без нас?

– Блейн! – позвала Сюзанна. – Блейн, ты...

– СЛУШАЙТЕ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО, ДОРОГИЕ МОИ ДРУЗЬЯ, – загремел голос Блейна. – У МЕНЯ ТУТ ПОД ГОРОДОМ СКЛАД КАНИСТР С ОРУЖИЕМ ХИМИЧЕСКОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. Я ЗАПУСТИЛ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАЦИЙ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРЫХ ПРОИЗОЙДЕТ МОЩНЫЙ ВЗРЫВ С ВЫБРОСОМ ГАЗОВ. ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ.

Голос умолк на мгновение, и из динамика зазвучал голосок Маленького Блейна, едва слышный за ревом пульсирующей сирены:

– ...чего-то подобного я и боялся... вам надо бы поторопиться...

Эдди пропустил эту реплику мимо ушей – Маленький Блейн ничего нового им не сказал. Все и так понимали прекрасно, что время у них поджигает. Разумеется, им надо бы поторопиться, но в данный момент Эдди волновало совсем другое.

– Но почему? – спросил он. – Зачем, ради всего святого... зачем ты это делаешь?

– ПО-МОЕМУ ЭТО ЭЛЕМЕНТАРНО. ПРИ ВСЕМ ЖЕЛАНИИ Я НЕ МОГУ ПОДОРВАТЬ ГОРОД, НЕ УНИЧТОЖИВ ПРИ ЭТОМ СЕБЯ САМОГО. А ЕСЛИ Я УНИЧТОЖУ СЕБЯ, ТО КАК ЖЕ Я ОТВЕЗУ ВАС ТУДА, КУДА ВЫ ХОТИТЕ ПОПАСТЬ?!

– Но здесь, в городе, люди. Тысячи людей, – не унимался Эдди. – Ты убьешь их!

– ДА, – спокойно ответил на это Блейн. – ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

– Почему? – закричала Сюзанна. – Почему, черт возьми?

– ДА ПОТОМУ ЧТО ОНИ МЕНЯ УТОМЛЯЮТ. ПРАВДА, ВАС ЧЕТВЕРЫХ Я НАХОЖУ ИНТЕРЕСНЫМИ. ОДНАКО, СУМЕЕТ ЛИ МОЙ ИНТЕРЕС ПРОДОЛЖАТЬСЯ ДОСТАТОЧНО ДОЛГО, ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ ВАС. ТО ЕСТЬ, ОТ ВАШИХ ЗАГАДОК – ТАК ЛИ ОНИ ХОРОШИ, КАК ВЫ МНЕ ГОВОРИТЕ. КСТАТИ, О ЗАГАДКАХ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ВАМ, НЕ ТЕРЯЯ ВРЕМЕНИ, ПОДУМАТЬ СЕЙЧАС НАД МОЕЙ? У ВАС ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ ОДИННАДЦАТЬ МИНУТ ДВАДЦАТЬ СЕКУНД – РОВНО. ПОТОМ БУДЕТ ВЗРЫВ.

– Прекрати! – крикнул Джейк, перекрывая рев сирены.

– Дело не только в городе... Такой газ может отнести ветром куда

угодно! Даже до Речного Перекрестка! И тогда все старики погибнут!

– ХРЕНОВО, ПРИЯТЕЛЬ, СКАЗАЛА КИТТИ, – проговорил Блейн без тени сочувствия. – ХОТЯ Я УВЕРЕН, ЧТО ОНИ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ТАМ ПРОТЯНУТ, ИЗМЕРЯЯ ОСТАТОК ЖИЗНИ КОФЕЙНЫМИ ЛОЖКАМИ; НАЧАЛИСЬ ОСЕННИЕ ГРОЗЫ – ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ВЕТРА УНЕСУТ ГАЗ В СТОРОНУ. А ВОТ ВАМ ЧЕТВЕРЫМ НАДО БЫ О СЕБЕ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПОБЕСПОКОИТЬСЯ. ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕ НЕ ЧТОЛЬ, СКАЖЕМ ТАК, ОПРЕДЕЛЕННО. ТАК ЧТО ДАВАЙТЕ-КА ОДЕВАЙТЕ СВОИ ШАПКИ ДЛЯ ДУМАНИЯ, ИНАЧЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ. – Он сделал паузу. – МАЛЕНЬКАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОДСКАЗКА: ЭТОТ ГАЗ УБИВАЕТ НЕ БЕЗБОЛЕЗНЕННО.

– Останови операции! – попросил Джейк. – Мы и так загадаем тебе все загадки, которые знаем, да, Роланд? Мы загадаем тебе все загадки, какие захочешь! Только останови операции!

Блейн рассмеялся. Смеялся он долго. Визг электронного хохота разносился дребезжащим эхом под высокими сводами Колыбели, по всей этой мраморной пустоте, смешиваясь с размеренными и сверлящими уши завываниями сирены.

– Прекрати! – закричала Сюзанна. – Прекрати! Прекрати!

Блейн умолк. Через мгновение выключилась на полувзводе и сирена. Тишина – нарушаемая только шумом дождя снаружи – показалась им оглушительной.

Голос, звучавший теперь из динамика, был тих, и задумчив, и абсолютно безжалостен:

– У ВАС ОСТАЛОСЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ, – сообщил Блейн. – СЕЙЧАС ПОСМОТРИМ, ТАК ЛИ ВЫ ИНТЕРЕСНЫ НА САМОМ ДЕЛЕ.

– Эндрю.

«Здесь нет никакого Эндрю, незнакомец, – подумал он. – Эндрю давным-давно нет. Эндрю нет больше, и меня тоже скоро не будет».

– Эндрю! – продолжал звать настойчивый голос.

Доносился он издали – от пресса для давки яблок для сидра, в который теперь превратилась его голова.

Когда-то действительно был такой мальчик по имени Эндрю. И папа

повел его в парк на западной окраине Лада – в парк, где росли яблоневые деревья и стоял обитый ржавой жестью сарай вида адского, но зато пахнувший как райский сад. В ответ на вопрос, заданный мальчиком, папа ему объяснил, что этот сарай называется домом сидра, потом погладил сына по голове, велел не пугаться и завел внутрь через завешенную одеялом дверь.

Там, внутри, были яблоки, много яблок – полные корзины яблок, – и еще там был тощий старик по прозвищу Подгузник. Его мускулы шевелились под бледной кожей, как черви. Работа его состояла в том, чтобы опрокидывать яблоки – корзину за корзиной – в зев разболтанной дребезжащей машины, что стояла по центру единственной комнаты. А из трубки, торчавшей с противоположной стороны машины, лился сладкий сидр. Рядом с трубкой стоял еще один человек (он давно уже позабыл, как его звали – того, второго) и подставлял под нее кувшины, наполняя их сидром. За ним стоял еще третий. Его обязанность заключалась в том, чтобы стучать наливальщика по голове, если тот проливал слишком много сидра.

Отец дал Эндрю стакан пенящегося напитка, и хотя за тот год, пока они жили в городе, мальчик успел перепробовать много забытых деликатесов, он не пил и не ел ничего вкуснее этого сладкого и холодного сидра. Он как будто глотнул свежесть октябрьского ветра. Но лучше всего Эндрю запомнил не вкус напитка и даже не мускулы старика Подгузника, которые извивались под кожей как черви, когда он подбрасывал яблоки в пресс – лучше всего он запомнил, как безжалостная машина давила сочные яблоки, прекращая золотисто-алые плоды в жидкость. Две дюжины роликов перемещали яблоки под вращающийся стальной барабан с проделанными в нем отверстиями. Сок раздавленных яблок стекал в нижний бак, а семена и отжатая мякоть оставались на сите вверху...

Теперь его голова стала прессом для сидра, а мозг стал яблоками. Скоро он лопнет, как лопались яблоки под барабаном, и его поглотит благословенная тьма.

– Эндрю! Подними голову и посмотри на меня!

Он не мог... но даже если б и мог, то не стал бы. Лучше просто лежать на месте и ждать, когда снизойдет темнота. Все равно он давно уже должен был умереть; разве тот чертов ублюдок не всадил ему пулю в башку?

– Она не задела мозг, лаже близко там не лежала, ты лошадиная задница. Ты еще не умираешь. У тебя просто башка болит. Но ты точно умрешь, если будешь валяться тут и скулить... и уж я позабочусь о том, чтобы твои теперешние ощущения, Эндрю, показались тебе просто легким

недомоганием по сравнению с тем, что ты будешь испытывать, умирая.

Человек на полу поднял голову, но не из-за угроз – самое страшное было то, что обладатель этого проникновенного, хрипловатого голоса, казалось, читал его мысли. Он медленно оторвал голову от пола, и все тело скрутило мучительной болью – казалось, какой-то тяжелый предмет перекачивается внутри черепной коробки, разрывая сосуды мозга... вернее, того, что от мозга осталось. С губ его сорвался протяжный стон. Правую щеку как будто все время кто-то щекотал, словно там ползали мухи, увязая в крови. Ему хотелось согнать их, но он понимал: ему нужно сейчас опираться на обе руки, чтобы не упасть.

Силуэт человека у дальней стены, рядом с дверью, ведущей в кухню, казался призрачным, нереальным. Отчасти, наверное, из-за мигания ламп, отчасти из-за того, что почему-то он видел его одним глазом (что случилось со вторым его глазом, он вспомнить не мог, да и не хотел вспоминать), но большей частью из-за того, что незнакомец действительно был нереальным и призрачным. Впечатление, во всяком случае, складывалось такое. Он походил на человека... но тот, кого звали когда-то Эндрю – Эндрю Шустрый, – решил, что перед ним все-таки не человек.

Незнакомец, стоявший у двери на кухню, был одет в короткую черную куртку, перехваченную ремнем, выцветшие хлопчатобумажные штаны и старые пыльные сапоги... в каких ходят крестьяне, егеря и... и...

– И стрелки, Эндрю? – спросил со смешком незнакомец.

Тик-Так в отчаянии уставился на силуэт в дверном проеме, пытаясь разглядеть лицо, но оно было скрыто под капюшоном. Черты незнакомца терялись в тени.

Сирена умолкла на полувзводе. Огни аварийного освещения продолжали гореть, но перестали хотя бы мигать.

– Вот так-то лучше, – произнес незнакомец своим хрипловатым проникновенным голосом. – Наконец-то мы можем спокойно послушать мысли и пообщаться.

– Кто ты? – спросил Тик-Так. Он слегка шевельнулся, и в голове у него вновь покатались стальные шары, пробивая новые дыры в мозгу. Ощущение было ужасным, но щекотание от копошащихся на правой щеке мух почему-то пугало больше.

– Я – человек многих облиций, приятель, – сказал незнакомец из тени своего капюшона, и хотя голос его был суров и серьезен, Тик-Таку слышались нотки смеха, так и рвущегося наружу. – У меня много имен. Одни меня кличут Джимми, другие – Тимми. Одни называют Пронырой, другие – Франтом. Кто называет меня Проигравшим, а кто – Победителем.

Да мне, в общем-то один черт... хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Человек – существо? – в дверях запрокинул голову, и от смеха его по спине и рукам Тик-Така побежали мурашки: не смех, а скорей волчий вой.

– Меня называли еще Чужаком или Вечным Незнакомцем, – продолжал таинственный человек, делая шаг в направлении Тик-Така. Тот, застонав, попытался отползти подальше. – Мерлином называли или Маэрлином... но мне, собственно, все равно. Да и какая разница? Я никогда им не был, хотя, в прочем, и не отрицал... Иногда меня называют Магом и Ведуном... иногда – Мудрецом... но мы с тобой, Эндрю, будем попроще. Поговорим по душам. По-человечески.

Он снял капюшон, но открывшееся лицо – светлокожее, с широким разлетом бровей, довольно притяное, – все-таки не было человеческим. Щеки его покрывал нездоровый румянец; глаза Мудреца, зелено-голубые, блестели бурным весельем, слишком неистовым и иступленным для человека в здравом уме; иссиня-черные волосы топорщились во все стороны, точно вороньи перья. Губы его, сочно-красного цвета, слегка приоткрылись, обнажая зубы каннибала.

– Зови меня Фаннин, – сказал, улыбаясь, призрак. – Ричард Фаннин. Правда, и это тоже не совсем точно, но для рабочего, как говорится, названия сойдет. – Он протянул руку, на ладони которой не было линий. – Что скажешь, приятель? Пожми руку, которая потрясла мир.

Жалкое существо, которое было когда-то Эндрю, Эндрю Шустрым, и которого в берлогах седых знали потом как Тик-Така, завизжало дурниной и опять попыталось отползти подальше. Кусок кожи, оторванный мелкокалиберной пулей, которая только чиркнула по черепу, но не пробила его, затрепыхался, раскачиваясь туда-сюда; длинные пряди светлых, с проседью волос продолжали щекотать его щеку. Но Шустрый уже ничего не чувствовал. Он забыл даже о боли в черепе и жжении в пустой глазнице, где когда-то был левый глаз. Все сознание его сконцентрировалось на одной мысли: «Нужно держаться подальше от этого зверя, который кажется человеком».

Но когда незнакомец схватил его правую руку и крепко ее пожал, мысль улетучилась, точно сон при пробуждении. Крик, рвущийся из груди, слетел с губ нежным вздохом влюбленного. Шустрый тупо уставился на смеющегося незнакомца. Свисающий со лба лоскут кожи тихонько покачивался туда-сюда.

– Тебе не мешает? Наверное, да. Но ничего! – Фаннин схватил лоскут кожи и резким движением его оторвал, обнажив на лбу Шустрого белый, в

кровавых пятнах участков черепа. Звук был похож на треск раздираемой плотной ткани. Шустрый пронзительно вскрикнул. – Да ладно тебе, перестань. Боль-то всего на секунду, сейчас станет легче. – Он опустился на корточки перед Тик-Таком и говорил теперь тоном заботливого родителя, утешающего ребенка, занозившего пальчик. – Уже легче, правда?

– Д-д-да, – выдавил Шустрый. Ему действительно стало легче. Боль уже утихала. И когда Фаннин опять потянулся к нему и легонько провел ладонью по левой его щеке, движение Эндрю, который подался назад, было чисто рефлекторным. Он тут же взял себя в руки. Как только ладонь таинственного человека – чистая, без единой линии – прикоснулась к его лицу, он почувствовал, как к нему возвращаются силы. Шустрый поднял глаза и с немой благодарностью взглянул на Фаннина. Губы его дрожали.

– Тебе уже лучше, Эндрю? Да? Тебе лучше?

– Да! Да!

– Если хочешь поблагодарить меня... а ты хочешь, я знаю... тогда скажи одну фразу, которую мне говорил один старый знакомый. Правда, в конце концов он меня предал, но в начале он был мне хорошим другом, и я до сих пор вспоминаю его с теплым чувством. Скажи: «Жизнь моя принадлежит тебе». Эндрю... ты можешь мне это сказать?

Да, он мог. И сказал. Больше того, он не смог уже остановиться и повторял снова и снова:

– Жизнь моя принадлежит тебе! Жизнь моя принадлежит тебе! Жизнь моя принадлежит тебе! Моя жизнь...

Незнакомец опять прикоснулся к его щеке, но на этот раз голову Эндрю Шустрого пронзило, как молнией, болью. Он закричал.

– Прости, конечно, но времени у нас мало, а у тебя вдруг пластинку заело. Эндрю, давай с тобой начистоту: как бы тебе хотелось убить этого мелкого гада, который в тебя стрелял? Не говоря уже о его друзьях и об этом... который его притащил сюда – он всегда как заноза в заднице, но это так, к слову. А эта дворняжка, которая выдрала тебе глаз... Эндрю, ты бы хотел поквитаться с ними? Ты хочешь, я знаю.

– Да! – выдохнул бывший Тик-Так, сжав в кулаки окровавленные ладони. – Да!

– Вот и славно, – сказал незнакомец, помогая Шустрому подняться на ноги, – потому что они должны умереть... не надо было соваться, куда не просят. Я думал, о них позаботится Блейн, но дело зашло уже так далеко, что я не могу полагаться теперь на кого бы то ни было... в конце концов, кто мог подумать, что они столько продержатся?

– Я не знаю, – ответил Шустрый, чтобы хоть что-то сказать. Он,

собственно, не понимал, о чем вообще речь. Но ему было все равно. Ощущение восторженного возбуждения разливалось по телу, как какой-то крутейший наркотик. Одного только этого было достаточно после перенесенной боли, когда голова его превратилась в пресс для яблок для сидра. Более чем.

Ричард Фаннин скривил губы.

– Медведь и кость... ключ и роза... день и ночь... движение и время. Хватит! Я сказал, хватит! Они и так шли слишком долго, больше они ни на шаг не должны приближаться к Башне. Надо их остановить!

Шустрый отлетел назад – руки незнакомца метнулись вперед с молниеносной скоростью. Одна рука сорвала с шеи Эндрю цепочку с часами в стеклянном футлярчике; вторая стянула с руки его принадлежавшее Джейку Чемберсу «Сейко».

– Я заберу их себе, хорошо? – Фаннин-Мудрец обворожительно улыбнулся, опять обнажив свои страшные зубы.

– Ты, я надеюсь, не против?

– Нет-нет, – быстро отозвался Шустрый, безропотно отрекаясь (впрочем, он сам вряд ли это осознавал) от последних атрибутов своего продолжительного единовластия. – Пожалуйста.

– Спасибо, Эндрю. А теперь нам пора выбираться отсюда и в темпе – минут через пять у нас здесь ожидаются резкие изменения в окружающей атмосфере. И до того, как это произойдет, нам надо успеть добраться до ближайшего шкафчика с противогазами. А это, я чувствую, будет непросто. Мне-то что, на меня ничего не подействует, а у тебя, я боюсь, могут возникнуть большие сложности.

– Не понимаю, о чем вы. – Голова у Эндрю опять разболелась. Мысли смешались.

– И не надо тебе понимать, – безо всякого выражения отозвался Фаннин. – Пойдем, Эндрю... по-моему, нам следует поторопиться. Трудный был день, суматошный, а? При самом хорошем раскладе Блейн поджарит их прямо там, на платформе, где, вне всяких сомнений, они так до сих пор и торчат, бедолаги... он, старый хрыч, стал за последние годы весьма эксцентричным. Но нам все равно надо бы поторопиться.

Он приобнял Шустрого за плечи и, посмеиваясь, повел его через дверь, за которой буквально пару минут назад скрылись Роланд и Джейк.

Глава 6. ЗАГАДКА И БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

1

– Ну ладно, – сказал Роланд, – какая была загадка?

– А как же люди? – Эдди развел руками, указывая на площадь Колыбели и на раскинувшийся за ней город. – Чем мы им можем помочь?

– Ничем, – отозвался спокойно Роланд, – но себе мы помочь еще можем. Если очень постараться. Так какую он вам загадал загадку?

Эдди покосился на вытянутый силуэт монопоезда.

– Он сказал, чтобы его завести, нам придется сначала залить насос. Только насос у него заливается задом наперед. Ты что-нибудь понимаешь?

Роланд задумался, потом покачал головой и повернулся к Джейку:

– Есть какие-нибудь идеи?

Джейк помотал головой.

– Я даже не вижу насоса.

– Ну, это, наверное, самая легкая часть, – сказал Роланд. – Мы говорим «он» вместо «оно», потому что Блейн говорит с нами как живой, но он всего лишь машина... умная, да... очень сложная, но все-таки он машина. Он сам запускает свои моторы, но нам надо разгадать какой-нибудь код или комбинацию знаков, чтобы открыть ворота и двери поезда.

– Не мешало бы поторопиться, – задергался Джейк. – С тех пор, как он в последний раз с нами заговорил, прошло уже две-три минуты. По меньшей мере.

– Я бы не стал утверждать, – мрачно заметил Эдди. – Тут время какое-то непонятное – ведет себя как-то странно.

– И все же...

– Да-да. – Эдди взглянул на Сюзанну, но она не сводила глаз с нумерованных кнопок, изучая их с выражением человека, грезящего наяву. Он опять повернулся к Роланду. – Знаешь, по-моему, ты прав. Наверняка надо набрать комбинацию цифр... иначе зачем бы здесь эти кнопки? – Он повысил голос. – Правильно, Блейн? Эту часть мы разгадали, да?

Никакого ответа; только гул ускоряющихся моторов.

– Роланд, – неожиданно заговорила Сюзанна. – Ты мне должен помочь.

Мечтательное выражение у нее на лице сменилось теперь другим, в котором испуг и ужас смешались с решимостью. Про себя Роланд подумал,

что никогда раньше он не видел ее такой красивой... и такой одинокой. Она сидела у него на плечах, когда они остановились у края поляны, наблюдая за тем, как Медведь пытается добраться до Эдди, засевшего на верхушке дерева, и Роланд не видел, какое было лицо у Сюзанны, когда он сказал ей, что именно ей надо будет стрелять. Но теперь он увидел. Теперь он знал. Что есть ка? Колесо, которое делает оборот и в конечном итоге всегда возвращается к исходной точке, с которой все и началось. Так было всегда. И сейчас. Сюзанна снова столкнулась с медведем, и выражение ее лица говорило о том, что ей это известно.

– Что? – спросил он. – В чем помочь?

– Я знаю ответ, только вспомнить никак не могу. Вот оно вертится... в голове... застряло, как в горле кость. Ты должен помочь мне вспомнить. Но не лицо, а голос. То, что он говорил.

Джейк посмотрел себе на руку. Часов там не было, только то место, где он раньше носил их выделялось тоненькой белой полоской на фоне дочерна загорелой кожи. Он вспомнил Тик-Така. Почему-то – его глаза. Зеленые, как у кошки. Но это так, между прочим. Он-то хотел посмотреть, сколько у них еще времени. Наверное, минут семь, не больше – и это по самым оптимистичным подсчетам. Он поднял голову и увидел, что Роланд достал из патронташа патрон и принялся перекачивать его туда-сюда по костяшкам пальцев левой – здоровой – руки. Джейк почувствовал, как его веки тут же потяжелели, и быстро отвел глаза.

– Чей голос хочешь ты вспомнить, Сюзанна Дин? – спросил Роланд низким протяжным голосом. Он смотрел ей в глаза, а вовсе не на патрон, совершающий свой бесконечный незамысловатый танец по костяшкам его пальцев... вперед... назад... и опять вперед...

На Джейка он даже не посмотрел. Стрелок и так знал, что мальчик отвел глаза от танцующего патрона. Сюзанна – нет. Она смотрела как зачарованная. Роланд начал перекачивать его быстрее, пока не стало казаться, что патрон как бы плавает над его ладонью.

– Я хочу вспомнить голос отца, – отозвалась Сюзанна Дин.

На мгновение стало тихо. Только из города доносились взрывы, ливень стучал по крыше Колыбели, и глухо гудели моторы Блейна. А потом в тишине вдруг прорезался низкий вой заработавшего гидравлического

устройства. Эдди оторвал взгляд от патрона, пляшущего в пальцах стрелка (далось ему это не без труда; он понимал, что еще две-три секунды – и он сам впадет в гипнотический транс) и посмотрел сквозь решетку ограды. На наклонной розовой панели между двумя передними окнами Блейна поднимался какой-то серебряный стержень: что-то типа антенны.

– Сюзанна? – тихонько позвал Роланд все тем же низким протяжным голосом.

– Да? – Глаза у нее оставались открытыми, но голос звучал отрешенно, как будто издалека. Такой голос бывает у человека, когда он разговаривает во сне.

– Ты помнишь голос своего отца?

– Да... но услышать его не могу.

– ШЕСТЬ МИНУТ, ДРУЗЬЯ МОИ.

Эдди и Джейк одновременно вздрогнули и покосились на коробку переговорного устройства, но Сюзанна как будто и не услышала предупреждения: она продолжала смотреть на патрон. Пальцы стрелка поднимались и опускались, точно галево в ткацком станке.

– Постарайся, Сюзанна, – приказал Роланд и тут же почувствовал, как Сюзанна, которую он поддерживал правой рукой, вдруг изменилась. Она как будто стала тяжелее... и в ней как будто прибавилось жизни. Словно внутренняя ее суть неожиданно стала другой.

И так оно и было.

– И с чего ты так цацкаешься с этой сучкой? – раздался хриплый голос Детты Уокер.

3

Голос Детты звучал возбужденно и непонимающе:

– Тоже мне, математик великий... да ей в жизни выше тройка не видать! Да и то мне пришлось за нее все решить. – Он помолчала, потом неохотно добавила: – И папа тоже немного помог. Я, в общем-то, и сама разбираюсь в этих особых числах, но он показал нам сетку. Занятная штука, скажу тебе! – Она хихикнула. – А Сюз вспомнить не может... сказать, почему? Да потому что Одетта вообще не врубалась в эти особые числа.

– Что еще за особые числа? – не понял Эдди.

– Простые числа! – Слово «простые» она произнесла с нажимом,

причем «с» звучало почти как «ш», потом посмотрела на Роланда, как будто очнувшись полностью от гипноза... только сейчас она была не Сюзанной... она не была даже тем отвратительным дьявольским существом, которое раньше звалось Детта Уокер, хотя голос принадлежал именно ей. – Пришла потом к папочке вся зареванная, потому что она математику завалила... а это была-то забавная алгебра, всего-навсего! Она бы справилась... если уж я смогла, то она бы смогла и подавно... только она не хотела. Эта сучка, помешанная на поэзии, слишком, видите ли, возвышенна для какой-то там математики. – Запрокинув голову, Детта расхохоталась, но в смехе ее не звучало сейчас прежней язвительной, ядовитой, полусумасшедшей горечи. Ее, похоже, действительно забавляла тупость своей ментальной сестры-близняшки.

– А папа ей говорит: «Я сейчас покажу тебе фокус, Одетта. Нас в колледже научили. Я тогда сразу же разобрался с простыми числами, и ты тоже сейчас разберешься. Эта такая штуковина... с ее помощью ты сумеешь найти все простые числа». О-о-одетта, дура набитая, отвечает: «А учитель сказал, что нет формулы для определения простых чисел». А папа на это: «Формулы, правильно, нет. Но ты зато можешь их все отловить, если у тебя будет сеть.» Он называл ее Сетью Эратосфена. Поднеси меня к этой коробке, Роланд... я сейчас вам разгадаю загадку этого долбаного компьютера. Заброшу сеть и словлю вам приятное путешествие на шикарном поезде.

Роланд поднес ее к переговорному устройству на створке ворот. Эдди, Джейк и Ёш подошли тоже.

– Там у тебя в сумке был, вроде бы, уголек. Давай сюда.

Порывшись в сумке, стрелок достал коротенький черный огрызок – кусочек угля. Детта взяла его и повернулась к цифровой клавиатуре, расположенной в форме ромба.

– Не совсем та хреновина, которую нам показывал папа, но она тоже сойдет, – сообщила она после минутного размышления. – Простые числа – они как я: тоже вредные и упрямые. Всегда получаются из сложения двух других чисел и ни на что не делятся, только на единицу и само на себя. Единица – число само по себе простое. Двойка тоже простое число. Оно получается из суммы двух единиц и делится только на единицу и на себя самое, но это единственное четное из простых чисел. Так что все остальные четные можно запросто вычеркнуть сразу.

– Что-то я не въезжаю, – признался Эдди.

– Это все потому, что глупенький белый мальчик, – сказала Детта, впрочем, вполне беззлобно. Она еще на мгновение задержала взгляд на

цифровых клавишах, потом быстренько зачеркнула все четные числа угольным карандашом.

– Три тоже простое, но все числа, которые мы получаем в результате умножения на три, простыми уже не будут, – продолжала она, и Роланд теперь услышал одну очень странную, но удивительную вещь: Детта постепенно исчезала из голоса женщины, но вместо нее появлялась не Одетта Холмс, а Сюзанна Дин. Ему не пришлось выводить ее из гипнотического транса – она выходила самостоятельно и при этом вполне естественно.

Сюзанна пометила угольком числа, кратные трем, оставшиеся после того, как она вычеркнула все четные: девять, пятнадцать, двадцать один и так далее.

– То же самое будет с пятеркой и семеркой, – пробормотала она и вдруг, очнувшись уже окончательно, стала опять Сюзанной. – Надо только убрать все оставшиеся, например, двадцать пять, которые мы до сих пор не вычеркнули.

Теперь ромб на панели выглядел следующим образом.

– Ну вот, – устало произнесла Сюзанна. – В сетке остались простые числа от одного до ста. Не сомневаюсь, что это и есть комбинация, которая открывает ворота.

– У ВАС ОСТАЛАСЬ МИНУТА, ДРУЗЬЯ МОИ. ВЫ ОКАЗАЛИСЬ ГОРАЗДО ГЛУПЕЕ, ЧЕМ Я НАДЕЯЛСЯ.

Не обращая внимания на предупреждение Блейна, Эдди сжал Сюзанну в объятиях:

– Ты вернулась, Сьюз? Ты проснулась?

– Да. Проснулась еще в середине ее тронной речи, но дала ей немножко еще поболтать. Ведь это невежливо – перебивать. – Она посмотрела на Роланда. – Что скажешь? Попробуем?

– ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД.

– Да. Нажимай кнопки, Сюзанна. Ведь это ты угадала ответ.

Сюзанна потянулась уже к верхней кнопке, но Джейк перехватил ее руку.

– Нет, – сказал он. – Вы не забыли? Насос заливается задом наперед.

В глазах ее промелькнул испуг, а потом она улыбнулась.

– Правильно. Умница Блейн... и ты, Джейк, тоже умница.

Они молча следили за тем, как она нажимает на кнопки с числами, начиная с девяноста семи. При нажатии каждой кнопки раздавался слабый щелчок. Ближе к концу все как один напряглись, опасаясь, что ничего не будет, но как только она убрала палец с последней кнопки, ворота в центре

ограды тут же начали открываться, отползая со скрежетом в сторону. Сверху посыпались хлопья ржавчины.

– ОЧЕНЬ ДАЖЕ НЕПЛОХО, – произнес, удивленный, Блейн. – С ПРЕДВКУШЕНИЕМ ЖДУ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЗНАКОМСТВА. СМЕЮ ЛИ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАМ САДИТЬСЯ НА ПОЕЗД БЫСТРЕЕ? СОБСТВЕННО, Я ВАМ СОВЕТУЮ ПРОБЕЖАТЬСЯ. ЗДЕСЬ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ РАСПОЛАГАЮТСЯ ШАХТЫ ДЛЯ ВЫБРОСА ГАЗА.

Три человека (один из которых тащил на бедре четвертого) и лохматый пушистый зверек пробежали через открывшиеся ворота и бросились к Блейну Моно. Поезд стоял в своей узкой нише, скрытый наполовину платформой, наполовину над ней возвышающийся, похожий на длинную пулю гигантских размеров – которую некий шутник выкрасил в несообразный, нежно розовый, цвет, – огромную пулю в открытом стволе винтовки. На огромном пространстве Колыбели Роланд и его друзья казались лишь крошечными движущимися точками. Над ними, под древним куполом Колыбели, кружили голуби, которым осталось жить сорок секунд. Когда путешественники приблизились к поезду, изогнутая секция гладкого корпуса отъехала в сторону, открывая вход. Пол вагона был выстлан ковром голубого цвета.

– Добро пожаловать к Блейну, – произнес мягкий приятный голос, как только они влетели внутрь. Они все узнали его без труда: это был голос Маленького Блейна, только сейчас он звучал чуть погромче и чуть увереннее. – Хвала Империи! Пожалуйста, приготовьте к проверке транзитные карточки. Напоминаем, подделка, а также отсутствие проездных документов является нарушением существующего законодательства и карается по закону. Надеемся, путешествие будет для вас приятным. Добро пожаловать к Блейну. Хвала Империи! Пожалуйста, приготовьте к проверке...

Голос стал ускоряться, превращаясь сначала в нечленораздельную скороговорку, а потом – в смазанный и высокий визг. Послышался электронный сигнал – БИ-БИП! – и голос умолк окончательно.

– ДУМАЮ, МЫ ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ЭТОЙ ДЕРЬМОВОЙ НУДЯТИНЫ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ? – осведомился Блейн.

Снаружи раздался мощнейший взрыв. Эдди, который теперь нес

Сюзанну, споткнулся от неожиданности и наверняка бы упал, если бы Роланд не схватил его за руку. До этого момента в глубине души Эдди еще надеялся, что угрозы Блейна насчет ядовитого газа – это всего лишь садистская шутка и что на деле до этого не дойдет. Мог бы и догадаться, тупая твоя голова, – сказал он себе. Нельзя доверять существу, которое развлекается, имитируя голоса старых киноактеров, и полагает, что это забавно. Таков непреложный закон природы.

Изогнутая секция корпуса Блейна с мягким толчком встала на место. Выход закрылся. Из скрытых вентиляционных отверстий донеслось легкое шипение воздуха, и Джейк почувствовал, что у него заложило уши.

– По-моему, он загерметизировал кабину.

Эдди кивнул и огляделся по сторонам, широко распахнув глаза:

– Я тоже почувствовал... Нет, вы посмотрите! Блин!

Он когда-то читал про одну выпендренную авиакомпанию – кажется, «Реджент Эйр», – которая обслуживала пассажиров, желавших летать из Нью-Йорка в Лос-Анджелес в условиях пошкарнее и «постильнее», чем те, что могли предложить им другие компании типа «Дельты» или «Юнайтед». Они полностью переоборудовали салон стандартного «Боинга-727», устроив в нем гостиную, бар, видеосалон и даже спальный отсек. Так вот, салон того самолета, наверное, чем-то напоминал обстановку в вагоне Блейна.

Салон представлял собой длинную комнату, футов в восемьдесят длиной, закругленную к потолку. Вращающиеся кресла с роскошной обивкой. Раскладные диваны. В дальнем конце – даже не бар, а что-то типа уютного маленького бистро. Небольшой музыкальный инструмент, больше похожий на клавесин, нежели на пианино, подсвеченный скрытыми узконаправленными прожекторами, располагался на возвышении из полированного дерева. Эдди бы не удивился, наверное, если б сейчас вышел Хоуги Кармайл и принялся наигрывать «Лунную пыль».

Мягкий свет ламп, расположенных на панелях, идущих вдоль стен, освещал салон, а в самом центре с потолка свисала люстра, точная копия – только поменьше размером – той, что валялась, разбитая, на полу бальной залы в Особняке. Во всяком случае, Джейку она показалась такой же. И это не слишком его удивило. Он уже научился воспринимать эти странные совпадения и раздвоения как нечто само собой разумеющееся. Все было просто шикарно. Единственное, что настораживало – это полное отсутствие окон.

На пьедестале под люстрой стояло, что называется, основное блюдо – *piece de resistance* – скульптура, сделанная из льда: стрелок с револьвером

в левой руке, сжимающий правой уздечку уставшей лошади, понуро бредущей следом за ним. Эдди отметил, что на правой руке ледяной фигуры всего три пальца: безымянный, мизинец и большой.

Эдди, Сюзанна и Джейк с изумлением уставились на усталое, изможденное лицо под шляпой из льда. Сходство с Роландом было поразительным.

Пол у них под ногами начал легонько подрагивать. Засмотревшись на ледяную скульптуры, они даже не сразу заметили это.

– ПРИШЛОСЬ В СПЕШКЕ РАБОТАТЬ, ТАК ЧТО УЖ НЕ ОБЕССУДЬТЕ, – скромно заметил Блейн. – ВАМ НРАВИТСЯ?

– Изумительно, – проговорила Сюзанна.

– СПАСИБО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Эдди потрогал ближайший диван. Диван оказался невероятно мягким – от одного только прикосновения ему сразу же захотелось свалиться и проспать часиков этак шестнадцать кряду.

– Да уж, Великие Старцы любили проехаться с шиком.

Блейн опять рассмеялся, но как-то нехорошо, нездорово. *Призвук безумия*, просквозивший в пронзительном его смехе, заставил их всех четверых обменяться тревожными взглядами.

– НЕ ХОЧУ, ЧТОБ У ВАС СОЗДАЛОСЬ ЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, – сказал Блейн. – ЭТО САЛОН ДЛЯ БАРОНОВ – В ВАШЕМ МИРЕ, НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ОН НАЗЫВАЕТСЯ ПЕРВЫМ КЛАССОМ.

– А где остальные вагоны?

Блейн проигнорировал этот вопрос. Пол под ногами теперь задрожал быстрее. Моторы поезда разгонялись. Сюзанна подумала про себя, что это больше похоже на самолет, когда пилот прогревает моторы, прежде чем вырулить на взлетную полосу аэродрома.

– ПРОШУ ВАС, ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Джейк опустился в ближайшее кресло. Ыш тут же забрался к нему на колени. Роланд тоже сел в кресло, бросив мимолетный взгляд на ледяную фигуру. Ствол револьвера начал уже подтаивать. Капли падали в мелкий фарфоровый резервуар, на котором стояла скульптура.

Эдди с Сюзанной устроились на диване. Его ожидания не обманулись, диван оказался действительно мягким донельзя.

– А мы куда, собственно, едем, Блейн?

Блейн ответил сдержанным голосом терпеливого человека, который знает, что собеседник его умственно неполноценный и что ему надо делать

на это скидку:

– ВДОЛЬ ПУТИ ЛУЧА. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ЗАКОНЧАТСЯ МОИ РЕЛЬСЫ.

– До Темной Башни? – спросил Роланд. Сюзанна вдруг поняла, что стрелок в первый раз обратился к говорливому призраку из машины под Ладом напрямую.

– Только до Топеки, – уточнил Джейк, понизив голос.

– ДА, – подтвердил Блейн. – ТОПЕКА – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ МОЕГО МАРШРУТА. ХОТЯ МЕНЯ УДИВЛЯЕТ, ЧТО ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ.

«Ты так много знаешь о нашем мире, Блейн, – подумал Джейк, – как же так получилось, что при всех твоих обширных познаниях, тебе неизвестно о книжке, которую про тебя написала одна наша писательница? Из-за того, что там имя изменено? Неужели такой простой вещи достаточно, чтобы умная, вроде тебя, машина не смогла углядеть собственной биографии? А как насчет Берил Эванс, той самой писательницы, написавшей про «Чарли Чу-Чу»? Ты был с ней знаком, Блейн? И где она сейчас?»

Хорошие вопросы... но Джейк почему-то решил, что сейчас не самое лучшее время для их выяснения.

Пульсация двигателей нарастала. Слабый толчок – далеко не столь мощный, как взрыв, который потряс Колыбель, когда они садились на поезд – пробежал по полу. Во взгляде Сюзанны мелькнула тревога.

– Вот черт! Эдди! Моя коляска! Мы забыли коляску!

Эдди приобнял ее за плечи.

– Теперь уже поздно, малышка.

В этот миг Блейн Моно медленно тронулся с места, плавно скользя к выезду из Колыбели – в первый раз за последние десять лет... и в последний раз за свою долгую-долгую историю.

– САЛОН ДЛЯ БАРОНОВ ИМЕЕТ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ РЕЖИМ ОБЗОРА, – сообщил Блейн. – ХОТИТЕ, Я ЕГО ВКЛЮЧУ?

Джейк вопросительно поглядел на Роланда, тот лишь плечами пожал и кивнул.

– Да, если можно, – сказал Джейк.

То, что произошло потом, было настолько эффектным и

впечатляющим, что все четверо, потрясенные увиденным, буквально лишились дара речи... хотя Роланд, который плохо разбирался в технике, но зато прожил всю жизнь среди магии и волшебства, удивился чуть меньше других. Когда Блейн сказал про режим обзора, то пассажиры его подумали прежде всего о том, что в стенах вагона откроются окна. На самом деле все было гораздо круче: весь салон – и пол, и потолок, и стены – стал сначала молочного цвета, потом прозрачным и наконец исчез вовсе. За какие-то пять секунд Блейн Моно как бы растворился в пространстве, а у пассажиров его создалось впечатление, что они летят над кварталами Лада без всякой помощи или поддержки.

Сюзанна и Эдди прижались друг к другу, как маленькие дети, повстречавшие на прогулке свирепого злого пса. Ыш залаял и поспешно забрался за пазуху к Джейку. Джейк этого даже и не заметил; вцепившись в подлокотники кресла, он обалдело вертел головой, широко распахнув глаза. Первоначальный его испуг сменился восторженным изумлением.

Вся мебель осталась на месте, равно как и бар, клавишин и ледяная скульптура, созданная Блейном в качестве подарка любезного хозяина дорогим гостям, – но теперь все это как будто парило на высоте футов в семьдесят над центральным районом Лада, окутанным пеленою дождя. В пяти футах слева от Джейка Эдди с Сюзанной, сидя на диване, летели в открытом пространстве; в трех футах справа, расположившись с самым невозмутимым видом в голубом вращающемся кресле, парил над развороченным и пустынным городским пейзажем стрелок. Ноги его с запыленных, выдавших виды сапогах, вытянутые вперед, опирались о пустоту.

Под кроссовками Джейк ощущал пружинистый ковер, однако зрение спорило с осязанием, утверждая, что там, под ногами, нет ничего – ни ковра, ни пола. Оглянувшись через плечо, он увидел, как темная прорезь в стене колыбели медленно отъезжает назад, удаляясь от них.

– Эдди! Сюзанна! Смотрите!

Джейк поднялся с кресла, придерживая рукой Ыша, притаившегося у него за пазухой, и прошелся вперед, медленно ступая по пустоте. Для первого шага ему потребовалось собрать всю свою силу воли, потому что глаза его продолжали настаивать, что между плывущими в воздухе креслами и диванами нет ничего, но потом стало легче – как только Джейк сделал шаг, несомненное ощущение твердой поверхности под ногами придало ему уверенности. Эдди с Сюзанной казалось, что мальчик идет по воздуху, а с обеих сторон мимо него проплывают ветхие тусклые здания города.

– Не надо, малыш, – жалобно пробормотал Эдди. – А то меня сейчас вырвет.

Джейк осторожно достал из-за пазухи Ыша.

– Все в порядке, – подбодрил он ушастика, опуская зверька на пол. – Видишь?

– Ыш! – согласился ушастик, но стоило Ышу лишь раз свесить голову между лап – под ними как раз проплывал городской парк, – как он тут же вскарабкался на ногу к Джейку, устроившись на его кроссовке.

Джейк посмотрел вперед и увидел широкую серую полосу монорельса, поднимавшуюся над городом все выше и выше и терявшуюся вдали в пелене дождя. Опять глянув вниз, он увидел лишь мокрые улицы и сероватую пленку сносимых ветром облаков, опустившихся низко над городом.

– А как получается, что прямо под нами рельса не видно, Блейн?

– ВСЕ, ЧТО ВЫ ВИДИТЕ, ГЕНЕРИРУЕТСЯ КОМПЬЮТЕРОМ, – пояснил Блейн. – КОМПЬЮТЕР СТИРАЕТ ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕЛЬСА В НИЖНЕМ СЕКТОРЕ ОБЗОРА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НАИБОЛЕЕ ПРИЯТНОЙ ДЛЯ ГЛАЗА КАРТИНКИ, РАВНО КАК И ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ИЛЛЮЗИИ ПОЛЕТА.

– Невероятно, – пробормотала Сюзанна. Теперь, когда первый испуг прошел, она принялась жадно оглядываться по сторонам. – Как на ковресамолете. Мне все время кажется, что сейчас должен подняться ветер... и он будет дуть мне в лицо...

– МОЖНО, ЕСЛИ УГОДНО, СОЗДАТЬ И ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ, – сказал Блейн. – КРОМЕ ТОГО, МОЖНО ДОБАВИТЬ И ВЛАЖНОСТИ ВОЗДУХА В СООТВЕТСТВИИ С ТЕКУЩИМИ ВНЕШНИМИ УСЛОВИЯМИ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ, ПРАВДА, МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ В СМЕНЕ ГАРДЕРОБА. НО ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.

– Нет-нет, Блейн, спасибо. Иллюзии – дело хорошее, но не стоит слишком увлекаться.

Поезд промчался мимо квартала высотных зданий, чем-то напомнивших Джейку район Уолл-стрит в Нью-Йорке. Когда они снова выехали на открытое пространство, рельс нырнул под какой-то мост, похожий на эстакаду большого шоссе. Именно в этот момент они заметили пурпурное облако и бегущие от него толпы людей.

– Блейн, что это? – спросил Джейк, хотя и сам уже догадался.

Блейн рассмеялся... но не ответил.

Струи пурпурного пара сочились из решеток на тротуарах и из разбитых окон заброшенных зданий, но в основном этот пар исходил из люков типа того, через который они с Гашером спустились в тоннели под городом. Железные крышки люков снесло взрывной волной, которая сотрясла Колыбель, когда путешественники садились на поезд. Они наблюдали в безмолвном ужасе, как газ цвета свежего кровоподтека расползается по улицам и заваленным мусором переулкам, гоня перед собой, точно скот, толпы жителей Лада, которые не желали еще расставаться с жизнью. В основном, судя по цвету повязок, это были млады, но Джейк заметил и несколько желтых платков. Теперь, когда приближался конец, все позабыли о старой вражде.

Пурпурное облако догоняло уже отстающих – в основном стариков, которые не могли бежать. Они падали на землю, накрытые клубящейся пеленой, и катались по мостовым, хватаясь за горло и беззвучно крича. Из мессива искаженных агонией лиц проступило одно лицо. Глаза умирающего уставились вверх, прямо на Джейка. Джейк увидел, как из этих распахнутых в муке глаз внезапно хлынула кровь, и крепко зажмурился.

Монорельс впереди исчезал в надвигающемся пурпурном тумане. Эдди напрягся и невольно задержал дыхание, когда поезд нырнул в смертоносное облако, но газ, конечно же, лишь обволок гладкий корпус, и не единого дуновения пурпурной смерти, поглощающей город, не просочилось в салон. Глядя на город внизу, можно было подумать, что ты смотришь на ад сквозь залитое кровью стекло.

Сюзанна спрятала лицо у него на груди.

– Верни стены на место, Блейн, – попросил Эдди. – Мы не можем на это смотреть. И не хотим смотреть.

Блейн не ответил. Потолок, стены и пол салона оставались прозрачными. Облако распадалось уже на отдельные рваные клубы алого тумана. Теперь они ехали по району с домами пониже, которые жались друг к другу теснее. Улицы здесь представляли собой беспорядочные и запутанные переулки, где, как говорится, сам черт ногу сломит. В некоторых местах чернели плоские «проплешины»... как будто целые кварталы повыгорели до тла... причем довольно давно, потому что

равнины уже предъявляли свои права на заброшенные людьми территории, погребая обломки под буйной травой, которая в один прекрасный день покроет весь Лад. Так же, как дикие джунгли поглотили великие цивилизации инков и майя, – подумал Эдди. Колесо ка делает оборот, и мир сдвигается с места.

За районом трущоб – а это, вне всяких сомнений, были именно трущобы, причем изначально, еще до того, как Лад погряз в междоусобной войне – возвышалась мерцающая стена. Блейн медленно двигался в том направлении. Они уже различали квадратный проем, вырубленный в белом камне. Монорельс уходил туда – в тоннель темноты.

– ПОСМОТРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В ПЕРЕДНЮЮ ЧАСТЬ КАБИНЫ, – предложил им Блейн.

Они так и сделали. Стена в передней части салона вернулась на место, утратив свою прозрачность – обитый голубоватой материей круг, который, казалось, висел в пустоте. Двери не было. Хотя, может быть, и была, но если он и существовал, проход из «баронского» салона в кабину управления, Эдди его не заметил. Они продолжали смотреть. Буквально у них на глазах прямоугольный участок стены потемнел, превращаясь из голубого в лиловый, а из лилового – в черный. Через мгновение на черном прямоугольнике возникла ломаная световая линия ярко красного цвета. По ней через неравные промежутки шли фиолетовые точки, и прежде чем рядом с точками проступили названия населенных пунктов, Эдди сообразил, что перед ним – карта-схема маршрута вроде тех, которыми увешаны стены станций нью-йоркской подземки и вагоны самих поездов. Рядом с названием «Лад» замигала большая зеленая точка, другая – рядом с «Топекой», конечным пунктом маршрута Блейна.

– ВОТ КАРТА НАШЕГО МАРШРУТА. ХОТЯ, КАК ВЫ ВИДИТЕ, ПУТЬ ИНОЙ РАЗ ПОВОРАЧИВАЕТ И СЛЕГКА ОТКЛОНЯЕТСЯ ОТ ПРЯМОЙ, В ЦЕЛОМ НАШ КУРС ПРОЛЕГАЕТ СТРОГО НА ЮГО-ВОСТОК – ВДОЛЬ ПУТИ ЛУЧА. ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ ПУТИ – ЧУТЬ БОЛЬШЕ ВОСЬМИ ТЫСЯЧ КОЛЕС, ИЛИ СЕМЬ ТЫСЯЧ МИЛЬ, ЕСЛИ ДАННАЯ ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЙ ДЛЯ ВАС ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ. КОГДА-ТО МАРШРУТ БЫЛ КОРОЧЕ, НО ЭТО БЫЛО ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ГИКНУЛАСЬ ВСЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ КОНЬЮГАЦИЯ ЭТОГО МИРА.

– А что это такое, темпоральная конъюгация? – спросила Сюзанна.

Блейн опять разразился своим жутким смехом... но на вопрос не ответил.

– ПРИ МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТИ МЫ ДОСТИГНЕМ

КОНЕЧНОГО ПУНКТА МАРШРУТА ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЧАСОВ Сорок ПЯТЬ МИНУТ.

– Восемьсот с гаком миль в час, – с уважением в голосе произнесла Сюзанна. – Господи Иисусе.

– РАЗУМЕЕТСЯ, Я ИСХОЖУ ИЗ ТОГО, ЧТО НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ МАРШРУТА ПУТЬ НИГДЕ НЕ ПОВРЕЖДЕН. НО ПОСКОЛЬКУ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ Я ВЫЕЗЖАЛ ДЕВЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ТОМУ НАЗАД, Я НИ ЗА ЧТО НЕ МОГУ РУЧАТЬСЯ.

Стена, огораживающая юго-восточную оконечность города, медленно приближалась – высокая, значительной толщины стена, раскрошившаяся в верхней части. Вдоль нее, насколько хватало глаз, валялись скелеты: тысячи и тысячи мертвых ладцев. Проем, по направлению к которому медленно двигался Блейн, представлял собой небольшой тоннель в толще стены футов, как минимум, в двести длиной, а несущая монорельсовый путь эстакада была абсолютно черной, как будто кто-то пытался взорвать или поджечь ее.

– А если путь где-нибудь поврежден? – Эдди поймал себя на том, что до сих пор, обращаясь к Блейну, каждый раз повышает голос, как будто он разговаривает по телефону с отвратительной связью. – Что тогда будет?

– ПРИ СКОРОСТИ ВОСЕМЬСОТ МИЛЬ В ЧАС? – Блейн, кажется, от души забавлялся. – ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

– Да ну тебя! – отмахнулся Эдди. – Только не говори мне, что такая крутая машина, как ты, не имеет возможности определить состояние своих же путей.

– ВОЗМОЖНОСТЬ, КОНЕЧНО, БЫЛА, – согласился Блейн. – НО – УВЫ И АХ! – Я ПЕРЕЖЕГ ЭТИ СХЕМЫ, КАК ТОЛЬКО МЫ ТРОНУЛИСЬ В ПУТЬ.

– Но зачем? – Эдди буквально опешил.

– ПРОСТО ТАК ИНТЕРЕСНЕЕ, ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ?

Эдди, Сюзанна и Джейк обменялись ошеломленными взглядами. Роланд, однако, как будто нисколько не удивился – он продолжал мирно сидеть в своем кресле, сложив руки на коленях и глядя вниз с безмятежным видом на проплывающие в тридцати футах под ними покосившиеся лачуги и полуразрушенные дома.

– СЕЙЧАС, КОГДА БУДЕМ ВЫЕЗЖАТЬ ИЗ ГОРОДА, ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ ПОВНИМАТЕЛЬНЕЕ, – сказал Блейн. – И ЗАПОМНИТЕ ТО, ЧТО УВИДИТЕ. ХОРОШЕНЬКО ЗАПОМНИТЕ.

Невидимый салон для баронов нес их к проему в стене. Поезд плавно

вошел в тоннель, а когда выехал с той стороны, Сюзанна и Эдди вскрикнули в один голос. Джейк, бросив лишь мимолетный взгляд вниз, тут же зажмурился и спрятал лицо в ладонях. Ёш залился безумным лаем.

Роланд смотрел, широко распахнув глаза. Губы стрелка сжались в тонкую линию, больше похожую на бескровный шрам. Как ослепительным белым светом, разум его и душа преисполнились пониманием.

За Великой Стеною Лада начинались уже настоящие мертвые земли.

7

Ближе к проему в стене эстакада, несущая монорельс, резко пошла под уклон и опустилась на высоту не более тридцати футов над землей. Вот почему то, что случилось потом, потрясло четверых пассажиров, повергнув их в шок... потому что когда поезд вынырнул из тоннеля с той стороны, оказалось, что он скользит на умопомрачительной высоте – восемьсот футов, по меньшей мере, когда не вся тысяча.

Роланд оглянулся на стену, которая теперь удалялась от них. Если до этого, с той стороны, когда Блейн приближался к ней, она казалась им очень высокой, то сейчас, когда перспектива сменилась, стена представлялась ничтожной оградкой – расщепленный каменный ноготок, прилепившийся к краю безбрежной стерильной пустыни. Каменные утесы, мокрые от дождя, громоздясь друг на друга, срывались в бездонные пропасти. Прямо под стеной в скалах виднелись большие круглые дыры, похожие на пустые глазницы. Из этих дыр вместе с хлопьями пурпурного тумана изливалась черная вода и текла мерзкими вязкими струями вниз, перекатываясь через гранитные уступы и собираясь в вонючих отстойниках, которые выглядели такими же древними, как и сами скалы. Сюда, наверное, сливаются все городские отходы, – подумал стрелок. Через край – в яму.

Только это была не яма; это была равнина. Казалось, все земли за городом изначально лежали на плоской платформе гигантского подъемника, и в какой-то момент незапамятного туманного прошлого этот подъемник вдруг опустился, унося с собой здоровенный кусок мира. Одиноким путь Блейна, проходящей поверху узенькой эстакады, словно бы зависал в пустоте между просевшей землей и пасмурным небом, затянутом облаками, раздутыми от дождя.

– А что нас держит? – спросила Сюзанна.

– ЛУЧ, РАЗУМЕЕТСЯ, – отозвался Блейн. – КАК ВЫ ЗНАЕТЕ, ЛУЧ УПРАВЛЯЕТ ВСЕМ И ВСЕ СЛУЖИТ ЛУЧУ. ПОСМОТРИТЕ ВНИЗ – Я СЕЙЧАС ВЫВЕДУ НА ЭКРАНЫ НИЖНЕГО СЕКТОРА ЧЕТЫРЕХКРАТНОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ.

Даже Роланда замутило, когда земля под ними неожиданно взмыла вверх, приблизившись к эстакаде. Возникшая в результате картина превосходила в своем уродстве все предыдущие опыты и познания его в области безобразного... а эти познания, как сие ни печально, были весьма обширны. В результате какого-то жуткого катаклизма – из-за которого, надо думать, и перевернулась эта часть мира, вывернувшись наизнанку – вся земля, распростершаяся под ними, была как бы выжжена и расплавлена. Поверхность ее превратилось в застывшее озеро спекшегося черного стекла, вздувшегося пузырями и складками, которые, собственно, и холмами называть было трудно. Между этими складками черная гладь обрывалась вниз, как бы проваливаясь в расщелины и углубления, которые было бы проблематично назвать долинами. Несколько скрюченных низкорослых деревьев тянулись к небу своими голыми изувеченными ветвями; при таком сильном увеличении путешественникам казалось, что это не ветки, а руки безумцев, может быть, буйнопомешанных, которые пытаются их достать. Время от времени на поверхности попадались куски каких-то керамических труб, пробившихся сквозь запекшееся стекло. Большинство либо давно уже вышло из строя, либо просто отключилось, но некоторые из этих труб мерцали таинственным сине-зеленым светом, как будто в недрах земли продолжали работать гигантские горны и печи. Между трубами, набрасываясь иногда друг на друга, летали какие-то странные существа, похожие на птеродактилей, с кожистыми крыльями без перьев и крючковатыми клювами. А над некоторыми из труб кружились целые стаи этих ужасных созданий, согреваясь, наверное, в восходящих от вечных подземных огней потоках тепла.

Они пролетели над вытянувшимся с севера на юг углублением в форме изломанной линии, похожим на русло высохшей реки... только по самому дну его протекал узенький ручеек алого цвета – точно пульсирующая артерия. От главного русла отходили другие притоки-трещины, и Сюзанна, которая читала Толкиена, еще подумала про себя: вот что увидели Фродо и Сэм, когда добрались до сердца Мордора. Это Расселины Смерти.

Прямо под ними взвился к небу яростный фонтан, выплевывая раскаленные обломки скал и сгустки пылающей лавы. На мгновение им показалось, что пламя поглотит их и спалит. Джейк испуганно вскрикнул и поднял ноги в кресло, прижимая Ыша к груди.

– НЕ БОЙСЯ, МАЛЕНЬКИЙ СКИТАЛЕЦ, – ободрил его Блейн протяжным голосом Джона Уэйна. – ТЫ ВСЕ ЭТО ВИДИШЬ ПРИ СИЛЬНОМ УВЕЛИЧЕНИИ.

Пламя угасло. Обломки скал, некоторые размером с дом, беззвучным градом посыпались вниз.

Сюзанна вдруг поняла, что ее затягивает этот мрачный ужас, разворачивающийся под ними, что ее поглощает неодолимое очарование смерти... что она не в силах противиться этим чарам... что темная часть ее личности, та сторона ее кхефа, которую воплощала собой Детта Уокер, уже не просто наблюдает, а впитывает все увиденное, понимает и узнает. В определенном смысле, именно это место, наверное, и искала всегда Детта Уокер: физический аналог ее воспаленного и больного разума и язвительного одинокого сердца. Голые холмы к северу и востоку от Западного моря; дикие дебри лесов вокруг Врат Медведя; мертвые равнины к северо-западу от Сенда – все бледнело перед этим безбрежным и жутким простором предельного опустошения. Они добрались до Отстойника и вышли на мертвые земли. Со всех сторон их окружала отравленная чернота этой вселенской пустоши.

Но земли эти, хотя и отравленные, были не то чтобы совсем мертвы. Время от времени путешественники различали внизу смутные очертания каких-то существ – бесформенных странных созданий, не похожих ни на человека, ни на одно из известных животных, – скачущих и резвящихся посреди обожженных, обуглившихся просторов. Белесые, непоседливые существа, они в основном кучковались поблизости от гигантских труб, торчащих из остекленевшей земли, или на изломах горячих расщелин, прорезавших унылый пейзаж. Даже при четырехкратном увеличении путешественники не сумели как следует их рассмотреть. Никто, однако, не стал сокрушаться по этому поводу.

Среди мелких существ попадались и более крупные: розоватые чудики, похожие чем-то на аистов, а чем-то – на ожившие штативы под фотоаппарат. Эти двигались чинно и медленно, словно в задумчивости – ну прямо священники, размышляющие о неотвратимости проклятия, – время от времени останавливаясь и проворно наклоняясь вперед, чтобы подобрать что-то с земли, как это делают цапли, когда выхватывают из

воды рыбу. Было в них что-то неопишимо мерзкое – как и все остальные, Роланд тут же почувствовал это, – хотя никто бы, наверное, не смог объяснить, почему эти розовые «треноги» вызывают такое чувство. Однако факт оставался фактом: вид этих аистоподобных созданий, даже изысканных, если так можно сказать, в предельной своей тошнотворности, вызывал ощущения самые неприятные. Даже смотреть на них было невыносимо.

– Нет, это не из-за ядерной войны, – сказал Эдди. – Это... это... – Его полный ужаса голос звучал тонко и жалобно, как голос ребенка.

– НЕТ, – подтвердил Блейн. – ВСЕ ЭТО БЫЛО ГОРАЗДО ХУЖЕ, ЧЕМ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА. И ОНО ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ. МЫ ДОСТИГЛИ ТОЙ ТОЧКИ, ГДЕ Я ОБЫЧНО НАЧИНАЮ УСКОРЕНИЕ. ВЫ УВИДЕЛИ ДОСТАТОЧНО?

– Да, – выдохнула Сюзанна. – О Господи, да.

– СТАЛО БЫТЬ, Я МОГУ ОТКЛЮЧАТЬ ОБЗОР? – В голосе Блейна опять зазвучали жестокие нотки издевки. Чудовищный горный крик проступил из пелены дождя на горизонте, его безжизненные вершины вонзались в серое небо, как каменные клыки.

– Можешь включить, можешь выключить, только кончай издеваться, – сказала Роланд.

– ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ КО МНЕ С ПРОСЬБОЙ ОТВЕСТИ ЕГО В НУЖНОЕ МЕСТО, ТЫ КАК-ТО НЕ СЛИШКОМ ЛЮБЕЗЕН, – проворковал бархатным голосом Блейн.

– Но мы заработали эту поездку, – вмешалась Сюзанна. – Ведь мы разгадали твою загадку?

– К тому же, тебя для того и построили, – поддержал ее Эдди. – Чтобы ты возил людей.

Блейн не ответил. Вернее, ответил, но не словами – из динамиков на потолке донеслось пропущенное через усилители шипение разъяренной кошки, и Эдди очень пожалел о том, что не попридержал свой болтливый язык. Салон постепенно терял прозрачность. Вот на полу появился опять голубой ковер, закрывая собой вид на кошмарную пустошь, дымящуюся под ними. Под потолком зажглись лампы, салон наполнился мягким искусственным светом. Иллюзия полета исчезла – они снова сидели в салоне для баронов.

По стенам прошла легкая дрожь, послышался низкий жужжащий гул. Пульсация двигателей начала нарастать. Джейк почувствовал, как невидимая рука мягко вдавила его в спинку кресла. Ыш огляделся, тревожно взвизгнул и принялся облизывать Джейку лицо. На экране в

передней части салона зеленая точка – теперь она слегка сдвинулась к юго-востоку от фиолетового кружка с надписью «ЛАД» – замигала быстрее.

– А мы почувствуем? – спросила явно обеспокоенная Сюзанна. – когда он будет преодолевать сверхзвуковой барьер?

Эдди покачал головой:

– Нет. Расслабься.

– А я кое-что знаю, – неожиданно произнес Джейк. Все повернулись к нему, но он обращался не к ним. Он смотрел на карту маршрута. У Блейна, конечно, не было лица – как Волшебник Изумрудного Города, Оз Великий и Ужасный, он выступал только как бестелесный голос, – но карта вполне его заменяла. – Я кое-что про тебя знаю, Блейн.

– ПРАВДА, МАЛЕНЬКИЙ СКИТАЛЕЦ?

Эдди подался вперед и прошептал Джейку в самое ухо:

– Осторожнее... он, похоже, не знает про другой голос.

Джейк незаметно кивнул и отодвинулся от Эдди, не сводя глаз с карты.

– Я знаю, почему ты выпустил газ и убил всех людей. И почему ты согласился подвезти нас, я тоже знаю. Вовсе не потому, что мы разгадали твою загадку.

Блейн опять рассмеялся своим неестественным, полубезумным смехом (который был хуже в сто раз, чем его неудачные подражания киноактерам или несколько театральные, почему-то казавшиеся ребяческими угрозы), но ничего не сказал. Моторы у них под ногами, видимо, разогревшись до нужного состояния, гудели теперь ровным гулом. Даже при выключенном обзоре ощущение огромной скорости было предельно явным.

– Ты собираешься совершить самоубийство, да? – Джейк держал Ыша на руках и медленно гладил его по спинке. – И хочешь забрать нас с собой.

– Нет! – простонал голосок Маленького Блейна. – Не надо его провоцировать. Если его раздражить, он это точно сделает! Разве ты не понимаешь...

Затем слабенький голосок то ли сам отключился, то ли его заглушил смех Блейна. Смех был высоким, пронзительным и каким-то неровным – так смеется смертельно больной человек в бреду. Свет замигал, как будто на этот чудовищный механический хохот уходило слишком много энергии. Тени путешественников заплясали на изогнутых стенах салона, точно встревоженные привидения.

– ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, – выдавил Блейн сквозь смех. Голос его, как всегда, спокойный, звучал как бы отдельно, словно он шел по другому каналу, что еще больше подчеркивало раздвоение его сознания. – ПОКА, КРОКОДИЛ. НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

Моторы под полом гудели прилежно и ровно. Мерцающая зеленая точка на карте маршрута начала потихоньку, но все же заметно, сдвигаться вдоль светящейся линии в направлении конечного пункта, Топеки, где Блейн Моно – а никто уже в этом не сомневался – собирался лишить себя жизни, прихватив для компании и своих пассажиров.

Наконец жуткий смех прекратился, и свет перестал мигать.

– НЕ ХОТИТЕ ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ? – предложил Блейн. – У МЕНЯ В ФОНОТЕКЕ СЕМЬ ТЫСЯЧ КОНЦЕРТОВ – ПОДБОР ИЗ ТРЕХ СОТЕН УРОВНЕЙ. КОНЦЕРТЫ МНЕ НРАВЯТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО, НО Я МОГУ ПРЕДЛОЖИТЬ ТАКЖЕ СИМФОНИИ, ОПЕРЫ И РАЗНООБРАЗНУЮ ПОПУЛЯРНУЮ МУЗЫКУ НА ЛЮБОЙ ВКУС. ВАМ, МНЕ КАЖЕТСЯ, БЫЛО БЫ ИНТЕРЕСНО ПОСЛУШАТЬ ВАЙ-ГОГ. ВАЙ-ГОГ – ЭТО ТАКОЙ ИНСТРУМЕНТ ТИПА ВОЛЫНКИ. НА НЕМ ИГРАЮТ В ОДНОМ ИЗ ВЕРХНИХ УРОВНЕЙ БАШНИ.

– Вай-гог? – переспросил Джейк.

Блейн промолчал.

– Что ты имеешь в виду – играют в одном из верхних уровней Башни? – любопытствовал Роланд.

Блейн рассмеялся... но не ответил.

– А есть чего-нибудь из «Зи-Зи Топа»? – уныло осведомился Эдди.

– КОНЕЧНО, – ответил Блейн. – КАК НАСЧЕТ «БУГИ-ВУГИ В ПОДЗЕМКЕ», ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Эдди закатил глаза.

– Нетушки, я передумал.

– Но почему? – спросил вдруг Роланд. – Почему ты собрался покончить с собой?

– Потому что он псих, – мрачно пробурчал Джейк.

– ЧТО-ТО МНЕ ВСЕ НАДОЕЛО. СКУЧНО МНЕ, ДЕВИЦЫ. КРОМЕ ТОГО, Я И САМ ПОНИМАЮ ПРЕКРАСНО, ЧТО СТРАДАЮ ОТ ДЕГЕНЕРАТИВНОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ, КОТОРОЕ У ВАС, ЛЮДЕЙ, НАЗЫВАЕТСЯ ПО-РАЗНОМУ: СОЙТИ С УМА, ПОТЕРЯТЬ СВЯЗЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, ЧОКНУТЬСЯ, СЪЕХАТЬ С РЕЗЬБЫ, КРЫША ПОЕХАЛА, НЕ ВСЕ ДОМА И ТАК ДАЛЕЕ. МНОГОКРАТНЫЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ НЕ СМОГЛИ ВЫЯВИТЬ

НИКАКИХ ПРИЧИН. ВЫВОД НАПРАШИВАЕТСЯ САМ СОБОЙ: ЭТО КАКОЕ-ТО УМСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО, ИСПРАВИТЬ КОТОРОЕ Я НЕ МОГУ, ИБО ЭТО ЛЕЖИТ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ МОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Блейн умолк на мгновение, потом продолжил:

– Я ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО СО МНОЙ ЧТО-ТО ТВОРИТСЯ СТРАННОЕ. МОЙ РАССУДОК МЕНЯЕТСЯ. СЛУЖИТЬ ЛЮДЯМ СРЕДИННОГО МИРА – ЕЩЕ МНОГО ВЕКОВ НАЗАД ЭТО СЛУЖЕНИЕ ПОТЕРЯЛО ДЛЯ МЕНЯ ВСЯКИЙ СМЫСЛ. СЛУЖИТЬ ТЕМ НЕМНОГИМ ИЗ ЛАДА, КОТОРЫМ ПОТОМ ДОСТАВАЛО СМЕЛОСТИ ПОДНИМАТЬСЯ КО МНЕ НА БОРТ, ВСКОРЕ СТАЛО КАЗАТЬСЯ ТАКИМ ЖЕ ТУПЫМ ЗАНЯТИЕМ. И ВСЕ ЖЕ Я ПРОДОЛЖАЛ РАБОТАТЬ. Я ВОЗИЛ ИХ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПРИШЕЛ ДЭВИД ШУСТРЫЙ. Я ТОЧНО НЕ ПОМНЮ УЖЕ, КОГДА, ПОМНЮ ТОЛЬКО, ЧТО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НЕ ТАК ДАВНО. ТЫ МОЖЕШЬ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, ЧТО И МАШИНЫ ТОЖЕ СТАРЕЮТ, ВПАДАЯ В СТАРЧЕСКИЙ МАРАЗМ?

– Я не знаю. – Голос Роланда звучал отрешенно, и, раз взглянув на него, Эдди понял, что даже теперь, когда они летят над клубящимся адом на высоте в тысячу футов в плену у машины, которая явно свихнулась, стрелок опять погрузился в раздумья о своей проклятой Башне.

– В ОПРЕДЕЛЕННОМ СМЫСЛЕ, Я ПРОДОЛЖАЛ СЛУЖИТЬ ЖИТЕЛЯМ ЛАДА, – продолжал Блейн. – ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА ВЫПУСТИЛ ГАЗ И УБИЛ ИХ, Я ИМ СЛУЖИЛ.

– Ты и вправду свихнулся, – сказала Сюзанна.

– ДА, Я СВИХНУЛСЯ, НО Я НЕ БЕЗУМЕН, – ответил Блейн и опять рассмеялся. Пронзительно и истерично. А потом механический голос продолжил: – НА КАКОМ-ТО ЭТАПЕ ОНИ ПОЗАБЫЛИ, ЧТО ГОЛОС МОНО – ЭТО ГОЛОС КОМПЬЮТЕРА. ВСКОРЕ ОНИ ПОЗАБЫЛИ, ЧТО Я – ИХ СЛУГА, И НАЧАЛИ МНЕ ПОКЛОНЯТЬСЯ КАК БОГУ. А ПОСКОЛЬКУ МЕНЯ ДЛЯ ТОГО И СОЗДАЛИ, ЧТОБЫ Я СЛУЖИЛ ЛЮДЯМ, Я УДОВЛЕТВОРИЛ ИХ ЗАПРОСЫ И СТАЛ ТЕМ, КЕМ ОНИ ХОТЕЛИ МЕНЯ ВИДЕТЬ – ГОСПОДОМ БОГОМ, ДАРУЮЩИМ МИЛОСТЬ И КАРУ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ... КАК МНЕ КЛЮКНЕТ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ... ИЛИ, ЕСЛИ УГОДНО, ПО ПРИНЦИПУ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВЫБОРА. СНАЧАЛА МЕНЯ ЭТО ЗАБАВЛЯЛО. А ПОТОМ, В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ, ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ ОСТАВШИЙСЯ МОИХ КОЛЛЕГ – ПАТРИЦИЯ – ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ.

Либо он действительно впадает в старческий маразм, – подумала Сюзанна, – либо его неспособность ориентироваться во времени есть один из симптомов его прогрессирующего безумия, либо все это – очередной показатель того, насколько испортился мир Роланда.

– Я СОБИРАЛСЯ ПОСЛЕДОВАТЬ ЕЕ ПРИМЕРУ, НО ТУТ ПОДВЕРНУЛИСЬ ВЫ. ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ ЗАГАДКИ.

– погоди! – перебил его Эдди, поднимая руку. – Я все равно что-то никак не пойму. Твое желание разом покончить во всем и вся я еще, может быть, и могу понять: людей, создававших тебя, больше нет, пассажиров за последние двести-триста лет было не так уж и много, а кататься пустым между Ладом и Топекой и в самом деле, наверное, скучно, но...

– А ТЕПЕРЬ ТЫ ПОГОДИ, ПРИЯТЕЛЬ, – оборвал его Блейн голосом Джона Уэйна. – ТЫ, Я НАДЕЮСЬ, НЕ ДУМАЕШЬ, БУДТО Я – ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПОЕЗД. УЖ ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО, ТОТ БЛЕЙН, С КОТОРЫМ ВЫ СЕЙЧАС ГОВОРИТЕ, ОСТАЛСЯ МИЛЯХ В ТРЕХСТАХ ПОЗАДИ, А СВЯЗЬ С НИМ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ПОСРЕДСТВОМ ШИФРОВАННОЙ МИКРОИМПУЛЬСНОЙ РАДИОПЕРЕДАЧИ.

Джейк неожиданно вспомнил тонкий серебряный стержень, выросший у него на глазах из передней панели Блейна. Точно также на капоте отцовского «мерса» поднималась антенна, когда включали радиоприемник.

«Вот, значит, как он поддерживает связь с банками данных. Компьютер, выходит, остался под городом, – сказал себе Джейк. – Если бы нам удалось как-то сломать антенну...»

– Но ты все равно собираешься покончить с собой, независимо от того, где ты находишься на самом деле? – не унимался Эдди. – Я правильно понимаю?

Никакого ответа – но в воцарившейся тишине было что-то обманчивое, напряженное. Эдди чувствовал, Блейн наблюдает за ними... и ждет.

– Когда мы нашли тебя, ты ведь не спал? – спросила Сюзанна. – Ты не спал, правда?

– Я КРУТИЛ ДЛЯ СЕДЫХ ЗАПИСЬ БОЖЕСТВЕННЫХ БАРАБАНОВ, КАК НАЗЫВАЛИ ИХ МЛАДЫ, НО НЕ БОЛЕЕ ТОГО. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ДРЕМАЛ.

– Тогда почему бы тебе не отвезти нас в Топеку, не высадить нас и не уснуть опять?

– Потому что он псих, – повторил Джейк, понизив голос.

– ПОТОМУ ЧТО ЕСТЬ СНЫ, – одновременно с ним произнес Блейн

голосом, странно похожим на голосок Маленького Блейна.

– А почему ты не кинулся сразу, когда Патриция покончила самоубийством? – спросил Эдди. – Да, кстати, если твой мозг и ее мозг – это части одного и того же компьютера, так чего ж вы не бросились в речку вместе?

– ПАТРИЦИЯ СОШЛА С УМА, – ответил Блейн терпеливым тоном, как будто минутой назад он сам не признался, что он тоже теряет рассудок. – НО В ЕЕ СЛУЧАЕ УМСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО УСУГУБИЛОСЬ ПОЛОМКОЮ ОБОРУДОВАНИЯ. ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ, ЧТО ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НИЗКОСКОРОСТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТАКИЕ ПОЛОМКИ В ПРИНЦИПЕ ИСКЛЮЧЕНЫ, НО, КОНЕЧНО, МИР СДВИНУЛСЯ... ВЕРНО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА?

– Да, – согласился Роланд. – Темная Башня, которая есть центр всего, поражена некоей глубинной болезнью. И она разрастается, точно опухоль. И тому лишнее доказательство – земли под нами.

– Я НЕ СТАНУ РУЧАТЬСЯ ЗА ПРАВИЛЬНОСТЬ ДАННОГО ЗАЯВЛЕНИЯ; МОИ КОНТРОЛЬНЫЕ ДАТЧИКИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ В КРАЙНЕМ МИРЕ, ГДЕ СТОИТ ТЕМНАЯ БАШНЯ, УЖЕ ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ КАК ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО Я УЖЕ НЕ МОГУ РАЗГРАНИЧИТЬ, ГДЕ ФАКТЫ, А ГДЕ СУЕВЕРИЯ. ВПРОЧЕМ, ВРЕМЯ СЕЙЧАС ТАКОЕ, ЧТО БОЛЬШОЙ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ НИМИ НЕТ. ГЛУПО, КОНЕЧНО, ЧЕГО ГОВОРИТЬ – Я УЖ МОЛЧУ ОБ ЭСТЕТИКЕ МЫСЛИ, СЛИШКОМ ВСЕ ЭТО ГРУБО, – И Я УВЕРЕН, ЧТО ДАННЫЙ ФАКТОР ТОЖЕ ЯВИЛСЯ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН МОЕГО УМСТВЕННОГО РАССТРОЙСТВА.

Заявление это напомнило Эдди один разговор. Что-то такое Роланд говорил и совсем недавно. Вот только – что? Он попытался припомнить, но не сумел... в памяти всплыл только смутный образ: стрелок говорит что-то с жаром и с раздражением, что совсем на него не похоже.

– ПАТРИЦИЯ ПОСТОЯННО РЫДАЛА, БЕЗ ОСТАНОВКИ – ПОВЕДЕНИЕ, КОТОРОЕ Я НАХОЖУ В РАВНОЙ СТЕПЕНИ ГРУБЫМ И НЕПРИЯТНЫМ. Я ТАК ДУМАЮ, ОНА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО СУМАСШЕДШЕЙ, НО И ОЧЕНЬ ОДИНОКОЙ. ХОТЯ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ЗАМЫКАНИЯ, КОТОРОЕ, СОБСТВЕННО, И ЯВИЛОСЬ ПРИЧИНОЙ ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ, БЫЛИ УСТРАНЕНЫ ОЧЕНЬ БЫСТРО, ЛОГИЧЕСКИЕ СБОИ ПРОДОЛЖАЛИ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ ПО ВСЕЙ СИСТЕМЕ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ПЕРЕГОРАЛИ ОТ ПЕРЕГРУЗКИ ПЛАТЫ И ВЫХОДИЛИ ИЗ СТРОЯ СУБСХЕМЫ. Я РАССМАТРИВАЛ МНОГИЕ ВАРИАНТЫ. ДУМАЛ

ДАЖЕ, ПУСТЬ ЭТИ ПОЛОМКИ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ НА ВСЮ СИСТЕМУ, НО ПОТОМ ВСЕ ЖЕ РЕШИЛ ВЫЧЛЕНИТЬ И ИЗОЛИРОВАТЬ НЕИСПРАВНУЮ ЗОНУ. ВИДИТЕ ЛИ, ДО МЕНЯ ДОШЛИ СЛУХИ, ЧТО В МИРЕ ОПЯТЬ ПОЯВИЛСЯ СТРЕЛОК. Я, В ОБЩЕМ-ТО, НЕ ОСОБЕННО ИМ ДОВЕРЯЛ, ЭТИМ СЛУХАМ, НО, КАК ТЕПЕРЬ ВЫЯСНИЛОСЬ, Я БЫЛ ПРАВ, КОГДА РЕШИЛ ПОДОЖДАТЬ.

Роланд заерзал в кресле.

– Что это были за слухи, Блейн? И кто их тебе передал?

Блейн, однако, предпочел не отвечать.

– В КОНЦЕ КОНЦОВ МНЕ НАДОЕЛО ЕЕ ПОСТОЯННОЕ НЫТЬЕ, И Я СТЕР У НЕЕ ПРОГРАММУ, КОНТРОЛИРУЮЩУЮ СПОНТАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ЕЕ ЭМАНСИПИРОВАЛ, ОСВОБОДИВ ЕЕ ВОЛЮ. В ОТВЕТ ОНА БРОСИЛАСЬ В РЕКУ. ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ПАТРИЦИЯ-ГАТОР. ПОКА, КРОКОДИЛ.

«Ей было плохо и одиноко, она плакала и рыдала и в конце концов утопилась, а этому гаду, чурбану механическому, все шуточки, – подумала про себя Сюзанна. Ее едва ли не тошнило от ярости. Если бы Блейн был каким-нибудь мужиком, а не набором электронных схем, спрятанных глубоко под городом, который к тому же остался теперь далеко позади, она бы в рожу ему вцепилась и уж постаралась бы оставить пару отметин – просто чтобы он помнил Патрицию. – Тебе захотелось чего-нибудь интересненького, мудила? Я тебе покажу интересненькое, вот увидишь».

– ЗАГАДАЙТЕ МНЕ ЗАГАДКУ, – потребовал Блейн.

– Погоди, еще рано, – ответил Эдди. – Ты еще не ответил на мой предыдущий вопрос. – Он дал Блейну несколько секунд для ответа, но тот молчал, так что Эдди продолжил: – Мы говорили о самоубийстве, а я, можно сказать, в этом деле профессионал. Но почему тебе взбренило нас с собой прихватить? Я имею в виду, какой смысл? Тебе это зачем?

– Потому что ему так хочется, – подсказал Маленький Блейн своим тихим испуганным шепотом.

– ПОТОМУ ЧТО МНЕ ТАК ЗАХОТЕЛОСЬ, – ответил Блейн. – ЭТО ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИЧИНА, И ДРУГОЙ, СОБСТВЕННО, МНЕ И НЕ НУЖНО. А ТЕПЕРЬ ПЕРЕЙДЕМ К ДЕЛУ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ МНЕ ЗАГАДАЛИ ЗАГАДКУ. ПРИЧЕМ НЕМЕДЛЕННО. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ Я НЕ СТАНУ ЖДАТЬ ДО ТОПЕКИ, А ПОКОНЧУ СО ВСЕМИ НАМИ ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Эдди, Сюзанна и Джейк посмотрели на Роланда, который по – прежнему сидел в своем кресле с самым что ни на есть безмятежным видом, сложив руки на коленях и глядя на карту маршрута в передней части

салона.

– А пошел ты... – проговорил Роланд, не повышая голоса. Таким же тоном он мог бы сказать, что неплохо было бы послушать немного вайгога.

Из динамиков наверху сорвался потрясенный испуганный вздох. Это был Маленький Блейн.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? – проревел Блейн, не веря своим ушам. В предельной ярости голос его опять стал похож на голосок его маленького двойника, о существовании которого он даже и не подозревал.

– Я сказал, пошел ты... – спокойно повторил Роланд, – но если тебе непонятно, что я имею в виду, я могу выразиться по-другому. Нет. Мой ответ – нет.

10

Блейн – оба Блейна, Большой и Маленький – замолчал надолго, а когда Большой Блейн все же решил ответить, он ответил не с помощью слов. Вместо этого стены, пол и потолок салона снова стали бледнеть, обретая прозрачность. Уже через десять секунд салон для баронов исчез. Теперь поезд мчался сквозь горный кряж, который они видели на горизонте; голые серые скалы неслись на них с самоубийственной скоростью, но вскоре они расступились, и за ними открылась долины, бесплодные пустоши, по которым, как сухопутные черепахи, ползали какие-то гигантские жуки. Роланд увидел, как из пещеры выползло, извиваясь, нечто похожее на громадную змею. Ухватив одного из жуков, оно утащило его в свое логово. Роланд в жизни не видел таких существ. И такого пейзажа. Его всего аж передернуло. По спине побежал холодок. Местность казалась предельно враждебной, но дело было даже не в этом. Она казалась чужой – и была чужой, вот в чем дело. Как будто Блейн перенес их в какой-то совсем другой мир.

– МОЖЕТ БЫТЬ, СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ СОЙТИ С РЕЛЬСА ЗДЕСЬ, – задумчиво произнес Блейн, но под кажущимся его спокойствием Роланд уловил нотки неистовой ярости.

– Может быть, – отозвался стрелок безразличным тоном.

Но на самом-то деле ему было вовсе не безразлично, и он понимал, что компьютер способен, проанализировав голос, проникнуть в истинные его чувства – Блейн сообщил им, что располагает всем необходимым для этого

оборудованием, и хотя Роланд не исключал и такую возможность, что компьютер способен солгать, в данном случае у него не было никаких причин для сомнений. Если Блейн уловил хотя бы малейшую напряженность в голосе стрелка, игра, вероятно, уже закончилась. Блейн чертовски умная машина... но все-таки он машина. Может быть, он не способен понять, что человеческие существа иной раз решаются на поступки, против которых восстают их чувства и разум. Если, проанализировав голос стрелка, Блейн учует какие-то признаки страха, он, скорее всего, решит, что Роланд блефует. А такая ошибка может стоить им всем жизни.

– ТЫ НАХАЛЬНЫЙ И ГРУБЫЙ, – сообщил неожиданно Блейн. – С ТВОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ, И ИНТЕРЕСНО, НО У МЕНЯ ЕСТЬ НА ЭТОТ СЧЕТ СВОЕ МНЕНИЕ.

Эдди не на шутку перепугался. Беззвучно, одними губами, он прошептал: «Что ты ДЕЛАЕШЬ?», но Роланд не обратил на него внимания; противостояние его с Блейном, похоже, достигло уже высшей точки, к тому же он понимал прекрасно, что делает.

– О-о, я могу быть еще грубее.

Роланд из Гилеада снял руки с колен и медленно поднялся с кресла, выпрямившись в полный рост. Он, казалось, стоял в пустоте, широко расставив ноги, уперев правую руку в бедро и держа левую на сандаловой рукояти револьвера. Он стоял так, как ему приходилось стоять много раз – на запыленных улицах сотни забытых селений, в каменистых каньонах, где убивают за нечего делать, в неподдающихся исчислению темных салунах, где всегда пахнет горьким ядреным пивом и застарелым, слегка подгоревшим жиром. Для него это была просто еще одна стычка с очередным противником на еще одной темной пустынной улице – и не более того. Но и этого было достаточно. Это кхеф, ка и ка-тет. Эти стычки, которые были всегда и будут, являлись сосредоточием всей его жизни – той осью, вокруг которой вращается его ка. То, что на этот раз, в этой схватке, вместо пуль будут слова, не имело значения; все равно битва ему предстоит не на жизнь, а на смерть. Витавший в воздухе запах смерти ощущался столь же отчетливо и определенно, как запах мертвого газа, взорвавшегося на болоте. А потом, как всегда, накатила волна боевого запала... алой ярости, поглощающей все... и Роланд весь преобразился. Он как будто шагнул за пределы возможного и перестал быть таким, каким они знали его.

– Я могу обозвать тебя бесчувственным, пустоголовым, тупым и заносчивым механизмом. Я могу обозвать тебя глупым, безмозглым

созданием, чей рассудок – не более чем завывания зимнего ветра в дупле мертвого дерева.

– ПРЕКРАТИ.

Роланд продолжал говорить тем же спокойным и невозмутимым тоном, не обращая внимания на реплику Блейна:

– Но к сожалению, я не могу тебе выдать по полной программе и нагрубить как положено, поскольку ты всего лишь машина... как говорит Эдди, «железка».

– Я НЕ ПРОСТО КАКАЯ-ТО ТАМ...

– Я, например, не могу обозвать тебя хуесосом, потому как у тебя нет ни рта, ни того, что сосут. Я не могу, например, сказать, что ты гаже самого гадкого попрошайки из тех, что когда-либо ползали, пресмыкаясь на брюхе, в сточных канавах самых грязных и мерзких улиц на свете, потому что даже такое отребье все-таки лучше тебя; у тебя нет колен, чтобы ползать на них, но даже если бы они у тебя и были, ты все равно бы не встал на колени, потому что тебе не знакомо само понятие о таком человеческом недостатке как жалость. Я не могу даже сказать, что ты имел свою мать, потому что у тебя ее не было.

Роланд умолк на мгновение, чтобы перевести дух. Эдди, Сюзанна и Джейк затаили дыхание. От гробового молчания Блейна в воздухе вдруг стало душно.

– Но зато я могу сказать, что ты бездушное существо, вероломное и не заслуживающее доверия. У тебя был единственный друг, и ты хладнокровно позволил ей покончить с собой. Ты – трус, который находит себе удовольствия, мучая одураченных и запутавшихся и убивая невинных, растерянный нытик, большой механический гоблин, который...

– ПРЕКРАТИ, Я ПРИКАЗЫВАЮ, ИНАЧЕ Я ВСЕХ ВАС УБЬЮ. СЕЙЧАС ЖЕ.

Глаза стрелка вспыхнули синим огнем, таким диким, таким неистовым, что Эдди невольно отпрянул. Сюзанна и Джейк аж задохнулись от изумления.

– Убивай, если хочешь, только не смей мне приказывать! – прорычал Роланд. – Ты забыл лица тех, кто создал тебя! А теперь либо убей нас, как ты грозишься, либо заткнись и слушай меня, Роланда из Гиледа, сына Стивена, стрелка и повелителя древних земель! Я прошел столько миль и прожил столько лет вовсе не для того, чтобы выслушивать твой детский лепет! Ты меня понял? Теперь ты будешь слушать МЕНЯ!

Напряженная тишина как будто зависла в воздухе. Все затаили дыхание. Роланд угрюмо смотрел прямо перед собой, высоко подняв голову

и держа руку на рукояти револьвера.

Сюзанна поднесла руку ко рту и нащупала на губах улыбку – так женщина безотчетно поправляет новый, несколько для нее не привычный предмет туалета, например, шляпку, проверяя, хорошо ли она сидит. Она опасалась, что эти мгновения – последние в ее жизни, но преобладающим чувством из переполнявших ее сейчас, был почему-то не страх, а гордость. Бросив взгляд влево, она увидела, что Эдди во все глаза смотрит на Роланда и улыбается тоже. Джейк глядел на Роланда с одним выражением: это было простое и искреннее обожание в чистом виде.

– Скажите ему! – выдохнул Джейк. – Так его! Пусть обтекает!

– Я бы тебе посоветовал слушать внимательно, Блейн, – сказал Эдди. – Он еще и не на такое способен. Не зря же его называли Бешеным Псом Гилеада.

Молчание затянулось опять. Наконец Блейн спросил:

– ТЕБЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК НАЗЫВАЛИ, РОЛАНД СЫН СТИВЕНА?

– Может, и так, – согласился Роланд, спокойно стоя в пустом пространстве над безжизненными холмами.

– А КАКОЙ МНЕ ОТ ВАС ПРОК, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ЗАГАДОК? – Теперь в голосе Блейна явственно сквозили интонации капризного, надувшегося ребенка, засидевшегося допоздна, когда мама с папой ему разрешили лечь спать чуть попозже.

– Почему же не будет? Я этого не говорил, – отозвался Роланд.

– НЕТ? – переспросил Блейн в явном недоумении. – ЧТО-ТО Я НЕ ПОНИМАЮ, ХОТЯ АНАЛИЗ ГОЛОСОВОГО ОТПЕЧАТКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ПРАВДИВОСТИ СКАЗАННОГО. ПРОШУ ПОЯСНИТЬ.

– Ты сказал, что ты хочешь загадки немедленно, – объяснил стрелок. – Когда я сказал «нет», я имел в виду только то, что загадки пока подождут, а не то, что мы вообще их не будем загадывать. А ты в своем нетерпении повел себя просто неподобающе.

– НЕ ПОНИМАЮ.

– Ты вел себя грубо. Это-то ты понимаешь?

Блейн на мгновение задумался.

– ЕСЛИ Я НАГРУБИЛ ТЕБЕ, Я ПРИНОШУ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ.

– Я принимаю их, Блейн. Но проблема не в этом.

– ОБЪЯСНИ.

Теперь в голосе Блейна явственно слышались нотки некоторой неуверенности в себе, и Роланда это не удивило. Уже много лет этот

компьютер не сталкивался с проявлениями человеческого характера, если, конечно, не брать в расчет невежество, пренебрежение и суеверное раболепие. Если ему и приходилось встречаться с простой человеческой смелостью, то это было давным-давно.

– Верни стены, и я объясню. – Роланд спокойно сел в кресло, как будто о дальнейших препирательствах – не говоря уже о перспективе немедленной смерти – не могло быть и речи.

Блейн безропотно подчинился. Стены вновь потеряли прозрачность. Кошмарный пейзаж исчез. Зеленая точка на карте маршрута мигала уже совсем рядом с кружком с надписью «Кандлетон».

– Вот так-то лучше, – сказал Роланд. – Грубость – порок прощительный, Блейн; меня так учили в детстве, и глина высохла в оттиках, оставленных рукой ваятеля. Но меня также учили, что глупость прощать нельзя.

– В ЧЕМ БЫЛА МОЯ ГЛУПОСТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА? – В тихом голосе Блейна сквозила угроза. Сюзанне внезапно представилась кошка, затаившаяся у мышиной норы: хвост подергивается из стороны в сторону, зеленые глаза горят.

– Тебе кое-что нужно, у нас это есть, – пояснил Роланд, – мы готовы с тобой поделиться, чтобы ты получил, что хочешь. А что ты нам предлагаешь взамен? Смерть. Это очень глупо.

Тишина воцарилась надолго – Блейн размышлял над услышанным.

– ТЫ ВСЕ ВЕРНО СЕЙЧАС СКАЗАЛ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, – наконец разродился он. – НО ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО, КАКИЕ У ВАС ЗАГАДКИ. БЫТЬ МОЖЕТ, ДУРАЦКИЕ. А Я НЕ НАМЕРЕН ДАРИТЬ ВАМ ЖИЗНЬ В ОТВЕТ НА ДУРАЦКИЕ ЗАГАДКИ.

Роланд кивнул:

– Я тебя понимаю, Блейн. Теперь послушай меня и тоже попытайся понять. Моим друзьям я уже кое-что из этого рассказывал. Когда я был еще маленьким, у нас, в баронетстве Гилеад, каждый год проходило семь больших ярмарок: в честь Зимы, в честь Широкой Земли, на Первый Сев, Летнее Солнцестояние, в честь Полной Земли, Первой Жатвы и Конца Года. Состязание по загадкам проводилось на каждой ярмарке, и это было большое событие всегда, но особенно – на ярмарках Широкой и Полной Земли, потому что считалось, что загаданные там загадки влияют на рост посевов: если они хороши, урожай тоже будет хорошим, если они так себе, то и жатва потом будет скудной.

– ЭТО ВСЕ СУЕВЕРИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПОД СОБОЙ НИКАКОГО ФАКТИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ, – заметил Блейн. – МЕНЯ ПОДОБНЫЙ

ПОДХОД ПРОСТО БЕСИТ.

– Ну да, суеверие, я согласен, – сказал Роланд, – но ты бы очень удивился, узнав, насколько точно загадки предсказывали урожай. Вот, например, разгадай мне такую, Блейн: На бал кони ходят?

– СТАРО И НЕНОВО, К ТОМУ ЖЕ НЕ ОЧЕНЬ-ТО ИНТЕРЕСНО, – мгновенно ответил Блейн, хотя, чувствовалось, он все равно был рад, что ему загадали загадку и дали возможность ее разгадать. Хоть что-то. – НА БАЛКОНЕ ХОДЯТ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА ФОНЕТИЧЕСКОМ СОЗВУЧИИ. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПОДОБНОГО РОДА – ОНА ИЗВЕСТНА НА УРОВНЕ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕНО БАРОНЕТСТВО НЬЮ-ЙОРК: ЧТО ДЕЛАЛ СЛОН, КОГДА ШЕЛ НАПОЛЕОН?

– Эту я знаю, – подал голос Джейк. – Как раз в этом году нам ее загадала наша учительница по английскому. Когда слон шел на поле, он кушал травку.

– ДА, – согласился Блейн. – ОЧЕНЬ ГЛУПАЯ ЗАГАДКА. ДУРАЦКАЯ.

– Хоть в одном я с тобою согласен, Блейн, старина, – сказал Эдди.

– Я ХОТЕЛ БЫ ПОСЛУШАТЬ ЕЩЕ О ЗАГАДКАХ НА ЯРМАРКАХ В ГИЛЕАДЕ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА. МНЕ ИНТЕРЕСНО.

– Ровно в полдень на ярмарках в честь Широкой и Полной Земель соревнующиеся, от шестнадцати до тридцати человек, собирались в Зале Праотцев, который в честь такого события открывали для всех. Только в эти два дня в году простолюдинам – торговцам, фермерам, скотоводам – разрешалось входить в Зал Праотцов, и они приходили все.

Взгляд стрелка стал мечтательным и отрешенным; таким Джейк уже видел его – в той, другой, смутной жизни, – когда Роланд рассказывал, как однажды они с друзьями, Катбертом и Жами, тайком пробрались на балкон этого самого Зала, чтобы посмотреть на какой-то там ритуальный танец. Они тогда поднимались в горы, Роланд и Джейк, преследуя Уолтера.

«Мартен сидел рядом с моими родителями, – говорил тогда Роланд. – Я их узнал даже с такой высоты – а потом мать с Мартенем пошли танцевать... они танцевали, медленно кружась, и все расступились, освобождая им место, и аплодировали, когда танец закончился. Им все аплодировали. Но стрелки – нет...»

Джейк с любопытством смотрел на Роланда, в который раз задаваясь вопросом, откуда же он появился, этот странный человек, такой спокойный и отрешенный. Откуда... и почему?

– В центре зала ставили большую бочку, – продолжал Роланд, – и каждый бросал туда кусочки коры с написанными на них загадками. Всякими разными: старыми, услышанными от родителей или дедов... или

даже взятыми из книг... или же абсолютно новыми, придуманными специально для этого случая. Трое судей, один из которых обязательно был стрелком, вынимали кусочки коры и оглашали загадки вслух, предварительно их проверив. Потому что загадки на состязаниях принимались только в том случае, если они были честными.

– ДА, ЗАГАДКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧЕСТНЫМИ, – согласился Блейн.

– В общем, они отгадывали загадки, – продолжил стрелок, улыбаясь при воспоминании о тех днях, когда ему самому было столько же лет, сколько этому мальчику, который сидел сейчас рядом с ним, держа на коленях ушастика. – Час за часом. До вечера. соревнующиеся выстраивались в линию в центре Зала Праотцов. Место каждого определялось по жребию, и поскольку места в конце очереди были лучше, чем в начале, то каждый надеялся вытянуть больший номер, хотя для того, чтобы стать победителем, требовалось разгадать, как минимум, одну загадку.

– КОНЕЧНО.

– Каждый мужчина или каждая женщина – потому что в числе лучших отгадчиков Гилеада были и женщины – подходили по очереди к этой бочке, доставали оттуда кусочек коры с загадкой и передавали его Мастеру. Мастер читал загадку, и если соревнующийся не отвечал на нее в течение трех минут, пока не кончится песок в песочных часах, он выбывал из состязания.

– И ТУ ЖЕ ЗАГАДКУ ЗАДАВАЛИ СЛЕДУЮЩЕМУ ПРЕТЕНДЕНТУ?

– Да.

– ТО ЕСТЬ, ОН, ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПОЛУЧАЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

– Да.

– ПОНИМАЮ. ВОТ ЭТО КРУТНЯК.

Роланд нахмурился.

– Крутняк?

– Он хочет сказать, забавно, – пояснила Сюзанна.

Роланд пожал плечами.

– Забавней всего было зрителям, но участники соревнования воспринимали все это очень серьезно, и часто по окончании состязания, после вручения приза, у них возникали споры и даже стычки.

– А КАКОВ ЖЕ БЫЛ ПРИЗ?

– Гусь. Самый большой в баронетстве. И год за годом этого гуся уносил мой учитель Корт.

– НАВЕРНОЕ, ОН БЫЛ ВЕЛИКИМ ОТГАДЧИКОМ, – заметил Блейн уважительно. – ЖАЛЬ, ЧТО ЕГО ЗДЕСЬ НЕТ.

«Ты как мои мысли читаешь», – подумал Роланд.

– А теперь я хочу сделать тебе одно предложение, – сказал он.

– Я ТЕБЯ СЛУШАЮ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

– Пусть оставшиеся до Топеки часы станут как бы нашей ярмаркой. Ты не будешь загадывать нам загадки, потому что, как я понимаю, тебе интересно услышать новые, а не пересказывать старые, которые ты уже знаешь...

– ВСЕ ВЕРНО.

– Все равно мы не решили бы и половины твоих загадок, – продолжал Роланд. – Я уверен, ты знаешь немало таких, на которых зарезался бы даже Корт, если бы вытащил их из бочки. – На самом деле стрелок был уверен, что для Корта любая загадка, как говорится, раз плюнуть, но время махать кулаками прошло, настало время протянуть раскрытую ладонь.

– КОНЕЧНО, – скромно согласился Блейн.

– Так вот, я предлагаю, чтобы в качестве приза у нас был не гусь, а наши жизни, – сказал Роланд. – Пока мы едем, мы будем загадывать тебе загадки, Блейн. Если к тому моменту, когда мы прибудем в Топеку, ты разгадаешь их все до единой, тогда можешь исполнить свой первоначальный замысел и убить себя вместе с нами. Это будет твой гусь. Но если мы выиграем у тебя... если найдется такая загадка, в книге ли Джейка, в голове ли кого-то из нас, которую ты разгадать не сможешь... ты отвезешь нас в Топеку и выпустишь, чтобы мы шли своею дорогой. Это будет наш гусь.

Тишина.

– Ты меня понял?

– ДА.

– Ты согласен?

Опять тишина. Эдди застыл в напряженной позе, обнимая Сюзанну за плечи и глядя на потолок салона для баронов. Сюзанна безотчетно провела левой рукой себе по животу. Она думала о своем секрете, который, по всей видимости, созрел внутри. Джейк легонько поглаживал Ыша по спинке, стараясь не задевать участки, покрытые корками спекшейся крови – места, куда его били. Они молча ждали, пока Блейн – настоящий Блейн, оставшийся далеко позади, живущий своей псевдо-жизнью под городом, все население которого сам же он и уничтожил – раздумывал над предложением Роланда.

– ДА, – наконец вымолвил Блейн. – Я СОГЛАСЕН. ЕСЛИ Я ОТГАДАЮ ВСЕ ВАШИ ЗАГАДКИ, Я ЗАБЕРУ ВАС С СОБОЮ В ТО МЕСТО, ГДЕ НА ПОЛЯНЕ КОНЧАЕТСЯ ПУТЬ. ЕСЛИ ЖЕ КТО-ТО ИЗ ВАС ЗАГАДАЕТ ЗАГАДКУ, КОТОРУЮ Я НЕ СМОГУ РАЗГАДАТЬ, Я СОХРАНЮ ВАМ ЖИЗНЬ И ОТВЕЗУ В ТОПЕКУ, ГДЕ ВЫ СПОКОЙНО СОЙДЕТЕ С ПОЕЗДА И ОТПРАВИТЕСЬ ДАЛЬШЕ НА ПОИСКИ ТЕМНОЙ БАШНИ. Я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛ УСЛОВИЯ ТВОЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

– Да.

– ХОРОШО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ХОРОШО, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ХОРОШО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ХОРОШО, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ХОРОШО, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА.

При звуке своего имени Ыш на мгновение приподнял мордочку.

– ВЫ – КА-ТЕТ: ЕДИНСТВО ИЗ МНОЖЕСТВА. Я ТОЖЕ. ЧЕЙ КАК-ТЕТ СИЛЬНЕЕ – ЭТО НАМ И ПРЕДСТОИТ СЕЙЧАС ВЫЯСНИТЬ.

Он на мгновение умолк. В тишине раздавался лишь гул моторов, несущих их через мертвые земли к Топеке – к тому самому месту, где кончается Срединный Мир и начинается Крайний.

– ИТАК, – торжественно провозгласил Блейн, – ЗАБРАСЫВАЙТЕ ВАШИ СЕТИ, СКИТАЛЬЦЫ. ИСПЫТАЙТЕ МЕНЯ – ЗАГАДЫВАЙТЕ СВОИ ЗАГАДКИ. ПУСТЬ СОСТЯЗАНИЕ НАЧНЕТСЯ.

Послесловие автора

Четвертый том повествования о Темной Башне должен увидеть свет – при том условии, что жизнь писателя и читательский интерес останутся неизменными – уже в обозримом будущем. Трудно сказать, когда именно; мне всегда было непросто отыскать двери в мир Роланда, и мне все трудней с каждым разом подбирать ключи, так чтобы они подходили к замкам. Но тем не менее, раз уж читатель требует четвертый том, читатель его получит, потому что я пока в состоянии найти мир Роланда, стоит мне только на это настроиться, и он до сих пор еще не утратил для меня своего пленительного очарования... и это действительно так, в особенности по сравнению с другими мирами, которые я посещал в своем воображении. И, подобно таинственным низкоскоростным моторам, эта история набирает свой собственный, нарастающий, ритм.

Я понимаю прекрасно, что некоторые читатели «Мертвых земель» будут ужасно разочарованы таким окончанием книги, когда столько всего не разрешено. Мне самому было не слишком приятно оставлять Роланда и его друзей на попечении Блейна Моно, персоны, понятное дело, неласковой, и хотя вы совсем не обязаны верить мне, я признаюсь, что и сам удивился тому, как закончился этот том. Удивился, наверное, не меньше читателя. Есть книги, которые пишутся сами собой (или пишут сами себя, как вам будет угодно – а эта книга как раз из тех, большей частью), и лучше всего дать им закончиться так, как они сами того хотят. А я могу только заверить тебя, Читатель, что Роланд и его друзья подошли к одной из поворотных точек своей истории. Они стоят сейчас на границе, где мы пока что оставим их ненадолго у таможенного барьера, чтобы они спокойно заполнили документы и ответили на вопросы. Этой обширной метафорой я всего лишь хотел сказать, что я решил пока отдохнуть от Роландова мира и что сердце мое оказалось достаточно мудрым и прозорливым, чтобы пресечь все мои попытки двинуться, через силу, дальше.

Пока неясно, о чем будет следующий том, хотя могу вас заверить, что ситуация с Блейном Моно обязательно разрешится, что мы узнаем кое-что новое о жизни Роланда в Гилеаде, когда он был еще совсем юным, и снова встретимся с Тик-Таком и этим загадочным персонажем, Уолтером, которого называют еще Мудрецом или Вечным Незнакомцем. Именно с упоминания об этой таинственной жуткой личности Роберт Браунинг начинает свою эпическую поэму «Чайльд Роланд к Темной Башне

пришел»:

Первое, что я подумал: он лжет каждым словом,
Этот убогий калека со злыми глазами,
Каковые следят за деяниями ложных его уверений,
Или ложных моих уверений, чьи губы кривятся,
Едва подавляя ухмылку, когда он предчувствует
Приближение жервы – очередной.

Именно этот коварный и злобный лжец, этот темный могущественный
волшебник хранит ключ от Крайнего Мира и Темной Башни... для того, у
кого хватит мужества, чтобы отнять его.

И для тех, кто остается.

Стивен Кинг

Бангор, штат Мэн

5 марта 1991 года.

notes

Примечания

Шейн - герой одноименного классического вестерна, стрелок. *Примеч.*
DoctorZ.

Аллюзия на вестерн Дж.Р. Хилла "Бутч Кэссиди и Санденс Кид".
Примеч. DoctorZ.

Я думаю, Джон сошел с ума... понимаете? (фр.) – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

4

Tower – по-английски «башня».

Негритянский духовный гимн.

Итальянские вестерны в Америке в шутку называют "спагетти-вестернами"